КЪ АНАЛИЗУ

ОСНОВНЫХЪ ПОНЯТІЙ

ЮРИСПРУДЕНЦІИ.

Latet dolus in generalibus.

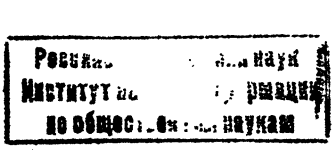
It is the first step that tells in errors of thought as in errors of conduct.

В. Д. Катковъ.

ХАРЬКОВЪ.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева», Гончаровскій бул., д. Т-ва, № 6/2.
1903

10к

На основаніи ст. 41, § 1, п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать разрѣшается. Апрѣля 28 дня 1903 года. И. д. Ректора Университета **М. Ломиковскій**



КЪ АНАЛИЗУ

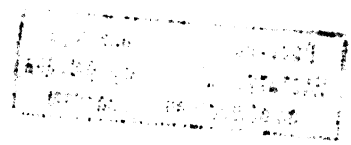
ОСНОВНЫХЪ ПОНЯТІЙ

ЮРИСПРУДЕНЦІИ.

Latet dolus in generalibus.

It is the first step that tells in errors of thought as in errors of conduct.

Б. Д. Катковъ.



2 экз

„Есть люди разумные, не знающіе логики, равно какъ есть пѣвцы, не знающіе музыки. Но если бы люди хотѣли изучать логику съ такимъ же прилежаніемъ, съ какимъ изучаютъ музыку и пѣніе, они совершали бы чудеса". Лейбницъ.

Мыслить, практически, значитъ говорить съ собою звуковыми, зрительными или иными образами. Мышленіе философа или народа познается нами изъ ихъ рѣчи или иного воплощенія. *Рѣчь играетъ необыкновенно важную роль въ мышленіи.* Самые молчаливые люди—самые болтливые. Практически мы не можемъ раздѣлить рѣчь и мышленіе, а потому и не можемъ разсматривать мысль самоё по себѣ. О мысли мы судимъ лишь по тому или иному ея выраженію.

(Платонъ, Аристотель, Гоббесъ, Локкъ, Беркли, Юмъ, Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Лейбницъ, Гердеръ, Шлеиермахеръ, В. Гумбольдтъ, Мансель, Джевонсъ, Эгжеръ, Гимильтонъ, Д. С. Милль, В. Вундтъ, Рише, Уэтли, Томсонъ, Фаулеръ, Сѣченовъ, Потебня.....Ср. Макса Мюллера, „Науки о мысли", The science of thought, 30—64, 514, 515, 549, и др. мѣста съ цитированными тамъ мыслителями).

„Мнѣ кажется, что во всей нашей философіи больше рѣчи, чѣмъ разума" (Hamann, цит. изъ М. Мюллера, ор. *c.*, 44).

„Больше всего мѣшаетъ познанію истины то, что всѣ люди полагаютъ, будто они думаютъ, тогда какъ они только говорятъ"....
(Mauthner, Beiträge zu einer Kritik der Sprache, I, 164).

Россий... ...к наук
Институт... ...рмации
по общест...наук

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЯ РУССКОЙ РѢЧИ-МЫШЛЕНІЯ

профессора А. А. Потебни

— и —

великому, первому и лучшему учителю, создателю родного языка,

РУССКОМУ НАРОДУ.

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.....
Не поймет и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Тютчевъ.

„Слово съ самаго своего рожденія есть для говорящаго средство понимать себя..... Языкъ есть средство понимать самого себя. Понимать себя можно въ разной мѣрѣ“..... Потебня „Мысль и языкъ“, 143, 145.

.....Die ganze Doctorfrage kann nicht entschieden werden, solange nicht die alte mythologische Jurisprudenz mit ihrer noch mythologischern Terminologie zertrümmert ist, solange nicht zwischen den philosophierenden Menschen ein Vertändigungsmittel besteht, wie die Alltagssprache zwischen den handeltreibenden Menschen. (Cp. Mauthner, Krit. der Sprache, I, 205).

«L'idée.....si familière à tout le monde, se trouve tellement obscurcie dans ce funeste et absurde système de jurisprudence, que les jurisconsultes, qui n'ont cessé de l'expliquer, sentent toujours le besoin d'explications nouvelles. Ils entassent en vain volume sur volume: jamais la lumière ne sortira de ce chaos.

Tout est ici à refaire: une langue prétendue savante à désapprendre; une langue simple et familière à enseigner. Mais ceux qui ne savent rien ont une avance de plus de moitié sur ceux qui ont à oublier ce que les jurisconsultes appellent entre eux du nom de *Science*. (Jérémie Bentham, Oeuvres, 1840, т. 1, стр. 322).

Оглавленіе.

Глава.		Стр.
—	Предисловіе	15
I.	Важность основныхъ понятій	49
II.	Необходимыя качества научныхъ понятій	60
III.	О научной терминологіи	72
IV.	Зависимость индивида отъ общества	87
V.	Языкъ и мышленіе	105
VI.	Понятіе и слово	127
VII.	Измѣнчивость значенія „понятій-словъ“	140
VIII.	Зависимость „слова-понятія“ отъ фразы и отъ обстоятельствъ внѣ фразы	156
IX.	Основныя понятія по ученіямъ авторитетовъ	200
X.	Государство и законъ	220
XI.	Нравы и законы	235
XII.	Многосмыслiе слова „законъ“	247
XIII.	Многосмыслiе слова „право“	260
XIV.	Справедливость	272
XV.	Слово „право“ въ русскомъ языкѣ	290
XVI.	Право и законъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ	322
XVII.	Двусмысленность слова „обычай“	333
XVIII.	Международные обычаи и договоры	348
XIX.	Законъ, право и обязанность	356
XX.	Правильное и неправильное употребленіе слова „право“	369
XXI.	О значеніи и соозначеніи терминовъ, или объ ихъ объемѣ и содержаніи	380
XXII.	Миѳологическое и научное теченіе въ юриспруденціи	387
XXIII.	Основное понятіе юриспруденціи есть правило („норма“ или законъ), а не право	401
XXIV.	О „старой“ и „новой“ терминологіи	414
XXV.	Нравственная оцѣнка законодательства и обычаевъ	426
XXVI.	„Право“ или совсѣмъ не есть „явленіе“, или не есть явленіе *основное*	437

Замѣченныя опечатки:

Стр.	107	стр.	5	снизу	напечатано	Mautlner	слѣдуетъ	Mauthner
„	280	„	1	„	„	fosgets	„	forgets
„	297	„	1	„	„	исторіи	„	исторіи“

Къ сокращеніямъ въ цитатахъ.

„.... und die Herren Rechtsgelehrten möchten mir vorwerfen wollen, dasz ich gar keine Citate anfuhre. Halten wir uns drum an ihr eigenes Vorbild und citiren wir, wie sie, lustig in den Tag hinein".

Erasmus von Rotterdam „das Lob der Thorheit", 130.

Ardigò, Opere filosofiche, 1901 (terza edizione, vol. III: relatività della logica umana; vol. IV (1886): sociologia).

Аристотель, Opera omnia, изд. Firmin-Didot, 1874 г.

Austin John, Lectures on Jurisprudence or the philosophy of positive law, т. 1 и 2, 1885.

Bain, Logic, 1873.

Bascom John, An historical interpretation of philosophy, 1893.

Батюшковъ, Ѳ., Въ борьбѣ со словомъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1900 г., февральск. кн.

Benloew, Aperçu général de la science comparative des langues, 1872.

Benn, The philosophy of Greece, 1898.

„ The greek philosophers.

Bentham Jeremy, An introduction to the principles of Morals and Legislation, изд. 1879 и 1843 г.

„ Theory of legislation, 1894, London.

Bentham Jérémie, Oeuvres, 1840.

Boirac, L'idée du phénomène, 1894.

Bonar, Philosophy and political economy in some of their historical relations, 1893.

Bosanquet Bernard, The philosophical theory of the state, 1899, London.

Bovio Giovanni, Sommario della storia del dritto in Jtalia, 1884.

Bréal M., Essai de sémantique (science des significations), 1897.

Brinton, The basis of social relations, a study in ethnic psychology, 1902.

Brochar, De l'erreur, 1897.

Broom, Philosophy of law, a primer of legal principles, 3 ed., 1883, London.

Буличъ С., проф., „Семасіологія“ въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, 1900, кн. 57.

Campbell G., An analysis of Austin's lectures on jurisprudence, 1899.

Clarke, R. F. The science of law and lawmaking being an introduction to law, a general view of its forms and substance, and a discussion of the question of codification. 1898, New Jork.

Cogliolo Pietro, Filosofia del Diritto Privato, Firenze, 1888.

Comte Auguste, Système de politique positive, ou traité de sociologie, 1851, Paris.

Dagan Henri, Superstitions politiques et phénomènes sociaux, 1901.

Dareste, R., La science du droit en Grèce, 1893.

Darmesteter Arsène, La vie des mots étudiée dans leurs significations, 1887 (сущест. изд. 1899 г.).

Delbrück B., Grundfragen der Sprachforschung mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert, 1901.

Джевонсъ, Основы науки, 1881 годъ; англ. изд. 1892.

Duguit Léon, L'ètat, le droit objectif et la loi positive, 1901.

Egger, La parole intérieure, 1881.

Erasmus v. Rotterdam, Das Lob der Thorheit, изд. Phil. Reclam'a.

Erdmann Benno, Logik, 1892.

Fowler Thomas, Logic deductive and inductive, 1895.

Fustel de Coulanges, La cité antique, 1866.

Gerber Gustav, Die Sprache und das Erkennen, 1885.

Giesswein, Die Hauptprobleme der Sprachwissenschaff in ihren Beziehungen zur Theologie, Philosophie und Anthropologie, 1892.

Green, Lectures on the principles of political obligation, 1901.

Hamilton William, Lectures on metaphysics and logic, 1870; т. 1 и 2 —metaphysics, т. 3 и 4—logic.

Hegel's Lehre vom Staat und seine Philosophie der Geschichte in ihren Hauptresultaten, 1837.

Henry Victor, Antinomies linguistiques, 1896.

Holland, The elements of jurisprudence, 1900.

Janet Paul, La morale, 1887.

James, The principles of psychology, v. 1—2, 1890.

Jenks Edward, Law and politics in the middle ages, 1898.

Jhering, Scherz und Ernst in der Jurisprudenz, 1885, сущ. нов. изд. 1891 г.

Залѣскій В. Ф., проф., Лекціи исторіи философіи права, 1902.

Зѣлинскій Ѳ., Вельгельмъ Вундтъ и психологія языка, въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, 1902 г., кн. I и II (61 и 62).

Зыковъ, Какъ и чѣмъ управляются люди, опытъ военной психологіи, 1898.

Иконниковъ В., Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869.

Kant, Critik der practischen Vernunft, 1797, Riga.

„ Die Metaphysik der Sitten, 1803, Königsberg.

Karpeles Gustav, Allgemeine Geschichte der Litteratur von ihren Anfängen bis auf die Gegenwart, т. 1 и 2, 1891.

Крушевскій, Очерки науки о языкѣ, 1883.

Ladd G. T., Philosophy of conduct, 1902.

Lasson Adolf, System der Rechtsphilosophie, 1882.

Laviosa, La filosofia scientifica del diritto in Inghilterra, studio storico-critico, 1897.

Lefèvre André, Race and language, 1894.

Lindley, An introduction to the study of jurisprudence, 1890.

Линицкій П., Очерки исторіи философіи древней и новой, 1902.

Lock, Human understanding, 1735.

Lorimer, The institutes of law, a treatise of principles of jurisprudence, 1880.

Лутовиновъ Амф., Начатки грамматики китайскаго разговорнаго языка, 1898.

Markby, The elements of law, 1896.

Мартесонъ, А, Что такое такъ называемое право и наука о немъ: правовѣдѣніе или юриспруденція, 1890.

Mauthner Fritz, Beiträge zu einer Kritik der Sprache, т. 1 и 2—1901, т. 3—1902 г.

Микшъ, Іос. Ант., Корень и Понятіе, опытъ изъ области арійской филологіи, 1884 (въ отчетѣ Тамбовской гимназіи за 1882—1883 учеб. годъ. Въ сокращенн. перев. на фран.: L'idée et la racine, 1885).

Милль Д. С., Система логики, 1878.

Monahan James, The method of law, 1878.

Morris, Hegel's philosophy of the state and of history, 1902, Chicago.

Müller Max, The Science of Thought, 1887, переводъ на нѣмецкомъ подъ именемъ Das Denken im Lichte der Sprache 1888; сущ. русск. пер. Чуйко „Наука о мысли", 1892).

„ La science du langage.

Новгородцевъ, П. И., Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, 1901.

Paul Hermann, Principien der Sprachgeschichte, Halle, 1880, сущ. изд. 1886 г.

Платонъ, разныя иностр. изданія его трудовъ и перев. на русск. пр Карпова, 1863—70 гг.

Pollock Frederick, An introduction to the history of the science of politics, 1902.

Pollock Essays in jurisprudence and ethics, 1882.

„ A first book of jurisprudence, 1896.

Потебня А. А., Мысль и языкъ, 1892.

Puglia Ferdinando, Saggi di filosofia giuridica, 1892.

Pulszky Augustus, The theory of law and civil society, 1888.

Rattigan, The science of jurisprudence, 1899.

„ Private international law, 1895, London.

Read Carveth, Logic deductive and inductive, 2 ed,, 1901, London.

Regnaud, Origine et philosophie du langage, 1888, (сущ. 2 изд. 1889).

Roguin, La règle de droit, 1889, Lausanne.

Розановъ Вас., О пониманіи, 1886.

Рѣднинъ, Изъ лекціи по исторіи философіи права, т. 1—4, 1889; т. 5—7, 1890.

Salmond, Essays in jurisprudence and legal history, 1891.

Saredo Giuseppe, Trattato delle leggi, 1871.

Sayce A. H., The principles of comparative philology, 1875.

„ Principes de philologie comparée, trad. par Er. Jovy et précédés d'un avant-propos par Michel Bréal, 1884.

Seth, A study of ethical principles, 1898.

Sheldon Amos, The science of law, 8-е изд., 1896.

„ A systematic view of the science of jurisprudence, 1872, London.

Sidgwick Henry, The elements of politics, 1897.

Sidgwick Alfred, Fallacies, a view of logic from the practical side, 3 изд., 1901.

Sigwart, Logik, т. 1, 1889, т. 2, 1893.

Снегиревъ И. М. Русскіе въ своихъ пословицахъ, М. 1831—34; Русскія народныя пословицы и притчи, М. 1848; Новый сборникъ русскихъ пословицъ, М. 1857.

Соловьевъ Владиміръ, Право и нравственность, 1899.

Spencer, H., The data of ethics, 1879.

„ The principles of ethics, v. 1—2, 1892—93.

Stammler Rudolf, Die Lehre von dem richtigen Rechte, 1902.

Stephen Leslie, The science of ethics, 1882.

Stintzing R., Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, 1880.

Sully James, The human mind. A text-book of psychology, v. 1—2, 1892.

Sully The illusions. A psychological study. 1881—82.

Съченовъ, Психологическіе этюды, 1873.

Thiaucourt, Essai sur les traités philosophiques de Cieèron et leur sources grecques, 1885.

Трубецкой, Ученіе о Логосѣ въ его исторіи, 1900, Москва.

Хлѣбниковъ Н., Право и государство въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ. 1874, Варшава.

Vareilles-Sommières, Les principes fondamentaux du droit, 1889.

Whewell William, Novum Organon Renovatum, 1858.

Whitney, La vie du langage, 1880.

Wundt W., Völkerpsychologie, eine Untersuchung der Entwicklugsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte, т. I, ч. 1 и 2: die Sprache; 1900.

Ярошъ К. Н., Іеремія Бентамъ, его отношеніе къ ученію о естественномъ правѣ, 1886.

Шмидтъ, Опытъ Мандаринской грамматики, 1902, Владивостокъ.

Статья **Law** въ **Encyclopaedia Britannica.**

The Century Dictionary, Dictionary, изд. подъ надзоромъ Whitney'я.

Baldwin, Dictionary of philosophy and psychology, v. I 1900, v. II 1902 гг.

Предисловіе.

Wer kann was Dummes, wer was Kluges denken,
Das nicht die Vorwelt schon gedacht? (Goethe).

„...Und geschieht nichts Neues unter der Sonne“ (Der Prediger Salomo, 1, 9).

„Языкъ есть средство понимать самого себя. Понимать себя можно въ разной мѣрѣ...“ (Потебня „Мысль и языкъ“, стр. 145).

Die Sprache.....ist ein integrierender Bestandteil der Funktionen des Denkens. (Wundt, Sprache II. 605).

Идея, раскрытію и обоснованію которой главнымъ образомъ посвящена эта работа, такъ стара и такъ широко распространена среди современниковъ, какъ ученыхъ, такъ и неученыхъ (хотя не всѣ объ этомъ знаютъ) что, конечно, говорить о ея открытіи было бы смѣшно. Величайшіе мыслители человѣства всѣхъ временъ и народовъ, отъ Аристотеля до Канта, Конта и Спенсера, такъ же, какъ и самый скромный заурядный человѣкъ всякаго общества, жили и живутъ этою идеей. Все, что создало человѣчество великаго въ мышленіи,—на ея сторонѣ.—Наша задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы раскрыть то, что *каждый* изъ насъ носитъ скрыто въ себѣ, чтобы довести до сознанія то, чѣмъ обладаетъ въ неразвитой формѣ каждый, сдѣлать explicit'нымъ то, что есть у всѣхъ implicite*).—Если угодно, здѣсь есть *новое* знаніе, но такое „новое“, которое всегда и у всѣхъ заключено уже въ старомъ, его обнимающемъ. Plus ça change, plus c'est la même chose.

Однако, человѣкъ есть существо логическое только въ крайне относительномъ смыслѣ (ср. Relatività della logica umana, въ Opere filosofiche de R. Ardigò. 1901, Padava, стр. 439—447, т. III, изд. 3) Въ головѣ его масса разнородныхъ элементовъ, не связанныхъ, противорѣчивыхъ, хотя онъ этого не замѣчаетъ. Логика въ извѣстномъ смыслѣ не предшествуетъ знаніямъ, а слѣдуетъ за ними, она не есть причина, а результатъ знаній, уже обладаемыхъ индивидомъ. Съ од-

*) That is implicit which is wrapped up, and we render it explicit when we unfold it (Jevons).

ной стороны, въ его психикѣ вы найдете въ качествѣ основы одно и то же общее достояніе традиціональныхъ знаній общества, въ которомъ онъ выросъ и на языкѣ котораго онъ мыслитъ, а съ другой— наслоенія книжкой учености различнаго времени и различныхъ направленій, между собою не согласованныхъ. То, что мы считаемъ главнымъ, своими основными принципами, не всегда оказывается согласованнымъ съ тѣмъ, что мы пріобрѣли въ различные періоды нашей жизни безъ мысли объ отношеніи его къ этимъ принципамъ. Поэтому и Іер. Бентамъ называетъ человѣка крайне непослѣдовательнымъ существомъ. При критическомъ разборѣ нашего духовнаго состоянія оказывается часто, что то, что мы считали особенно важнымъ, на самомъ дѣлѣ является второстепеннымъ, а едва замѣчавшееся прежде оказывается самымъ главнымъ. Можетъ случиться поэтому, что, держась совершенно ложныхъ научныхъ теорій, человѣкъ носитъ въ себѣ одновременно зародыши истины, не замѣчая ихъ. Только въ самой незначительной долѣ логика является индивидуальнымъ продуктомъ, въ неизмѣримо большей мѣрѣ она продуктъ коллективный. Въ этой большей мѣрѣ логика въ индивидѣ импортируется извнѣ, главнымъ образомъ путемъ языка (Ardigò, op. c., 445).

Языкъ играетъ величайшую роль въ мышленіи. Къ сожалѣнію этого не знаетъ даже большинство профессіональныхъ ученыхъ. Въ представленіи большой публики и множества ученыхъ понятіе о языкѣ или наукѣ о языкѣ сливается съ понятіемъ грамматики, а понятіе о о грамматикѣ почти сливается съ понятіемъ объ орѳографіи. То, что слишкомъ важно и слишкомъ обычно, не замѣчается обыкновенно людьми. Какъ всякая сила, слово можетъ служить хорошему и дурному.

Такъ крѣпка реакція слова на мышленіе и такъ сильно распространено въ обществѣ эмпирическое отношеніе къ языку, что, какъ только вы попытаетесь изложить мысли величайшихъ авторитетовъ, или *вашего же собственнаго собесѣдника*, въ ихъ настоящемъ видѣ безъ тѣхъ обезображивающихъ примѣсей, которыя внесены сюда цвѣтомъ „очковъ“, черезъ которыя мы смотримъ на нихъ, ихъ выпуклостями и вогнутостью, и насѣвшею на нихъ пылью и грязью,—вы рискуете натолкнуться на самыя странныя возраженія и недоразумѣнія. Эти очки, безъ которыхъ мы никогда не можемъ обойтись въ мышленіи,— нашъ языкъ, Ein blos apperceptives Denken würde eine „reine Intelligenz“ sein, ein Etwas, das nur in den Abstraktionen der Philosophie, nicht in der Wirklichkeit existiert. (Wundt. Sprache II. 574). И большинство людей думаетъ, что они думаютъ какъ разъ то, что они говорятъ, и говорятъ то, что они думаютъ. „La masse des hommes croient penser exactement ce qu'ils parlent et parler ce qu'ils pensent“ (V. Henry. Antinomies linguistiques, 77, 78). На дѣлѣ такого соотвѣтствія меж-

ду языкомъ и мыслію нѣтъ*). Научиться понимать самихъ себя не такъ легко. Только въ послѣднее время европейская мысль вернулась къ вопросамъ, къ которымъ подходили еще греки,—вопросамъ о языкѣ и его связи съ мышленіемъ. Труды великихъ языковѣдовъ XIX столѣтія открыли намъ пониманіе многаго, чего мы прежде не знали, хотя постоянно носили его съ собою. Эти труды имѣютъ огромное значеніе для всѣхъ отраслей знанія, и вліяніе ихъ, можно надѣяться, съ теченіемъ времени будетъ только возрастать. Ни психологіи мышленія, ни логики нельзя вообще изучать безъ языковѣдѣнія, такъ какъ логика и мышленіе и существуютъ для насъ лишь въ языкѣ,—или обычномъ, или въ языкѣ жестовъ, музыкальныхъ звуковъ, красокъ, пластики, символовъ, образовъ (ср. Батюшковъ, Въ борьбѣ со словомъ, 219; M. Müller, Sc. of T., 549). О мышленіи мы судимъ практически всегда по языку. Въ языкѣ отражаются тѣ „законы мысли", которые изучаетъ логика (Hamilton, Logic, II, 149) и психологія мыслительныхъ процессовъ. Всякая же наука есть лишь частное примѣненіе логики. И мы, юристы, не должны мѣшать проникнуть новымъ, живымъ струямъ извнѣ въ область юриспруденціи.

Идеи, развиваемыя въ этой работѣ, не могутъ имѣть противниковъ, если читающій или слушающій возьметъ на себя трудъ уразумѣть ихъ. Эти идеи исповѣдуются на дѣлѣ *всѣми и каждымъ*, и мнимыми противниками въ томъ числѣ. Каждый изъ насъ обладаетъ многими истинными знаніями, но безъ вѣдома для самого себя. И многіе принимаютъ за свои настоящія знанія то, что является лишь иллюзіей языка. Моя задача—показать людямъ ихъ *настоящія знанія*. Мы живемъ среди массы иллюзій, принимаемыхъ нами за дѣйствительность (см. Sully, The illusions). Мы, напр., думаемъ, что часто вполнѣ понимаемъ другъ друга, а на дѣлѣ абсолютное пониманіе есть иллюзія (см. „Къ психологіи пониманія" пр. Овсяннико-Куликовскаго, въ сборникѣ „Помощь пострадавшимъ отъ неурожая Самарской губерніи" 1900 г., и замѣтка въ статьѣ „Въ борьбѣ со словомъ" Ѳ. Батюшкова, Жур. Мин. Нар. Пр., 1900, февр., стр. 228). При помощи слова мы вызываемъ въ другихъ соотвѣтствующія, но не тѣ же понятія (Humboldt, Ueb. die Versch., 201—2, 208—10). „Содержаніе, воспринимаемое (Потебня, Мысль и языкъ, 135) посредствомъ слова, есть только мнимоизвѣстная величина, думать при словѣ именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этимъ другимъ,..... пониманіе другого, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзія, какъ та, будто мы видимъ, осязаемъ и пр. самые предметы, а не свои впечатлѣнія; но нужно прибавить, это величественная иллюзія, на которой строится вся наша

*) Ср. M. Bréal «Les idées latentes du langage.

внутренняя жизнь". Чужая душа дѣйствительно потемки для насъ. Подобная же иллюзія наблюдается часто нами и по отношенію къ намъ самимъ: мы считаемъ за свое истинное знаніе часто то, что является лишь созданнымъ нами призракомъ; мы думаемъ иногда, что имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, когда мы лишь плохо обращаемся съ языкомъ и создаемъ химеры; думаемъ, что мы непосредственно, интуитивно, сознаемъ вещи, когда на дѣлѣ мы лишь неправильно умозаключаемъ. Пониманіе самого себя есть всегда вмѣстѣ и и непониманіе, а послѣдовательность въ мысляхъ—лишь кажущаяся послѣдовательность.—Моя вѣра въ правильность развиваемой здѣсь идеи покоится на томъ, что *всѣ* ее признаютъ: признаютъ implicite даже тѣ, кто сталъ бы, не уразумѣвъ хорошо дѣла, отвергать ее explicite. Если *всѣ* признаютъ, что горчица не есть сахаръ,—бо́льшей увѣренности мы не можемъ имѣть въ томъ, что это такъ въ дѣйствительности.—Изученіе слова потому и имѣетъ огромное значеніе, что оно пріучаетъ человѣка къ анализу собственныхъ его мыслей и способствуетъ познанію имъ самого себя. Послѣдовательность въ мышленіи есть высшій законъ его, и мы не можемъ пріучиться мыслить послѣдовательно, если не сдѣлаемъ нашу рѣчь-мышленіе предметомъ особаго вниманія и изученія. Языковѣдѣніе, неразрывно связанное съ логикой, есть самая важная изъ наукъ для всякаго человѣка, не только ученыхъ безъ различія спеціальностей. Особенно же важно для тѣхъ, кто, подобно юристу, имѣетъ такъ много дѣла съ абстракціями.—Языкъ есть лучшее и важнѣйшее орудіе познанія какъ другихъ, такъ и насъ самихъ. Мы многаго не знаемъ о самихъ себѣ, и можемъ открыть эту неизвѣстную часть насъ самихъ, только наблюдая и изучая другихъ съ помощью языка. Наше сознаніе обнимаетъ только часть насъ самихъ; въ каждомъ изъ насъ есть еще другая часть—скрытая, но также разумная. Открыть эту сокровенную разумную часть насъ самихъ мы можемъ лишь съ помощью мышленія-рѣчи, нашей собственной и чужой. Если вы, напр., станете изучать китайцевъ, эту оригинальную разновидность человѣчества, вы къ удивленію откроете въ себѣ многое, чего прежде не подозрѣвали. И континентальные юристы, написавшіе такъ много умныхъ книгъ, могутъ найти съ помощью сравнительнаго изученія рѣчи-мышленія многое въ своей душѣ, что по разумности превосходитъ ихъ идеи, изложенныя въ книгахъ. Не нужно только забиваться въ уголъ и думать, что весь разумъ въ насъ самихъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ собратьяхъ-спеціалистахъ. Есть вопросы, о которыхъ должны думать всѣ люди—большіе и малые, всѣхъ временъ и народностей.

Великіе мыслители отъ Платона, Аристотеля, Локка, до Канта и Гегеля высказывали часто глубокія истины о тѣсной связи мыш-

ленія съ языкомъ. Максъ Мюллеръ въ своей „Наукѣ о Мысли“ собралъ множество совершенно правильныхъ мыслей двигателей человѣческой мысли и съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, какъ могло случиться, что говоря эти слова (см. напр. Science of Thought, 45), никто изъ нихъ, повидимому, и не подозрѣвалъ, что, если ихъ мысли правильны, то „все, что мы называемъ философіей, должно быть поставлено на совершенно новое основаніе (footing)“. „Моему уму, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 50), совершенно непонятно, какъ было возможно, что ни одинъ изъ этихъ философовъ, даже изъ тѣхъ, которые вполнѣ признавали нераздѣльность языка и мысли, не усмотрѣлъ, что это открытіе истиннаго отношенія языка и мысли или, можно было бы выразиться, это откровеніе единства мысли и языка означаетъ полный переворотъ въ философіи?“.... „Такъ ужъ неотразимо вліяніе языка (стр. 549), что даже величайшіе философы, хотя они не могли не признать что мысль безъ языка была лишь призракомъ, все еще продолжали говорить о мысли и о законахъ мысли, какъ будто они существовали сами по себѣ. Логики особенно усердно учили насъ, что законовъ мысли не слѣдовало смѣшивать съ законами языка, что логика—одна вещь, а грамматика—другая, что логика была тою же самою для всѣхъ языковъ, а грамматика—нѣчто особое для каждаго. Какъ будто логика могла существовать гдѣ-либо, помимо языка.....*).

Никакая наука, какъ и вообще человѣческое сознаніе, не могутъ быть изучаемы независимо отъ языка. Dieses menschliche Bewusstsein losst sich ohne Sparche gerade so wenig denken, wie sich Sprache ohne menschliches Bewusstsein denken lässt. Darum sind beide mit einander und durch einander geworden, und die Frage, ob die Vernunft oder die Sprache das frühere sei, hat ebenso wenig einen Sinn wie die berühmte Streitfrage, ob das Ei oder die Henne früher sei. (Wundt, Sprache II. 606). Т. е., „человѣческое сознаніе такъ же мало мыслимо безъ языка, какъ языкъ безъ человѣческаго сознанія. Оба они возникли другъ вмѣстѣ съ другомъ и другъ черезъ друга, и вопросъ о томъ, что должно быть поставлено прежде: разумъ или языкъ, имѣетъ такъ же мало смысла, какъ и знаменитый спорный вопросъ о томъ, что возникло прежде: яйцо или курица“.

*) Мышленіе, логика и грамматика суть признаки языка; они извѣстнымъ образомъ включены въ языкъ (drinstecken) и извлечены оттуда только праздными головами. Въ природѣ нѣтъ никакой „синевы“, кромѣ той, которая есть въ синихъ явленіяхъ. Тамъ она и оставалась бы, если бы языкъ не взялъ на себя труда абстрагировать прилагательное „синій“. (Mauthner, Krit. der Sprache, I, 11).

Это ученіе о связи мышленія съ языкомъ имѣетъ величайшее значеніе и для насъ юристовъ *).... Къ сожалѣнію, обогащеніе сокровищницы знаній вызвало необходимость спеціализаціи труда, той роковой спеціализаціи, которая душитъ не насъ однихъ. Эта спеціализація породила самыя нежелательныя вещи. Люди работаютъ въ смежныхъ комнатахъ общаго научнаго зданія и не только не знаютъ, но и не хотятъ знать другъ друга, и результатовъ взаимныхъ работъ.. Ученые изслѣдователи перестали не только стыдиться полнаго своего невѣжества въ смежныхъ отрасляхъ знанія, но, какъ будто, образовалось убѣжденіе, что болѣе глубокое знаніе собственной спеціальности зависитъ именно отъ того, чтобы не знать общихъ законовъ мышленія и рѣчи, а кратчайшій и самый легкій путь дать философскую основу ей состоитъ не въ изученіи мыслей Платона и Аристотеля, Локка и Канта, а въ игнорированіи ихъ, если не въ презрительномъ отношеніи **).

*) Вся, напр., философская система Платона, представляющая собою чисто метафизическое ученіе о сущностяхъ, недоступныхъ опыту, „идеяхъ", имѣющихъ реальное бытіе, возникла подъ вліяніемъ извѣстныхъ взглядовъ на языкъ. Вслѣдствіе неразработанности психологіи и рудиментарнаго состоянія языковѣдѣнія сложилось убѣжденіе, будто всякому слову соотвѣтствуетъ нѣчто реально существующее. По господствующему взгляду абстрактныя понятія Красоты, Добра, Справедливости, Силы, Добродѣтели, не были лишь нашими концептами, а имѣли реальное существованіе. Этотъ взглядъ защищался въ средніе вѣка реалистами въ спорѣ ихъ съ номиналистами. Реалисты были побѣждены, но подобныя же заблужденія живутъ и до сихъ поръ. Природа, Законъ, Право, Справедливость до сихъ представляются многимъ особыми реальностями (Ср. Bain, Logic, ч. I, p. 5 и 6, 52, ч. II, p. 389). Такой взглядъ на языкъ порождалъ фантастичныя, лишенныя фактической основы, философскія системы. Ихъ родиной была преимущественно Германія (ср. Bascom, Histor. interpretation of philosophy стр. 104—126, 431, 432). Споры номиналистовъ и реалистовъ выдвинули концептуализмъ, который, какъ учитъ Максъ Мюллеръ (The Science of Thought, 49), а раньше его училъ Гамильтонъ (ibid.), тождественъ съ номинализмомъ. „Пониманіе истиннаго отношенія (M. Müller, Мор. с. 49) между понятіемъ (notio) и именемъ (nomen) могло бы дать лучшее основаніе для нѣсколько темной теоріи сэра Гамильтона о тождествѣ концептуализма и номинализма, теоріи, такъ часто возбуждающей гнѣвъ Д. С. Милля, и однако не особенно много отличающейся отъ его собственнаго окончательнаго вывода, что мы мыслимъ съ помощью идей и названій"

**) См. идеи, высказанныя Г. Спенсеромъ въ его философскомъ завѣщаніи, недавно вышедшемъ подъ заглавіемъ „Факты и разъясненія". (Facts and comments). Цитирую по рецензіи въ „Мирномъ Трудѣ" (1902, кн. IV, стр. 208. 209): Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что элементы первобытнаго варварства возрождаются въ душахъ современныхъ культурныхъ людей, слишкомъ многому учившихся и слишкомъ малому научившихся. Одичаніе врывается во всѣ отрасли общественной жизни. Въ наукѣ господствуетъ полное пренебреженіе къ широкимъ вопросамъ; мысль педантически заковывается въ узкія рамки спеціальностей; разростается ужасающая страсть къ монографіямъ, къ мелкимъ, детальнымъ изслѣдованіямъ, не требующимъ ни творческаго подъема, ни глубокаго анализа, а просто только кропотливой усидчивости... Пышный расцвѣтъ детальной науки идетъ теперь рука объ руку съ угасаніемъ истинной мысли.

Небрежно относясь къ работѣ другихъ, не даромъ жившихъ труженниковъ науки, узкій спеціалистъ теряетъ пониманіе и родного языка, какъ хранителя мыслительной работы ряда угасшихъ поколѣній. Между тѣмъ стихійное вліяніе народной рѣчи на насъ внѣ всякаго спора. Строй мысли каждаго человѣка, точка его зрѣнія, опредѣляются, помимо его сознанія, могучимъ и постояннымъ воздѣйствіемъ языка, на которомъ онъ мыслитъ. Отрѣшиться отъ этого вліянія мы не можемъ.

Языкъ есть продуктъ общественной жизни. Онъ былъ выработанъ постепенно изъ какихъ-то простыхъ зародышей цѣлымъ обществомъ подъ вліяніемъ нуждъ общественной и государственной жизни. Каждый ребенокъ, съ первымъ своимъ лепетомъ, проникается имъ, принимая его какъ готовое орудіе отъ своей матери и няньки. Постепенно онъ все тѣснѣе и неразрывнѣе сливается при его помощи съ родной стихіей, поглощая безсознательно въ немъ народную философію и народное міросозерцаніе на предметы государственной жизни, и другіе. Въ колыбели мы уже становимся метафизиками и различаемъ объектъ и субъектъ методомъ, переданнымъ намъ окружающими насъ людьми. Языкъ даетъ намъ въ наслѣдство элементарную психологію, такъ какъ названія различныхъ эмоцій предполагаютъ примитивную классификацію основныхъ элементовъ характера. Съ языкомъ всасываемъ мы безсознательно и основныя понятія государственной жизни *). Правильны они или неправильны, это можетъ рѣшить лишь сознательный анализъ ихъ, а не игнорированіе. По опыту знаю вліяніе этихъ народныхъ представленій о важномъ и неважномъ, о существенномъ и побочномъ, въ понятіяхъ этико-юридической жизни. Вліяніе это приходилось мнѣ наблюдать какъ на себѣ, такъ и на другихъ. И настоящая работа есть опытъ анализа этого вліянія языка на этико-политическое міросозерцаніе человѣка.

*) Мы не должны думать, будто внѣ насъ, юристовъ-спеціалистовъ, нѣтъ ничего, кромѣ тьмы невѣжества, въ которомъ никто ничего не знаетъ, что было бы достойно знанія. Политика, Юриспруденція и Этика возникли гораздо раньше, чѣмъ ихъ науки. Наука возникаетъ именно потому, что существуетъ уже этико-политико-юридическая жизнь, нуждающаяся въ нашемъ объясненіи. Юридическая жизнь съ ея нормами не ждетъ появленія юридической науки и философіи; и практическіе успѣхи человѣчества въ ней не зависятъ отъ успѣха философовъ въ объясненіи этой жизни. Науки и философіи юриспруденціи никогда бы и не появилось, если бы государство не обезпечило досуга и средствъ, дѣлающихъ возможными философскія изслѣдованія. Юриспруденція возникаетъ въ гражданскомъ обществѣ подобно тому, какъ оптика возникаетъ между людьми, надѣленными зрѣніемъ, и физіологія между людьми, которые дышатъ, ѣдятъ и пьютъ. Элементарныя юридическія свѣдѣнія есть въ каждомъ обществѣ, такъ какъ каждое общество имѣетъ ту или иную принудительную организацію въ силу государственной природы человѣка. Разумѣется, что юриспруденція мо-

„Есть философія и разумъ во всѣхъ языкахъ", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гамильтонъ (on Logic, II, 143). И мнѣ пришлось испытать вліяніе этой философіи и разума какъ на собственномъ мышленіи, такъ и на мышленіи другихъ. И эта философія непосредственнаго, наивно-мыслящаго, безотчетно-чувствующаго, какъ мы представляемъ себѣ его, народа, удивительнымъ образомъ вторитъ философіи пробужденной рефлексіи величайшихъ представителей человѣческой мысли.

„Знать развитіе интеллектуальной и нравственной жизни человѣчества абсолютно необходимо, если мы хотимъ понять дѣйствительное состояніе общества и съ успѣхомъ приложить свои силы къ его улучшенію". (Sayce, Princ. de philol. compar., 17). Знать же интеллектуальную и нравственную жизнь народа и, въ частности, его представленія о должномъ и существующемъ въ обществѣ и государствѣ, мы не можемъ безъ языка. „Если мы раздѣляемъ интеллектъ и языкъ, говоритъ В. Гумбольтъ. (Verschied. d. menschl. Sprachbaus, II, 52, изд. Pott.), то такое раздѣленіе въ дѣйствительности не существуетъ... Языкъ народа есть его умъ, а его умъ есть его языкъ; мы никогда не должны упускать изъ виду ихъ тождественность".

Самого важнаго люди обыкновенно не замѣчаютъ. Здоровый не замѣчаетъ, какимъ огромнымъ благомъ обладаетъ онъ, до тѣхъ поръ пока не потеряетъ здоровья. Только тогда видитъ онъ, что здоровье „единица, дѣлающая значущими всѣ нули жизни". Гражданинъ мирнаго государства не замѣчаетъ огромной роли спокойствія, даваемаго упорядоченною политическою жизнью. Только потеря родины даетъ знать о себѣ, какъ и потеря здоровья. Мы не замѣчаемъ тяжести воздуха, въ которомъ двигаемся. Мы не замѣчаемъ точно такъ же и той огромной роли, которую игралъ и играетъ языкъ въ человѣческомъ мышленіи, въ нашемъ образованіи, во всей нашей духовной культурѣ. Никому не приходитъ въ голову, что безъ языка мы не имѣли бы никакой науки.

Человѣческое общество, самое рудиментарное, не могло бы существовать безъ языка. „Языкъ *соціаленъ* по своему происхожденію и

жетъ дать намъ многое полезное въ практической жизни, чего не знаетъ большая публика. Но, элементы ея составляютъ общее достояніе. (Ср. Pollock, Jurispr. and Ethics, 294, 295, 305). Если бы люди не имѣли элементарныхъ нравственныхъ и юридическихъ понятій, они никогда бы не создали самой элементарной этико-юридической человѣческой жизни. Совмѣстная жизнь всегда была и будетъ необходимымъ условіемъ человѣческой жизни, а необходимыми принадлежностями общежитія являются *элементарныя* понятія о хорошемъ и дурномъ, о свободѣ и обязанности, о власти и подчиненіи. Безъ сомнѣнія, что они не такъ отчетливы, какъ у насъ. Но, игнорировать ихъ мы не должны. Сокровищница общей мысли не такъ ужъ скудна.

по своей природѣ; онъ есть продуктъ и зеркало общества, равно какъ и объединяющая его связь". (Sayce, op. c., 292). Языкъ отражаетъ собою міровоззрѣніе народа, равно какъ его нравы и обычаи. Какъ такое отраженіе онъ долженъ служить матеріаломъ изученія для всякаго, желающаго изучить среду, въ которой дѣйствуютъ или бездѣйствуютъ законы государства, и причины такого ихъ дѣйствія или бездѣйствія. Но, не одна эта сторона языка важна для юриста. Языкъ является совѣтникомъ и помощникомъ его въ чисто научныхъ стремленіяхъ его къ отысканію логическихъ основъ его дисциплины. Въ языкѣ есть логика и наука, хотя бы въ рудиментарныхъ формахъ. Каждое слово есть продуктъ анализа и классификаціи понятій. Мы найдемъ въ языкѣ указанія на то, что онъ считаетъ основнымъ въ сферѣ юридическихъ понятій. И прежде чѣмъ мы съ осужденіемъ или презрѣніемъ отнесемся къ результатамъ этой работы цѣлаго ряда непосредственно и наивно мыслящихъ поколѣній, мы должны узнать, каковы именно ихъ взгляды. Si judicas, agnosce.

Величайшіе мыслители человѣчества, въ родѣ Сократа и Платона, никогда презрительно не относились къ народному мышленію. Они учили, что у всѣхъ людей есть много правильныхъ идей, которыхъ они лишь не знаютъ, хотя и обладаютъ ими. На себя они смотрѣли лишь какъ на акушеровъ этихъ идей. Изучивъ идеи народа, мы увидимъ, что, какъ ни неразвиты или недостаточно точно опредѣлены онѣ, онѣ отвѣчаютъ тѣмъ самымъ идеямъ, которыми жили и Платонъ, и Аристотель, и Локкъ, и Кантъ, и много другихъ (точнѣе сказать, всѣ другіе, хотя далеко не всѣ это знаютъ).

Не презирать, а уважать, любить и изучать должны мы, поэтому, то мышленіе и языкъ, которые вскормили насъ*). Нѣсколько видоизмѣняя слова Марка Аврелія (цит. изъ Pollock, Jurispr. and Ethics, 340, комментаріи, IV, 29), мы можемъ сказать: „Тотъ дезертиръ, кто оставляетъ общій языкъ (*λόγος κοινωνικός*, иногда *πολιτικός*).... тотъ клочекъ, оторванный отъ общества („дубовый листокъ, оторвавшійся отъ вѣтки родимой"), кто отрываетъ свою собственную душу отъ души разумныхъ существъ, которая—одна".—И ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать этого вполнѣ: вліяніе общества и его языка слишкомъ сильны для этого; и частичныя уклоненія ведутъ за собою неизбѣжное наказаніе для уклоняющагося въ формѣ противорѣчій съ

*) На томъ только основаніи, что мы знаемъ многое или немногое полнѣе и глубже, чѣмъ народъ, мы не должны думать, будто мы представляемъ собою особыя существа, качественно отличныя отъ народа. „Когда писатель, слѣдуя ходу своей мысли, выражаетъ вещи особымъ образомъ, какъ онъ ихъ видитъ или чувствуетъ, онъ лишь повинуется тѣмъ же самымъ законамъ духа, что и народъ". (Darmesteter, La vie d. m., 45). Мы мыслимъ такъ же, какъ и другіе, и нарушаемъ законы правильнаго мышленія такъ же, какъ и народъ.

самимъ собою. Языкъ индивида, какъ и его разумъ, находятъ себѣ основу и отца въ языкѣ и разумѣ (λόγος) общества. Общество со своимъ міросозерцаніемъ живетъ въ насъ черезъ тотъ самый языкъ, на которомъ мы мыслимъ. И наши уклоненія играютъ меньшую роль чѣмъ мы думаемъ.

Если бы ученые были дѣйствительно по своему мышленію совершенно обособлены отъ народа, они бы никогда не могли учить его. „Тотъ не можетъ учить, кто не стоитъ впереди своихъ современниковъ, ни найти слушателей, если бы онъ не давалъ членораздѣльной формы мыслямъ, въ неясномъ видѣ находящихся въ умахъ безчисленной толпы“ (L. Stephen, Science of ethics, 152). Это особенно слѣдуетъ сказать о законодателѣ и государственной власти, призванныхъ управлять огромными массами. Какъ бы можно было сдѣлать это, если бы, дѣйствительно, у народа не было основныхъ этико-юридическихъ понятій? „Подобно Сократу (ibid) онъ долженъ быть своего рода „акушеромъ“; онъ облегчаетъ рожденіе новыхъ идей, съ которыми уже носится міръ, и является въ дѣйствительности толкователемъ и выразителемъ мысли, ищущей себѣ исхода и представляющей медленный процессъ выработки. Поэтъ и философъ, равно какъ религіозный учитель (и законодатель, добавимъ), зависятъ въ своей силѣ отъ этой безсознательной кооперації; и чѣмъ больше люди изучаютъ исторію міра, тѣмъ большую важность начинаютъ они придавать этому скрытому процессу нѣмой подготовки“.

Указывая на эту важность знанія народнаго языка и народнаго міровоззрѣнія, я: 1) далекъ отъ преклоненія передъ ними, во что бы то ни стало, 2) далекъ отъ узкой національной точки зрѣнія, 3) указываю на это средство, какъ на пособіе въ анализѣ основныхъ понятій, требующее себѣ пополненія и исправленія въ идеяхъ лучшихъ представителей мысли всѣхъ временъ и народовъ.

Объясню эти положенія: Ad 1. Прогрессивнымъ элементомъ интеллектуальной и нравственной жизни является индивидъ. Нельзя говорить о прогрессѣ или культурѣ внѣ общества. Но, умственныя и нравственныя изобрѣтенія, создавшія культуру, были дѣломъ индивидовъ. Society is prior to man. Общество прежде человѣка (Г. Спенсеръ, см. Mauthner, Krit. d. Sprache, I, 32,33). Въ этомъ положеніи заключена одна сторона истины. Безъ общества не могъ бы вырости человѣкъ. Общество надѣляетъ его языкомъ и основными понятіями, направляя все его развитіе въ будущемъ по извѣстной линіи. Но, съ другой стороны, исключительные индивиды создаютъ знаніе, переходящее потомъ въ общее достояніе: они предшествуютъ обществу. Общество можетъ двигаться впередъ лишь потому, что, давая многое индивиду, оно само заимствуетъ кое-что отъ него. Общество,

подавившее совершенно индивидуальность, обрекаетъ себя на застой. Народный языкъ и народное міросозерцаніе всегда носятъ на себѣ слѣды прошлой болѣе низкой культуры. Индивидъ долженъ обладать иногда мужествомъ, чтобы не подчиняться міровоззрѣнію среды. Главная цѣль всякаго общества должна состоять въ томъ, чтобы дать каждой отдѣльной личности наилучшую возможность для развитія ея силъ и способностей. Только такое общество поднимается выше муравейника, роя пчелъ или колоніи бобровъ. Здоровое и гармоничное развитіе индивидуальности должно стоять на первомъ планѣ. Что было бы со всей нашей цивилизаціей, если бы надъ созданіемъ ея не работали мученики науки и нравственные герои, стоявшіе всегда выше толпы?—Однако, ученые, особенно тѣ, которые разрабатываютъ какую-либо маленькую спеціальность, и не принадлежатъ по силѣ ума къ кориѳеямъ мысли, не должны пренебрегать повѣркой своихъ знаній знаніями народа. Источникъ всѣхъ заблужденій въ наукѣ и философіи можетъ быть сведенъ къ одной большой причинѣ: люди слишкомъ преувеличиваютъ и превозносятъ силы своего ума, и не думаютъ повѣрять собственнаго мышленія 1) коллективнымъ мышленіемъ народа, такъ какъ презрительно смотрятъ на него, 2) мышленіемъ людей, одолѣвшихъ силою своего ума спеціализацію, потому что ложно думаютъ, будто правильный взглядъ на общіе вопросы спеціальности скорѣе можно найти у человѣка средняго ума, но спеціалиста, чѣмъ у кориѳея мысли, не специализировавшагося. Отвергая помощь коллективнаго мышленія, подобные спеціалисты implicite возвращаются къ міровоззрѣнію софистовъ, которые придавали понятію разума почти исключительно значеніе индивидуальнаго, субъективнаго человѣческаго ума. Настаивая на необходимости повѣрять мышленіе отдѣльныхъ лицъ или группъ общимъ мышленіемъ народа (и даже всего человѣчества, не исключая ни „дикарей“, ни, съ другой стороны, кориѳеевъ мысли наиболѣе культурныхъ народовъ), мы возвращаемся лишь къ воззрѣніямъ Сократа. Сократъ же, какъ и софисты, признавалъ критеріемъ истины умъ человѣческій, но съ тою существенною разницей, что софисты видѣли этотъ критерій въ умѣ индивидуальномъ, а онъ, Сократъ, въ умѣ человѣческомъ вообще, т. е. въ умѣ расы, или человѣчества. Не всегда это вѣрно. Но, пренебрегать этой повѣркой мышленія мы не должны. Правильно или неправильно міровоззрѣніе народа, о которомъ свидѣтельствуетъ его языкъ, это рѣшитъ только внимательный анализъ. Игнорировать его мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ. Но, мы не должны также преклоняться передъ нимъ. Неправильное мы должны отвергнуть, правильное—удержать. Если мы станемъ игнорировать народныя идеи, мы безсознательно можемъ подчиниться имъ, такъ какъ мы не постарались

критически отнестись къ нимъ *). Народное міровоззрѣніе сидитъ внутри насъ, мы воспринимаемъ его безсознательно съ общимъ языкомъ: это не что-то чуждое и внѣшнее намъ. Такимъ оно можетъ сдѣлаться лишь послѣ анализа его. Многіе ученые носятъ поэтому, не замѣчая, въ себѣ двѣ категоріи идей: однѣ—пріобрѣтенныя научной культурой, другія—всосанныя съ общимъ языкомъ. Эти идеи не всегда гармонируютъ другъ съ другомъ.

Ad 2. Указывая на необходимость изучать родной языкъ и на неразрывную связь между мышленіемъ и міровоззрѣніемъ народа съ его языкомъ, мы далеки отъ хвастливаго превознесенія всѣхъ нашихъ народныхъ особенностей, среди которыхъ есть такъ много большихъ недостатковъ. Мы какъ разъ противъ такой узкой національной исключительности. „То направленіе науки“, скажемъ мы словами А. А. Потебни (Мысль и языкъ, 48), «которое намъ кажется лучшимъ, предполагаетъ уваженіе къ народностямъ, какъ необходимому и законному явленію“... Безъ другихъ народовъ мы меньше знали бы самихъ себя, т. е. нашъ интеллектуальный и нравственный міръ. Въ нашихъ глазахъ современное теченіе мысли терпитъ отъ научнаго шовинизма и расоваго самомнѣнія слишкомъ много, чтобы не указать на недостатки ихъ. Есть въ Европѣ народности, которыя только себя считаютъ носителями истинной культуры; снисходительно онѣ относятся къ другимъ народностямъ арійской расы, и совсѣмъ съ презрѣніемъ къ постороннимъ расамъ **). Языковѣдѣніе, анализируя процессы рѣчи-мышленія, учитъ: „пытаться изучать языкъ (а, слѣдовательно, и мыш-

*) „It is not the popular as opposed to the disciplined mind that is magnified by the assertion, but the normal as opposed to the exceptional activity of mind“ (Bascom, Histor. interpr. of philosophy, стр. 4). Т. е., утверждая сказанное въ текстѣ, мы не думаемъ превозносить народный умъ на счетъ ума дисциплинированнаго, а нормальную дѣятельность его въ противоположность дѣятельности исключительной. Къ сожалѣнію, многіе много учившіеся люди мыслятъ совсѣмъ не нормально.

**) „Когда я наблюдаю, говоритъ М. Мюллеръ (Sc. of Th., 123, 124), философскіе споры въ Англіи и Германіи, я очень сильно чувствую, какъ много было бы выиграно съ обѣихъ сторонъ болѣе частымъ обмѣномъ мысли. Философія была въ гораздо большей мѣрѣ интернаціональною въ дни Лейбница и Ньютона а потомъ въ дни Юма и Канта, чѣмъ теперь, когда каждая страна, повидимому, идетъ своей собственной дорогой... Я боюсь, что философскій шовинизмъ начинаетъ дѣйствительно становиться вреднымъ. Если національность все еще должна съуживать наши симпатіи въ другихъ сферахъ мысли, философія, безъ сомнѣнія, должна стоять на болѣе возвышенной точкѣ“.—Въ дни Лейбница и Канта нѣмцы были скромнымъ народомъ, ихъ мышленіе находилось подъ сильнымъ французскимъ и англійскимъ вліяніемъ, и это было большимъ благодѣяніемъ. Лейбницъ писалъ по французски и переводилъ Локка. Кантъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Юма и Руссо. Теперь, съ образованіемъ имперіи, нѣмцы не хотятъ учиться у другихъ, хотятъ нести имъ сами „истинную культуру“. Tempo-

леніе) безъ сравненія его съ другими—тщетно. Извѣстное количество эмпирическихъ правилъ могутъ, конечно, казаться принадлежностью даннаго языка; но нельзя открыть основанія ихъ существованія, равнымъ образомъ какъ и наиболѣе важные и общіе законы, съ которыми сообразуется онъ, иначе какъ сравнивая его методически съ другими языками" (Saycе, Princ. de philol. comp., 21). И, удивительнымъ образомъ, какъ разъ языки наиболѣе презрѣнныхъ съ точки зрѣнія самомнящаго культуртрегерства народовъ и народцевъ дають намъ больше всего для пониманія процессовъ рѣчи-мышленія. Попробуйте, напримѣръ, понять, что единицею мышленія служитъ не слово, а фраза; что языкъ начинается и живетъ во фразѣ, а слово—есть позднѣйшій продуктъ анализа и самостоятельнаго значенія имѣть не можетъ,—попробуйте схватить не довѣріемъ лишь къ авторитету, а вашею собственною мыслью этотъ основной законъ рѣчи-мышленія, не зная хотя самымъ поверхностнымъ образомъ, напримѣръ, китайскаго языка, или языковъ народцевъ Азіи, Африки, Америки и Полинезіи. „Самые цѣнные факты науки часто зарыты въ діалектахъ, почти совсѣмъ неизвѣстныхъ, даже по имени, и на которыхъ говорятъ народцы, стоящіе на послѣднихъ ступеняхъ цивилизаціи". (Saycе, op. c., 24,25).—Наибольшимъ самомнѣніемъ заражены въ этомъ случаѣ представители той индо-„германской" народности, для которой Deutschland über Alles, „превыше всего", а весь прочій міръ обреченъ на рабское усвоеніе и „стинной" и единственной культуры „народа мыслителей" (das Volk der Denker). Эти культуртрегеры и грѣшатъ всего больше вслѣдствіе своей узкой исключительности.

Нужно изучать свой народъ и его мышленіе-рѣчь, но крѣпко помнить при этомъ, что „мы не можемъ въ дѣйствительности понять и одного языка, не изучивъ его при свѣтѣ другихъ". (Saycе, op. c., 22).

Ad 3. Сравнительное изученіе языка даетъ намъ возможность не только проникнуть глубже въ міросозерцаніе народа, но и правильнѣе понять рѣчь-мысль величайшихъ учителей человѣчества. Благодаря дурному пониманію рѣчи Платона и Аристотеля, напримѣръ, имъ приписываютъ часто то, чего они не говорили, и обратно: не видятъ того, что есть у нихъ. Благодаря употребленію не въ мѣру искусственнаго языка такіе выдающіеся мыслители, какъ Кантъ и Гегель, часто попадаютъ въ противорѣчіе съ самими собою, и этого не замѣчаютъ ни они сами, ни ихъ послѣдователи. Не зная народнаго языка, а потому и тѣхъ идей, которыя есть уже въ распоряженіи на-

---

га mutantur et nos mutamur in iis. Разумѣется, и у нѣмцевъ есть свои достоинства. Не нужно забывать также, что вѣрное о массѣ еще не значитъ вѣрное объ отдѣльныхъ лицахъ.

рода, они вводятъ искусственную терминологію для понятій на дѣлѣ очень старыхъ, но которыя они, по невѣдѣнію, считаютъ новыми, и этимъ отдѣляютъ себя отъ общаго мышленія, которое можетъ служить иногда и коррективомъ. (Ср. Bascom, An historical interpretation of philosophy, 431,432).—Понявъ, благодаря болѣе совершенному знанію орудія мысли, идеи выдюшихся людей, мы можемъ сравнить ихъ съ идеями, составляющими общее достояніе народа. И если онѣ совпадаютъ, мы можемъ быть увѣрены, пока намъ не представятъ доказательствъ противнаго, въ томъ, что мы достигли истины. Если всѣ люди смотрятъ на извѣстную идею какъ на истину, мы имѣемъ въ сушности единственный критерій достиженія достовѣрности знанія.

Черезъ очки языка смотримъ мы не только на тайны природы и жизнь другихъ людей, но и на собственное мышленіе. Не принимая во вниманіе особенностей этихъ очковъ, мы часто видимъ внѣ насъ и внутри насъ совсѣмъ не то, что происходитъ тамъ. И ученые люди грѣшатъ въ этомъ случаѣ не менѣе толпы. Разбивая идоловъ, въ которыхъ вѣритъ толпа, они сами не остаются свободными отъ общечеловѣческой склонности къ политеизму и подъ вліяніемъ языка создаютъ себѣ новыхъ кумировъ. „Природа“, „Законъ“, „Сила“, „Жизнь“, „Разумъ“, „Справедливость“, „Культура“ и безчисленное множество другихъ играютъ такую же роль, какъ Минерва и Апполонъ. Воображеніе ученыхъ людей не менѣе дѣятельно, чѣмъ и воображеніе толпы (Ср. M. Muller, op. c., 69 и сл., 101, 216, 217, 328). Въ кобылу, упавшую съ неба, съ пророческою надписью на бокахъ, ученый, конечно, не повѣритъ. Но, развѣ исторія научнаго мышленія не открываетъ намъ на каждомъ шагу суевѣрій, которыми жили ученые алхимики и астрологи, виталисты, эволюціоналисты, физіологи и психологи... Они не бросаются намъ такъ грубо въ глаза, какъ философскій камень или гороскопъ, но дѣйствіе ихъ не менѣе вредоносно для истины, чѣмъ и упавшей съ неба кобылы. Развѣ книга-Марксъ, книга-Ницше, книга-Беллями и многія другія упавшія съ неба съ пророчествами въ нихъ не играли и не играютъ такой же роли, какъ и надписи на бокахъ кобылы? Развѣ свободны были отъ суевѣрій даже величайшіе мыслители человѣчества? И развѣ въ томъ, что всѣ мы считаемъ теперь за научную истину, послѣдующія поколѣнія не откроютъ слѣдовъ суевѣрій?

Живя въ мірѣ абстракцій, ученый, больше чѣмъ кто-либо, подвергается опасности заблудиться въ созданныхъ имъ построеніяхъ, принимая за реальности произведенія собственнаго воображенія. Знакомство съ народнымъ мышленіемъ можетъ имѣть иногда отрезвляющее вліяніе. Народъ также живетъ общественною и государственною жизнью. Какъ онъ смотритъ на нее? Безъ сомнѣнія, что въ его воз-

зрѣніяхъ на власть, отношенія къ другимъ народамъ, основанія существующаго порядка и пр., есть много нелѣпаго *). Но, это не даетъ намъ права огульно отвергать все. Въ дѣйствіяхъ и воззрѣніяхъ толпы, о которыхъ даетъ намъ знать ея языкъ, часто сквозитъ загадочный разумъ. И если многіе ученые, населивъ міръ одухотворенными абстракціями, начинаютъ, подобно Донъ-Кихоту, строить изъ деревенскаго трактира замокъ, изъ его содержателя кастелляна, изъ простой деревенской бабы принцессу, изъ вѣтряной мельницы гиганта, а ея крыльевъ мечи, то простодушный, невѣжественный Санчо видитъ лишь трактиръ, трактирщика, бабу, мельницу, баранье стадо, а не непріятельское войско. Въ царство науки, какъ и въ Царство Божіе, нельзя иногда войти не опростившись, не умалившись до воззрѣній ребенка или народа. Развѣ въ исторіи научнаго мышленія не приходится намъ поправлять иногда себя поворотомъ назадъ къ идеямъ древней Греціи или Индіи?

Въ наукѣ есть сильная тенденція олицетворять нѣкоторыя понятія и этимъ загромождать себѣ путь къ познанію фактически дѣйствующихъ силъ. Сравненіе научныхъ построеній съ результатами народной мысли, воплощенными въ языкѣ, способно навести насъ на раздумье, и если не устранить, то внести поправки въ научныя обобщенія и абстракціи. И обратно: плоды мыслительной работы угасшихъ поколѣній, нашедшіе себѣ выраженіе въ языкѣ, равно какъ и плоды тружениковъ науки средней руки, работавшихъ каждый въ своей болѣе или менѣе узкой спеціальности, мы обязаны повѣрять результатами, добытыми тѣми немногими избранниками науки, которые силою своей мысли съумѣли восторжествовать надъ спеціализаціей.

Разумѣется, что вопросы самолюбія, отождествляющаго спеціальность съ личностью, должны быть оставлены въ сторонѣ. „Ученый не долженъ увлекаться внѣшностями, не имѣть „любимыхъ" гипотезъ; не принадлежать ни къ какой школѣ; и не имѣть никакого хозяина въ наукѣ. Онъ долженъ уважать не лица, а вещи. Истина

*) Это нелѣпое, однако, не столько есть принадлежность языка, сколько результатъ индивидуальныхъ попытокъ построить собственную философію безъ знакомства съ опытомъ и наблюденіями, накопленными въ языкѣ народа. Люди создаютъ часто нелѣпыя построенія именно потому, что они не знаютъ всей мысли, включенной въ данный языкъ. Они берутся за рѣшеніе вопросовъ безъ достаточной подготовки и знаній. Кромѣ того, есть области мышленія, куда проникаютъ только отдѣльныя личности. Отвѣта на нихъ мы, конечно, въ общемъ языкѣ не найдемъ. Общій языкъ можетъ дать отвѣтъ только на тѣ вопросы, безъ рѣшенія которыхъ никто не можетъ жить. Сюда принадлежатъ, напр., элементарные вопросы общественной и государственной жизни: человѣкъ не можетъ жить безъ ихъ рѣшенія, какъ существо государственное и нравственное.

должна быть его первымъ предметомъ". (Jevons, Pr. of sc., 593, книга IV, гл. 26, § 7). Кто любитъ себя больше, чѣмъ истину, тотъ не достоинъ науки. Истинный ученый ставитъ правду выше себя. Заблужденій не избѣгали величайшіе мыслители. Они извинительны, какъ общій удѣлъ человѣческаго рода. Только жертвуя своимъ самолюбіемъ, можемъ мы содѣйствовать торжеству истины. Нѣтъ ничего позорнаго въ томъ, что человѣкъ былъ умнѣе своихъ книжекъ, и прозрѣлъ это только потомъ. И ученые люди составляютъ часть своего народа, и они носятъ иногда въ себѣ истину, не замѣчая ее. Открываемъ мы ее при помощи языка. Языкъ есть не столько средство выразить уже готовую истину сколько—открывать прежде неизвѣстную (Ср. Потебня, Мысль и языкъ, 32). „Неизвѣстная истина", въ смыслѣ неизвѣстныхъ силъ дѣйствительности и отношеній между ними, не значитъ еще никогда не существовавшая истина. Истина всегда была, она всегда стара. Нелѣпо было бы думать, говоритъ Паскаль, что она начинаетъ свое бытіе съ того дня, когда она становится извѣстною. Истина не есть лишь достояніе человѣческаго разума, она универсальна, и потому объективно достовѣрна: прежде чѣмъ сдѣлаться нашимъ субъективнымъ достояніемъ, она была внѣ нашего сознанія—принадлежала „универсальному разуму" (Ср. Hamilton, on Logic, II, 65) *).

Я хочу охарактеризовать здѣсь въ немногихъ словахъ развиваемые въ этой работѣ взгляды, и при томъ не столько съ положительной, сколько съ отрицательной стороны, т. е. не столько то, что я утверждаю, сколько то, чего я не утверждаю. Это важно потому, что, когда кому-либо приходится прокладывать болѣе или менѣе самостоятельный путь въ области знанія, ему часто приписываютъ такія идеи, которыхъ онъ вовсе и не высказывалъ. Выставляется иногда рядъ положеній, очевидно нелѣпыхъ, приписывается противнику, побѣдоносно, конечно, опровергается, и набрасывается такимъ образомъ тѣнь на его труды.

*) „Истина лежитъ по стольку же въ явленіяхъ общества и въ силахъ, создавшихъ ихъ, какъ и въ нашихъ позднѣйшихъ умозрѣніяхъ (speculations) относительно нихъ". (Bascom, Historical interpretation of philosophy, 207). Она лежитъ также и въ насъ самихъ, хотя мы объ этомъ не всегда знаемъ. Или можно выразить ту же мысль иначе: бываетъ различнаго рода знаніе. Знаніе есть *обладаніе истиной*, безразлично, знаемъ ли мы объ этомъ обладаніи (сознательное знаніе), или нѣтъ (безсознательное знаніе). Такъ смотрѣлъ Сократъ, называя себя акушеромъ мысли другихъ; такъ смотрѣлъ Платонъ, подзывающій раба и заставляющій его рѣшить задачу. Такъ смотрѣлъ Спиноза, который даже достовѣрность разсматривалъ „какъ знаніе, обладаніе истиной, все равно знаютъ ли о ней, или не знаютъ" (Brochard, De l'erreur, 126). Бываетъ и такое знаніе, о которомъ Августинъ говорилъ, что мы знаемъ о немъ, только не тогда, когда насъ объ этомъ спрашиваютъ („время").

Основная идея, развиваемая здѣсь, во-первыхъ, очень древняя идея, во-вторыхъ—самая авторитетная и самая распространенная. Ее можно найти у всѣхъ великихъ представителей мысли, хотя она не у всѣхъ въ одинаково ясной и послѣдовательной формѣ выражена. Болѣе ясно она выражена у грековъ (Платонъ, Аристотель и др.) и у англичанъ (Гоббесъ, Локкъ, Бентамъ и юристы: Austin, Halland и, можно сказать всѣ, другіе), менѣе ясно и не такъ послѣдовательно у континентальныхъ авторовъ (Макіавелли, Бодэнъ, Суарецъ, Монтескьё, Кантъ, Гегель...). Идея эта живетъ въ народныхъ языкахъ и пробивается у континентальныхъ юристовъ. Идея эта не связана съ какимъ-либо опредѣленнымъ философскимъ направленіемъ: ее исповѣдуетъ, напр., проф. Берлинскаго унив. Лассонъ въ своей Rechtsphilosophie (Лассонъ, какъ извѣстно, „ein heftiiger Gegner der empirischen Philosophie“,—горячій противникъ такъ называемой эмпирической философіи*)), а съ другой стороны, представители этой самой „эмпирической“ философіи—Локкъ, Hobbes, Бентамъ... Самое непринятіе кѣмъ-либо этой идеи можетъ имѣть въ основаніи лишь недоразумѣніе, порождаемое мало распространеннымъ изученіемъ языка, такъ какъ *на практикѣ, implicite, всѣ люди исповѣдуютъ эту идею.* Она не можетъ и не имѣетъ на дѣлѣ противниковъ, если только люди захотятъ вдумываться въ то, что они говорятъ, и быть послѣдовательными сами съ собою. Могутъ быть лишь недоразумѣнія, непониманіе самихъ себя, или этой идеи. На собственную нашу мысль мы смотримъ черезъ очки языка, а потому часто заблуждаемся относительно собственныхъ нашихъ мнѣній. „Языкъ, какъ говорилъ Hamann (цит. изъ M. Müller, Sc. of Th., 44), есть не только основаніе всей способности мышленія, но и *центральный пунктъ, изъ котораго исходитъ непониманіе разумомъ самаго себя.* (Gildemeister, Hamann's Leben und Schriften, Vol III, p. 71).

Если только люди откроютъ глаза на собственныя мысли и поступки, они не могутъ не замѣтить что излагаемая здѣсь идея есть ихъ настоящая собственная идея. И мнѣ она пришла не отъ меня самого,

*) Говорю „такъ называемой эмпирической философіи“ потому, что слово эмпирическій имѣетъ неодобрительный смыслъ и часто болѣе заслуживается представителями нѣмецкой спекулятивной философіи, чѣмъ англійской научной. Никто такъ эмпирически не относился къ слову-мысли, какъ именно нѣмецкіе мыслители. И никто не относился такъ сознательно, т. е. научно, къ слову, какъ, напр., Локкъ или Бентамъ. Максъ Мюллеръ называетъ работу Локка «критикой языка» и вмѣстѣ съ „Критикой Разума“ Канта считаетъ ее отправной точкой современной философіи. Замѣчанія Локка о природѣ языка получили много времени спустя „полнѣйшее подтвержденіе со стороны науки о языкѣ“ (M. Müller, The Science of Thought, 295, и Science of Language, v. I, p. 405).

а отъ другихъ, живущихъ ею и заражающихъ ею другихъ. Средство для этого самопознанія лежитъ въ языкѣ.

Мы не можемъ изучать юриспруденціи независимо отъ этики. Поэтому, наряду съ юридическими понятіями по преимуществу, каковыми являются законъ и государство, намъ постоянно приходится затрагивать понятія этическія по преимуществу, каковыми являются обычаи и справедливость. Каждое изъ этихъ понятій (законъ, обычай, государство, справедливость)—многосмысленны, что служитъ постояннымъ источникомъ недоразумѣній между людьми и путаницы въ ихъ собственномъ мышленіи: „слова путаютъ смыслъ смертнаго". Понятіе „права" возникло исторически позже, и предназначено было играть второстепенную роль: роль коррелята законной или нравственной обязанности, по преимуществу. Стихійное вліяніе языка, не любящаго произвола надъ собою даетъ себя всегда чувствовать тѣмъ, кто пытается дать понятію „права" иную роль.

Будучи нераздѣльными юриспруденція и этика не могутъ и не должны быть смѣшиваемы. Мы не можемъ ни обнять всей этики въ предѣлахъ юриспруденціи, ни потопить юриспруденцію въ этикѣ. А потому, сознавая ихъ нераздѣльность, мы должны избѣгать ихъ смѣшенія. Не все, что законно, согласно съ тѣмъ или инымъ нравственнымъ штандартомъ. Этому смѣшенію больше всего содѣйствуетъ неудачная терминологія, въ родѣ нѣмецкаго das Recht (всегда переводимаго, но не всегда соотвѣтствующаго нашему „право"), гдѣ этическая идея справедливаго (das Gerechte) въ различныхъ случаяхъ употребленія этого слова чередуется съ идеей совокупности законовъ (или государственно-принудительныхъ нормъ *). Эта шаткая, мѣняющаяся идея и выставлена въ качествѣ основной у большинства континентальныхъ юристовъ. Думая, повидимому, придать благородства скромному „законовѣдѣнію" (science of law), какъ опредѣляютъ, напр.,

*) Широко распространенное мнѣніе, какъ извѣстно, считаетъ jus, Recht, *τὸ δίκαιον*, law, droit, diritto, «Право»... взаимно соотвѣтствующими другъ другу. На основаніи этого, напр., грекамъ и англичанамъ приписывается часто то, въ чемъ они неповинны. „Исторію философіи Права (das Recht)" начинаютъ, напр., съ грековъ. Какъ мы ниже увидимъ, греки были въ этомъ совсѣмъ неповинны... потому что они были умнѣе нѣмецкихъ философовъ и юристовъ 19 и 20 столѣтій. Отсутствіе соотвѣтствія въ терминологіи, равно какъ и смѣшеніе этическихъ и юридическихъ понятій въ континентальной доктринѣ, замѣчено въ послѣднее время и Cathrein'омъ („Recht, Naturrecht etc.", стр. 36): Wie das deutsche „Recht", so wurde auch das lateinische jus, das französische droit, das italienische diritto und das spanische derecho *vom Gerechten auf das Gesetz übertragen*; der Grieche dagegen nennt die Rechtsnorm *νόμος (θέμις)* und der Engländer law. T. e.: „Какъ нѣмецкое Recht, такъ латинское jus, французское droit, италіанское diritto и испанское direcho *перенесены съ понятія о справедливомъ на законъ*; грекъ, наоборотъ, называетъ юридическую норму *νόμος (θέμις)*, а англичанинъ law (законъ)".

англичане юриспруденцію, эта терминологія (наука о правѣ) несетъ путаницу какъ въ этику, такъ и въ юриспруденцію. Нравственныя понятія не должны быть смѣшиваемы съ юридическими (легальными).— Законовѣдѣніе, при томъ смыслѣ слова законъ (law), который придаютъ ему англичане, никогда не можетъ изучаться независимо ни вообще отъ нравовъ (mores, въ томъ числѣ и обычаевъ, mores majorum), ни въ частности отъ нравственности (особенно человѣческихъ представленій о справедливомъ). Даже пониманіе законовъ въ узкомъ смыслѣ не можетъ быть достигнуто безъ изученія этики и обществовѣдѣнія.

Скромность названія (science af law, наука о законахъ) не унижаетъ юриспруденціи при глубинѣ ея пониманія. Ученіе же о справедливомъ, неразрывно связанное съ юриспруденціей, выигрываетъ въ въ полнотѣ, ясности и правильности пониманія, когда его разсматриваютъ какъ составную часть этики, куда оно принадлежитъ какъ часть къ цѣлому.

Англійская юриспруденція съ ея терминологіей не отнимаетъ у континентальнаго юриста ни одного изъ его понятій, особенно понятія о справедливости, основѣ и творцѣ всякаго законодательства. Она считаетъ его необходимымъ и неустранимымъ элементомъ нашего сознанія въ общественной и государственной жизни. Человѣкъ всегда возвышается надъ положительнымъ законодательствомъ, никогда не довольствуется имъ ни въ спекулятивной, ни въ практической сферѣ. Всякая надѣленная государственной санкціей норма подлежитъ въ качествѣ правила поведенія, какъ и весь государственный и общественный порядокъ въ совокупности, нравственной оцѣнкѣ. Подвергать же нравственной оцѣнкѣ положительное законодательство (въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. включая сюда и надѣленные законной санкціей обычаи) значитъ сопоставлять его съ тѣмъ, что должно быть, (а должна быть въ государствѣ прежде всего справедливость), т. е. съ тѣмъ или инымъ идеаломъ справедливаго. Справедливость представляетъ, съ одной стороны, нравственную основу существующаго законодательства, такъ какъ всякій законъ ищетъ себѣ нравственнаго оправданія, нуждается въ немъ и часто живетъ благодаря ему. Съ другой стороны, въ качествѣ нравственнаго критерія для законовъ, справедливость является необходимымъ факторомъ усовершенствованія, прогрессивнаго развитія ихъ, призывомъ къ реформѣ ихъ.—Однако, дать матеріальное содержаніе, указать въ чемъ именно заключаются требованія справедливости, едва ли кто можетъ. „Не знаю что такое справедливое“, говорилъ еще Платонъ, и дальше этого, при скромности, никто не шелъ. Такъ труденъ этотъ вопросъ: отвѣтъ на него предполагаетъ, какъ училъ еще юристъ XIII ст. Bracton, боже-

ственную полноту знанія. Ниже даны будутъ кое-какія поясненія. Пока же я еще разъ подчеркиваю идею неразрывной связи этики съ юриспруденціей. Въ душѣ каждаго человѣка есть чувство, что то или другое изъ существующаго не должно бы существовать,—не справедливо. Это чувство ведетъ къ построенію идеаловъ и къ стремленіямъ къ усовершенствованію.

Какъ нельзя называть атеистомъ того, кто не употребляетъ всуе имени Господа своего, и какъ, наоборотъ, не всякій спасется, кто часто говоритъ „Господи! Господи!“, такъ и англійскій юристъ, бережно обращающійся съ понятіемъ справедливости, не можетъ быть обвиняемъ въ томъ, что онъ не понимаетъ, что справедливость есть основа и цѣль законодательства. Не говоря о принадлежащихъ къ этому направленію философахъ Греціи, какъ Платонъ и Аристотель, и о болѣе древнихъ англійскихъ философахъ, ближайшіе къ намъ Іер. Бентамъ и непосредственный основатель англійской школы Austin (Остинъ) прекрасно понимали связь законодательства и этики. (Іер. Бентамъ написалъ, между прочимъ, трактатъ о принципахъ Морали и Законодательства, а Остинъ предпосылаетъ болѣе обширное, чѣмъ у какого-либо континентальнаго юриста, этическое введеніе къ своимъ Лекціямъ о юриспруденціи).

Наоборотъ, кто понятіе справедливаго (das Gerechte) смѣшивалъ съ понятіемъ законодательства (das Recht въ смыслѣ Inbegriff der Gesetze), то, что *должно* быть (хотя бы его не было), съ тѣмъ, что *есть* (хотя не должно было бы быть), тотъ кончилъ тѣмъ, что послѣднее понятіе почти совсѣмъ заслонило и вытѣснило первое, и на континентѣ снова начали раздаваться голоса о необходимости нравственнаго суда надъ законодательствомъ и о возрожденіи его подъ старымъ, несовсѣмъ удобнымъ, именемъ „Естественнаго Права“ *). У англичанъ нравственная оцѣнка законодательства никогда не отрицалась, не умирала, а потому не приходится и возрождать ее.

*) Подъ „Естественнымъ Правомъ“, желаютъ многіе разумѣть идеалъ законодательства: то, чего нѣтъ, но что должно было бы быть. Эта терминологія возбуждала и возбуждаетъ много сомнѣній (ср. Bonar, Philos. and Polit. econ., 184—196.) „Когда наши предки, говоритъ указанный авторъ (стр. 193), говорили о естественныхъ правахъ, въ понятіи, выражаемомъ этими словами, была правда, но это—правда, которая можетъ быть въ наше время передана инымъ путемъ болѣе опредѣленно и ясно“. Неудачнымъ является какъ термимъ „право“, въ который скрыто вкладывается часто легальный смыслъ этого слова: требованіе, которое можно вынудить судебнымъ порядкомъ и которое опредѣлено закономъ. Такой опредѣленности и такой вынуждаемости не имѣетъ „право“ Естественнаго Права, а между тѣмъ почти невозможно избѣжать риска этого смѣшенія. Далѣе, „естественный“ въ выраженіи „Естественное Право“ не можетъ обойтись безъ объяснительнаго примѣчанія: на дѣлѣ эта естественность оказывается не совсѣмъ естественною (it is not strictly naturel), если подъ естественнымъ разумѣть то,

Ни одно изъ понятій, свойственныхъ континентальной юриспруденціи, не устраняется. Каждому изъ нихъ воздается свое, и понятіе „справедливости“ ставится „превыше всего“. Но, каждому изъ нихъ назначается также какъ болѣе соотвѣтственное мѣсто въ системѣ знанія, такъ и болѣе опредѣленный и болѣе соотвѣтственный духу языка терминъ. Мы не топимъ юриспруденцію въ этикѣ, не отбрасываемъ эту послѣднюю, а, наоборотъ, *подчеркиваемъ* ея значеніе для юриспруденціи, но сознаемъ также, что всей этики юриспруденція вмѣстить не можетъ, а потому намъ приходится не смѣшивать (какъ въ das Recht), т. е. обособлять категоріи этическія и юридическія *). Въ этомъ случаѣ мы слѣдуемъ историческому процессу въ наукѣ. Отдаленная древность не знала обособленія различныхъ отраслей знанія. „Міръ со всѣми его разнообразными явленіями былъ сначала изучаемъ какъ цѣлое. Факты природы и дѣйствія людей одинаково понимались, какъ устроенные богами. Устройство государствъ, равно какъ обычаи и законы всѣхъ народовъ на землѣ, были по стольку же божественнаго происхожденія, какъ и пути планетъ. Большая задача, подлежащая изученію человѣческаго рода, постепенно была раздроблена на много меньшихъ задачъ. Такъ произошло раздѣленіе наукъ. Была проведена линія между тѣми, которыя имѣютъ дѣло съ внѣшней природой, включая теологію и метафизику, и тѣми, которыя имѣютъ дѣло съ дѣйствіями людей. Эти послѣднія, практическія, были такимъ образомъ отдѣлены отъ теоретическихъ наукъ **); и терминъ „законъ“, двусмысленно употреб-

что обыкновенно разумѣется: то, что совершается какъ бы само собой (spontaneous), или по инстинкту. О естественномъ правѣ заходитъ рѣчь лишь тогда, когда, путемъ вѣкового развитія, разумное существо, поглощаемое прежде государствомъ, начинаетъ предъявлять къ нему и его законодательству нѣкоторыя требованія (напр., право на жизнь, на трудъ, на досугъ...). Представленіе о „естественномъ“ здѣсь мѣняется съ людьми и обстоятельствами: оно продуктъ культуры. Культурные продукты мы привыкли противополагать естественнымъ. Поэтому, правъ Карѣевъ (Русское Богатство, 1902, кн. 10: о естественномъ правѣ и субъективной соціологіи), говоря, что право въ Естественномъ Правѣ не есть право въ собственномъ смыслѣ, а если и есть право, то совсѣмъ не естественное.

*) Мы увидимъ ниже, какъ смѣщеніе нравственныхъ и легальныхъ понятій въ одномъ терминѣ (das Recht, Право) постоянно ведетъ къ тому, что стертая граница появляется въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи: „справедливость“ стремится въ область этики, „законъ“ требуетъ себѣ самостоятельнаго мѣста. Разграничительная линія между ними исчезаетъ вполнѣ лишь тогда, когда изслѣдователь самъ погружается въ глубокія и таинственныя воды внѣ-опытнаго знанія. Въ интересахъ обѣихъ (этики и юриспруденціи) граница должна быть удержана.

**) Онѣ соединяются отнынѣ при помощи религіи, и умозрѣніями (speculations) относительно способностей человѣческаго духа (mind).

лявшійся при обсужденіи обѣихъ серій до ихъ раздѣленія, получаетъ съ этой поры двѣ различныхъ исторіи. Въ теоретическихъ наукахъ онъ употребляется какъ абстрактная идея подмѣченныхъ отношеній между явленіями, будутъ ли эти отношенія примѣрами причинности или простой послѣдовательности и сосуществованія. Въ практическихъ наукахъ терминъ этотъ (законъ) употребляется для выраженія абстрактной идеи правилъ, регулирующихъ человѣческія дѣйствія". (Holland, Iurispr. 17, 18).

Въ этой своей работѣ я старался подчеркнуть значеніе для философскаго мышленія изученія родного языка. Пріучить человѣка къ наблюденію надъ своей рѣчью есть величайшее благо, которое только можетъ дать правильная школа. „Ни одинъ предметъ преподаванія въ нашей школѣ не имѣетъ бо́льшаго значенія, нежели родной языкъ *). „Путемъ наблюденія надъ жизнью слова въ его значеніяхъ вырабатывается навыкъ становиться на чужую точку зрѣнія, историческую, и человѣкъ научается смотрѣть на вещи глазами другихъ людей, въ частности своихъ предковъ, и устанавливать связь настоящаго съ прошедшимъ. Роднымъ языкомъ является прежде всего не тотъ книжный „литературный" языкъ, который, оторвавшись отъ соприкосновенія съ живою рѣчью, какъ у юристовъ, слагается часто на почвѣ подражанія иноземному и аляповатыхъ переводовъ **), а живая рѣчь,

*) См. „О преподаваніи родного языка въ школѣ и національномъ воспитаніи и образованіи вообще" Рудольфа Гильдебранда (перев. съ нѣм. Е. Якушкина; рецензія въ „Мирномъ Трудѣ", 1902 г., кн. 4, стр. 213—217).

**) Образчики изученія родной рѣчи изъ средней школы (С.-Петерб. Вѣд., № 154, 9 іюня 1902 г.): „собака, снабженная бѣлыми ногами, пробѣжала съ громкимъ мычаніемъ", „лань, раненая относительно правой ноги"..., „кинжальщики и топорщики" (т. е. оружейные мастера). „Передайвать нужно безъ безсмысла" (вѣроятно, передъ умственнымъ взоромъ носилось нѣмецкое „ohne Unsinn"), Кугороedia—Кирообразованіе. Самъ помню изъ гимназіи „флейтищикъ", т. е. музыкантъ, играющій на флейтѣ. Объясненіе почему языки латинскій и греческій называются мертвыми: ихъ постигла обычная судьба всякаго организма—„живетъ, развивайть, его начинать слабить, слабить, и, наконецъ, околѣвайть"..

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди, прошедшіе подобную школу, теряютъ чутье относительно правильности или неправильности нѣкоторыхъ выраженій. Выраженія въ родѣ „уголовное право", „финансовое право", „полицейское право", не рѣжутъ ихъ уха какъ выраженія не-русскія. Я не имѣю въ виду пуризма рѣчи ради пуризма. Слова „политическій", „юридическій", „полицейскій", „финансовый" и т. п.—также не русскія слова, но противъ употребленія ихъ ничего сказать нельзя. Выраженія въ родѣ „полицейское право" неправильны не потому лишь, что они не-русскія, а потому, что они основаны на ложныхъ предположеніяхъ и вызываютъ ложныя предположенія. Въ лучшемъ случаѣ это жаргонъ, а не русская терминологія. Современный и историческій русскій языкъ чуждъ тѣхъ ложныхъ словоупотребленій и связанныхъ съ ними представленій, которыя даетъ этотъ жаргонъ. Народный языкъ можетъ иногда

живой мѣстный говоръ нашъ. Юридическій жаргонъ, этотъ „чернильный“ quasi-родной языкъ, способствуетъ лишь денаціонализаціи человѣка: отрываетъ его отъ пониманія тѣхъ усилій народнаго генія, которыя оставили свои слѣды главнымъ образомъ въ словѣ. Разрывъ съ народными преданіями, раздвоеніе сознанія интеллигенціи—зло, и съ этимъ зломъ можетъ бороться лишь изученіе родного языка, который одинъ въ состояніи отучить отъ скитаній въ заоблачномъ мірѣ, указать путь къ „благодатному примиренію народной души съ самой собою“. Юристъ съ его особымъ абстрактнымъ жаргономъ, приводящимъ въ недоумѣніе всякаго свѣжаго человѣка (говорю по опыту: ср. мою работу „Наука и филофія права?“, стр. 112) представляетъ собою оторванный отъ родного дуба листокъ, напрасно ищущій пріюта у корней чинары. На почвѣ такого оторваннаго отъ дѣйствительной жизни языка выростаютъ такъ легко различныя превратныя теоріи, представляющія въ сущности лишь невѣрную абстракцію, отрицаніе здороваго чувственнаго воспріятія. А эти теоріи кишатъ въ наше время въ воздухѣ, какъ комары лѣтомъ (Гильдебрандъ, op. c., passim).

Выработать, съ помощью изученія родного языка, точную терминологію для насъ, юристовъ, необходимѣе, чѣмъ для кого-либо другого, такъ какъ „по отношенію къ основнымъ понятіямъ всей юриспруденціи царитъ почти невѣроятная неясность и путаница. Каждый, кто только немного осмотрится въ философской и спеціальной литературѣ юриспруденціи, долженъ будетъ засвидѣтельствовать намъ это“. (Victor Cathrein, „Recht, Naturrecht und positives Recht“, 1901, стр. 1).

Мы должны знать идеи, завѣщанныя намъ нашими предками равно какъ и людьми, стоящими выше насъ. Только самомнѣніе думаетъ, что знаніе есть исключительная принадлежность насъ спеціалистовъ даже въ области вопросовъ, интересующихъ всѣхъ и каждаго. „Знаніе существуетъ въ опытѣ человѣчества, въ ежечасныхъ утвержденіяхъ, выражаемыхъ имъ тысячами путей среди разнообразныхъ процессовъ жизни.... Знаніе есть историческій плодъ человѣческой мысли, работающей во всѣхъ людяхъ, во всѣхъ мѣстахъ, во всѣ времена“ (Bascom, op. c., 2, 3).

Указывая на правильный языкъ, какъ на необходимое требованіе научнаго мышленія, мы не создаемъ какой-либо *новой* методы. Опредѣленіе понятій всегда было очень вѣрнымъ шагомъ впередъ. Опредѣленіе это не мыслимо безъ языка. Понятіе и слово (nomen и

служить хорошимъ коррективомъ якобы-научнаго мышленія. Слово „право“—русское, но соединеніе его въ выраженіи „уголовное право“ для обозначенія совокупности нормъ является не-русскимъ, и научно-неправильнымъ. Объ этомъ еще ниже.

notio) могутъ быть считаемы (какъ это дѣлаютъ Максъ Мюллеръ и другіе языковѣды) двумя названіями одной и той же вещи. Пока не будетъ точно выяснена терминологія, мы не можемъ надѣяться достигнуть сколько-нибудь прочныхъ результатовъ въ нашихъ философскихъ изысканіяхъ. Съ этого требованія начинается *всякая* философская методологія, даже всякое точное мышленіе. Такъ дѣлалъ еще Сократъ.

Всякое мышленіе начинается съ нѣкоторыхъ предположеній относительно языка (certain assumptions with regard to language: Fowler, Logic, I, 75). Только по незнанію роли языка, и его неразрывной связи съ мышленіемъ, мы не замѣчаемъ этихъ предположеній. Знакомство съ языками не-арійскихъ народовъ открываетъ намъ, какъ важны, и часто совершенно ошибочны,*) такія предположенія въ нашемъ мышленіи.

Моя книга разумѣется, имѣетъ въ виду тѣхъ людей, о которыхъ Кантъ говоритъ (pract. Vern., 1797, 17, 18), что отысканіе истины близко лежитъ ихъ сердцу. Тѣ, которые имѣютъ предъ глазами свою старую систему словъ, въ смыслъ и значеніе которыхъ они не намѣрены проникать, и у которыхъ давно уже рѣшено, что слѣдуетъ одобрять или не одобрять, не нуждаются въ какомъ-либо из-

*) Напр., по господствующему взгляду вначалѣ стоитъ слово, какъ простѣйшій элементъ мысли; изъ словъ комбинируется предложеніе. Въ дѣйствительности единицею мысли служитъ предложеніе, а слово есть позднѣйшій фактъ, явившійся въ результатѣ разложенія предложенія на части. Въ китайскомъ языкѣ сейчасъ замѣтно это. Здѣсь „звуковые комплексы сами по себѣ не выражаютъ еще никакого понятія“ (П. Шмидтъ „Опытъ мандаринской грамматики“, 1902, стр. 43) „Грамматика китайская не можетъ быть хорошо понята иначе, какъ подъ условіемъ отбросить не только терминологію европейской грамматики, но и понятія, прикрытыя этой терминологіей. Полисинтетическіе языки Америки не поддаются никакимъ попыткамъ открыть въ нихъ“ части рѣчи „и различныя грамматическія идеи, занимающія столь важное мѣсто въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ“. [Saycе, Princ. de philol. comp., 284). Это радикальное различіе и даетъ намъ возможность проводить различіе между существеннымъ и несущественнымъ въ нашей собственной рѣчи-мышленіи, и такимъ образомъ лучше понимать ея роль въ созданіи науки. Наши индо-европейскіе языки не представляютъ „всѣхъ логическихъ связей мысли“ (ibid., 58). Какъ недостаточна обычная наша подготовка къ изученію рѣчи-мышленія, состоящая изъ латинскаго, греческаго, и двухъ или трехъ новыхъ языковъ той же семьи! „Ограничить наше вниманіе одной только семьей языковъ, а еще болѣе двумя или тремя членами этой семьи, значитъ идти къ многочисленнымъ ошибкамъ, къ ложнымъ обобщеніямъ“ (ibid., 24). Нѣтъ языка столь темнаго или столь варварскаго, чтобы имъ могъ пренебречь мыслитель. (ср. ibid].—Не можемъ мы понять и отношенія словъ къ понятіямъ безъ лингвистической подготовки. Не можемъ замѣтить ихъ крайней измѣнчивости въ значеніяхъ, и скрытаго стихійнаго вліянія языка народа на наше мышленіе.

слѣдованіи, которое могло бы разрушить эту систему словъ и обнаружить, какъ легко часто мы воображаемъ, что понимаемъ вещи, когда на дѣлѣ обладаемъ лишь системой словъ, внутренне невозможной въ силу противорѣчія ея съ самою собой.—Правильность собственнаго мышленія я провѣрялъ не на самомъ себѣ, или нѣсколькихъ своихъ сторонникахъ, а на мышленіи величайшихъ философовъ, равно какъ и на мышленіи цѣлаго народа; съ этою повѣркой я не боюсь впасть въ непослѣдовательность. И мои quasi-противники, какъ я убѣдился анализомъ ихъ мышленія, думаютъ такъ же, какъ и я; только они этого не замѣчаютъ. Только заботливое изученіе философіи, логики и языковѣдѣнія открываетъ намъ наше истинное „я“, съ его мышленіемъ. Кажущееся мы часто принимаемъ съ твердостью за дѣйствительное. Чтобы ошибки мышленія моихъ критиковъ не показались имъ непослѣдовательностью (не моей, а) универсальной системы мышленія *), развиваемой въ этой работѣ, я указываю на литературу, вдумчивое штудированіе которой можетъ уяснить многое изъ того, что каждому пишущему приходится затрагивать лишь мимоходомъ.

Еще одно замѣчаніе. Мнѣ могутъ возразить, что не могу же я знать образа мыслей другихъ людей, которые мнѣ совершенно незнакомы. Совершенно справедливо. Образа мыслей ихъ я не знаю. Но, есть такія схемы мышленія, которыя обязательны для всякаго человѣ-

*) Намъ, разумѣется, извѣстно то, что извѣстно всѣмъ: общность извѣстнаго міровоззрѣнія не есть еще ручательство его соотвѣтствія дѣйствительности (ср. Kant, pract. Vern., 25; Hamilton, on Logic, II, 60—80), но практически всѣ мы считаемъ за истину то, истинность чего никто не опровергаетъ. Мой читатель скорѣе всего, напр., думаетъ, что „право“ есть „совокупность нормъ“ (извѣстнымъ образомъ квалифицированныхъ). Если мы не будемъ знать, что такое „норма“, мы не можемъ знать, что такое „совокупность нормъ“, значитъ не будемъ знать также, что такое „право“. Понятіе „нормъ“ есть, слѣдовательно, prior нашего знанія о „правѣ“: оно есть болѣе элементарное или основное понятіе. Это какъ разъ то, что утверждается и въ этой работѣ. Но, скажутъ мнѣ, тогда не зачѣмъ было писать ее. На дѣлѣ это необходимо было (1), потому что существуетъ много другихъ пониманій „права“, кромѣ только что указаннаго, (2) потому что и тѣ, которые считаютъ „право“ совокупностью нормъ никогда не остаются вѣрными сами себѣ; рядомъ съ такимъ пониманіемъ „права“ возникаетъ представленіе о немъ какъ о какой-то особой силѣ (явленіи), надѣленной аттрибутами аналогичными тѣмъ, которыми другіе надѣляютъ Совѣсть, Разумъ, Божество, Справедливость (съ большимъ С), Природу (также съ большимъ П), и много другихъ понятій. Эта непослѣдовательность крайне вредно отзывается на рѣшеніи важнѣйшихъ общихъ вопросовъ юриспруденціи, и служитъ причиной вѣчныхъ распрей юристовъ тамъ, гдѣ можетъ быть на дѣлѣ только одно мнѣніе. „Языкъ путаетъ смыслъ смертнаго“, такъ какъ „cogitamus, sed verba cogitamus“. Разумѣется, что народы, не имѣющіе словъ-понятій въ индо-европейскомъ смыслѣ, мыслятъ также разумно и какъ государственныя существа, но иначе, чѣмъ мы.

ка. Всѣ мы, наприм., считаемъ, что изъ двухъ противорѣчащихъ положеній нельзя составить себѣ мысли, что вещь не можетъ въ одно и то же время быть и не быть, и т. д. Хотя я не знаю всѣхъ людей, но я прекрасно знаю, что всѣ они дышатъ, пьютъ и ѣдятъ. За это ручается мнѣ опытъ и элементарное знаніе физической природы человѣка. Въ универсальности основныхъ идей юриспруденціи убѣждаютъ насъ универсальная государственная (*ζῶον πολιτικόν*) и разумная природа человѣка, и общее строеніе индо-европейскихъ языковъ (повторяю, что по отношенію къ народамъ совершенно отличныхъ лингвистическихъ группъ нельзя говорить объ основныхъ понятіяхъ въ нашемъ смыслѣ; я говорю объ универсальности по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые пользуются въ мышленіи словами-понятіями въ индо-европейскомъ смыслѣ). Мы мыслимъ въ извѣстныхъ схемахъ, потому что должны необходимо мыслить такъ въ силу своей разумно-государственной природы и въ силу общихъ законовъ нашего языка, измѣнить которыхъ мы не можемъ. И какъ мнѣ нѣтъ нужды знакомиться прежде съ человѣкомъ, чтобы убѣдиться, что онъ дышетъ; такъ нѣтъ мнѣ нужды знать его, чтобы убѣдиться, что онъ будетъ мыслить по извѣстной схемѣ, разъ я знаю, что онъ аріецъ, или и неаріецъ, но мыслитъ на арійскомъ языкѣ. Чѣмъ вы дышите (чистымъ или загрязненнымъ воздухомъ), или чѣмъ вы питаетесь, я не знаю, не знаю я также и вашихъ политическихъ или иныхъ взглядовъ; но, какъ я знаю, что вы должны дышать, такъ знаю я и то, что вы должны мыслить объ этико-юридическихъ вопросахъ по извѣстной схемѣ словъ-понятій.—Зная, напримѣръ, наличность трехъ силъ человѣческой жизни: индивида, общества и государства, я знаю, что каждый человѣкъ производитъ оцѣнку дѣйствій своихъ и чужихъ, съ точки зрѣнія лишь трехъ критеріевъ: нравственнаго (у нѣкоторыхъ съ религіознымъ оттѣнкомъ), соціальнаго (обычаи, мода, приличія, „законы чести“, и т. д.) и государственнаго (легальнаго, „юридическаго“,—но не всегда устойчивой терминологіи другихъ). О какомъ либо *особомъ* „юридическомъ“, или *особомъ* „правовомъ“ критеріи не можетъ быть рѣчи, если только мы будемъ внимательно слѣдить за своей терминологіей. Можно, напримѣръ, употреблять термины „юридическій“ и „правовый“: 1) въ смыслѣ „легальный“, „государственный“, „политическій“, „судебный“, т. е. такъ или иначе въ связи съ идеею государства, или извѣстной долею содержанія этой идеи,—напримѣръ, когда противополагаютъ „юридическій“ и „политическій“; 2) въ смыслѣ противоположенія идеѣ нравственнаго внутренняго критерія или санкціи, объединяя въ большей или меньшей мѣрѣ два другихъ (государственный и соціальный). Такъ что „юридическій“ („правовой“ тожъ) или: 1) совпадаетъ съ однимъ изъ указанныхъ трехъ понятій—„госу-

дарственный", или 2) представляетъ комбинацію, обыкновенно двухъ, изъ нихъ—„государственный" и „соціальный", или 3) представляетъ подраздѣленіе одного изъ нихъ (напримѣръ, „юридическій" въ отличіе отъ „политическій"). Какъ и вездѣ смыслъ его опредѣляется контекстомъ, обстоятельствами рѣчи и противоположеніями, иногда явными, иногда скрытыми. Ниже это станетъ яснѣе читателю. То или иное употребленіе создаетъ часто удобный способъ выраженія, но не даетъ намъ *особаго* критерія или *особой* санкціи, рядомъ съ тремя указанными (госуд., соціал., нравств.). Человѣческая природа, складъ человѣческой жизни и общій строй языка даютъ намъ основанія для нѣкоторыхъ заключеній, столь же необходимыхъ, какъ и заключеніе наше, что даже незнакомые намъ люди дышатъ, или что на нѣкоторые языки нельзя перевести слова „камень", хотя камней у говорящихъ ими народовъ очень много (mirabile dictu?)*).—Чужая душа для насъ, безъ сомнѣнія, потемки. Но, лучшаго средства, чѣмъ *языкъ, чтобы разобраться въ ней*, мы не имѣемъ.

Языкъ нашего великаго народа свидѣтельствуетъ, что въ русской землѣ зарытъ богатый источникъ здраваго государственнаго ума и философіи. Я буду счастливъ, и буду считать выполненной свою жизненную задачу, если мнѣ удастся указать другимъ путь къ этому источнику и возбудить ихъ къ работѣ на пользу родины и человѣчества. Возстановленный въ своей чистотѣ**), русскій языкъ отражаетъ въ себѣ болѣе глубокую „философію законодательства" (правильный терминъ русскаго юриста Неволина), чѣмъ „философіи права" нѣмецкихъ профессоровъ. Мѣсто русскаго народа не въ хвостѣ нѣмецкаго или иного иностраннаго движенія, а во главѣ науки. Русскій народъ призванъ указывать дорогу многимъ другимъ, а не быть жалкимъ посмѣшищемъ иноземной горе-учености. Нужно только разбудить его самосознаніе (не „самомнѣніе"); а средствомъ для этого, какъ и свидѣтельствомъ богатыхъ дарованій, служитъ языкъ.

---

*) Настоящая работа не исчерпываетъ всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ анализомъ основныхъ понятій юриспруденціи. Кое-что интересующійся можетъ самъ пополнить по существующей литературѣ, а кое-что, если буду живъ и здоровъ, намѣренъ я обсудить въ своихъ послѣдующихъ работахъ. Говоря словами Гёте, „подобную настоящей работу нельзя собственно назвать никогда готовою (so eine Arbeit wird eigentlich nie fertig). Нужно считать ее готовою, если по времени и обстоятельствамъ сдѣлано было возможное".

**) Эта „чистота" не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ искусственными попытками нѣкоторыхъ пуристовъ изгнать изъ языка то, что, хотя и заимствовано, но приспособлено къ особенностямъ русскаго языка, творчески переработано имъ и пропиталось національнымъ духомъ. „Полицейскій", „финансовый", „вексель"... также заимствованныя слова, но они перешли уже въ сокровищницу русскаго языка, сдѣлались русскими.

Русскій языкъ есть толкователь русской народной мысли. Въ латентномъ (скрытомъ) видѣ эта мысль таитъ въ себѣ глубокую и правильную философію. Обратясь къ этому источнику, мы лишь снимемъ съ себя обвиненіе въ неблагодарности и несправедливости къ собственному нашему народу, вскормившему наше мышленіе, помимо нашего сознанія. Наша наука должна пользоваться результатами, добытыми другими народами, но она не должна служить лишь простымъ эхомъ западной литературы, отражающимъ одинаково мудрое и немудрое, хорошее и дурное. Пользуясь хорошимъ чужимъ, мы должны освободить свое мышленіе отъ господства чужого нехорошаго. Наша наука не должна быть экзотическимъ растеніемъ, въ ней долженъ вѣять духъ родины. Это должно быть не во имя національности, а во имя стремленія къ дѣйствительности и истинѣ. Идея дорога намъ *не потому, что она русская, а потому, что она правильная.*

Сознаніе умственной даровитости русскаго народа, рѣшившаго давно основной вопросъ юриспруденціи, на который ушло безплодно такъ много научныхъ силъ другихъ національностей, не должно, однако, сбивать насъ на ложную дорогу. Служеніе правдѣ и наукѣ должно быть коррективомъ служенія великой національной идеѣ. Мы должны изучать иностранные языки и культуру. Чѣмъ глубже будемъ проникать мы въ нихъ, тѣмъ лучше будемъ понимать самихъ себя въ нашихъ достоинствахъ и нашихъ недостаткахъ. Ложный патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ. Всякая національность имѣетъ свое законное существованіе и свои преимущества передъ другими. Если въ умственномъ отношеніи мы стоимъ выше нѣмцевъ, то есть кое-что у нѣмцевъ, что можетъ служить намъ образцомъ для подражанія. Не игнорировать другихъ, въ національномъ самомнѣніи, должны мы, а изучать духовную жизнь ихъ: „все испытывать и хорошаго держаться“, по словамъ апостола,—безразлично, будетъ ли это хорошее нашимъ или иноземнымъ.

Національнизмъ, защищаемый языковѣдѣніемъ, глубже и гуманнѣе стремленій космополитизма. Потеря національности, „европеизація“, американскаго индѣйца, можетъ быть желательнымъ фактомъ для космополита. Онъ можетъ даже радоваться этому, какъ „распространенію“ европейской „высокой“ цивилизаціи. Не такъ посмотритъ на это лингвистъ. Онъ съ сожалѣніемъ будетъ видѣть въ этой денаціонализаціи потерю для науки возможности уяснить себѣ нѣкоторыя стороны человѣческой психики. Эллинъ и іудей одинаково полезны, одинаково необходимы, лингвисту. Стираніе народной индивидуальности есть всегда ущербъ для прогресса знанія. Какъ много дали бы люди, если бы можно было воскресить забытое и исчезнувшее безъ слѣда прошлое каждой народности!!

Народъ русскій—даровитый народъ*). Но, если мы не хотимъ даромъ прожить на этой земл'Ѣ, мы должны считаться съ историческими и иными условіями нашей жизни. Природа и исторія, дв'Ѣ мачихи, поставили намъ больше препятствій, чѣмъ какому-либо изъ западныхъ народовъ. Въ то время, какъ мы боролись съ этими препятствіями, другіе, пользуясь отчасти нашею защитою, успѣли опередить насъ кое въ чемъ. Ведя собственную свою національную линію мы должны пользоваться опытомъ и результатами изсл'Ѣдованій другихъ, жившихъ въ бол'Ѣе счастливыхъ условіяхъ, народностей. Важно им'Ѣть увѣренность въ собственной нашей даровитости, но, какъ говорилъ еще Гераклитъ, „высокомѣріе нужно тушить еще скор'Ѣе, нежели тушатъ пожаръ". Посмотрите, какъ вредило и вредитъ національное самомн'Ѣніе одному изъ даровитѣйшихъ народовъ—французамъ, какъ оно вредитъ теперь н'Ѣмцамъ!

Нужно учиться чужому и не чуждаться своего. Въ русскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ чертахъ русскаго народнаго характера—лучшее наше историческое наслѣдство. Мы должны изучать его, поддерживать и развивать. Только такимъ путемъ не дадимъ мы „потонуть нашей правдѣ въ нѣмецкой пучинѣ" (Шевченко). Стыдно намъ не знать своего, и рабол'Ѣпно, безъ критики, подражать людямъ, которые не умѣли даже хорошо воспользоваться наслѣдствомъ старой, грекоримской, культуры.

Мы должны разборчиво относиться къ тому, что импортируется къ намъ съ Запада подъ священнымъ флагомъ науки. Мы должны уважать науку, „ибо, какъ говорилъ еще Соломонъ, мудрость лучше жемчугу; и все, чего можно желать, не можетъ сравниться съ нею" (Изреченія, VIII, 11) Но, не привозятъ ли намъ мусору подъ этимъ флагомъ?—Ниже читателю станетъ ясно, какіе непростительные прома-

*) Уступая, быть можетъ, непосредственнымъ своимъ западнымъ сосѣдямъ, нѣмцамъ, въ трудолюбіи, любви къ порядку и честности, русскій народъ превосходитъ ихъ въ интеллектуальномъ отношеніи. Признаніе этого можно нерѣдко найти у самихъ же нѣмцевъ. Народная масса Россіи отличается не только тѣмъ, что она умѣетъ водку пить и ѣсть сальныя свѣчи, по нѣмецкому представленію о ней. Это мало початый уголъ огромныхъ умственныхъ силъ. Дать возможность развернуться имъ значитъ обогатить человѣчество новыми открытіями и новыми побѣдами надъ природой и мракомъ. «An Weite des Gesichtskreises und politischem Scharfblicke ist der gebildete Russe dem gebildeten Deutschen ohne Frage überlegen, während dieser wieder in Fleisz, Ordnungsliebe und Gewissenhaftigkeit seine auch vom Russen willig oder widerwillig anerkannten Vorzüge hat». (Preussische Iahrbücher, 1903, кн. III, статья Ar. Diezmann'a: Politischer Sinn bei Deutschen und Russen, стр. 403). Т. е., по широтѣ кругозора и глубокому политическому уму образованный русскій безспорно стоитъ выше нѣмца, въ то время какъ послѣдній имѣетъ свои, охотно или неохотно признаваемыя и русскимъ, преимущества по прилежанію, любви къ порядку и добросовѣстности. Вотъ отзывъ о насъ съ нѣмецкой стороны.

хи въ мышленіи дѣлаютъ, подъ вліяніемъ языка, нѣмецкіе ученые по основнымъ вопросамъ юриспруденціи. Вѣдь, говоритъ Whitney (La vie du langoge, 250), „кто предпринялъ просвѣтить своихъ близкихъ въ подобныхъ вопросахъ, не можетъ быть извиняемъ въ ошибкахъ относительно основныхъ принциповъ". Не на то поставлены ученые и не для того существуетъ наука, чтобы распространять темноту и лжеученія. Никто же, какъ извѣстно, не умѣетъ „neue Schwierigkeiten über die einfachsten Kleinigkeiten aufzustellen", какъ нѣмецкіе „Stockgelehrten", какъ ихъ характеризовалъ еще Эразмъ Роттердамскій (Lob. d. Thorh, 9*).

Невѣроятное количество „ученой философіи", безплодно растраченной на объясненіе простого отношенія, въ которомъ заподозрили присутствіе какого то метафизическаго явленія высшаго порядка, поражаетъ удивленіемъ. Недалеко то время, когда эта нѣмецкая ученость будетъ возбуждать всеобщій гомерическій хохотъ. Это скандальное банкротство западно-европейской узкости и бездарности должно предостеречь насъ отъ слишкомъ неразборчиваго увлеченія иностраннымъ.

Умная русская рѣчь служитъ намъ залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго мышленія. Основной причиной нашихъ нездоровыхъ умственныхъ движеній, отклоняющихъ нашихъ сограждан отъ прямого дѣла, и будящихъ въ нихъ несбыточныя, никакого соприкосновенія съ дѣйствительностью и правдою не имѣющія мечты, служитъ то, что мышленіе нашей „интеллигенціи", какъ подчиненной, такъ и властной, точка ихъ зрѣнія на вещи, опредѣляется не столько воздѣйствіемъ русской жизни и ея отраженія въ русской рѣчи-мышленіи, сколько иноземной, выросшей на иной почвѣ, доктриной.— Сдѣлать такъ, чтобы строй мышленія каждаго русскаго человѣка опредѣлялся, не только безсознательно (отъ этого никто не можетъ уклониться), но и сознательно, постояннымъ и могучимъ вліяніемъ русской дѣйствительности и родного языка, какъ хранителя

*) „Эта страна (Германія) со временъ Лютера считала себя просвѣтительницею народовъ. Какъ во времена Лютера нѣмцы стремились быть просвѣтителями въ области религіи, такъ въ настоящее время они стремятся быть *культуртрегерами*; они вѣрятъ въ свою миссію научную и культурную". Пр. Ѳ. Зеленогорскій (ст. въ Мирномъ Трудѣ, 1902 г., кн. I, стр. 45). И это думаетъ о себѣ народъ, первый, правда, по трудолюбію въ Европѣ, но послѣдній по умственнымъ дарованіямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и исторія. Они послѣдними заявили о себѣ на почвѣ образованности. Еще Лейбницъ называлъ своихъ соотечественниковъ elende Nachzügler in der Wissenschaft (Karpeles, All. Gesch. der Litt., II, 421), т. е., жалкими людьми, которые тащутся позади другихъ въ наукѣ; вспомните презрительное отношеніе къ нѣмецкому выдающихся людей, группировавшихся вокругъ Фридриха Великаго, и его самого (ср. ibid, 449), и недостаточный патріотизмъ Гёте, столь огорчающій историка Jäger'а.

мыслительной работы ряда угасшихъ поколѣній, сдѣлать это—значитъ направить русскую жизнь и ея умственныя движенія въ надлежащее русло. Иноземное вліяніе будетъ служить въ такомъ случаѣ только на пользу намъ. Несчастье русскаго народа въ томъ, что онъ имѣетъ обезличенную интеллигенцію. Вскормлена она чужими теоріями, живетъ обезьянствомъ Запада. Русское чувство, чувство обязанности передъ вскормившимъ ее народомъ, національное самосознаніе ея, затмились. Она не знаетъ своего народа. А не зная, нельзя и любить его; нельзя думать о томъ, чтобы она серьезно помышляла оплатить свой долгъ народу, которымъ она живетъ.—Знакомство съ основами юриспруденціи, какъ онѣ проводятся къ намъ съ Запада (и не изъ лучшихъ источниковъ), показываетъ всю отдаленность ихъ не только отъ русской, но и отъ какой-либо иной дѣйствительности. Возвратить дѣйствительности и правдѣ то, что принадлежитъ имъ, и есть ближайшая задача этой работы.

Было время, когда, напр., испанская литература и духовная жизнь занимали очень высокое положеніе и оказали очень благодѣтельное вліяніе на жизнь и литературу другихъ народовъ. Но, вотъ, вмѣстѣ съ Бурбонами, проникло въ Испанію французское вліяніе. Французское направленіе, съ гибельною односторонностью, культивировалось на счетъ всякаго иного. Это кончилось подавленіемъ національнаго самосознанія и глубокимъ упадкомъ нѣкогда блестящей національной литературы (Ср. Karpeles, op. c., II, 86, 87... 101). Считалось хорошимъ только то, что выросло на французской почвѣ. Высшіе классы заговорили по-французски; къ родной литературѣ, давшей не превзойденные, какъ, напр., у Сервантеса, образцы, относились съ презрѣніемъ. Эта односторонность повела къ вырожденію національной духовной жизни. Только въ послѣднее полустолѣтіе замѣчается реакція національнаго самосознанія противъ односторонняго господства французскаго духа и французскаго вкуса. Одинъ изъ писателей XIX вѣка Iosé de Espronceda (1810—1842) далъ образное выраженіе этому гибельному увлеченію чужимъ въ своемъ поэтическомъ произведеніи „El estudiante“ (студентъ). Герой этой поэмы слѣдуетъ за молодою замаскированною дамой по ея пути въ какую-то огромную, мрачную пустыню, гдѣ оба они начинаютъ сходить по безконечной вьющейся лѣстницѣ. Тамъ они достигаютъ глубины преисподней. Здѣсь, наконецъ, онъ срываетъ съ нея покрывало, но... за этимъ покрываломъ невѣсты скрытъ трупъ, и при торжествующемъ пѣніи духовъ ада совершается соединеніе студента съ мертвою женщиной на вѣчныя времена. Espronceda даетъ въ этой поэмѣ картину собственнаго отечества. Онъ видитъ, какъ его родина свернула на гибельный путь, и пытается сорвать покрывало съ трупа, прежде чѣмъ заключено на всегда

бѣдственное соединеніе. Пусть эта аллегорія послужитъ предостереженіемъ и для тѣхъ изъ русскихъ людей, которые не въ мѣру увлекаются призраками неглубокаго нѣмецко-латинскаго духа и внѣшней культуры!

Повторяю еще разъ, однако, что *путь къ самопознанію лежитъ для насъ, какъ и для другихъ, черезъ изученіе иноземнаго*. Не познавъ другого, нельзя познать и самого себя.

Даже ошибки другихъ поучительны для насъ. Онѣ свидѣтельствуютъ о русскомъ умственномъ превосходствѣ. А это знаніе очень важное, если только мы съумѣемъ соединить съ этимъ трудолюбіе и скромность, принимая во вниманіе наши другія, великія и многія, несовершенства и то, что *умъ одинъ не создастъ еще лучшій типъ человѣка*.

Разумѣется, что, если мы будемъ изучать только иностранное и пренебрегать своимъ, никакого самопознанія изъ этого не выйдетъ. Цѣль—самопознаніе не должно теряться при изученіи жизни другихъ народовъ.

Ни одна сила, сознающая свою нравственную отвѣтственность, и сколько-нибудь благоразумная, не возьмется и за самое маленькое дѣло безъ увѣренности, что у нея хватитъ внутреннихъ рессурсовъ довести это дѣло до конца. Много можно было бы сдѣлать въ Россіи, если бы разбудить сознаніе русскихъ людей объ умственной даровитости ихъ національности *)! Чужеземное иго въ сферѣ мысли, иго,

---

*) „Мы съ малыхъ лѣтъ запуганы своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада“, говоритъ Герценъ. Тютчевъ же съ негодованіемъ относился къ недостатку національнаго самосознанія у русскихъ, къ пренебреженію со стороны русской интеллигенціи правами и интересами своей народности. Сюда относится, конечно, и незнаніе русскими рѣчи-мышленія своего народа, непониманіе необходимости изучать и хранить свое родное. „Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь! Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе! Цивилизація—для нихъ фетишъ, но недоступна имъ ея идея. Какъ предъ ней ни гнитесь, господа, вамъ не снискать признанья отъ Европы: въ ея глазахъ вы будете всегда не слуги просвѣщенья, а холопы!„ („Мирный Трудъ“, 1902, кн. 1, стр. 122, 124)... Самомнѣніе—большое несчастье... но, не даромъ жилъ и русскій народъ. Русскій „некультурный“ народъ, если мы будемъ настолько милостивы и снисходительны, чтобы познакомиться съ его мышленіемъ, оказывается достаточно умнымъ, чтобы поучить коечему ученыхъ западнаго „культуртрегерства“. И поучить не чему-нибудь второстепенному, а *самому важному*.

Русскій умъ долженъ свергнуть съ себя иго чужой мысли. Мы должны заботиться о выработкѣ собственнаго взгляда на вещи.

Было время, когда наша интеллигенція считала даже унизительнымъ говорить на родномъ языкѣ, и когда журналисты съ радостью оповѣщали правительство, что „образованное общество заговорило по-русски“ (см. записку по поводу разрѣшенія изданія „Русскаго Вѣстника“). Надежда, однако, чтобы „русскій умъ такъ же свергъ съ себя иго чужой мысли, какъ уже свергъ иго чужого слова“ не оправдалась вполнѣ до сихъ поръ. Еще Карамзинъ ставилъ русскимъ въ примѣръ національное самосознаніе англичанъ (Письм. русск. путешест.).

сковывающее правильную національную мысль и не имѣющее за собою никакой другой поддержки, кромѣ нашего раболѣпства, столь же тяжело, столь же вредно для истины, народа и человѣчества, какъ и всякое другое рабство. „Достойный свободы умѣетъ уважать чужую свободу, а возлагающій ярмо на раба—самъ рабъ". Торжество русской правды послужитъ на пользу и тѣхъ, которымъ случайно выпало на долю теперь „говорить большое слово", давать (ложный) тонъ, вводитъ въ заблужденіе самихъ себя и другихъ.

Какъ и всякая правда и мудрость, и наша правда „была установлена отъ вѣчности, съ начала, раньше земли" (Соломонъ, Изреченія, VIII, 23). Поэтому, всмотрѣвшись внимательно, мы найдемъ ее вездѣ и у всѣхъ, даже у тѣхъ, которые „грѣшатъ противъ нея" (ibid., 36). Но, нигдѣ мы не найдемъ той удивительной чуткости къ истинѣ въ данномъ случаѣ какъ въ русской рѣчи; русскій народъ былъ ея носителемъ и хранителемъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ кто-либо другой. Ни въ нѣмецкомъ, ни во французскомъ, ни въ италіанскомъ, ни даже въ англійскомъ языкѣ мы не найдемъ этого. Всякій языкъ отражаетъ въ себѣ міровоззрѣніе народа. И безспорно, что „во всякомъ языкѣ есть разумъ и философія" (Hamilton, Logic, II, 143); но другого такого чуткаго хранителя истины, какъ русская народная рѣчь, въ данномъ вопросѣ мы не отыщемъ среди самыхъ культурныхъ народовъ.

Каждый, „имѣющій уши", можетъ слышать зовъ этой правды въ русской рѣчи:

„Слушайте же меня, мои дѣти. Благо тѣмъ, которые ходятъ моими путями... Мною управляютъ короли и совѣтники устанавливаютъ законы. Мною господствуютъ князья и всѣ правители земли" (Соломонъ, ibid., 32, 15, 16). Подобно Соломоновой Мудрости она зоветъ насъ въ словѣ самого маленькаго человѣка, ея голосъ звучитъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русскій языкъ, „она говоритъ съ нами открыто на дорогѣ и стоитъ на улицѣ". „У воротъ города, при входѣ въ двери, кричитъ она: о вы, мужи, я кричу къ вамъ и зову людей... Слушайте, ибо я хочу говорить, что важно, и научить тому, что справедливо... Всѣ рѣчи моихъ устъ вѣрны, и ничего превратнаго или ложнаго нѣтъ въ нихъ... Примите мое ученіе охотнѣе серебра и уважайте науку выше, чѣмъ дорогое золото" (Соломонъ, Sprüche, VIII, 1, 2, 3, 4, 6, 8, 10).

Такъ говоритъ русскій языкъ!

Какъ и всякая истинная Мудрость, она говоритъ намъ со всѣхъ сторонъ и не нуждается въ предварительномъ удостовѣреніи какой-либо Академіи или ученаго собранія. Она говоритъ даже устами тѣхъ, кто сталъ бы отвергать ее. Но, какъ свидѣтельствуетъ исторія науки, человѣкъ—удивительное существо: самыя простыя и очевидныя исти-

ны, всегда носимыя имъ съ собою, онъ замѣчаетъ позже всего. Съ пробужденіемъ рефлексіи, онъ часто начинаетъ съ построенія самыхъ искусственныхъ и странныхъ объясненій для очень простыхъ вещей, и потомъ удивляется созданіямъ своего воображенія *).

Самая удивительная вещь на свѣтѣ это—*разумность безсознательнаго* въ человѣкѣ и внѣ человѣка!

Не вся мудрость заключена въ книгахъ. Это, конечно, всего очевиднѣе должно быть ученымъ, наблюдающимъ, какъ мало остается изъ того, что признавалось истиной въ нихъ, черезъ какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ. Если бы вся она была уловлена ими, прекратился бы научный прогрессъ.

---

*) Одинъ очень ученый французъ пригласилъ къ себѣ въ гости другихъ ученыхъ. Въ саду на столѣ стоялъ металлическій большой шаръ для украшенія,—новость въ ту пору. Одинъ изъ гостей, осмотрѣвъ его и дотронувшись до него рукою, открылъ къ удивленію, что сторона обращенная къ солнцу была холоднѣе тѣневой. Это дало поводъ къ длиннымъ ученымъ дебатамъ о причинѣ этого страннаго явленія. Бывшіе тутъ физики давали остроумныя ученыя объясненія. Послѣ долгихъ ученыхъ споровъ подошедшій случайно садовникъ объяснилъ, что онъ просто повернулъ шаръ нагрѣвшейся стороною отъ солнца къ тѣни. Tableau!

Глава I.

Важность основныхъ понятій.

„Только взору философскаго ума факты открываютъ свой смыслъ и только передъ нимъ располагаются въ логическомъ порядкѣ". Джевонсъ, Основы науки, 539.

....Die alte Wahrheit.... dasz Philosophie und Einzelforschung zusammengehören.... (Delbrück, Grundfrag. d. Sprachforsch., 176).

При всемъ различіи во взглядахъ у юристовъ относительно исходныхъ пунктовъ и конечныхъ выводовъ, относительно терминологіи, методологіи и систематики ихъ „науки", относительно характера ея основного понятія и множества другихъ пунктовъ, есть, повидимому, одинъ тезисъ, относительно котораго можно привести къ соглашенію большинство ихъ. Это именно то положеніе, что непосредственнымъ, ближайшимъ, предметомъ ея заботъ служатъ тѣ *правила* (нормы) человѣческаго поведенія, или общежитія, которыя находятъ себѣ *охрану со стороны особо организованнаго принужденія* (какое бы имя мы ни давали этой организаціи принужденія—государство, гражданское общество, или—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—племя, орда, община, патріархальная самостоятельная семья, или какъ иначе).

Но, знаніе, въ глубокомъ смыслѣ этого слова, подобныхъ нормъ,—знаніе, включающее въ себѣ пониманіе всѣхъ послѣдствій ихъ и значенія ихъ въ жизни человѣчества вообще,—такое знаніе этихъ нормъ не такъ-то просто. Оно необходимо должно включать въ себѣ знаніе такихъ вещей, которыя, выходя за предѣлы профессіональныхъ изслѣдованій юриста, тѣмъ не менѣе настолько тѣсно связаны съ ними, что даютъ основную окраску его міровоззрѣнію.

„Высшая мудрость", говоритъ La Rochefoucauld, „заключается въ томъ, чтобы знать точно цѣну вещей".—Какъ можетъ знать юристъ цѣну своихъ принудительныхъ нормъ, если онъ не будетъ понимать ихъ значенія въ общей совокупности человѣческой жизни? Какую роль играютъ эти нормы среди другихъ силъ индивидуальной и общественной жизни?

Какъ ни одно явленіе, взятое изолированно, не можетъ быть понято, такъ ни одно наше знаніе не можетъ быть названо полнымъ, будетъ лишь полузнаніемъ, пока мы не дадимъ ему надлежащаго мѣста въ общей совокупности человѣческихъ знаній. „Мы никогда", говоритъ Джевонсъ (Основы науки, 559), „не получимъ надлежащаго понятія о частностяхъ до тѣхъ поръ, пока не станемъ смотрѣть на нихъ какъ на случаи общаго закона".

Какъ бы ни были обширны наши познанія относительно принудительныхъ нормъ, какъ бы много ни усвоили мы памятью законовъ, судебныхъ рѣшеній, административныхъ постановленій или признанныхъ обязательными государственною властью обычаевъ,—они намъ не раскроютъ сами по себѣ своего смысла и значенія.—Строго говоря, даже поверхностное усвоеніе небольшой группы законовъ („verba earum tenere") требуетъ наличности нѣкоторой философской подготовки, нѣкоторыхъ общихъ понятій. И чѣмъ болѣе расширяемъ мы фактическій матеріалъ нашего знанія (т. е. указанныя выше нормы), тѣмъ болѣе настоятельною становится оріентировка въ основныхъ понятіяхъ юриспруденціи.

Если принудительныя нормы, по общему признанію, составляютъ непосредственный фактическій матеріалъ юриспруденціи, о нихъ слѣдуетъ сказать то же, что и о всѣхъ другихъ фактахъ, составляющихъ матеріалъ какой-угодно науки: *факты заключаютъ въ себѣ идеи, хотя бы implicite* [см. Whewell, Novum Organon Renovatum, стр. 50, афоризмъ IV, и слѣд. стр.—51, 52, 53... и стр. 6, афоризмъ V.]

На какую бы точку зрѣнія ни стали мы относительно происхожденія нашихъ общихъ, основныхъ идей и вѣрованій,—мы найдемъ, что обладаніе ясными общими понятіями есть необходимый элементъ всякаго знанія, и непремѣнный факторъ всякаго научнаго прогресса. Будемъ ли мы объяснять необходимость нѣкоторыхъ идей самымъ устройствомъ человѣческаго ума [Reid, Whewell....], или признаемъ единственною творческою силою опытъ и его результаты (Д. С. Милль, Bain....), или сведемъ эти два враждующія представленія въ эволюціонномъ ученіи (H. Spencer) о наслѣдственной передачѣ способности воспринимать опытъ отъ предыдущихъ поколѣній (см. подробнѣе Fowler, Logic deductive and inductive, часть II, стр. 32—38), мы всегда найдемъ, что пріобрѣтеніе отчетливыхъ основныхъ понятій, освобожденныхъ отъ внутренняго противорѣчія, есть необходимое условіе увеличенія сокровищницы прочныхъ научныхъ успѣховъ.

Какъ бы мы ни увеличивали роль опыта и фактовъ въ увеличеніи нашихъ знаній, какъ бы ни настаивали на необходимости рас-

ширенія познаній юриста въ области законовъ и судебныхъ рѣшеній, и съ какою бы осмотрительностью и неопредѣленностью ни высказывались объ общихъ связующихъ ихъ идеяхъ, или подозрительно относились ко всякимъ „теоріямъ“,—прочный фундаментъ юридическаго образованія можно заложить лишь съ помощью выясненія основныхъ понятій юриспруденціи.

Факты становятся для насъ фактами лишь благодаря идеямъ. Законъ получаетъ смыслъ и содержаніе лишъ благодаря тому, что мы обладаемъ извѣстными общими юридическими понятіями. И чѣмъ правильнѣе будутъ эти основныя понятія, тѣмъ будетъ правильнѣе наше отношеніе къ закону, разумѣніе его цѣли и послѣдствій.

Усвоеніе закона, какъ и усвоеніе всякаго другого факта, заключаетъ въ себѣ столько же активный, сколько и пассивный процессъ ума. Воспринимая законъ въ устной или письменной формѣ, мы вносимъ въ эту форму извѣстное содержаніе, зависящее отъ нашихъ общихъ представленій о законодательствѣ и его роли и значеніи въ жизни. Трудно сказать, гдѣ кончается то, что даетъ нашему уму извѣстная письменная или устная норма, и гдѣ начинается то, что мы сами вносимъ въ нее отъ себя,—что мы воспринимаемъ, и что мы умозаключаемъ.

Легко сказать: берите законъ такимъ, какимъ его далъ вамъ законодатель, постарайтесь уяснить себѣ ясно и точно его волю, устраните при этомъ личныя ваши мнѣнія и выводы относительно этой воли, освободите ее отъ всего темнаго и сомнительнаго, найдите *истинную* волю законодателя, не вносите сюда ничего своего,—трудно примѣнить на практикѣ это разумное правило.

На дѣлѣ законы создаются не одною лишь волею законодателя. И быть этого иначе не можетъ. Всякій, кто имѣетъ дѣло съ законами [а имѣютъ дѣло съ ними пассивно и безсознательно всѣ члены гражданскаго общества, не исключая дѣтей и душевнобольныхъ, а активно всѣ съ указаннымъ исключеніемъ—отъ городового, выполняющаго приказаніе не „пущать“ или тащить, и самого зауряднаго обывателя съ его маленькими, въ нашихъ глазахъ, житейскими интересами, до сановника, судьи или администратора], вноситъ въ нихъ нѣкоторую долю отъ себя. Получаются въ жизни иногда результаты, совсѣмъ мало имѣющіе общаго съ волею законодателя.

Это извращеніе законодательной воли станетъ яснымъ для насъ, если мы примемъ во вниманіе: 1) необходимую общность языка законодателя и неизбѣжныя несовершенства этого орудія мысли; 2) важность интересовъ, затрагиваемыхъ законодательствомъ, и общечеловѣческое стремленіе понимать вещи такъ, какъ это соотвѣтствуетъ ожиданіямъ и желаніямъ нашимъ; 3) указанную уже трудность от-

личить, гдѣ кончается наше воспріятіе и начинаются наши умозаключенія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта трудность очевидна для всѣхъ. „Такъ, напр., когда мы присутствуемъ (Whewell, N. O. R, 51) при представленіяхъ фокусника или чревовѣщателя. Въ подобныхъ случаяхъ мы воображаемъ, что мы видимъ или слышимъ, чего въ дѣйствительности мы не видимъ и не слышимъ. Дающій представленіе пользуется привычками нашего ума пополнять перерывы и выводить связи; давая намъ ложныя указанія, онъ заставляетъ насъ воспринимать какъ дѣйствительный фактъ то, чего вовсе и не происходило. Въ такихъ случаяхъ очевидно, что мы сами помогаемъ создавать фактъ, такъ какъ мы дѣлаемъ фактъ, въ дѣйствительности не существующій. Въ другихъ случаяхъ, при несомнѣнности воспринимаемаго нами факта, мы легко можемъ видѣть, что большая часть воспріятія есть нашъ собственный актъ; напр., если, видя хищную птицу, мы заключаемъ о падали, или когда мы читаемъ полуистертую надпись. Въ послѣднемъ случаѣ нашъ умъ подсказываетъ значеніе и, можетъ быть, половину буквъ; и, однако, же мы нисколько не колеблемся сказать, что мы *прочли* надпись“. Въ другихъ случаяхъ, привхожденіе нашихъ собственныхъ выводовъ и толкованій въ то, что мы слышимъ, видимъ или читаемъ, не такъ очевидно. Вотъ почему различныя лица, слышавшія или читавшія волю законодателя, держатся bona fide относительно нея иногда самыхъ различныхъ взглядовъ. Изъ одного и того же закона вычитываются далеко не одинаковыя вещи и выводятся часто противоположныя послѣдствія.

Роль хорошей общей подготовки и обладанія ясными основными понятіями въ подобныхъ случаяхъ очевидна, такъ какъ „пропорціонально (Mill, Logic, Bk. V, Ch. IV, § 5) недостатку знаній и умственной культуры лица является у него вообще неспособность различать между собственными выводами и воспріятіями, на которыхъ они были основаны. Не одна странная сказка, не одинъ скандальный анекдотъ обязаны своимъ происхожденіемъ этой неспособности. Разсказывающій даетъ отчетъ не въ томъ, что онъ видѣлъ или слышалъ, а въ своихъ впечатлѣніяхъ, выведенныхъ изъ видѣннаго и слышаннаго, впечатлѣній, большая часть которыхъ, быть можетъ, состоитъ изъ умозаключеній, хотя все передается не какъ выводъ, а какъ фактъ. Всѣмъ опытнымъ судьямъ и адвокатамъ извѣстно хорошо, какъ трудно при допросѣ заставить свидѣтелей не слишкомъ много примѣшивать собственныхъ выводовъ къ передачѣ воспринятаго ими; и еще труднѣе это, когда малосвѣдующіе люди пытаются описать какое-нибудь естественное явленіе“.

Если я встаю утромъ, вижу мокрую крышу сосѣдняго сарая и говорю: „ночью былъ дождь“, я вовсе не передаю своего наблюденія, а включаю въ него и собственный выводъ. Я вижу лишь покрытую влагой крышу; произошло ли это отъ дождя, росы, или отъ того что крыша была полита руками человѣка съ какою-нибудь цѣлью, этого я не наблюдалъ. Говоря, что былъ дождь, я дѣлаю болѣе или менѣе вѣроятное умозаключеніе изъ нѣкотораго ряда обстоятельствъ, первымъ изъ которыхъ была мокрая крыша.

„Простѣйшій разсказъ, говоритъ Dugald Steward, самаго малосвѣдующаго наблюдателя заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе гипотезы. Въ общемъ можно даже сказать, что чѣмъ больше его невѣжество, тѣмъ больше въ его изложеніи заключено общихъ принциповъ, основанныхъ на догадкахъ. Деревенскій аптекарь (и, если можно, въ большей еще степени, опытная няня) рѣдко способны описать самый простой случай, не употребляя выраженій, каждое слово которыхъ является теоріей. Въ тоже время простое и безыскусственное указаніе явленій, характеризующихъ извѣстную болѣзнь, указаніе, не извращенное воображеніемъ или предвзятыми мнѣніями, можетъ считаться несомнѣннымъ свидѣтельствомъ ума, воспитаннаго долгимъ и успѣшнымъ изученіемъ къ самому трудному изъ искусствъ,—къ искусству вѣрнаго *толкованія* природы“. Столь же, если не больше, труднымъ является и искусство вѣрно понимать или толковать волю законодателя *).

Не только въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ пониманіе законовъ, не легко отдѣлить то, что принадлежитъ волѣ законодателя, отъ того, что привносится туда нами, но, какъ заключаетъ вообще Уэвелль (Novum Organon Renovatum, 53), „даже воспріятіе такихъ фактовъ, какъ величина, форма и число предметовъ, не можетъ быть названо дѣломъ однихъ лишь чувственныхъ впечатлѣній, независимо отъ какихъ-либо актовъ ума, а потому и не можетъ считаться свободнымъ отъ ошибокъ на томъ основаніи, что это лишь наблюденные факты“.

Мы не можемъ выслушать или прочесть ни одной нормы, не толкуя ее при помощи нашихъ общихъ понятій; и мы прежде всего должны позаботиться о томъ, чтобы въ совершенствѣ ознакомиться съ этими общими понятіями. Принудительныя нормы, по общему признанію, составляютъ фактическую основу юриспруденціи. Но, трудность отдѣлить эту основу отъ выводовъ и толкованій фактовъ возрастаетъ до невозможности. Стремленіе получить чисто фактиче-

*) Читатель можетъ найти указаніе на иллюзіи, галлюцинаціи, и другіе случаи смѣшенія нашихъ выводовъ съ наблюденіями у Fowler, Logic, p. II, p. 273—278, и цѣлую книгу объ иллюзіяхъ у Сёлли (Sully).

скій фундаментъ для науки оказывается недостижимымъ. „Мы не можемъ (Whewell, N. O. R., 53) получить надежнаго базиса фактовъ, отвергая всѣ собственныя наши выводы и сужденія, потому что такіе выводы и сужденія составляютъ неизбѣжный элементъ во всѣхъ фактахъ. Мы не можемъ исключить нашихъ идей изъ нашихъ воспріятій, потому что наши воспріятія включаютъ наши идеи". Не будучи въ состояніи исключить изъ нашихъ наблюденій и изученія фактическаго фундамента юриспруденціи (принудительныхъ нормъ) идей, мы должны, для цѣлей науки, позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать эти идеи ясными и освободить ихъ отъ какихъ-либо внутреннихъ противорѣчій.

Воспріятіе даетъ намъ при изученіи законовъ рядъ звуковъ или знаковъ; содержаніе и смыслъ въ эти звуки или письменные знаки вкладываемъ мы. Еще очевиднѣе становится необходимость философской подготовки тогда, когда дѣйствующую норму приходится не вычитывать изъ кодекса, а получать путемъ наблюденія надъ сложными явленіями юридическаго міра. Эти наблюденія необходимы въ сущности всегда, такъ какъ помѣщеніе какой-либо нормы въ кодексъ никогда не можетъ служить ручательствомъ того, что она является элементомъ живой дѣйствительности. „Чрезвычайно мала вѣроятность, говоритъ Джевонсъ по поводу подобныхъ случаевъ (Основы науки, 541), чтобы собраніе сложныхъ фактовъ само расположилось такимъ образомъ, чтобы при этомъ прямо видны были управляющіе имъ законы... Только по необъяснимому дѣйствію богато одареннаго (природой, конечно, и культурой) ума множество разнородныхъ фактовъ располагается въ ясномъ порядкѣ, представляющемъ результатъ какого-нибудь однообразно дѣйствующаго закона..."

Изученіе юриспруденціи не можетъ быть сравниваемо съ веденіемъ чего-то въ родѣ научной бухгалтеріи... „Нужно собирать факты безразлично изъ всякихъ источниковъ и вносить ихъ въ главную книгу, изъ которой современемъ выйдетъ балансъ истины. Трудно вообразить (Джевонсъ, Основы науки, 539) болѣе ненадежный путь для достиженія всякихъ открытій. Чѣмъ больше масса фактовъ, тѣмъ меньше вѣроятности, чтобы они при какой-нибудь рутинной системѣ классификаціи раскрыли заключающіеся въ нихъ законы природы... Только взору *философскаго ума* факты открываютъ свой смыслъ и только передъ нимъ располагаются въ логическомъ порядкѣ..."

Чѣмъ важнѣе возникающіе въ юриспруденціи вопросы, тѣмъ очевиднѣе и настоятельнѣе становится необходимость философской подготовки юриста. Разумѣніе законовъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова,—laws, *νόμοι*), эта непосредственная задача юриспруденціи, оказывается часто весьма и весьма труднымъ дѣломъ. Не такъ-то просто

понять значеніе закона, поддерживающаго извѣстную форму правленія, охраняющаго какую-либо церковь, направляющаго внутреннюю политику въ извѣстную сторону, контролирующаго союзную жизнь, пользованіе устнымъ или письменнымъ словомъ, поддерживающаго извѣстный строй экономическихъ отношеній, и многихъ другихъ. Чѣмъ болѣе усложняется общественная жизнь, тѣмъ это труднѣе.

При неизмѣнности словеснаго выраженія закона и измѣненіи экономическихъ или политическихъ условій жизни страны (и извѣстной изобрѣтательности толкователя) часто вкладывается въ него другой смыслъ, и на практикѣ онъ получаетъ уже иное значеніе. Уловить значеніе даннаго момента общественной жизни и понять законъ въ свѣтѣ колебаній ея экономики, политики или нравственныхъ воззрѣній,—не легко и можетъ даваться только тому, кто имѣетъ надлежащую разностороннюю и глубокую подготовку. „Тотъ же самый писанный законъ принимаетъ совершенно различную окраску съ измѣненіемъ времени, лицъ и управленія. Каждая школа даетъ собственное толкованіе тексту“ (Pollock, Jurisprudence and Ethics, 229).

Для пониманія значенія многихъ изъ законовъ нужны огромныя разностороннія знанія и большая опытность. Прежде чѣмъ подойти къ этимъ законамъ, съ ихъ нерѣдкимъ и необходимымъ лаконизмомъ, нужно построить изъ этихъ разностороннихъ знаній огромное зданіе умозаключеній. Безъ широкой философской подготовки, надлежащей силы ума и (что еще важнѣе иногда) равновѣсія духовныхъ способностей, никто этой работы не произведетъ. Это своего рода изобрѣтеніе (invention reproductrice, по Egger'y: Parole intérieure 222).

Разумѣется, что и при надлежащей подготовкѣ пониманіе нѣкоторыхъ, особенно текущихъ, законовъ и распоряженій будетъ доступно многимъ лишь какъ догадка. Мотивы внѣшней и внутренней законодательной политики и вызванныхъ ею распоряженій остаются (и должны иногда оставаться) тайной.

Великое несчастье людей въ томъ и состоитъ, что за рѣшеніе многихъ вопросовъ, входящихъ въ законодательную сферу, или за практическое примѣненіе законовъ, или даже толкованіе ихъ, берутся люди, совсѣмъ къ этому не подготовленные. Чуть не каждый считаетъ себя компетентнымъ въ этомъ.

Своими основными идеями мы самымъ активнымъ образомъ участвуемъ въ созданіи того міра законовъ, среди котораго протекаетъ наша жизнь. Говорю о созданіи, потому что, хотя юриспруденція имѣетъ предъ собою болѣе скромную задачу пониманія и толкованія законовъ, подобно тому какъ и наука въ строгомъ смыслѣ

является лишь истолкователемъ природы *), и хотя, со всѣмъ своимъ мышленіемъ и философіей, человѣкъ въ состояніи лишь *понять* міръ и не можетъ *изобрѣсти* его,—тѣмъ не менѣе люди, въ силу условій своей психической природы, всегда жили и будутъ жить въ мірѣ, гдѣ не всегда легко указать границу между дѣйствительностью и иллюзіей (Ср. Sully, Illusions). Такъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій, такъ и въ мірѣ явленій психическихъ и общественныхъ. Система законовъ, подъ которою живемъ въ данную минуту мы, не имѣетъ одного и того же значенія для людей различныхъ метафизическихъ взглядовъ на природу государства и общества, на конечныя задачи ихъ, на человѣческую жизнь вообще, на міръ въ его цѣломъ. Справедливое, разумное и вѣчное въ глазахъ одного является несправедливымъ, неразумнымъ и преходящимъ въ глазахъ другого: другая оцѣнка, другое пониманіе отношеній законодательства къ инымъ сторонамъ жизни, другой взглядъ на его послѣдствія, какъ и степень пригодности его какъ средства обезпечить матеріальное и нравственное благополучіе людей.

И если метафизика не устранима, если нѣтъ минуты въ жизни, когда бы мы могли перестать быть метафизиками, нужно постараться, чтобы метафизика эта была болѣе или менѣе здоровою,—нужно, чтобы мы освободили ее отъ противорѣчій съ собою, если ужъ нѣтъ у насъ средствъ указать, гдѣ дѣйствительность и гдѣ сонъ въ окружающемъ насъ мірѣ. Нужно также, чтобы наша метафизика входила въ соприкосновеніе съ тѣмъ міромъ принудительныхъ нормъ поведенія, который составляетъ по общему убѣжденію дѣйствительный фактическій матеріалъ юриспруденціи, а не держалась отъ него особо. Метафизика **) была непремѣннымъ факторомъ прогресса всѣхъ человѣческихъ знаній: идеи нужны намъ столько же, сколько и факты; мысли столько же, какъ и вещи. Анализъ основныхъ понятій юриспруденціи и есть способъ увѣриться, что наша мысль согласна сама съ собою, а если это не такъ, наше предполагаемое знаніе вовсе и не есть знаніе.

„Никто, говоритъ авторъ Исторіи Индуктивныхъ Наукъ, Исторіи Научныхъ Идей и Философіи Индуктивныхъ Наукъ—Уэвелль

*) Whewell, Nov. Org. Renov., стр. 5, афоризмъ I: „Человѣкъ есть толкователь природы, наука—правильное толкованіе“ (History of Scientific Ideas: Book I., Chapter 1).

**) Разумѣется, что здѣсь имѣется въ виду не та метафизика (особенно нѣмецкая), которая такъ много дискредитировала философію вообще и установила взглядъ на нее какъ на систему умозрѣній, которая, если они и не непонятны совсѣмъ, то все-таки лишены всякой практической цѣны, не могутъ быть провѣрены и не имѣютъ ничего общаго съ человѣческимъ знаніемъ (См. Bascom, Hist. interp. of philosophy. 428).

(Nov. Organon Ren., preface, стр. VII), кто изучалъ хорошо исторію науки, не можетъ упустить изъ виду, какую важную часть этой исторіи составляло объясненіе, или, какъ я бы назвалъ его, прояснение (clarification) человѣческихъ идей. Эта метафизическая сторона каждой изъ физической наукъ вовсе не представляетъ, какъ пытались учить нѣкоторые (Уэвелль намекаетъ, очевидно, на Ог. Конта и его ближайшихъ сторонниковъ), стадію, которую науки проходятъ въ ранній періодъ прогресса, и прежде стадіи положительнаго знанія. Наоборотъ, метафизическое движеніе есть *необходимая часть* индуктивнаго движенія"....

Это заключеніе пріобрѣтаетъ для насъ теперь тѣмъ большую убѣдительную силу, что даже самое вѣроятное матеріалистическое объясненіе происхожденія человѣческаго знанія, данное Г. Спенсеромъ, признаетъ нѣкоторую долю справедливости за старой теоріей врожденныхъ интуитивныхъ идей, не отвергая въ то же время значенія опыта. Это новѣйшее объясненіе признаетъ, что важнѣйшія наши понятія и вѣрованія въ концѣ концевъ происходятъ изъ опыта, и, однако же, оно вовсе не отвергаетъ правильности мнѣнія, что нѣкоторыя изъ идей „врождены человѣческому уму". Опытъ, въ обычномъ употребленіи этого слова психологами, включаетъ не только опытъ отдѣльной личности, но и такъ или иначе сохранившійся для насъ опытъ человѣчества. Въ теоріи, о которой идетъ рѣчь здѣсь, слово это (опытъ) имѣетъ еще болѣе обширное значеніе. Оно включаетъ опытъ, или, говоря точнѣе, особенную способность для образованія нѣкоторыхъ опытовъ, *передаваемую* наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ то время какъ нѣкоторыя идеи приходятъ на умъ лишь нѣкоторымъ индивидамъ въ извѣстное время, существуютъ другія идеи, которыя, благодаря частотѣ и постоянству, съ которымъ они возникали въ умахъ людей во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ, становятся, послѣ накопленнаго опыта многихъ поколѣній, какъ бы естественными или *прирожденными* (*connatural*) человѣческому уму (см. Fowler, Logic, p. II. p. 32—37, и особенно Principles of Psychology Г. Спенсера. Критику этой теоріи см. у Bascom, Hist. interpret. of philos, стр. 247, 248; см. еще ibidem, 383,384).— A fortiori должны признать то же теоріи происхожденія челов. знанія съ идеалистическими тенденціями

Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель, надѣюсь, увидитъ, что самую настоятельную потребность въ наше время юриспруденція ощущаетъ именно въ анализѣ и критикѣ ея основныхъ понятій. Фактическая сторона не подлежитъ спору. Всѣ юристы, хотя не всѣ въ одинаковыхъ терминахъ и выраженіяхъ, признаютъ за фактическій матеріалъ юриспруденціи тѣ нормы поведенія, которыя находятъ себѣ

охрану со стороны такъ или иначе называемыхъ принудительныхъ организацій. Но какъ только они приступаютъ къ обобщеніямъ и систематизаціи своихъ фактическихъ свѣдѣній, такъ и появляется непримиримый разладъ между ними. Въ качествѣ основныхъ выставляются различныя понятія, и понятія эти оказываются плохо выясненными и заключающими въ себѣ внутреннія противорѣчія. Происходитъ ожесточенная война мнѣній тамъ, гдѣ послѣ надлежащаго анализа не можетъ быть двухъ взглядовъ. И возможность такого примиренія не составляетъ лишь личнаго взгляда автора. *Всѣ* юристы на практикѣ, не сознавая этого, держатся одного и того же взгляда на природу наиболѣе важныхъ изъ основныхъ понятій юриспруденціи, но всѣ они путаются и не понимаютъ ни другъ друга, ни самихъ себя, такъ какъ постоянно сами же разрушаютъ создаваемыя ими понятія и ихъ терминологію. Каждый изъ нихъ правильно находитъ камень своего основного понятія, втаскиваетъ его на высокую гору, но, на минуту оставляя его тамъ, забываетъ закрѣпить его чѣмъ-нибудь,—камень скатывается снова, начинается новая Сизифова работа съ тѣми же грустными послѣдствіями безуспѣшности. Роль силы тяготѣнія, скатывающей обратно камень понятія, играетъ при этомъ столь же неустранимая въ области мышленія, какъ тяготѣніе въ области матеріи, *сила....языка*.

Вѣдь, практически, особенно когда дѣло идетъ объ основныхъ понятіяхъ, какъ въ нашемъ случаѣ, мы всегда мыслимъ при помощи языка, какъ бы ведя, сами съ собою, внутренній разговоръ. *) Языкъ имѣетъ силу могущественно содѣйствовать, какъ и мѣшать, операціямъ ума и духа, и обладаетъ основною цѣнностью какъ элементъ прогресса (значитъ и задержки его) въ расѣ **).

Правильно и успѣшно мыслить можно, лишь правильно пользуясь языкомъ!

Языкомъ мы прикрѣплены къ мышленію цѣлаго говорящаго имъ народа, той самой толпы, къ мышленію которой мы, иногда заслуженно, иногда незаслуженно, относимся такъ презрительно, и, не изслѣдовавъ прежде его роли и силы, такъ же мало въ состояніи уклониться отъ его вліянія, какъ частица матеріи ускользнуть отъ вліянія тяготѣнія.

Основныя понятія составляютъ важнѣйшій элементъ нашихъ знаній въ области юриспруденціи. Всѣ наши сужденія прямо или

* „Practically we do always think by means of language, by a sort of internal converse“ [Fowler, Logic, I, 7]. Эта идея высказывалась еще Кантомъ [M. Müller, Sc. of Th. 43] и Платономъ.

**) „Le langage concourt puissamment aux opérations de l'esprit et de l'âme, et possède une valeur foudamentale comml élément du progrès de la race“ (Whitney La vie du langage, 235).

косвенно включаютъ ихъ въ себѣ. Ихъ правильность и ясность означаютъ правильность и ясность нашихъ сужденій. Путаница въ основныхъ понятіяхъ непремѣнно поведетъ къ путаницѣ въ дальнѣйшемъ теченіи нашей мысли. Основныя понятія предрѣшаютъ основные вопросы. Правильное рѣшеніе этихъ послѣднихъ не возможно безъ правильнаго отношенія къ основнымъ понятіямъ. Безъ нихъ мы не можемъ ни подойти, ни распутать ни одной изъ великихъ проблемъ, лежащихъ на пути изслѣдованій юриста. Даже больше, нѣтъ такого утвержденія или отрицанія какого-либо положенія юридическаго характера, которое не предполагало бы и не было бы связано, хотя implicite, съ какимъ-либо опредѣленнымъ взглядомъ на основныя понятія юриспруденціи. Ясность и неясность, внутреннее согласіе или внутреннее противорѣчіе нашихъ утвержденій непремѣнно зависитъ отъ ясности и согласія самихъ съ собою нашихъ основныхъ понятій. Такъ или иначе, они всегда составляютъ implicite основу нашихъ сужденій. И если мы хотимъ, чтобы знанія наши пріобрѣли научный характеръ, мы не можемъ уклониться отъ ихъ анализа и критики. Неправильная постановка исходныхъ понятій всегда будетъ отзываться путаницей, неясностями и противорѣчіями въ послѣдующемъ изложеніи.

„Знаніе слагается изъ двухъ частей: основныхъ понятій или фактовъ (ultimate terms) и отношеній между этими фактами. Найдя основные факты, наши познавательныя способности опредѣлятъ ихъ взаимодѣйствіе. Правильный анализъ, имѣющій цѣлью достигнуть конечныхъ истинныхъ фактовъ,—первая и самая важная задача науки.

Задача настоящей работы, вызванной безконечными безплодными спорами о „правѣ“, какъ якобы-основномъ понятіи юриспруденціи, есть задача анализа, долженствующаго опредѣлить, что слѣдуетъ считать въ области ея изслѣдованій главнымъ и что производнымъ, и насколько то и другое участвуетъ въ томъ конечномъ результатѣ, который мы называемъ юридическими познаніями. Мы не можемъ ни создать себѣ сложнаго интеллектуальнаго міра, какимъ является всякая наука, ни отнестись критически къ чужимъ міровоззрѣніямъ, если мы не овладѣемъ основными понятіями, на которыхъ оно построено.

Первый шагъ отзывается въ ошибкахъ мышленія, какъ и въ ошибкахъ поведенія.

„It is the first step that tells in errors of thought as in errors of conduct“ (Bascom, His. in. of phil., 189).

„Jusqu'à ce qu'on eût mis en ordre toutes les notions fondamentales, on ne pouvait concevoir aucune idée précise d'un système parfait de législation“. Jérémie Bentham, Oeuvres, 1840, v. 1, 279.

Глава II.

Необходимыя качества научныхъ понятій.

> Our philosophy will thus, in its most speculative action, grow up within our experience, and look to it momentarily for confirmation. (Bascom, Hist. interp. of philos., 7).
>
> Наша философія хочетъ такимъ образомъ, даже поднимаясь къ вершинамъ умозрѣнія, расти среди нашего опыта, и каждый разъ обращаться къ нему за подтвержденіемъ. (Bascom).

Знаніе требуетъ, чтобы мы обладали фактами и идеями. „Каждый шагъ въ нашемъ знаніи состоитъ въ примѣненіи идей или понятій, даваемыхъ нашимъ умомъ, къ фактамъ, которые доставляютъ намъ наблюденіе и опытъ“ (Whewell, Nov. Or. Ren., 27). Процессъ установленія ясныхъ основныхъ понятій и связыванія при ихъ помощи достовѣрныхъ фактовъ и есть процессъ созиданія научнаго знанія. „Когда наши понятія (ibidem, 27, 28) ясны и отчетливы, когда наши факты достовѣрны и достаточно многочисленны, и когда понятія, соотвѣтствуя природѣ фактовъ, примѣняются къ нимъ такъ, что даютъ въ результатѣ точное и универсальное согласіе, мы достигаемъ знанія точнаго и широко-объемлющаго характера, которое мы можемъ назвать *наукой*. Этотъ терминъ мы примѣняемъ къ нашему знанію еще болѣе рѣшительно, когда, включивъ такимъ образомъ факты въ точныя и общія предложенія, мы, подобнымъ же образомъ, включаемъ съ одинаковою строгостью эти предложенія въ предложенія высшей ступени общности; а эти опять въ другія еще болѣе широкаго характера, такъ чтобы образовать обширное и систематическое цѣлое“.

Прогрессъ юриспруденціи долженъ зависѣть отъ улучшенія обоихъ процессовъ, необходимыхъ для созданія всякаго научнаго знанія: накопленія точныхъ фактовъ, которыми являются для насъ принудительныя нормы, и, во-вторыхъ, установленія и уясненія связывающихъ ихъ основныхъ понятій. Главною задержкой поступательнаго движенія юриспруденціи въ настоящее время является громадная растрата времени и силъ на все неудающееся уясненіе ея основныхъ понятій.

Царство общихъ понятій юриспруденціи и должно сдѣлаться для насъ предметомъ ближайшаго и внимательнаго разсмотрѣнія. Это одинъ изъ элементовъ въ формированіи нашего знанія. Поднять наши общія понятія въ юриспруденціи до наивысшей возможной степени ясности, точности, общности, прочности и внутренней послѣдовательности или согласія ихъ съ самими собою—и значитъ выполнить въ этой области нашу задачу.

Какъ существо политическое или государственное (*ζῶον πολιτικόν*), человѣкъ всегда, вездѣ и на всѣхъ ступеняхъ культуры, былъ знакомъ съ принудительной организаціей, въ той или иной формѣ, для обезпеченія . соблюденія въ совмѣстной жизни нѣкоторыхъ правилъ поведенія. Государственная (или, если угодно, „юридическая") жизнь человѣчества началась гораздо раньше, чѣмъ явленія и основныя понятія этой жизни сдѣлались предметомъ спеціально направленной на нихъ рефлексіи (reflexion). Не наука научила людей жить государственною жизнью, установлять принудительныя нормы поведенія и вытекающія изъ нихъ обязанности и права. Наука явилась лишь въ сравнительно поздній періодъ человѣческой исторіи, чтобы объяснить людямъ ихъ государственную природу, формы принудительной организаціи, цѣли и способы установленія нормъ поведенія, основанія правъ и обязанностей.

Люди научились дѣлать вино изъ винограда, прежде чѣмъ они обладали наукой о броженіи; научились ковать желѣзо, прежде чѣмъ явилась химія металловъ; умѣли уже считать дни, мѣсяцы и годы, прежде чѣмъ возникла математика и спекулятивная астрономія; оставили намъ гигантскіе памятники древней архитектуры въ видѣ пирамидъ и храмовъ Египта и Нубіи, Циклоповыхъ стѣнъ Италіи и Греціи, обелисковъ и зданій Индіи, прежде чѣмъ стала извѣстною теорія механики. Равнымъ образомъ, люди умѣли создавать малыя и большія гражданскія общества, установлять и вынуждать выполненіе различныхъ обязанностей, обезпечивая соотвѣтствующія имъ права,— прежде чѣмъ явились государствовѣдѣніе и законовѣдѣніе, какъ науки; подобно тому, какъ они умѣли пользоваться рѣчью съ ея сложнымъ механизмомъ инфлексій, агглютинацій, комбинацій отдѣльныхъ слоговъ (въ моносиллабическихъ языкахъ), синтаксисомъ и этимологіей, прежде чѣмъ возникли какія-либо общія ученія о природѣ и строѣ языка: грамматика и языковѣдѣніе.

Мы часто придаемъ наукѣ бо́льшее значеніе для *практической жизни*, чѣмъ она имѣетъ его въ дѣйствительности. „Даже въ наше время, говоритъ Уэвелль (Nov. Org. Ren., 130), большая часть существующихъ въ мірѣ искусствъ не сопровождаются науками, отъ которыхъ они теоретически зависятъ. Кто установитъ намъ общія хи-

мическія истины, которымъ обязаны своимъ существованіемъ мануфактуры стеклянная, фарфоровая, желѣзная и бронзовая? Развѣ почти всѣ ремесленники не пользуются многими успѣшными средствами задолго до того, пока наука объяснитъ основы процесса? Развѣ не существуютъ въ наши дни искусства, въ высокой степени совершенства, въ странахъ, гдѣ никакой науки нѣтъ, какъ въ Китаѣ и Индіи? Эти и многія другія страны не имѣютъ никакихъ теорій механики, оптики, химіи, физіологіи; и, однако же, онѣ строятъ механическіе и оптическіе инструменты и пользуются ими, дѣлаютъ химическія комбинаціи, извлекаютъ пользу изъ физіологическихъ законовъ. Слишкомъ очевидно, чтобы нуждаться въ дальнѣйшихъ иллюстраціяхъ, что искусство можетъ существовать безъ науки;—что первое обыкновенно предшествовало послѣдней, и даже теперь обыкновенно подвигается впередъ независимо, оставляя наукѣ слѣдовать за нимъ, какъ она можетъ *).

Такъ и юридическая жизнь протекала и протекаетъ въ значительной долѣ и теперь, какъ у насъ (напр., крестьянская многомилліонная среда), такъ и у многихъ другихъ народовъ, безъ помощи и вѣдома „юридической науки“. А гдѣ есть жизнь, тамъ должна быть въ наличности и нѣкоторая сумма элементарныхъ знаній и элементарныхъ основныхъ понятій. Только ученое самомнѣніе, въ связи съ большими пробѣлами въ солидности научной подготовки, можетъ подать поводъ считать нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія и понятія исключительно принадлежностью науки. Наблюденіе надъ дѣятельностью людскою и ея языкомъ, этою сокровищницею общераспространенныхъ свѣдѣній и понятій, убѣждаетъ насъ въ противномъ. Къ великому сожалѣнію, слѣдуетъ сказать, что эти источники знаній, весьма благодарные, оставались въ пренебреженіи у юристовъ. Если люди научились ставить вопросы и получать отвѣты отъ безсловесной и неразумной природы, странно пренебрегать разумнымъ существомъ, на какой бы низкой ступени цивилизаціи ни стояло оно, или какъ бы ни было скромно его общественное положеніе и умственное развитіе въ обществѣ высокой культуры. Этотъ аристократизмъ и respublica litterarum—противорѣчатъ другъ другу. Мы ищемъ часто на сторонѣ, въ пустомъ мѣстѣ, то, что лежитъ у насъ подъ носомъ.

Знаніе есть историческій продуктъ человѣческой мысли, работающей во всѣхъ людяхъ, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена. Есть элементарныя знанія, по отношенію къ которымъ наука не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ развитія зеренъ заключенной въ нихъ истины.

*) Разумѣется, что этимъ не подрывается значеніе науки. Искусство въ позднѣйшіе періоды пользуется помощью науки: открытія ученаго могутъ имѣть огромную цѣну для фабриканта или ремесленника.

Она можетъ лишь прослѣдить данныя въ общемъ убѣжденіи указанія, чтобы дать возможность вернуться человѣческому духу внутрь самого себя съ увеличеннымъ убѣжденіемъ въ истинности своихъ вѣрованій. Мысль отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ ихъ, не справляющаяся съ этими общими убѣжденіями, подвергается опасности рано или поздно быть стертой въ порошокъ подобно камню, безпрерывно сжимаемому и вращаемому неумирающей силой ледника. Накопленный опытъ всѣхъ временъ, выросшій въ универсальное убѣжденіе, проявляющееся хотя бы и скрытно въ его рѣчи, есть сила, съ которою никто не можетъ не считаться. И масса, конечно, можетъ заблуждаться, какъ заблуждалась она въ представленіи о движеніи солнца вокругъ земли, пока не явился Коперникъ. Мы не думаемъ, конечно, превозносить популярнаго, такъ сказать, мышленія насчетъ мышленія дисциплинированнаго ума. Но, иногда справка съ мнѣніями цѣлаго народа, или нѣсколькихъ народовъ (справка, дѣлаемая при помощи болѣе внимательнаго изученія ихъ языковъ,) можетъ служить коррективомъ индивидуальныхъ эрратическихъ уклоненій мышленія. Индивидуальное мышленіе можетъ оказаться ненормальнымъ. О цѣломъ народѣ труднѣе думать, чтобы мышленіе его пошло (по крайнѣй мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ элементарныхъ вопросахъ практической жизни, съ чѣмъ мы и имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ,) по какому-нибудь эксцентричному пути. Свидѣтельство, особенно массовое, другихъ лицъ всегда должно быть принимаемо во вниманіе какъ повѣрка правильнаго и нормальнаго теченія нашей мысли. Не сдѣлали ли мы какой-нибудь незамѣтной ошибки? Не съ иллюзіей ли, или галлюцинаціей имѣемъ мы дѣло? (Fowler, Logic, II, 277, Bascom, Historical Interpretation of Philosophy, 3, 4). Общее убѣжденіе *не есть еще доказательство*, но оно можетъ навести на мысль подвергнуть анализу и критикѣ наши личные взляды.

Еще большее значеніе пріобрѣтаетъ свидѣтельство толпы, когда продукты ея мышленія совпадаютъ съ продуктами мышленія корифеевъ человѣческой мысли.

Только наивное представленіе о человѣческой природѣ можетъ дать поводъ считать знаніе достояніемъ лишь ученыхъ людей. „Нѣтъ ничего въ насъ, что принадлежало бы абсолютно намъ, и не было бы, въ нѣкоторой степени обшественнымъ“ (Paulhan, Psychologie de l'invention, 59). Еще болѣе странно видѣть единственный источникъ знанія въ книгѣ.

Знаніе не есть даже исключительное достояніе человѣка. Мы встрѣчаемъ его не только у дикаря или ребенка, но и во внѣчеловѣческомъ мірѣ. Даже дикія животныя обладаютъ пактрическимъ знаніемъ отношеній пространства и силы, хотя и не знаютъ ни геомет-

рін, ни механики (Whewell, Nov. Org. Ren., стр. 129, афоризмъ XXVI... Brute animals have a practical knowledge of relations of space and force... ibidem, стр. 133, § 5). Животное, напр., умѣетъ различать, т. е. знаетъ *), что можетъ и что не можетъ идти ему въ пищу; знаетъ, что, дабы не упасть, оно должно бѣгать или прыгать опредѣленнымъ способомъ, т. е., говоря ученымъ языкомъ, соблюдать законы механики; оно знаетъ своего хозяина, свое жилище и многое другое. Разумѣется, это *особаго рода* знаніе, не то, въ которомъ нуждается наука (См. Carbonnelle, Les confins de la science et de la philosophie, т. 2, стр. 153).

О широкомъ распространеніи знанія свидѣтельствуетъ всякій сознательный поступокъ и всякое сознательное слово человѣка **). О широкомъ распространеніи его училъ и Сократъ, когда, называя себя акушеромъ мысли, онъ наводилъ другихъ на открытіе знанія въ самихъ себѣ (*μαιευτική*). Излишнее мнѣніе о собственныхъ нашихъ знаніяхъ мѣшаетъ намъ видѣть знаніе и разумъ на сторонѣ. Недаромъ тотъ же Сократъ видѣлъ всю свою мудрость и свое „служеніе Богу“ (см. Трубецкой, Ученіе о логосѣ, 20) въ обличеніи мнимой, но много о себѣ думающей, человѣческой мудрости. „Думаешь ли ты (вкладываетъ Ксенофонтъ въ уста Сократу, Memorabilia, I, 4, 8), что въ тебѣ есть нѣчто разумное, а внѣ тебя ничего разумнаго нѣтъ? Ты знаешь, однако, что твое тѣло заключаетъ въ себѣ небольшую частицу земли и влаги, которыя сами по себѣ столь велики и обширны; ты знаешь также, что оно сложилось изъ малыхъ частицъ прочихъ великихъ міровыхъ стихій. Какъ же ты думаешь, что ты, по счастливой случайности, вмѣстилъ въ себя весь разумъ, котораго больше нѣтъ нигдѣ, и что все сущее въ своей безпредѣльной величинѣ и безчисленномъ множествѣ благоустроено неразумною, слѣпою силою (*δι' ἀφροσύνην τινά*)?“.

Король какого-нибудь острова Полинезіи или африканскаго народца отрядилъ „дикаря“ ***) съ товарищами, подъ начальствомъ сво-

*) Разумѣется, что животное не знаетъ о своемъ знаніи Не знаетъ, или смутно знаетъ о многихъ своихъ знаніяхъ и дикарь или ребенокъ (Ср. M. Müller, La science du langage, 452). Съ этою оговоркой я, конечно, не злоупотребляю словомъ „знать“. Одно дѣло знать что-нибудь (и даже пользоваться этимъ знаніемъ), другое дѣло—размышлять объ этомъ знаніи (réflechir sur elle), охватить его ясно и сознательно (en prendre une conscience distincte), выдѣлить его въ особое знаніе (la dégager). Такого знанія нѣтъ у дикаря. Но, нѣтъ его, какъ увидимъ ниже, и у многихъ ученыхъ юристовъ.

**) „Knowledge exists in the experience of men, in hourly affirmations, confirmed by them in a thousand ways amid the manifold processes of life“. Bascom (Historical Interpretation of Philosophy, 2).

***) Слово, принимающее на языкѣ многихъ иногда значеніе существа, ничего не имѣющаго общаго съ человѣческимъ образомъ. Между тѣмъ „дикарь“,

его воеводы, въ военную экспедицію. Дикари эти знаютъ, что, подъ страхомъ наказанія, они должны повиноваться приказамъ этого военачальника. Знаютъ, говоря нашимъ языкомъ, свои „обязанности“; знаютъ, что при плохомъ исполненіи ихъ (заснулъ, напр., на стражѣ; трусливо велъ себя; плохо выполнялъ данное ему порученіе) воевода можетъ, или, какъ принято говорить у насъ, имѣетъ право наказать плохого солдата. Какъ бы ни была низка ихъ культура и степень умственнаго развитія, дикари эти имѣютъ, слѣдовательно, хотя implicite, понятіе о правахъ и обязанностяхъ. Они должны имѣть его. Если бы его у нихъ не было, невозможно было бы никакое общественное предпріятіе (охота, требующая по своей опасности кооперацiи; отраженіе непріятеля, и т. п.), никакая организованная жизнь. Дикарь *знаетъ* практически, что одни поступки онъ можетъ (имѣетъ право) совершать, а другихъ не можетъ—(на немъ лежитъ обязанность воздерживаться отъ нихъ). На его языкѣ можетъ быть нѣтъ совсѣмъ и слова, соотвѣтствующаго нашему „право“; можетъ быть и вообще нѣтъ словъ въ нашемъ смыслѣ (какъ, напр., въ языкахъ моносиллабическихъ). Вопросъ о формѣ выраженія нашихъ понятій—вопросъ второстепенный. Важно замѣтить, что, какъ существо разумное и государственное, онъ не можетъ не имѣть implicite, если не explicite, нѣкотораго знанія своихъ правъ и обязанностей, разъ ему извѣстенъ приказъ и не превышаетъ его уровня пониманія. Свидѣтельствомъ служатъ его, сообразные этому приказу, поступки. Мотивировать своего поведенія, подобно культурному человѣку, онъ не можетъ; не можетъ, безъ сомнѣнія, и оперировать абстрактно понятіями обязанности и права, подобно намъ. Но, выборъ поступковъ и ихъ соотвѣтствіе полученному имъ приказу несомнѣнно доказываютъ его практическое знаніе своего отношенія къ закону *).

То же слѣдуетъ сказать о дѣтяхъ, достигшихъ нѣкоторой ступени разумѣнія. Восьмилѣтній школьникъ *знаетъ*, что въ 9 часовъ онъ долженъ (на немъ лежитъ обязанность) быть въ школѣ и не можетъ (не имѣетъ права) идти играть въ мячъ, хотя бы онъ не зналъ ни слова „права“, ни слова „обязанность“, и пользовался менѣе удачными выраженіями для своей мысли. Если бы дѣти не имѣли (какъ

можетъ лишь означать человѣка иной культуры,—существо, которому свойственны всѣ существенные аттрибуты человѣческой природы. Qu'est-ce donc que l'homme primitif? Un civilise en bas âge. (Ch. Letourneau)

*) Онъ знаетъ, даже если примѣнить строгое понятіе Платона о знаніи on ne peut connaître le Bien sans l'accomplir. Выполненіе закона, наперекоръ инстинкту самосохраненія, какъ въ войнѣ, или вопреки непосредственнымъ своимъ личнымъ выгодамъ, есть лучшее свидѣтельство его практическаго пониманія. Оно можетъ не существовать въ видѣ отдѣльнаго слова-понятія, а лишь входить невыдѣленною частью въ составъ болѣе общаго понятія, напр., „закона“.

говоримъ мы взрослые) понятій о правахъ и обязанностяхъ, не мыслимы были бы ни школа, ни семейная жизнь, ни воспитаніе. L'enfant, comme on dit, sait bien ce qu'il fait (Brochard, De l'erreur, 209 *).

Объ обладаніи основными юридическими понятіями свидѣтельствуетъ намъ и взрослая масса нашего населенія. „Возможность управленія войсками (Зыковъ, „Какъ и чѣмъ управляются люди". Опытъ военной психологіи, 1898, стр. 134, глава V: Управленіе войсками, и примѣчаніе на стр. 134) основывается на существованіи въ нихъ широкихъ общихъ идей законности и обязательства. Безъ нихъ невозможно никакое управленіе..... Былс бы ошибочно предположить существованіе этихъ идей *вполнѣ сознанными* и въ формѣ наиболѣе точнаго юридическаго опредѣленія. Онѣ смутны, а потому въ ихъ приложеніи бываетъ иногда больше, иногда меньше заблужденій, чѣмъ въ приложеніи юридическихъ истинъ" **). Съ точки зрѣнія не только идеализма, но и матеріализма въ той формѣ, какую ему придаетъ теорія Г. Спенсера, понятія закона, должнаго и недолжнаго, обязанности и права, имѣютъ не эмпирическій, а раціональный характеръ. Они необходимое и непремѣнное слѣдствіе разумности человѣка и нравственной природы его. Какъ существо разумное и нравственное, человѣкъ всегда долженъ былъ отдавать въ нѣкоторой мѣрѣ отчетъ себѣ въ собственныхъ дѣйствіяхъ и направлять ихъ указаніями разума. Человѣкъ всегда зналъ, что не всякое дѣйствіе можетъ быть совершено имъ. Однихъ дѣйствій не могъ онъ совершить, потому что они принесли бы ему вредъ, другихъ—потому что они принесли бы вредъ людямъ живущимъ съ нимъ въ общеніи, какъ его друзья, помощники, сосѣди; или, наоборотъ, онъ долженъ былъ предпринимать извѣстныя дѣйствія по отношенію къ извѣстнымъ лицамъ (убивать своихъ враговъ), которыхъ дѣйствій онъ не имѣлъ права совершать по отношенію къ другимъ (сообщественникамъ). Всегда онъ зналъ, что ему не слѣдовало особенно довѣрчиво относиться къ волку и нечего было бояться зайца. Всегда, слѣдовательно, были въ его сознаніи представленія объ извѣстныхъ линіяхъ дѣйствія: когда ему нужно было поймать рыбу слѣдовало поступать такъ-то; когда нужно

*) Разумѣется, что знаніе знанію рознь. Отожествлять знаніе ребенка и знаніе взрослаго, знаніе культурнаго и некультурнаго человѣка, нельзя. И о взрослыхъ и образованныхъ людяхъ часто справедливо говорятъ, что они не знаютъ, что творятъ. Практическое или implicit'ное знаніе слѣдуетъ отличать отъ знанія, которое само себя знаетъ. Игнорировать первое, однако, мы не должны. Какое-то знаніе о дозволенномъ и должномъ есть у всякаго, кто не нарушаетъ правилъ общежитія.

**) Въ небольшой мѣрѣ пониманіе обязанностей и правъ можно наблюдать и у нѣкоторыхъ, особенно домашнихъ, животныхъ (Ср. H. Spencer, Prin. of ethics II, 451 и сл.).

было уберечь себя отъ ночного нападенія тигра, слѣдовало дѣлать то-то. Однѣ изъ этихъ линій дѣйствія (нормъ поведенія) подсказывалъ ему разумъ, благоразуміе, другія—чувство страха, инстинктъ самосохраненія и т. д. Было представленіе объ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, какъ средствѣ той или иной желательной цѣли, было и сознаніе необходимости совершенія извѣстныхъ дѣйствій, или уклоненія отъ извѣстныхъ поступковъ,—другими словами было сознаніе обязанности, а во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и сознаніе правъ (какъ обратной стороны лежащихъ на другихъ лицахъ обязанностей).

Во всякомъ случаѣ строго эмпирическое объясненіе этихъ идей, какъ и другихъ, недостаточно. Мы не можемъ смотрѣть на человѣка какъ на tabula rasa и отказывать въ активности его духу.

Универсальность этихъ идей признаетъ практически и государство и все человѣчество въ цѣломъ. Иначе оно не могло бы наказывать за невыполненіе закона и наименѣе развитыхъ своихъ членахъ; не могло бы дозволять наказаніе дѣтей въ школѣ и семьѣ.

Разумѣется, что все это не такое знаніе которое нужно юристу. Тотъ, кто умѣетъ балансировать на одной ногѣ, можетъ быть вовсе и не знакомъ со свойствами центра тяжести; а тотъ, кто дѣйствуетъ по принципу, что двѣ стороны треугольника длиннѣе одной третьей стороны, можетъ вовсе и не знать, что такое геометрія. Очевидно, что указанное обладаніе основными понятіями юриспруденціи далеко не удовлетворяетъ тому сознательному обладанію ими, на которомъ и можетъ лишь основываться наука. Мы упустили бы изъ виду самыя существенныя и очевидныя отличія, если бы смѣшали подобное знаніе implicite съ обставленнымъ доказательствами, яснымъ и отчетливымъ, научнымъ знаніемъ.

Указаніе на такое имплицитное знаніе, однако, имѣетъ для насъ большое значеніе. Оно дѣлаетъ для насъ болѣе яснымъ то обстоятельство, что юриспруденція вовсе не имѣетъ своею задачею изслѣдованіе совершенно новой территоріи (области понятій, чуждыхъ широкой, непосредственно окружающей насъ дѣйствительности). Силы и явленія, которыя должна она объяснить намъ, знакомы каждому изъ насъ изъ повседневной нашей жизни. Факты, которые должна она привести въ порядокъ, живутъ въ нашемъ каждодневномъ опытѣ и съ самого начала отражаются на нашихъ дѣйствіяхъ и въ нашемъ обычномъ языкѣ Понятія, которыя должны быть обсуждены въ ней, не новыя понятія, требующія своего открытія, а тѣ вѣчныя и постоянныя понятія, которыми всегда жило и живетъ человѣчество, и которыя такъ или иначе находили себѣ выраженіе въ томъ орудіи взаимнаго общенія, котораго начало, повидимому, совпадаетъ съ началомъ разумной жизни вообще, т. е. въ языкѣ.

Юриспруденція должна уловить тѣ понятія, которыя дѣйствуютъ въ жизни широкихъ массъ на подобіе тайныхъ силъ природы,—понятія, опредѣляющія ихъ поступки, стимулирующія ихъ изобрѣтательность, формирующія ихъ сужденія, но не появляющіяся, быть можетъ, въ формѣ ясно выраженныхъ опредѣленій. Она должна опредѣлить относительное значеніе и заимную зависимость этихъ понятій, сдѣлать ихъ предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія и извлечь (evolve) въ формѣ ясныхъ предложеній то, что заключено въ болѣе скрытой формѣ (involved) въ общечеловѣческомъ мышленіи.—Не въ творчествѣ чего-то совершенно новаго, а въ простомъ *развитіи* и систематизированіи уже существующаго въ мышленіи массъ и заключается задача юриспруденціи.

Въ практической жизни и мышленіи массъ понятія и принципы являются невидимыми руководителями, ведущими насъ къ неясной цѣли по какимъ-то смутнымъ путямъ Дѣло юриста-теоретика очистить и направить наше зрѣніе такъ, чтобы эта туманная цѣль, принципы и законы совмѣстной жизни, обобщенія и теоріи съ лежащими въ ихъ основѣ понятіями, сдѣлались яснымъ объектомъ нашего зрѣнія. Многіе могутъ слышать совѣты разсудка, но только взорамъ своего любимца, юриста-теоретика, открываетъ себя Богиня Мудрости. (Ср. Whewell, Nov. Or. Ren, 134).

Самымъ важнымъ требованіемъ, которое мы имѣемъ право предъявить къ научному понятію, это то, чтобы понятіе взято было изъ дѣйствительной жизни, изъ міра доступныхъ намъ явленій Оно должно быть найдено, а не выдумано. Какъ лежащее въ основѣ извѣстной группѣ явленій „міра сего“, оно и должно быть отъ міра сего. Въ основѣ его должны лежать вполнѣ опредѣленные факты. Мы должны ясно и твердо овладѣть имъ въ мысли, и ясно и твердо выразить его для себя и другихъ. Точность и устойчивость понятія обезпечиваются только точнымъ и устойчивымъ выраженіемъ его въ языкѣ. Долженъ быть найденъ терминъ ясный и устойчивый въ своемъ значеніи и всегда тождественный самому себѣ въ употребленіи. Какъ понятіе, двигающее жизнью массъ, и смутно живущее въ ея сознаніи, оно должно найти себѣ выраженіе въ словѣ, взятомъ, по возможности, изъ языка этой массы.

Итакъ, основное понятіе должно быть взято изъ дѣйствительной жизни, и фиксировано языкомъ дѣйствительной жизни, а не какимъ-нибудь искусственно созданнымъ. Основныя понятія юриспруденціи таковы, что ими сознательно (explicite) или implicite мыслитъ все человѣчество, какъ все оно, безъ сомнѣнія, живетъ юридическою жизнью. Если мы станемъ вводить *искусственный* техническій вокабулярій въ юриспруденцію, мы этимъ будемъ лишь *отдалять* наше уче-

ное мышленіе, отъ того мышленія, которымъ живетъ все человѣчество (не исключая и ученыхъ людей, когда они покидаютъ жертвенникъ науки и смѣшиваются съ общей народной массой), ждущее именно отъ ученыхъ людей объясненій. Наука будетъ удаляться отъ дѣйствительной жизни, а жизнь не будетъ имѣть интереса знакомиться съ подобною наукой. Что ему Гекуба, и что Гекубѣ онъ!? Знакомые массѣ факты и понятія, и знакомый ей языкъ, для уясненія ихъ, всегда будутъ держать юриспруденцію въ соприкосновеніи съ большимъ количествомъ мыслящихъ людей, готовыхъ пристать къ ея ученіямъ и дать имъ лишнюю иллюстрацію, или указать на ихъ недостатки и средства исправленія.

Толпа не можетъ не мыслить о предметахъ, столь глубоко затрагивающихъ ея жизненные интересы. И если мы станемъ вводить новую, незнакомую ей, фразеологію, мы все больше и больше будемъ удаляться отъ обычной дѣятельности мысли по поводу обычныхъ явленій. Тщетно будетъ публика ждать помощи отъ насъ въ томъ, что такъ интересуетъ ее. А вѣдь сознательное отношеніе къ тѣмъ самымъ явленіямъ и понятіямъ, среди которыхъ и которыми живетъ эта публика, уясненіе ихъ для себя и для нея, и есть единственная цѣль юриста-теоретика, т. е. толкователя.

Юриспруденція, имѣющая дѣло съ явленіями и понятіями общаго знанія и интереса, должна умѣть выражать свои мысли о нихъ общимъ, доступнымъ и понятнымъ всѣмъ (въ частности обще-русскимъ) языкомъ, а не своимъ отличнымъ отъ него (по духу и синтаксису, хотя бы и не по этимологіи).

Первымъ условіемъ здороваго научнаго понятія является согласіе его съ самимъ собою. Оно никогда не должно расходиться съ самимъ собою, должно быть всегда тождественно самому себѣ. „Всякая истина, прежде чѣмъ она можетъ быть согласною съ фактами, должна быть согласна сама съ собою“ (Whewell, Nov. Org. Ren., 184). Это первое условіе, основной законъ всякаго знанія. Какъ оно ни очевидно, мы увидимъ далѣе, что ни одно положеніе не нарушается юристами (когда они начинаютъ философствовать) такъ часто, какъ этотъ законъ согласія съ собою самимъ, законъ, предостерегающій насъ отъ противорѣчій. Неумѣлое пользованіе языкомъ скрываетъ отъ нихъ эту ошибку. Ихъ „право“, какъ основное понятіе, всегда вступаетъ въ коллизію по содержанію съ самимъ собою.—Умѣлое пользованіе языкомъ, ясная и точная терминологія, дастъ намъ возможность ясно и точно мыслить, и избѣгать скрытыхъ противорѣчій въ нашихъ сужденіяхъ, равнымъ образомъ какъ ясно и точно выражать то, что мы мыслимъ. Безъ этого невозможна никакая наука. За наборомъ философскихъ словъ скрывается часто внутреннее противорѣчіе, скудость

или отсутствіе мысли. Неумѣло пользуясь языкомъ, мы темно и сбивчиво будемъ выражать простыя истины, или мѣшать себѣ самимъ въ достиженіи такихъ истинъ. Языкъ—оружіе обоюдуострое: орудіе прогресса знанія и орудіе ошибокъ. Онъ даетъ намъ возможность сравнить результаты собственнаго мышленія съ тѣмъ, что мыслили по интересующимъ насъ вопросамъ какъ тѣ, кто стоялъ выше по силѣ разумѣнія юристовъ,—кориѳеевъ человѣческаго мышленія; такъ и тѣхъ, кто не дѣлалъ основныхъ понятій юриспруденціи предметомъ спеціальнаго изслѣдованія,—толпы.

Вторымъ необходимымъ качествомъ здоровыхъ научныхъ понятій является соотвѣтствіе ихъ фактамъ, фактамъ (въ данномъ случаѣ) общественной жизни, требующимъ объясненія и дающимъ матеріалъ изслѣдованію. Они должны внести порядокъ въ эти факты, сдѣлать ихъ понятными намъ, а потому—должны близко стоять къ нимъ. Явленія должны оставаться въ предѣлахъ нашихъ изслѣдованій, а не внѣ ихъ. Міръ понятій долженъ соотвѣтствовать міру явленій дѣйствительной жизни. Какъ бы мы ни смотрѣли на относительную природу нашихъ понятій и явленій: 1) будемъ ли мы смотрѣть, вмѣстѣ съ матеріалистами, на понятія какъ на пассивные продукты воспринимающей ткани мозга, вслѣдствіе повторнаго присутствія матеріальныхъ предметовъ или явленій; 2) или, вмѣстѣ съ идеалистами, видѣть въ понятіи съ самаго начала присущую нашему духу общую идею, спеціализированную впослѣдствіи въ частныя формы; 3) или, вмѣстѣ съ реалистами, придающими одинаковую роль обоимъ факторамъ (духу и матеріи), смотрѣть на понятіе какъ на плодъ интуиціи, направленной активно на внѣшніе объекты,—какъ бы мы, повторяю, ни смотрѣли на характеръ бытія, приписываемаго понятію и его объектамъ, мы всегда должны признать фактъ связи ихъ другъ съ другомъ: понятія наши всегда стоятъ въ зависимости отъ окружающей насъ дѣйствительности. Мы должны спокойно принимать данныя опыта, признавать факты и отношенія, признаваемые всѣми, и не вводить Hirngespinst'овъ *). Излагая и объясняя факты общественной жизни, мы не должны разрушать безъ основанія ихъ общепризнанный характеръ, и не дѣлать отношенія нашихъ понятій къ явленіямъ дѣйствительности чисто словеснымъ. Необходимость обращенія къ опыту скрыто утверждается и тѣми юристами, которые считаютъ „право“ за общественное или (какъ говорятъ нѣкоторые) культурное явленіе. Ergo, понятіе „право“ не есть „форма“ челов. разума, необходимая, врожденная его идея; его мы получаемъ путемъ анализа общественныхъ

*) См. объясненіе значенія понятій въ юриспруденціи у Іеринга въ его Scherz und Ernst in der Iurisprudenz.

явленій.—И здѣсь необходимымъ орудіемъ построенія и провѣрки основныхъ понятій является языкъ.

Когда юристы заговорили о своемъ основномъ понятіи („право"?) какъ объ общественномъ (великомъ) явленіи, они стали на правильную точку зрѣнія, которой держится и настоящая работа. Мы также смотримъ на юриспруденцію какъ на (въ извѣстномъ смыслѣ) науку, не выходящую изъ предѣловъ явленій, т. е. опыта,—науку, имѣющую задачей объяснить намъ эти явленія, и ищущую повѣрки и подтвержденія своимъ положеніямъ въ области явленій же, т. е. опыта. Юриспруденція не можетъ строить изъ ничего, не можетъ выводить всего своего содержанія изъ какой-либо апріорно взятой неопредѣленной мысли о чемъ-то лежащемъ за предѣлами опыта и познанія. Такая „основа" была бы отрицаніемъ юриспруденціи „Вѣхи должны быть разставлены и веревки протянуты не въ чисто субъективной сферѣ и еще менѣе въ сферѣ лишь объективной, а въ полѣ фактовъ, постоянно освѣщаемыхъ свѣтлою атмосферой идей, поднимающейся надъ нимъ подобно небесному своду" (Bascom, Hist. interp. of phil., 7). Таковъ методъ всякаго знанія, науки и философіи. Стремленіе найти устои, на которые можно было бы опереть зданіе юриспруденціи, въ области явленій,—единственно доступной знанію и повѣркѣ всѣхъ,—стремленіе, которому нельзя не сочувствовать. Оно дѣлаетъ прежде всего необходимымъ анализъ явленій общественной жизни. Однако, такъ какъ анализъ этотъ можетъ быть произведенъ лишь съ помощью языка, и такъ какъ неумѣлое обращеніе съ языкомъ (какъ увидимъ потомъ) и было причиной, дѣлавшей до сихъ поръ ничтожными усилія, направленныя на пріобрѣтеніе истинныхъ основъ юриспруденціи,—мы должны остановиться на вопросѣ о роли языка въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Секретъ основъ юриспруденціи искали на дѣлѣ не въ анализѣ явленій, а въ анализѣ одного слова (право), имѣющаго къ явленіямъ лишь формальное отношеніе. За словомъ „право" вовсе не лежитъ какое-нибудь „общественное явленіе". Слово это создано не юристами, а русскимъ народомъ, а потому и въ толкованіи его прежде всего слѣдовало бы привлечь голосъ его творца, а не давать ему смысла, придуманнаго à priori и безъ всякаго изслѣдованія дѣйствительнаго положенія дѣла. Общественныя явленія, съ которыми въ дѣйствительности имѣетъ дѣло юриспруденція, стоятъ другъ къ другу въ иныхъ отношеніяхъ субординаціи и взаимодѣйствія, чѣмъ думаютъ это юристы того направленія, которое видитъ въ понятіи „права" основу юриспруденціи.

Глава III.

О научной терминологіи.

„Сказать, что мы мыслимъ при посредствѣ понятій значитъ только непрямо и неясно сказать, что мы мыслимъ при помощи общихъ терминовъ". Д. С. Милль (Examination.. 387)

„Не важно, какого взгляда на языкъ мы будемъ держаться; во всякомъ случаѣ тѣсная связь его съ мыслью не можетъ подлежать сомнѣнію" (M. Müller, The Science of Th., 213).

...«Такъ и языкъ, небольшой членъ, но много дѣлаетъ» (Посланіе Іакова, гл. Ш, 5).

Leaning on his elbow, in an attitude of profound and solemn meditation, «What a multitude of things there are» (exclaimed the dancing-master Marcel) «in a minuet!» May we now add?—and in a law. (J. Bentham, Principles of morals and legislation, 1879, стр. 336).

Юристъ, какъ юристъ, не обязанъ, конечно, быть филологомъ. Но, если мыслить, какъ говорилъ и Кантъ (Anthropologie, § 36), значитъ говорить съ самимъ собою, и если, не умѣя выражать точно своихъ понятій, мы не можемъ сдѣлаться понятными ни себѣ самимъ, ни другимъ,—очевидно, что вопросъ о языкѣ науки, о ея терминахъ, становится первостепеннымъ. Не рѣшивъ этого вопроса, мы не можемъ сдѣлать ни одного надежнаго шага въ какой-либо отрасли философіи. Если мы мыслимъ словами, мы должны подобрать подходящія слова.

„Стекло, черезъ которое тускло видимъ мы, это языкъ... Мы никогда не можемъ обойтись безъ синихъ очковъ языка, и наша мысль всегда должна оставаться феноменальною, т. е. одѣтою въ слова... Знать, что мы носимъ такія очки уже значитъ что-нибудь; принимать во вниманіе ихъ цвѣтъ и ихъ вогнутости и выпуклости—еще лучше; а пытаться отъ времени до времени удалять пыль и грязь, падающую и собирающуюся на нашихъ очкахъ—лучше всего; и это-то я и старался сдѣлать самъ, и совѣтовалъ дѣлать моимъ друзьямъ". (M. Müller, The Science of Thought, 548, 549).

Постараемся и мы сдѣлать это тѣмъ болѣе, что ходячая на континентѣ терминологія приняла всѣ признаки „миѳологической терминологіи“. „Истинная философія здѣсь, какъ и вездѣ, состоитъ въ исправленіи языка, и это исправленіе можетъ иногда вынуждать полное уничтоженіе старыхъ словъ“ (M. Müller, op. c., 573).

Требованія, которымъ долженъ удовлетворять научный языкъ заключаются: 1) въ его точности, 2) ясности, и 3) простотѣ.

Указавъ раньше на измѣнчивость словъ-понятій въ зависимости не только отъ контекста, но и отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ его, мы естественно должны обратить вниманіе на то, чтобы поставить шаткости нашихъ понятій извѣстные предѣлы. „Если бы слово употреблялось только философами, или людьми, взвѣшивающими свои слова и могущими сказать намъ точно путемъ опредѣленія, сколько вѣситъ каждое слово, мы имѣли бы дѣло съ гораздо меньшими затрудненіями. Но, слова употребляютъ не только мудрые, но и глупые; глупые, какъ мы знаемъ, въ такомъ огромномъ большинствѣ, что слѣдуетъ удивляться, что за словами остается вообще какой-либо опредѣленный смыслъ“ (M. Müller, The Science of Thought, 568). Первое условіе успѣшнаго мышленія состоитъ поэтому въ томъ, чтобы фиксировать смыслъ терминовъ такимъ образомъ, чтобы (какъ это принято говорить) употреблять одно и то же слово всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ, и всегда выражать ту же самую идею тѣмъ же самымъ словомъ.

Если, какъ это дѣлаютъ континентальные юристы, на одной страницѣ мы будемъ соединять со словомъ „право“ понятіе о совокупности государственно-принудительныхъ нормъ (законовъ, судебныхъ рѣшеній, административныхъ распоряженій, обычаевъ...), а на другой критерій этихъ нормъ, основу нашей оцѣнки ихъ, истекающей изъ нашихъ представленій о цѣляхъ регулированія человѣческой дѣятельности,—мы ничего, кромѣ путаницы и словопреній не получимъ. Шаткость и двусмысленность термина не можетъ дать намъ точнаго и яснаго знанія. Если одно и то же слово будетъ выражать то легальное, то этическое понятіе, мы не выбьемся изъ противорѣчій *).

Отсутствіе сомнительности и шаткости, ясность и твердость, являются, слѣдовательно, основными требованіями научнаго термина. Разумѣется, эти требованія, въ виду указанной выше неизбѣжной измѣнчивости въ значеніи понятій-словъ, носятъ относительный ха-

*) „And the most closely reasoned argument of the philosopher, what is it but a careful measuring of every word, and dovetailing them so as to allow of no breaks or gaps? We are so accustomed to poetic imagery and exaggerated rhapsodies when we speak of our mind, that we naturally shrink from such prosaic wiews“ (M. Müller, The Science of Thought, 558).

рактеръ. Разъ „сущность понятія (по словамъ Wundt'a, Die Sprache, II, 457) заключается не въ его общности, а въ томъ, что оно составляетъ составную часть мыслительнаго акта,—предложенія", то понятно, что каждое индивидуальное употребленіе слова-понятія должно налагать на него извѣстный оттѣнокъ. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ необходимыя и законныя колебанія слова-понятія „право". Но, мы должны ввести эти колебанія въ извѣстныя рамки, опредѣлить ихъ категоріи; и, разъ выбравъ извѣстный терминъ, строго держаться его. Зачѣмъ создавать опредѣленія, если потомъ не обращать на нихъ вниманія: давать извѣстную терминологію на одной страницѣ и разрушать ее на другой.

На такихъ колебаніяхъ можно построить много софизмовъ *), но основы для знанія мы не пріобрѣтемъ. Такая колеблющаяся терминологія не поможетъ намъ подвинуться ни на одинъ шагъ: никто насъ не пойметъ, сами мы не поймемъ самихъ себя, и будемъ лишь сражаться съ собственными нашими мыслями и топтаться на одномъ мѣстѣ.—Устраните элементъ неизмѣнности (въ извѣстныхъ границахъ) въ нашихъ понятіяхъ, сдѣлайте такъ, чтобы съ даннымъ терминомъ связывалось въ нашемъ мышленіи одинъ разъ одно, другой разъ иное представленіе, и вы уничтожите самую возможность научнаго мышленія (Ср. Fowler, Logic, II, 29). Только достаточная опредѣленность понятія (alias термина) можетъ дать ему право быть принимаемымъ *основою* научныхъ построеній. При неопредѣленности термина мы не знаемъ, что онъ долженъ включать въ себѣ, и что исключать.

Очевидно также, что точное пониманіе явленій и сообщеніе о нихъ, въ общихъ предложеніяхъ, достовѣрныхъ и несомнѣнныхъ истинъ (что составляетъ конечную задачу науки) требуетъ отъ научнаго языка большей точности и устойчивости, чѣмъ отъ языка, которымъ мы пользуемся въ обыкновенныхъ дѣлахъ повседневной жизни, въ мелкихъ обыденныхъ ея заботахъ и разговорахъ. „Вслѣдствіе различныхъ значеній, могущихъ быть связываемыми съ однимъ и тѣмъ же терминомъ, предпринимая какое-либо изслѣдованіе, необходимо заботливо опредѣлить тѣ термины, которые должны употреблять мы, и никогда, не сдѣлавъ ясной оговорки, не отклоняться отъ вложеннаго такимъ образомъ въ нихъ смысла" (Fowler, Logic, I, 157). Фиксированіе языка проливаетъ свѣтъ на всѣ вопросы науки и даетъ точность нашимъ мыслямъ.

---

*) „Their (софистовъ) feats of proof and disproof were chiefly a legerdemain of words, the word reappearing each time under a new and disguised meaning". (Bascom, The historical interpretation of philosophy 104).

Не вдаваясь въ данномъ мѣстѣ въ обсужденіе вопроса о томъ, нашли или не нашли юристы свое основное понятіе, мы, на основаніи сказаннаго, можемъ признать терминъ „право“ мало годнымъ для научныхъ цѣлей. Только въ одномъ пунктѣ (да и то невѣрномъ, какъ мы увидимъ къ концу) и согласны континентальные юристы. Это именно въ томъ, что „право есть великое явленіе“. Но, если вы спросите ихъ, что это за явленіе, никто вамъ не дастъ отвѣта, который бы, по строгомъ анализѣ, не побивалъ самого себя; да, кромѣ того, отвѣты эти побиваютъ другъ друга.

„Юристы все еще ищутъ опредѣленіе своему понятію права“— это ироническое слово Канта не устарѣло до сихъ поръ. (Stammler, Wirtschaft und Recht, 492).

„Къ сожалѣнію, даже о приблизительномъ совпаденіи представленій о правѣ между юристами не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, понятіе права теперь колеблется еще болѣе, чѣмъ когда бы то ни было; неустойчивость и неувѣренность еще, если это возможно, увеличиваются. Если присмотрѣться ближе къ литературѣ, то замѣтимъ здѣсь лишь неувѣренныя попытки, движеніе ощупью и наугадъ, установленіе лишь провизорныхъ опредѣленій безъ послѣдующаго обоснованія, чаще же всего смущенный обходъ проблемы и отсутствіе всякаго опредѣленія права въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ такового обойтись нельзя“. Bergbohm, Iurisprudenz und Rechtsphilosophie, I, 1892 г., стр. 77.

Нѣтъ нужды увеличивать цитаты въ доказательство положенія, общеизвѣстнаго всѣмъ спеціалистамъ. Когда юристы начинаютъ говорить о „правѣ“, мы не имѣемъ возможности знать, о чемъ думаютъ они, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь. Недостатокъ общихъ точныхъ представленій порождаетъ научную анархію. Безконечные споры ни къ чему не приводятъ, да и не могутъ привести при такихъ условіяхъ. Прочнаго остается въ ихъ доктринахъ лишь положительный матеріалъ законовъ, судебныхъ рѣшеній, административныхъ распоряженій, обычаевъ и т. п., но—безъ всякаго общаго освѣщенія. Факелъ ихъ доктринъ о „правѣ“ въ концѣ концовъ оказывается иллюзіею, и такъ же мало даетъ свѣту, какъ огурецъ—солнечныхъ лучей.

Если терминъ возбуждаетъ въ умѣ одного одну, въ умѣ другого —другую идею, онъ не можетъ внести ясности въ науку, создаваемую процессомъ мышленія многихъ людей. Ясность термина тѣсно, слѣдовательно, связана съ его опредѣленностью и его общепризнанностью. Это качество научнаго термина имѣетъ огромное значеніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вещахъ, о которыхъ должно думать цѣлое общество. Сюда относятся основные вопросы нравственно-политической

жизни, о которыхъ приходится думать каждому человѣку, какъ существу нравственному и политическому.

Естественной, необходимой связи между словомъ и извѣстной идеей нѣтъ: говорящая извѣстнымъ языкомъ группа людей, въ извѣстномъ смыслѣ, условно связываетъ съ той или иной идеей такое, а не иное слово (одни Tisch, другіе table, третьи—столъ). „Нѣтъ человѣческой идеи, которая была бы необходимо закрѣпощена (inféodée) за извѣстнымъ звукомъ, ни звука нашего голоса, который означалъ бы фатально опредѣленную идею“ (Benloew, op. c., 118). „Нѣтъ таинственной связи между аппаратомъ мысли и аппаратомъ артикуляціи“ (Whitney, La vie du langage, 240). Кто хочетъ быть понятымъ, долженъ быть крайне внимателенъ къ установившимся привычкамъ въ соединеніи идей со словами. Здѣсь можетъ помочь намъ лишь наблюденіе надъ словоупотребленіемъ: само по себѣ слово не даетъ никакого указанія на представляемую имъ идею. Не всѣ слова въ этомъ отношеніи одинаковы: значеніе однихъ болѣе опредѣленно, значеніе другихъ подвержено сомнѣніямъ и неопредѣленности.

Если вмѣсто наблюденія надъ такимъ словоупотребленіемъ и подчиненія ему, мы станемъ *изобрѣтать* термины для понятій, которыя имѣются уже въ публикѣ, какъ въ нашемъ случаѣ, мы попадемъ на ложную дорогу.

Насъ будутъ, съ одной стороны, не понимать, хотя бы рѣчь шла въ сущности объ очень простыхъ вещахъ, а съ другой стороны —мы будемъ путаться въ собственныхъ своихъ мысляхъ, такъ какъ никто не можетъ уклониться отъ вліянія обычнаго словоупотребленія того языка, на которомъ онъ говоритъ и съ помощью котораго онъ мыслитъ.

Вообще слѣдуетъ избѣгать условнаго (конвенціональнаго) языка: символическіе знаки замѣняютъ и скрываютъ (disguise) отъ насъ вещи, какими онѣ являются сами по себѣ (Ср. Whewell, Nov. Organon Renov., стр. 166, изд. 1858). Truth by her own simplicity is known, т. е. истину узнаютъ по ея простотѣ. (*Herrick*, Truth and Falsehood). Символическій, или сильно уклоняющійся отъ обычнаго, языкъ можетъ быть полезенъ въ *нѣкоторыхъ* отрасляхъ знанія, но лишь какъ дальнѣйшій шагъ (an ulterior step): начинать съ него нельзя*).

*) Странный языкъ современной юриспруденціи сразу повергаетъ приступающаго къ ея изученію въ крайнее смѣшеніе и, повидимому, совершенно лишаетъ его способности стать твердою ногою въ сферѣ основныхъ понятій и основныхъ вопросовъ юриспруденціи. Это бросается въ глаза и людямъ не занимающимся спеціально юриспруденціей. Человѣкъ, это государственное существо по преимуществу,—государственное въ большей мѣрѣ, чѣмъ пчела, по увѣренію

Мы не должны ломать обычнаго словоупотребленія. Чѣмъ болѣе терминологія подчинена характеру исторически сложившагося языка, тѣмъ совершеннѣе и полезнѣе она (см. Whitney, La vie du langage, стр. 2).

„Хотя мы наблюдаемъ въ языкѣ постоянную перемѣну (въ смыслѣ образованія новыхъ словъ, измѣненія смысла прежнихъ, грамматическихъ измѣненій, и т. д.), производить ее или мѣшать ей не во власти (отдѣльнаго) человѣка. Измѣнять законы языка или изобрѣтать новыя слова (измѣнять значеніе старыхъ) по нашему произволу—все равно, что думать объ измѣненіи законовъ, управляющихъ циркуляціею нашей крови, или прибавить одинъ дюймъ къ нашему росту. Какъ человѣкъ является царемъ творенія лишь постольку, поскольку онъ знаетъ законы его и подчиняется имъ,—поэтъ или философъ становятся господами языка (les rois du langage) лишь тогда, когда они знаютъ законы и также подчиняются имъ“..... (M. Müller, La science du langage, 44).

Это согласіе съ духомъ языка необыкновенно важно.

Аристотеля; и безъ всякаго сомнѣнія болѣе разумное, чѣмъ всѣ другія живыя существа, оказывается какъ будто не въ состояніи разобраться въ основныхъ этико-юридическихъ понятіяхъ. Даже общая литература подмѣтила это. Приведу въ извлеченіи отрывокъ изъ романа „Студенты“ Гарина (Русское Богатство, 1895 г., кн. 5, стр. 190—193; существ. отдѣльн. изд.) ....Карташевъ растерянно сѣвъ, началъ читать программу. „Право въ объективномъ смыслѣ.... право въ субъективномъ смыслѣ.“....читалъ онъ....

Не смотря на кажущуюся простоту вопроса студентъ не можетъ отвѣчать по этому билету.

— Все остальное я могу *сразу* отвѣчать, заявляетъ онъ профессору.

Профессоръ совсѣмъ огорчился: что-то закипѣло въ его душѣ; онъ точно хотѣлъ или встать, чтобы уйти, или хотѣлось ему крикнуть всѣмъ этимъ Карташевымъ, которые нагло лѣзутъ неподготовленные, неразвитые, изолгавшіеся и изоврашіеся, что они унижаютъ университетъ, что alma mater не полицейское управленіе, гдѣ выдаютъ паспорта на жизнь. Но профессоръ только стиснулъ зубы и нѣсколько мгновеній въ упоръ смотрѣлъ на Карташева....

— Изучая право,—съ спокойнымъ бѣшенствомъ (sic) заговорилъ онъ,—вы отказываетесь отъ опредѣленія этого права: могу ли я признать ваше знаніе удовлетворительнымъ?

Профессоръ позволяетъ студенту взять новый билетъ. Студентъ, согласно своему обѣщанію, отвѣчаетъ дѣйствительно, *не обдумывая*.

Послѣ этого профессоръ желаетъ предложить ему еще три вопроса. Первый изъ нихъ гласилъ:

— Что такое право въ объективномъ смыслѣ?

Затѣмъ слѣдовалъ другой вопросъ:

— Что такое право въ субъективномъ смыслѣ?

На оба вопроса отвѣта не послѣдовало. „Что такое право въ объективномъ смыслѣ?“ загремѣлъ профессоръ на всю аудиторію.

Идеи, связываемыя въ публикѣ со словомъ Recht, должны быть подмѣчены и всегда имѣться въ виду. Никто не имѣетъ власти заставить людей соединять съ нимъ только одно или два опредѣленныхъ значенія („субъективный смыслъ“ и „объективный смыслъ“). Даже самихъ себя мы не можемъ заставить сдѣлать это. Мы всегда наблюдаемъ, какъ, напр., нѣмецкій ученый, выражая намѣреніе употреблять это слово только въ двухъ смыслахъ, подпадаетъ вліянію установившагося многосмысленнаго словоупотребленія, и, самъ не замѣчая этого, вопреки первоначальному намѣренію, вноситъ идеи справедливости или нравственныхъ требованій тамъ, гдѣ стоитъ у него слово Recht.

Примѣромъ этого можетъ служить стереотипная фраза при опредѣленіи задачъ философіи. Задача эта состоитъ въ томъ-де, чтобы оцѣнить дѣйствующее право (das geltende Recht) съ точки зрѣнія идеи права (Rechtsidee) или привести его въ гармонію съ послѣдней (wie es, das geltende Recht, mit der Rechtsidee selbst mehr und mehr in Einklang zu bringen sei). Можетъ ли имѣть подобная фраза (привести право въ согласіе съ идеею права) какой-нибудь

— Довольно!!—Онъ схватилъ карандашъ и сильнымъ взмахомъ поставилъ единицу передъ фамиліей Карташева. Не два, а единицу: толстую, громадную, уродливую.

Студентъ былъ совсѣмъ не бездарный. И никогда, конечно, не приходило въ голову этому профессору, что эта единица и ея послѣдствія были результатомъ величайшаго и печальнѣйшаго недоразумѣнія, нравственная отвѣтственность за которое ложится на него.

Слово „право“ взято изъ общаго языка и, безъ сомнѣнія, извѣстно всякому гимназисту. Основныя идеи, на которыхъ покоится юриспруденція, также извѣстны всякому человѣку, какъ государственному существу. Научившись употреблять слово „право“, человѣкъ знаетъ уже основы юриспруденціи, какъ „научившись говорить о лунѣ и звѣздахъ, ребенокъ знаетъ уже систему астрономіи Птоломея“ (L. Stephen, op. c., 106). То, что скрыто подъ словами „объектъ“ и „субъектъ“, и производными „объективный“ и „субъективный“, также извѣстно всякому человѣку, такъ какъ, говоритъ Leslie Stephen (The science of ethics, 106), „мы метафизики въ колыбели, и различаемъ объектъ и субъектъ способами, внушенными намъ нашими няньками“. И, однако, „объективное“ и „субъективное“ „право“ оказываются намъ непонятными. —Интереснѣйшая задача для психологіи рѣчи и мышленія; задача, показывающая вредъ, возникающій оттого, что корни книжной учености лежатъ не въ народной почвѣ. И наука и общество теряютъ при этомъ. – Студентъ не отвѣтилъ, не потому что онъ былъ глупъ, а потому что онъ былъ уменъ. Хотя ни онъ, ни профессоръ не знали, „гдѣ зарыта собака“. Melius nesciendo scitur. Есть вопросы, на которые пустой и недалекій человѣкъ всегда найдетъ отвѣтъ, а мудрецъ не сдѣлаетъ этого. Путемъ языка мы вводимъ иногда предательское лжемудрствованіе (some insidious sophistry), изъ котораго потомъ очень трудно выпутаться. Можно составить выспренную и торжественную терминологію, но..... не имѣющую никакого прямого смысла.

смыслъ, если мы не свяжемъ съ этою „идеею права“ идею справедливости или вообще нравственныхъ требованій?

Или, напр., опредѣленіе „естественнаго права“ (Naturrecht, Vernunftrecht, philosophisches Recht)—это положенія, о которыхъ путемъ размышленія найдено, что они соотвѣтствуютъ „идеѣ права“ (die durch Nachdenken als der Rechtsidee entsprechend gefundenen Sätze). Очевидно, что, если бы мы строго держались опредѣленныхъ двухъ смысловъ (субъективнаго и объективнаго) права, подобная фраза была бы невозможной. Если право—нормы, гарантированныя государствомъ, проще сказать—правила, изложенныя обыкновенно въ кодексахъ, то положеніями, „соотвѣтствующими идеѣ права“, будутъ положенія, соотвѣтствующія законамъ при правильномъ ихъ толкованіи. Смыслъ эта фраза получаетъ лишь тогда, когда мы отбросимъ „научные“ два смысла и пустимся въ безбрежное море значеній, связываемыхъ со словомъ право въ обычномъ языкѣ „профановъ“.

Или (у Штаммлера и другихъ) такая мысль: право нельзя считать порожденіемъ государства, такъ какъ самое государство мы не можемъ мыслить безъ идеи права, какъ чего-то предшествующаго.

Если право считать совокупностью принудительныхъ нормъ *), очевидно, фраза эта содержитъ неправильную мысль. Безъ государства такое право немыслимо. Наоборотъ, если мы подъ правомъ будемъ разумѣть справедливость и другія нравственныя требованія и нормы, фраза получаетъ смыслъ. Производящею силою по отношенію къ законамъ является государство. Производящею силою по отношенію къ самому государству является чувство справедливости: justitia est fundamentum regnorum. Мысль правильная и понятная, хотя и не составляющая собою какого-либо новаго откровенія.

И подобныя фразы стоятъ часто на ряду съ фразой „Recht“ есть der Ausdruck des Staatswillens, т. е. выраженіе воли государства. Значитъ, наличность его, права, предполагаетъ существованіе государства и его воли.

Я всегда наблюдалъ эту шаткость словоупотребленія, какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ устной рѣчи (лекціяхъ), даже признаваемыхъ первоклассными юристовъ **).

---

*) При чемъ „принудительный“ должно означать государственно-принудительный, такъ какъ только государственная власть и въ состояніи обезпечить принудительность; всякое другое принужденіе производится съ ея согласія.

**) Такъ, напр., говоря о трудности законодательной работы, Дернбургъ, высказываетъ мысль, что, стараясь примирить иногда два сталкивающихся интереса, законодатель то macht Recht одной сторонѣ, то не дѣлаетъ его ни той, ни другой. Очевидно, что Recht здѣсь никакого изъ двухъ „научныхъ“ смысловъ (суб. и об.) не имѣетъ, а прикрываетъ собою требованія справедливости.—Я

Выборъ термина изъ существующей сокровищницы языка есть дѣло искусства, и работа эта уже сдѣлана для насъ. Онъ долженъ быть такимъ, чтобы большинство говорящей даннымъ языкомъ публики связывало съ нимъ приблизительно ту идею, которую мы хотимъ выразить. Если мы не будемъ изучать языка большой публики, свысока относясь къ „профанамъ", мы рискуемъ создать learned Gibberish, Juristen-Deutsch, мнимо-ученую тарабарщину, которая будетъ мѣшать намъ же самимъ, такъ какъ мы принадлежимъ къ извѣстному обществу и не можемъ оторваться отъ его языка. Доказательство въ указанныхъ мною самонаблюденіяхъ юристовъ. Какъ ни прочно повидимому ассимилированы тѣ новыя идеи, которыя пріобрѣтаетъ каждый юристъ проходя римско-нѣмецкую школу, еще прочнѣе на дѣлѣ оказываются тѣ старыя идеи, которыя впитаны человѣкомъ съ дѣтства, при постепенномъ усвоеніи материнскаго языка. Эти идеи не исчезаютъ и по окончаніи школы; не исчезаютъ, хотя и не замѣчаются всѣми. Какъ далеко, повидимому, ни ушли образованные юристы отъ народныхъ воззрѣній, въ глубинѣ ихъ душъ лежатъ часто несознанными народныя представленія, впитанныя съ молокомъ матери и сказками няньки. Они ждутъ только благопріятной минуты (минуты забвенія о своей учености или якобы-учености), чтобы воскреснуть и овладѣть человѣкомъ снова. Ученый юристъ забываетъ собственныя свои „научныя опредѣленія" права, и начинаетъ говорить общепонятнымъ, общеупотребительнымъ (и—на дѣлѣ—болѣе правильнымъ и научнымъ) языкомъ—языкомъ своего народа.

утверждаю, что *ни одинъ* нѣмецкій или подпавшій его вліянію юристъ не оставался вѣренъ своимъ опредѣленіямъ, не исключая Канта, Савиньи, Іеринга. Темный языкъ—темная философія. Въ самомъ началѣ своихъ Метафизическихъ Начальныхъ Основъ Ученія о Правѣ Кантъ говоритъ, что вопросъ, что такое право (was Rechtens ist, quid est juris), такъ же труденъ, какъ и вопросъ, что есть истина. Но, вопросъ о правѣ, какъ коррелятѣ обязанности, всегда разрѣшимъ на основаніи закона или соотвѣтствующей нормы. Въ сомнительныхъ случаяхъ вопросъ этотъ разрѣшаетъ судъ: это обязанность, отъ которой онъ уклониться не можетъ. Вопросъ о правѣ въ смыслѣ совокупности законовъ, каковой смыслъ придаетъ ему иногда Кантъ (Inbegriff der Gesetze), также ничего неразрѣшимаго и таинственнаго не представляетъ. Очевидно, что въ указанномъ мѣстѣ онъ имѣетъ въ виду подъ этимъ словомъ das Gerechte. Тогда его утвержденіе вѣрно, но онъ измѣняетъ собственнымъ опредѣленіямъ. То же у Савиньи и то же у Іеринга (его Kampf um's Recht), т. е. у кориѳеевъ нѣмецкой мысли. О второстепенныхъ и говорить нечего. „Народъ мыслителей" (das Volk der Denker, какъ любятъ титуловать они сами себя;—какихъ мыслителей: хорошихъ или плохихъ?) поставляетъ мысли, къ которымъ всегда нужно относиться cum grano salis. Люди, создавшіе огромную литературу по вопросу и давшіе только одну правильную работу (Lasson), люди, потерявшіе древне-греческое наслѣдство, не смотря на усиленное культивированіе „классицизма" въ школахъ, заслуживаютъ скептическаго отношенія съ нашей стороны. Упаси насъ, Боже, отъ подобной учености.!

Такъ въ несчастьи или въ отчаяніи и страхѣ передъ тайною смерти слетаютъ у многихъ „истовъ“ одна за другой горделивыя мысли призрачныхъ знаній и „убѣжденій“, и хвастливый отрицатель и порицатель народныхъ „суевѣрій“ посылаетъ за бонзой или знахаремъ.—Подъ покровомъ ученаго лоска лежитъ у каждаго (не исключая и ученаго юриста, и меня или Васъ, читатель) прочный, часто несознательный, фундаментъ, сложенный камень за камнемъ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній. Не даромъ они жили! И дорого платится тотъ, кто презрительно относится къ ихъ духовной работѣ, результаты которой осѣли въ языкѣ.

Есть слова, начальное значеніе которыхъ является болѣе правильнымъ и естественнымъ, чѣмъ то, которое они получаютъ въ рукахъ позднѣйшихъ ученыхъ (M. Müller, The S. of T., 95).

„Каждый человѣкъ, даже самый свободный мыслитель, является рабомъ по отношенію къ языку, въ которомъ онъ былъ воспитанъ. Онъ можетъ прорвать нѣкоторыя изъ его сѣтей, но никогда всѣхъ“... (M. Muller, The S. of. T., 278).

Мы не должны страдать самомнѣніемъ и полагать, что внѣ насъ нѣтъ источниковъ мудрости. Въ частности мы должны внимательнѣе относиться къ накопленному въ языкѣ опыту и знаніямъ цѣлаго народа. Относиться критически къ нимъ мы должны непремѣнно, но относиться отрицательно à priori не значитъ относиться критически. „Слова и ихъ понятія воплощаютъ историческій результатъ всего знанія, накопленнаго человѣческой расой вѣками честнаго труда“ (M. Muller, The S. of. T., 596). Нравственная и гражданская философія (philosophia moralis et civilis, по терминологіи Бэкона, Nov. Org. I, 80, которой часто пользуется и Laviosa въ своей La filosofia scientifica del diritto, 1897, Torino), въ область которой входятъ и основныя понятія, которыми оперируетъ юриспруденція, имѣетъ своей задачей не столько изслѣдованіе новой территоріи, сколько опредѣленіе старой. Факты и силы, которые должны быть объяснены ею, знакомы всему человѣчеству. Явленія, которыя должна она привести въ порядокъ, суть явленія нашего повседневнаго опыта, и съ самаго начала находили себѣ воплощеніе въ языкѣ. Факты, которые подлежатъ ея обсужденію, не суть новые факты, ждущіе своего открытія, а когда они открыты,—могущіе быть точно опредѣленными. Это тѣ явленія, наиболѣе постоянное и точное выраженіе которыхъ можно найти въ исторіи и современной рѣчи. Этотъ-то общій языкъ и измѣряетъ лучше всего ихъ. (Ср. Bascom, An historical interpretation of philosophy, 431). „Сравненіе личной мысли съ общею, принадлежащею всѣмъ, возможное только посредствомъ рѣчи и пониманія, есть лучшее средство достиженія объективности мысли, т. е. истины“. (Потебня, Мысль и языкъ, 31,32).

„Всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни“ (Потебня, ор. с., 49). Эти наблюденія и мысли находятъ себѣ выраженіе въ обыденномъ же языкѣ. „Этотъ языкъ, какъ міросозерцаніе высшей единицы, народа, заслуживаетъ нашего вниманія: это вѣчно повторяющееся усиліе (работа, Arbeit) человѣческаго духа сдѣлать членораздѣльный звукъ выраженіемъ мысли“ (ibidem, 33, 29).

Нужно старательно изучать языкъ своего народа, не выдумывать вычурныхъ выраженій, а говорить такъ, какъ говоритъ народъ, а не какъ подсказываетъ намъ какой-нибудь словарь или желаніе оригинальничать*). Мы должны говорить просто (as the common man speaks). Если наука или философія начинаетъ вводить безъ нужды искусственную терминологію, она способствуетъ лишь тому, чтобы отдѣлить и удалить ученаго человѣка отъ формъ знанія, ждущихъ его объясненій. Создается стѣна между изслѣдованіями и спорами такихъ ученыхъ и тѣми знакомыми фактами, которые могутъ служить имъ поправкой, повѣркой, опорой или иллюстраціей,—стѣна искусственная и не такъ скоро и легко перелѣзаемая. Идеи, заключаемыя въ новой фразеологіи, все болѣе и болѣе удаляются отъ обычной дѣятельности мысли окружающаго насъ общества,—дѣятельности, порождающей весь этико-гражданскій порядокъ съ его основными и второстепенными понятіями, и служащей прямымъ объектомъ нашихъ изслѣдованій. „Ошибки системы скрываются въ его терминологіи (vocabulary) и распространяются при ея помощи; и внѣшняя связность словъ все болѣе и болѣе принимается по ошибкѣ за послѣдовательность истины (the correspondences of truth). Отраженіе интеллектуальныхъ отношеній приходится искать въ нашей остроумной пародіи на нихъ. Философія корнями своими лежитъ въ словахъ, и слова питаютъ философію. Слова становятся средствомъ связнаго и быстраго движенія со стороны знакомыхъ съ ними: этимъ они обманываютъ себя и вводятъ въ заблужденіе другихъ. Отдаленныя сферы становятся обитаемыми для мысли благодаря новымъ выраженіямъ, становящимся подъ конецъ ихъ туземнымъ населеніемъ**). Философія

*) Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ помнить совѣтъ Мартына Лютера. Нужно смотрѣть не на букву оригинала и не въ словарь. Совѣта слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ: нужно подмѣтить, какъ говоритъ мать въ домѣ, дѣти на улицѣ, заурядный человѣкъ на базарѣ. Man darf dabei nicht die Buchstaben des Originals um Rat fragen, sondern die Mutter im Hause, die Kinder auf der Gasse, den gemeinen Mann auf dem Markte, und diesen allen muss man, «auf das Maul sehen», wie sie reden, um darnach zu übersetzen (Gustav Karpeles, Allgemeine Geschichte der Litteratur, т. II, стр. 373, изд. 1891 г.).

**) „Гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ общемъ языкѣ, практикуется фетишизмъ словъ въ наукахъ... Повидимому, „боги“ возникли тѣмъ же самымъ пу-

опускается до расплаживанія безплодныхъ понятій, свойственныхъ ей только одной, понятій, которыя только съ трудомъ могутъ быть введены въ общую колею истины для различныхъ умовъ. Философія, имѣюшая дѣло съ предметами общаго знанія, должна быть въ состояніи выражать свои мысли о нихъ знакомымъ языкомъ" (Bascom, An historical interpretation of philosophy, 432).

Простота терминологіи содѣйствуетъ взаимному пониманію наибольшаго количества людей. Взаимное пониманіе даетъ возможность взаимно повѣрять другъ друга въ работѣ мысли, исправлять ошибки другъ у друга, и достигать этимъ конечной цѣли познанія—истины. Понятность научнаго языка зависитъ прежде всего отъ источника, гдѣ мы черпаемъ его термины. Источникъ этотъ зависитъ отъ характера предмета изслѣдованія. Если идеи, съ которыми приходится имѣть дѣло изслѣдователю, являются необходимою составною частью мышленія широкихъ круговъ, или цѣлаго народа, эти идеи по необходимости находятъ себѣ то или иное выраженіе въ языкѣ. Есть вещи, о которыхъ не можетъ не думать человѣкъ въ силу своей разумности и государственной природы. Мышленіе же не возможно безъ выраженія его. Поэтому языкъ не можетъ имѣть недостатка въ выраженіи этихъ элементарныхъ идей. Сюда относятся основныя понятія религіозныя (о божествѣ и его свойствахъ), нравственныя (о хорошемъ и дурномъ), политическія (о власти, законѣ и т. д.*).

Здѣсь изслѣдователю нужно лишь найти подходяшія выраженія въ обычномъ языкѣ, строго опредѣлить ихъ значеніе, и такимъ образомъ приспособить къ передачѣ научныхъ истинъ. Даже такой абстрактный мыслитель какъ Кантъ не боялся „популярности" (Popularität) и обычнаго языка въ подобныхъ случаяхъ (pract. Vern., 19). И онъ отдаетъ предпочтеніе выраженіямъ болѣе популярнымъ (populärere Ausdrücke; ibid, 20) и болѣе ходячимъ (gangbarere Ausdrücke), лишь бы они соотвѣтствовали нужной мысли (dem Gedanken angemessen). Кантъ возстаетъ поэтому противъ стремленія создавать новыя слова безъ нужды**), а Гамильтонъ предостерегаетъ отъ „необыч-

---

темъ, что и абстракціи; они, эти боги, ничто иное, какъ абстракціи; какъ и обратно абстракціи въ дѣйствительности не представляютъ собою ничего цѣннаго, а являются лишь „богами". (Mauthner, op. c., I, 150,153).

*) Иное положеніе такъ называемыхъ точныхъ наукъ, гдѣ мышленіе имѣетъ часто дѣло съ вопросами, чуждыми народному уму (ср. Whewell, Nov. Org. Renov , 258 и сл.). Однако общіе вопросы и этихъ наукъ имѣютъ дѣло съ понятіями-словами изъ народнаго языка: сила, движеніе, тѣло, время, звукъ, свѣтъ...

**) „Neue Worte zu künsteln, wo die Sprache schon so an Ausdrucken für gegebene Begriffe keinen Mangel hat, ist eine kindische Bemühung, sich unter der Menge, wenn nicht durch neue und wahre Gedanken, doch durch einen neuen Lappen auf dem alten Kleide auszuzeichnen" (pract. Vern., 19, 20).

ныхъ“ выраженій (unusual expressions; on Logic, II, 149). Новость и необычность могутъ состоять не въ самыхъ словахъ, какъ звукахъ, а въ иномъ противъ обычнаго значенiи, придаваемомъ имъ, или въ такихъ сочетаніяхъ съ другими словами, которыя чужды обычному языку. Напр., если принято говорить: „это запрещено закономъ“, не слѣдуетъ говорить: „это запрещено правомъ“; если принято говорить: „наше полицейское законодательство страдаетъ недостатками“, не слѣдуетъ говорить: „наше полицейское право страдаетъ недостатками“.

Консервативность языка соединяетъ умственную работу настоящихъ поколѣній съ работою поколѣній прошлыхъ. Введеніе, напр., новой терминологіи со словомъ „право“, совсѣмъ не встрѣчаемомъ нами въ древнѣйшихъ памятникахъ, изрѣдка употреблявшемся въ XVIII вѣкѣ, и не особенно излюбленномъ нашими первыми юристами (напр., Неволинъ), заставляетъ очень многихъ думать, будто они, изучая юриспруденцію, имѣютъ теперь дѣло съ чѣмъ-то совершенно новымъ, или, по крайней мѣрѣ, съ новою очень глубокою идеей, до которой не могли додуматься по глупости и невѣжеству наши предки, или современная большая публика.—На дѣлѣ, основныя понятія юриспруденціи извѣстны были нашимъ самымъ отдаленнымъ предкамъ. Древнія лѣтописи говорятъ намъ о маленькихъ русскихъ государствахъ (подъ именемъ родовъ: живяху кыйждо родомъ своимъ; а позже—княжествъ), жившихъ по своимъ обычаямъ и законамъ. Самый неразвитой человѣкъ современнаго общества также не можетъ не имѣть понятій о законѣ или объ обычаѣ *).

Разумный консерватизмъ въ наукѣ и ея терминологіи столь же необходимъ, какъ и разумный прогрессъ. Создавая новую терминологію, большинство людей воображаетъ, будто оно сдѣлало новое пріобрѣтеніе и въ сферѣ мышленія, и склонно презрительно относиться къ тѣмъ людямъ, которые говорятъ по-старому. Они отрываются отъ почвы дѣйствительности и оздоровляющаго ея вліянія. Есть много аргументовъ, состоящихъ изъ техническихъ терминовъ, разсужденій, основанныхъ на абстрактныхъ словахъ и произвольныхъ опредѣленіяхъ, разсужденій, имѣющихъ только мѣстную цѣнность и со-

*) Не важно, конечно, какъ онъ выражаетъ эти понятія. Слово „обычай“, напр., есть одно изъ древнѣйшихъ русскихъ словъ, но значеніе его до сихъ поръ не всегда ясно крестьянину. Когда, напр., шелъ вопросъ о волостныхъ судахъ и собирались свѣдѣнія, то, на вопросъ объ обычаяхъ, многія волости отвѣтили, что у нихъ вообще никакихъ обычаевъ нѣтъ, подразумѣвая подъ этимъ что-то предосудительное. Но всѣ мы прекрасно знаемъ, что крестьянская жизнь регулируется въ нѣкоторыхъ сферахъ преимущественно обычаями. И если крестьянинъ сдѣлаетъ что-нибудь, то желая оправдать свой поступокъ, сошлется на обычай, пользуясь, напр., такими выраженіями: „такъ всѣ дѣлаютъ“, „такъ было съ поконъ вѣку“, „по старинѣ“ и пр.

стоящихъ въ дѣйствительности лишь изъ словъ. Разсужденія и аргументы эти испаряются при попыткѣ перевести ихъ на другой языкъ, въ которомъ нѣтъ синонимовъ для ихъ передачи. C'est ainsi que ces peuplades africaines qui font usage de coquilles pour leur monnaie, s'aperçoivent de leur pauvreté dès qu'elles sortent de leurs frontières, et qu' elles veulent offrir leur richesses de convention à des étrangers. (Oeuvres de J. Bentham, 1840, t. I, p 53). Созданіемъ искусственнаго языка дѣлается первый шагъ къ построенію тѣхъ призрачныхъ ученій о государственной жизни, которыми страдаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ всякое, и наше въ томъ числѣ, общество*). Мы-де, молъ, куда какъ ушли впередъ: мы додумались до „великаго общественнаго явленія"—„права", которое неизвѣстно было ни создававшимъ наше государство тупымъ предкамъ, ни „невѣжественной" массѣ современнаго общества. Новая эра наступила. Мы идемъ впередъ къ такому порядку вещей, котораго вы не найдете ни въ какомъ прошломъ, какъ и слова „права". „Право" устроитъ намъ такія диковинныя вещи, которыя никому и не снились прежде **) „Право"... о, Право! du erhabener grosser Name... чего только нельзя ожидать отъ тебя... какая человѣческая фантазія можетъ нарисовать намъ все то, что можешь дать ты намъ!...

*) Благодаря небрежному отношенію къ своей и чужой терминологіи мы воображаемъ, будто мы знаемъ греческую философію. Между тѣмъ, если бы мы знали ее, мы стыдились бы копировать нѣмецкія книжки по такъ называемой „философіи права", такъ какъ онѣ воплощаютъ еще до-Аристотелевское мышленіе. Аристотелева Политика могла возникнуть только благодаря выдѣленію политико-юридическихъ понятій изъ этическихъ (ср. Pollock, Hist. of the sc. of polit, гл. I). Нѣмецкая же „философія права" покоится на смѣшеніи въ терминѣ Recht („право") понятій этическихъ и юридическихъ. Овладѣть мыслью нашихъ учителей мы можемъ лишь при помощи слова. Нужно его изучать. Иначе, обладая плохо понятыми словами, мы будемъ думать, что мы обладаемъ настоящею мыслью философа.

**) Что будетъ въ будущемъ (подражаніе Гейне).

Пойдетъ все на выворотъ въ мірѣ;
Все вверхъ повернется ногами.
И зайцы съ тетерками будутъ
Охоту вести за стрѣлками
Зажарятъ кухарокъ телята,
Въ мужчинъ превратятся дѣвицы,
Статьями о Герценѣ будутъ
Газетъ наполняться страницы.
Нѣмой издавать будетъ голосъ,
И сотни огромнѣйшихъ томовъ
Статей прогрессивныхъ напишетъ,
Воспрянувъ съ постели, Обломовъ!
Въ Москвѣ въ родѣ Times выйдетъ органъ
Россійско-московскаго мнѣнья,
Въ немъ selvgovernent'a идеи
Смягчатъ отъ „казны объявленья".

А на дѣлѣ: „Words, words, words“! („Гамлетъ“ Шекспира) Слова, слова, слова! Изъ большихъ вещей, въ родѣ языка-мышленія воспитавшаго ихъ народа, юристы дѣлаютъ ничто; и изъ маленькихъ, въ родѣ второстепеннаго понятія-слова „право“, безъ котораго могли обходиться отцы нашей, какъ и римской цивилизаціи, они дѣлаютъ большія вещи. (Ср. „Pentagruel“ Rabelais: Karpeles, op. c., I, 440). Придумали новое слово, прикрыли имъ старыя фантазіи, и стараются втащить ихъ въ науку при помощи этого слова *).—Языкъ имѣетъ много словъ, интересующихъ не одинъ лишь умъ нашъ, но и чувства съ воображеніемъ. Эти слова, къ которымъ принадлежитъ и „право“ заслуживаютъ и нашего особаго вниманія. Обращеніе съ ними должно быть особенно осторожнымъ. Ихъ эмоціональная окраска способна особенно будить соціальные и политическіе призраки.

Важность старой терминологіи для правильнаго мышленія прекрасно понималъ Бэконъ (De Augm., lib. III, c. 4, цит. у Whewell, op. c., 278). Слѣдуетъ по возможности держаться тѣхъ терминовъ, которые употреблялись въ древности. „Я горячо и старательно (Бэконъ) стремлюсь настолько мало отступать отъ древности, какъ въ терминахъ, такъ и во мнѣніяхъ, насколько это согласно съ истиной и полезно для знанія“. Этотъ консерватизмъ поддерживаетъ общеніе старой и новой мысли: мы не теряемъ почвы дѣйствительности подъ ногами и пользуемся результатами мышленія безчисленнаго ряда предшествующихъ поколѣній, не даромъ жившихъ и обезпечившихъ намъ потомъ и кровью настоящее наше положеніе и возможность дальнѣйшаго развитія и успѣховъ. Даже дѣлая измѣненія, мы не должны покидать стараго. Какъ мудрое правительство, по сравненію того же Бэкона, вводя перемѣны, продолжаетъ удерживать старыя названія (*eadem magistratuum vocabula*, по выраженію Тацита), такъ наука, даже вводя существенно новое, должна держаться старой терминологіи. Тѣмъ болѣе должна она поступать такъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ лишь о расширеніи и углубленіи, или даже о неизмѣнномъ сохраненіи *стараго*.—Основныя идеи юриспруденціи стары, какъ человѣческій міръ. Назадъ къ Платону и Аристотелю! Назадъ къ языку создавшихъ наше государство предковъ! Этого требуютъ интересы науки: ея прогрессъ. Этого требуютъ и интересы государственной жизни.

---

*) Разумѣется, что все зависитъ отъ того, что мы вкладываемъ въ наши слова. Пр. Лассонъ, напр., пользуется обычнымъ для нѣмецкихъ ученыхъ словомъ Recht (право), но онъ вкладываетъ въ него то же, что англичане въ свое Law (законы); поэтому онъ смотритъ на вещи совершенно здраво. Онъ понимаетъ также всю опасность неяснаго употребленія слова „право“ у другихъ и предостерегаетъ противъ него (Rechtsphilos., 25, 26: это мѣсто цитировано нами въ главѣ „Справедливость“, въ концѣ).

Глава IV.

Зависимость индивида отъ общества.

„Раціоналистическое, не согласное съ исторіей представленіе, будто человѣкъ по существу своему есть индивидъ... все еще держитъ въ плѣну головы и вылазитъ на свѣтъ; все еще необходимо бороться противъ него.... Человѣкъ съ самаго начала вовсе не есть особь; общество раньше особи, и только внутри его учится онъ чувствовать себя особью, достигаетъ сознанія своей индивидуальности и освобождается отъ потопленія въ обществѣ." (Lasson, Rechtsphilosophie, 295).

„Въ языкѣ живѣе чѣмъ гдѣ либо каждый человѣкъ чувствуетъ себя только эманаціею (ein Ausfluss) всего человѣческаго рода". Потебня, Мысль и языкъ, 35]

„The nonentity man independent of society." L. Stephen (Sc. of ethics, 101).

„У Платона (D. Brinton, The basis of social relations, 1902, стр. 24) есть діалогъ по вопросу о „Единомъ и Многомъ"; и тонкіе абстрактные выводы, даваемые имъ, находятъ себѣ почти параллель въ конкретныхъ фактахъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ усиліи установить взаимныя отношенія индивида и группы" (общества, народа).

Съ одной стороны, народъ (the ethnic group, Volk, le peuple) есть генерическое понятіе и, какъ таковое, не имѣетъ объективнаго существованія.*) Общество живетъ лишь въ составляющихъ его индивидахъ. Только изучая ихъ въ отдѣльности, можемъ мы достигнуть какого-либо принципа или факта, вѣрнаго по отношенію къ ихъ совокупности (Brinton op. c., 25).

*) Разумѣется „объективнаго существованія" въ томъ смыслѣ, въ какомъ реалистическая школа философовъ (см. Bain, Logic, v. I., p. 5 и 6) приписывала его Кругу вообще, или круговой формѣ безъ субстанціи, величины или цвѣта.. Общество не можетъ также существовать такъ, какъ существуетъ индивидъ, такъ какъ оно не представляетъ собою организма съ единымъ центромъ сознанія.

Въ этомъ смыслѣ правъ, напр., L. Duguit (L'état, le droit objectif et la loi positive, 1901, стр. 5), говоря, что утверждать существованіе особой коллективной личности за [derrière] дѣйствіями или практической жизнью индивидовъ, значитъ утверждать существованіе какой-то вещи въ самой себѣ [d'une chose en soi], нумена, постиженіе котораго навсегда закрыто для насъ. Мы хотимъ оставаться въ мірѣ дѣйствительности; мы хотимъ имѣть дѣло съ міромъ явленій для насъ, а не съ вещами самими по себѣ. И мы въ этомъ отношеніи правы. Нѣтъ науки, какова бы она ни была, какъ лишь подъ этимъ условіемъ. „Факты же наши таковы: люди, имѣющіе общія потребности, имѣющіе различныя способности, обмѣнивающіе услуги, жившіе всегда сообща и всегда обмѣнивавшіеся услугами,— люди, которые, въ силу своей физической природы, не могутъ жить иначе какъ сообща и обмѣниваясь услугами,—люди, изъ которыхъ одни сильнѣе другихъ, и болѣе сильные изъ которыхъ всегда налагали принужденіе на болѣе слабыхъ,—люди, дѣйствующіе и имѣющіе сознаніе своихъ поступковъ. Вотъ факты. Все, что лежитъ за ними, есть лишь фикція. Эти люди, говорятъ намъ, образуютъ въ соединеніи живое и организованное существо, мыслящее, желающее, отличное отъ составляющихъ его индивидовъ. Никто никогда его не видѣлъ, и люди исписали томы, не будучи въ состояніи доказать его существованіе..... (Duguit, op. c., 6)".

„И, однако же, почти такъ же вѣрно утверждать [Brinton, op. c., 25], что группа (народъ) есть то, что одно существуетъ реально изъ двухъ. Чѣмъ подробнѣе изучаемъ мы индивида, тѣмъ болѣе исчезаютъ его якобы-индивидуальныя особенности, какъ таковыя, и теряются среди общихъ законовъ, въ силу которыхъ существуетъ общество. Тѣмъ менѣе оказывается у него багажа, который былъ бы дѣйствительно его собственностью. Тѣмъ болѣе всѣ его мысли, отличія и черты оказываются принадлежащими другимъ. Такъ что въ концѣ концовъ онъ сливается съ массой, и ничего не остается, что бы онъ по праву могъ требовать какъ свое личное достояніе. Его мнимый личный духъ есть отраженіе окружающаго его народнаго духа, какъ его тѣло во всѣхъ фибрахъ и клѣточкахъ есть повтореніе его расы и вида. Мы можемъ сказать о себѣ то же, что энергично высказалъ одинъ американскій писатель: „Нравственно я такъ же часть общества, какъ физически я часть міровой фауны" *).

*) ...Il lavoro logico, che si trova già fatto nella mente di un individuo... solo in piccolissima parte è un prodotto individuale: e, nella parte immensamente maggiore, è un prodotto collettivo; e quindi nell'individuo è, per questa parte maggiore, importazione dal di fuori. La logica comune del pensiero di un europeo del

Никто не долженъ думать, будто общество „есть лишь сумма составляющихъ его индивидовъ, чистый балансъ ихъ мыслей и жизней. Нѣтъ ничего неправильнѣе такого взгляда. Я (Brinton, op. c., 26) уже сказалъ, что этнической группѣ принадлежатъ законы и процессы, чуждые индивиду. Мы можемъ пойти дальше и доказать, что эти процессы, духъ этнической группы, совершенно отличны отъ процессовъ и духа каждаго отдѣльнаго члена ея. Говоря словами Вундта: „Результатъ, возникающій изъ совокупныхъ психическихъ процессовъ, заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ составныхъ его элементахъ".

Неразрывная, тѣсная связь, умственная какъ и физическая, индивида съ воспитавшимъ его обществомъ (а общество воспитываетъ не при помощи одной лишь школы) особенно важна для насъ, и не должна теряться нами изъ виду, при рѣшеніи основныхъ вопросовъ выработанной обществомъ этико-юридической жизни, со всѣми связанными съ нею понятіями. *)

Выработанныя обществомъ понятія, вмѣстѣ съ языкомъ, на которомъ оно выражаетъ ихъ, сознательно или безсознательно, волею или неволею, оказываютъ вліяніе на индивида. Они входятъ составною частью въ его личность, съ ея умственнымъ укладомъ, и дѣйствуютъ на него почти съ механическою необходимостью. Мнѣнія общества, его понятія и языкъ, формируютъ отдѣльныхъ лицъ. Большинство подчиняется имъ просто путемъ подражанія, не анализируя ихъ, почти механически; другіе—послѣ разбора и одобренія, слѣдовательно—сознательно. Къ сожалѣнію послѣднихъ немного, и ученые люди не всегда въ ихъ числѣ. Подобно некультурному человѣку и многіе ученые подчиняются идеямъ и словоупотребленію толпы (иногда къ несчастью, иногда къ счастью), совсѣмъ не замѣчая этого. Подчиняются они не потому, что убѣдились въ разумности этого подчиненія, а безсознательно,—потому что всѣ такъ дѣлаютъ; ими руководитъ не знаніе, а механическая привычка, не изслѣдованіе, а слѣпой имшульсъ. Вся исторія съ ученіями о „правѣ" есть иллюстрація несогласованности сознательныхъ научныхъ изслѣдованій съ незамѣчаемыми изслѣдователями вліяніями „этническаго духа". Эти вліянія бываютъ здоровыми и нездоровыми.

---

secolo decimonono è l'accumulamento dei lavori logici di tutti i precedenti fissatisi nel patrimonio cogitativo generale e imposto ad esso indeclinabilmente dalla eredità fisiologica, dalla educazione, dalla lingua, dalle istituzioni, dall'arte, dalla convivenza. (Ardigò, Opere filosofiche, III, 445).

*) „Человѣкъ рожденъ для общества; отдѣлите его отъ послѣдняго, поставьте его въ одиночество, его мысли спутаются"... (Diderot, цит. изъ Karpeles, Allgem. Geschichte der Litteratur., I. 513).

„Въ каждомъ здоровомъ индивидѣ (Brinton, 26) есть чувство, что мысли и дѣйствія его пусты, если они не направлены такъ или иначе на его собратій по человѣчеству (his fellow human beings); и рядомъ съ этимъ есть у него чувство, что эти собратья являются только средствомъ для развитія и усовершенствованія его самого. Онъ желаетъ быть близко связаннымъ съ группой, но не быть поглощеннымъ и потеряться въ ней. Его безсознательная цѣль есть индивидуальность, но не изолированіе; и онъ чувствуетъ, что наиболѣе полная и здоровая индивидуальность можетъ быть достигнута только ассоціаціей съ другими его вида. По этой причинѣ онъ подчиняетъ свою волю коллективной волѣ, свое сознаніе коллективному сознанію. Онъ принимаетъ отъ группы идеи, заключенія и мнѣнія, общія ей, и мотивы воли, въ родѣ обычаевъ и правилъ поведенія, коллективно санкціонированныхъ ею“.

Это подчиненіе собственной воли и мышленія волѣ и мышленію общества совершается не только сознательно, но и безсознательно. Разумѣется, что наука должна стремиться разобраться въ нихъ и овладѣть ими. Не сдѣлавъ этого, мы рискуемъ попасть (какъ континентальные юристы со своимъ „правомъ“) въ, повидимому, неразрѣшимыя противорѣчія. Общество съ его вѣковымъ опытомъ и знаніями, накопленными въ языкѣ, является важнѣйшимъ источникомъ нашихъ знаній, научныхъ и ненаучныхъ. Идеи, которыми всегда и вездѣ жило общество, строго являются собственностью общества, а не его отдѣльныхъ членовъ.

Общественное вліяніе на наше мышленіе, какъ и на нашъ языкъ, фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Можно критически относиться къ нему, но не считаться съ нимъ мы не можемъ. Полное подавленіе личности обществомъ, конечно, не желательно, да и не мыслимо. Но, кто бросается въ противоположную крайность и выставляетъ на видъ свою изолированность, „оригинальность“ и антагонизмъ къ другимъ, часто лишь обманываетъ самого себя. Какъ бы онъ ни оригинальничалъ, какъ бы ни ставилъ себя выше толпы, онъ всегда подчиненъ ея вліянію.

Отъ общества „онъ беретъ свои мысли (Brinton, op. c., 29) и языкъ, въ которомъ выражаетъ ихъ,—его экономическія цѣнности суть цѣнности, признанныя этою толпою,—его идеалы—ея идеалы,—его воля тщетно стремится уйти отъ желѣзныхъ оковъ окружающаго его общественнаго порядка. Не зная этого, онъ остается рабомъ другихъ“.

Общество имѣетъ еще одно преимущество надъ индивидомъ. Оно жило давно и будетъ жить дольше его. Онъ умретъ, а общество, съ его идеями и языкомъ, будетъ еще продолжать свое суще-

ствованіе. Болѣе мощное оно можетъ претендовать на высшую реальность. Со своими маленькими стремленіями, крошечными идеями и личнымъ честолюбіемъ, индивидъ скоро погрузится въ мракъ безсрочной ночи, а общество, частью котораго онъ былъ, будетъ жить въ другихъ, болѣе молодыхъ поколѣніяхъ, двигаясь впредъ на встрѣчу своей судьбѣ подъ давленіемъ силъ, которыхъ онъ не можетъ и предугадать, давя его оппозицію на своемъ пути (Brinton, op. c., 29, 30). Жизнь вида для природы—все, жизнь индивида—ничто. Это говоритъ новѣйшее естествовѣдѣніе. C'est le peuple qui compose le genre humain; ce qui n'est pas peuple est si peu de chose que ce n'est pas la peine de le compter (*Emile*, livre 4), говорилъ Ж. Ж. Руссо.

Правда, что общество со своими идеями никогда не является творческой силой. Оно воспринимаетъ, дѣйствуетъ, выполняетъ, но въ творчествѣ оно зависитъ отъ индивида. Двигающею знаніе впередъ силою всегда былъ и будетъ индивидуальный умъ [Аристотели, Галилеи, Коперники, Ньютоны.....]. Но, есть вещи, гдѣ о творчествѣ не можетъ быть и рѣчи. Это идеи, которыми вездѣ и всегда жило и живетъ общество.

Основныя понятія, съ которыми приходится имѣть дѣло юристу, такъ же стары, какъ человѣческій родъ. Это коллективное достояніе всякаго общества, а не одного лишь класса профессіональныхъ ученыхъ, судей или адвокатовъ. Государство явилось не вчера,—это непремѣнное явленіе общественной жизни: начало его лежитъ въ туманной дали происхожденія человѣческаго рода. Всегда находилась въ обществѣ группа лицъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ другія; всегда эти лица стремились налагать и налагали дѣйствительно свою волю на другихъ. Это фактъ, который всегда и вездѣ остается тѣмъ же, каковъ бы ни былъ способъ наложенія этой воли болѣе сильныхъ на болѣе слабыхъ, какова бы ни была „форма правленія", кому бы и на какомъ основаніи ни принадлежала матеріальная сила: единицѣ, нѣсколькимъ, или большинству. Этотъ фактъ и есть то, что мы называемъ государствомъ. (Ср. Duguit, L'état.....19, 21, 22). Какъ разумное, нравственное и политическое существо, человѣкъ всегда росъ среди государства и пропитанъ его идеями. Было государство, былъ и законъ, хотя бы въ формѣ устныхъ велѣній главы независимой семьи или кочующей орды. Были законы, была и оцѣнка человѣческихъ дѣйствій по отношенію къ нимъ. Были обязанности и права. Факты, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ юриспруденціи, и которые ждутъ ея объясненій,—факты, знакомые всякому обществу. Явленія, которыя должна упорядочить, классифицировать и оцѣнить „наука права", это тѣ явленія, которыя возникаютъ въ нашемъ каждодневномъ опытѣ, и такъ или иначе, съ самаго начала общественной

жизни, находили себѣ выраженіе и воплощеніе въ языкѣ широкой публики.

Понятія, связанныя съ этими, сѣдыми отъ древности, явленіями, составляютъ часть общей сокровищницы знанія общества, хотя, конечно, не въ такой ясной и точной формѣ, какая требуется отъ нихъ наукой, и не со всѣми ихъ послѣдствіями и отношеніями. Такъ или иначе, языкъ приспособляется народомъ къ выраженію понятій и истинъ, которыми онъ всегда жилъ и живетъ. А всякій народъ жилъ и живетъ политическими понятіями и истинами. Юристу нечего творить здѣсь: онъ долженъ поискать, а не изобрѣсти нужное ему.

Наука или философія, имѣющая своимъ предметомъ части общей сокровищницы знанія (the common terms of all knowledge), то, что составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ отношеній въ обществѣ,—такая наука должна быть способною выражать свои мысли относительно нихъ обычнымъ, знакомымъ всѣмъ путемъ (Ср. Bascom, An historical interpretation of philosophy, 431,432). Юристу, въ данномъ случаѣ, „нужно идти вмѣстѣ съ обществомъ, къ которому принадлежитъ онъ“ (Whitney, La vie du langage, 130). Задача его чрезвычайно проста: обратить вниманіе другихъ и точнѣе формулировать то, что знаетъ каждый нормальный человѣкъ, но знаетъ implicite, а не explicite,—сдѣлать яснымъ то, что есть уже въ скрытомъ состояніи. Спеціальнаго жаргона для этого придумывать не нужно: обычный языкъ можетъ сказать эти неновыя вещи и сказать ихъ хорошо. Только о новыхъ идеяхъ можно сказать словами Egger'a (La parole intérieure, 234): чѣмъ болѣе нова идея, тѣмъ менѣе готовъ выразить ее обычный языкъ. Обычный языкъ вполнѣ способенъ удовлетворить спросу неновой мысли: чѣмъ болѣе банальна мысль, тѣмъ легче она выражается (Egger, op. c., 235).

Языкъ есть сокровищница народной мудрости. Народъ—это огромный коллективный умъ*), мыслящій, при посредствѣ индивидуальныхъ умовъ, на протяженіи вѣковъ и вкладывающій добытые результаты въ свой языкъ. Такъ смотрѣлъ еще Аристотель: .. „такъ какъ всѣ люди постоянно пользуются своимъ разумомъ, и воплоща-

*) Разумѣется, мы употребляемъ это выраженіе лишь какъ фигуру рѣчи, не ставя за нимъ никакой метафизической личности и сущности, никакой миѳологической единицы. Оно имѣетъ лишь въ виду подчеркнуть взаимную зависимость, согласіе и взаимодѣйствіе составляющихъ общество членовъ, подобно выраженіямъ „общественный организмъ“, „суперорганизмъ“, „физико-психическій организмъ“. Никакихъ заключеній изъ подобныхъ фигуральныхъ выраженій по аналогіи мы дѣлать не можемъ. Народъ не болѣе организмъ, чѣмъ и всякій другой психическій концептъ, напр.—понятіе „genus homo“ (См. Brinton, op. c., стр. 28, 31, 38, 39). Это чисто умственное созданіе, хотя и не менѣе реальное.

ютъ результаты этого пользованія въ языкѣ и общемъ мнѣніи, мы имѣемъ цѣнный запасъ истины въ томъ, что заключено въ обычныхъ формахъ языка и вѣрованіяхъ" (Benn, Philosophy of Greece, 223). Это не всегда, конечно, надежный источникъ. Милліоны людей въ теченіе тысячелѣтій наблюдали восходъ и заходъ солнца и составили объ этомъ явленіи то представленіе, которое до сихъ поръ живетъ въ обычномъ языкѣ (представленіе о движеніи солнца вокругъ земли и о неподвижности этой послѣдней: солнце поднялось, сѣло, зашло, взошло, и т. п. выраженія). И не эта огромная собирательная единица, а нѣсколько отдѣльныхъ мыслителей установили, наконецъ, истину. Но, эти ошибки не должны приводить насъ къ заключенію о томъ, будто мы имѣемъ право презрительно относиться къ этому методу здраваго разсудка (common-sense method). Предвзятость, предубѣжденность, нашего отношенія къ народному мышленію ничѣмъ не лучше, чѣмъ апріоризмъ въ другихъ случаяхъ. Представленія общества—фактъ, къ которому слѣдуетъ относиться *критически,* какъ и къ понятіямъ индивидуальныхъ умовъ, но фактъ, который мы не должны и не можемъ игнорировать.

Въ практической дѣятельности, какъ и въ мышленіи, индивидъ или классъ (напр., классъ ученыхъ юристовъ) достигаетъ своихъ высшихъ цѣлей (пріобрѣтенія знаній или проведенія въ жизнь своихъ идей) не путемъ антагонизма къ обществу, а путемъ посвященія себя изученію идей (и интересовъ) его, путемъ наблюденія и уясненія себѣ идеаловъ и идей, которыми живетъ оно, и отысканія средствъ сдѣлать ихъ болѣе ясными и отчетливыми. Въ этомъ и состоитъ настоящій „альтруизмъ", жизнь въ другихъ и для другихъ. Вмѣстѣ со своими физическими чертами индивидъ получаетъ отъ общества всю его культуру, матеріальную и духовную, вѣрованія и понятія, и символы для сложныхъ и общихъ идей, т. е. языкъ. Индивидъ можетъ работать для народа или противъ народа, или для одного только себя, но, въ томъ и другомъ случаѣ, долженъ считаться съ народомъ за то, что онъ получилъ отъ него. А получаетъ онъ отъ него почти все; и считаться можетъ, только внимательно изучивъ значеніе полученнаго.

Общество снабдило индивида искусственными предметами пользованія: орудіями, инструментами, одеждой, жилищемъ, и научило его приготовлять ихъ; оно воспитало его и приготовило къ той или иной профессіи, обучивъ его совершать множество сложныхъ цѣлесообразныхъ движеній, необходимыхъ въ общественной жизни на извѣстной степени культуры; оно подчинило его, чрезъ свои учрежденія, своей физической силѣ, заставляющей его воздерживаться отъ извѣстныхъ актовъ или совершать другіе. Общество всегда стремится сознательно модифицировать его путемъ общественнаго воспи-

танія, религіознаго обученія, и т. д.; или стараться задержать въ немъ развитіе стремленій, вредныхъ для него. Общество формируетъ его вѣрованія и понятія, и заставляетъ выражать свои идеи опредѣленнымъ способомъ, соблюдая законы собственнаго языка.—Оно не должно мѣшать развитію индивидуальности: въ этомъ роковая ошибка многихъ погибшихъ обществъ. Но, и индивидъ, съ своей стороны, не долженъ упускать изъ виду своей зависимости отъ общества и изучать оживотворяющія его идеи, сокровищницей которыхъ является языкъ.

„Языкъ есть отраженіе общества; онъ создаетъ его и создается имъ“... (Sayce, Principles of comparative philology, 1875, стр. X, или стр. 5 франц. перевода). „Въ языкѣ живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, каждый человѣкъ чувствуетъ себя только эманаціею (ein Ausfluss) всего человѣческаго рода (Потебня, Мысль и языкъ, стр. 35), и въ частности своего народа“. „Индивидъ (недѣлимое) изъ себя создаетъ свое развитіе, но стѣсненъ въ этомъ направленіемъ путей, пройденныхъ его народомъ“ (Потебня, ibidem, 48). Пути же, пройденные народомъ въ своемъ развитіи, запечатлѣны въ его языкѣ. „Языкъ народа, говорилъ Гумбольтъ (Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus, v. II., p. 52, ed. Pott), есть его духъ, а духъ народа есть его языкъ; мы никогда не можемъ достаточно оцѣнить ихъ тождественность“

„Языкъ, говоритъ М. Мюллеръ (The Sc. of Thought, 515), есть истинная автобіографія человѣческаго духа, и всѣ и каждый секреты философіи должны быть изучаемы въ древней какъ міръ лѣтописи языка“ (all and every secret of philosophy is to be studied in the world-old diary of language).

Знанія, которыми обладаетъ каждый изъ насъ, пріобрѣтены изъ различныхъ источниковъ. И та доля, которая взята нами отъ народа вмѣстѣ съ его языкомъ, играетъ несравненно большую роль, чѣмъ думаетъ большая, даже ученая, публика. Только рѣдко кто относится сознательно къ этимъ знаніямъ. Дѣйствуютъ они по большей части скрыто.

Безграмотный человѣкъ пользуется синтаксисомъ и грамматическими формами родного языка, такъ же мало подозрѣвая о нихъ, какъ одинъ изъ Мольеровскихъ героевъ о томъ, что онъ говорилъ прозой всю свою жизнь. Много такихъ знаній имѣемъ мы и изъ нравственно-юридической области, но большинство не только не подозрѣваетъ этого, не только не замѣчаетъ, что оно находится подъ вліяніемъ ихъ, и не можетъ привести благодаря имъ въ гармонію своихъ „ученыхъ“ знаній, но и презрительно относится къ мысли поучиться чему-нибудь сознательнымъ отношеніемъ къ народному языку. А между тѣмъ мы живемъ въ значительной мѣрѣ продуктами народнаго

мышленія, или ищемъ иногда на сторонѣ то, что есть у насъ самихъ, да еще и въ лучшемъ видѣ. Сами мы не знаемъ собственныхъ нашихъ богатствъ. Ждемъ, пока не пріѣдетъ къ намъ какой-нибудь нѣмецъ или французъ и укажетъ—одинъ на сельскую общину, другой на залежи угля, третій на народную поэзію, или еще на что иное. Философія и разумъ есть во всякомъ языкѣ, и пренебрегать ими не слѣдуетъ.

Разумѣется, что само по себѣ общество не можетъ ни мыслить, ни говорить. Мыслятъ и говорятъ индивиды. Но, мышленіе и рѣчь этихъ индивидовъ зависятъ отъ состоянія общества, въ которомъ они выросли. И результаты, которыхъ достигаютъ индивиды въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ или философскихъ спекуляціяхъ, зависятъ отъ культуры общества. „Если бы Гомеръ или Платонъ родились между готтентотами, они также не могли бы составить „Иліады“ или „Діалоговъ“, какъ Бетговенъ не могъ бы сдѣлаться творцомъ своей музыки, какъ бы ни былъ тонокъ его слухъ или деликатна его организація, въ дни, когда единственнымъ музыкальнымъ инструментомъ былъ томъ-томъ“ (L. Stephen, The science of ethics, 107). Дѣятельность и мышленіе индивида существенно обусловлены не только его индивидуальной организаціей и способностями, но и общественной средой.

Эта среда можетъ быть болѣе или менѣе широкою. Для зауряднаго спеціалиста-ученаго такою средою являются люди прошлаго и настоящаго времени, работавшіе въ извѣстной узкой сферѣ знанія. Изъ этихъ узкихъ рамокъ онъ никогда не выходитъ. Съ мышленіемъ широкаго общества, создавшаго языкъ, на которомъ онъ мыслитъ, такой спеціалистъ не считаетъ нужнымъ справляться. Онъ не ждетъ помощи отсюда. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ, безъ сомнѣнія, правъ. Есть вещи, о которыхъ большая публика никогда не думала и не думаетъ. Оказать помощь намъ въ этомъ случаѣ она не можетъ. Странно было бы, если бы химикъ или физикъ обратились за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ своихъ вопросовъ къ мышленію большого общества, народа. Странно, конечно, и юристу обращаться къ этому источнику за рѣшеніемъ огромной массы интересующихъ его вопросовъ. Однако, безусловно-отрицательное отношеніе къ народному мышленію, всегда, и по всѣмъ вопросамъ,—большая ошибка. Не будучи ученой, не обладая спеціальными познаніями, окружающая насъ общественная среда не перестаетъ состоять изъ существъ разумныхъ, нравственныхъ и государственныхъ. Не умѣя разобраться въ вопросахъ второстепенныхъ, она, не всегда, правда, сознательно, чувствуетъ большія истины. „Гласъ народа“ дѣйствительно иногда является „гласомъ Божіимъ“. Критически мы должны относиться къ мышленію народа, но

относиться всегда презрительно къ нему мы не можемъ. Игнорированіе народнаго мышленія является лишь результатомъ непониманія нашей страшной интеллектуальной задолженности передъ нимъ. Это близорукость и черная неблагодарность къ нашему величайшему учителю и воспитателю. Наши предшественники создали изъ насъ людей. Въ каждую минуту нашей жизни мы зависимъ отъ своихъ современниковъ и своихъ предшественниковъ. Создавъ языкъ, народъ создалъ совершенно новый міръ. „Матеріальный міръ не больше былъ измѣненъ обработкой полей и созданіемъ орудій, чѣмъ міръ мысли развитіемъ языка“ (L. Stephen, The science of ethics, 108). „Научить дитя говорить значитъ воспитать его, приготовить къ общей жизни съ другими, открыть его умъ вліянію другихъ, снабдить массою знаній, старательно уже организованныхъ, научить его методамъ мышленія и воображенія, внушить ему философскія и религіозныя основныя начала, и привить ему безчисленное множество ассоціацій, которыя должны составить важные элементы въ развитіи его личности“ (ibid, 106,107).

„Научившись говорить (ibid., 108), я обладаю орудіемъ, которое будетъ служить мнѣ и въ одиночествѣ. Я могу сидѣть въ своемъ кабинетѣ и размышлять или воображать, какъ мнѣ угодно. Мои мысли, правда, видоизмѣняются каждую минуту орудіемъ, выработаннымъ другими, но орудіе это, разъ пріобрѣтенное, остается постояннымъ факторомъ. Но это, конечно, только самая незначительная доля обычнаго пользованія языкомъ. Развитой потребностью общенія, языкъ каждую минуту служитъ орудіемъ общенія. Управляя моими отношеніями къ другимъ, языкъ оказываетъ наиболѣе осязательное и постоянное свое вліяніе“. Родной языкъ подготовляетъ почву и къ общенію съ другими народами и ихъ культурой. Мы понимаемъ другихъ отъ Аристотеля до Бэкона, Декарта и Канта, только потому, что унаслѣдовали отъ своего народа черезъ его языкъ извѣстныя знанія и логику. При помощи родного языка мы входимъ въ общеніе съ иными культурами и пріобрѣтаемъ возможность позаимствовать то, что есть хорошаго въ нихъ.

Общественною средою для культурнаго человѣка будетъ не только его собственный народъ, но и тѣ народы, пониманія которыхъ онъ достигъ при помощи отечественной культуры. Античный міръ и новая литература западно-европейскихъ народовъ составляютъ общественную среду образованнаго русскаго на ряду съ его собственнымъ народомъ. И не одна спеціальная литература важна для него, а и мышленіе тѣхъ людей, которымъ силою ихъ ума удалось преодолѣть узкія рамки спеціальности. Всякій спеціалистъ, если онъ добросовѣстенъ, долженъ сознавать ограниченность своихъ силъ. Люди дѣ-

лаются Павлами, Ульпіанами, Куяціями, Савиньи и пр., потому что они не могутъ сдѣлаться Аристотелями, Бэконами, Ньютонами, Кантами.... Сознаніе скромности своихъ силъ должно побуждать насъ искать свѣта по общимъ вопросамъ и у тѣхъ людей, которые нашли своимъ силамъ болѣе высокое приложеніе, чѣмъ рѣшеніе детальныхъ вопросовъ какой-нибудь спеціальности.

Разница между образованнымъ и необразованнымъ человѣкомъ заключается въ томъ, что первый имѣетъ возможность распоряжаться бо́льшимъ запасомъ накопленнаго человѣчествомъ знанія, чѣмъ послѣдній. И образованіе наше будетъ идти тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе мы будемъ пользоваться результатами мышленія другихъ. Научиться правильнымъ вексельнымъ операціямъ мы такъ же не можемъ у широкой публики, какъ у Аристотеля, но при уясненіи основъ юриспруденціи мы съ выгодою можемъ воспользоваться implicit'ными знаніями первой, и explicit'ными знаніями послѣдняго.

Исторія каждой спеціальной науки показываетъ намъ, какимъ грубымъ ошибкамъ предавались иногда ихъ представители. Эта исторія должна сдѣлать насъ болѣе осторожными; и мы не должны упускать изъ виду, что въ извѣстномъ смыслѣ каждая наука есть продуктъ умственной энергіи цѣлаго человѣчества. Никто изъ насъ не можетъ мыслить, не усваивая знанія, достигнутаго другими, какъ спеціалистами, такъ и не-спеціалистами. „Я вижу, что мой огонь (L. Stephen, op. c., 108) потухаетъ; я началъ зябнуть; я заключаю, что нужно подложить огня. Даже въ такомъ простомъ случаѣ я пользуюсь унаслѣдованными результатами опыта другихъ, и особенно великаго открытія огня и его качествъ". Мы не можемъ добыть все нужное намъ знаніе лишь собственными силами, или силами нашихъ товарищей по спеціальности. Всякая наука корнями своими соприкасается съ наблюденіями и опытами повседневной жизни, и не можетъ обойтись безъ тѣхъ высшихъ спекуляцій, надъ которыми трудились кориѳеи человѣческой мысли. Мы не можемъ достигнуть цѣнныхъ и прочныхъ результатовъ, не полагаясь на разумъ и правдивость не только своихъ товарищей по спеціальности, но и безчисленнаго множества другихъ людей, и не повѣряя нашихъ собственныхъ результатовъ огромною массой результатовъ, добытыхъ другими.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нѣкоторые вопросы мы можемъ получить сколько-нибудь основательный отвѣтъ только отъ спеціалистовъ. Но это не даетъ права спеціалистамъ считать разумъ своею исключительною привилегіей даже и по вопросамъ, о которыхъ не можетъ не мыслить все человѣчество. Мы не должны игнорировать общую природу и общіе интересы людей: ихъ разумность и ихъ качества какъ нравственныхъ и государственныхъ существъ. Изъ-за

деревьевъ своей маленькой спеціальности мы не должны терять изъ виду огромнаго лѣса общечеловѣческой разумности. Мы рождаемся не въ мірѣ тьмы, путаницы и абсолютнаго невѣжества, а въ мірѣ огромнаго запаса знаній, накопленныхъ и систематизированныхъ безконечною серіей сознательно и безсознательно работавшихъ поколѣній. Мы должны считаться съ этими знаніями, и пользоваться тѣми изъ нихъ, достовѣрность которыхъ не можетъ быть подорвана нашими человѣческими средствами. Мы должны пользоваться и хранить результаты, добытые мышленіемъ представителей той или иной спеціальности. Но, если эти результаты не подтверждаются общечеловѣческимъ мышленіемъ, включая сюда и мышленіе кориѳеевъ человѣческой мысли*), мы не должны настаивать на нихъ только потому, что они добыты спеціалистами. Строго говоря, подобные вопросы и нельзя назвать вопросами спеціальными, разъ надъ ними задумывается все человѣчество.

Индивидуалистическій взглядъ на человѣческую природу создалъ изъ человѣка несуществующій въ реальномъ мірѣ призракъ и тѣмъ затруднилъ пониманіе явленій общественной и государственной жизни. Подобный же фантомъ созданъ былъ и изъ научной „спеціальности". Есть качества, столь существенныя для человѣка, что безъ нихъ онъ переставъ бы быть человѣкомъ, и есть качества, столь существенныя для знанія, что безъ нихъ оно перестаетъ быть спеціальной или неспеціальной наукой. Странно спрашивать о какой-либо вещи, чѣмъ будетъ она безъ ея наиболѣе существенныхъ качествъ. Устраняя такія наиболѣе существенныя качества, мы создаемъ не-реальность, призракъ. „Когда мы говоримъ (L. Stephen, op. c., 95, 96) *человѣкъ*, мы мыслимъ, между прочимъ, живое существо съ желудкомъ и окруженное матеріей. Сказать, что человѣкъ былъ бы лучше или хуже безъ желудка, значитъ связать слова, не имѣющія какого-либо реальнаго значенія, или, во всякомъ случаѣ, говорить о существѣ, столь радикально отличномъ отъ человѣка въ большинствѣ отношеній, что мы вызовемъ лишь путаницу, примѣняя къ нему то же самое названіе..." Подъ *человѣкомъ* мы разумѣемъ существо, принадлежащее къ извѣстному классу, и мѣняющееся въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ существенными качествами класса; а между этими существенными качествами мы должны, безъ сомнѣнія, считать зависимость отъ расы... Было бы прямой нелѣпостью говорить о человѣкѣ, бу́дто отъ его воли зависитъ быть или не быть въ извѣстныхъ отношеніяхъ связаннымъ

*) „Какъ бы тамъ ни было, мы твердо вѣримъ, что юристы, продолжая тотъ путь, по которому они идутъ уже въ продолженіи столѣтій, остаются чужды всякому научному прогрессу, и, что еще важнѣе, незнакомы (méconnaissent) со стремленіями и потребностями нашей эпохи" (L'état...., Duguit, стр. 618).

обществомъ. Онъ можетъ быть въ положеніи Робинзона Крузо и жить на пустынномъ островѣ; но и тогда ему нужно было родиться, вырости и остаться въ живыхъ въ годы дѣтства, и унаслѣдовать всѣ тѣ качества, которыя связаны съ этими процессами. Человѣкъ, не зависимый отъ расы, есть столь же безсмысленное выраженіе, какъ и яблоко, не растущее на деревѣ... Каждый человѣкъ есть вмѣстѣ индивидъ и общественный продуктъ, и каждый инстинктъ имѣетъ какъ общественное, такъ и индивидуальное значеніе". Индивида мы понимаемъ только черезъ общество; его интеллектуальныя функціи зависятъ отъ общей мыслительной работы народа, составною частью котораго онъ является; только при свѣтѣ цѣлаго мы понимаемъ ихъ. Равнымъ образомъ спеціализованное мышленіе получаетъ смыслъ и значеніе только при свѣтѣ тѣхъ основныхъ знаній, которыя являются достояніемъ человѣчества. Внѣ этой связи съ цѣлымъ и внѣ подчиненія тѣмъ правиламъ и тому знанію, которыя диктуются здравымъ разсудкомъ всего человѣчества, не можетъ быть создано никакой науки. На отрицаніи того, что признаютъ всѣ, или на признаніи того, что не признается никѣмъ, можно построить не науку, а фантастическую систему, которая даже при всей ея симметріи и полнотѣ, будетъ лишь продуктомъ творческаго воображенія. Чтобы создать или понять какую-либо спеціальность, мы должны изучить общечеловѣческія ея основы. Нельзя, напр., признать истиной доктрину, которая не удовлетворяетъ основному требованію, которое предъявляется общечеловѣческимъ мышленіемъ ко всякому знанію: требованію, чтобы оно не разрушало самого себя, чтобы оно, говоря иначе, было послѣдовательнымъ. „Всякая истина, говоритъ Whewell (Nov. Or. R., 184), прежде чѣмъ, она можетъ быть согласною съ фактами, должна быть согласна сама съ собою". Не можемъ мы также составить какую-либо науку о предметѣ, о самомъ существованіи котораго ничего не извѣстно общечеловѣческому мышленію: о лошадяхъ, умѣющихъ говорить, о царствѣ лиллипутовъ...

Какъ ни очевидны эти положенія, они нарушаются иногда учеными людьми. Путемъ искусственнаго языка они разобщаютъ себя съ дѣйствительной жизнью и создаютъ искусственную среду, въ которой и живутъ среди призраковъ только они одни. Ихъ языкъ, не понимаемый большой публикой, и не понимаемый даже ими самими, такъ какъ созданъ онъ независимо отъ дѣйствительности, а потому и имѣетъ дѣло въ сущности съ привидѣніями, понимаемыми каждымъ по своему,—повторяю: ихъ языкъ—мѣшаетъ притоку свѣжаго воздуха въ созданный ими фантастическій міръ. Видя въ большой публикѣ только невѣжество, и ничего больше, они, порывая съ нею связи при помощи искусственнаго, имъ однимъ свойственнаго языка, ли-

шаютъ себя и выгодъ повѣрки тѣми знаніями, которыя на дѣлѣ можно найти и въ самой невѣжественной толпѣ, имѣющей соприкосновеніе съ живою дѣйствительностью. Это обычный процессъ образованія донъ-кихотовъ.

Благодаря языку мы не только находимся въ фактической зависимости отъ общества (хотимъ мы этого, или не хотимъ), но мы и должны поддерживать свою связь съ окружающей насъ большой публикой. Только крайнее невѣжество по отношенію къ своему народу позволяетъ видѣть въ немъ нѣкоторымъ *лишь* тьму и неразумѣніе. Послѣ того какъ человѣкъ открылъ разумъ даже въ неодушевленной природѣ, странно видѣть въ народной жизни и мышленіи лишь неразумѣніе. Мы не должны, разумѣется, искать золота въ тыквѣ, или свойствъ платины въ свинцѣ. Точно также не должны мы искать въ народномъ мышленіи и его выраженіи въ языкѣ отвѣта на тѣ вопросы, которые имѣютъ смыслъ и интересъ только для спеціалиста той или иной науки. Но, есть вопросы, которыми окружена жизнь самаго „маленькаго“ человѣка, отъ первыхъ проблесковъ сознанія до могилы. Тотъ или иной отвѣтъ можно получить на нихъ отъ каждаго, и отвѣтъ—не всегда неразумный. Иногда безсознательно, но масса своимъ поведеніемъ или своею рѣчью даетъ на нѣкоторые вопросы поразительно вѣрные отвѣты. Откуда они, этого не объяснитъ намъ никто, какъ никто не объяснитъ и многого изъ того, что поражаетъ насъ въ органической и неорганической природѣ.

То, что даетъ намъ языкъ, какъ продуктъ народной жизни, несравненно важнѣе того, что даетъ намъ книжная наука, какъ продуктъ, въ значительной мѣрѣ, индивидуальнаго творчества. Языкъ кладетъ фундаментъ для всего дальнѣйшаго интеллектуальнаго развитія человѣка, онъ поднимаетъ насъ надъ уровнемъ животнаго, книжная же наука развиваетъ основы, данныя уже человѣку въ языкѣ. Абсолютное непониманіе роли языка въ наукѣ и абсолютное презрѣніе къ мышленію, отразителемъ котораго является общенародная рѣчь, не избавляютъ насъ отъ воздѣйствія этого языка. Интеллектуальный багажъ человѣка, его система вѣрованій, предразсудковъ и т. п., въ огромной мѣрѣ, пріобрѣтается имъ путемъ прямого воспріятія отъ народа: сознательно или безсознательно онъ всасываетъ циркулирующіе взгляды и логическіе методы окружающаго его общества, а потому въ своемъ мышленіи, какъ и въ своей дѣятельности, онъ долженъ необходимо сообразоваться съ мышленіемъ и поведеніемъ окружающей массы. Человѣкъ столь же зависитъ въ своемъ мышленіи отъ окружающаго общества, какъ члены нашего тѣла зависятъ въ своей жизни отъ всего организма. Внѣ всякаго сомнѣнія, что эта

зависимость даетъ иногда грустные результаты, но въ извѣстной мѣрѣ она является необходимымъ условіемъ всякаго прогресса.

Юристы континентальные, выставившіе въ качествѣ основного понятія своей науки jus, Recht, Droit, также зависимы въ своемъ мышленіи, какъ и англійскіе юристы, считающіе основнымъ понятіемъ юриспруденціи „законъ“ (Law). Средою, очень узкою, въ которой живутъ первые, является по духу своему практическая юриспруденція римскихъ юристовъ и схоластическихъ ихъ подражателей; источникомъ же, изъ котораго пьютъ англійскіе юристы, является народное міросозерцаніе и труды корифеевъ человѣческой мысли, начиная съ Аристотеля и Платона. Одни идутъ по битому тракту эмпирической юриспруденціи, игнорируя языкъ, логику и философію, обманывая сами себя и другихъ столь звучнымъ для многихъ словомъ „право“ („правовѣдѣніе“); другіе думаютъ, что важнѣе *быть* философски-глубокими, чѣмъ *казаться* ими, и подъ скромнымъ именемъ законовѣдѣнія (the science of law) даютъ намъ дѣйствительно научно обоснованную (или, точнѣе, „наукообразную“, такъ какъ нельзя говорить о юриспруденціи какъ о наукѣ въ строгомъ смыслѣ) и содержательную теорію.

Вѣчно прикрывать лохмотьями слова свое умственное убожество никто не можетъ. Люди не могутъ оставаться постоянно нелогичными (Ср. Seth, Ethical principles, 401). Средствомъ разбираться въ своихъ ошибкахъ, какъ и орудіемъ прогресса, является болѣе внимательное изученіе нашего языка. Нѣтъ предмета, который игралъ бы въ области науки столь важную роль, какъ языкъ. Въ немъ заключены логика, философія и основы всякой науки. Это самое дорогое наслѣдство, которое получили мы отъ своихъ предковъ. Къ сожалѣнію, эту сторону нашего отношенія къ обществу и упускаютъ обыкновенно изъ виду. Русскіе люди не знаютъ, въ чемъ сила ихъ народа. „Нѣтъ и одного человѣка на сто, даже на тысячу, который отдавалъ бы себѣ отчетъ въ употребленіи, которое онъ дѣлаетъ изъ языка. Онъ знаетъ, что онъ говоритъ, вотъ и все. Это значитъ, что языкъ понимается въ общемъ какъ средство давать другимъ и принимать отъ нихъ. Но, какъ мало людей, которые понимаютъ, какое значеніе имѣетъ языкъ для индивидуальной души, и какую роль ему суждено играть въ расѣ“ (Whitney, La vie du langage, 236).

Въ языкѣ мы учимся логикѣ. А всякая наука есть лишь приложеніе логики. Поэтому, то, что даетъ намъ языкъ, цѣннѣе всего остального. Безъ него не было бы никакой науки. Старательное изученіе языка открываетъ намъ источникъ нашихъ ошибокъ и даетъ возможность двигаться впередъ по пути пріобрѣтенія знаній.

Каждый народъ обладаетъ извѣстной суммой представленій, воспоминаній, понятій и привычекъ, которыя мы называемъ его

культурой. Вѣрнымъ отраженіемъ этой культуры является языкъ (Mauthner, op. c., I. 171). Въ языкѣ скрыта огромная масса опыта и мышленія. Степень развитія индивида зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ онъ усваиваетъ это наслѣдство. То, что присоединяютъ особенно одаренные индивиды къ этой унаслѣдованной сокровищницѣ знаній играетъ второстепенную роль. Только крайне поверхностное, легкомысленное, чтобы не сказать худшаго, отношеніе къ унаслѣдованному богатству скрываетъ отъ насъ всю его важность и всю относительность значенія того, что привнесено сюда даже геніальными людьми. Въ скрытыхъ (latent'ныхъ) классификаціяхъ родного языка, какъ говоритъ Mauthner (op. c., I, 167), находится апріорно все знаніе индивида объ окружающемъ его мірѣ, всѣ его умозаключенія, а потому, слѣдовательно, все его мышленіе. Ни одинъ человѣкъ не въ состояніи пріобрѣсти лично весь тотъ опытъ, который нуженъ, чтобы построить изъ него огромное зданіе его родного языка. Но, „несравненно большую долю (ibid.) своего языка, считаемую индивидомъ за лично пріобрѣтенную память, онъ на дѣлѣ получилъ по наслѣдству; поэтому средній человѣкъ и пользуется такъ безсмысленно своимъ языкомъ, ибо ни къ чему въ большей мѣрѣ не приложимо извѣстное изреченіе: „пріобрѣти то, что ты унаслѣдовалъ отъ своихъ отцовъ, чтобы владѣть имъ". Пользуясь родною рѣчью, мы въ несравненно большей мѣрѣ имѣемъ дѣло съ унаслѣдованнымъ, но не пріобрѣтеннымъ, не продуманнымъ благомъ, принимаемымъ на вѣру, безъ контроля". Чаще всего люди пользуются рѣчью почти безсознательно. „Мы, хотя бы мы были докторами философіи (op. c., 168), пользуемся словами въ родѣ: растеніе, животное, небо, свѣтъ, болѣзнь и т. д. только потому, что мы унаслѣдовали ихъ, какъ разъ такъ, какъ только что вышедшій на свѣтъ цыпленокъ клюетъ зернышко, или какъ строитъ свое гнѣздо дроздъ". „Въ человѣческомъ умѣ (ibid.) скрыта масса унаслѣдованной, не пріобрѣтенной индивидомъ, не продуманной и не проконтролированной,—слѣдовательно, инстинктивной мыслительной дѣятельности".

Общество создаетъ индивида, общество надѣляетъ его массою знаній, но въ большинствѣ людей эти знанія остаются въ скрытомъ состояніи. Какъ пчелу мы не поймемъ внѣ отношенія ея къ рою (L. Stephen, op. c., 100), такъ и индивида мы не поймемъ внѣ отношенія его къ обществу. Сами себя мы не можемъ понять внѣ такого отношенія. Только путемъ изученія общества и его языка, въ которомъ отражается его мышленіе и культура, можемъ мы подняться до пониманія насъ самихъ. Иначе мы ничего не достигнемъ. Отвлекая зависимость человѣка отъ общества, мы отвлекаемъ то, что составляетъ его существеннѣйшее качество, и этимъ совершенно ли-

шаемъ себя возможности познать насъ самихъ. Человѣкъ есть часть цѣлаго, часть общества, и мы можемъ познать самого себя только черезъ это цѣлое.

Не даромъ жилъ русскій народъ. Онъ накопилъ огромную массу духовнаго богатства и передалъ его нашему легкомысленному поколѣнію. Въ его языкѣ собранъ огромный вѣковой опытъ въ формѣ открытыхъ законовъ природы, а больше всего, и цѣннѣе всего, въ формѣ извѣстнаго философскаго, религіознаго и политическаго міросозерцанія. Наши предки создали для насъ новый міръ, не во всемъ похожій на міры, созданные другими народами. Обойти изученіе русской рѣчи-мышленія, созданія интеллектуальной энергіи прошлыхъ поколѣній, мы не можемъ. Языкъ народа не вѣтеръ*). Онъ является „системой логически организованныхъ методовъ мышленія, опредѣляющихъ линіи разряженія нашей собственной интеллектуальной энергіи“ (L. Stephen, op. c., 108). Болѣзненная раздвоенность въ духовной жизни нашего общества и есть результатъ нашего неумѣнья найти себѣ принадлежащее намъ мѣсто въ міровой исторіи. Съ одной стороны, насъ тянетъ чужая, кое въ чемъ болѣе высокая, но по существу показная культура; съ другой стороны, мы безсознательно поддаемся вліянію собственной нашей, „самобытной“, жизни и культуры. Слиться съ чужимъ мы не можемъ, потому что оно, все-таки, намъ чужое; отъ своего же мы отбиваемся благодаря незнанію и непониманію собственнаго народа, собственной культуры, и ея мірового значенія. Отъ одного берега мы отстаемъ, и къ другому не пристаемъ.

Велико незнаніе въ Россіи о Россіи, говорилъ еще Гоголь. И, дѣйствительно, поразительно велико! Едва ли есть въ Россіи юристъ, который бы не счелъ величайшимъ невѣжествомъ незнаніе такихъ именъ, какъ Савиньи или Іерингъ. Но, никому изъ нихъ не прійдетъ въ голову, что выше всѣхъ этихъ Савиньи и Іеринговъ стоитъ какъ учитель русскій народъ, творецъ русскаго языка. Характерною чертою большинства спеціальныхъ ученыхъ является то, что они, оказывая большую услугу человѣчеству въ накопленіи знаній *второстепенной* важности, забываютъ о самомъ *главномъ*. Въ этомъ-то „главномъ“ русскій народъ стоитъ выше всѣхъ нѣмецкихъ и онѣмеченныхъ ученыхъ. Національное самомнѣніе есть великій грѣхъ и великое несчастье для тѣхъ, кто одержимъ имъ. И намъ, русскимъ, имѣющимъ такъ много недочетовъ характера, нужно объ этомъ всегда помнить. Но, въ уясненіи основныхъ юридическихъ понятій

*) „Слова ничего больше, какъ вѣтеръ;
Ученость состоитъ лишь изъ словъ;
Ergo, ученость ничего больше, какъ вѣтеръ“. (Свифтъ).

русская рѣчь-мышленіе—первый и самый лучшій учитель. Здѣсь нѣмцы и французы должны учиться у насъ. Въ рѣшеніи же второстепенныхъ вопросовъ, гдѣ нужна лишь усидчивость и кропотливая работа, намъ нечего повторять работу, произведенную уже на Западѣ: отсюда мы можемъ заимствовать безъ вреда для себя, и даже съ пользою, такъ какъ сберегаемъ этимъ время и силы на болѣе важное.—Ученый народъ эти западные „культуртрегеры", только умныхъ людей между ними не много, и часто приходится припоминать слова Poquelin'a...

Et je vous suis garant
Qu'un sot savant est sot plus qu'un sot ignorant.

Глава V.

Языкъ и мышленіе.

Apres avoir créé le langage à son usage, l'esprit doit lutter pour la vie *contre* le langage (Egger, La parole intérieure, 320).

„Создавъ языкъ для собственнаго пользованія, духъ долженъ бороться за жизнь *противъ* языка“ (Egger).

„Многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые волновали міръ съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней, принадлежатъ собственно наукѣ о языкѣ“. Max Müller, La science du langage, стр. 12.

Menschliche Sprache und menschliches Denken entwickeln sich immer und überall gleichzeitig... (Wundt, Sprache II, 605) Человѣческій языкъ и человѣческое мышленіе всегда и всюду развиваются одновременно.

„Подобно тому какъ ошибки..... могутъ быть сведены къ одной, именно ошибкѣ отъ *двусмысленности словъ*, такъ же точно можно свести рѣшеніе ихъ всѣхъ къ одному общему правилу (à une régle unique). Правило это состоитъ въ томъ, чтобы подмѣтить, нѣтъ ли въ употребленныхъ въ аргументѣ словахъ такого, значеніе котораго двусмысленно относительно предмета разсужденія. Я говорю „относительно предмета разсужденія“, потому что, говоря абсолютно, нѣтъ, можетъ быть, словъ, въ значеніи которыхъ нельзя было бы найти какой-нибудь двусмысленности“ (B.-G. Feijoo, цитировано изъ Le sens commun, Mansuetus'a, стр. 22).

А старый Локкъ училъ уже (Human Understanding, кн. III, гл. XI, § 4): „кто приметъ во вниманіе ошибки и темныя мѣста, недоразумѣнія и путаницу, распространенныя въ мірѣ дурнымъ употребленіемъ словъ, найдетъ нѣкоторое основаніе усумниться, содѣйствовало ли фактическое пользованіе языкомъ болѣе усовершенствованію, или задержкѣ знанія въ человѣческомъ родѣ“.—Мы обыкновенно не взвѣшиваемъ ни собственныхъ своихъ словъ и выраженій, ни словъ и выраженій другихъ. Жизнь наша слишкомъ коротка, а занятія слишкомъ многочисленны, чтобы оправдать такую опасную практику.

Мы довольствуемся обыкновенно тѣмъ, чтобы попасть своимъ словомъ гдѣ-нибудь недалеко отъ цѣли, и, обратно, схватить главные пункты того, что намъ говорили. Мы рады, если избѣжали болѣе грубыхъ формъ неточности. (Ср. Sidgwick, Fallacies, 186, 187).

Nomina si nescis perit et cognitio rerum! „Слова путаютъ смыслъ смертнаго!“ Эти и подобныя выраженія свидѣтельствуютъ о крайне важной роли языка въ мышленіи.—Языкъ—самое могущественное орудіе развитія человѣческаго духа. Вся наша цивилизація создана съ помощью слова, и безъ нея не существовала бы. Со всѣми своими методами, сужденіями и умозаключеніями, вполнѣ и безъ остатка, съ кожей и волосами, логика заключена уже въ первоначальныхъ понятіяхъ или словахъ (Mauthner, op. c., I, 33). Мы привыкли смотрѣть на нее, какъ на древнѣйшій, гранитный фундаментъ всего нашего знанія; но, онъ крѣпокъ лишь тамъ, гдѣ онъ выдерживаетъ удары критики языка. Въ противномъ случаѣ, онъ рушится какъ карточный домикъ. Всякая наука создана была при помощи слова; какъ, съ другой стороны, съ помощью слова созданы были и всѣ политическія, научныя и другія заблужденія. „Прежде насъ люди боролись уже за идею, и отдавали свою жизнь за слово“, какъ говоритъ Максъ Мюллеръ (La science du langage, стр. 12).

Jn allem was ihr Wesen ausmacht, in Wortbildung, Satzfügung und Bedeutungswandel, ist so die Sprache nicht blos ein äusserer Abdruck der allgemeinen Bewusstseinsvorgänge, sondern deren notwendige Theilerscheinung. (Wundt, Sprache, II, 609.). Т. е., „во всемъ, что составляетъ его существо: въ словообразованіи, соединеніи предложеній и измѣненіи значеній, языкъ представляетъ не только внѣшнее выраженіе общихъ процессовъ сознанія, а ихъ необходимую составную часть“.

Языкъ есть „удивительное орудіе, съ помощью котораго человѣкъ подчинилъ матерію, устроилъ общество, создалъ искусства и философію, основалъ науки“ (Benloew, Aperçu général de la science comparative des langues, стр. 8.).

Вотъ почему „между новыми областями, открытыми изученію расширеніемъ научнаго метода, нѣтъ ни одной, которая была бы болѣе интересна, чѣмъ сравнительное языковѣдѣніе. Оно такъ тѣсно связано съ общею исторіей человѣчества; въ тоже время оно такъ глубоко проникаетъ въ жизнь индивида, что нѣтъ человѣка, вниманія котораго оно не должно бы возбуждать“ (Sayce, Principes de philologie comparée, 16). И юристъ, если онъ не хочетъ отставать отъ общаго научнаго движенія, долженъ быть нѣсколько знакомъ съ этою новою наукой. Она даетъ возможность разрѣшать много основныхъ вопросовъ юриспруденціи, раздѣлявшихъ до сихъ поръ людей на

враждебные лагери. И ея вопросы принадлежатъ въ извѣстной мѣрѣ, говоря языкомъ Макса Мюллера, наукѣ о языкѣ.

Наука эта новая. Она могла возникнуть только благодаря сравнительному методу. Лишь необходимость въ изученіи многихъ, особенно примитивныхъ, языковъ, съ распространеніемъ христіанства и расширеніемъ торговыхъ связей, могла породить ее. Миссіонеры и купцы больше другихъ содѣйствовали ея развитію. „Приложеніе сравнительнаго метода къ явленіямъ языка породило эту новую науку. Пытаться изучить языкъ, не сравнивая его съ другимъ, напрасно....“ (Saycе, op. c., 21).

Малое знакомство грековъ съ иностранными языками лишало философовъ этой даровитѣйшей націи столь могущественнаго орудія научнаго изслѣдованія. Удивляясь умственной мощи выдающихся мыслителей этой націи, отъ которыхъ также не ускользнула важность роли языка въ мышленіи (λόγος=мысль-слово) и которые дали намъ нѣсколько правильныхъ идей относительно него, мы, однако, должны остерегаться греческой исключительности въ сферѣ языкознанія,—иначе „мы или наши дѣти когда-нибудь поплачемъ изъ-за нашей небрежности въ этомъ случаѣ“. (Brinton, The basis of social relations, 61.) Безъ знанія языковъ, не только психика другихъ націй, но и наша собственная („познай самого себя“)—запечатанная книга для насъ.

„Мы не можемъ на дѣлѣ понять и одного языка, не изучивъ его при свѣтѣ другихъ“ (Saycе, op. c., 22). „Извѣстное число эмпирическихъ правилъ можетъ, безъ сомнѣнія, казаться принадлежностью даннаго языка; но нельзя открыть основанія ихъ существованія, равно какъ и наиболѣе важныхъ и наиболѣе общихъ законовъ, которымъ подчиняется этотъ языкъ, иначе какъ методически сравнивая его съ другими идіомами“ (Saycе, op. c., 21). „Сравненіе это, очевидно, должно быть по возможности широкимъ. Чѣмъ болѣе велико будетъ число собранныхъ фактовъ, чѣмъ болѣе будутъ различны сравниваемые языки въ отношеніи времени, пространства, среды,—тѣмъ болѣе надежны и общи будутъ наши заключенія. Ограниченіе нашего вниманія лишь одной семьей языковъ, а тѣмъ болѣе двумя или тремя членами этой семьи, привело бы насъ къ многочисленнымъ ошибкамъ, къ ложнымъ обобщеніямъ. Нѣтъ идіомы столь темной или варварской, чтобы ее могъ презирать сравнитель-языковѣдъ“ (Saycе, op. c., 24). „Грамматика чужого языка можетъ быть полезна, если она уклоняется отъ грамматики собственнаго языка“ (Mautlner, Beiträge, III, 265). Арійскіе же языки не могутъ уклоняться другъ отъ друга на столько, чтобы можно было ясно замѣтить нѣкоторые законы языка.

Знакомые съ небольшой группой индо-европейскихъ языковъ имѣющихъ общее происхожденіе, а потому и много общаго въ со-

временномъ ихъ строѣ, юристы болѣе склонны видѣть сходство, чѣмъ различіе въ способахъ выраженія мыслей, и на основаніи частнаго совпаденія вводятъ иногда терминологію, чуждую духу даннаго языка. Нѣкоторыя привычки мысли принимаются за необходимость, за всеобщій законъ мышленія. Напр., слова, какъ мы ихъ знаемъ въ арійской группѣ (хотя бы пресловутое слово „право"), въ частности субстантивы, вовсе не необходимы, чтобы выражать наши понятія и мысли о предметахъ, не только объ ихъ отношеніяхъ.

Наблюденіе, что слова jus, Recht, diritto, droit, law и т. д. *иногда* соотвѣтствуютъ другъ другу, не даетъ намъ еще права считать ихъ эквивалентами (какъ это подразумѣвается въ краткихъ словаряхъ). Черты сходства не должны скрывать отъ насъ чертъ различія. Только всестороннее обсужденіе, умѣющее найти, съ одной стороны, сходство въ различномъ, а съ другой—избѣгающее огульнаго заключенія о различномъ на основаніи нѣкоторыхъ чертъ подобія, можетъ привести къ удовлетворительному выводу. Еще Гамильтонъ (Logic, II, 143) говорилъ, что всякій языкъ есть продуктъ *особыхъ нуждъ, спеціальныхъ* обстоятельствъ, физическихъ и *нравственныхъ*, и случая.

Если въ какой-нибудь литературѣ установилась терминологія, напр., по словамъ Recht, это, во-первыхъ, оставляетъ еще открытымъ вопросъ о томъ, *хорошо ли выбранъ такой терминъ по отношенію къ данному* (нѣмецкому) *языку**), а во-вторыхъ, даже при утвердительномъ отвѣтѣ на такой вопросъ, не даетъ намъ еще права вводить такую терминологію въ русскій, положимъ, языкъ на томъ основаніи, что въ каждомъ краткомъ словарѣ Recht=право**). Er hat Recht, напр.,

---

*) Ius не соотвѣтствовало первоначальному нѣмецкому Recht. Это признаетъ Wundt на стр. 576, т. I, „Sprache". Ученыя новообразованія получаются 1) или путемъ составленія новыхъ словъ изъ запаса существующихъ въ языкѣ, или 2) путемъ примѣненія простого слова собственнаго языка къ *новому понятію*. Напр., для слова ratio взято было Grund, для vis—Kraft, для *jus—Recht* и т. д. Настоящаго новообразованія здѣсь нѣтъ. Мы имѣемъ лишь дѣло со спеціальнымъ случаемъ измѣненія значенія. Но, такъ какъ это измѣненіе идетъ здѣсь очень далеко и сдѣлано произвольно, то по своему результату оно близко подходитъ къ новообразованію. (Vgl. Cap. VIII, Nr. V: singulärer Bedeutungswandel). Darmesteter называетъ подобные случаи неологизмами значенія (néologismes de significations) или неологизмами смысла (néologismes de sens). См. его „La vie des mots", стр. 31, 114.—Ius было новымъ для мѣстнаго языка и не находило себѣ точнаго эквивалента не потому, что мѣстная рѣчь-мышленіе была не развита, а потому что оно (jus) было крайне искусственнымъ продуктомъ оторвавшейся отъ почвы дѣйствительности учености. Ученые создавали въ исторіи множество призраковъ, не находившихъ себѣ выраженія въ общемъ народномъ языкѣ.

**) Еще В. А. Жуковскій жаловался на русскій философскій языкъ. Онъ бѣденъ и неопредѣлителенъ. Виною этому то, что у насъ мало оригинальныхъ работъ. „Наши мыслители, для собственныхъ идей, принуждены заимствовать

не значитъ: онъ имѣетъ право, а значитъ: онъ правъ=il a raison. Словарь всегда лишь приблизителенъ, и не избавляетъ насъ отъ обязанности искать опредѣленной мысли и ея выраженія въ сокровищницѣ общей рѣчи-мышленія.

Широкая постановка сравненія открываетъ намъ истины необыкновенной важности. „Самые драгоцѣнные факты науки часто скрыты въ діалектахъ почти неизвѣстныхъ, даже по имени,—діалектахъ, на которыхъ говорятъ народцы, находящіеся на послѣднихъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ этихъ то діалектахъ, а не въ округленныхъ періодахъ классической литературы, мы можемъ найти основные законы, наблюдать работу примитивнаго говора и открыть грубыя изобрѣтенія, исчезнувшія въ другихъ мѣстахъ. Наука хочетъ истиннаго, а не прекраснаго; впрочемъ, въ концѣ концовъ, истинное всегда прекрасно“ (Sayce, op. c., 24,25).

Безплодныя попытки поймать „великое общественное явленіе“—право—съ точки зрѣнія многихъ маленькихъ „дикихъ“ *) народцевъ

выраженія у философовъ иноземныхъ, особенно нѣмецкихъ“ (т. XI, 1902, изд. Маркса, стр. 19).—Наши ученые игнорируютъ собственное мышленіе, т. е. мышленіе русскаго народа. Они смотрятъ на него свысока, и нѣкоторые совсѣмъ не подозрѣваютъ, чтобы народъ могъ имѣть свой разумъ и свою философію. Это открыли теперь лишь языковѣды. Зависимость отъ иноземнаго крайне вредно отражается на русской наукѣ. „Намъ легче (Жуковскій, ibid., 20) выражать собственныя мысли, нежели мысли заимствованныя. Кто почерпаетъ мысль изъ внутри себя, кто схватываетъ ее, такъ сказать, въ минуту ея рожденія, уже облеченную въ свойственный ей мысленный образъ, то есть, въ мысленное слово, тому легче найти и въ собственномъ языкѣ (который не иное что, какъ внѣшній отзывъ внутренно говорящей души) матеріальное слово, соотвѣтственное мысленному, въ которомъ оно уже заключается, какъ плодъ въ сѣмени, и изъ котораго оно вдругъ исходитъ во всей полнотѣ своей, вызванное упорною работою нашего терпѣнія. Здѣсь изъ мысли само собою родится сперва духовное слово, и изъ слова духовнаго—слово матеріальное, его выражающее; мы прямымъ путемъ переходимъ отъ мысли къ выражающему ее слову. Напротивъ, выражая чужую, уже выраженную на другомъ языкѣ мысль, мы вынуждены переходить обратнымъ путемъ—отъ выраженія къ мысли; мы должны сначала присвоить чужое, не нами найденное выраженіе, и *покорить сему данному выраженію и нашу мысль и наше ее выражающее слово*. Отъ этой *натяжки* выраженіе становится запутано, и часто затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ вполнѣ ей соотвѣтствовать. Изъ сего слѣдуетъ, что языкъ философическій можетъ образоваться только отъ *самобытнаго*, а не отъ *заимствованнаго*, подражательнаго мышленія: въ семъ послѣднемъ случаѣ мысли будутъ всегда въ разладѣ съ выраженіемъ: выражающее слово болѣе или менѣе чуждо выражаемой мысли, потому именно, что и самая мысль будетъ чужая для ея выразителя“. И это самобытное мышленіе у насъ есть: въ нашемъ языкѣ. Только не всѣ это знаютъ. „Нашъ великій народъ не утратитъ своего облика и своей духовной самобытности, пока на землѣ будетъ звучать живая русская рѣчь“ (Мирный Трудъ, 1903, кн. I, стр. 1).

*) Qu'estce donc que l'homme primitif?—Un civilisé en bas âge. Ch. Letourneau.

и ихъ языковъ не только давно рѣшены, но и не могли бы возникнуть (какъ не возникалъ онъ и для культурнаго грека). Тѣ факты и отношенія, которые мы выражаемъ при помощи слова, существуютъ и въ ихъ жизни. Это безспорно. И тамъ есть власть, есть властныя велѣнія, есть ихъ санкція, обязанности и права. Безъ этого не мыслимо ни одно общество (ubi societas, ibi jus). Но, при той манерѣ выражать свои мысли, которая усвоена его языкомъ, у него никогда не могло и возникнуть вопроса о существованіи особаго явленія „права“ и о его свойствахъ, какъ не возникаетъ онъ и у культурнаго хорошо философски-образованнаго англійскаго юриста, прекрасно знающаго, что матеріальнымъ понятіемъ является law (законъ), а right (право) есть лишь формальное понятіе, понятіе отношенія, могущее найти и дѣйствительно находящее себѣ и много другихъ выраженій (помимо фразъ со словомъ right).

Изъ сравненія съ другими языками становится очевиднымъ, что „право“ нисходитъ лишь на степень одного изъ способовъ выраженія нашихъ мыслей объ извѣстнаго рода отношеніяхъ. Представленіе о немъ какъ объ особой реальности („общественномъ явленіи“) не могло прійти въ голову ни греку, ни семиту, ни англичанину, какъ не приходитъ оно ни одному человѣку, оставшемуся нетронутымъ искусственной терминологіей континентальной юриспруденціи. Еще менѣе могло оно возникнуть въ головѣ примитивнаго человѣка, иногда вовсе и не имѣющаго общихъ названій матеріальнаго или формальнаго характера, хотя и умѣющаго передавать всѣ тѣ мысли объ обязанностяхъ, правахъ и законахъ, которыя, какъ мы *привыкли думать*, будто бы непремѣнно требуютъ для своего выраженія подобныхъ общихъ терминовъ *). Есть языки, гдѣ и совсѣмъ нѣтъ словъ въ нашемъ смыслѣ. Здѣсь никогда не могъ возникнуть вопросъ о томъ, что стоитъ за тѣмъ или другимъ общимъ терминомъ (въ родѣ нашего „право“), по той простой причинѣ, что въ нихъ нѣтъ общихъ названій и терминовъ. Есть, напр., языки, гдѣ нельзя сказать „корова“, „камень“ „вода“, такъ какъ слова ихъ (слова, конечно, не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы говоримъ о нихъ по отношенію къ индо-европейскимъ

*) Есть, напр., языки съ названіемъ для каждаго животнаго, извѣстнаго племени, но не считавшіе никогда нужнымъ имѣть слово для обозначенія „животнаго“ вообще. Или, есть названія для каждаго растенія или дерева, но нельзя говорить вообще о растеніи или деревѣ. То же по отношенію къ птицамъ, рыбамъ, листьямъ, камнямъ. Или, нѣтъ слова хвостъ, но есть спеціальныя слова, означающія: хвостъ воробья, хвостъ мыши, хвостъ зайца... На нѣкоторыхъ языкахъ нѣтъ выраженій для абстрактныхъ качествъ: твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткій, круглый и т. д. (Oppert, on the classification of languages, стр. 63 и слѣд.).

языкамъ) представляютъ соединеніе субстантива съ глаголомъ (выходитъ нѣчто въ родѣ „быть камнемъ“, „быть водою“,—выдѣлить субстантивъ нельзя).

Языки примитивныхъ народовъ, живущихъ, однако, государственною жизнью и знакомыхъ съ основными ея явленіями и отношеніями, и не состоятъ вовсе изъ словъ въ нашемъ смыслѣ, а изъ словъ-фразъ (mot-phrase, sentence-word), заключающихъ въ себѣ то, что послѣдующая фаза языка можетъ разбить на отдѣльныя слова и формы, такъ что имя отдѣльнаго объекта включаетъ въ себѣ единовременно субъектъ, дополненіе и глаголъ (Sayce, op. c., 2). Такую синтетическую стадію развитія пережили всѣ языки (см. еще G. Gerber, Die Sprache und das Erkennen, стр. 6).

Такъ что присутствіе отдѣльнаго слова (въ родѣ „право“, Recht, droit...) или отсутствіе его не свидѣтельствуютъ сами по себѣ въ пользу или противъ существованія особой реальности, особаго явленія (соціальнаго, культурнаго, или иного). Изъ того, что на извѣстномъ языкѣ нельзя сказать „корова“, вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ природѣ не существовало такого предмета; и изъ того, что въ извѣстномъ языкѣ появилось особое слово „право“ (не имѣющее, напр., эквивалента въ греческомъ или еврейскомъ), не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ нимъ появилось и особое явленіе, не извѣстное прежде и основателямъ государственной науки (Платону, Аристотелю...*).

На слово прежде всего нужно смотрѣть какъ на *способъ выраженія*. Что выражается при его помощи—явленіе какое-нибудь, или отношеніе,—это уже другой вопросъ, требующій анализа той *мысли* выраженію которой слово это содѣйствовало. „C'est de l'idée, non du mot, que part l'esprit quand il exprime sa pensée“ (Darmesteter, La vie des mots, 39): отъ идеи, а не отъ слова, отправляется духъ, когда онъ выражаетъ свою мысль. Господствующее на континентѣ направленіе въ юриспруденціи поступаетъ наоборотъ: есть слово „право“, оно выражаетъ (?) нѣчто, *ergo* есть въ жизни (общественной или культурной) нѣчто, чему это слово служитъ выраженіемъ (?), т. е. нѣкоторое явленіе.

Я сказалъ немного выше, что слово „содѣйствуетъ“ выраженію мысли,—сказалъ такъ потому, что этимъ высказывается одинъ законъ языка необыкновенной важности, открытіемъ котораго мы обязаны новѣйшему языковѣдѣнію. Это именно законъ, устанавливающій, что

---

*) Въ одной ученой книжкѣ встрѣтилось мнѣ разсужденіе о томъ, что напр., американскіе индѣйцы были настолько грубымъ народомъ, что не знали любви, такъ какъ и слова такого въ ихъ языкѣ не было. Но, любовь есть даже у животныхъ!

всегда и вездѣ *фраза предшествуетъ слову*. Прежде чѣмъ произнести какое-либо слово, человѣкъ долженъ имѣть въ головѣ уже цѣлое представленіе (Gesammtvorstellung), служащее основой нашего пониманія роли этого слова въ данномъ случаѣ. Отдѣльное слово должно быть всегда толкуемо и понимаемо какъ часть цѣлаго, въ которое оно входитъ, т. е. часть фразы или предложенія (иногда сокращеннаго до одного слова: цѣлое возстановляется тогда изъ обстоятельствъ произнесенія этого слова). Da im allgemeinen das Wort ursprünglich nur als Bestandteil des Satzes vorkommt, so kann man auch die wirkliche Begriffs—und Bedeutungsentwicklung nicht losgelöst denken von dem Zusammenhang der Rede, in den da einzelne Wort eingeht. (Wundt, Sprache, II, 571). Т. е., „такъ какъ вообще слово является первоначально только какъ составная часть предложенія, то нельзя и думать дѣйствительнаго развитія понятій и значеній внѣ связи съ цѣлою рѣчью, въ которую входитъ отдѣльное слово".

Это положеніе чрезвычайной важности. Оно идетъ въ разрѣзъ съ господствующимъ пока атомистическимъ взглядомъ на рѣчь. До сихъ поръ мы выносимъ изъ школы этотъ неправильный атомистическій взглядъ на рѣчь. До сихъ поръ не рѣчь разбивается для насъ на слова (какъ это есть на дѣлѣ), а изъ соединенія словъ, будтобы, возникаетъ рѣчь, предложенія, фразы. Это вноситъ массу затрудненій въ наше мышленіе, и объясняется лишь тѣмъ, что правильный взглядъ на языкъ установленъ лишь въ послѣднее время.

Какъ старые психологи смотрѣли на мысль, какъ на что-то разрѣзанное на куски, не замѣчая и не обращая вниманія на безпрерывное теченіе ея, подобно рѣкѣ („рѣка", „потокъ мысли", а не цѣпь ея, см. Iames, Psychology, v. I, стр. 239); и какъ старое мышленіе вообще населяло мысль и міръ обособленными и замкнутыми понятіями (Новгородцевъ, Ученіе о правѣ и государствѣ у Канта и Гегеля, стр. 202), такъ и лишенные болѣе широкой сравнительной лингвистической подготовки грамматики (до сихъ поръ сбивающіе въ школахъ съ толку нашу будущую образованную публику) установили и передали большинству живущаго поколѣнія атомистическій взглядъ на рѣчь.

Ставить какое-либо слово, какъ звуковой или зрительный комплексъ, въ положеніе особаго факта или явленія, имѣющаго отдѣльную и независимую отъ чего-либо другого индивидуальность, вовсе не значитъ содѣйствовать его пониманію, а значитъ, какъ разъ наоборотъ, изгонять изъ него всякую мысль, низводить его просто на степень физическаго факта, абстрагировать его отъ мысли или мысль отъ него. Слово потому только и можетъ имѣть для насъ значеніе, выражать наши мысли или содѣйствовать выработкѣ ихъ, что оно является фактомъ психо-физическимъ. Слово пріобрѣтаетъ смыслъ

лишь потому, что оно дается намъ въ связи съ другими: психически неотдѣлимыя одно отъ другого, они составляютъ вмѣстѣ сложную и связную единицу—языкъ (а въ составѣ его менѣе обширныя единицы—фразы, предложенія), въ которой ихъ и различаетъ лишь наша аналитическая мысль. Слово есть результатъ анализа, а не начальный творческій факторъ нашей мысли. Не слово стоитъ впереди языка и фразы, а языкъ и фраза есть prior слова.

Слово, въ этомъ отношеніи, есть одна изъ сторонъ (un des deux aspects), представляемыхъ намъ всякимъ явленіемъ: стороны различія, послѣдовательности и множественности. Но, въ силу уже этого, оно подразумѣваетъ другую, соотносительную, сторону—тождества, постоянства и единства языка. (Ср. Boirac, L'idée du phénomène, 1894, стр. 343). Съ этой стороны слово является частью цѣлаго—языка (и его меньшей единицы—фразы), и въ этомъ послѣднемъ вся суть дѣла. Слово не можетъ существовать безъ языка и фразы, хотя не только мыслимо, но и существуетъ de facto обратное: языкъ и фраза *безъ словъ*. Мысль, эта сущность рѣчи, лежитъ не въ словѣ, а въ фразѣ.

Всякое слово дано намъ въ явной (explicite) или скрытой (implicite) связи съ другими словами. Взаимно ограничивая и опредѣляя другъ друга, они даютъ намъ мысль лишь во фразѣ или предложеніи (хотя бы иногда и сокращенномъ до одного слова: „пожаръ!“).

Этотъ взглядъ на слово является теперь общепризнаннымъ у психологовъ, логиковъ и лингвистовъ, обращавшихъ на этотъ вопросъ вниманіе. Противнаго взгляда держатся implicite лишь узкіе филологи-грамматики и учившаяся у нихъ большая публика.

Такъ Сёлли, напр., говоритъ, что „предположеніе, будто мы употребляемъ общія названія въ одиночку, отдѣльно отъ организованныхъ структуръ, называемыхъ предложеніями, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.... Слово всегда употребляется въ связи и эта связь необходимо измѣняетъ характеръ сопутствующей идеи... . Можно сказать, что *не существуетъ ничего подобнаго постоянной или фиксированной общей идеи*, а только такая, которая колеблется внутри извѣстныхъ границъ сообразно связи мыслей (указываемой *контекстомъ* или обстоятельствами рѣчи), въ которую она поставлена“ (Sully, The human mind, v 2, p. 347).

Или, какъ говоритъ B. Erdmann (Logik, стр. 200 и сл.), „о значеніи словъ всегда рѣшаетъ скорѣе связь, въ которой они стоятъ“.

Этотъ важный законъ языка и мысли, законъ, по которому языкъ (и мысль) начинаетъ и живетъ фразой, а не изолированными словами, былъ высказанъ впервые въ одной замѣчательной, но давно забытой работѣ, изданной въ 1831 г. анонимнымъ авторомъ подъ заглавіемъ „Очеркъ сематологіи; или опытъ новой теоріи грамматики,

логики и реторики"*) (см. Sayce, op. c., стр. 3 франц и стр. VIII англ. изданія). Онъ совершенно правильно училъ, что языкъ начался фразой, разбившейся потомъ на отдѣльныя другъ друга ограничивающія и опредѣляющія части, образовавшія слова. Характеръ слова и его значеніе и роль въ рѣчи опредѣляются тѣмъ, *какъ оно содѣйствуетъ другимъ словамъ въ образованіи фразы*. Далѣе (стр. 55), онъ замѣчаетъ: „(отдѣльныя) слова фразы означаютъ что-нибудь лишь потому, что они являются орудіемъ духа для достиженія смысла цѣлой фразы или цѣлой рѣчи. Пока не заключена эта фраза или рѣчь, говорящій не сказалъ еще *слова*, представляющаго его мысль (the word is unsaid which represents the speaker's thoughts)". А потомъ замѣчаетъ, что отдѣльные слоги слова (въ родѣ un, mis, con, ness или fy) могутъ быть столь же значущими, какъ и отдѣльныя слова.

Синтезъ, цѣлое, предшествуетъ такимъ образомъ въ языкѣ и мысли анализу. Та же идея смутно, повидимому, сознавалась и Вильгельмомъ Гумбольдтомъ (Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwickelung. Ges. W. Bd. III, p. 243), когда онъ говорилъ, что „языкъ можетъ возникнуть не иначе, какъ разомъ (auf einmal)", и что „въ каждый моментъ своего существованія онъ долженъ обладать тѣмъ, что дѣлаетъ его единымъ цѣлымъ (was sie, die Sprache, zu einem Ganzen macht) (цитировано по G. Gerber, die Sprache und das Erkennen, стр. 6).—Въ началѣ (anfänglich) стоитъ предложеніе (der Satz), слова же образовались позже (die Wörter bildeten sich später).

Далѣе, честь указанія этого закона принадлежитъ въ послѣдующее время Вайтцу (Waitz, въ его „Antropologie der Naturvölker" „Антропологіи дикихъ народовъ", 1858 г.„—сколь многому мы научились у дикихъ!). Вотъ какъ выражается онъ (т. I, стр. 241 англійскаго перевода **): „мы мыслимъ не при помощи словъ, а при помощи фразъ; поэтому мы можемъ утверждать, что живой языкъ состоитъ изъ фразъ (предложеній), а не изъ словъ. Но фраза не образуется изъ отдѣльныхъ независимыхъ словъ. Она состоитъ изъ словъ, относящихся другъ къ другу извѣстнымъ образомъ, подобно тому, какъ соотвѣтствующая имъ мысль не состоитъ изъ независимыхъ идей, но

*) „An outline of Sematologie; or an Essay towards establisching a new Theory of Grammar, Logic, and Rhetoric". Удивительно, что Аристотель и здѣсь является провидцемъ истины. „Real language begins, as Aristotle knew perfectly well, with the sentence, with predication or *κατηγορία*" (M. Müller, The Sc. of Th., 424), т. е. „настоящій языкъ, какъ прекрасно зналъ еще Аристотель, начинается съ предложенія..." Ср. M. Müller, Sc. of T., 245; Arist. de Interpret., cc. 5, 10.

**) Цитировано по Sayce'y, Pr. de philologie comparée, стр. 107 фран. и 136 англ. изданія.

изъ идей, связанныхъ такимъ образомъ, что онѣ образуютъ одно цѣлое и взаимно опредѣляютъ другъ друга". Онъ замѣчаетъ, кромѣ того, что фраза концепируется умомъ какъ одно цѣлое, какъ полная картина (Gesammtvorstellung у Wundt'а и другихъ); чувственный образъ дѣйствія непосредственно воспроизводится въ мысли, а потому слова, которыми она выражается, если бы они не были другъ съ другомъ связаны, имѣли бы лишь мало значенія. Слова отдѣлены такимъ образомъ другъ отъ друга лишь процессомъ сознательнаго анализа. Въ языкѣ нѣтъ отдѣльныхъ словъ, они всегда связаны.

Болѣе полно, и независимо отъ указанныхъ авторовъ, идея эта развита была ученикомъ Макса Мюллера А. Н. Sayce'омъ въ его The principles of comparative philology (изданіе 1-ое въ 1874, и 2-ое въ 1875 г.).

„Мысль должна имѣть (стр. 135 и слѣд. англійскаго, стр. 106 фран. изд.) начало и конецъ, равно какъ и середину. И брать начало, середину или конецъ за отправную точку языковѣдѣнія (Glottology), отдѣльно отъ остального, было бы очевидно нелѣпостью. Это все равно, какъ если бы геологъ, изслѣдуя камни-голыши на морскомъ берегу, разсматривалъ ихъ одинъ за другимъ и старался прійти отъ нихъ къ заключеніямъ, не прибѣгая къ сравненію ихъ одного съ другимъ и со строеніемъ сосѣднихъ скалъ. Языкъ имѣетъ въ основаніи фразу, а не изолированное слово. Это послѣднее не можетъ означать ничего другого, кромѣ неопредѣленнаго восклицанія. Оно есть лишь собраніе слоговъ и буквъ, или скорѣе животныхъ звуковъ; — оно есть созданіе грамматика и лексикографа. Для своего существованія языкъ долженъ сдѣлаться одеждою мысли и чувства; *онъ долженъ выражать сужденіе*".

И понятія (Begriff, conception), съ опредѣленія которыхъ какъ чего-то самостоятельнаго начинаютъ обыкновенно всѣ ученые, со включеніемъ и юристовъ, не представляютъ собою чего-то самобытнаго, а имѣютъ значеніе лишь потому, что за спиною ихъ лежитъ та или другая фраза. „Право", „государство", „законъ", „обязанность", и т. д., не имѣютъ смысла сами по себѣ, а лишь потому, что они вышли изъ массы различныхъ предложеній. „Всякое понятіе вышло изъ какого-либо сужденія, утверждающаго, что такая-то идея совмѣстима (compatible) съ такою-то другою. Выражаясь въ языкѣ, оно является сокращенною формою фразы или предложенія" *).

И фраза, изъ которой выходитъ слово-понятіе, всегда оказываетъ на него свое вліяніе. А такъ какъ наши слова-понятія выхо-

*) Отдѣльныя слова сами по себѣ не могутъ выразить или передать ни понятія, ни представленія („Worte an und für sich können uns weder einen Begriff, noch eine Vorstellung beibringen", Giesswein, Die Hauptprobleme der Sprachwissen-

дятъ не изъ одного предложенія, а изъ множества самыхъ различныхъ, получается еще одинъ важный результатъ, на который такъ мало обращали до сихъ поръ вниманія. Это именно то, что слова-понятія не имѣютъ собственно *строго фиксированныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ значеній*. Большее или меньшее *отсутствіе постоянства значенія* тѣхъ словъ-понятій, которыми приходится орудовать въ наукѣ, есть фактъ огромной важности.

„Замѣчу здѣсь", говоритъ Marsh (Early Literature of the English Language, Second Course, p. 383), „*широко распространенную* ошибку, которую можетъ быть удастся разогнать лексикографической критикѣ нашего времени. Я разумѣю мнѣніе, *будто слова*, индивидуально и безъ отношенія къ ихъ синтаксической связи (т. е. контексту) и комбинаціямъ во фразахъ, *имѣютъ одно или болѣе присущихъ имъ, фиксированныхъ и ограниченныхъ значеній*, способныхъ логически быть опредѣленными и быть выраженными въ другихъ описательныхъ терминахъ того же самаго языка. Это можетъ быть вѣрно по отношенію къ искусственнымъ словамъ, т. е. словамъ, изобрѣтеннымъ, или произвольно ограниченнымъ для выраженія произвольныхъ различій и техническихъ понятій въ наукѣ или практическихъ примѣненіяхъ, а также по отношенію къ именамъ матеріальныхъ объектовъ и чувственныхъ качествъ предметовъ; но отношенію же къ словарю страстей и чувствъ, выростающему и передаваемому съ ихъ живымъ значеніемъ естественнымъ, непроизвольнымъ процессомъ, которому обязанъ своимъ существованіемъ весь языкъ, за исключеніемъ языка искусственнаго,—это совершенно несправедливо. Такія слова живутъ и дышатъ только *во взаимной связи и зависимости другъ отъ друга*. Они *мѣняютъ* свою силу съ каждымъ новымъ отношеніемъ, въ которое входятъ они; и, слѣдовательно, ихъ значенія *столь различны и неисчерпаемы*, какъ перестановки и сочетанія десяти пальцевъ. Изучать поэтому значеніе большей части словъ, составляющихъ словарь каждаго живого языка, при помощи формальныхъ опредѣленій, такъ же невозможно, какъ сообщить при помощи описанія понятіе о переливающихся цвѣтахъ шеи у голубя".

Къ такимъ словамъ съ чрезвычайно измѣнчивымъ значеніемъ принадлежатъ и термины юриспруденціи (законъ, право, обязанность....),

---

schaft, стр. 163). Понятіе значитъ „понятое", а представленіе—„представленное". И то и другое означаютъ мысль. Мысль же выражается въ нашихъ языкахъ предложеніями, а не отдѣльными словами. Начинать какую-либо науку съ опредѣленія понятія значитъ въ дѣйствительности имѣть дѣло со словами, и нужно не упускать изъ виду, что отдѣльными словами мы не можемъ передавать своихъ мыслей, „ибо слово не есть естественный знакъ понятія" (denn dass Wort ist kein natürliches Zeichen des Begriffes,—Giesswein, op. c., 165).

такъ какъ они, выражая собою то, чѣмъ всегда жило и живетъ, и о чемъ всегда мыслило и мыслитъ человѣчество, взяты естественно изъ общей сокровищницы народнаго языка, а не спеціально придуманы для означенія вещей, служащихъ предметомъ мышленія только небольшого круга спеціалистовъ (въ родѣ альфодъ, бетолъ, цинкодъ, анодъ, катодъ, періантъ...).

И этой истиной, въ ея яркой формѣ, мы обязаны особенно знакомству съ языками китайцевъ, малгашей, малайцевъ, алеутовъ и разныхъ другихъ нецивилизованныхъ народностей, не принадлежащихъ къ арійской расѣ. Самое поверхностное знакомство съ языками подобныхъ народовъ и народцевъ открываетъ множество истинъ неоцѣненнаго достоинства. И больше всего на этомъ поприщѣ, нужно отдать имъ справедливость, сдѣлали французы и англичане. Меньше ихъ гораздо сдѣлали тѣ, которыхъ мы въ простодушіи, съ ихъ собственныхъ словъ, считаемъ творцами и двигателями языкознанія— именно нѣмцы. Нѣмецкая ограниченность (Borniertheit) подчеркивала себя всегда и давала больше зла, чѣмъ добра, какъ на почвѣ узкаго шовинизма, такъ и на почвѣ отвлеченнаго мышленія въ юриспруденціи (Rechtwissenschaft) и языковѣдѣнія. Нѣкоторые изъ ея ученыхъ не понимаютъ даже тѣхъ выгодъ, которыя могутъ быть извлечены изъ широкой постановки сравнительнаго законовѣдѣнія (см., напр., Delbrück, Grundfragen der Sprachforschung, 1901 стр. 44 и сл.; contra Wundt, счастливое исключеніе среди нѣмцевъ, въ его Völkerpsychologie, т. 1 и 2, гдѣ онъ слѣдуетъ за англичанами и французами, хотя и не даетъ ничего новаго). Нѣмецкое сравнительное языковѣдѣніе есть языкознаніе арійскихъ народностей, съ нѣмецкимъ языкомъ, конечно, въ центрѣ. Такое языкознаніе обречено съ самаго начала на безплодіе (по крайней мѣрѣ, относительное). „Все, что носитъ на себѣ печать шовинизма, дѣйствуетъ разрушительно на широту нашихъ понятій“ (Brinton, The basis of soc. rel., 60). „Національный эгоизмъ, пренебрегающій брать уроки отъ сосѣдей (хотя бы и самыхъ „дикихъ“) подготовляетъ путь къ національной гибели“ (ibidem).

Заимствованіе представляло всегда и вездѣ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ прогресса. Развитіе цивилизаціи не измѣняетъ ничего въ этомъ процессѣ. Это вѣрно не только по отношенію къ народамъ, бравшимъ другъ отъ друга традиціи, игры, искусства, науку, изобрѣтенія, но и во взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ наукъ другъ къ другу. Они должны всегда пользоваться помощью другъ у друга и заимствовать отъ другихъ то, что можетъ быть полезно имъ. Наука, подобно націи, которая наиболѣе старательно беретъ у другихъ наукъ (respective націй), которая всего дальше стоитъ отъ роковой иллюзіи, что вся мудрость истекаетъ изъ ея соб-

ственныхъ источниковъ, несомнѣнно станетъ со временемъ въ авангардѣ прогресса (см. Brinton, op. c., 60). Юристы, въ частности, не должны замыкаться въ своей спеціальности, а быть всегда готовыми къ допущенію новаго знанія; не только пассивно, но и активно должны они искать его у другихъ (въ частности, и у лингвистовъ). Только такимъ образомъ можетъ быстро и успѣшно прогрессировать юриспруденція, или, по крайней мѣрѣ, разрѣшить затрудняющіе ее и служащіе яблокомъ раздора вопросы.

Общія слова или термины (terms) измѣнчивы въ своемъ значеніи не только отъ языка къ языку, отъ одного времени къ другому, отъ образованнаго класса общества къ необразованному, отъ языка взрослаго человѣка къ языку ребенка, но и отъ одного контекста къ другому въ языкѣ одного и того же лица. „Левъ“ на моемъ языкѣ не означаетъ того же, что на языкѣ ребенка, видѣвшаго лишь двѣ-три картинки со львомъ. „Золото“ на моемъ языкѣ не вмѣщаетъ всего того, что оно вмѣщаетъ на языкѣ человѣка съ хорошей подготовкой въ естественныхъ наукахъ. „Законъ“ на языкѣ всякаго юриста *не можетъ означать всегда одного и того же*; и мы не всегда можемъ обвинять его при этомъ въ непостоянствѣ или неопредѣленности его терминологіи. При обсужденіи правильности или неправильности употребленія термина мы должны *всегда* принимать во вниманіе контекстъ и различныя обстоятельства рѣчи. Когда юристъ говоритъ, что, напр., исполненіе извѣстнаго обязательства невозможно по законамъ природы, единообразнымъ и неизмѣннымъ, онъ вкладываетъ въ слово законъ не то содержаніе, чѣмъ когда онъ говоритъ о законахъ чести, измѣнчивыхъ отъ одного народа къ другому, отъ одного класса общества къ другому, отъ одного времени къ другому, отъ одного лица къ другому. Законъ чести, побуждающій одного врача наложить на себя руку за неудачную операцію, не помѣшаетъ другому предъявить за нее хорошій счетъ. Когда я говорю, что въ нашемъ X томѣ есть „законъ“, повелѣвающій любить жену, я вкладываю въ слово „законъ“ не то же содержаніе, которое я вкладываю въ него, когда говорю, что постановленіе нашего X тома о томъ, что мужъ долженъ любить жену не есть законъ, а нравственное предписаніе, такъ какъ выполненіе этого предписанія не можетъ быть контролируемо властью. Въ одной и той же сложной фразѣ слово законъ, такимъ образомъ, является съ различнымъ значеніемъ; и нельзя меня обвинить въ неправильномъ пользованіи этимъ терминомъ, такъ какъ *изъ контекста* всякій слушающій или читающій непремѣнно пойметъ, что я хочу сказать.

Несравненно большія колебанія въ значеніи происходятъ при употребленіи слова „право“. Я имѣю при этомъ въ виду *правильное*

употребленіе слова „право“. Правильнымъ же будетъ такое употребленіе, которое санкціонировано языкомъ всего народа. Личный произволъ въ употребленіи этого слова, или произволъ какого-нибудь класса общества (хотя бы, напр., юристовъ со спеціальнымъ школьнымъ образованіемъ), этимъ исключаются. А юристы могутъ и дѣйствительно дозволяютъ себѣ произволъ въ употребленіи словъ языка потому именно, что думаютъ, что имъ нѣтъ въ сущности никакого дѣла до законовъ какого-либо языка, созданнаго-де профанами, никогда будто бы не задумывавшимися надъ столь высокими матеріями, какъ тѣ основныя понятія, которыми всегда жило, живетъ и будетъ жить человѣчество.—А на дѣлѣ выходитъ не такъ: и не юристы, профаны изъ профановъ въ юриспруденціи, не перестаютъ поэтому только быть разумными, общественными и политическими существами. „Всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни“ (Потебня, Мысль и языкъ, 49), а юриспруденція въ большей мѣрѣ, вѣроятно, чѣмъ всѣ другія. И профанъ изъ профановъ не можетъ жить иначе, какъ въ государствѣ, и не можетъ прожить спокойно ни одного дня въ государствѣ, не сообразуя своихъ дѣйствій съ тѣмъ, что дозволено или не дозволено въ государствѣ, не зная, напр., что нельзя уничтожать чужой жизни, или занимать произвольно чужое жилище, чужія средства существованія, и т. д. Такъ или иначе, профанъ изъ профановъ поставленъ лицомъ къ лицу съ тѣми основными вопросами о томъ, что можно и чего нельзя, и почему можно или нельзя, что и образованный юристъ. И тотъ или иной отвѣтъ онъ долженъ дать на нихъ,—отвѣтъ, конечно, не всегда умный, но всегда заслуживающій нашего вниманія, такъ какъ онъ дается *разумнымъ* существомъ, и при томъ существомъ in Ganzen und Grossen *приспособленнымъ къ государственному существованію*, существомъ (если мы возьмемъ его коллективно), которое выноситъ и выносило иногда на протяженіи тысячелѣтій государство на своихъ плечахъ, существомъ, умѣвшемъ жить и умирать въ государствѣ и для государства. Если бы у него не было никакого представленія о власти и нормѣ поведенія, онъ не могъ бы создать изъ себя государства.—А откуда мы можемъ познакомиться съ его общими юридическими или гражданскими представленіями?—Изъ языка.

И такъ какъ это существо умѣло создать и сохранить государство, необходимо, чтобы самые существенные вопросы, отъ которыхъ зависитъ жизнь и сохраненіе государства, рѣшались имъ правильно,—въ его коллективной массѣ. А, значитъ, a priori можно и должно сказать, что самые существенные вопросы, отъ которыхъ зависитъ жизнь государства и поддержаніе правильныхъ отношеній между нимъ и индивидомъ, должны были найти себѣ правильное рѣшеніе и вы-

раженіе свое въ языкѣ той же массы. И не убѣдившись въ противномъ, мы, какъ на это указываетъ и Потебня, не имѣемъ права измѣнять общепринятое значеніе слова, вносить въ него то, чего не вноситъ народъ, его творецъ и хозяинъ *).

Многоразличны значенія, связываемыя народомъ со словомъ „право", но всѣ они имѣютъ одну общую черту: въ слово никогда не вкладывается матеріальное содержаніе, оно есть лишь понятіе отношенія—формальное понятіе. Никогда народный русскій языкъ не употреблялъ и не употребляетъ слова „право" въ значеніи единичной государственно-принудительной нормы, или совокупности такихъ нормъ. Подъ народнымъ языкомъ я разумѣю, конечно, не языкъ лишь просторѣчія, но и языкъ образованныхъ классовъ общества, пока онъ не извращенъ тѣми не-русскими словосочетаніями хотя бы и русскихъ словъ, которыя (сочетанія) выдаются за русскую юридическую терминологію (въ родѣ обычнаго права, полицейскаго права, естественнаго права, и т. п.). Существующая терминологія—наносная, она возникла съ того времени, когда историческія судьбы поставили Россію въ болѣе близкія отношенія къ Западу съ его рецепціей римскаго законодательства. Воздѣйствіе оказывали Польша съ ея позаимствованіями у римской цивилизаціи **) и у нѣмцевъ, нѣмцы, нѣмецкіе императоры и императрицы, нѣмецкіе ученые, вводившіе у насъ свою культуру въ качествѣ профессоровъ, или писавшіе законы для Россіи. Въ періодъ, когда Россія жила болѣе обособленною жизнью, и ея языкъ сохранялъ сравнительно большую чистоту. Древнія лѣтописи говорятъ намъ о различныхъ маленькихъ государствахъ, жившихъ по собственнымъ „законамъ и обычаямъ",—вполнѣ русское выраженіе для принудительныхъ нормъ. Слово право совсѣмъ и не появляется въ нашихъ сборникахъ законовъ, даже тѣхъ, которые составлялись подъ греческимъ вліяніемъ, такъ какъ греки, хотя и обладали тѣми же законами, что и латинизированный западъ, умѣли переводить ихъ на собственный языкъ, сохраняя въ общемъ его (своего языка) чистоту.

---

*) „Никто не имѣетъ права влагать въ языкъ народа того, чего самъ этотъ народъ въ своемъ языкѣ не находитъ". Потебня, Мысль и языкъ, 1892, стр. 146.

**) „Польская рѣчь выросла и развилась подъ постояннымъ вліяніемъ латинской" (Зѣлинскій: „В. Вундтъ и психологія языка" въ Воп. Фил. и Психол. 1902 г., кн. 62, стр. 642). Это имѣло свою, безъ сомнѣнія, хорошую, но также и свою дурную сторону. И теперь чужеземное вліяніе служитъ часто ко вреду даннаго языка, благодаря неумѣлому отношенію къ нему, т. е. отсутствію критики и раболѣпію. Въ то время, при тогдашнемъ состояніи знаній, такое некритическое отношеніе должно было быть еще большимъ. Не забудемъ также и того, что латинскимъ языкомъ пользовалась и схоластика, оставившая столь дурные слѣды въ рѣчи и мышленіи.—Главнымъ проводникомъ латинскаго вліянія и схоластики была, конечно, римская церковь.

„Порча языка вызывается недостаткомъ истиннаго народнаго самосознанія“ (Гюнтеръ, Исторія культуры, стр. 10). Такого истинно народнаго самосознанія не могло быть, конечно, ни у дѣлавшихся „кровяными“ русскими нѣмцевъ, ни у русскихъ людей, получавшихъ образованіе у иностранныхъ ученыхъ, пока свѣдѣнія наши въ языковѣдѣніи были такъ скудны, а краткіе словари учили, что, гдѣ стоитъ Recht, droit, или jus, тамъ нужно непремѣнно ставить „право“, не справляясь съ ролью этого понятія-слова въ русскомъ языкѣ.

Когда русскій человѣкъ, оставаясь вѣрнымъ духу своего языка, желалъ выразить идею государственно-принудительной нормы, или совокупности таковыхъ, онъ выбиралъ и выбираетъ выраженія: законъ, правило, постановленіе, приказъ, указъ, положеніе, уставъ, уложеніе, установленіе (или иностранное „норма“) съ тою или иной квалификаціей, ближайше опредѣляющей его мысль, или и безъ таковой, если по ходу рѣчи, или контексту, этого не было нужно. Идея совокупности, въ частности, обыкновенно выражается множественнымъ числомъ или словами—сборникъ, совокупность, уложеніе, судебникъ, уставъ (или иностраннымъ „система“).

„Право“ въ устахъ стомилліонной русской толпы, равно какъ и предшествующихъ поколѣній, насколько это можно судить по памятникамъ письменности, а такъ же и по заключенію отъ настоящаго времени, употреблялось лишь для формальныхъ цѣлей: для выраженія отношенія къ закону, или вообще нормѣ поведенія, не только, правда, юридической, но и нравственной. Философскія свѣдѣнія той коллективной личности, которая создала русскій языкъ, были и продолжаютъ быть невеликими, какъ и философскія свѣдѣнія всякаго иного народа. Познанія его въ этико-юридическихъ доктринахъ не могутъ быть развитыми.

О собственныхъ правахъ, какъ и о правахъ окружающихъ людей, онъ знаетъ мало; онъ не знаетъ конечныхъ цѣлей установленныхъ обязанностей; онъ повинуется имъ болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; онъ не знаетъ, каковы тѣ послѣднія основанія, на которыхъ зиждется власть принужденія, и очень много другого. Но, о правѣ, какъ правѣ, которое является лишь понятіемъ объ отношеніи къ закону, онъ знаетъ столько же, какъ и образованный, или самый ученый человѣкъ. Такова характерная особенность нашихъ знаній объ отношеніяхъ: понятіе о нихъ у насъ часто несравненно яснѣе, чѣмъ о самыхъ соотносительныхъ вещахъ (см. Локкъ, Hum. Und., кн. II, гл. 25, § 8, стр. 274 по изд. 1735 г.). Зная, что одинъ казуаръ въ зоологическомъ саду снесъ яйцо, изъ котораго вышелъ маленькій казуаръ, я знаю, какъ относятся другъ къ другу они (мать и цыпленокъ), хотя о самихъ казуарахъ я могу имѣть очень смутныя и несо-

вершенныя знанія. То же слѣдуетъ сказать и о правѣ. Независимо отъ его содержанія (ѣсть муравьевъ въ свободное отъ службы время, засѣдать въ сенатѣ, строить домъ на пріобрѣтенномъ участкѣ земли, ходить по улицѣ, или поужинать своимъ сыномъ: есть или были и такія, вѣдь, страшныя права), право, какъ отношеніе къ закону (какъ бы ни выражалось оно: можно, дозволено, не запрещено..), есть такое простое элементарное понятіе, что оно не способно ни къ какому дальнѣйшему развитію. Что такое правый берегъ рѣки или ручья, это можно легко объяснить ребенку. И знаніе, которое сообщимъ мы ему, не увеличится ни на іоту во всю его жизнь, хотя бы онъ изъѣздилъ полсвѣта и изучилъ всѣ его большія и малыя рѣки. Правый берегъ, какъ правый берегъ, независимо отъ рѣки, о которой можетъ идти рѣчь, есть такое же выраженіе отношенія, какъ и нарѣчія: вверху, внизу; надъ, подъ; справа, слѣва И право съ обязанностью выражаютъ собою лишь отношеніе къ закону: то, что лежитъ по правую и по лѣвую его сторону: возможность выбрать извѣстное дѣйствіе по собственному желанію и отсутствіе такого выбора, связанность воли.

Если данъ приказъ, не превышающій разумѣнія лица, къ которому обращенъ онъ, оно выведетъ изъ него свои обязанности и свои права. Если приказано вставать въ 6 часовъ утра, значитъ: послѣ 6 часовъ лицо это обязано быть на ногахъ, но оно имѣетъ право (это не запрещено, дозволено, оно можетъ, или другія выраженія для этого) вставать въ 5 часовъ.

Для разумѣнія правъ и обязанностей нужно, слѣдовательно, лишь разумѣніе приказа, велѣнія, закона. Не всегда, конечно, это легко. Понять значеніе закона, ограничивающаго банковыя и биржевыя операціи, урѣзывающаго свободу печати, поддерживающаго извѣстную форму правленія, охраняющаго какую-нибудь церковь, направленнаго противъ какой-либо (повидимому, невредной) секты, или направляющаго внутреннюю политику въ извѣстную сторону, не такъ просто. Уразумѣніе законовъ и есть задача юриспруденціи. Уразумѣвъ его, мы легко выведемъ вытекающія изъ него обязанности и права, какъ легко укажемъ правый и лѣвый берегъ рѣки, если замѣтимъ направленіе ея теченія.

Равнымъ образомъ, если я имѣю предъ собою дѣйствіе, уже совершенное, или такое, совершить которое кто-либо намѣренъ, и если я знаю относящійся къ этой категоріи дѣйствій законъ, я могу сказать, лежитъ ли это дѣйствіе внутри или за предѣлами дозволеннаго. Трудности проистекаютъ лишь оттого, что законъ, въ виду безпредѣльнаго числа возможныхъ дѣйствій, вынужденъ говорить о нихъ въ общихъ выраженіяхъ, не всегда по своей общности ясныхъ. Кон-

кретное дѣйствіе я могу понимать хорошо, но сказать, имѣю ли я на него право, я затрудняюсь, такъ какъ не знаю, обнимаетъ ли общее выраженіе относящагося сюда закона и данное дѣйствіе. Для рѣшенія подобныхъ сомнѣній и существуетъ, между прочимъ, судъ.

Въ виду двойственности нормъ человѣческаго поведенія: нормъ этическихъ и нормъ юридическихъ (велѣній нравственныхъ и законовъ sensu stricto, какъ велѣній государственныхъ), и „право", являясь лишь выраженіемъ отношенія къ нимъ, пріобрѣтаетъ то юридическую, то этическую окраску. Само по себѣ, оно не выражаетъ ни этической, ни юридической нормы, и какъ понятіе формальное всегда предполагаетъ наличность, explicite или implicite, нормы поведенія, къ которой оно относится. Эта норма и составляетъ основное матеріальное понятіе юриспруденціи.

Уклонившись отъ требованій языка, юристы, безъ всякаго основанія, создали изъ „права" матеріальное понятіе, понятіе о какомъ-то несуществующемъ общественномъ или культурномъ явленіи, и этимъ создали себѣ искусственныя затрудненія. Указанная двойственность окраски перешла и на это миѳическое явленіе, являющееся то чѣмъ-то въ родѣ кодекса нравственности, то чѣмъ-то отличнымъ отъ него: не то совокупностью законовъ и другихъ принудительныхъ нормъ, не то и еще чѣмъ-то особымъ. Изъ области дѣйствительности, они переселились въ фантастическую область образовъ самого измѣнчиваго и неопредѣленнаго характера.

Видоизмѣняя нѣсколько слова Эгжера въ эпиграфѣ, мы можемъ сказать, что, создавъ слово право для собственнаго пользованія, мысль должна бороться теперь за собственную жизнь *противъ* этого слова. И столь долго волнующій континентальныхъ юристовъ вопросъ о „правѣ" принадлежитъ собственно наукѣ о языкѣ.

Юристъ-теоретикъ, подобно всякому ученому, долженъ быть до извѣстной мѣры филологомъ. Какъ и всякій членъ общества, онъ долженъ и не можетъ не подчиняться законамъ языка даннаго общества, но онъ долженъ дѣлать это сознательно. Онъ долженъ быть знакомъ съ элементами науки о языкѣ въ несравненно большей степени, чѣмъ, напр., спеціалистъ по естественнымъ или вообще такъ называемымъ точнымъ наукамъ. Основныя понятія, съ которыми юристъ имѣетъ дѣло, отличаются широтою, абстрактностью, измѣнчивостью въ зависимости отъ условій мѣста, времени и обстоятельствъ жизни общества, и затрагиваютъ, далѣе, самые существенные практическіе интересы людей, а потому и особенно подлежатъ вліянію страстей. Точность мысли особенно нужна и особенно трудна при такихъ условіяхъ. Языкознаніе, какъ наука и отрасль воспитанія, способна дать столь полезную и цѣнную для насъ опредѣленность мысли по пред-

метамъ, которыми занимается юриспруденція. Изучающій химію, физику или другую точную науку имѣетъ то преимущество передъ юристомъ, что технические термины его созданы по большей части искусственно, опредѣлены соглашеніемъ, а не взяты изъ общей сокровищницы народнаго языка, а потому они обладаютъ болѣе точнымъ значеніемъ, чѣмъ другіе термины. И если и въ этой сферѣ, наприм., Лавуазье*), начавъ со словъ, кончилъ перестройкой всего зданія химіи, то сколь большее значеніе пониманіе роли языка играетъ для человѣка, которому высшія философскія понятія должны войти въ плоть и кровь, кто долженъ научиться мыслить при помощи самого точнаго языка, и не можетъ сдѣлать безъ этого ни одного шагу.

Это *самый короткій путь* къ разрѣшенію всѣхъ споровъ объ основныхъ понятіяхъ юриспруденціи. Нѣтъ здѣсь ни королевской, ни популярной дороги. Нетерпѣливому человѣку такой методъ подхожденія къ рѣшенію основныхъ вопросовъ юриспруденціи можетъ показаться сложнымъ, скучнымъ и обременительнымъ, а, можетъ быть, даже и ненужнымъ, но, кто создастъ свою терминологію и научный языкъ съ помощью болѣе точнаго изученія законовъ и роли языка въ мышленіи, т. е. при содѣйствіи сравнительнаго языковѣдѣнія, логики и психологіи, достигнетъ средства выражать, что онъ думаетъ, и даже мыслить *болѣе точно.*

И, какъ увидимъ мы ниже, самая глубокая ученость и точная передача нашихъ мыслей вполнѣ совмѣстимы съ тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ говоритъ весь русскій народъ:

To speak as the common man speaks,
To think as the learned man thinks**).

Мы не имѣемъ права вводить новый языкъ при изслѣдованіи такихъ предметовъ, которые по своей природѣ подлежатъ мышленію всѣхъ. „Выдумывать новыя слова, или изобрѣтать изъ извѣстныхъ словъ необычныя выраженія (полицейское, финансовое, и т. д., право...), гдѣ языкъ не терпитъ недостатка въ выраженіяхъ для данныхъ понятій, значитъ, какъ говоритъ Кантъ (pract. Ver., 20), дѣлать дѣтскія усилія отличиться отъ другихъ людей, если не новыми и правильными идеями, то, по крайней мѣрѣ, новою тряпкою на старомъ платьѣ. Если есть болѣе простыя (популярныя) выраженія для тѣхъ понятій, съ которыми приходится имѣть дѣло въ юриспруденціи, то имъ и должно быть дано предпочтеніе. Главная задача, вѣдь, въ томъ, чтобы насъ понимало наибольшее количество людей.

---

*) См. предисловіе къ его *Химіи* и Whewell, Nov. Org. Ren., 1858, стр. 286.

**) Говорить, какъ говоритъ обыкновенный человѣкъ, мыслить, какъ мыслитъ ученый.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что мы, юристы, въ такой же мѣрѣ нуждаемся въ особомъ „тайномъ“ языкѣ (Geheim-sprache: Mauthner, op. c., I, 36), какъ и, напр., химики. Но, нужда въ этомъ наступаетъ только тогда, когда мы мыслимъ о вещахъ, о которыхъ никогда или почти никогда не задумывается большая публика, т. е. въ вопросахъ болѣе детальнаго, а, слѣдовательно, и второстепеннаго характера. Въ элементарныхъ понятіяхъ, безъ которыхъ человѣкъ не былъ бы человѣкомъ, т. е. существомъ нравственно-политическимъ, мы должны прислушиваться къ рѣчи цѣлаго общества, а не выдумывать спеціальнаго, намъ однимъ понятнаго, языка.

Цѣль нашихъ стремленій—научиться „по ученому“ мыслить, а не якобы „по ученому“ говорить (полицейское право отвергаетъ, де, право курить на улицѣ въ деревнѣ, а уголовное право не признаетъ права мошенничества на биржѣ, а обычное право считаетъ неумѣстнымъ право чихать въ нѣкоторыхъ случаяхъ...). Истина вполнѣ совмѣстима съ простотою и не нуждается въ украшеніи*).

Грамматика, претендующая научить людей „правильно говорить“, не въ состояніи сдѣлать этого безъ языковѣдѣнія и логики**). Къ сожалѣнію, большинство спеціалистовъ дальше грамматики не идетъ. Да и школьная грамматика не соотвѣтствуетъ уже уровню современной науки о языкѣ. Она, какъ и лежащія въ ея основѣ лингвистическія теоріи, возникла въ пору, когда познанія людей о языкахъ были крайне скудны, да и самое значеніе языка въ мышленіи почти не понималось. Большинство спеціальныхъ ученыхъ и не понимаетъ всей ветхости и несовершенства основъ своего мышленія, и, переливая изъ пустого въ порожнее, воображаетъ, что оно содѣйствуетъ прогрессу. А на дѣлѣ выходитъ, что Платонъ***) и Аристотель все еще стоятъ не позади, а впереди насъ. „Не нужно забывать (Frey, Annamites et Extrême-Occidentaux, recherche sur l'origine des langues, 1894, стр. 262), что пользующіяся въ настоящее время фаворомъ лингви-

---

*) Въ украшеніи скорѣе нуждается все безобразное, ложное, пустое по существу.

Thou canst not adorn simplicity. What is naked or *defective* is susceptible of decoration: what is decorated is simplicity no longer (*Landor*, Imag. Conv., Epictetus and Seneca).

**) „Два раза два пять“ такъ же грамматически правильно, какъ и „два раза два четыре“; и вопросъ „что такое яблоко?“ составленъ по тѣмъ же началамъ, что и вопросъ: „что такое коса?“, хотя первый изъ нихъ даетъ намъ понять, о чемъ насъ спрашиваютъ, а второй нѣтъ.

***) „Нѣтъ здравой политической философіи, которая не была бы воплощеніемъ идеи Платона“ (Bosanquet, The philosophical theory of the state, 1899, стр. 7).

стическія теоріи *) возникли въ то время, когда никто въ Европѣ не зналъ, развѣ очень поверхностнымъ образомъ, языковъ Дальней Азіи, равно какъ и языковъ Центральной Африки; когда все, чѣмъ владѣли люди изъ этихъ языковъ, сводилось въ дѣйствительности къ вокабулярію самаго рудиментарнаго и самаго несовершеннаго типа. Имѣя въ основаніи столь несовершенный матеріалъ (dénombrement imparfait), эти теоріи должны быть крайне узкими".

---

*) *Всякій* же ученый *непремѣнно* начинаетъ съ нѣкоторыхъ лингвистическихъ теорій. Безъ этого никто не можетъ обойтись. „Дедуктивное мышленіе начинается съ нѣкоторыхъ предположеній относительно языка... а индуктивное, *кромѣ этого*, кладетъ въ свою основу еще нѣкоторыя другія на вѣру принимаемыя положенія" (Fowler, Logic, I, 75). И, что всего болѣе странно: эти лингвистическія теоріи менѣе правильны, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ исходилъ Аристотель (напр., что предложеніе, а не слово, есть единица мысли).

Глава VI.

Понятіе и слово.

„Я долженъ сознаться, что, начиная свой трактатъ о пониманіи, и долгое время спустя, мнѣ вовсе не приходило въ голову, чтобы разсмотрѣніе словъ было сколько-нибудь необходимо для этого. Но, когда, закончивъ вопросъ о происхожденіи и составѣ нашихъ идей, я началъ изслѣдовать объемъ и достовѣрность нашего знанія, я нашелъ, что это такъ тѣсно связано со словами, что, не разсмотрѣвъ сначала хорошо ихъ силу и значеніе, нельзя было сказать много яснаго и дѣльнаго относительно *знанія, которое, преслѣдуя истину, имѣетъ постоянно дѣло съ предложеніями*". Локкъ (Of hum. underst. III, 9, 21).

Одною изъ самыхъ важныхъ идей, добытыхъ современнымъ языковѣдѣніемъ, была, какъ мы уже указывали, та, что единицею мысли служитъ не слово, а фраза или предложеніе. Отдѣльныя слова, слѣдовательно, пріобрѣтаютъ значеніе и смыслъ, только входя въ составъ той или иной фразы. Если намъ кажется иногда, будто мы можемъ понимать совершенно изолированное слово, то это только потому, что, не замѣчая этого, мы вставляемъ его въ какую-либо фразу, или восполняемъ его какими-либо обстоятельствами, столь же краснорѣчиво говорящими намъ, какъ и слова (напр., произнесенное съ ажитаціей при извѣстной обстановкѣ слово „пожаръ"!) *) (Ср. Потебня, Мысль и языкъ, 137).

Предложеніе раньше слова; слово вышло лишь изъ разложенія предложенія. Слово никогда не было и не можетъ быть изолированнымъ фактомъ (kein ursprünglich isolirtes Gebilde). Слово преобразовалось въ *относительно* самостоятельную часть рѣчи подъ влія-

*) Такія восполненія играютъ особенную роль при слушаніи рѣчи ребенка. „Коко" можетъ означать: дайте мнѣ яйцо, это яйцо дурное, собака отняла у меня яйцо, и многое другое. Эти восполненія на дѣлѣ необходимы *всегда* и въ языкѣ взрослыхъ, такъ какъ мы лишь догадываемся о смыслѣ рѣчи другихъ (это хорошо объяснено въ работахъ Breal'я, Darmesteter'а и другихъ).

ніемъ взаимодѣйствія различныхъ частей предложенія и въ силу вліянія различныхъ предложеній другъ на друга. Вполнѣ самостоятельнымъ, изолированнымъ, явленіемъ слово никогда не было и не бываетъ.

Слово и предложеніе стоятъ такимъ образомъ, по ученію новѣйшаго сравнительнаго языковѣдѣнія, какъ разъ не въ томъ отношеніи, въ какомъ они стоятъ по мнѣнію отставшихъ грамматиковъ и большой публики, полагающей, что предложеніе составляется изъ соединенія словъ, являющихся съ самаго начала чѣмъ-то самобытнымъ.

Такое представленіе о языкѣ, гдѣ слова играютъ роль самостоятельныхъ идей и своей комбинаціей создаютъ предложеніе, какъ нѣчто posterior, скоро уляжется спокойно вмѣстѣ съ вѣрой въ золотой вѣкъ, дообщественное естественное, т. е. безгосударственное, состояніе человѣчества и другими подобными представленіями, въ могилѣ донаучныхъ миѳообразованій.

„Старое представленіе (Wundt, Völkerpsychologie, т. II, стр. 560), будто предложеніе составляется изъ существующихъ сначала самостоятельно словъ, можетъ теперь считаться устраненнымъ въ научной грамматикѣ. Оно слѣдовало здѣсь родственному взгляду старыхъ стоиковъ, будто само слово есть соединеніе слоговъ и буквъ. Въ живомъ языкѣ, какъ справедливо указываетъ H. Paul (Principien der Sprachgeschichte, 3 S 110 ff), часто не существуетъ до сихъ поръ границъ, которыя письменный языкъ устанавливаетъ между отдѣльными словами*). Вообще, гдѣ нѣтъ литературнаго фиксированія, тамъ дѣленіе (обособленіе) слова и предложенія покоится большею частью лишь на произволѣ изслѣдователя языка“...

Турецкое „предлагаю вамъ любить другъ друга“ передается одною глагольною формой, какъ одно слово. Индѣецъ изъ Делавера выражаетъ фразу „онъ является съ челнокомъ и беретъ насъ черезъ рѣку“ звуками, представляющими одно слово. Вообще, по мнѣнію языковѣдовъ, въ наименѣе развитой своей формѣ рѣчь состояла изъ такихъ звукообразованій, гдѣ о словахъ, какъ мы понимаемъ ихъ (слова) въ нашихъ европейскихъ культурныхъ языкахъ, не могло быть и рѣчи. Сложное и синтетическое предшествуетъ аналитическому и простому (см. Sayce, Principes de philologie comparée, гл. IV, § 31; Gerber, Die Sprache und das Erkennen, стр. 6 и сл.). „Единство слова и единство фразы вполнѣ совпадаютъ здѣсь“ (Wundt, Völkerpsychologie, т. I, 560).

Нѣкоторое, очень, правда, слабое, представленіе подобнаго синтеза представляютъ, напр., древнія формы современныхъ флексіонныхъ языковъ, выражавшія въ одной глагольной формѣ цѣлую мысль

*) См. аналогію въ языкѣ ребенка у Гёфдинга, въ его Психологіи.

т. е. слово и предложеніе одновременно. Латинское *amavi* является одновременно словомъ и предложеніемъ. Романскій языкъ разлагаетъ эту мысль на три слова: ego habeo amatum, j'ai aimé (Wundt, op. c., 561., т. I).—Многіе изъ современныхъ языковъ некультурныхъ народовъ могутъ выражать многообразныя отношенія и модификаціи одного и того же, съ нашей точки зрѣнія, понятія при помощи одной формы, не прибѣгая, какъ мы, къ нарѣчіямъ, дополненіямъ, приставкамъ и разнымъ вспомогательнымъ частямъ рѣчи. *)

Такимъ образомъ дѣленіе на слова или части рѣчи есть процессъ разложенія первоначальнаго единства слова-предложенія, какъ внѣшняго выраженія мысли. Слово постепенно выдѣляется изъ цѣлаго, къ которому принадлежитъ оно, т. е. изъ фразы (предложенія), получаетъ *сравнительно* нѣкоторую самостоятельность, фиксируется въ своей грамматической формѣ и начинаетъ играть болѣе или менѣе опредѣленную роль въ рѣчи съ *относительно* самостоятельнымъ значеніемъ [Ср. Wundt, op. c , т. I, 561]. Говорю „*относительно* самостоятельнымъ значеніемъ", такъ какъ слово въ современныхъ арійскихъ языкахъ носитъ печать *незаконченности*. Мысль выражается не словомъ, а фразой; слово же представляетъ фрагментъ фразы: **) ея начало, конецъ или середину. Мысль должна имѣть начало и конецъ, равно какъ и середину; и брать за исходный пунктъ какой-либо науки начало, или середину, или конецъ, отдѣльно отъ остального (его восполняющаго) было бы очевидно нелѣпымъ (Sayce, Princ. of comparat. philol., 135)

Всякая наука имѣетъ дѣло съ мыслями, т. е. сужденіями. Точка отправленія, какъ и цѣль, каждой изъ нихъ есть сужденіе, мысль, фраза, а не слово. Мысль есть послѣдній, неразложимый, элементъ всякой науки. Слово, разъ оно не совпадаетъ съ мыслью (amavi, свѣтаетъ), не можетъ быть исходнымъ пунктомъ какой-либо науки. Наука оперируетъ мыслями, т. е. предложеніями, каждое изъ которыхъ выражается на нашемъ и другихъ арійскихъ языкахъ

---

*) Есть, напр., языки, гдѣ нѣтъ слова „идти", но есть 33 слова, а на языкѣ Tagala даже 75 словъ, выражающихъ модальности движенія: идти скоро, идти тихо, идти припригивая, идти прямо, идти качаясь..... Или, нѣтъ слова открывать, но есть 27 словъ для выраженія модальностей открыванія. Или, нѣтъ словъ покупать и собирать, но 13 и 42 спеціальныхъ слова для модальностей (покупать для продажи, оптомъ, по мелочамъ, покупать хлѣбъ, золото, покупать товариществомъ, покупать рабовъ, покупать глиняныя вещи, покупать мѣха....). Или, нѣтъ слова „ѣсть", но 40 словъ въ родѣ: ѣсть съ аппетитомъ, ѣсть немного, жадно все съѣсть, ѣсть по кусочкамъ, утромъ, въ полдень, вмѣстѣ съ другими, сырыя вещи, рыбу, мясо, плоды, поросятину, собачину, мясо змѣй, саранчу, падаль.....[Oppert, On the classification of languages, стр. 63 и слѣд.]

**) Исключеніе въ однословныхъ выраженіяхъ-фразахъ въ родѣ: свѣтаетъ.

по большей части нѣсколькими связанными другъ съ другомъ словами. Какъ только мы вырываемъ слово изъ связи съ другими, изолируемъ его, оно перестаетъ выражать мысль и, слѣдовательно, становится негоднымъ объектомъ для науки. Еще авторъ „An outline of Sematology“ 1831 г. (Sayce, Prin. of comp. phil., VIII—IX) сравнивалъ отдѣльныя слова по значенію съ отдѣльными слогами (подобно un, mis, con, ness, или fy). Вайтцъ говорилъ, что слова, которыми выражается мысль имѣли бы лишь мало значенія, если бы они не были связаны другъ съ другомъ. Новѣйшее языкознаніе и научная грамматика признали, что мы выражаемъ свои мысли предложеніями, а не словами.

Если намъ кажется часто, будто мы понимаемъ отдѣльно взятое слово (солнце, столъ, городъ....), это лишь потому, что implicite мы дѣлаемъ его членомъ какой-либо фразы. Мы противополагаемъ его въ мысляхъ обыкновенно чему-то другому: свѣтъ тьмѣ, тепло холоду, Recht Unrecht, законъ беззаконію, и т. д. И такъ какъ очень часто одно и то же слово можно противополагать двумъ или нѣсколькимъ другимъ, при чемъ естественно значеніе ихъ подвергается измѣненію, нѣтъ ничего удивительнаго, если люди безуспѣшно и безконечно спорятъ о значеніи одного и того же слова, въ которое они вкладываютъ различное содержаніе: одинъ, положимъ, противополагая Recht Unrecht'у (right и wrong), а другой Recht Pflicht'у (право—обязанности).

Изолировать слово, какъ звуковой или зрительный конгломератъ, мы можемъ, но понимать *совершенно изолированное* слово мы не можемъ (если это не слово-фраза). Многимъ кажется, будто они понимаютъ отдѣльныя слова (государство, законъ, право.....), но это *кажется* лишь потому, что всегда слова (разъ они дѣйствительно понимаются нами) возстановляютъ, незамѣтно для насъ, другія слова въ силу логической связи съ ними. У одного right вызываетъ obligation, у другого wrong; у одного государство сопоставляется съ провинціей, у другого „государство и личность“, у третьяго „государство и церковь“: въ каждомъ случаѣ со словомъ „государство“ связывается другое господствующее представленіе,—у одного уже, у другого шире, у одного выдвигаются впередъ одни, у другого другіе элементы (см. Зѣлинскій, „Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка“ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, 1902, кн. 62 (II), стр. 651). Постороннія представленія вліяютъ на слова и ихъ значеніе, какъ при произнесеніи отдѣльныхъ словъ, такъ и на слова въ предложеніяхъ; при чемъ эти вліяющія представленія, въ свою очередь, могутъ либо находиться въ томъ же предложеніи, либо не находиться въ немъ (См. примѣры у Зѣлинскаго, ibidem).

Пониманіе изолированныхъ словъ лишь благодаря пополненію ихъ сопоставленіемъ съ соотносительными, противоположными, или иными, словами, связано съ двойственностью (парностью, коррелятивностью) человѣческой мысли: добро понятно намъ потому, что мы знаемъ зло, и обратно: добродѣтель—потому, что мы знаемъ порокъ. Мы понимаемъ слово тьма, повидимому, изолируя его, но только повидимому: если бы въ нашемъ умѣ не было понятія свѣта, и мы не сопоставляли его въ невысказываемомъ предложеніи первому, мы бы не понимали тьмы.

Мы должны вернуть нашимъ терминамъ-словамъ необходимо принадлежащее имъ отношеніе къ фразѣ, въ ея внутреннемъ и органическомъ единствѣ (ея solidarité et continuité interne). Разорвать эту связь мы никогда не можемъ: иначе слово перестало бы быть словомъ. Мы должны сдѣлать ее предметомъ нашего вниманія.—Наше обычное отношеніе къ слову чисто внѣшнее: мы изслѣдуемъ буквы, составляющія наши слова, какъ будто въ нихъ лежитъ секретъ мысли, а не въ самой мысли, выраженной въ предложеніи.*) Слово пріобрѣтаетъ значеніе и должно толковаться внутри фразы.

Поэтому, даже имена вещей,—повидимому, самостоятельныхъ, въ себѣ законченныхъ, прочныхъ существованій,—понимаются нами лишь потому, что они являются для насъ предикатами, т. е. составными частями создаваемыхъ вокругъ нихъ и по поводу ихъ предложеній („selbst die Namen der *Dinge*—der scheinbar selbständig für sich abgeschlossenen, festen Existenzen—sich vor der Sprachwissenschaft als Prädicate erweisen"; Gerber, die Sprache und das Erkennen, стр. 12).

Отдѣльное слово есть, для слушающаго, актъ незаконченнаго мышленія; для говорящаго—актъ прерваннаго выраженія во внѣ какой-либо мысли. „Не трудно вывести (Потебня, Мысль и языкъ, 1892, стр. 101) изъ разбора словъ какого-бы ни было языка, что слово собственно выражаетъ *не всю мысль*, принимаемую за его содержаніе, а *только одинъ ея признакъ*" (Ср. Humboldt, Ueber die Verschiedenheit... 97—8, 110). Не имѣются, конечно, въ виду слова-фразы.

Сказанное о словѣ должно разумѣться и о понятіи, по мотивамъ и съ ограниченіями, указанными ниже.

---

*) „We scrutinize the characters which form our words, as if in them lay the secret of thought, and not in thought itself". Bascom, Hist. interpret. of philosophy, 502. У Karpeles (Gesch d. allg. Litt., II, 820) нашелъ я мѣсто, повидимому, имѣющее отношеніе къ разбираемому здѣсь вопросу: Amos Komensky [1592—1670]... darf als der Vater der modernen Pädagogik angesehen werden..... er plädierte zuerst *für den Satzunterricht im Gegensatz zum Wortunterricht.* Важны его работы „Orbis pictus" и „Didactica magna". Обращаю вниманіе интересующихся на это.

Имѣя въ виду арійскіе языки, мы не можемъ не замѣтить, что роль словъ чрезвычайно неодинакова. Извѣстна общепринятая, существующая уже болѣе 2000 лѣтъ, классификація словъ на существительныя, прилагательныя....глаголы.....предлоги, и т. д. „Что эта общепринятая классификація (Крушевскій, „Очеркъ науки о языкѣ", 142) словъ не выдерживаетъ строгой критики, читатель можетъ найти доказательства въ XI главѣ книги Пауля (Paul, Principien der Sprachgeschichte, Halle, 1880). Не имѣя возможности (а мы—и особенной нужды) теперь заняться этимъ вопросомъ, мы можемъ сказать только, что болѣе правильной классификаціей была бы такая, по которой всѣ слова дѣлились бы на *знаменательныя*, имя и глаголъ, и *незнаменательныя*, служебныя или частицы разныхъ степеней".

Отъ словъ, которыя, совмѣщая въ себѣ цѣлое предложеніе (напр. „свѣтаетъ"), вполнѣ знаменательны, т. е. выражаютъ мысль, эта знаменательность падаетъ потомъ постепенно, и незамѣтно переходитъ въ „незнаменательныя" частицы рѣчи, въ родѣ „или", „и", „о", „ахъ" и т. д.

Слово имѣетъ лишь искусственное существованіе. Оно появилось въ результатѣ разложенія цѣлаго,—предложенія, имѣетъ свой смыслъ только въ немъ, а потому, строго говоря, ни одно слово не знаменательно. Но, если мы противопоставимъ тѣ слова, которыя мы находимъ въ лексиконѣ, совершенно произвольнымъ сочетаніямъ звуковъ (ана, мока.....), мы должны будемъ признать, что нѣкоторое значеніе принадлежитъ [сравнительно съ такими произвольными звукосочетаніями] даже междометіямъ и союзамъ. Знаменательность имѣетъ, слѣдовательно, „разныя степени", т. е. есть понятіе относительное. Наибольшею знаменательностью отличаются глаголъ и субстантивъ. Но, глаголъ, хотя онъ, какъ указываетъ на это его имя, и есть слово по преимуществу (is emphatically *the word*; Sayce, Prin. of comp. philol., 134), не всегда обладаетъ для насъ столь большимъ значеніемъ какъ субстантивъ (понятіе дѣйствія, напр., становится понятнымъ лишь потому, что мы implicite прибавляемъ къ нему субъектъ и объектъ). Субстантивъ же, взятый отдѣльно, связанъ съ несовершенствомъ мысли, которая высказывается только отрывистымъ словомъ (Потебня, ор. с,, 153) *) Мысль находитъ себѣ выраженіе, какъ было уже сказано, лишь въ предложеніи.

*) Это несовершенство присуще именамъ существительнымъ не въ одинаковой мѣрѣ. Если всѣ они лишь намеки на мысль, то есть между ними настолько несамостоятельныя, что при выдѣленіи изъ контекста, по крайней мѣрѣ для насъ лично, нельзя опредѣлить ихъ значенія: „точить *лясы*", „подводить *турусы* на колесахъ", „ни *зги* не видно", „бить *баклуши*" (или малорос. „бить *байды*"),

Имена существительныя и носятъ названіе понятій, когда мысль, вскормленная словомъ, переносится къ внутреннимъ, психическимъ актамъ нашей души, считая ихъ настоящимъ искомымъ знаніемъ, а на слово начинаетъ смотрѣть какъ на посторонній и произвольный знакъ (ср. Потебня, ор. с., 164).

Милль (Logic, I,3,9) справедливо говоритъ о наклонности людей при встрѣчѣ съ двумя названіями, являющимися не вполнѣ синонимами, предполагать, что они должны быть именами двухъ различныхъ вещей, какъ о причинѣ многихъ ошибокъ (delusions). — Это важно имѣть въ виду, когда рѣчь заходитъ о понятіяхъ.

„Мы можемъ, для извѣстныхъ цѣлей, отличать (M. Müller, The science of thought, 29) дѣятельность мышленія, какъ она описывается въ формальной логикѣ, отъ объектовъ этой дѣятельности**); но, если мы спросимъ, что составляетъ въ дѣйствительности непосредственный объектъ нашего мышленія, мы всегда найдемъ, что это *слова*, выражающія наши понятія о вещахъ, а не вещи или понятія. Cogitamus, sed verba cogitamus (St. Augustin, Magister, I p. 773, ed. Lugduni, 1563). Что мы можемъ составлять себѣ понятія отдѣльно отъ словъ, это, повидимому, доказываетъ самое слово понятіе. Но, мы должны всегда быть очень на сторожѣ противъ весьма обычной

„быть подъ *стать*". Или, напр., англійскій субстантивъ the nonce. Отдѣльно онъ ничего не значитъ, но употребляется въ выраженіяхъ — for the nonce = for once, for the one time, for the occasion, for the present or immediate purpose. With the nones (nones старинная форма, вм. nonce) that = on condition that, provided that. Филологическія догадки см. Dictionary Century, v. IV, p. 4011.

**) Однако, Fowler совершенно правильно говоритъ (Logic, 1895, стр. 7) объ отношеніи мысли къ языку въ логикѣ: „Можно ли мыслить безъ помощи языка, есть вопросъ, бывшій постояннымъ источникомъ спора между логиками и психологами. Однако, намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса. Такъ какъ всѣ логики согласны въ томъ, что мы не можемъ сообщать нашихъ мыслей безъ помощи языка, или соотвѣтствующихъ ему знаковъ, и что *практически мы всегда мыслимъ при посредствѣ языка*, своего рода внутреннимъ разговоромъ, будетъ надежнѣе принять терминологію тѣхъ авторовъ, которые разсматриваютъ наши мысли выраженными въ языкѣ, чѣмъ терминологію тѣхъ, которые смотрятъ, или пытаются смотрѣть на нихъ независимо отъ выраженія въ словѣ, какъ на нѣчто существующее само по себѣ. Я буду говорить поэтому о словахъ (терминахъ, terms) и предложеніяхъ, а не о понятіяхъ и сужденіяхъ". Nota: Сэръ В. Гамильтонъ и его послѣдователи, полагая, что логика прежде всего и главнымъ образомъ имѣетъ дѣло съ мыслью, и только на второмъ планѣ и случайно — съ языкомъ, пытаются помѣтить продукты мысли словами, которыя не предполагаютъ ихъ выраженія въ языкѣ. Такъ, вмѣсто Терминовъ и Предложеній, они пользуются соотвѣственно Понятіями и Сужденіями. Слово Силлогизмъ, благодаря двойственности значенія греческаго слова *λόγος*, стоитъ или вмѣсто внутренней мысли, или вмѣсто внѣшняго ея выраженія. (См. Lectures on Logic Гамильтона, лекція I).

ошибки, будто вещи, которыя могутъ быть различаемы, могутъ поэтому требовать независимаго существованія. Мы можемъ различить волосъ на нашей головѣ и кожу, на которой онъ растетъ, но волосъ не можетъ существовать, не можетъ ни жить, ни расти, безъ чего-нибудь, на чемъ онъ растетъ. Мы можемъ провести различіе между апельсиномъ и его коркой, но нѣтъ апельсина безъ корки, ни корки безъ апельсина Мы можемъ проводить различіе между цвѣтами поверхности апельсинной корки и поверхностью корки, но in rerum natura никакой цвѣтъ не можетъ быть понятъ существующимъ безъ поверхности, равно какъ и поверхность безъ цвѣта. Двѣ линіи очень отличны отъ угла, который онѣ между собою включаютъ, но мы не можемъ имѣть никакого угла безъ двухъ сходящихся линій".

„То же примѣнимо и къ языку. Никого нельзя ввести въ заблужденіе соображеніемъ, что слова имѣютъ отдѣльное существованіе въ грамматикахъ и словаряхъ, потому что мы могли бы сказать съ тѣмъ же правомъ, что волоса имѣютъ отдѣльное существованіе въ парикахъ, или кожа въ сапогахъ. Въ совершенномъ языкѣ мы должны были бы ожидать различныхъ названій для живыхъ и мертвыхъ волосъ, все равно какъ мы различаемъ траву и сѣно. Но, даже въ нашихъ несовершенныхъ языкахъ мы можемъ различить, напр., въ нѣмецкомъ, между Worte (живыми словами) и Wörter (мертвыми словами). Слово не есть простой звукъ, который можно передать на письмѣ или который можетъ быть повторяемъ попугаями, а—живой звукъ рѣчи (a spoken and living sound). Оно по началу—актъ, который, безъ сомнѣнія, можетъ быть повторенъ безъ мысли, но который перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, какъ только его намѣреніе отсутствуетъ, или отошла его душа".

И Потебня говорилъ (Мысль и языкъ, 164), что слово не есть лишь „внѣшняя прибавка": оно есть вытекающее изъ глубины человѣческой природы средство создавать идею, такъ какъ только посредствомъ слова происходитъ и разложеніе мысли.

„Люди чувствуютъ почти негодованіе (M. Müller, The science of thought, 30) при мысли, что то, что наиболѣе духовно въ насъ,—наши мысли,—должно зависѣть отъ такихъ жалкихъ костылей, какими они представляютъ себѣ слова. И почему слова называются жалкими костылями? Они—самые члены; больше даже,—они могутъ сдѣлаться настоящими крыльями мысли".

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, который мнѣ кажется еще не рѣшеннымъ,—вопросѣ о томъ, можно ли (какъ думаетъ, напр., Giesswein, въ его Die Hauptprobleme der Sprachwissenschaft in ihren Beziehungen zur Theologie, Philosophie und Anthropologie, 1892),

или нельзя (какъ думаетъ Максъ Мюллеръ, The science of thought*) мыслить безъ помощи языка. Всѣ логики согласны (см. Fowler, Logic, стр. 7) въ томъ, что мы не можемъ сообщать своихъ мыслей безъ помощи языка или эквивалентныхъ знаковъ, и что практически мы всегда мыслимъ съ помощью языка (не исключая изъ этого понятія и символовъ, см. Whewell, of the language of science въ кн. IV его Novum Organon Renovatum). Мыслить для насъ, какъ еще для Платона (Mauthner, Beiträge, I, 615), значитъ тоже, что вести внутренній разговоръ (см. прекрасную работу Egger'a La parole intérieure; та же идея мысли, какъ разговора съ самимъ собою, у Канта—Anthropologie, § 36**). Этого для насъ достаточно. Мы можемъ на основаніи этого утверждать, что то, что открыто сравнительнымъ языковѣдѣніемъ о предложеніяхъ (какъ единицѣ мысли), вѣрно и по отношенію къ сужденіямъ, и что вѣрно относительно именъ (names)—вѣрно также относительно понятій. Понятіе и слово двѣ стороны одной вещи. Это нужно помнить всегда.

Въ своей „Наукѣ о мысли“ Максъ Мюллеръ собралъ мнѣнія выдающихся логиковъ по вопросу объ отношеніи мысли къ языку, понятія къ слову. Вотъ тѣ выводы, къ которымъ можно прійти на основаніи сравненія этихъ мнѣній „Имя въ живомъ языкѣ не можетъ быть лишь именемъ. Имя—ничто, если оно не есть имя вещи; вещь —ничто, если она не есть вещь имени.....Я утверждаю (M. Müller, op. c., 35), что не только въ значительной мѣрѣ, но всегда и вполнѣ мы мыслимъ при посредствѣ именъ, и что вещи для насъ не больше того, что мы разумѣемъ подъ ихъ именами“....„Прежде чѣмъ мы можемъ воспользоваться нашимъ новымъ знаніемъ, оно всегда должно быть воплощено въ старое или новое имя (ibidem, 36)“.....„Безъ какого-либо рода имени мы не можемъ мыслить“.....„Нѣтъ сомнѣнія, что намъ должно быть выгодно быть въ состояніи различать между двумя сторонами одной и той же вещи, но эта выгода больше чѣмъ нейтрализуется, если такое различіе ведетъ насъ къ предположенію, что эти двѣ стороны суть двѣ различныя вещи“ (ibid., 36).

Уэтли (Whately) полагалъ, что логика имѣетъ вся дѣло съ употребленіемъ языка. Томсонъ (Thomson, Laws of Thought) говорилъ, что „мы запутаемся въ нелѣпостяхъ, если примемъ какую-либо теорію,

---

*) Ср. Mauthner, Beiträge, I, 170.

**) Повидимому, еще Аристотель правильно понималъ роль звуковыхъ, зрительныхъ и иныхъ образовъ для мышленія, когда говорилъ *οὐδὲν νοεῖν ἄνευ φαντασίας* (нѣтъ мышленія безъ того или иного рода образовъ; см. Egger, op. c.). —Платонъ также зналъ, что языкъ нуженъ для образованія мысли (M. Müller, the Sc. of Thought, 40). Plato, Theaet., p. 189, E: *τὸ διανοεῖσθαι λόγος, ὃν αὐτὴ πρὸς αὑτὴν ἡ ψυχὴ διεξέρχεται περὶ ὧν ἂν σκοπῇ.*

допускающую, что какой-либо изъ двухъ элементовъ (мысль и языкъ) существуетъ въ отдѣльномъ состояніи, предшествуя другому". Точное соотвѣтствіе между словомъ и понятіемъ было необходимо и по мнѣнію Канта, чтобы мы могли быть понимаемы другими и самими собою. „Языкъ", говоритъ Hamann, другъ Канта: „есть не только основаніе всей мыслительной способности, но также и центральный пунктъ, изъ котораго исходитъ непониманіе разумомъ самого себя... Для меня вопросъ не въ томъ, что такое разумъ? а въ томъ, что такое языкъ? И здѣсь, подозрѣваю я, находится основаніе паралогизмовъ и антиномій, которыми обремененъ разумъ....Я почти склоненъ думать, что во всей нашей философіи больше языка, чѣмъ мысли"... „Мышленіе и языкъ до такой степени составляютъ одно, что мы можемъ различать ихъ лишь какъ внутреннее и внѣшнее,— даже какъ внутреннее каждая мысль есть уже слово" (Schleiermacher, Dialektik, p. 449.). „Если мы раздѣляемъ интеллектъ и языкъ, то такое раздѣленіе не существуетъ въ дѣйствительности" (Humboldt, Verschied.... v II, p. 52, ed. Pott.). Гегель объясняетъ во многихъ словахъ, что „мы мыслимъ именами" (совершенно вѣрно, если мы не будемъ забывать, что единицею мысли служитъ предложеніе, а не отдѣльныя слова *).

Д. С. Милль прекрасно выражаетъ важное и нужное намъ положеніе словами (Examination of Sir W. Hamilton's Phylosophy, p. 387.): „Сказать, что мы мыслимъ при посредствѣ понятій, есть только обходной и темный путь выраженія той истины, что мы мыслимъ при посредствѣ общихъ и классовыхъ названій (general or class names)".

Эту идею, по мнѣнію М. Мюллера (op. c., 35, 49, 82), выражаетъ ясно уже латинскій языкъ, ставящій no-men рядомъ съ no-tio, а еще раньше его нашъ прародитель—санскритъ. „То, что явилось для насъ результатомъ очень обширныхъ размышленій, а именно, что мы, какъ говорилъ Гегель, „мыслимъ и знаемъ именами", явилось, повидимому, какъ простая интуиція древнимъ творцамъ нашего языка. Такъ что языкъ, при правильномъ толкованіи, могъ бы научить насъ важной истинѣ, что мы знаемъ въ именахъ и мыслимъ въ словахъ, почти тавтологическимъ предложеніемъ: (g)nominibus (g)noscimus, въ санскритѣ—(g)nâmabhir ganîmas" (op. c., 82). Ту же идею выражаютъ теперь нѣмцы словомъ „Wortbegriff", а мы можемъ выражать, по аналогіи, „словомъ-понятіемъ".

---

*) В. А. Жуковскій (т. XI, 1902 г., подъ редакціей Архангельскаго, стр. 19): „Мыслить есть говорить внутренно; всякая опредѣленная мысль есть уже слово, сказанное душою самой себѣ, слово безмолвное, которое должно быть переведено въ соотвѣтственное ему звучное... Въ минуту рожденія каждой мысли, по какому-то духовному сродству, проявляется вмѣстѣ съ нею и соотвѣтствующее ей умственное слово".....

Вновь являющееся понятіе всегда находитъ себѣ то или иное выраженіе въ языкѣ (M. Müller, op. c., 52, 53), хотя бы такимъ образомъ, какъ краснокожій выражаетъ свое понятіе о школѣ „захожее мѣсто, гдѣ практикуется колдовство“ (таково его представленіе о книжномъ ученіи). И, обратно, слово не было бы словомъ, если бы оно не служило для выраженія понятій. За подробной мотивировкой и разрѣшеніемъ многихъ сомнѣній читателю слѣдуетъ обратиться къ превосходной, указанной уже, работѣ М. Мюллера „Наука о мысли“ (существующей нынѣ и въ русскомъ переводѣ).

Сдѣлаю здѣсь замѣчаніе на основаніи общихъ свѣдѣній о языкѣ, замѣчаніе, имѣющее для насъ спеціальное значеніе. Основныя понятія государственной жизни были несомнѣнно одинаковы для насъ съ греками. Понятія, которыя мы выражаемъ теперь при помощи слова „право“, были извѣстны и грекамъ такъ же, какъ и намъ. Между тѣмъ извѣстно, что слова, вполнѣ соотвѣтствующаго нашему слову „право“, греки не имѣли. Это одно обстоятельно могло бы уже натолкнуть юристовъ на мысль, что тѣ понятія, которыя мы выражаемъ при помощи слова „право“ не принадлежатъ къ такимъ основнымъ понятіямъ, безъ которыхъ не мыслимо дальнѣйшее развитіе нашихъ идей въ области юридическихъ вопросовъ. Оно можетъ быть существеннымъ понятіемъ, но не основнымъ въ эминентномъ смыслѣ. Если греки создали государственную науку безъ слова, соотвѣтствующаго нашему „право“, то, значитъ, слово это служитъ для выраженія второстепенныхъ идей: все существенное было извѣстно и грекамъ. Образованіе слова „право“ можетъ считаться прогрессомъ языка и мысли, но прогрессомъ не въ понятіяхъ основныхъ по преимуществу, такъ какъ всѣ такія понятія получили названія еще у грековъ и перешли въ ихъ греческомъ видѣ даже къ намъ (политика, монархія, аристократія....). Самъ собою напрашивается вопросъ, въ самомъ ли дѣлѣ юриспруденція есть наука о правѣ? Не есть ли это послѣднее лишь необходимое послѣдствіе или функція какого-либо другого высшаго понятія, съ помощью котораго создана была наука о государствѣ и этикѣ еще греками. О самыхъ важныхъ вещахъ человѣкъ думалъ всегда и вездѣ, прогрессъ совершается лишь въ менѣе важномъ. Неужели Аристотель и Платонъ просмотрѣли то явленіе и понятіе, которому современные юристы приписываютъ первенствующую роль въ государствѣ и даже въ нравственной жизни человѣчества? Нѣтъ ли какой-либо иллюзіи здѣсь? Не было ли того, что мы называемъ „правомъ“, еще у греческихъ мыслителей, но только въ скрытомъ состояніи. Вѣдь, весь смыслъ прогресса, эволюціи или развитія, заключается въ томъ, что (M. Müller Science of Thought, 89) скрытое становится явнымъ, возможное реальнымъ. Эволюція, вѣдь, утверждаетъ измѣненіе формъ при сохраненіи

сущности вещей, она отрицаетъ появленіе совершенно новыхъ силъ. И если основатели нашей науки видѣли основныя понятія въ другомъ мѣстѣ, не болѣе ли правы они? Не играетъ ли „право", выдвинутое позднѣйшею мыслью и языкомъ, все-таки подчиненной, второстепенной роли? Греческое „*τὸ δίκαιον*" выражаетъ идею справедливости, нравственное понятіе, „право" же, по заявленію юристовъ, представляетъ нѣчто особое—великое-великое, но въ высшей степени неуловимое.—Какъ можетъ быть великимъ и основнымъ то, безъ чего можно было построить зданіе нравственно-политической науки, лежащей въ основѣ современнаго мышленія? Или Аристотель и Платонъ были слѣпы,—но тогда, какъ могло выстоять два тысячелѣтія ихъ зданіе? Или, если это зданіе—вѣчное, не ошибаемся ли мы, внося сюда продукты нашего воображенія?—Не означаетъ ли „право" какого-либо понятія, составляющаго необходимое послѣдствіе или implicite включеннаго въ одно изъ понятій, извѣстныхъ греческимъ творцамъ нравственныхъ и политическихъ наукъ? Если языкъ нашъ выработалъ новое понятіе-слово („право"), это еще не значитъ, чтобы онъ глубже взглянулъ на дѣло, чѣмъ это дѣлалъ языкъ греческій и основатели наукъ нравственныхъ и политическихъ. Основныя понятія могли остаться тѣ же, что были и прежде, а языкъ лишь выдѣлилъ одинъ изъ элементовъ какого-либо стараго основнаго понятія, и элементъ этотъ не можетъ вытѣснить стараго основнаго понятія, а остается по прежнему на второмъ планѣ. Идея, напр., нравственнаго долга или обязанности не выдѣлялась такъ ясно, какъ въ современныхъ нравственныхъ доктринахъ (Кантъ*) даже думалъ, что это понятіе совсѣмъ не было извѣстно грекамъ), но и послѣ того какъ идея эта нашла себѣ, кромѣ implicit'наго или описательнаго выраженія, выраженіе прямое въ доктринѣ, она осталась въ зависимости отъ другого понятія—понятія категорическаго императива, нравственной нормы, или какъ иначе. Мы анализировали старое понятіе, но не измѣнили іерархіи его. И если Аристотель и Платонъ, излагая свои нравственно-политическія доктрины, выставляли основными понятіями государство и законъ (что видно уже изъ названій ихъ работъ), то измѣнилось ли что-либо въ относительномъ значеніи нашихъ основныхъ понятій съ того времени, какъ мы ввели въ ихъ кругъ понятія легальнаго права и обязанности?

Ниже мы увидимъ, что, какъ это часто происходитъ (M. Muller, S. of Th., 95), значеніе термина „право" вначалѣ было гораздо болѣе правильнымъ и естественнымъ, чѣмъ оно сдѣлалось въ позднѣйшее время, и вообще въ сохранившемъ свою чистоту народномъ языкѣ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ въ языкѣ ученыхъ юристовъ.

*) Не знавшій греческаго языка.

Если понятія наши такъ тѣсно связаны съ языкомъ, то происхожденіе и ростъ ихъ, вмѣстѣ съ происхожденіемъ и ростомъ всей человѣческой мысли, не должны болѣе изучаться чисто теоретически, абстрактно и à priori, а сдѣлаться предметомъ историческаго изученія, покоющагося на фактахъ, именно на фактахъ языка (M. Müller, op. c., 81). Если слова—знаки нашихъ понятій,—языкъ есть истинная исторія человѣческаго духа, а исторія языка—исторія науки (Whewell, Nov. Organon Renovatum, 355, aphorism XXV; M. Müller, op. c., 77...83 и др). „Образованіе общихъ названій, абстрактныхъ понятій, предложеній и силлогизмовъ, вообще всего, что мы называемъ работою разума, должно въ будущее время *изучаться въ языкѣ*..... Каждый изъ безчисленныхъ языковъ, покрывающихъ землю, представляетъ собою наслоеніе въ ростѣ мысли, которое должно быть изслѣдовано. Каждое слово есть образчикъ, памятникъ человѣческой мысли, который долженъ быть анализированъ и истолкованъ“ (M. Müller, op. c., 84).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для анализа нашихъ понятій получаетъ огромное значеніе указанное выше положеніе, что единицею мысли служитъ не слово, взятое въ отдѣльности, а предложеніе, и что понятіе поэтому всегда носитъ на себѣ печать незаконченности,—оно не выражаетъ нашей мысли, а лишь служитъ для ея выраженія. Пока нѣтъ предложенія, нѣтъ и мысли. Терминъ въ родѣ „право“ пріобрѣтаетъ значеніе лишь потому, что мы, не замѣчая этого, вставляемъ его въ какое-либо предложеніе, или противопоставляемъ (т. е. опять таки образуемъ предложеніе) его другому какому-либо понятію. Отъ различной апперцепціи этого слова зависитъ и неодинаковость его роли и значенія. При апперцепціи мы всегда *дополняемъ* и *объясняемъ* данное воспріятіе (слово „право“) наличнымъ, хотя бы самимъ незначительнымъ запасомъ другихъ (Потебня, Мысль и языкъ, 115) Разумѣется, что апперцепція часто состоитъ въ видоизмѣненіи апперципируемаго. Это бываетъ часто результатомъ неуравновѣшеннаго воспитанія, а потому малообразованный человѣкъ иногда относится къ явленіямъ жизни правильнѣе и непосредственнѣе, не переиначивая ихъ, чѣмъ человѣкъ культурный. Если поэтому одному „право“ кажется великимъ-великимъ общественнымъ или культурнымъ явленіемъ, какъ Донъ-Кихоту, подъ вліяніемъ его восторженной натуры и рыцарскихъ романовъ, крылья вѣтряныхъ мельницъ казались мечами гигантовъ, а стадо овецъ—непріятельскимъ войскомъ, то оруженосцу его, простодушному Санчо, ничего не было видно, кромѣ мельницъ и барановъ.

Глава VII.

Измѣнчивость значенія „понятій—словъ".

„Говоря словами Гумбольта, «никто не думаетъ при извѣстномъ словѣ именно того, что другой». Потебня, Мысль и языкъ, 1892, стр. 134.

„Обыкновенно человѣкъ во-все не видитъ разницы между значеніемъ, какое онъ соединялъ съ извѣстнымъ словомъ вчера, и какое соединяетъ сегодня, и только воспоминаніе состояній, далекихъ отъ него по времени, можетъ ему доказать, что смыслъ слова для него мѣняется". Потебня, ibidem, 91.

„Въ значеніи словъ постоянно происходитъ перемѣна; и нашъ умъ, если только мы станемъ внимательно наблюдать его, есть постоянная сцена самыхъ удивительныхъ преобразованій". M. Müller, The Sc. of Thought, 513.

Въ основѣ значенія словъ лежитъ ассоціація идей: сложная идея внѣшней формы слова (представленіе самого слова, состоящее изъ акустическихъ и моторныхъ представленій; звуковой образъ слова и представленіе тѣхъ движеній органовъ рѣчи, которыя необходимы для его произнесенія) связана ассоціаціей по смежности съ другой идеей—понятіемъ, означаемымъ посредствомъ даннаго слова, или *значеніемъ* этого послѣдняго („семемой" по выраженію проф. Будиловича). *)—Въ виду двойственнаго характера языка, относящагося какъ звукъ къ міру физическому, и какъ выраженіе мысли къ міру явленій духа, онъ даетъ намъ много неразрѣшимыхъ вопросовъ. „Какимъ образомъ внутренній процессъ завершается внѣшнимъ, звукомъ, мы этого такъ же не можемъ объяснить, какъ и того, какимъ образомъ внѣшніе процессы, возбуждающіе насъ, обращаются во внутреннія, ощущенія". (Gerber, die Sprache und das Erkennen, 10, 11). Равнымъ образомъ не можемъ мы объяснить, какъ установился тотъ

*) См. „Семасіологія" пр. Булича въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза, стр. 422, кн. 57. Зѣлинскій, ор. с., 644, 645. Воп. Фил. и Псих., кн. 62, 1902 г.

или иной типъ языка, ни какъ образовалась связь звуковой оболочки слова съ его значеніемъ. Все это вопросы, тожественные съ неразрѣшимымъ вопросомъ о происхожденіи языка вообще. „У насъ эта связь устанавливается при изученіи родного языка путемъ перенимания его отъ взрослыхъ еще во время дѣтства („Семасіологія", ibidem), при чемъ рука объ руку съ усвоеніемъ языка идетъ и ознакомленіе съ окружающимъ міромъ. Обыкновенно мы воспринимаемъ одновременно и словесное представленіе, и понятіе, *) ему отвѣчающее, благодаря чему между ними и возникаетъ прочная ассоціація по смежности.....При усвоеніи родного языка нерѣдко ребенокъ усваиваетъ слово въ болѣе широкомъ или болѣе узкомъ его значеніи, или самъ придаетъ ему общее значеніе вмѣсто частнаго, и наоборотъ. Такъ, усвоивъ слово *арбузъ* въ значеніи шарообразнаго плода, ребенокъ легко можетъ называть *арбузомъ* и другіе шарообразные предметы (шаръ на лампѣ, и т. д.) Точно также можетъ случиться, что ребенокъ узнаетъ сначала слово *трубка* только въ узкомъ значеніи прибора для куренія табаку, а съ его общимъ значеніемъ ознакомится лишь впослѣдствіи. Со временемъ, по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія со всѣми случаями употребленія данныхъ словъ, эти неправильности сглаживаются и исчезаютъ. Совершенно такія же уклоненія отъ объема и содержанія первоначальнаго понятія наблюдаются и въ тѣхъ случаяхъ расширенія или съуженія первичнаго значенія, какіе происходятъ въ исторіи языковъ. Одни слова съуживаются въ своемъ значеніи, другія расширяются, и къ этому сводятся всѣ семасіологическіе процессы. Такъ какъ слово есть только вполнѣ условный знакъ извѣстнаго понятія (исключеніе составляютъ немногочисленныя звукоподражательныя имена, въ родѣ кукушка—нѣм. Kuckuk, фр. coucou, англ. cuckoo, итал. cuculo, лат. cûculus, кимр. корн. cog, древне ирл. cuach, санскр. kokila), связанный съ послѣднимъ одной ассоціаціей по смежности, то значеніе его можетъ измѣняться (съуживаться или расширяться) вполнѣ безпрепятственно. Даже очевидное происхожденіе слова не можетъ служить помѣхой тому, чтобы оно было примѣнено къ обозначенію совершенно не подходящаго понятія: *чернилами* называется не только черная, но и красная, синяя, зеленая жидкость, служащая для писанія; гусиное *перо* давно уже замѣнилось металлическимъ, стекляннымъ; современныя пушки *стрѣляютъ* не стрѣлами, а ядрами, коническая форма которыхъ совсѣмъ не напоминаетъ круглаго ядра орѣха; *конки* дѣйствуютъ теперь не только силой лошадей, но и силой пара (*паровая* конка) или электричества (*электрическая* конка), и т. д.

*) Ihren Ausgangspunkt nehmen die Begriffe von sinnlichen Anschauungen (Wundt, Sprache, II, 457; Delbrück, Grunfragen der Sprachforschung, 41).

Измѣненія въ значеніи, равно какъ и въ звуковой формѣ словъ, неизбѣжный фактъ, съ которымъ приходится считаться въ каждой отрасли философіи. „Слова, какъ мы находимъ ихъ въ словаряхъ, являются какъ бы муміями; слова, какъ они живутъ въ языкѣ каждаго послѣдующаго поколѣнія, суть ихъ живые потомки, и пока они живутъ, они живутъ единствомъ звука и значенія, и тѣмъ постояннымъ, но незамѣтнымъ измѣненіемъ какъ въ звукѣ такъ и въ значеніи, которое составляетъ истинную жизнь и развитіе языка“ (M. Müller, The science of thought, 56).

Полученное путемъ анализа предложенія, слово пріобрѣтаетъ для насъ значеніе лишь потому, что, слыша его, нашъ умъ возстановляетъ тѣ ассоціаціи, въ составѣ которыхъ намъ приходилось встрѣчать прежде это слово. Мы вставляемъ его въ рамки того или иного предложенія, возсоздаемъ опять то цѣлое, изъ анализа котораго получилось данное слово.

Вообще ученіе о томъ, что единицею рѣчи является фраза, имѣетъ необыкновенно важное значеніе въ пониманіи языка и въ пользованіи имъ. Только оно даетъ намъ возможность идти рука объ руку съ народнымъ мышленіемъ и находить въ немъ коррективъ своему личному мышленію.

„Психологической единицей (Зѣлинскій: „В. Вундтъ и психологія языка“, стр. 555, Воп. Филос. и Псих., 1902, кн. 61) рѣчи является единое, но сложное представленіе, соотвѣтствующее предложенію; дѣятельность говорящаго по отношенію къ этому представленію—аналитическая: онъ расчленяетъ его на его составныя части, выражая каждую въ формѣ одного слова. Въ противоположность къ нему дѣятельность слушающаго (или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, смотрящаго или читающаго) синтетическая: онъ долженъ изъ сообщенныхъ составныхъ частей воспроизвести сложное представленіе.“

Обычное опредѣленіе предложенія какъ „соединенія“ словъ или „соединенія“ предложеній (см. Зѣлинскій, ор. c., Воп. Фил. и Пс., 1902, кн. 62, стр. 636)—неправильно: оно „прямо противоположно дѣйствительному психологическому (психическому?) процессу, результатомъ котораго является предложеніе. Оно заставляетъ насъ предполагать, что „соединенныя представленія“ до соединенія существовали въ сознаніи порознь; а между тѣмъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Когда я говорю „крестьянинъ коситъ траву“—мой слушатель, конечно, долженъ путемъ соединенія этихъ трехъ единичныхъ представленій составить себѣ картину, которую я имѣю въ виду; но въ моемъ сознаніи—все равно, вижу ли я косящаго крестьянина, или вызываю его образъ въ своей памяти—эта картина существуетъ одновременно. Итакъ, въ чемъ же состоитъ психологи-

ческій (?) процессъ въ моемъ сознаніи?. Прежде всего отдѣльныя, но одновременныя ощущенія—зеленая трава, пестрые цвѣты, человѣкъ, коса, солнце, небо, облака и т. д.—склацываются въ общую картину; при этомъ воля не участвуетъ, это актъ ассоціаціонный. Затѣмъ я рамкой вниманія выдѣляю изъ этой общей картины ту, которая меня интересуетъ—косящаго крестьянина: это уже актъ волевой, такъ наз. апперцепція. Затѣмъ я, путемъ анализа, разлагаю это совокуное представленіе на его три составныя части; этотъ анализъ, разумѣется, тоже апперцепціонный актъ. Закончена ли этимъ психологическій (?) процессъ? Нѣтъ: иначе я бы сказалъ „крестьянинъ коситъ трава", а не „коситъ траву". Итакъ, четвертымъ актомъ будетъ установленіе отношенія между тѣми частичными представленіями, которыя обнаружены анализомъ. А затѣмъ, путемъ послѣдовательныхъ комплікаціонныхъ ассоціацій, представленіе понятія вызоветъ представленіе слова, представленіе слова—представленіе его артикуляціи, и психологическій (?) процессъ перейдетъ въ физіологическій".

„Итакъ, еще разъ: что такое предложеніе? Мы отвѣтимъ по Вундту (die Sprache, II, 240): „выраженное средствами языка произвольное *расчлененіе* совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическое отношеніе другъ къ другу", при чемъ слово „произвольное" придется принимать, разумѣется, не въ нравственномъ, а въ психологическомъ значеніи. Дѣйствительно, по мнѣнію Вундта, этотъ анализъ (расчлененіе) характеризуетъ человѣческое сознаніе въ противоположность сознанію животныхъ; въ сравненіи съ нимъ даже членораздѣльная рѣчь составляетъ пріобрѣтеніе второстепеннаго характера" (Зѣлинскій, ibid., 637).—Это расчлененіе совокупнаго представленія на части есть расчлененіе умственное и не всѣми народами производится одинаково. Китаецъ, напр., расчленяетъ очень часто совсѣмъ не такъ, какъ мы; въ этомъ причина большихъ различій въ общемъ строѣ рѣчи.

Фраза возникаетъ благодаря ряду послѣдовательныхъ расчлененій. *) „Апперцепціонные акты, какъ совершающіеся (Зѣлинскій, op. c., 637, 638) съ участіемъ вниманія, могутъ быть только послѣдовательны, а не одновременны; анализъ совокупнаго представленія, поэтому, тоже придется разбить на послѣдовательные акты, каждый

*) Ср. Сѣченовъ, „Психологическіе этюды", 1873, стр. 200 и сл.: „смотрю я, напр., на дерево, и изъ общаго впечатлѣнія выдѣлился въ сознаніи цвѣтъ его листьевъ—выраженіемъ этого расчлененія являются два условныхъ знака *„дерево зелено"* Вижу я далѣе, что дерево лежитъ на землѣ; въ этой цѣльной картинѣ выяснены четыре элемента: дерево, его положеніе, земля и касаніе дерева съ землей, стоитъ только нарисовать эту каргину на бумагѣ, и всякій убѣ-

изъ которыхъ будетъ *раздвоеніемъ* предшествующаго сложнаго представленія. Такъ во взятомъ выше примѣрѣ совокупная картина разбивается прежде всего на двѣ составныя части, центральную личность и ея дѣйствіе: „крестьянинъ—коситъ"; затѣмъ дѣйствіе—на его актъ и его предметъ: „коситъ—траву"; затѣмъ, если это нужно подчеркнуть—на актъ и орудіе „коситъ—косой"; наконецъ, каждое изъ названныхъ частичныхъ представленій—на самый предметъ и его свойство: „молодой—крестьянинъ", „быстро коситъ", „зеленую—траву", „острой—косой".....

Путемъ расчлененія совокупнаго представленія возникаютъ частичныя представленія, а путемъ расчлененія предложенія (соотвѣтствующаго, какъ сказано, совокупному представленію) возникаютъ *слова*. Расчлененіе предложенія не всѣми людьми производится одинаково. Это особенно очевидно при сравненіи нашего языка съ языками не-арійскими. Поэтому и продукты расчлененія не могутъ совпадать между собою и въ отношеніи къ представленіямъ. Усваивая языкъ народа, среди котораго мы живемъ, мы привыкаемъ подчиняться тѣмъ расчлененіямъ, которыя дѣлаетъ онъ. Но, вполнѣ исключить индивидуальность мы не можемъ. Поэтому, пользуясь одними и тѣми же словами, разные люди, въ различныхъ случаяхъ, связываютъ съ ними неодинаковыя представленія.

Пользуясь, напр., словомъ „животное", различные люди, въ различныхъ обстоятельствахъ жизни и въ зависимости отъ степени своего развитія, соединяютъ очень различныя представленія. Одинъ считаетъ это слово названіемъ того, что дышетъ; другой связываетъ съ нимъ неприкрѣпленность къ мѣсту и свободу движенія; третьи прибавляютъ къ движенію чувствованіе; натуралисты, въ различные эпохи, соединяли съ нимъ также неодинаковыя представленія (ср. Сѣченовъ, ор. с., 6с).

Самое выдѣленіе слова въ нѣчто самостоятельное и надѣленіе его въ такомъ видѣ какимъ-либо „общимъ понятіемъ" есть искусственная операція. Слова живутъ лишь въ рѣчи. Это видно, между прочимъ, на исторіи значенія словъ. Названія вещей сводятся къ обозначенію одного изъ его признаковъ, хотя бы и совсѣмъ не существеннаго, но почему-либо бросившагося въ глаза (напр., птица

дится, что дѣло опредѣляется дѣйствительно четырьмя элементами, и что всѣ они, въ смыслѣ частей картины, однозначущи другъ съ другомъ. Звуковой фотографическій снимокъ съ картины будетъ „*дерево лежитъ на землѣ*"—опять четыре члена, соотвѣтственно четыремъ опредѣляющимъ элементамъ картины"..... „Рѣчь представляетъ родъ звуковой фотографіи, которою воспроизводится, при посредствѣ опредѣленныхъ..... знаковъ, *расчлененность представленій*".

снѣгирь, т. е. прилетающая вмѣстѣ съ первымъ снѣгомъ).*) Остальные признаки мы вносимъ сюда благодаря соозначенію; и изъ совокупности ихъ составляемъ „общее понятіе". Какъ только мы пускаемъ его въ ходъ, т. е. пользуемся имъ въ рѣчи, такъ и замѣчаемъ, что въ различныхъ случаяхъ его употребленія выплываютъ наверхъ неодинаковые признаки.

„Синица", напр., названа такъ благодаря одной примѣтѣ—синему цвѣту. Съ теченіемъ времени болѣе яркія примѣты, какъ господствующія, уступаютъ мѣсто болѣе существеннымъ (ср. Зѣлинскій, ор. с., кн. 62, стр. 650)". Такъ въ нашемъ примѣрѣ—синицѣ—мѣсто первоначальной яркой примѣты, синяго цвѣта, заняла болѣе существенная, построеніе тѣла; такъ въ понятіи „государство" представленіе государя смѣнилось представленіемъ политической самостоятельности.....; въ силу этихъ переходовъ мы называемъ черноголовку синицей, Францію—государствомъ....., хотя они подъ первоначальное значеніе этихъ наименованій вовсе не подходятъ" (Франція не имѣетъ государя).

При употребленіи въ рѣчи слова мѣняютъ свое значеніе. Одинъ разъ выдвигается на первое мѣсто одинъ, другой разъ—другой признакъ. Слово „государство", напр., вызываетъ различныя господствующія представленія, смотря по тому, чему оно противополагается въ рѣчи,—„провинціи", „личности", „церкви", „обществу", „народу"..... Представленія, вліяющія на измѣненіе этого понятія, могутъ или находиться въ томъ же предложеніи, или не находиться въ немъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣйствіе вблизи, во второмъ—дѣйствіе издали (Ср. Зѣлинскій, ор. с., кн. 62, стр. 651, Wundt, die Spr., II, 496). Въ одномъ случаѣ слово „государство" будетъ прикрывать одно, въ другомъ—иное понятіе: они имѣютъ много общихъ элементовъ, но расположены они неодинаково, и играютъ разную роль.**)

Такія колебанія въ значеніи происходятъ всегда. „Обстоятельства, вліяющія на измѣненіе значенія словъ, всегда есть: каж-

---

*) Ср. „Семасіологія" (сл. Брокгауза, стр 423, кн. 57). Потебня „Мысль и языкъ", стр. 147, 142: „предметы называются въ языкѣ каждый по одной изъ примѣтъ, взятой изъ совокупности остальныхъ: *рѣка*—текущая..... *берегъ*—охраняющій, берегущій..... *небо*—покрывающее, *туча*—изливающая, *трава*—пожираемая, служащая кормомъ, и т. д..... *Быкъ*—ревущій, *волкъ*—рѣжущій, *медвѣдь*—ѣдящій медъ, *пчела*—жужжащая и пр.....

**) Примѣръ изъ Wundt'a „die Sprache", II, 497 496: слово Land, имѣетъ различное значеніе, смотря по тому, чему оно противополагается. Если Land противополагается Wasser или Meer, оно означаетъ земную поверхность; если слову Stadt, указываетъ мѣсто жительства: auf dem Lande значитъ въ деревнѣ; есл

дое слово принимаетъ въ отдѣльномъ случаѣ опредѣленную окраску въ зависимости отъ того, что его окружаетъ" (Wundt, Sprache, II, 496).

Всѣ тѣ слова, которыми мы пользуемся такъ часто въ юриспруденціи (напр., государство, законъ, право, юридическій, политическій, гражданскій...), не имѣютъ и не могутъ имѣть всегда одного и того же значенія: всегда есть колебанія въ ихъ значеніи въ различныхъ случаяхъ ихъ употребленія. Это всегда нужно имѣть въ виду.

Въ мышленіи и языкѣ мы имѣемъ дѣло не съ неизмѣнными объектами (bleibende Objecte), а съ измѣнчивыми процессами (veränderliche Vorgänge *). Неизмѣннымъ можетъ оставаться лишь звуковой или оптическій комплексъ взятаго отдѣльно слова. Но, отдѣльными словами мы не говоримъ: они искусственный результатъ анализа. Единицею мысли служитъ предложеніе. И въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ употребленія слова оно находитъ себѣ своеобразное примѣненіе (eine veränderte Anwendung). То, что мы называемъ связаннымъ съ нимъ понятіемъ или представленіемъ **), есть измѣнчивый процессъ, а не вѣчно остающійся постояннымъ предметъ. Одно и то же слово не можетъ связываться съ одними и тѣми же представленіями и чувствами у различныхъ людей ***): для этого нужно было бы, чтобы каждый изъ нихъ былъ абсолютной копіей другого. Оно не можетъ связываться съ одними и тѣми же представленіями и чувствами даже для одного и того же человѣка, такъ какъ мы мѣняемся внутренне въ каждую минуту (tempora mutantur et nos mutamur in illis...).

Психологически слово представляетъ довольно сложное явленіе (см. Зѣлинскій, ibid., 644). Возьмемъ любое слово—„дерево", напр.; „для насъ съ вами это слово „дерево" слагается изъ шести отдѣльныхъ психическихъ элементовъ: 1) *зрительнаго* представленія настоящаго дерева съ его стволомъ, вѣтвями и листвой; 2) того особаго чувства пріятной свѣжести, которымъ сопровождается это представленіе; 3) *слухового* представленія произнесеннаго слова „дерево" какъ комплекса *звуковъ* д, е, р, е, в и т. д.; 4) *моторнаго* представленія артикуляціи этого слова мускулами *рта*; 5) *зрительнаго* представленія на-

---

слову Volk, означаетъ страну, мѣсто поселенія, государство. Разумѣется, что эти измѣненія значенія вращаются вокругъ одного и того же основного значенія, не имѣющаго, однако, рѣзкихъ контуровъ.

*) W. Wundt, Die Sprache, II, 490.

**) Объ отношеніи другъ къ другу „представленій" (Vorstellungen, Percepts) и „понятій" [Begriffe, Concepts] и о тождественности иногда этихъ терминовъ см. M. Müller, The Science of Thought, стр. 2, 20, 17.

***) Мы должны не забывать, что „разобщеніе области мысли и чувства есть разобщеніе искусственное, что мысли могутъ быть не только познанными, но и „ощущаемыми" и считаться съ категоріей „интеллектуальныхъ эмоцій"... (Батюшковъ: „Въ борьбѣ со словомъ", l. c., 218).

писаннаго или напечатаннаго слова „дерево“ въ составѣ его *буквъ* д, е, р, и т. д.; 6) *моторнаго* представленія изображенія этого слова мускулами *руки*.—Говорю „для насъ съ вами“, т. е. для всѣхъ нормальныхъ грамотныхъ людей; но, кромѣ того, у каждаго изъ насъ могутъ быть и побочные элементы, связанные съ представленіемъ нашего слова. Такъ, если я подъ деревомъ простился съ дорогимъ человѣкомъ, то представленіе этого прощанія можетъ возникнуть самопроизвольно при представленіи самого дерева, оттѣняя и сопровождающее его чувство чувствомъ грусти“.

„...Мы должны имѣть (ibid.) въ виду, что всѣ эти элементы связаны между собою ассоціаціями, но—и это очень важно—не одинаковой силы. Такъ, № 5 естественно вызываетъ № 1, для этого онъ, вѣдь, и существуетъ,—но не наоборотъ: не всегда я могу прочесть слово „дерево“, не думая при этомъ о дѣйствительномъ деревѣ, но, наоборотъ, отлично могу представить себѣ дерево, не думая при этомъ, какъ соотвѣтственное слово пишется. Мало того: сравнительное значеніе обоихъ главныхъ элементовъ этого комплекса—№ 1 и 3 – не одинаково для различныхъ словъ; такъ, если у меня есть братъ Владиміръ, то въ моемъ воображеніи будетъ господствовать элементъ № 1, т. е. онъ самъ въ составѣ своихъ физическихъ и психическихъ особенностей; я буду представлять его себѣ, какъ личность, въ большинствѣ случаевъ и не думая о томъ, что его зовутъ Владиміромъ. Иначе обстоитъ дѣло со словомъ „дерево“: тутъ очень часто представленіе слова можетъ замѣнить представленіе самого предмета. Что же касается такихъ словъ, какъ „справедливость“, то вслѣдствіе различнаго вида подходящихъ подъ это понятіе дѣйствій представленіе слова получаетъ полное господство надъ представленіемъ самой вещи. Итакъ, въ процессѣ молчаливаго мышленія, всегда предшествующаго процессу говоренія и могущему происходить независимо отъ него, представленіе слова „Владиміръ“ будетъ отсутствовать вовсе, будучи замѣщено представленіемъ человѣка, этимъ именемъ нареченнаго; представленіе слова „дерево“ будетъ встрѣчаться въ перемежку съ представленіемъ предмета; представленіе же слова „справедливость“ будетъ возникать всякій разъ, когда мнѣ понадобится соотвѣтствующее понятіе. Другими словами: представленіе слова „справедливость“, какъ необходимое, окажется лучше всего затвержденнымъ, вслѣдъ за нимъ представленіе слова „дерево“ и хуже всего—представленіе слова „Владиміръ“. Вотъ почему лица, страдающія прогрессирующей амнесіей, начинаютъ съ того, что Владиміра зовутъ Василіемъ, Дмитріемъ или „какъ тамъ тебя“, продолжаютъ тѣмъ, что дерево называютъ шестомъ, тычинкой или „тѣмъ, что растетъ“, и до самаго конца удерживаютъ въ своей памяти справедливость и однородныя съ нею слова“.

Роль слова мѣняется, слѣдовательно, въ зависимости отъ нормальности или ненормальности (относительныя понятія: можно сказать—нѣтъ нормальнаго человѣка, какъ нѣтъ здороваго), отъ неграмотности или грамотности (опять относительное понятіе) говорящаго или слушающаго, отъ „побочныхъ элементовъ“ интеллектуальнаго или эмоціональнаго характера, связанныхъ съ нимъ, отъ взаимнаго отношенія составныхъ психическихъ элементовъ слова, отъ настроенія, времени и массы другихъ обстоятельствъ. Въ языкахъ различныхъ структуръ роль слова чрезвычайно различна: въ нѣкоторыхъ нельзя говорить совсѣмъ о словахъ въ нашемъ индо-европейскомъ смыслѣ. Въ этихъ послѣднихъ языкахъ процессъ расчлененія предложенія на слова „распространяется также и на слова, и ведетъ къ установленію въ нихъ двоякаго рода элементовъ—*основныхъ* и *формальныхъ*“ (Зѣлинскій, ibid., 646). “Такъ, въ фразѣ „крестьянинъ коситъ траву“ мы легко сознаемъ, что самое представленіе кошенія какъ таковаго ассоциируется только съ частью *кос*—, между тѣмъ какъ часть—*итъ* опредѣляетъ только отношеніе этого дѣйствія къ крестьянину, какъ его подлежащему. Итакъ, *кос-* будетъ основнымъ, а *-итъ*—формальнымъ элементомъ слова *косить*, различіе это—совершенно другое, чѣмъ извѣстное изъ грамматики различіе понятій корень, суффиксъ, основа, окончаніе и т. д., послѣднія принадлежатъ къ области грамматики и психологіи не интересуютъ. Психологія не касается того, что для сознанія неощутимо, пусть тысячу разъ корнемъ слова память будетъ *мен*—для сознанія этотъ корень неощутимъ и психологія съ нимъ не считается“ *)

---

*) Формальный элементъ въ арійскихъ языкахъ служитъ, напр., для выраженія идеи множественности и совокупности „закон-ы“, „закон о-дат-ель-ств о“. См. „Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“ А. Потебни („Филологъ Записки“, Воронежъ, 1888, и отд. изд. 50 коп.). Присоединеніе словъ „совокупность“ или „Inbegriff“ для этого является часто совершенно излишнимъ. Вставка лишнихъ словъ вообще играла и играетъ весьма часто дурную роль въ мышленіи. „Одно слово, говоритъ Джевонсъ (Основы науки, 212), производило иногда „магическое дѣйствіе“ и „приводило въ помраченіе“ самые ясные умы.“ За каждымъ вновь созданнымъ или вставленнымъ субстантивомъ люди стремятся искать и особаго факта, предмета или явленія, и научный міръ исконно населяется разными „силами“, „способностями“ и „явленіями“, имѣющими къ нему такое же отношеніе, какъ и колдуны съ вѣдьмами, въ смыслѣ силъ, участвующихъ въ направленіи хода явленій. За словами—сопротивленіе, сила, инерція, моментъ, матерія, искали различныхъ фактовъ. There is a difficulty in satisfying men's minds that Resistance, Force, Inertia, Momentum, Matter, are all one fact, говоритъ Bain (Logic, II, 389). Также и со словами движеніе, послѣдовательность, направленіе, положеніе, разстояніе, протяженіе (ibid.). Или, напр., въ ученіи о причинности вставляли между предшествующимъ и послѣдующимъ слово power (сила) и искали чего-то особаго, ему соотвѣтствующаго, тогда какъ фактъ оста-

Основной элементъ слова служитъ носителемъ представленія, того „значенія“, которое мы приписываемъ слову (Зѣлинскій, ibid., 647). Въ свойствахъ основного элемента лежитъ и психологическая основа измѣненія значенія словъ.

Чтобы выяснить себѣ это, возьмемъ „возможно конкретный и прозрачный случай (Зѣлинскій, 647, 648). Передъ моими глазами мелькнула птичка, возбудившая мое вниманіе яркимъ цвѣтомъ своихъ перьевъ; ей готово имя—синица. Что же, въ сущности, произошло? Въ нашей птичкѣ много различныхъ примѣтъ, какъ постоянныхъ (такой-то клювъ, такія-то ножки и т. д.), такъ и перемѣнныхъ (она то порхаетъ, то летаетъ, то щебечетъ, то ловитъ мушекъ и т. д.), но поводомъ къ наименованію послужила только одна изъ нихъ; почему? Потому что въ данную минуту эта примѣта была „господствующей“. Это обстоятельство находится въ связи съ двумя свойствами нашей умственной природы, которыя Вундтъ называетъ „единствомъ“ апперцепціи и ея „узостью“. Въ силу единства апперцепціи выдѣленный

точно установлялся однообразнымъ слѣдованіемъ антецедента и его послѣдствій (ibid.). Или, при одномъ и томъ же фактѣ употребляли удвоеніе словъ (a duplication of words), напр.—„перцепція матеріи“ (perception of matter; аналогично этому „право собственности“) и искали *двухъ* фактовъ (ibid.). Ср. еще M. Müller, The sc. of Th., 17.—Вообще роль формальныхъ элементовъ слова, равно какъ и суффиксовъ, чрезвычайно важна въ языкѣ. При ихъ помощи люди удовлетворяютъ потребности выражать множество идей, не прибѣгая къ особымъ словамъ, напр.: внѣшнюю окраску представляемаго дѣйствія въ залогѣ и видѣ, отношеніе дѣйствія къ говорящему въ наклоненіи, пріуроченіе его къ извѣстному времени, единство или множественность, и множество другихъ абстрактныхъ идей. Суффиксъ, напр., служитъ часто настоящимъ собирательнымъ именемъ (plum—age, feuill—age...). „Создать настоящія слова, не имѣющія сами по себѣ особаго существованія, никакой независимости и никакой индивидуальности, слова, никогда не изолируемыя языкомъ, живущія лишь въ хвостѣ простыхъ словъ и являющіяся все-таки носителями общихъ идей,—вотъ удивительный результатъ, котораго достигаютъ языки, создавая суффиксы“. (Darmesteter, La vie des mots, 24). Не пользоваться этими свойствами языка и прибѣгать къ искусственнымъ выраженіямъ для передачи какой-либо идеи (напр., Inbegriff der Gesetze вмѣсто „Laws“, „законы“, „законодательство“, „les lois“...) тамъ, гдѣ языкъ располагаетъ болѣе простыми средствами, значитъ не знать языка, открывать открытую Америку, изобрѣтать изобрѣтенный порохъ. Если для выраженія ряда дѣйствій, необходимыхъ для того, чтобы очистить платье, мы имѣемъ слово „чистка“, намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ болѣе сложнымъ выраженіямъ; „глаженье“, „мойка“ или „мытье“ проще, чѣмъ „совокупность дѣйствій, нужныхъ, чтобы выгладить, вымыть“, и т. п. Если „pomm—ier выражаетъ прекрасно то, что и Apfelbaum, намъ нѣтъ нужды говорить „arbre à pommes“; „—ier“ передаетъ уже идею дерева.

Что языкъ имѣетъ много несовершенствъ, это совершенно вѣрно. Но, что мы иногда не знаемъ всѣхъ его рессурсовъ и „снисходительны“ къ нему тамъ, гдѣ должны бы были быть лишь справедливыми по отношенію къ нему,—это также вѣрно. Въ языкѣ часто гораздо больше разума, чѣмъ это думаютъ.

рамкой вниманія предметъ всегда ощущается какъ нѣчто нѣлыное и единое, требующее единаго наименованія: въ силу ея узости изъ всѣхъ примѣтъ предмета только одна дѣлается непосредственнымъ объектомъ вниманія, почему наименованіе и дается исключительно по ней. Если теперь обозначить постоянныя свойства предмета буквой A, а перемѣнныя буквой X, то формула A+X будетъ обозначеніемъ всего предмета, какъ единаго объекта нашей апперцепціи; но его наименованіе не ассоціируется непосредственно съ A+X, а съ господствующей примѣтой *d*, которая у синицы принадлежитъ къ постояннымъ: формулой наименованія (n) будетъ nd (A+X), при чемъ скобки означаютъ, что совокупность прочихъ примѣтъ отсутствуетъ въ сознаніи передъ господствующей.—Но, разъ наименованіе дано—оно относится безразлично ко всѣмъ примѣтамъ птицы; я говорю о клювѣ синицы, объ остовѣ синицы, о нѣніи синицы, совершенно не думая о ея синемъ цвѣтѣ. Господствующая примѣта d (синій цвѣтъ) отходитъ въ число прочихъ примѣтъ A+X и съ ними стушевывается, а вмѣсто нея выдѣляется каждый разъ новая господствующая примѣта d_1 (клювъ), d_2 (остовъ), d_3 (голосъ). Теперь ясно, что каждая изъ этихъ новыхъ господствующихъ примѣтъ можетъ подать поводъ къ новой ассоціаціи; и дѣйствительно, мы въ настоящее время обнимаемъ общимъ наименованіемъ *синицы многихъ птицъ*, имѣющихъ съ первоначальной синицей („лазаревкой") общее построеніе тѣла, но не цвѣтъ; мало того, синицей преимущественно мы называемъ черноголовку (какъ самую распространенную), на которой нѣтъ ни одного синяго пера*). Это доказываетъ, что первоначальная господствующая примѣта d окончательно отошла въ группу примѣтъ A+X и затерялась въ ней, между тѣмъ изъ этой группы выдвинулась новая примѣта d_1, которая стала господствующей и дала поводъ къ новымъ ассоціаціямъ".

Слово „право", на ряду съ родственными (правый, правильный, правда, справедливость) есть также сложное явленіе, связанное со множествомъ признаковъ или элементовъ. Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ общи ему и родственнымъ ему словамъ, особенно въ иностранныхъ языкахъ, гдѣ das Recht въ противоположность das Unrecht, или The Right (Правое) въ противоположность The Wrong**), становятся, въ виду нѣкоторыхъ подчеркиваемыхъ этими сопоставленіями примѣтъ, почти тождественными съ das Gerechte (справедливостью)

---

*) Подобно тому, какъ солдатъ (отъ итальянскаго soldato, отъ „soldo" особая монета) изъ человѣка, которому платятъ деньги, обратился въ человѣка, которому почти ничего не платятъ (по 1 коп. въ день приблизительно).

**) Псаломъ XVII: Herr, erhöre *die Gerechtigkeit*=hear *the right*: по-русски псал. XVI: услышь, Господи, *правду*... Стихъ 2=schaue du auf *das Recht*=да воз-

или Добромъ, Благомъ, Должнымъ, Правильнымъ, Справедливымъ. Такъ какъ, однако, идея правильнаго, праведнаго или справедливаго находитъ себѣ въ языкѣ прекрасное выраженіе въ словѣ Справедливость, то были безъ сомнѣнія другіе признаки, которые требовали себѣ особаго выраженія и создали слово „право". Въ исторіи и современномъ общемъ языкѣ слово „право" существуетъ для того, чтобы выразить идею *своего* права, своей выгоды, преимущества или доли свободы, обезпеченныхъ намъ законами морали или государства. Оно является, слѣдовательно, коррелятомъ нравственной или легальной обязанности. Въ этомъ его господствующій признакъ. Оно вызвано желаніемъ дать выраженіе противоположенію личности и ея интересовъ къ обществу или государству съ ихъ интересами (ср. Залѣскій, Ист. фил. пр., 119, 120*). Другіе элементы, вносимые въ это слово стараніями ученыхъ, остаются чуждыми общему языку. Понятіе совокупности нормъ совсѣмъ не свойственно этому слову въ общемъ языкѣ: для этого существуютъ другія выраженія. Понятіе же праведнаго или справедливаго имѣетъ себѣ выраженіе въ словѣ „справедливость".

Русское слово „право" способно мѣнять свое значеніе не столько вслѣдствіе измѣненія господствующей примѣты (противоположеніе его „обязанности"), сколько въ силу измѣненій въ одномъ изъ второсте-

зрятъ очи Твои на *правоту*. Пс. 11 (7)—Gerechtigkeit=русс. пс. 10,7 ст.—правда. Пс. 10 (18)—Recht schaffen=дать судъ (русс. пс. 9, ст. 39). Пс. 4, ст. 6—Gerechtigkeit=правда. Также пс. 4, ст. 2. Пс. 18, ст. 23—seine Rechte=его заповѣди (17, ст. 23). Пс. 19, ст. 10—Die Rechte=суды (18, ст. 10).

*) Маленькое недоразумѣніе въ этомъ мѣстѣ указанной работы „Понятіе о правѣ въ объективномъ смыслѣ", т. е. по-просту о государственно-принудительныхъ нормахъ (*νόμοι*) или нормахъ международныхъ (*τὰ κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα*, ср. Holland, Iurisp., 370), было извѣстно грекамъ. Ихъ *νόμοι* покрывало и юридическіе обычаи, а иногда и нравственныя предписанія даже. Равнымъ образомъ извѣстно было грекамъ и понятіе о „правѣ въ объективномъ смыслѣ" въ томъ его значеніи, которое отождествляетъ его съ das Gerechte (*τὸ δίκαιον*). Было также извѣстно имъ и представленіе объ общественномъ, равнымъ образомъ какъ и о государственномъ или нравственномъ порядкѣ. Ихъ *κόσμος* выражало эту идею на ряду съ другими (ср. Holland, op. c., Law as the order of the Universe, стр. 19,20). Всѣ эти понятія мы найдемъ еще въ санскритѣ. Безъ нихъ человѣкъ не былъ бы тѣмъ разумнымъ, государственнымъ и нравственнымъ существомъ, какимъ мы его знаемъ.—Въ современномъ французскомъ или нѣмецкомъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго прямо нашему голубой, однако французы и нѣмцы умѣютъ различать синее (blau, bleu foncé) и голубое (himmelblau, bleu clair); и изъ того, что у грековъ не было словъ для различенія зеленаго и синяго (glaukon и kuanon означаютъ оба какъ зеленое, такъ и синее), мы едва ли можемъ заключить, что артистическій глазъ ихъ, умѣвшій создавать картины, обманывавшія птицъ, не умѣлъ отличить цвѣта дерева въ листьяхъ отъ цвѣта неба (ср. Darmesteter, La vie des mots, 105).—Созданіе слова „право" было, конечно, прогрессомъ, но о заключеніяхъ, которыя можно сдѣлать изъ этого см. въ слѣдующихъ главахъ.

пенныхъ элементовъ: связи его съ тою или иною нормою дѣйствія. „Право“, когда нормою дѣйствія принимается государственный законъ, имѣетъ иное значеніе, чѣмъ когда нормою дѣйствія принимается нравственное предписаніе.—Но, юридическіе термины, въ родѣ „государства“ или „закона“, мѣняютъ свое значеніе весьма часто именно благодаря измѣненію господствующей въ нихъ примѣты.

Примѣромъ измѣненія значенія слова вслѣдствіе измѣненія господствующей примѣты и вызванной имъ новой ассоціаціи можетъ служить слово „pecunia“. По своему первоначальному значенію слово это равнялось нашему „скотъ“. Такъ какъ въ первобытномъ обществѣ скотъ былъ орудіемъ обмѣна, каковая роль перешла впослѣдствіи къ деньгамъ, то и самое слово „pecunia“ со временемъ стало обозначать „деньги“. Процессъ измѣненія, слѣдовательно, такой же, какъ и въ словѣ „синица“: вмѣсто (неизвѣстнаго намъ) первоначальнаго господствующаго представленія d, стало выдвигаться другое d_1 („орудіе обмѣна“), въ силу чего pecunia стало означать всякое орудіе обмѣна, между прочимъ деньги, и затѣмъ—только деньги (Зѣлинскій, l. c., 649). Или „другой болѣе родственный намъ и болѣе выразительный примѣръ—слово *борода* (ibid., 650). Его первоначальное значеніе, какъ показываютъ другіе индо-европейскіе языки (Bart, barba)—то, въ которомъ мы его употребляемъ нынѣ: волосы, покрывающіе нижнюю часть лица. По нѣмецки оно обозначаетъ также и плоскую часть ключа („бородку“), очевидно въ силу ассоціаціи по сходству и метафорическаго *) перехода: новое господствующее представленіе—плоскій наростъ на закругленномъ предметѣ. Но въ польскомъ языкѣ broda употребляется также въ значеніи „подбородокъ“—тутъ произошла ассоціація по смежности и метонимическое измѣненіе значенія“.

Слово „законъ“ изъ велѣнія власти или нормы дѣятельности человѣка измѣняется до значенія единообразія внѣшней природы, вслѣдствіе того, что признакъ универсальности и однообразія получаетъ доминирующее значеніе. Терминъ „государство“ потерпѣлъ прежде всего общее измѣненіе вслѣдствіе того, что представленіе государя смѣнилось представленіемъ политической самостоятельности **) (по общему закону, требующему, чтобы болѣе яркія примѣты уступали свое мѣсто съ теченіемъ времени болѣе существеннымъ), а потомъ подвергается и теперь измѣненіямъ частичнаго характера подъ

*) Метафора имѣетъ огромное значеніе въ мышленіи и языкѣ, но значеніе это не одинаково въ области изящной литературы и въ области науки. Въ первой она есть средство дать стилю блескъ, цвѣтъ, живописность, во второй она часто вредитъ правильности и точности мысли. Изъ-за формы часто упускаютъ идею, изъ-за внѣшности сущность дѣла (ср. Darmesteter, La vie des mots, 66).

**) Поэтому мы говоримъ о государствѣ и тамъ, гдѣ нѣтъ государя.

вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ предметовъ или словъ. Въ предложеніи, или внѣ его, могутъ находиться слова, которыя подчеркиваютъ каждый разъ другое господствующее представленіе въ числѣ тѣхъ, которыя мы связываемъ со словомъ „государство". Такъ значеніе его колеблется при сопоставленіи съ „обществомъ", „церковью", „народомъ", „индивидомъ", „провинціей" *). Занимая господствующее положеніе, извѣстное частичное представленіе оттѣсняетъ на задній планъ другія представленія, входящія въ общее понятіе государства, выдѣляются изъ него, создаютъ новую ассоціацію признаковъ и ведутъ къ *суженію* понятія: изъ всѣхъ частичныхъ представленій, заключающихся въ общемъ понятіи „государства", путемъ анализа обособляются лишь нѣкоторыя. Такъ что то, что мы связываемъ со словомъ „государство" въ различныхъ случаяхъ употребленія этого слова, не вполнѣ тождественно самому себѣ: значенія словъ всегда колеблются. Подобнымъ же образомъ мѣняется значеніе нѣмецкаго das Recht въ выраженіяхъ: Recht und Sitte, Recht und Unrecht, Recht und Billigkeit (Wundt, Sprache, II, 496) **).

Если въ силу какихъ-либо обстоятельствъ одно изъ сопоставленій получаетъ перевѣсъ надъ остальными, въ результатѣ можетъ получиться окончательное суженіе понятій.—„Обратно, бываютъ случаи какъ временнаго, такъ и постояннаго расширенія первоначальнаго понятія. Такъ, напр., съ изобрѣтеніемъ ключей отдѣльныя ихъ части потребовали себѣ наименованій; такъ возникло слово Bart („бородка") для обозначенія части ключа. Слово „ходить" по-латыни гласило ire; со временемъ эта форма стала неупотребительной, ее замѣнилъ родственный глаголъ ambulare (собств. „ходить кругомъ", „гулять"), который и перешелъ во французскій языкъ, (amblare—aller). Психологически дѣло объясняется тѣмъ, что въ словахъ Bart и amblare первоначальное господствующее значеніе стушевалось и уступило мѣсто другому, болѣе общему; но эта уступка произошла подъ вліяніемъ не естественнаго ихъ развитія, а посторонннихъ представленій, требовавшихъ включенія въ нихъ. Включеніе это было однако актомъ синтетическимъ, и результатомъ телепатическихъ ***) воздѣйствій оказалось *расширеніе* первоначальнаго понятія" (Зѣлинскій, ор. с., 651).

*) Ср. Wundt, Spr., II, 496; Зѣлинскій, ор с., 651.

**) Въ Библіи перевода М. Лютера Recht иногда противополагается Schlecht, чѣмъ дается ему чрезвычайно широкое, но за то и мало опредѣленное значеніе. См. мою работу „Наука и философія права?" стр. 79, 80; Lasson, Rechtsphilosophie, стр. 23.

***) „Телепатическое" воздѣйствіе—воздѣйствіе издали, со стороны представленій, не находящихся въ предложеніи (отъ греч. *τῆλε* „далеко"). Оно противополагается воздѣйствію со стороны представленій, находящихся въ томъ же предложеніи („анхипатическому", отъ греч. *ἄγχι* „близко").

Очевидно, что соотвѣтствіе между словомъ и мыслью „весьма неполное“ (Батюшковъ, „Въ борьбѣ со словомъ“, 219) „даже въ области понятій, которыя Потебня, вслѣдъ за Гумбольдтомъ, считалъ неотдѣлимыми отъ слова“ (ibid.). Слово „государство“ пишется и произносится одинаково во всѣхъ сочетаніяхъ съ другими словами, но то, что соединяется въ нашей мысли съ этимъ словомъ не можетъ быть одинаковымъ: господствующія представленія мѣняются. Pecunia осталось неизмѣннымъ, хотя вмѣсто „скота“ имъ стали обозначать „деньги“. Говоря, поэтому, о „словахъ-понятіяхъ“, мы желаемъ лишь подчеркнуть связь мысли и слова, а не полное соотвѣтствіе ихъ. По существу это вещи не тождественныя, и ошибочно ихъ смѣшивать (Батюшковъ, ор. с., 227). Мысль есть процессъ и не можетъ сохраняться такъ, какъ сохраняется начертаніе или звуковой комплексъ слова. Мысль всегда течетъ. Самый постоянный элементъ нашихъ „научныхъ понятій“ заключается именно въ томъ словѣ, съ которымъ мы ихъ связываемъ.

Психическіе факты, къ числу которыхъ принадлежатъ и наши „понятія“, должно понимать (этому придаетъ особенно важное значеніе и В. Вундтъ) не какъ объекты или прочныя состоянія (beharrende Zustände), а какъ событія (Ereignisse); они протекаютъ, какъ и всѣ событія, во времени, и ни въ одномъ изъ слѣдующихъ моментовъ они не являются тѣми же самыми, какими они были въ какой-либо предшествующій моментъ. (Ср. Delbrück, Grundfr. d. Sprachforsch., 13) *).

Ходячая психологія проявляетъ сильную наклонность обращать наши представленія и понятія въ какія-то постоянныя реальности (Verdinglichung der Vorstellungen). Понятія представляются въ видѣ особаго рода объектовъ, способныхъ входить въ тѣ или иныя проч-

*) Измѣнчивость значенія словъ служитъ постояннымъ источникомъ разногласій и споровъ даже тогда, когда люди въ сущности держатся одинаковыхъ взглядовъ. Поднимается, напр., вопросъ о томъ, существуетъ или не существуетъ Естественное Право. Если мы *согласимся* понимать подъ Естественнымъ Правомъ совокупность нравственныхъ требованій къ дѣйствующему законодательству, или „совокупность идеальныхъ нормъ“, можно, очевидно, утверждать съ одинаковымъ основаніемъ ихъ реальное значеніе, или ихъ дѣйствительность, наряду съ ихъ недѣйствительностью. Можно говорить, напр., что центавръ или домовой *существуютъ*; но можно утверждать и обратное,—что они *не существуютъ*. Это потому, что слово „существовать“ имѣетъ различное значеніе. Центавръ не существуетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуютъ лошади, моря, рѣки, города. Но центавръ существуетъ въ мірѣ фантазіи,—существуетъ въ томъ самомъ смыслѣ, какъ и всякій другой фантастическій образъ. Естественное Право не существуетъ въ такомъ смыслѣ, какъ существуетъ нашъ X томъ; но оно существуетъ, какъ совокупность идеальныхъ требованій, предъявляемыхъ нами къ окружающему насъ порядку.

ныя и постоянныя соединенія другъ съ другомъ. На дѣлѣ, въ психической жизни мы имѣемъ дѣло не съ объектами, а съ происшествіями, процессами или событіями. „Если же это событія (Delbrück, op. c., 25), то и возникающія изъ нихъ образованія (Gebilde) являются не постоянными (beharrende) субстанціями, а комплексами процессовъ (Vorgangskomplexe), внутри которыхъ всегда оказывается извѣстный желѣзный инвентарь (eiserner Bestand) одинаковыхъ элементарныхъ процессовъ, обособляющихся такимъ образомъ по отношенію къ другимъ процессамъ сознанія какъ относительныя единицы, но являющихся не прочными (starr), а подвижными, такъ какъ отдѣльныя составныя части всегда исчезаютъ, а другія могутъ привходить вновь".

Глава VIII.

Зависимость „слова—понятія“ отъ фразы и отъ обстоятельствъ внѣ фразы.

„Добросовѣстный и умный читатель долженъ искать смыслъ въ цѣли, содержаніи и связи рѣчи, принимая во вниманіе тѣ неточности выраженія, которыя сдѣланы неизбѣжными словоупотребленіемъ“ (Berkeley, Works, I, p. 183; M. Müller, S. of T., 513).

„Слова и ихъ значеніе полны неподозрѣваемыхъ опасностей“ (Sidgwick, Fallacies, 136).

Слово, взятое отдѣльно, не можетъ выражать мысли. Для выраженія мысли нужно имѣть фразу. Это вѣрно даже по отношенію къ изолированнымъ такъ называемымъ „словамъ-понятіямъ“ *). Кажущееся исключеніе составляютъ или слова-фразы (въ родѣ „свѣтаетъ“, „морозитъ“), или слова, пополняемыя обстоятельствами, при которыхъ они были произнесены („пожаръ!“, „Иванъ!“, „ой!“), мимикой, жестами, или иными средствами выраженія (Ausdrucksbewegungen, выразительными движеніями по терминологіи Вундта: Völkerpsychologie, кн. I, гл. 1 и 2). „Представимъ себѣ, что страхъ, поразившій человѣка, производитъ на его лицѣ столь сильную и выразительную игру мускуловъ, что невольно овладѣваетъ всѣми присутствующими. Очевидно, что здѣсь такъ же мало *пониманія*, свободной дѣятельности мысли, какъ и въ панической зѣвотѣ, возбужденной однимъ изъ собесѣдниковъ. Между-тѣмъ, такая зѣвота тоже посредствуется чувственными воспріятіями, извѣстнымъ состояніемъ души, а потому имѣетъ и психическое значеніе. Но стоитъ кому-нибудь сказать „страшно!“ или „скучно!“ и явится *пониманіе*, т. е говорящій замѣтитъ свое состояніе, измѣнитъ его извѣстнымъ образомъ, подчинивши дѣятельности своей мысли..... (Потебня, Мысль и языкъ,

*) Напоминаю, что „Worte an und für sich können uns weder einen Begriff, noch eine Vorstellung beibringen“ (Giesswein, Die Hauptprobleme der Sprachwissenschaft, стр. 163), и что Wort ist kein natürliches Zeichen des Begriffes (ibid., 165), т. е. что „слова сами по себѣ не могутъ передать намъ понятія или представленія“, и что „слово не есть естественный знакъ понятія“. Особенно ясно это видно на многихъ не-арійскихъ языкахъ.

137). Обратно, слова „страшно“ или „скучно“, произнесенныя безъ указанныхъ сопутствующихъ обстоятельствъ, не вызовутъ пониманія. Для этого нужно ихъ пополнить чѣмъ-нибудь такъ, чтобы они составили часть высказаннаго или подсказаннаго предложенія („страшно пить хочется“, напр., въ отвѣтъ на вопросъ: „хочется ли вамъ пить?“ можетъ быть сокращено до одного слова „страшно“ съ извѣстной интонаціей, и будетъ понятно*).

Если *совершенно изолированныя* слова не вызываютъ пониманія у другихъ; если мысль выражается только фразами или ея эквивалентами,—то, очевидно, что (какъ говорилъ еще Гамильтонъ Logic, IV, 147) слова служатъ лишь *намеками* для нашего ума; они стремятся внушить намъ какую-либо мысль, а потому слушающій всегда поставленъ въ необходимость истолковать данный ему намекъ. Этотъ процессъ толкованія будетъ тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ меньше элементовъ для точнаго опредѣленія мысли дано въ предложеніи или сопутствующихъ обстоятельствахъ.

Языкъ, какъ орудіе выработки, фиксированія и сообщенія мыслей, представляетъ собою безспорно главное орудіе знанія (см. Hamilton, op. c., 145) и даже необходимое условіе дѣятельности нашихъ познавательныхъ способностей.—Но, съ одной стороны, несовершенства языка, а, съ другой—недостаточное знакомство съ характеромъ языка, какъ орудія мысли,дѣлаютъ его источникомъ многочисленныхъ ошибокъ.

Мы употребляемъ слова лишь тогда, когда желаемъ высказать, или образовать сами для себя, какую-либо мысль. Только въ связи съ предложеніемъ, иногда, правда, не замѣчаемымъ, слово и пріобрѣтаетъ смыслъ. Эта же связь его съ предложеніемъ постоянно оказываетъ вліяніе на его значеніе.—Строго говоря, нѣтъ словъ, которыя во всѣхъ случаяхъ ихъ употребленія, и въ устахъ всѣхъ говорящихъ или мыслящихъ людей, имѣли бы одно постоянное значеніе. Когда я говорю, что Коперникъ открылъ законъ вращенія земли вокругъ солнца, я вкладываю въ слово „солнце“ не тѣ же самые признаки, какъ и тогда, когда я говорю, что благодаря туману сегодня не видно солнца. Въ первомъ случаѣ „солнце“ является для меня огромнымъ свѣтящимся тѣломъ, извѣстнымъ образомъ помѣщеннымъ въ міровомъ пространствѣ по отношенію къ землѣ, связаннымъ съ нею силою тяготѣнія, выполняющимъ извѣстнаго рода вращательныя движенія, и т. д. Во второмъ, солнце есть лишь источникъ свѣта и тепла на землѣ, безъ вниманія ко многимъ другимъ его признакамъ. Равнымъ образомъ, слово „солнце“ въ устахъ астронома или натуралиста будетъ связываться съ иными признаками и отношеніями,

*) Ср. Delbrück, Grundfr. d. Sprachf., 145.

чѣмъ у меня. А, напр., человѣкъ необразованный никогда не станетъ связывать съ нимъ представленія о центрѣ, вокругъ котораго движется земля. Не одно и то же означаетъ „солнце“ въ устахъ поэта и въ устахъ ученаго. Древній грекъ, связывавшій много миѳовъ съ солнцемъ, думалъ при этомъ словѣ не то, что Лаплассъ. Поклонникъ силъ природы не то, что современный европеецъ; и т. д.

„Каждое почти слово можетъ имѣть два значенія: 1) общее или родовое, въ общемъ употребленіи, и 2) частное или случайное, въ индивидуальномъ, случайномъ, употребленіи. Примѣръ перваго: *дерево* имѣетъ стволъ, корни, вѣтви, листья или хвою“ и т. д.; примѣръ второго: „Иванъ, сруби это *дерево*“. Общепринятое значеніе заключаетъ въ себѣ все содержаніе понятія, соединяемаго съ даннымъ словомъ каждымъ говорящимъ на извѣстномъ языкѣ; случайное или индивидуальное обыкновенно богаче содержаніемъ (дерево которое надо срубить,—береза, дубъ, ель, и т. д.), но уже по объему. Общее значеніе имѣетъ обыкновенно абстрактный характеръ, индивидуальное—конкретный..... (См. „Семасіологія“ въ 57 кн., стр. 423, Энциклопед. словаря Брокгауза, 1900 *).

„Дальнѣйшее важное различіе между *общеупотребительнымъ* и *индивидуальнымъ* значеніемъ слова заключается въ томъ, что первое всегда имѣетъ *нѣсколько значеній*, а второе, въ данномъ случаѣ, всегда одно, развѣ если имѣется въ виду намѣренная двусмысленность. Многозначность слова нерѣдко объясняется звуковымъ совпаденіемъ двухъ первично различныхъ словъ (напр., нѣм. Münze въ значеніи „монета“ восходитъ къ лат. moneta, а въ значеніи „мята“—къ лат. же mentha), но нерѣдко наблюдается и при этимологическомъ тожествѣ („баба“ — простая, грубая женщина, родъ кулича, орудіе для забиванія свай и т. д.). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда общеупотребительное значеніе можетъ считаться простымъ, индивидуальное можетъ удаляться отъ него, обозначая одно изъ видовыхъ понятій, заключенныхъ въ родо

---

*) Сказанное имѣетъ силу и для такихъ словъ, какъ мѣстоимѣнія, нарѣчія и т. д., казалось, иногда какъ бы предназначенныхъ для выраженія общихъ или неопредѣленныхъ понятій: „китъ животное млекопитающее, а не рыба: *онъ* рождаетъ живыхъ дѣтенышей, кормитъ ихъ молокомъ (*онъ* имѣетъ абстрактное значеніе: китъ вообще)“: но: „мой братъ вчера вернулся; онъ больше никуда не поѣдетъ“ (*онъ* относится здѣсь къ моему брату, обладающему извѣстными, только ему одному свойственными признаками). Даже такія неопредѣленныя понятія, какъ *когда-нибудь*, *кто-нибудь*, *никто* получаютъ извѣстное конкретное ограниченіе въ индивидуальномъ употребленіи: „если вы *когда-нибудь* зайдете ко мнѣ“.. . („когда-нибудь“—на протяженіи извѣстнаго промежутка времени, ограниченнаго, напр., пребываніемъ моимъ и даннаго лица въ извѣстномъ городѣ). Другой примѣръ: „въ такой квартирѣ *никто* не захочетъ жить (*никто*—изъ людей съ извѣстными привычками и требованіями) и т. д.“ (ibidem).

вомъ общемъ значеніи (*колесо* вообще, и въ данномъ индивидуальномъ случаѣ: колесо парохода, мельницы, телѣги, велосипеда, часовъ, швейной машины и т. п.)“ (ibidem).

„Значеніе извѣстнаго слова основано не только на ассоціаціи по смежности между его (звуковымъ или зрительнымъ) представленіемъ и отвѣчающимъ ему понятіемъ, но и на подобныхъ же ассоціаціяхъ между его представленіемъ и представленіями другихъ словъ. Такъ, значеніе слова *видъ* въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ связано не только съ нимъ однимъ, но и съ другими словами: „передо мной открылся чудный видъ“; „я отдалъ свой видъ дворнику“; „плодъ имѣетъ видъ лица“; „онъ имѣетъ болѣзненный видъ“; „я имѣю на васъ виды“; „я имѣю въ виду одно мѣсто“; „солдаты купались въ виду непріятеля“; „глаголъ совершеннаго вида“ и т. д.“ (ibidem).

Эти колебанія въ значеніи одного и того же слова объясняли обыкновенно такъ называемою „бѣдностью языка“, или ея коррелятомъ „богатствомъ мысли“. Говорили, что, какъ бы обиленъ и выразителенъ ни былъ языкъ, онъ никогда не въ состояніи точно обозначить всѣ возможныя понятія и всѣ возможныя отношенія между понятіями, а изъ этой необходимой бѣдности языка во всѣхъ ея различныхъ степеняхъ возникаетъ неизбѣжная неопредѣленность (двусмысленность или многосмысленность) какъ въ употребленіи отдѣльныхъ словъ, такъ и въ употребленіи словъ въ ихъ взаимной связи (ср. Hamilton, Logic, IV, 146).

Съ тѣхъ поръ какъ мы знаемъ, что мысли наши мы выражаемъ не при помощи отдѣльныхъ словъ, а при помощи предложеній, что слово образовалось изъ предложенія, путемъ его разложенія, и что, строго говоря, вполнѣ изолировать слово (не обративъ его въ мумію) мы и не можемъ никогда,—мы можемъ дать нѣсколько иное объясненіе измѣнчивости значеній слова.

Уже изъ одной выше приведенной цитаты становится очевиднымъ, что въ дѣйствительности нѣтъ словъ, имѣющихъ одно „общеупотребительное“ значеніе. „Важное различіе, сказано было тамъ, между общеупотребительнымъ и индивидуальнымъ значеніемъ слова заключается въ томъ, что первое *всегда имѣетъ нѣсколько значеній*“. Если общеупотребительное значеніе всегда имѣетъ нѣсколько значеній, значитъ, что одного общеупотребительнаго значенія не существуетъ. Опредѣленное значеніе слова дается ему лишь даннымъ его употребленіемъ въ данной фразѣ, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства конкретнаго случая употребленія слова. Только ближайшія обстоятельства употребленія слова „коса“ могутъ указать, имѣется ли въ виду сельскохозяйственное орудіе, полоса земли, влавшаяся въ воду, или сплетенные волосы.—Такъ называемое об-

шее значеніе (точнѣе—общія значенія) слова является продуктомъ абстракціи. И такъ какъ мы не можемъ вполнѣ оторвать слово отъ тѣхъ ассоціацій, среди которыхъ выросло оно, оно всегда будетъ имѣть наклонность принимать различную окраску въ своемъ значеніи, смотря по тому, какое изъ представленій выдвигается въ данную минуту впередъ. Не болѣе или менѣе абстрактное („общеупотребительное") значеніе слова возникаетъ сначала, и потомъ видоизмѣняется его индивидуальнымъ употребленіемъ; а, наоборотъ, изъ конкретныхъ случаевъ употребленія слова мы отвлекаемъ общіе признаки его значенія и получаемъ такимъ образомъ искусственный продуктъ съ неустойчивымъ содержаніемъ.

Слова въ живой рѣчи играютъ не ту же роль, что и слова, которыя мы находимъ въ словарѣ. Мы пользуемся словами лишь въ рѣчи,—для выраженія тѣхъ или иныхъ мыслей. Изъ совокупности мыслей (ergo рѣчи) состоитъ и наука. Внѣ рѣчи, въ такомъ обособленномъ видѣ, какъ мы находимъ ихъ въ словаряхъ, слова не живутъ: это искусственныя созданія анализа и абстракціи. „И это лишь предразсудокъ, (Erdmann, Logik, 200), и больше ничего, будто представленія словъ (die Wortvorstellungen), при измѣнчивыхъ условіяхъ ихъ употребленія, постоянно соединены съ тѣми абстрактными значеніями, которыя свойственны имъ въ изолированномъ видѣ" (какъ въ словарѣ). При изученіи научнаго языка и его терминовъ словаремъ нашимъ должна служить исторія науки (Whewell, Nov. Organon Renov., 1858, стр. 368), а не отдѣльно взятыя слова.

При опредѣленіи значенія слова нужно принимать во вниманіе не только фразу, изъ которой оно взято, но и обстоятельства, при которыхъ она была произнесена, и кѣмъ она произнесена. Если, напр., кто-нибудь говоритъ: „эта бумага четырехугольна", то фраза эта вовсе не означаетъ одного и того же въ различныхъ обстоятельствахъ ея произнесенія. Каждая фраза есть нѣчто индивидуальное, и при обсужденіи ея должны быть приняты во вниманіе всѣ конкретныя обстоятельства ея созданія. „Самонаблюденіе учитъ насъ, что въ сужденіи подобнаго рода мы вовсе не представляемъ себѣ того абстрактнаго значенія, которое принадлежитъ слову „четырехугольный", когда мы представляемъ его изолированымъ, самимъ по себѣ, а только то значеніе, которое дается ему замѣченною фигурою предмета,—то, слѣдовательно, значеніе, которое оно (слово это) должно выражать какъ данный предикатъ по отношенію къ предлежащему субъекту. Мы не представляемъ безсчисленныхъ видовъ четырехугольнаго, ни какихъ-либо выдающихся представителей его, а исключительно лишь четырехугольность даннаго листа бумаги. За это говоритъ не только обманчивое свидѣтельство самонаблюденія, но также и цѣль предложенія. Мы не

желаемъ сказать только, что бумага имѣетъ въ себѣ то что, обще всему четырехугольному. Мы хотимъ скорѣе сказать то, что мы видимъ: особенный видъ четырехугольнаго, свойственный данной бумагѣ. Разумѣется, не исключено и то, что мы иногда желаемъ высказать указанную болѣе неопредѣленную мысль. Но, тогда мы приспособляемъ и выражаніе къ этой неопредѣленности. Мы говоримъ: „эта бумага имѣетъ четыре угла“, или „эта бумага есть нѣчто четырехугольное“, или какъ-нибудь иначе. Но, и это были бы лишь предложенія въ указанномъ смыслѣ. То немногое, что они хотятъ выразить (недвусмысленныя предложенія для этого мы едва ли можемъ образовать, потому что языкъ нашъ вовсе не приспособленъ къ этимъ рѣдкимъ случаямъ абстрактнаго выраженія) взято равнымъ образомъ изъ конкретнаго опыта. И совершенно ложно дѣлать эти исключенія правиломъ. Въ предложеніи: „этотъ цвѣтокъ бѣлъ, пахнетъ какъ фіалка, полураспустился, почти завялъ“, мы всегда мыслимъ то содержаніе предикатовъ, которое есть въ наличности въ данномъ предметѣ, субъектѣ выраженія, а не о бѣлизнѣ, запахѣ и т. д. вообще. Въ каждомъ предложеніи, передающемъ наше впечатлѣніе, значеніе предиката представляется не въ томъ смыслѣ, который слово имѣетъ будучи изолировано, а въ болѣе ограниченной формѣ, которая дается ему свойствами предмета нашего опыта и цѣлью фразы“. (Erdmann, Logik, 199, 200).

Нѣтъ ни одного юридическаго термина, который не мѣнялъ бы своей окраски въ зависимости отъ отношенія къ тому или иному понятію. Подобное измѣненіе можетъ быть на лицо даже тогда, когда понятіе, которому противополагается или съ которымъ такъ или иначе сопоставляется данное „понятіе-слово“, не высказывается прямо. Нужно только, чтобы связь рѣчи или какое-либо обстоятельство, такъ или иначе, указывало на него или содержало намекъ на него. „Тогда можно принять (Wundt, Sprache, II, 496), что это невысказанное понятіе стоитъ на темномъ фонѣ сознанія и оказываетъ на главное понятіе своего рода индуцирующее вліяніе (eine Art inducirender Wirkung)“.—Еще Д. С. Милль въ своей Логикѣ указывалъ, какъ, напр., слово „гражданскій“ мѣняетъ свой смыслъ въ зависимости отъ того, что, явно или молчаливо, сопоставляется съ нимъ: гражданскій и военный, гражданскій и церковный, гражданскій и уголовный, civil и natural, civil и uncivil или discourteous. Leges civiles на языкѣ, напр., Меланхтона (Stintzing, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, 272) не значитъ „гражданскіе законы“, а вообще государственные законы. Когда говорятъ о свободѣ „гражданской“, выраженіемъ этимъ прикрываютъ различныя вещи въ зависимости отъ того, противополагается ли она, и въ какой мѣрѣ,

понятію свободы „политической", и что разумѣютъ подъ этою послѣднею (см., напр., Энциклоп. Словарь Брокгауза, кн. 57, стр. 169: свобода личности или свобода гражданская, и стр. 174: свобода политическая). Иногда „гражданскій" и „политическій" противополагаются (права гражданскія и права политическія различаются); иногда же являются синонимами: напр., выраженіе „гражданское общество" (il consorzio civile у Laviosa, op. c., 158) многими употребляется въ томъ же значеніи, что и „политическое общество". *) —Столь же измѣнчиво слово „юридическій" въ зависимости отъ сопоставленія съ терминами „этическій", „политическій". Французское „jurisprudence" **) не соотвѣтствуетъ часто нашему „юриспруденція", нѣм. Iurisprudenz и анг. Jurisprudence (ср. Holland, Iurisp., 4,5).

По общему правилу (см. Darmesteter, La vie des mots, 33) слова стремятся сохранить въ своемъ значеніи первоначальный отпечатокъ, данный имъ народною мыслью (la pensée populaire). Уже поэтому мы не можемъ игнорировать народнаго языка. „Поколѣнія, слѣдуютъ другъ за другомъ, принимая отъ предшествующихъ поколѣній устную традицію выраженій, идей и образовъ, которые они передадутъ послѣдующимъ поколѣніямъ" (ibid.).

Но, на ряду съ этой консервативной силой, не допускающей проникновенія въ общій языкъ народа выраженій въ родѣ „полицейское, водное, горное..... право",—силой спасительной, охраняющей единство языка, а иногда и здравомысліе,—дѣйствуетъ, подъ вліяніемъ массы причинъ, революціонная сила, стремящаяся направить языкъ по новымъ путямъ и измѣнить, вмѣстѣ съ другими элементами, значеніе его словъ.

Причины, вліяющія на цивилизацію народа, вліяютъ и на его языкъ (въ частности на измѣненіе значенія „словъ-понятій"). Слова находятся въ самой тѣсной зависимости отъ исторической жизни народа. Введеніе христіанства, церковь, Византія, политическій строй, сношенія съ сосѣдями, появленіе печати и книжнаго вліянія съ Запада, пренебрежительное отношеніе къ народу и народ-

*) Ср. Laviosa, Filosofia del diritto in Inghilt., стр. 10: scienze morali e politiche, la dottrina etico-giuridica, filosofia morale e civile, стр. 17: la dottrina etico-civile, стр. 18: l'ordine etico-civile, стр. 22: attività morale, giuridica e politica, стр. 40: la teoria civile-politica, стр. 65: Scienza Etico-Giuridica, стр. 76: Filosofia Morale e Civile, стр. 89: l'azione politica e legislativa, стр. 106 и 135: filosofia civile, problemi etico-giuridici, стр. 119 и 120: dottrina civile, стр. 133 и 134: problemi morali e civili, Scienza Etica e Civile, стр. 184: norma etico-giuridica, стр. 199: legge civile, 214: illimitatezza giuridica, 215: irresponsabilità giuridica.....

**) „Iurisprudence constante", „jurisprudence des arrêts de la Cour de Cassation. По Dict. de l'Académie „jurisprudence" значитъ „la manière dont un tribunal juge habituellement telle ou telle question".

ному языку со стороны образованныхъ по-европейски*) верхнихъ классовъ, въ рукахъ которыхъ была культура научнаго языка, и множество другихъ причинъ вліяло на русскую образованность и ея выраженіе въ языкѣ. Мы говоримъ французскимъ синтаксисомъ и строимъ свою юриспруденцію на чуждой, не-русской, главнымъ образомъ нѣмецкой, основѣ.**) А между тѣмъ у насъ есть крѣпкая, здоровая народная основа для подобныхъ построеній.***) Посмотрите на самостоятельность англичанина и ея хорошіе результаты! Мало ли пропадало у насъ силъ въ наносныхъ теченіяхъ общественной жизни, какъ со стороны правящихъ, такъ и со стороны управляемыхъ! —Посмотрите на растрату силъ на Западѣ въ спорахъ о „правѣ“, въ сущности столь же мудрыхъ, какъ и тѣ средневѣковые споры схоластиковъ, о которыхъ говоритъ Эразмъ Роттердамскій!****). Въ сферѣ научной, какъ и въ сферѣ нравственной, совершенство достижимо лишь при условіи „умалиться“ и опроститься.[5]) Всего менѣе могутъ помочь здѣсь „geklügelte und ungeheuerliche Ausdrücke“

---

*) Повторяю, что знаніе чужого *безусловно необходимо* для болѣе глубокаго познанія родного. Нужно, однако, быть самостоятельнымъ и не мѣнять своего лучшаго на чужое худшее.—Въ научной сферѣ дорога не національность сама по себѣ, а прогрессъ знанія, обезпечиваемый національнымъ мышленіемъ. Положеніе „внѣ народности нѣтъ мышленія, нѣтъ познанія, нѣтъ творчества“ имѣетъ свой глубокій смыслъ. Шовинизмъ и національная исключительность—вредныя извращенія національной идеи. Всякая національность есть законное и необходимое явленіе.

**) Болѣе глубокое знаніе иноземнаго, не подрывая нашего уваженія къ нему, открываетъ намъ глаза на его тѣневыя стороны. И если мы, пропитанные западной цивилизаціей, отрицательно отнесемся къ подобнымъ сторонамъ, это послужитъ лишь высшимъ интересамъ истины. Глубокое уваженіе къ древней цивилизаціи въ эпоху Возрожденія и глубокое знаніе ея философіи не помѣшало, напр., Эразму написать слѣдующія строки (Lob. d. Thorh., 83): „Греки гордятся, что ихъ страна произвела за столь много столѣтій семь мудрецовъ! Но, клянусь небомъ, я готовъ умереть, если при точномъ изслѣдованіи ихъ философіи найдется хоть половина одного мудреца; можетъ быть не окажется и третьей части“.

***) „Мы съ малыхъ лѣтъ запуганы своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада“, говорилъ Герценъ (цит. изъ „Мирный трудъ“, 1902, I. 124)..... „Надо принять въ Россіи то, что признано народнымъ смысломъ и освящено вѣковымъ обычаемъ“ (ibid.).

На многія стороны нашей жизни смотримъ мы иноземными глазами

****) „Можетъ ли крестить чортъ?“ „Мыслимо ли, чтобы Богъ сообщилъ о своемъ Лицѣ женщинѣ, чорту или ослу, тыквѣ или кремню?“ „Какъ такая тыква стала бы проповѣдывать Евангеліе, совершать чудеса, какъ ее можно было бы пригвоздить ко кресту?“. „Будетъ ли дозволено послѣ воскресенія ѣсть и пить по прежнему?“ (Das Lob der Thorheit, 99, 100).

5) „Смиритесь передъ Господомъ, и вознесетъ васъ“ (Посланіе Іакова, V, 10).

(„сочиненныя“ и необычныя выраженія), и то душевное состояніе, которое „въ счастливомъ и полномъ обладаніи высокаго мнѣнія о себѣ возноситъ насъ на тронъ въ третьемъ небѣ и заставляетъ смотрѣть съ этой высоты на всѣхъ смертныхъ, какъ на несчастныхъ земляныхъ червей, и сожалѣть о нихъ, въ ихъ тьмѣ и невѣжествѣ“ (ср. Erasmus, L. d. Thorheit, 98,99).

Какъ схоластики корпѣли надъ словами (Wortklaubereien) въ родѣ „квиддитеты“, „экцеитеты“, „формалитеты“, такъ ихъ преемники корпятъ теперь надъ „объективнымъ правомъ“, какъ чѣмъ-то такимъ, что имѣетъ нѣчто общее съ законами и нравственностью, но существуетъ гдѣ-то особенно, не принадлежа ни къ категоріи легальныхъ, ни къ категоріи этическихъ понятій, и не поддается никакимъ усиліямъ опредѣлить его. Самые острые глаза, могущіе различать вещи въ самомъ черномъ мракѣ, не въ состояніи видѣть того, что нигдѣ не существуетъ. Кто можетъ видѣть и познать порожденія фантазіи,—призраки народной или ученой формаціи?

Кромѣ общихъ условій историческаго характера, отъ которыхъ зависитъ наша рѣчь и наше отношеніе къ ней, есть много обстоятельствъ психическаго свойства, которыя должны приниматься нами во вниманіе при пользованіи языкомъ.—Не смотря на крайнюю важность рѣчи для мышленія, на тѣсную ихъ *связь*, на то, что „практически мы всегда мыслимъ при посредствѣ языка“ (Fowler, Logic, I, 7.), слово не можетъ вполнѣ *соотвѣтствовать* мысли. Мы не выражаемъ всего, что мы мыслимъ. Иногда намъ нѣтъ и нужды говорить все. Иногда мы *не можемъ* сказать все, что мы думаемъ, и особенно все, что мы чувствуемъ. *)

Особенно ярко чувствуется недостаточность слова для передачи чувствованій и душевныхъ состояній.**) Логическую мысль мы выражаемъ легче. Слово служитъ все-таки главнымъ орудіемъ лишь разсудка. (Ср. Батюшковъ: „Въ борьбѣ со словомъ“, 219, 226). „Чувствуемъ мы молча и про себя; можемъ и вмѣстѣ переживать однородныя ощущенія, сознавая, что дѣйствительно они не передаваемы въ словахъ, что мы гораздо ближе другъ къ другу въ эти молчаливыя минуты, чѣмъ если бы нарушили кажущуюся „нѣмоту“ неумѣстнымъ словомъ“ (ibid., 226). Существуетъ и по преи-

*) См. Darmesteter, La vie des mots, стр. 43, 44: „Le langage n'a pas besoin de tout dire (nous verrons même plus loin qu'il ne peut pas tout dire) .....; стр. 72: le langage n'est pas l'expression adéquate de la pensée, il est un effort plus ou moins heureux vers cette expression

**) —„Увы!“ жалуется одинъ поэтъ: „выраженное ускользаетъ отъ моихъ мыслей. Порывы души моей сильнѣе моего голоса. Я чувствую, что я богатъ, но мой убогій нарядъ скрываетъ отъ взора другихъ мои сокровища“. (Батюшковъ: „Въ борьбѣ со словомъ“, 222, см. еще 226, 227).

муществу „безмолвныя мысли“: мысли образныя, передаваемыя въ звукахъ, въ краскахъ, въ формахъ пластики (ibid, 219). —Но, и въ области логической мысли существуетъ „особая категорія идей высшаго порядка, которыя сознаются всѣмъ внутреннимъ существомъ нашимъ, и невыразимы въ словѣ..... Въ области умозрительной, къ выше указанной категоріи мыслей, относятся между прочимъ Лейбницевскіе „percepliones sine apperceplione seu conscientia“—и вся такъ называемая философія безсознательнаго, толкователемъ которой выступилъ въ нашемъ вѣкѣ Гартманъ. Но, вообще, мнѣ кажется, что всякая идея высшаго порядка, то-есть обнимающая въ синтезѣ совокупность многихъ явленій, если и можетъ быть обозначена словомъ, то не познается въ словѣ. Она требуетъ для усвоенія напряженной внутренней работы, въ которой принимаютъ участіе различныя духовныя силы человѣка—умъ и *чувство*, представленія и *ощущенія*“ (ibid, 226). —Иногда молчаніе, какъ пріемъ передачи безмолвнаго, душевнаго аффекта, выразительнѣе слова*).

Изученіе языковъ (не-арійскихъ) имѣетъ огромное значеніе для пониманія тѣхъ психическихъ процессовъ, при помощи которыхъ мы создаемъ науку: оно даетъ намъ возможность заглянуть нѣсколько въ лабораторію мысли. Китаецъ, напр., при выраженіи самой банальной мысли, проходитъ „въ процессѣ молчаливаго мышленія, всегда предшествующаго процессу говоренія“ (Зѣлинскій, ор. с., кн. 62, 645), совсѣмъ не тѣ стадіи, что мы, арійцы. Знакомство съ такими языками бросаетъ свѣтъ на наши собственные процессы мышленія, безъ сознательнаго отношенія къ которымъ мы не можемъ разобраться въ основныхъ вопросахъ науки и философіи.**)—

Большая публика думаетъ, что анализъ нашихъ мыслей похожъ на анализъ словъ на буквы и части рѣчи, и что съ мыслью можно

*) Такимъ молчаніемъ, „паузами“, умѣлъ, напр., мастерски пользоваться и при передачѣ логической мысли пр. А. А. Потебня. Ср. „Мирный Трудъ“, 1902, I: „воспоминанія о Потебнѣ“, стр. 60—78, особенно стр. 63, 64. Говорю это на основаніи личнаго опыта.

**) Иногда одинъ лишь переводъ съ одного языка на другой открываетъ намъ глаза на наши ошибки мышленія. Укажу, какъ на примѣръ, на разсужденія Вундта о способѣ образованія выраженія Füsse des Tisches, опровергаемыя однимъ лишь переводомъ этого слова у Зѣлинскаго (ор. с., 653, кн. 62.) русскимъ „ножки стола“. Вся „философія права“ разрушается при попыткѣ перевести ее не только на какой-нибудь не-арійскій языкъ, но и на языкъ древне-греческій. Тамъ нѣтъ „jus“: здѣсь камень преткновенія и вмѣстѣ размышленія, равно какъ и болѣе вдумчиваго отношенія къ терминамъ, которыми мы пользуемся.—Равнымъ образомъ рушится не одна философія, если мы съ „языка боговъ“ переведемъ ее на языкъ смертныхъ людей. У простыхъ людей и у „дикарей“ многіе философы могутъ поучиться необыкновенно многому. Благодаря абстрактному языку у многихъ начинаетъ, по народному выраженію, заходить умъ за разумъ.

продѣлывать тѣ же самыя операціи, что и со словами: что, напр., мысль можно изолировать такъ же, какъ и слово, и что каждому одному слову соотвѣтствуетъ и одна мысль. Но, такого соотвѣтствія очевидно нѣтъ. Расчлененіе и комбинированіе, анализъ и синтезъ, нашихъ идей могутъ идти до безконечности. Если бы каждой идеѣ соотвѣтствовало особое слово, языкъ нашъ состоялъ бы изъ безграничнаго количества словъ.

Между тѣмъ изъ искусственныхъ каталоговъ языка, словарей, мы знаемъ, что рессурсы каждаго языка имѣютъ свои предѣлы. Это возможно только потому, что слова наши въ различныхъ сочетаніяхъ и въ различныхъ обстоятельствахъ употребленія ихъ имѣютъ различное значеніе.

Слово „столица“ не есть выраженіе одной простой идеи; всякій изъ насъ можетъ различить составныя части, изъ которыхъ сложилась она: идея „города“, идея „главнаго“ города, идея страны или государства, идея управленія, дѣятельности, средоточія дѣятельности .....наконецъ грамматическая идея единства (въ противоположность идеѣ множественности, выражаемой множественнымъ числомъ „столицы“). Слово „законъ“ не имѣло бы для насъ смысла, если бы мы не имѣли представленій объ общежитіи, о государственной власти, повиновеніи, аномаліяхъ общественности и множества другихъ. Далѣе, было уже указано, что на дѣлѣ мы не употребляемъ отдѣльныхъ словъ, что они всегда составляютъ часть предложенія и мѣняютъ свое значеніе, смотря по контексту. „Столица“ можетъ означать въ одномъ случаѣ Парижъ, въ другомъ Москву, въ третьемъ лишь представленіе какой-нибудь части общей идеи столицы, т. е. продуктъ анализа (ср. Сѣченовъ, Психол. эт., 60). То же и со словомъ „законъ“ и другими. Индивидуальное употребленіе ихъ всегда измѣняетъ ихъ смыслъ. Слова въ родѣ *я*, *сегодня*, *теперь*, „сами по себѣ не имѣютъ никакого опредѣленнаго содержанія, и нужно, чтобы привзошли индивидуализирующіе моменты, чтобы дать имъ таковое содержаніе“ (Delbrück, Grundfr. d. Sprachforch., 160). Слово „листъ“ въ различныхъ фразахъ можетъ означать и листъ дерева, и листъ бумаги. Только фраза и обстоятельства употребленія могутъ опредѣлить значеніе слова „коса“, или „корень“ (грамматическій, корень дерева, корень зла.)

Если я въ лавкѣ покупаю чай и отвѣчаю на вопросъ: сколько?— четверть, меня поймутъ сейчасъ: мнѣ нужна четверть *фунта*. При покупкѣ пива или вина тотъ же отвѣтъ „четверть“ будетъ понятъ какъ четверть *ведра*. Нѣтъ нужды иногда языку говорить все. Изъ всѣхъ мыслей въ нашемъ умѣ онъ выражаетъ только нѣкоторыя, спо-

собныя разбудить другія. Многое подразумѣвается благодаря фразѣ и обстоятельствамъ *).

Было уже указано, что предметы языкъ называетъ по какому-либо признаку (рѣка—текущая; быкъ—мычащій, и т. д.). Признакъ этотъ обыкновенно не выражаетъ самаго существеннаго въ вещи, ея „интимной природы". Вокругъ этого признака мы группируемъ другія представленія о вещи, не выражаемыя языкомъ. Такъ что „слово не имѣетъ функцій *опредѣлить* вещь, а только разбудить извѣстный ея образъ" (Darmesteter, op. c., 43). Самый маленькій знакъ, наиболѣе несовершенный и неполный, бываетъ иногда достаточенъ, если только между говорящими извѣстнымъ языкомъ установлена связь между знакомъ и обозначаемой вещью.

Разъ языкъ не выражаетъ всего, что есть въ нашей мысли, мы должны крайне внимательно относиться къ каждому слову и обстоятельствамъ его употребленія. Бываютъ случаи, когда ни контексъ, ни постороннія обстоятельства, не даютъ намъ возможности точно опредѣлить, въ какомъ изъ двухъ или нѣсколькихъ смысловъ употребляется въ извѣстномъ случаѣ слово. Это вызываетъ недоразумѣнія, ошибки, взаимное непониманіе и—непониманіе самаго себя. Къ сожалѣнію, небрежное отношеніе къ слову, какъ къ чему-то совсѣмъ пустому, неважному, распространено и среди ученыхъ. Этимъ они создаютъ сами себѣ искусственныя затрудненія.

„Во всякомъ языкѣ существуютъ слова, которыя не выражаютъ точно одну и ту же идею для всѣхъ, не будятъ во всѣхъ того же самаго образа,—фактъ важный, объясняющій много недоразумѣній и много ошибокъ (Darmesteter, La vie des mots, 69, 70). Мы касаемся здѣсь капитальнаго пункта въ жизни языка,—отношеній словъ къ вызываемымъ ими образамъ. Чаще всего, въ каждомъ изъ насъ слова, означающія чувственные факты, вызываютъ рядомъ съ общимъ образомъ предмета совокупность второстепенныхъ образовъ, болѣе или менѣе поблекшихъ, которые окрашиваютъ главный образъ собственными цвѣтами, мѣняющимися сообразно индивидамъ. Случайности обстоятельствъ, воспитанія, чтеній путешествій, тысячи впечатлѣній, образующихъ ткань нашего нравственнаго существованія, соединили извѣстныя слова, извѣстные комплексы выраженій, съ опредѣленными образами, съ опредѣленными комплексами ощущеній. Отсюда цѣлый міръ неясныхъ впечатлѣній, глухихъ ощущеній, живущій въ безсознательныхъ глубинахъ нашей мысли, родъ смутныхъ мечтаній, кото-

*) „Si vous entendez dans une conversation le mot de ***radical***, il ne sera pas besoin d'expliquer s'il s'agit d'un ***radical*** linguistique, d'un ***radical*** algebrique, d'un ***radical*** chimique, ou d'un politicien ***radical*** Le caratère de ce ***radical*** sortira tout naturellement de la conversation" (Darmesteter, op. c., 44).

рыя каждый носитъ въ себѣ. Слова, грубые истолкователи этого интимнаго міра, даютъ возможность высказать во-внѣ лишь безконечно малую, самую очевидную, самую осязательную часть его. И каждый изъ насъ принимаетъ ее по своему и даетъ ей въ свою очередь разнообразную, мимолетную, подвижную форму, опредѣляемую данными его воображенія.

„Дадимъ примѣръ, чтобы освѣтить эту мысль. Положимъ, что предъявлено требованіе въ одно и то же время къ группѣ лицъ представить мгновенно и естественно, безъ усилія воображенія, картину, указываемую слѣдующими простыми словами: *скала нависшая на берегу моря*. Если бы эти лица сравнили однѣ съ другими картины, которыя вызвала бы эта строка, можно сказать съ увѣренностью, что ни одна изъ нихъ не была бы похожа на другія. Форма скалы, видъ берега и волнъ мѣнялись бы у каждаго, потому что предшествующія впечатлѣнія опредѣлили бы у всякаго своеобразную манеру представлять ихъ себѣ *).

„Здѣсь то и проявляется несовершенство того орудія, при помощи котораго люди обмѣниваютъ между собою свои мысли, орудія, столь удивительнаго въ столь многихъ другихъ отношеніяхъ,—языка.

„Почему изученіе чувствъ въ психологіи столь мало подвинулось впередъ, по сравненію съ изученіемъ интеллекта и дѣятельности? Потому, что большая часть употребляемыхъ терминовъ: inclination, penchant, désir, passion, affection (склонность, стремленіе, желаніе, страсть, привязанность) и т. д., представляютъ собою метафорическія выраженія, которыя затрагиваютъ каждаго изъ насъ различно и которыя каждый переводитъ по своему. Одна изъ главныхъ причинъ темноты, въ которой упрекаютъ нѣмецкую философію, происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ слишкомъ метафорическаго характера ея языка. Сравните живописныя и чувственно-образныя слова въ родѣ *Anschauung*, *Empfindung*, *Vorstellung*, *Begriff*, со столь абстрактными, столь голыми словами нашего (фр.) языка—*intuition*, *perception*, *représentation*, *idée* (интуиція, воспріятіе, представленіе, понятіе). Здѣсь—термины точно представляютъ чистыя абстракціи, тамъ—метафорическія выраженія, вызывающія въ читателѣ особыя ощущенія. Здѣсь—идеи; тамъ—субъективныя и личныя впечатлѣнія. Здѣсь—нужно только понять; тамъ—нужно переводить, и переводить по собственному воображенію, созданному рожденіемъ и прожитою духовною жизнью. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ философіяхъ, родившихся въ нашемъ (XIX) вѣкѣ, учитель такъ рѣдко узнавалъ себя въ своихъ ученикахъ, не понимавшихъ его ученія, но чувствовавшихъ его каждый по своему".

*) Cf. Galton, *Generic images*, dans le *Nineteenth Century*, t. VI, p. 157.

Еще старые грамматики и авторы риторикъ обратили вниманіе на измѣненія значеній словъ и сдѣлали имъ довольно подробный анализъ подъ именемъ ученія о *тропахъ* (tropes, τρόπος); сюда они включали: синекдохи (συνεκδοχή), метониміи (μετωνυμία), метафоры (μεταφορά), катахрезы *). Чтобы дать русскому читателю нѣкоторое представленіе объ этихъ образныхъ выраженіяхъ и вліяніи ихъ на значеніе „словъ-понятій“, мы приведемъ выписку изъ статьи пр. Булича (въ Слов. Брокг., кн. 57, стр. 424, о семасіологіи). „Обыкновенно въ такихъ случаяхъ (т. е. при образныхъ выраженіяхъ) говорятъ, что, кромѣ двухъ сравниваемыхъ между собою понятій, есть еще третье, такъ назыв. tertium comparationis—„третье сравненія“. Это „третье сравненія“ не есть нѣчто новое, а только та часть содержанія обѣихъ сравниваемыхъ группъ представленій, которая является у нихъ общей. Когда говорится: „Леонидъ Спартанскій подобенъ льву“, тутъ нѣтъ и рѣчи о тождествѣ льва и Леонида: этимъ хотятъ только указать, что одинъ изъ признаковъ льва—храбрость—присущъ и Леониду. Точнѣе можно сказать: „Леонидъ Спартанскій храбръ, какъ левъ“, при чемъ прямо выражено и tertium comparationis. Такимъ образомъ возникаетъ такъ назыв. *метафора*. Въ другихъ случаяхъ слово можетъ выходить за предѣлы своего постояннаго значенія сначала случайно, при чѣмъ нѣчто, связанное съ этимъ обычнымъ значеніемъ слова (помощью понятій пространственныхъ, временныхъ и причинныхъ), разумѣется вмѣстѣ со словомъ или становится на мѣсто общаго значенія. Такова, напр., фигура *синекдохи* или „части вмѣсто цѣлаго“ (pars pro toto). Если извѣстная часть предмета является въ то же время характеристичнымъ его признакомъ, то названіе ея можетъ сдѣлаться и названіемъ всего предмета: утка „шилохвостка“, летучія мыши-листоносы, ушаны, подковоносы, фр. esprit fort—„вольнодумецъ“ (обладатель esprit fort). Нерѣдко въ основу имени кладется внѣшній видъ или форма предмета: „глазки“ въ супѣ, на картофелѣ, на ситцѣ, „чашечка“ цвѣтка, „зубья“ у колеса, гребня, бороны, пилы и т. п. Часто извѣстныя части предметовъ обозначаются по имени соотвѣтствующихъ частей другого: „золотая“ или „бѣлая головка“ на „горлышкѣ“ бутылки, „головка“ маку, луку, „главы“ церкви, „голова“ процессіи и т. д. Извѣстныя аналогіи между временемъ и пространствомъ дѣлаютъ возможнымъ перенесеніе обозначеній пространственныхъ на временныя: „передъ“ Новымъ годомъ, нѣм. vor (въ пространственномъ и временномъ значеніи), „долго“ и „коротко“, франц. long-temps и т. д. Аналогія между разными чувственными впечатлѣніями даетъ начало слѣдующимъ значеніямъ: „сладостные звуки“,

*) Къ изложенію и критикѣ (напр., стр. 67) этого ученія отсылаю читателя къ стр. 45—84 сочиненія Darmesteter'a „La vie des mots“.

„блестящая музыка", „сочныя или пряныя гармоніи", „яркіе звуки", „кричащія краски" и т. д. Обозначеніе чувственныхъ впечатлѣній переносится на духовныя отношенія: *вкусъ*, *взглядъ*, онъ *смотритъ* серьезно на свое призваніе, *чистые* или *грязные* помыслы или вкусы, *низменные* вкусы, *теплое* настроеніе, *согрѣтый* огнемъ вдохновенія или любовью къ человѣчеству и т. д. Основываясь на одномъ выдающемся признакѣ извѣстнаго историческаго или литературнаго лица, можно его имя сдѣлать нарицательнымъ и видѣть вокругъ себя „настоящихъ" Цицероновъ и Демосѳеновъ, Фамусовыхъ, Хлестаковыхъ, Плюшкиныхъ, Маниловыхъ и т. д. Другія обозначенія переносятъ отъ содержащаго къ содержимому: весь театръ плакалъ, вся площадь вздрогнула отъ ужаса и т. д. Обозначеніе извѣстнаго свойства становится обозначеніемъ того, кому эти свойства принадлежатъ: гадаетъ *старость* сквозь очки... гадаетъ вѣтреная *молодость* (Пушкинъ); Ваше Величество, Ваше превосходительство, Ваше степенство или, какъ у петербургскихъ банщиковъ, за невозможностью судить о рангѣ посѣтителей, лишенныхъ одежды—„Ваше здоровье" (только „здоровые" ходятъ въ баню: единственный отличительный признакъ раздѣтаго посѣтителя). Такимъ образомъ возникаютъ имена собирательныя и имена отдѣльныхъ лицъ и группъ лицъ или отдѣльныхъ предметовъ: правительство, правленіе, провидѣніе, украшеніе, доходъ, расходъ, выигрышъ, прибыль и т. д. Въ этихъ случаяхъ имя дѣйствія становится именемъ его результата (украшеніе, выигрышъ), переносясь на его объектъ, внутренній (скачекъ мысли, подъемъ духа) или внѣшній (переходъ—въ смыслѣ доски или жердочки, по которой переходятъ, входъ, въѣздъ, подъѣздъ и т. д.). Аналогичное измѣненіе значенія мы имѣемъ въ случаяхъ употребленія имени писателя или художника вмѣсто названія ихъ произведеній: чудесный Рембрандтъ, играть Баха, Шопэна, читать Гёте, Пушкина и т. д. Такіе же случаи имѣемъ, когда любимая поговорка извѣстнаго лица или крикъ животнаго дѣлаются ихъ именемъ (напр., прозвище польскаго магната Пане Коханку—за его привычку постоянно употреблять это обращеніе, дѣтское названіе собаки „ауау" или тихохода „айай"). Въ этомъ же родѣ названія растеній: не тронь меня", „перекати поле" и т. д. Различные виды измѣненія значенія могутъ слѣдовать другъ за другомъ и такимъ образомъ усложняться. „Рогъ (нѣм. Horn) первоначально есть духовой музыкальный инструментъ, приготовленный изъ рога животнаго (имя предмета получилось отъ имени матеріала, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ; ср. „продается фарфоръ, хрусталь, столовое серебро, бронза, мельхіоръ", т. е. посуда и утварь изъ этихъ матеріаловъ), а потомъ вообще духовой инструментъ изъ любого матеріала: бересты, дерева (пастушескій или альпійскій рожокъ), мѣди,

серебра, сохранившій (не всегда точно) форму древняго „рога“, дѣлавшагося изъ турьяго рога Такъ какъ *всякая рѣчь состоитъ изъ предложеній*, то возможно измѣненіе значенія не только отдѣльныхъ словъ или группъ словъ, но и цѣлыхъ предложеній. Обыкновенное теченіе этого процесса таково: сначала подобныя группы словъ получаютъ въ индивидуальномъ употребленіи случайное значеніе, которое при повтореніи дѣлается обычнымъ, уже не покрываясь болѣе значеніемъ отдѣльныхъ словъ данной группы, взятыхъ вмѣстѣ. Таковы выраженія: „согнуть въ бараній рогъ“, „угнать, куда Макаръ телятъ не гонялъ“, „ѣздить къ чорту на кулички“ или „за семь верстъ киселя ѣсть“, „попасть пальцемъ въ небо“, „наклеить кому-либо носъ“ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначальное значеніе такой группы словъ можетъ быть раскрыто только путемъ разныхъ историческихъ, этнографическихъ и т. п. справокъ, также какъ и значеніе извѣстныхъ отдѣльныхъ словъ. Значеніе нѣмецкаго Messe—ярмарка вытекаетъ изъ общаго обычая пригонять ярмарку къ храмовому празднику, когда служилась особенно торжественная месса (отсюда и польск. Kiermasz, бѣлорусск. кермашъ=нѣм. Kirchmesse, франц. kermesse). Совершенно такъ же выраженія: „разсказать всю подноготную“, „хоть матушку рѣпу пой“ указываютъ на существованіе пытокъ (забиваніе спицъ подъ ногти, раздираніе рта развинчивавшейся „рѣпой“ или „грушей“); выраженія „попасться въ просакъ“, „стать въ тупикъ“, „получить гарбузъ“, франц. piquer un chien и т. д. объясняются изъ тѣхъ или другихъ обычаевъ, мѣстной терминологіи и т. д.“.

Главный недостатокъ старыхъ риторическихъ и грамматическихъ ученій состоялъ въ томъ, что въ прежнее время господствовалъ атомистическій взглядъ на рѣчь. Теперь мы хорошо знаемъ, что „слова не живутъ изолированными въ нашей мысли и на нашихъ губахъ“ (Darmesteter, op. c., 123). „Слово, разъ вошедшее въ обычай, не существуетъ болѣе само по себѣ, а для фразъ, въ которыя оно входитъ, и для доли идеи, выраженію которой оно служитъ“ (V. Egger, La parole intérieure, 115).

Брать каждое слово отдѣльно отъ другихъ, какъ нѣчто самостоятельное и независимое, значитъ совершать абстракцію. Всякое слово выросло въ связи съ другими словами: неотдѣлимыя другъ отъ друга, они составляютъ въ своей совокупности сложное и непрерывное единство (Continuum), въ которомъ различаетъ ихъ лишь наша мысль Съ этой точки зрѣнія, слово есть лишь одна изъ сторонъ (aspects, точекъ зрѣнія), съ которыхъ мы разсматриваемъ всякое бытіе: сторона (l'aspect) разницы, послѣдованія и множественности; но, въ силу уже этого одного, оно подразумѣваетъ другую, соотносительную, сторону (l'aspect)—тождества, постоянства и единства языка,

какъ цѣлаго. Языкъ для насъ, арійцевъ, не можетъ существовать безъ словъ, но и слово не мыслимо безъ языка: оно лишь продуктъ его разложенія*). Слово не имѣетъ смысла само по себѣ, внѣ языка: оно неотдѣлимая часть его.—Къ сожалѣнію, этотъ синтетическій взглядъ на слово еще недостаточно проникъ даже въ ученую публику, внѣ круга спеціалистовъ-лингвистовъ**). „Нѣкоторые писатели", говоритъ H. Morgan-Browne (The contemporary review, 1901 г., іюнь, стр. 828), „повидимому, конституціонально неспособны понять, что слова, подобно цифрамъ (напр.,—1, 3, 0... 30... 03... 300), должны быть употребляемы и понимаемы въ зависимости отъ ихъ контекста"...

„Хотя, говоритъ Максъ Мюллеръ (La science du langage, 130), и говорятъ объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ нашей системѣ образованія, но наши современныя грамматики основаны, главнымъ образомъ, на первомъ *эмпирическомъ анализѣ языка*, подготовленномъ въ Греціи, сдѣланномъ Александрійскими учеными и примѣненномъ учителями греческаго языка въ Римѣ къ чисто практической задачѣ—обученію иностранному языку... Способъ (стр. 132), которымъ выработана была эта система грамматической науки, не позволяетъ намъ *ожидать* отъ нея *большого свѣта* относительно природы языка... На живое тѣло языка была наброшена простая искусственная сѣтка грамматическихъ подраздѣленій... Что мы знаемъ о языкѣ, выучивъ школьную грамматику или нѣсколько грамматикъ?... (Стр. 134, лекція IV) —Неосмысленную технику его".

---

*) Ср. Wundt, Sprache, I, 560; Delbrück, Grundfr. d. Sprachforsch., 35, 39, 40, 136 и др.; Зѣлинскій, ор. c., 642, кн. 62.

**) Важность синтетической точки зрѣнія особенно очевидна въ нѣкоторыхъ другихъ группахъ языковъ,—напр., въ китайскомъ. Синтаксисъ стоитъ здѣсь на первомъ мѣстѣ. „Значеніе словъ въ рѣчи опредѣляется ихъ мѣстомъ и ихъ соотношеніемъ со словами добавочными... Этимологія тѣсно связана съ синтаксисомъ... Падежи наши... указываются положеніемъ слова въ фразѣ... Смыслъ словъ зависитъ отъ размѣщенія... и т. д. (см. Лутовиновъ, Начатки грам. китайск. яз., 2, 10, 14). Tschoun, сообразно положенію во фразѣ и акценту, можетъ означать: хозяинъ, свинья, кухня, колонна, либеральный, приготовлять, старая женщина, ломать, благопріятный, мало, сдѣлать влажнымъ, рабъ, плѣнникъ (Benloew, Aperçu général de la science comparative des langues, стр. 20).--Нѣкоторую аналогію можетъ представить англ. sound, которое, смотря по обстоятельствамъ и контексту, означаетъ: здоровый, звукъ, звучать, проливъ, вывѣдывать, основательный, плавательный пузырь у рыбъ, трубить въ трубы, честный, каракатица (моллюскъ), провозглашать и мн. др.

Есть мѣсто въ Библіи (втор. послан. къ коринѳян., IV, 4), гдѣ олицетвореніе Высочайшаго Добра и Справедливости слово-понятіе Богъ употреблено въ такомъ нехорошемъ смыслѣ, что переводчики написали его маленькимъ б (богъ): по контексту оно имѣетъ здѣсь смыслъ какъ разъ противоположный—олицетворенія Зла и Неправды, демона, черта. Въ русс. перев. сказано: „богъ вѣка сего"; въ нѣмец.: „богъ міра невѣрующихъ".

Если фраза предшествуетъ слову, и если „старое представленіе, будто предложеніе составляется изъ первоначально существующихъ независимо словъ, можетъ теперь считаться устраненнымъ въ научной грамматикѣ“ (Wundt, Sprache, I, 560), то очевидно, какъ велико то значеніе, которое играетъ въ языкѣ синтаксисъ. Синтаксическая связь, въ которой употребляется слово, не есть случайность. Ею именно опредѣляется роль слова въ языкѣ. Способность слова входить въ тѣ или иныя комбинаціи съ другими словами, или способность его въ изолированномъ видѣ служить названіемъ какого-нибудь факта, явленія, науки или научной спеціальности,—все это опредѣляется синтаксисомъ *).

Слово-понятіе есть продуктъ анализа. „Совокупное представленіе, подвергающееся соотвѣтствующему анализу **), называется мыслью; расчлененіе мысли на ея составныя части называется сужденіемъ, а продуктъ расчлененія—понятіемъ (Delbrück, Grundfr d. Sprachforsch., 38). „Сужденіе не есть, слѣдовательно, соединеніе раньше существующихъ отдѣльныхъ понятій, а разложеніе общаго представленія, предшествующаго всѣмъ частичнымъ представленіямъ“ (Delbrück, op. c., 40).

„Слова-понятія“ не имѣютъ, слѣдовательно, особаго существованія отъ тѣхъ предложеній, въ составъ которыхъ они входили. Единицею мышленія служитъ не слово, а предложеніе. Въ различныхъ предложеніяхъ одно и то же слово имѣетъ различное значеніе, въ зависимости отъ контекста. Если, напр., кто-нибудь завѣщалъ свое состояніе для общеполезнаго дѣла, устроивъ, положимъ, больницу, богадѣльню и т. п., я могу сказать: хорошее дѣло сдѣлалъ. Если кто-нибудь обмошенничалъ другого, или вообще совершилъ какой-либо предосудительный поступокъ, я могу сказать: хорошее дѣло сдѣлалъ. Одна и та же фраза, но, въ различныхъ обстоятельствахъ, она имѣетъ совершенно противоположное значеніе. Второе „хорошее“ имѣетъ, очевидно, ироническій смыслъ: оно прикрываетъ собою совсѣмъ не то, что въ первомъ случаѣ ***).

---

*) Спеціальныя работы о синтаксисѣ: Delbrück, „Altindische Syntax“ и „Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen“.

**) Раньше приводится примѣръ, какъ развертывающаяся передъ нашими глазами картина человѣка, рубящаго дерево, схватывается нами актомъ синтетической апперцепціи въ качествѣ совокупнаго представленія. Какъ потомъ въ этой картинѣ выдѣляются отдѣльные пункты, и обособляются актомъ аналитической апперцепціи въ отдѣльныя представленія: человѣка, дерева, рубки. И какъ потомъ, въ дальнѣйшей обработкѣ этихъ частичныхъ представленій, участвуютъ фантазія и мышленіе.

***) Иногда значеніе слова или фразы опредѣляется ближайшимъ образомъ лишь тономъ: canaille! coquin! animal! и т. д. По Delbrück'у (Grundfr. d. Sprachfor., 140—145) это „нерасчлененныя предложенія“ или „нерасчлененные эквиваленты предложеній“. Сюда принадлежатъ также звательныя (Иванъ!) и междометія (ой!).

Изучая міровоззрѣніе народа, или стараясь уяснить себѣ, какъ онъ выражаетъ извѣстныя идеи, мы должны обращать вниманіе на ту синтаксическую связь, въ которой онъ употребляетъ слова *). Отдѣльныя слова ничего намъ уяснить не могутъ: это искусственно выдѣленные продукты разложенія. Законы синтаксиса столь же обязательны для насъ, какъ и законы этимологіи. Кто хочетъ достигнуть истины, долженъ сообразоваться съ законами языка, какъ и съ законами внѣшней природы. Королевской или особой ученой дороги здѣсь нѣтъ. Допускать такое синтаксическое соединеніе словъ, котораго не допускаетъ народъ, значитъ иногда сдѣлать гораздо бо́льшую ошибку, чѣмъ, напр., замѣнить при произношеніи слова „столъ“ букву „о“ буквою „у“. Получится совсѣмъ другое слово. А если бы буква „о“ была замѣнена буквою „и“, то получилась бы и совсѣмъ безсмыслица.

они также выражаютъ запрещеніе, велѣніе, напоминаніе, призывъ, или, напр., боль, которой не чувствуютъ (въ языкѣ съ дѣтьми „ай“ для передачи представленія о такой боли).—Тонъ даетъ иногда слову „чиновникъ“ у насъ обидное значеніе, равно какъ „либералъ“, „консерваторъ“, „мѣщанинъ“, „гусь“...

*) Двусмысленность или многосмысленность словъ, на которую указываютъ всѣ логики какъ на источникъ ошибокъ въ мышленіи, не есть что-то исключительное и случайное. Это общее правило. На это-то и обращали такъ мало вниманія до сихъ поръ. Только случайно тотъ или иной писатель указывалъ на двусмысленность того или иного термина, считая его ipso общимъ правиломъ односмысленность словъ. Такъ, напр., Fowler (Logic, VIII стр.) указываетъ, что большинство логическихъ терминовъ (опредѣленіе, раздѣленіе, классификація, выводъ, противоположеніе, обращеніе, перестановка... имѣетъ два смысла: (1) результатовъ и (2) процессовъ, путемъ которыхъ они добыты. Это различіе смысла очень важно въ логикѣ и обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія изучающихъ. Или, напр., есть много терминовъ въ физическихъ наукахъ (свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ), которые имѣютъ два смысла: (1) производящей силы и (2) произведеннаго эффекта. Это различіе смысла также важно въ наукѣ, по указанію ученыхъ (Grove, Correlation of Forces. 5 ed., p. 251). —Между тѣмъ, двусмыслiе есть общее правило, а потому и требуетъ отъ насъ постоянной осторожности. Синтаксическое сосѣдство оказываетъ чрезвычайно большое вліяніе на значеніе (Ср. Darmesteter, op. c., 38, 51, 62...). Въ соединенномъ Apfelwein слово Wein входитъ въ наше сознаніе только частью своего содержанія (seines Vorstellungsinhaltes; Delbrück, Gr. d. Sp., 162).—Я уже не говорю объ измѣнчивости значенія словъ во времени. Никто, читающій теперь надпись на „россійской мѣдной монетѣ“, не думаетъ при словѣ „монета“ о Юнонѣ Внушительницѣ (Moneta), отъ которой произошло это слово (см. Зѣлинскій, op. c., 649, кн. 62).—Точно также и слово „право“, въ зависимости отъ характера контекста и обстоятельствъ, можетъ прикрывать вещи существенно различныя: (1) то это противоположность обязанности, то (2) интересъ, выгода, польза, то (3) власть (или сила), то (4) привилегія, то (5) возможность, то (6) свобода... Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужны осторожность, вниманіе и обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ и контекста, чтобы опредѣлить его значеніе. Право нищаго построить себѣ мраморный дворецъ не можетъ, конечно, дать ему большихъ выгодъ.

Повторяю: синтаксисъ имѣетъ столь же большое значеніе въ языкѣ, какъ и этимологія. Допускать такія соединенія словъ, *которыя чужды народному языку*, значитъ нарушать законы этого языка, вкладывать въ него то, чего не вкладываетъ народъ. Основной же законъ всякаго языка гласитъ: „никто не имѣетъ права вкладывать въ языкъ народа того, чего самъ этотъ народъ въ своемъ языкѣ не находитъ“ (Потебня, Мысль и языкъ, 146).

Взять какое-либо слово изъ допускаемой языкомъ синтаксической связи и поставить его въ новую, не значитъ замѣнить просто одно искусственное выраженіе другимъ, а значитъ часто кореннымъ образомъ измѣнить міровоззрѣніе народа, его пониманіе жизни (ср. Delbruck, op. c., 162, 79).

Психологія рѣчи, изслѣдующая (синтаксическую и иную) умѣстность выраженій съ точки зрѣнія народа, имѣетъ огромное значеніе при изученіи его міровоззрѣнія. Изучая же народъ, мы изучаемъ и самихъ себя. И мудрость оказывается иногда не на сторонѣ сознательныхъ усилій найти истину, а на сторонѣ начальнаго, едва сознательнаго, мышленія. Латентная философія языка оказывается часто выше философіи патентованныхъ ученыхъ. „Пріятно найти иногда результаты тяжелаго философскаго труда, работу столѣтій мысли, давно уже установленными (anticipated) съ величайшею простотою философами далекаго прошлаго времени, людьми, которые едва ли знали, что они были философами“ (M. Müller, The Sc. of Thought, 27, 28). Кто объяснитъ, откуда эта мудрость безсознательнаго?!

Слово „право“, внѣ всякаго сомнѣнія, есть слово русское. Слово „полицейскій“, хотя и заимствовано изъ иностраннаго источника, но переработанное по-русски, также должно считаться русскимъ. И, однако, выраженіе „полицейское право“ не есть русское выраженіе. Слова „вода“ и „водный“, „гора“ и „горный“, „лѣсъ“ и „лѣсной“— безспорно русскія слова. Но, выраженія—„водное право“, „горное право“, „лѣсное право“—не русскія. Не-русскою является именно синтаксическая связь. Народъ не употребляетъ такихъ выраженій. Для тѣхъ идей, которыя желаетъ вложить въ нихъ искусственный научный языкъ, народная рѣчь имѣетъ болѣе простыя, ясныя и естественныя выраженія, напр. „законы о пользованіи водою“, или „правила“, или „обычаи“, „уставъ“, „законоположенія“, и множество другихъ. А что подобными выраженіями можетъ обходиться и научный языкъ, въ этомъ свидѣтельствомъ служитъ намъ англійская юриспруденція (law, custom...).

Народный языкъ носитъ на себѣ печать простоты и безъискусственности, das Gepräge des Naturlichen, Ungesuchten und Ungekunstelten. И когда юристы входятъ въ соприкосновеніе съ народомъ,

не тронутымъ ихъ learned Gibberish, ученой тарабарщиной, они оставляютъ свой высокопарный стиль и „языкъ боговъ“ и говорятъ съ нимъ обычнымъ языкомъ смертныхъ. Для выраженія тѣхъ простыхъ идей, съ которыми имѣютъ дѣло юристы, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ достаточно простой родной рѣчи, которой мы научились въ семьѣ, отъ матери или няньки. Эта рѣчь наиболѣе понятна всѣмъ. Мы должны хранить ее, и всячески держаться ея. „Sprich, wie dir der Schnabel gewachsen ist“, говорятъ въ Германіи всякому, кто начинаетъ говорить hochtrabend, высокопарно. Кому нуженъ такой языкъ?—Невѣждѣ, или человѣку, который не будучи образованъ, желаетъ казаться таковымъ, sich einen Anstrich von Bildung zu geben. Есть много людей, любящихъ *позу*, одержимыхъ зудомъ порисоваться, пококетничать своею весьма призрачною ученостью. Голова ихъ, де, переполнена столь возвышенными, глубокими и необыкновенными мыслями, что для нихъ нуженъ особый „языкъ боговъ“. Какъ можно передать простому смертному на его смертномъ языкѣ идею ослинаго права“ *)? Вотъ, если я выпалю фразу о „коллизіи максимъ лошадинаго права съ принципами полицейскаго права вслѣдствіе несогласованности ихъ съ вѣчными началами философскаго права и недостаточнаго проникновенія въ позитивное право элементовъ естественнаго права“, то пройдетъ очень много времени, прежде чѣмъ меня пойметъ кто-нибудь, и рѣшитъ вопросъ о томъ, какая мысль скрыта въ ней, и вообще есть ли какая-нибудь мысль тамъ. Но, есть много простодушныхъ людей, которые будутъ видѣть въ ней доказательство возвышенности познаній говорящаго **).

*) „Infinitae vero sunt juris species... aliud aequinum, aliud asininum, aliud vineae, aliud agri, aliud pecoris, aliud hominis“ (Bracton, De legibus Angliae, кн. I, гл. V, стр. 20). Коровье право, овечье право, кошачье право, свиное право... право садовое, огородное... Цицеронъ (de legibus, I, [XVI], 44) сомнѣвался еще, можно ли говорить о правѣ воровства, прелюбодѣянія и подлога, jus latrocinari, jus adulterare, jus testamenta falsa supponere. Съ тѣхъ поръ какъ открыто Неправое Право или Неправильное Право (Stammler, Die Lehre von dem richtigen Rechte) въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ: на то оно и существуетъ, чтобы строить козни и портить жизнь людямъ. Правильное Право учредитъ добродѣтельное право, а Неправильное Право придумаетъ такое право,которое бы все дѣло испортило.

**) Благородный гидальго изъ Ламанчи тоже не любилъ реальной прозы дѣйствительности и говорилъ о фореляхъ тамъ, гдѣ другіе видѣли простую треску, о замкѣ тамъ, гдѣ другіе видѣли лишь трактиръ, о принцессахъ вмѣсто бабъ, о кастелянѣ вмѣсто трактирщика, о великанахъ вмѣсто мельницъ, о шлемѣ „Мамбрина“ вмѣсто таза цирульника, и въ grandezza своихъ періодовъ свидѣтельствовалъ о возвышенности своихъ знаній и міросозерцанія. И, все-таки, мы знаемъ, что костлявая, неуклюжая и, какъ неподмазанное колесо, скрипучая рѣчь Санчо вѣрнѣе передавала намъ жизнь. Свѣжесть и полная непосредственность ея отражаетъ реальность и гонитъ тѣ Spukgestalten, которые мѣшаютъ другимъ видѣть

Есть, разумѣется, много людей, искренно полагающихъ, что выраженія въ родѣ „философское право“, „полицейское право“, и т. д., являются послѣднимъ словомъ науки, результатомъ глубокаго проникновенія въ сущность вещей. Идя въ тонъ ихъ мышленію, нужно заключить, что съ появленіемъ на ряду съ выраженіемъ „желѣзнодорожное право“ выраженій—право шоссейное, немощено-дорожное, грязно-уличное, банное, сарайное, и т. п., наше углубленіе въ сущность вещей пойдетъ еще дальше. Если на ряду съ „горнымъ правомъ“ развитіе науки принесетъ право песочное, каменное, деревянное, и т. д., то прогрессъ будетъ обезпеченъ. Подобную роль слово играетъ, конечно, не въ одной юриспруденціи. Есть много загадочныхъ явленій, которыя люди считаютъ объясненными, если только они придумали для нихъ по возможности мудреное названіе. Установлено, напр., что существуютъ люди ясновидящіе, обладающіе даромъ предчувствія и угадыванія. И многіе считаютъ, что явленіе это уяснено тѣмъ, что для него придумано, въ сущности, конечно, ничего не объясняющее, слово „Телепатія“. На все это можно лишь отвѣтить словами архіепископа Tillotson'a: „ce qui me paraît le plus admirable c'est qu'après s'être donné à eux-mêmes bien de la peine pour inventer ces grands mots et avoir mis les autres à la gêne pour les entendre, ils aient eu l'imprudence de donner à ce jargon le beau nom d'explication des choses“.

Для здороваго развитія рѣчи-мышленія нужны оба элемента: народный и литературный или ученый. Безъ литературы языкъ сильно склоненъ къ быстрымъ перемѣнамъ, порывающимъ связь настоящихъ поколѣній съ прошлыми: въ немъ получаютъ перевѣсъ революціонныя силы. Литературный языкъ служитъ связывающимъ звеномъ для различныхъ діалектовъ и играетъ роль консервативной силы по отношенію къ каждому изъ нихъ. Но и языкъ литературный, при полномъ обособленіи отъ народнаго языка, представляетъ опасности для мышленія. Такимъ былъ, напр., латинскій языкъ въ средніе вѣка, когда онъ сдѣлался лишь языкомъ кабинетныхъ людей и жилъ совершенно обособленною жизнью. Разобщеніе съ жизнью и породило схоластику. Мнѣ кажется, что презрительное отношеніе къ схоластистической философіи среднихъ вѣковъ, не совсѣмъ справедливо. На ряду съ массою вздорныхъ вопросовъ схоластики поднимали и многіе жизненные, имѣющіе значеніе до сихъ поръ. Таковы, напр., были вопросы о взаимномъ отношеніи мышленія и слова (реалисты и номиналисты), объ общихъ терминахъ (universalia), о понятіяхъ, отно-

---

ихъ настоящую дорогу и настоящее дѣло въ жизни. Фантазіи хороши, только не въ наукѣ. Объяснимое человѣчески, должно по-человѣчески и объясняться. Выразимое просто, должно и просто выражаться.

шеніяхъ *). Болѣе внимательное отношеніе къ нимъ могло бы пролить свѣтъ на нѣкоторые вопросы, впервые поднятые Локкомъ и его преемниками **). Несомнѣнно, однако, что, едва-ли есть другой періодъ въ человѣческой исторіи, когда бы растрачивалось напрасно такъ много научныхъ силъ, какъ въ періодъ схоластики. Обособившись въ своемъ языкѣ отъ народа, ученые потеряли живое соприкосновеніе съ жизнью. Они жили своими особыми кабинетными интересами, предавались игрѣ ума, и тратили время на рѣшеніе вопросовъ, не имѣвшихъ никакого жизненнаго значенія. Они не имѣли дѣла съ жизнью, а жизнь съ ними. Особый языкъ создавалъ презрительно-снисходительное отношеніе къ массѣ, не знавшей этого языка, и укрѣплялъ „избранниковъ“ въ мнѣніи объ ихъ сверхчеловѣческихъ особенностяхъ. Мышленіе считалось привилегіею лишь тѣхъ, кто говорилъ на ихъ особомъ языкѣ. Нелѣпости, до которыхъ доходили схоластики слишкомъ общеизвѣстны, чтобы нужно было останавливаться на нихъ. Тѣ жизненные вопросы, которые затрагивались ими, объясняются именно тѣмъ, что вполнѣ обособиться отъ жизни и ея вліянія никто на дѣлѣ не можетъ.

Прогрессивное движеніе въ наукѣ становится все болѣе замѣтнымъ по мѣрѣ того, какъ ученымъ языкомъ избирается національный языкъ каждой страны. Сближеніе съ народомъ оказало самое благодѣтельное вліяніе на научное мышленіе. Тамъ, гдѣ крѣпче всего оказалась закваска схоластики—въ Германіи, тамъ и мышленіе сохранило въ большей мѣрѣ слѣды ея вліянія: въ оторванности отъ жизни, въ искусственной („чертовской“, какъ называлъ мнѣ ее одинъ русскій философъ) терминологіи, въ ходульности, въ преобладаніи конструктивнаго воображенія, въ стремленіи жертвовать матеріальной истиной и полнотой знаній внѣшней стройности и формализму. Ученое самомнѣніе исключало возможность повѣрки собственнаго мышленія мышленіемъ народа, а связанныя съ нимъ скудость и узкая цеховая ученость лишали возможности понимать мыслителей иныхъ народностей стараго и новаго времени. Успѣхи другихъ наукъ не приносили имъ пользы.

Неся непосредственно и въ большей мѣрѣ, чѣмъ кто-либо, на своихъ плечахъ бремя жизни, народъ склоненъ мыслить реалисти-

---

*) См. Bascom, Historical interpretation of philosophy, стр. 102—126.

**) „Сдѣлавъ уступку относительно ихъ недостатковъ, и переведя ихъ мысли на философскую фразеологію нашего времени, говоритъ М. Мюллеръ (The Sc. of Th., 41), мы должны удивиться не только точности, но и глубинѣ ихъ мышленія, и устыдиться той плоскости, съ которою иногда современная философія трактовала тѣ самые вопросы, которые эти столь презираемые схоластическіе философы обсуждали съ несравненно большимъ пониманіемъ всей ихъ важности.

чески. Простодушный и невѣжественный Санчо смотритъ на многія вещи несравненно правильнѣе своего рыцарственнаго и начитаннаго господина. *Основные* экономическіе, нравственно религіозные и политическіе вопросы затрагиваютъ народную массу несравненно въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ ея интеллигенцію. Только она относится къ нимъ не столько разсудкомъ, сколько чувствомъ. Что важно и что неважно для жизни, это мы скорѣе узнаемъ отъ мужика, чѣмъ отъ кабинетнаго интеллигента или кисейной барышни. Нужно только умѣть спрашивать и умѣть понимать. Обремененный жизненными заботами, человѣкъ не станетъ тратить своего времени на рѣшеніе вопроса: будетъ ли позволено послѣ воскресенія ѣсть и пить. Человѣкъ, для котораго сдѣлаться жертвою несправедливости означаетъ иногда голодную смерть, будетъ прекрасно чувствовать ея значеніе, хотя и не будетъ умѣть много разсуждать о ней. Человѣкъ, къ которому всю его жизнь существованіе обращено отрицательной стороной, лучше другихъ оцѣнитъ значеніе религіи, хотя и не будетъ умѣть вести тонкихъ теологическихъ споровъ. Самою консервативною силою въ религіозномъ, политическомъ и національномъ отношеніи является народная масса, творецъ народнаго языка. Она—охранитель государства и алтаря въ преимущественномъ смыслѣ *). А *кто стоитъ на стражѣ національности, тотъ, хотя бы безсознательно, стоитъ и на стражѣ науки.*

Вопросъ о національности слишкомъ большой и многосторонній вопросъ. Онъ имѣетъ свои шипы. Я не беру на себя его рѣшеніе въ цѣломъ. Намъ важна здѣсь лишь та сторона его, которою онъ соприкасается съ познавательною дѣятельностью человѣка. Съ этой стороны, *всякая* (слѣдовательно, не одна лишь моя или моего читателя) національность есть необходимое и законное явленіе. Культурный прогрессъ покоится не на стираніи внутреннихъ характерныхъ особенностей народовъ, подобно уничтоженію внѣшнихъ, раздѣляющихъ народы и мѣшающихъ ихъ взаимному общенію, границъ при посредствѣ новыхъ удивительныхъ изобрѣтеній въ техникѣ и усовершенствованій въ общественной жизни. Наоборотъ. Чѣмъ болѣе теряютъ эти послѣднія свое разъединяющее дѣйствіе, тѣмъ рѣзче выступаютъ первыя. Народы какъ бы уперлись противъ идеи слитаго однообразія человѣчества безъ національныхъ различій. Каждый стремится все болѣе укрѣпить свои особенности, очистить ихъ и пріобрѣсти имъ любовь своихъ соотечественниковъ и уваженіе чужихъ. Въ

*) Греческія народныя пѣсни сохранили отъ гибели греческій народъ подъ игомъ турокъ. „Эти пѣсни поддержали и укрѣпили между ново-греками національное самосознаніе, не смотря на всѣ бури вѣковъ... Новогреческая народная пѣсня была исторической силой въ жизни націи“ (См. Karpeles, Allgemeine Geschichte der Litteratur, т. II, стр. 842, 843).

прочномъ характерѣ каждой народной индивидуальности, въ національномъ самосознаніи, лежитъ высочайшая сила народа и его способность къ развитію.

Самое небольшое знакомство съ народностями иныхъ расъ при посредствѣ ихъ языковъ открываетъ намъ въ нашемъ собственномъ духѣ вещи, о которыхъ намъ не могутъ дать никакого понятія ни Джемсы, ни Сёлли, ни Бэны, ни Гёффдинги, не смотря на все превосходство ихъ работъ. Мы должны быть благодарны этимъ народностямъ за сохраненіе ихъ національныхъ особенностей *), столь тѣсно связанныхъ съ языкомъ каждой изъ нихъ **). Въ національныхъ языкахъ сложены духовныя цѣнности человѣчества. До сихъ поръ психологія и логика (а, слѣдовательно, и всякая наука) исходили изъ ошибочнаго представленія о человѣкѣ какъ лишь индивидуумѣ. Намъ, изучающимъ общественныя и политическія науки, должна быть особенно непростительна такая односторонность. „Традиціонныя представленія, языкъ и развитыя въ немъ формы мышленія, наконецъ, глубоко идущія воздѣйствія воспитанія и образованія, являются предварительными условіями всякаго субъективнаго опыта“ (W. Wundt, Völkerpsychologie, т. I, ч. 1, стр. 1). Только національныя особенности въ языкѣ, миѳахъ и нравахъ, могутъ содѣйствовать намъ въ пониманіи многихъ фактовъ индивидуальной психологіи и литературнаго и научнаго творчества, а также и заблужденій.

---

*) Посмотрите, какъ, напр., отзывается о маленькомъ славянскомъ племени „лужичанъ“ или „вендовъ“, сохранившемся маленькимъ островкомъ въ Германіи, представитель враждебнаго денаціонализирующаго ихъ моря нѣмецкой народности (Karpeles, All. Geschichte d. Litteratur, II, 829). „Усилія этого маленькаго племени, взошедшаго какъ заброшенное зерно на чужой почвѣ, сохранить и на ней свою національную самобытность, свой языкъ и свою духовную жизнь, имѣютъ нѣчто трогательное и симпатичное“.

Это говорится въ книгѣ, писанной на языкѣ той самой народности, которая въ воспоминаніе той страшной борьбы, гдѣ были раздавлены въ началѣ среднихъ вѣковъ славяне, обратила „въ своемъ грубомъ произношеніи“ ихъ славное имя „Slaven“ („brillants“, „illustres“) въ „Sclaven“, дѣлая по жестокой ироніи изъ этого блестящато имени одно изъ самыхъ жалкихъ въ современныхъ языкахъ (фр. esclave происходитъ изъ того же источника; см. Darmesteter, La vie des mots, 94, 95).

Поставьте съ этимъ въ параллель новѣйшее заявленіе знаменитаго историка Моммзена: „чехи—апостолы варварства, грозящаго въ *безднѣ некультурности* похоронить 500-лѣтнюю работу нѣмцевъ“, и что „чешская башка не признаетъ разумныхъ доводовъ, но *тумаки* и для нея понятны“. Сравните съ этою узкою нетерпимостью пренебрежительные отзывы о чехахъ же Бисмарка, и политику германизаціи Польши.

**) „Принявши... *духъ* въ смыслѣ сознательной умственной дѣятельности..., мы увидимъ, что духъ безъ языка не возможенъ, потому что самъ образуется при помощи языка и языкъ въ немъ есть первое по времени событіе“ (Потебня, Мысль и яз., 45, 46).

Если сохраненіе языка желательно и безусловно необходимо въ научныхъ цѣляхъ, то очищеніе языка, или строгій консерватизмъ въ немъ, не допускающій порчи, есть отрадное доказательство пробуждающагося самосознанія народовъ. Во время подъема національнаго духа чужія слова и чужой синтаксисъ избѣгаются и обращаются въ слова и обороты собственнаго языка. Во времена упадка національнаго сознанія люди ищутъ чужихъ словъ и оборотовъ и принимаютъ безъ критики, безъ преобразованій. Поэтому, стремленіе изгнать изъ языка чужія слова и чужой синтаксисъ, эти жалкіе свидѣтели національнаго упадка, весьма естественно и разумно.

Сопротивленіе введенію чужихъ словъ или чужого синтаксиса является масштабомъ силы самосознанія народа. Чѣмъ больше народъ противится проникновенію чужого въ сокровищницу своего языка и духа, и—или отклоняетъ эти чуждые элементы, или принимаетъ лишь послѣ національной переработки, тѣмъ большую духовную энергію доказываетъ онъ этимъ. Примѣромъ могутъ служить англичане.

Иногда интеллигенція измѣняетъ своему народу и начинаетъ, безъ нужды, а иногда и въ ущербъ здравому смыслу, вводить чуждые элементы въ этимологію („баталія“) или синтаксисъ („положительное право“ въ смыслѣ laws) его языка. Народная рѣчь можетъ служить коррективомъ въ подобномъ случаѣ. Народъ обладаетъ крѣпкою консервативною силою. Онъ хочетъ, чтобы съ нимъ говорили просто: онъ не отказывается такъ легко отъ своего естественнаго права сводить все къ субъективной точкѣ зрѣнія родного и знакомаго. Эта вѣрность самому себѣ и стремленіе остаться господиномъ проникающаго къ нему чужого проявляется, напр., въ области, такъ назыв., народныхъ этимологій *). Онъ хочетъ понять его, а для этого ему нужно акклиматизировать это чужое, свести его къ извѣстному. Чуждые элементы инстинктивно обращаются на службу родному. Процессъ какъ разъ обратный тому, который примѣняетъ языкъ интеллигенціи. Эта послѣдняя беретъ слова и выраженія, какъ она ихъ слышитъ отъ иностранцевъ. Сохраненію возможно точнаго внѣшняго вида, копированію формы, приносится иногда въ жертву сущность дѣла. Языкъ интеллигенціи скорѣе готовъ сдѣлать насиліе привычкамъ родного языка, какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи. Это имѣетъ свою хорошую сторону, такъ какъ поддерживаетъ взаимное пониманіе ученыхъ людей разныхъ странъ,

*) „Понтонный“ мостъ солдатъ обращаетъ въ „потонный“ (потонуть), Балканскія горы въ „Облаканскія“ (облака), таблицу умноженія въ „долбицу“ (долбить) умноженія, микроскопъ въ мелкоскопъ, и т. д. (ср. Зѣлинскій, op c., 657, 658). См. спеціальныя работы K. G. Andresens Ueber deutsche Volksetymologie (5 изд. 1889 г.) и Otto Keller'a Lateinische Volksetymologie und Verwandtes, 1891).

но стремленіе это становится вреднымъ, если мысль приносится въ жертву формѣ. Нужно имѣть въ виду, что *элементарныя* понятія науки должны находиться въ языкѣ каждаго народа: „всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни". (Потебня, Мысль и яз., 49, ср. Whewell, Nov. Org. Ren., 279—284, 290, 318, 328). Постоянное соприкосновеніе съ народною рѣчью-мышленіемъ является, слѣдовательно, уздою для ненужнаго творчества, для расходившейся фантазіи.

Если бы нарушеніе народнаго словоупотребленія не затрагивало сущности дѣла, протестъ противъ употребленія нѣкоторыхъ выраженій не имѣлъ бы смысла. Но, терминологія со словомъ „право" вводитъ въ общественную и государственную жизнь на ряду съ закономъ, обычаями, справедливостью... новый, никѣмъ изъ юристовъ не уловленный, факторъ. А это очень опасно. Фантомы обращаютъ часто людей въ донъ-кихотовъ и отрываютъ отъ прямого дѣла. Употребленіе неопредѣленныхъ выраженій даетъ каждому возможность вкладывать туда все, что ему угодно.

Современная терминологія обязана своимъ возникновеніемъ не столько римлянамъ, народу крайне практическому, сколько періоду господства схоластики, когда ученый міръ порвалъ большинство своихъ связей съ дѣйствительною жизнью и съ народнымъ языкомъ, ея отразителемъ въ существенныхъ элементахъ.

Отдѣленіе грамматики отъ логики поддерживало взглядъ будто начальнымъ элементомъ рѣчи является звукъ, слова составляются изъ совокупности звуковъ, а изъ совокупности словъ образуются предложенія. Мышленіе и его выраженіе въ языкѣ представлялось и представляется большинству до сихъ поръ какъ ассоціативный процессъ (associative Aneinanderreihung). Это придавало слову такую самостоятельность, какой на дѣлѣ оно не имѣетъ. Это было бы мыслимо, если бы дѣйствительно предложеніе было просто соединеніемъ словъ, а не наоборотъ—само слово получило свое начало въ предложеніи (Ср. Wundt, Spr., I, 564).

Теперь мы знаемъ, что звукъ есть послѣдній элементъ рѣчи (Зѣлинскій, ор. c., 654). Совокупное представленіе (Gesammtvorstellung) или „цѣлое мысли" (das Ganze des Gedankens) предшествуетъ разложенію его на предложенія и слова. Это единство совокупнаго представленія никоимъ образомъ не можетъ быть понимаемо какъ простая сумма ассоціацій. Primum movens для изолированія отдѣльныхъ словъ-представленій*) лежитъ въ тѣхъ же самыхъ психическихъ сплахъ, которыя вызываютъ и разложеніе общаго представленія

*) О представленіяхъ (Vorstellungen, percepts) и понятіяхъ (Begriffe, concepts) см. M. Müller, Sc. of Th., 72, 73, 28, 25, 20, 19, 17.

на его части (См. подробности: Wundt, Spr., I, 564, 565). „Изолированію отдѣльнаго слова ассоціативно помогаетъ то, что одинаковое слово встрѣчается и въ другихъ совокупныхъ представленіяхъ въ измѣненномъ контекстѣ (in veränderten Umgebungen; Wundt, Spr., I, 565).

Позднѣйшее образованіе слова и подчиненная его роль по отношенію къ фразѣ и обстоятельствамъ заставляютъ насъ руководиться на первомъ планѣ мыслью, а не отдѣльными словами. Вѣдь, само слово имѣетъ подчиненную роль по отношенію къ мысли. Выразителемъ этой послѣдней служитъ не отдѣльное слово*), а предложеніе. Каждый логикъ знаетъ, что мы выражаемся лишь въ предложеніи, а такъ какъ главная задача языка заключается въ выраженіи (predication) въ формѣ предложенія, то совершенно правильно было сдѣлано заключеніе, что слова не имѣли права на существованіе иначе, какъ составною частью предложенія; или, какъ выражаются другіе ученые, предложеніе существовало раньше отдѣльныхъ словъ“ (M. Müller., Sc. of. T., 246). „Слова не являются составными элементами языка“ (ibid., 245).

Итакъ, не отдѣльное слово, а мысль, выраженію которой оно *служитъ* въ соединеніи съ другими словами, должна быть предметомъ нашего вниманія, т. е. синтаксисъ пріобрѣтаетъ *господствующую роль* въ мышленіи и пониманіи. Исторія возникновенія отдѣльныхъ словъ должна служить, подобно историческимъ изслѣдованіямъ въ другихъ областяхъ, основой истинно философскаго мышленія. Какъ въ исторіи слово появляется на второмъ планѣ, какъ продуктъ разложенія мысли, такъ и въ современномъ мышленіи и пониманіи оно играетъ второстепенную роль.—Только усвоивъ себѣ эту мысль, можно отнестись правильно къ юридической терминологіи.

Созданіе терминологіи въ языкѣ, мало еще обработанномъ для цѣлей науки, какъ, напр., былъ нашъ языкъ по сравненію съ высшей греко-римской и западно-европейской культурой, необходимо соединено съ образованіемъ многихъ новыхъ словъ, для которыхъ нѣтъ запаса въ существующей сокровищницѣ рѣчи. Принятіе новыхъ понятій во всѣхъ языкахъ ведетъ къ новообразованіямъ. Мы не представляемъ въ этомъ случаѣ исключенія. Всѣ европейскіе культурные языки носятъ на себѣ слѣды вліянія греко-римской цивилизаціи. Приходится, такъ или иначе, держаться чужого образца.

*) О „нерасчлененныхъ предложеніяхъ“, выражающихся и теперь въ отдѣльныхъ словахъ, было уже сказано. Начальныя стадіи аріискихъ языковъ не знали словъ въ современномъ смыслѣ (M. Muller, Sc. of T., 270). „Каждое слово съ самаго начала было само по себѣ указаніемъ сказуемаго (a predication) и составляло само по себѣ полное предложеніе“ (ibid., 432, 440, 246, 245).

Важно различать при этомъ элементарныя понятія, безъ которыхъ не мыслима человѣческая жизнь, и понятія производныя.

Общественная, государственная и нравственная жизнь людей не мыслима безъ нѣкоторыхъ основныхъ понятій. Эти послѣднія необходимо должны найти себѣ то или иное выраженіе въ языкѣ. Мы знаемъ прекрасно теперь то, что зналъ еще Аристотель, но чего не знали „культуртрегеры", „насаждавшіе" у насъ науку когда-то*): мы знаемъ, что и русскій народъ—народъ государственный, какъ и всякій другой, и что не нѣмцы ввели у насъ государственность, а эта послѣдняя составляетъ исконную принадлежность всякой человѣческой жизни. Какъ государственный народъ, и мы должны необходимо обладать нѣкоторыми основными понятіями государственности.

Термины для такихъ понятій должны быть черпаемы изъ роднаго языка. Заимствуя оттуда свои слова, ученые должны подчиняться законамъ языка, какъ этимологическимъ, такъ и синтаксическимъ. Слово, получившее уже въ языкѣ свою опредѣленную функцію (какъ слово „право"), не терпитъ надъ собою произвола ни сильныхъ, ни ученыхъ людей. Если ученые не желаютъ создавать такія словообразованія или словосочетанія, которыя въ случаѣ своего возникновенія подверглись бы неминуемому забракованію путемъ того подбора, который дѣлаетъ въ языкѣ народъ, они должны сообразоваться съ законами народной рѣчи и въ синтаксисѣ. Создать слово или словосочетаніе легко, но пойдетъ ли оно въ ходъ, будетъ ли оно принято народомъ, не будетъ ли онъ удивленно смотрѣть на эти словосочетанія какъ на иностранныя слова, не затрогивающія въ душѣ его соотвѣтствующаго клапана. Легко можно создать „принципы куринаго или поросячьяго права", но не останутся ли они принадлежностью лишь языка ученыхъ, возбуждая сомнѣнія въ значеніи ихъ и въ создавшей ихъ средѣ. Чтобы не растрачиваться на нежизнеспособные продукты, мѣшающіе передачѣ элементарныхъ знаній подростающимъ поколѣніямъ (студентамъ) и всему народу **), творчество ученыхъ въ терминологіи должно дѣйствовать въ направленіи, соотвѣтствующемъ народному духу. Только при такомъ условіи можетъ развиваться мышленіе и языкъ народа.

Перенесеніе чужого „лингвистическаго добра" (Sprachgut) въ родной языкъ становится необходимымъ лишь тогда, когда мы оставляемъ почву необходимыхъ каждому народу элементарныхъ понятій, и переходимъ къ тѣмъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ

*) См. раннія исторіи россійскаго государства нѣмецкихъ авторовъ.

**) По опыту знаю, какъ трудно иногда усваиваются простыя идеи, прикрытыя терминами „объективное право", „субъективное право". См. въ другомъ мѣстѣ цитату изъ „Студентовъ" Гарина.

наукѣ болѣе развитой. Перенесеніе это совершается двоякимъ путемъ: 1) путемъ ассимиляціи чужихъ словъ въ родѣ „монархія", „политическій"... (Wundt, Spr., I, 472), (2) путемъ перевода (conscientia-сознаніе, Vorstellung-представленіе...).

Переводъ можетъ быть или буквальный, т. е. такой, который стремится возможно ближе держаться буквы оригинала, или болѣе свободный, который стремится передать намъ мысль, духъ выраженія, соблюдая законы нашей собственной рѣчи. Переводъ буквальный, насилуетъ родной языкъ и дѣлаетъ его рабомъ чужеземной буквы. Переводъ болѣе свободный имѣетъ на первомъ планѣ передачу нужной намъ мысли, т. е. главное для насъ, и старается оставаться вѣрнымъ законамъ родной этимологіи и синтаксиса. Преимущество должно быть, конечно, дано болѣе свободному переводу: онъ развиваетъ родной языкъ и мышленіе; переводъ же буквальный создаетъ часто патологическія явленія въ рѣчи и въ мысли.

Къ позаимствованіямъ и переводамъ слѣдуетъ прибѣгать лишь тогда, когда въ этомъ есть нужда. Есть потребности въ выраженіи, которыя выросли не въ узкой сферѣ научнаго изслѣдованія, а въ сферѣ общечеловѣческой мысли. Здѣсь мы должны держаться традиціоннаго общаго языка. Къ новообразованіямъ, какъ въ смыслѣ созданія совершенно новыхъ словъ, такъ и въ смыслѣ измѣненія значенія старыхъ, или созданія необычныхъ словосочетаній, слѣдуетъ прибѣгать лишь тогда, когда вновь выросшія потребности мысли не находятъ себѣ удовлетворенія въ общемъ языкѣ.

Этого основного правила закономѣрнаго развитія языка-мышленія не держались нѣмецкіе юристы при созданіи своей терминологіи, чѣмъ и создали искусственную замкнутость своей юриспруденціи, оторванность ея отъ реальной почвы и множество затрудненій и заблужденій для самихъ себя. Вообще нѣмецкая юриспруденція сохранила въ большей степени на себѣ вліяніе духа схоластики, чѣмъ другія науки. Изъ всѣхъ ученыхъ какъ разъ юристы виноваты въ наибольшихъ прегрѣшеніяхъ (Wundt, Spr., I, 574, 575). Со временъ Лейбница нѣмецкіе философы старались приспособить свой языкъ къ языку народа и кое-что сдѣлали въ этомъ направленіи. „Медленнѣе слѣдовали за философіей другіе науки, съ двумя исключеніями: юриспруденціей и медициной (ibid., 575). Въ медицинѣ совершенно не доставало достаточно точныхъ выраженій въ отечественной сокровищницѣ языка для вновь введенныхъ понятій. Но, скорѣе можно удивляться, что юриспруденція предала забвенію богатый старо-нѣмецкій юридическій языкъ, чтобы, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, построить всю систему понятій изъ чужихъ словъ. Нѣмецкая юриспруденція образуетъ благодаря этому замѣчательную про-

тивоположность по отношенію къ нѣмецкой философіи. Философія, сперва для собственнаго употребленія, а потомъ все болѣе и болѣе и для общаго, обогатила нѣмецкій языкъ множествомъ новыхъ словъ для понятій, для которыхъ въ немъ сначала совсѣмъ не было подходящихъ выраженій *). Юриспруденція, наоборотъ, лишила нѣмецкій языкъ множества своеобразныхъ словообразованій, чтобы ввести вмѣсто нихъ чужое, остающееся по большей части непонятнымъ массѣ народа, „лингвистическое добро“ (Sprachgut). Само по себѣ это не было необходимымъ послѣдствіемъ принятія чужого законодательства („рецепціи римскаго права“). Какъ разъ наоборотъ: принятіе чужихъ идей и разбудило въ философіи потребность увеличить новообразованіями сокровищницу собственнаго родного языка. Для такого результата должны были привзойти особыя причины: ожесточенная борьба противъ старыхъ обычаевъ и законовъ, умышленное и старательное обособленіе ученаго сословія юристовъ. Въ противоположность этому Лейбницъ и просвѣтительная философія (Aufklärungsphilosophie), которымъ мы обязаны послѣднимъ большимъ обогащеніемъ нашего языка учеными новообразованіями, ревностно старались о томъ, чтобы сдѣлать доступными и полезными собственному народу результаты, добытые болѣе прогрессивными въ научной культурѣ націями“.

Этимъ похвальнымъ стремленіемъ сдѣлать доступными всѣмъ новыя понятія совсѣмъ не заражены были юристы. Нехорошее желаніе обособиться отъ всего народа, основанное на крайнемъ самомнѣніи и одновременно на крайней пустотѣ ихъ научнаго багажа, проходитъ чрезъ всю исторію нѣмецкой юриспруденціи*). Въ то время какъ масса терминовъ, созданная нѣмецкими философами, вслѣдствіе ихъ народнаго характера переходила тотчасъ въ обычный языкъ, нѣмецкая юридическая рѣчь до сихъ поръ служитъ посмѣшищемъ самихъ нѣмцевъ подъ именемъ Juristen-Deutsch. Философскіе термины въ родѣ Gewissen (совѣсть), Bewusstsein (сознаніе), Vorstellung (представленіе), Entwicklung (развитіе), Folgerung (выводъ), Mitleid (состраданіе), Selbstgefühl (самочувствіе), Selbstsucht (эгоизмъ) и многіе другіе часто „съ удивительной скоростью переходили изъ научнаго въ общее словоупотребленіе“ (Wundt, Spr., I, 576), и служили

*) Какъ, однако, мало осторожны были нѣмцы и въ этомъ случаѣ см. Bascom, Hist. interpr. of philos., 431, 432. Вычурный, а иногда и совсѣмъ странный, языкъ Фихте, Шеллинга и особенно Гегеля извѣстенъ.

*) „Между учеными юристы утверждаютъ, что они стоятъ далеко впереди другихъ. Я вообще едва ли знаю людей, которые бы были столь высокаго мнѣнія о себѣ, какъ они. На дѣлѣ, однако, то, что они дѣлаютъ, есть Сизифова работа... Они будятъ въ народѣ вѣру, что изъ всѣхъ наукъ ихъ наука требуетъ самой трудной работы. А что кажется труднымъ, то обыкновенно считаютъ всегда и великолѣпнымъ (herrlich)“. Эразмъ Роттерд. (Lob der Torh., 96).

иногда хорошимъ образцомъ для подражанія при образованіи русскаго философскаго языка. Подражаніе же искусственному языку нѣмецкихъ юристовъ и буквальный переводъ его терминовъ служитъ одной изъ первой причинъ непроизводительной растраты силъ у насъ на усвоеніе самыхъ простыхъ вещей, и источникомъ вѣчной путаницы въ разсужденіяхъ ученыхъ юристовъ. „Объективное“ и „субъективное“ „право“ ихъ въ тѣхъ значеніяхъ, которыя имъ стараются придать они, и всѣ соединенія ихъ („правильное право“, das richtige Recht*), полицейское право, водное право...)—верхъ нелѣпости съ научной точки зрѣнія, и, однако, это ходячіе термины, которые рабски перенимаютъ и другіе (даже французы: le droit objectif *). Изъ самыхъ простыхъ вещей сдѣланы самыя трудныя. Это не научная терминологія, а патологическое явленіе рѣчи-мышленія. Для научнаго языка она не необходима, какъ показываетъ примѣръ Англіи, а для народа, которому она еще менѣе понятна, чѣмъ юристамъ, она является чужою, хотя и составлена изъ отечественныхъ словъ. Какъ и вездѣ, буква мертвитъ, а духъ животворитъ. Не буква должна торжествовать надъ нами, а духъ; не слово, а мысль должна руководить нами. Фраза есть единица мысли. Хороши только тѣ словосочетанія или то употребленіе словъ, которыя освящены народнымъ синтаксисомъ.

Составить общія правила о синтаксическихъ соединеніяхъ, допускаемыхъ словами, конечно, нельзя, такъ какъ „исторія каждаго отдѣльнаго слова имѣетъ всегда свои особенности (ihr Besonderes)“, и самыя замѣчательныя черты ея часто какъ разъ и не будутъ затрагиваться общими правилами (ср. Delbrück, Gr. d. Sp., 174). Предугадать или предустановить измѣненіе значенія словъ отъ синтаксическаго сосѣдства и измѣненія въ синтаксической связи словъ—нельзя. Мы можемъ лишь слѣдовать за творчествомъ народа и до извѣстной степени объяснять его. Народъ здѣсь всемогущъ и непогрѣшимъ въ томъ смыслѣ, что даже его ошибки, рано или поздно, обращаются въ законъ. „Языкъ есть естественное созданіе (création), а не раціональная или логическая конструкція“ (Darmesteter, La vie d. m., 117)... „Вотъ почему даже ошибки логическія, аномаліи, съ той минуты какъ онѣ приняты всѣми, перестаютъ быть аномаліями и ста-

*) См. «Die Lehre von dem richtigen Rechte» Stammler'a 1902.

*) См. „L'état, le droit objectif et la loi positive“ Duguit, 1901. Однако, въ одномъ мѣстѣ (стр. 20), онъ говоритъ: „эти выраженія (droit objectif et droit subjectif), которыя люди такъ много употребляли, и которыми они такъ много злоупотребляли, нравятся намъ не совсѣмъ (ne nous plaisent qu'à demi); мы ихъ примѣняемъ, потому что они удобны; достаточно придти къ соглашенію относительно придаваемаго имъ смысла“...

новятся законными формами мысли" (ibid.) Но, для всего этого нужно общее согласіе народа (какъ въ выраженіи „солнце всходитъ, движется, заходитъ", принимаемомъ и учеными). Отдѣльныя лица или классы (профессіи) могутъ создавать иногда слова и словосочетанія, и по общему согласію народа они могутъ быть приняты въ общую сокровищницу языка (ср. Wundt, Spr., I, 574, 578). „Общая подача голосовъ (le suffrage universel) не всегда существовала въ политикѣ, но она всегда существовала въ языкѣ" (Darmesteter, op. c., 117). Создать извѣстную терминологію легко, но войдетъ ли она въ жизнь, удержится ли тамъ, приметъ ли ее „соціальный подборъ" (Зѣлинскій, op. c., 663, 664, 665). Едва ли можно разсчитывать на это тамъ, гдѣ новая терминологія создаетъ новые факторы жизни, новыхъ боговъ, неизвѣстныхъ ни народу, ни величайшимъ мыслителямъ человѣчества. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что терминологія самой практической науки и въ самыхъ элементарныхъ ея понятіяхъ, не находитъ себѣ оборота въ народѣ и вызываетъ массу сомнѣній и споровъ въ средѣ, породившей ее, должно бы дать толчекъ изслѣдованію причинъ этого страннаго обстоятельства. Если въ дѣлѣ языка, какъ это констатируетъ, сожалѣя, правда, и Вольтеръ (Darmesteter, op. c., 117), какъ и во многихъ другихъ болѣе важныхъ вещахъ, народъ управляетъ „первыми націи", то чѣмъ объяснить ихъ разладъ въ данномъ случаѣ: отчего „первые націи" не послѣдовали въ этомъ случаѣ за народомъ, не подчинились его управленію. Вызвано ли это глупостью и невѣжествомъ Санчо Панчо, или лишь странностями его господина?

Стремленіе къ новообразованіямъ бываетъ иногда вредно какъ тогда, когда оно исходитъ изъ народа, такъ и тогда, когда имъ зараженъ безъ мѣры литературный языкъ. Есть много народныхъ выраженій, простыхъ и ясныхъ, выраженій de bonne marque, которыя заслуживаютъ того, чтобы ихъ охранялъ и литературный языкъ. (Ср. Darmesteter, op. c., 119, 120). Чтобы оправдать нововведенія, нужно доказать, что обычный общій языкъ плохъ, или недостаточенъ. Произвольныхъ измѣненій мы вводить не должны.

Если слова мѣняютъ свое значеніе въ зависимости отъ контекста, тона и обстоятельствъ рѣчи, то чѣмъ объясняется взаимное *относительное**) пониманіе людей, говорящихъ при помощи столь измѣнчивыхъ въ значеніи средствъ?—Обратнымъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя оказываютъ вліяніе на значеніе словъ. Такъ, смыслъ слова опредѣляютъ: (1) „Общее говорящему и его

*) Было уже указано, что абсолютнаго пониманія быть не можетъ. „Всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ несогласіе" (Потебня, Мысль и языкъ, 134).

собесѣднику („Семасіологія“ проф. С. Булича въ Слов. Брокг., стр. 424, кн. 57) чувственное впечатлѣніе: „домъ“, „дерево“—именно тѣ, которыя находятся передъ глазами. Эта общность впечатлѣнія можетъ быть усилена жестомъ, при чемъ возможно указаніе и на такіе предметы, которые лежатъ внѣ чувственнаго воспріятія, но мѣстоположеніе которыхъ извѣстно. 2) Предшествующій данному слову разговоръ, воспоминаніе о которомъ замѣняетъ непосредственное чувственное воспріятіе. Воспоминаніе это можетъ быть подкрѣплено указательными мѣстоименіями и нарѣчіями. 3) Общность извѣстной ситуаціи: „городъ“ у подгородныхъ крестьянъ относится къ ближайшему городу; „столовая“ или „передняя“ у обитателей данной квартиры прежде всего относится къ этой послѣдней; между братьями и сестрами изъ одной семьи „отецъ“, „мать“ обыкновенно равносильны словамъ „мой отецъ“, „моя мать“. Иногда конкретное значеніе слову въ индивидуальномъ его употребленіи придаетъ извѣстное опредѣленіе: „*старый* баринъ вчера пріѣхалъ“. Конкретное значеніе передается также отъ одного слова къ другому: *я* дотронулся до него *рукой* (конечно, *моей*), пощупалъ пульсъ (разумѣется *его*) и т. д. Такимъ же образомъ получаютъ конкретное значеніе и собственныя имена. Довольно сказать: Иванъ Васильевичъ, если лицо, носящее это имя, стоитъ передъ нами, или если мы говоримъ съ членами его семьи. Въ другихъ случаяхъ необходимо болѣе точное опредѣленіе: Иванъ IV Васильевичъ, прозванный Грознымъ, и т. д. Тѣ же факторы, которые даютъ слову конкретное значеніе, вызываютъ и извѣстную спеціализацію значенія. Безъ извѣстныхъ содѣйствующихъ условій мы понимаемъ слово въ его основномъ или наиболѣе обыкновенномъ значеніи: *баба*, напр., прежде всего вызываетъ представленіе простой, грубой, необразованной женщины. Очень часто здѣсь важно сочетаніе съ другими словами, какъ въ приведенныхъ уже выше разныхъ случаяхъ употребленія слова „видъ“. *) Въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ уклоненіе случайнаго значенія (въ такомъ „случайномъ“ значеніи мы практически всегда и употребляемъ слова) отъ общаго (т. е. абстрагированнаго, что дѣлаютъ въ рѣчи на дѣлѣ очень рѣдко) состоитъ въ томъ, что первое заключаетъ въ себѣ всѣ элементы второго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и еще нѣчто: *береза* вообще и „печальная *береза* у моего окна, разубранная прихотью мороза“, и т. д. Еще болѣе широкое поле для развитія вторичныхъ значеній представляютъ слова, значеніе которыхъ состо-

*) „Предо мной открылся чудный видъ“; „я отдалъ свой видъ дворнику“; „плодъ имѣетъ видъ яйца“; „онъ имѣетъ болѣзненный видъ“; „я имѣю на васъ виды“; „я имѣю въ виду одно мѣсто“; „солдаты купались на виду непріятеля“; глаголъ совершеннаго вида, и т. д.

итъ изъ цѣлаго комплекса представленій. Сюда принадлежатъ всѣ такъ называемыя *образныя* выраженія.....

„Вся масса (ibid., 425) представленій и понятій, наполняющая душу человѣка, стремится по возможности соединиться со словеснымъ запасомъ его языка, ассоціироваться со словами, которыя могли бы ее выразить. Но объемъ и содержаніе этихъ представленій и понятій у разныхъ особей, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, различны; самыя группы этихъ представленій у разныхъ особей слагаются изъ разныхъ элементовъ и различнымъ образомъ. Поэтому здѣсь неизбѣжно является множество индивидуальныхъ особенностей, совсѣмъ не идущихъ въ разсчетъ при обычномъ опредѣленіи значенія отдѣльныхъ словъ и словесныхъ группъ. Такъ, значеніе слова „лошадь" одинаково у всѣхъ только въ томъ, что относится всѣми къ одному понятію; но жокей, спортсменъ, барышникъ, кучеръ, кавалеристъ, ветеринаръ, зоологъ, пахарь, ломовой извощикъ и т. д. будутъ соединять съ нимъ болѣе богатое и каждый разъ нѣсколько иное содержаніе, чѣмъ любой другой человѣкъ, не имѣющій особаго отношенія къ лошадямъ. *Особенно* условны или *гибки* значенія извѣстныхъ словъ, выражающихъ понятія эстетическія и этическія (а также юридическія). Эстетическіе и этическіе (а также политическіе) идеалы различны у разныхъ народовъ, у разныхъ партій или классовъ современнаго культурнаго общества*)..... Отсюда очевидно, какъ *растяжимо и неопредѣленно* то, что называется *значеніемъ слова* (и составляетъ предметъ семасіологіи). Въ ея область входятъ также и вопросы о выраженіи граммат. рода, числа, падежей, суффиксовъ, префиксовъ, временъ, наклоненій, залоговъ, лицъ и т. п.; но такъ какъ вопросы эти важны также и для ученія о *синтаксисѣ*, то ихъ обыкновенно разсматриваютъ въ связи съ чисто синтаксическими вопросами".—Вообще синтаксисъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ вопросѣ о значеніи словъ.**)

*) „Прекрасное" и „доброе" для однихъ оказывается „пошлымъ" или „безобразнымъ" и „злымъ" для другихъ.—Равнымъ образомъ понятія о „свободномъ" и „несвободномъ", „справедливомъ" и „несправедливомъ", „должномъ" и „недолжномъ". Бѣда въ томъ, что весьма многіе думаютъ, будто они могутъ „считать этими понятіями" (mit Begriffen rechnen), какъ хорошо отчеканенной монетой, не имѣя ни малѣйшаго представленія о роли „словъ-понятій".

**) Поэтому и Delbrück въ связи съ синтаксисомъ въ указанныхъ выше двухъ работахъ много говоритъ о значеніи словъ (о семасіологіи). „Лучшій современный знатокъ *индоевроп.* синтаксиса, проф. Дельбрюкъ, посвящаетъ всю вторую книгу своего „санскритскаго синтаксиса" [Altindische Syntax", Галле, 1888] и значительную долю первыхъ двухъ томовъ своего „Сравнит. синтаксиса индоевроп. языковъ" (Vergleichende Syntax der Indogerm. Sprachen", т. I, Страсбургъ, 1893, и т. II, ib., 1897) выясненію чисто семасіологическихъ вопросовъ, имѣющихъ основное значеніе и для синтаксиса". (Пр. С. Буличъ, ibid., 425).

Итакъ, (отдѣльное) слово не только не должно, но и не можетъ господствовать надъ мыслью. Оно получаетъ смыслъ лишь потому, что мы вставляемъ его въ тотъ или иной контекстъ, сознательно или безсознательно. Поэтому и при созданіи отечественной терминологіи подъ вліяніемъ болѣе развитого языка и болѣе высокой культуры, мы должны держаться не словъ чужой терминологіи, а тѣхъ идей, выраженію которыхъ эти слова служатъ. Римская терминологія и философія римскихъ юристовъ классическаго періода опредѣлили, какъ извѣстно, большею частью черезъ законодательство Юстиніана, направленіе умовъ на многія столѣтія. Ихъ вліяніе наложило свою печать и на современную литературу, за исключеніемъ сохранившей свою самостоятельность англійской юриспруденціи. Но, римляне и римскіе юристы были по преимуществу народомъ практическимъ. Въ наукѣ и философіи римляне, какъ извѣстно, были очень слабы. Слабыя попытки философской мысли римлянъ черпали своими корнями силу изъ греческаго духа. Не принимая во вниманіе греческихъ источниковъ римской литературы, мы и не поймемъ ее. Римляне были, безъ сомнѣнія, великою и могучею націей, но ихъ юриспруденція въ основѣ своей преслѣдовала прозаическій идеалъ. Государство для римлянина стояло выше всего („salus publicas uprema lex esto", Cicero, de leg., III, 3): всѣ его силы брало себѣ на службу отечество. Оттого, въ этомъ отношеніи, они создали больше, чѣмъ греки. Но, отношеніе къ государству было чисто практическимъ. Поэзіи мысли, съ которою мы встрѣчаемся у грековъ, римляне предпочитали поэзію великихъ дѣлъ, оставившихъ свои слѣды въ міровой исторіи*). Мысль и вообще духовная жизнь имѣла смыслъ для нихъ лишь тогда, когда онѣ могли быть полезны практическимъ нуждамъ государства и его гражданъ. Даже религія ихъ, до привхожденія греческихъ элементовъ, носила сухой, практическій характеръ.

Поэтому, насколько вліяніе римской юриспруденціи на практическую юриспруденцію послѣдующаго времени было благодѣтельно, настолько тщетными оказались надежды построить на этой почвѣ философію юриспруденціи. Научиться философіи, безъ чего мы не можемъ уяснить себѣ философскія основы юриспруденціи, у римлянъ мы не можемъ. Для этого нужно было бы вернуться къ грекамъ, или создать философію самостоятельно на національной почвѣ, подобно англичанамъ. Обращеніе съ этою цѣлью къ римлянамъ было источникомъ ошибки и того печальнаго положенія юриспруденціи на континентѣ, въ которомъ она находится тамъ теперь. По народному выраженію люди ухватились за хвостъ, а не за голову. А благодаря

*) „Помни, римлянинъ, что твое призваніе—управлять народами". Tu regere imperio populos, Romane memento.

неумѣлому отношенію къ слову была плохо использована и римская литература. Сдѣлано было все, чтобы при помощи слова задавить мысль.

Первымъ и, къ сожалѣнію, единственнымъ человѣкомъ, который пытался пересадить на римскую почву результаты глубокихъ философскихъ изслѣдованій о природѣ человѣка, государства и законовъ, былъ, какъ извѣстно, Цицеронъ. Свое философское образованіе онъ получилъ въ Аѳинахъ и Родосѣ, но только въ послѣдніе годы жизни онъ вернулся къ занятію философіей. На этой почвѣ, какъ онъ сознается и самъ, онъ естественно былъ въ зависимости отъ своихъ греческихъ источниковъ. Самостоятельнаго онъ ничего не далъ. Онъ былъ лишь эклектикомъ: симптомъ истощенной философской силы. Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ его работъ, онъ не успѣлъ создать вполнѣ опредѣленной и устойчивой терминологіи для основныхъ понятій юриспруденціи, хотя внимательное отношеніе къ его мысли обнаруживаетъ намъ слѣды благодѣтельнаго вліянія греческаго духа. Ему не хватало послѣдовательности.

Основнымъ понятіемъ для этого лучшаго римскаго философа-юриста, какъ и для лучшаго философа нѣмца въ послѣдующее время *), было понятіе закона, т. е. то же, что и для его греческихъ образцовъ. Это понятіе доминируетъ какъ въ этикѣ, такъ и въ юриспруденціи. Цицеронъ признавалъ въ человѣкѣ наличность прирожденныхъ этическихъ понятій, какъ предписаній верховнаго *закона* (подъ разными названіями: summa lex, vera lex, lex divina et humana, lex naturae). Источникомъ этого закона является воплощенный во всей природѣ божественный разумъ (summa, recta ratio; mens, ratio Dei; ratio naturae). Верховное благо человѣка, какъ и у Канта, стоитъ послѣ закона: оно состоитъ въ жизни согласной съ природой, т. е. съ предписаніями закона природы (иначе—съ правымъ разумомъ). Вопросъ о томъ, откуда получаемъ мы законы нравственности, т. е. являемся ли мы въ міръ съ умомъ въ видѣ неисписанной страницы (tabula rasa), какъ учили стоики, и потомъ создаемъ ихъ подъ вліяніемъ опыта, или же вносимъ съ собою ихъ отъ рожденія, à priori, какъ думалъ Цицеронъ, а потомъ и Кантъ, и какъ учатъ современные философы, признающіе расовую наслѣдственность, и въ этомъ смыслѣ прирожденные идеи **), это не оказываетъ вліянія на то об-

*) См. ниже о Кантѣ въ главѣ „основное понятіе юриспруденціи есть правило (законъ или норма), а не право".

**) „Современная эмпирическая философія не имѣетъ нужды возражать противъ апріорныхъ формъ сужденія. Онѣ играютъ въ сущности ту же роль, что и тѣ непосредственныя инстинктивныя черты истины, которыя эта философія защищаетъ въ качествѣ наслѣдственно передаваемаго знанія". (Bascom, His. int. of ph., 426).

щее положеніе, что только черезъ законъ мы познаемъ добро и зло, или, какъ говорили апостолы и отцы церкви,—черезъ законъ мы познаемъ грѣхъ.

Повиновеніе закону называется добродѣтелью. Одною изъ основныхъ добродѣтелей является справедливость. Справедливость есть повиновеніе законамъ: justitia est obtemperatio legibus. Слѣдовательно, „законъ“ есть высшее понятіе: законъ порождаетъ справедливость, а не справедливость порождаетъ законъ. Такъ учитъ до сихъ поръ и христіанская церковь.

Съ понятіемъ закона и справедливости тѣсно связано и понятіе права. Въ опредѣленіи отношенія понятія права къ другимъ выразилась слабость философскихъ дарованій римлянъ. У Цицерона, какъ и у юристовъ періода классической юриспруденціи, а черезъ нихъ и въ законодательствѣ Юстиніана, jus является во многихъ значеніяхъ. Многосмысленность jus, и связанная съ нею неопредѣленность *), и составляетъ главный недостатокъ римской терминологіи. Jus равнялось иногда анг. right (право), иногда—справедливости (justice), а иногда служило коллективнымъ именемъ для законовъ и обычаевъ (Laws) **). Греческіе образцы не могли помочь римскимъ юристамъ, такъ какъ греческій языкъ не выработалъ строго-опредѣленнаго термина для этого понятія: его второстепенная роль въ мышленіи философа не побуждала къ этому. Только въ практической жизни понятіе „права“ (right) играетъ большую роль.

Свою работу Цицеронъ озаглавилъ по правильному примѣру греческихъ философовъ—de legibus, о законахъ. Но, попытки его связать понятіе „права“ (jus) съ понятіемъ закона и другими оказались неудачными. Мѣстами у него проглядываетъ совершенно правильная идея. Стоики, которымъ онъ часто слѣдовалъ, олицетворяли „высшій разумъ“ и говорили, что законъ есть велѣніе высшаго разума (recta ratio...), повелѣвающее дѣлать одно и запрещающее дѣлать другое. Законъ налагаетъ обязанности и устанавливаетъ права. Поэтому иногда у Цицерона проскальзываетъ вѣрная мысль (см. кн. I de legibus), что источникъ правъ лежитъ въ законѣ (c'est à la loi que le droit cemmence... Thiaucourt, op. c., 27 ***); законъ есть сила природы, духъ и разумъ мудраго, правило справедливаго и несправедливаго. Теорія закона, какъ основанія правъ, заимствована у стоиковъ. По ученію

*) Ср. Залѣскій, Ист. фил. пр., стр. 127, примѣч., и стр. 120, 121.

**) Ср. мою брошюру „Наука и философія права“?, стр. 70, 71.

***) Cicero, De legibus, l. I (VI), 19: a lege ducendum est juris exordium; ea est enim naturae vis: ea mens, ratioque prudentis: ea juris atque injuriae *regula*... Constituendi vero juris ab illa summa lege capiamus exordium... Смѣшеніе нравственныхъ и юридическихъ понятій подъ терминомъ jus, см., напр., lib. I, cap. XV, § 43; ср. съ этимъ Еванг. Матѳея, XXII, 37—40.

стоиковъ индивидуальный разумъ былъ эманаціей разума или закона универсальнаго,—основанія права (ibid., 28)—Высшимъ понятіемъ и здѣсь является „законъ", отождествляемый съ самимъ Юпитеромъ. Jus проистекаетъ изъ закона.

Но, Цицеронъ не остается послѣдовательнымъ. Иногда jus означаетъ право въ противоположность обязанности. Иногда это синонимъ lex: сказать, что jus naturae дозволяетъ vim vi repellere все равно, что сказать: это дозволяетъ lex naturae. Требованіе, „чтобы общая польза не противорѣчила интересамъ индивидовъ" (ut eadem sit utilitas uniuscujusque et universorum), можно сказать, истекаетъ изъ lex naturae, а не jus naturae. Иногда jus есть совокупное обозначеніе всего того, что установлено законами. А такъ какъ законы установляютъ не только права, но и обязанности, и безъ послѣднихъ первыя не имѣли бы смысла, то такое jus очевидно лучше и точнѣе передается выраженіемъ „система правъ и обязанностей" (The system of rights and obligations",—Green, Principles of political obligation, стр. 33, § 9).

Неопредѣленною осталась терминологія и у юристовъ періода классической юриспруденціи. Jus то=right, то=law, то=Justice. Это вело къ смѣшенію этики и юриспруденціи, унаслѣдованному и современными континентальными юристами. Jus включало въ себѣ нравственные элементы особенно часто въ выраженіи jus naturale. Jus naturale отличалось по ученію юристовъ абсолютною справедливостью: вездѣ и всегда оно остается неизмѣнно aequum et bonum.—Идея о „законѣ", какъ высшемъ понятіи, затемняется.

Неумѣнье дать надлежащее мѣсто вызванному къ жизни практическою жизнью и практическимъ духомъ римлянъ новому „слову-понятію"—право (jus), сбило юриспруденцію въ области основныхъ понятій съ того правильнаго пути, на которомъ она стояла у грековъ. Слова должны обсуждаться не отдѣльно, а въ связи съ другими: въ связи съ контекстомъ въ узкомъ и широкомъ смыслѣ. Языкъ въ его совокупности представляетъ собою огромный контекстъ, на фонѣ котораго лишь и можно опредѣлить значеніе и роль слова. Чтобы уяснить себѣ роль „слова-понятія" „право" нужно было бы опредѣлить болѣе точно его отношеніе къ тѣмъ понятіямъ, съ помощью которыхъ греки создали философію, служащую предметомъ изученія и въ наше время. Сюда относятся понятія: справедливости, закона, государства. Глубокое пониманіе этихъ этико-юридическихъ основъ требовало совсѣмъ другого отношенія къ жизни и ея явленіямъ, иного направленія ума. Римлянинъ былъ практикъ, а не философъ. „У римлянъ не предавались (Thiaucourt, op. c., 24) теоретическимъ изслѣдованіямъ о природѣ и основаніи законовъ. Они были вначалѣ

лишь слѣдствіемъ религіи. Позже въ законъ проникъ другой принципъ: принципъ частнаго и народнаго интереса, единственный, который могъ быть понятенъ этому утилитарному народу... Сульпицій пытался выставить нѣсколько общихъ принциповъ въ совершенно эмпирической „наукѣ права“ (du droit), какъ ее понималъ Сцевола... Законы, излагаемые Цицерономъ,—всѣ римскіе, тогда какъ принципъ и основаніе, даваемые закону, идутъ не изъ Рима, а заимствованы въ другомъ мѣстѣ“. Мы знаемъ уже *гдѣ*—у грековъ.

Широкой философской подготовки и глубины мысли, которыя нужны, чтобы оцѣнить и не преувеличить роль „слова-понятія“ „право“ не было ни у римлянъ, ни въ средніе вѣка“. Важное въ практической жизни можетъ имѣть лишь самое слабое значеніе для философа. Практикъ всегда склоненъ придавать чрезмѣрное значеніе многимъ вещамъ, имѣющимъ лишь второстепенное значеніе въ наукѣ. Между тѣмъ наука можетъ идти по правильному пути только тогда, когда мы будемъ умѣть ясно различать существенное отъ несущественнаго, твердо ставить главныя задачи, и не смѣшивать ихъ со второстепенными. Только при этомъ условіи спасемъ мы себя отъ напрасной растраты силъ въ области теоретической и пріобрѣтемъ прочную почву для умѣнья разбираться въ назрѣвающихъ вопросахъ практической жизни. Эмпиризмъ—хорошая школа, но школа недостаточная. Эмпирикъ всегда не знаетъ самаго главнаго.

Роль слова-понятія „право“ мы можемъ понять, лишь обсуждая ее съ точки зрѣнія всей совокупности извѣстныхъ намъ понятій, т. е. принимая во вниманіе высшіе принципы философіи, разсматривая „право“ какъ составную часть высшаго цѣлаго. Гдѣ хромало это „высшее цѣлое“, какъ у римлянъ или у схоластиковъ, тамъ мы не можемъ и разобраться въ нашемъ вопросѣ, хотя, разумѣется, можемъ поучиться многому второстепенному. Это старая истина, что спеціализируясь въ извѣстной сферѣ и теряя связь съ философіей, люди сбиваются на ложную дорогу. Нарушенное равновѣсіе ведетъ иногда къ тому, что очень начитанный человѣкъ видитъ часто вещи въ болѣе неправильномъ свѣтѣ, чѣмъ человѣкъ простой, не образованный, но не отказывавшійся отъ упражненія здраваго разсудка. Донъ-Кихоты и Санчо Панчи будутъ жить всегда.

Справка съ мышленіемъ тѣхъ временъ, когда не было еще накоплено такъ много спеціальныхъ знаній, какъ теперь, знаній, возлагающихъ на человѣка все большія и большія задачи, тогда какъ физическія и духовныя силы его не ростутъ, и когда, слѣдовательно, цѣлое господствовало надъ спеціальнымъ, бываетъ иногда благодѣтельна для насъ. Такая справка можетъ служить коррективомъ для современной мысли. Греческая философія въ этомъ случаѣ не замѣ-

нима. И дѣйствительно, сколько бы мы ни разглагольствовали о „великомъ явленіи"—„правѣ", исторія философіи до сихъ поръ лежитъ своимъ фундаментомъ въ греческой мысли, римляне прошли почти безслѣдно: они дали лишь практическую юриспруденцію. Если они сбили мысль на путь миѳологическаго творчества, въ этомъ виноваты не столько они, сколько ихъ неумѣлые послѣдователи, не извлекшіе всей пользы, которую можно было извлечь изъ греко-римскаго культурнаго наслѣдства.

Столь же полезное значеніе имѣетъ справка съ мышленіемъ, накопленнымъ въ языкѣ народа. Только непониманіе роли языка въ нашемъ мышленіи вызываетъ презрительное отношеніе къ этому источнику. Греческая, какъ и всякая иная философія, возникла и возникаетъ изъ попытокъ анализировать то, что дано уже implicite въ рѣчи окружающаго народа, воплощающей прежніе результаты мысли (ср. Leslie Stephen, The science of ethics, 106). Мы только тогда можемъ съ успѣхомъ идти впередъ въ разработкѣ науки, когда усвоили хорошо и сознательно отнеслись къ тѣмъ многовѣковымъ наблюденіямъ и обобщеніямъ, которыя народъ воплотилъ въ своемъ языкѣ. Самомнѣніе ученаго въ этомъ отношеніи всегда будетъ жестоко наказано. Правильное мышленіе (по нѣкоторымъ, конечно, вопросамъ) идетъ впереди науки и логики, какъ науки, какъ правильное пользованіе языкомъ предшествуетъ грамматикѣ (Ср. Sidgwick, Fallacies, стр. 4). „Всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни" (Потебня, Мысль и яз., 49). Легкомысленное или надменное отношеніе къ этимъ „корнямъ" вызываетъ фантастическое міросозерцаніе или безплодную растрату силъ.

Исторія языка и словъ раскрываетъ въ себѣ глубокую философію. Латинское lex (legem) принято романскими языками (loi, legge), *) а jus забраковано. Для выраженія понятія „право" взяты были другія основы изъ того же языка (droit, diritto отъ directum). Было что-то неладное въ этомъ jus. Вѣроятно первоначальное значеніе его такъ измѣнено **) было литературнымъ языкомъ (lingua latina), что народный языкъ (lingua Romana rustica) предпочелъ отказаться отъ него. —И современная терминологія континентальной юриспруденціи не проникаетъ въ общій народный языкъ: у него есть болѣе простыя и ясныя выраженія.

---

*) „Фр. loi, roi, возникшія изъ латинск. винительн. ед. legem, regem, продолжаютъ означать тѣ же понятія, что и соотвѣтствующія латинскія формы, хотя общими у нихъ остались только начальные ихъ звуки". Пр. Буличъ („Семасіологіи", Слов. Брокг., кн. 57, стр. 423).

**) Ср. „Наука и философія права?", стр. 67—70.

Изученіе народной рѣчи-мышленія имѣетъ большое значеніе тамъ, гдѣ объектами этого мышленія являются тѣ же основныя понятія, которыми занята и наука. Оно должно вестись по общему правилу, что значеніе словъ опредѣляется больше всего связью, въ которой они стоятъ (Erdmann, Logik, стр. 200). „Связь“ должна пониматься въ самомъ широкомъ смыслѣ. При этомъ, какъ литературный языкъ создаетъ намъ иногда затрудненія благодаря тому, что мысли приходится въ немъ выуживать въ морѣ многословія, такъ народный языкъ страдаетъ противоположною крайностью: не всегда яснымъ лаконизмомъ. „Chaque idée (Egger, La parole intérieure, 311) serait imparfaitement déterminée par le contexte seul ou par le mot qui doit servir à l'exprimer; mais elle est rigoureusement déterminée par l'action combinée du mot et du contexte; un contexte trop pauvre, chez les écrivains trop concis, ou trop abondant, chez les écrivains diffus, engendre facilement des équivoques: les significations éveillées par chaque mot sont indécises ou contradictoires“..... Въ помощь слѣдуетъ всегда привлекать общее міросозерцаніе народа.

Люди очень склонны предполагать, будто значеніе заключено только въ словахъ и въ ихъ расположеніи, и что напечатанное или произнесенное предложеніе носитъ свое полное толкованіе на своемъ лицѣ. Стоитъ только разобрать его и—дѣло сдѣлано. „Но на дѣлѣ, толкованіе не является такимъ простымъ дѣломъ. То же самое значеніе можетъ быть выражено во многихъ различныхъ формахъ; и то же самое слово или рядъ словъ можетъ имѣть много различныхъ оттѣнковъ значенія..... Еще болѣе неопредѣленнымъ является значеніе отдѣльно (разумѣется это „отдѣльно“ имѣетъ всегда относительное значеніе) употребляемыхъ словъ..... Не только значеніе большинства словъ въ общемъ употребленіи претерпѣваетъ постоянное постепенное измѣненіе съ теченіемъ времени, но и въ одно и тоже время оно сильно измѣняется сообразно измѣняющемуся знанію или даже преходящимъ эмоціямъ и физическому состоянію говорящаго. И многое изъ того, что каждый „знаетъ“, подвержено забвенію съ его стороны. Всѣ слова, собравшія вокругъ себя клубъ застарѣлыхъ ассоціацій (и гдѣ исключеніе?), зависятъ въ значительной долѣ ихъ существеннаго значенія отъ прошлаго опыта и настоящаго умственнаго состоянія и привычекъ лица употребляющаго или слышащаго ихъ. Многія слова имѣютъ для насъ не то значеніе въ дѣтствѣ, что въ послѣдующей жизни. Старыя слова и фразы могутъ оставаться, а ихъ значеніе растетъ и сильно мѣняется. Маленькое измѣненіе въ контекстѣ, или даже въ едва замѣтныхъ побочныхъ обстоятельствахъ, часто измѣняетъ значеніе до такой степени, что оно выражаетъ какъ разъ противоположное тому,

что слово это означало въ другое время. Можно осуждать при помощи похвалы. Или—обратите вниманіе на гнѣвъ авторовъ, мнѣнія которыхъ подвергались критикѣ отдѣльно отъ окружающихъ ихъ поясненій“ (Sidgwick, Fallacies, 183, 184). —Мнѣ кажется, что указанныя замѣчанія и иллюстраціи вполнѣ объясняютъ многосторонніе затрудненія при опредѣленіи роли того или иного слова-понятія въ рѣчи-мышленіи. Языкъ ставитъ намъ массу капкановъ, онъ предательски сбиваетъ насъ часто съ дороги; нужна крайняя осторожность, чтобы избѣжать ошибокъ при толкованіи умственныхъ процессовъ другихъ людей. Еще Аристотель понималъ прекрасно, что главный источникъ ошибокъ лежитъ in dictione (ibid., 176).

Примѣчаніе. Считаю полезнымъ дать указаніе на литературу по общимъ вопросамъ языка-мышленія, кромѣ той, на которую дѣлаются ссылки въ этой работѣ: *Jespersen*, O., Progress in language with special reference to English, London и New Iork, 1894; *Sayce*, A. H., Introduction to the science of language, I и II, 2 изд., London, 1883; *Sweet*, H., A new english grammar logical and historical, Oxford, 1898; *Paul*, H., Principien der Sprachgeschichte, 3 изд., Halle, 1898; *Lazarus*, M., Das Leben der Seele in Monographieen über seine Erscheinungen und Gesetze, zweiter Band, Berlin 1857; *Dittrich*, O., Recensien über Paul's Principien in Gröber's Zeitschrift für romanische Philologie 23, 538 ff.; *Steinthal*, H., Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft (Abrisz der Sprachwissenschaft, I), Berlin 1871; его же Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens, 3 изд., Berlin 1888; *Wechssler*, E., Giebt es Lautgesetze? Halle 1900; *Delbrück*, B., Einleitung in das Sprachstudium, Leipzig 1880, 3 изд. 1893; его же Vergleichende Syntax=Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 3, 4 и 5 томы, Strassburg 1893—1900; *Geiger*, L., Der Ursprung der Sprache, 2 изд.; его же Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft, два тома, второй во втор. изд.; *Reisig* und *Haase*, Vorlesungen über latein. Sprachwissenschaft, 1839, нов. изд. 1874 и 1881; *Pott*, Metaphern, vom Leben und von körperlichen Lebensverrichtungen hergenommen (Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung, 1853, II); *Потебня*, А. А., О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ (Филологич. Записки, 1864); *Некрасовъ*, О значеніи формъ русскаго яз., С.П.Б., 1865; *Tobler*, Innere Sprachform des Zeitbegriffes (Zeitschr. f. Völkerpsych. u. Sprachwissenschaft, III, 1865); его же Aesthetisches und Ethisches in Sprachgebrauch (ib., VI, 1869); *Brinkmann*, F., Die Metaphern. Studien über d. Geist der modernen Sprachen. I. Die Thierbilder d. Sprachen, Bonn 1878; *Brugmann*, K., Grundriss=Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und B. Delbrück, erster Band zweite Bearbeitung, Srassburg 1897, die folgenden Bände in erster Auflage; *Lazarus*, Geist und Sprache (Leben der Seele, II, Berlin 1878); *Heerdegen*, Untersuchungen zur latein. Semasiologie (три вып., Erlangen, 1875—81); *Bechtel*, Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogerm. Sprachen, Weimar 1874; *Rosenstein*, Die psychologischen Bedingungen des Bedeutungswechsels, Danzig, 1874; *Wegener*, Untersuchungen über Grundfragen des Sprachlebens, Halle, 1885; *Gerber*, Die Sprache als Kunst, 2 изд., Berlin 1885; *Winkler*, Zur Sprachgeschichte, I.

Nomen, Verb. und Satz. Antikritik, Berlin 1887; его же Zur Sprachgeschichte, II, Das grammat. Geschlecht etc., Berlin 1891; *Bruchmann*, K., Psychologishe Studien zur Sprachgeschichte. Leipzig, 1888; *Littré*, Comment les mots changent de sens, II, 1888; *Franz*. Ueber den Bedeutungswandel lateinischer Wörter im Französischen, Dresden, 1890; *Noels*, Noms et concepts (Revue Philosoph., XXXI, 1891); *Blümner*, Ueber Gleichniss und Metapher in der attischen Komödie. Studien zur Geschichte der Matapher im Griechischen, Leipzig, 1891; V. der *Gabelentz*, die Sprachwissenschaft etc., Leipzig, 1891; *Bourdon*, L'expressions des émotions et des tendances dans le langage, II., 1892; *Biese*, Die Philosophie des Metaphorischen, Hamburg, 1893; *Schmidt*, K., Die Gründe des Bedeutungswandels (Программа берл. рельн. гимназіи, № 92, 1894); *Ульяновъ*, Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, Варшава, 1891—1895; *Herbig* Gustav, Aktionsart und Zeitstufe (Indogerm. Forschungen, т. VI, 1896); *Покровскій* М., Семасіологич изслѣдованія въ области древнихъ языковъ (изъ XXIII т. „Уч. Записокъ Историко-Филологическ. Факультета Моск. Унив.“, 1896); *Добіашъ*, Опытъ семасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греч. языка (изд. историко-филолог. инст. въ Нѣжинѣ, 1897); *Bréal* M., ст. въ Journal des savants, octobre 1876. —Большинство указаній взято изъ ст. проф. С. Булича въ Энцикл. Слов. Брокг. и Ефрона, кн. 57, стр. 425, 426. о семасіологіи.

Глава IX.

Основныя понятія по ученіямъ авторитетовъ.

„If there is evolution anywhere, it is surely in philosophy, and a philosophy without antecedents is like a tree without roots". M. Müller, Sc. of Thought, 276.

„Сказать, что мы мыслимъ при помощи понятій, есть только косвенный и неясный способъ выраженія того, что мы мыслимъ при помощи общихъ названій или классовыхъ именъ". (Д. С. Милль, Examination, 387).

Рѣшая вопросъ о томъ, какія понятія должны считаться основными въ юриспруденціи, мы, конечно, не можемъ игнорировать того, что думали по этому вопросу выдающіеся люди прошлаго времени. Мысли маленькихъ людей мы должны провѣрять мыслями великихъ философовъ. Не даромъ жили они. Общественная и государственная жизнь затрагиваетъ всѣхъ насъ: людей маленькихъ и людей большихъ. Во всѣ вѣка, имѣвшіе литературное выраженіе, люди писали или говорили по общественно-государственнымъ вопросамъ. Платонъ и Аристотель, Ульпіанъ и Гай, Цицеронъ и Маркъ Аврелій, Вико и Монтескье, Гоббесъ и Локкъ, Кантъ и Гегель,—всѣ они думали о вопросахъ, интересующихъ насъ, и внесли свою долю въ образованіе человѣческой мысли нашего времени.

Современная мысль дѣлится на два лагеря: англійскій и континентальный. Для одного юриспруденція есть наука о законѣ (the sciense of law), для другого—наука о правѣ (Rechtswissenschaft, la science du droit). Одинъ видитъ, слѣдовательно, основное понятіе въ „законѣ", другой—въ „правѣ" (Recht, Droit).

„Законъ (law), по опредѣленію Бентама (Works, I, p. 148), взятый безъ ближайшаго опредѣленія, является абстрактнымъ или коллективнымъ терминомъ, означающимъ не больше и не меньше, какъ общую сумму или совокупность индивидуальныхъ законовъ."

„Это простое утвержденіе, говоритъ Holland (Jurispr., 14.), находится въ поразительномъ контрастѣ со множествомъ другихъ опредѣленій. Однако, опредѣленія эти относятся не столько къ англій-

скому термину Law (законъ), сколько къ тому, что считается его эквивалентомъ на другихъ языкахъ. О терминахъ Recht, Droit, нельзя, дѣйствительно, сказать, что они выражаютъ лишь совокупность законовъ. Происходитъ то, что всѣ эти термины обозначаютъ не только совокупность законовъ (Laws), но также совокупность правъ (Rights, Jura, Rechte, Droits), и совокупность всего, что справедливо (justum, recht, droit.). Поэтому, когда говорятъ, что юриспруденція есть наука права (Jus, Recht, Droit), это можетъ означать въ каждомъ случаѣ одно изъ трехъ:

1) науку о законахъ (laws, *νόμοι*),
2) науку о правахъ (rights),
3) науку о справедливости (justice, *τὸ δίκαιον*),

и если мы не будемъ помнить всегда объ этой двусмысленности, мы совершенно не поймемъ многихъ выраженій, имѣющихъ, повидимому, отношеніе къ закону (law)*). Нельзя построить связной науки на идеѣ, имѣющей сложныя и измѣнчивыя значенія. Нужно выбрать одно какое-нибудь значеніе, и, разъ оно выбрано, нужно сдѣлать его единственнымъ основаніемъ зданія. Мы, англичане, можемъ поэтому считать себя счастливыми, что, говоря о юриспруденціи, какъ о наукѣ законовъ, избавлены отъ тѣхъ двусмысленностей, которыя связаны съ выраженіемъ этой мысли на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, и которыя сильно затемнили изложеніе ея на этихъ языкахъ".

Всѣ указанныя выше понятія (законъ, право, справедливость) несомнѣнно связаны другъ съ другомъ. Мы не можемъ, напр., философствовать о законахъ, не сталкиваясь постоянно съ идеею справедливости, и обратно: не можемъ говорить о справедливости, не затрагивая сферы законовъ. Эта связь сознавалась всѣми мыслителями, начиная съ Платона. Но, если мы обѣ эти идеи станемъ выражать при помощи одного и того же слова „Recht, Droit", мы рискуемъ, что—или идея справедливости поглотитъ идею законовъ и останется абстрактнымъ понятіемъ, оторваннымъ отъ почвы дѣйствительности, или—идея законовъ заслонитъ идею справедливости, и мы останемся эмпириками, не умѣющими освѣтить накопленный нами фактическій матеріалъ знаній о законахъ.—Оттого, напр., и общія ученія юриспруденціи становятся у нѣмцевъ или: 1) „юриспруденціей въ воздухѣ" (Naturrecht: Holland, op. c., VIII), или 2) вырождаются въ эмпиризмъ

---

*) Такъ Лорду Westbury было очень трудно объяснить, что слово jus въ правилѣ *ignorantia juris haud excusat* употребленно въ смыслѣ „общаго закона", обыкновеннаго закона страны, а не въ смыслѣ „частнаго права". См. процессъ Cooper v. Phibbs, L. R. 2 H. L. 170.

(Vareilles-Sommières, Les principes fondamentaux du droit, 1889, стр. 468 и сл.: l'école historique ou empirique *).

Первыми выдвинули основныя понятія юриспруденціи греки. Это—государство (*πόλις*) законъ (*νόμος*) и справедливость (*τὸ δίκαιον*, das Gerechte). Всѣ эти понятія связаны между собою своими соозначеніями. Термина для выраженія нашего „право", какъ коррелята обязанности, греческій языкъ не имѣлъ. Въ этомъ положеніи находилось и теперь находится множество языковъ. Это не такая необходимая часть даже языка законодательства. Безъ нея обходятся часто и языки, имѣющіе слово право, Recht, droit, right. Стоитъ взять наше старое законодательство, напр., судебники, устанавливающіе права и налагающіе обязанности, чтобы убѣдиться, что языкъ закона можетъ обойтись безъ него. Въ Уложеніи царя Алексѣя, довольно пространномъ, мы не находимъ этого слова, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ объ иноземномъ вліяніи (напр., „Магдебурское право"). Слово это часто обходятъ и новѣйшіе кодексы, замѣняя его иными выраженіями (можно, дозволено, можетъ, имѣетъ власть, и т. п.). Идея обязанности и права можетъ быть выражена множествомъ способовъ. Даже языкъ создателей юриспруденціи,—римлянъ, не зналъ, напр., слова соотносительнаго „obligatio" (это ново-латинское слово). Моисеево законодательство также не знаетъ слова право. Если я, напр., скажу, что В обязанъ по отношенію къ А, это равносильно тому, какъ если бы я сказалъ: А имѣетъ право по отношенію къ В.—Образованіе соотносительной пары „право—обязанность" есть, конечно, прогрессъ языка, но прогрессъ для выраженія идей второстепеннаго порядка. Основныя идеи остаются прежними,и если мы ошибочно воспользуемся словомъ право для выраженія какой-либо основной идеи, мы сдѣлаемъ дурное употребленіе изъ языка, и прогрессъ его обратимъ въ средство путаницы.

Философіи „права" у грековъ не было, потому что они болѣе просто и точно выражали свои мысли. У нихъ была философія го-

---

*) Рѣдкинъ, опредѣляя „философію права" (Изъ лекцій...., 1889, I, 309), говоритъ: „слово *право* употреблено здѣсь въ значеніи не собственномъ, т. е. не въ значеніи положительнаго права (jus, т. е. англійскаго law), а въ значеніи праведнаго и справедливаго (justum et aequum, т. е. того, что на стр. 314 переведено греческимъ *δίκαιον*, т. е. англійское justice, нѣмецк. das Gerechte), правды и справедливости, какъ нормы собственнаго права".— Короче, „философія права"=философія справедливости (justice, *τὸ δίκαιον*).—Почему долженъ заслуживать предпочтенія терминъ „право", если къ нему нужно прибавлять объясненіе, что это „право" не есть собственно право, а справедливость? Не проще ли и яснѣе прямо говорить о философіи справедливости?.... Нѣмецкое просто-криво-говореніе: прежде затемнить, а потомъ просвѣтить.

сударства, законовъ и справедливости. Государство, законы и справедливость были главнѣйшими предметами бесѣдъ греческихъ философовъ.

Сократъ имѣлъ, какъ и всѣ почти греки, весьма высокое понятіе о значеніи государства для человѣка. Кто хочетъ жить среди людей, въ общеніи съ ними, тотъ не можетъ жить иначе какъ въ государствѣ. Онъ считалъ государство существеннымъ для человѣка естественнымъ состояніемъ. Отъ управляемаго, какъ и отъ правителя, онъ требовалъ повиновенія нравамъ и обычаямъ, законамъ и учрежденіямъ своего государства. Ученіе о государствѣ тѣсно связывалось у него съ этикою. Имъ подмѣчена правильная идея о справедливости, какъ о согласіи съ нормой: справедливо (*δίκαιον*) то, что законно (*νόμιμον* *).

Платонъ указалъ намъ на основныя понятія самымъ названіемъ своихъ работъ: „О государствѣ“ (*πολιτεία*) и „О законахъ“ (*νόμοι*) Государство не можетъ состояться и существовать безъ справедливости (*τὸ δίκαιον*); и наоборотъ, справедливость не можетъ осуществиться безъ государства. Ученіе о справедливости нераздѣльно съ ученіемъ о государствѣ, какъ и вообще этика съ политикой. Желая начертать образъ возможно лучшаго государства, онъ раскрываетъ намъ природу справедливости, представляетъ ее намъ въ большомъ свѣтѣ, пишетъ большими буквами. (Ср. Рѣдкинъ, ор. с., Ш, 337, 339, 341, 342 и сл.).

Аристотель оставилъ намъ, какъ извѣстно, въ своей Политикѣ классическое общее ученіе о государствѣ. Человѣкъ есть государственное существо (*ζῷον πολιτικόν*). Государство есть основное понятіе. Политическое общеніе упорядочивается законами. Изучать государство и законы (политику) мы не можемъ, однако, независимо отъ этики. Высшая добродѣтель, по Аристотелю, есть справедливость. Но, справедливость находитъ себѣ полное воплощеніе только въ государственной жизни, для которой человѣкъ рожденъ уже въ силу того, что онъ обладаетъ даромъ слова. Его анализъ основныхъ понятій государственной жизни обнаруживаетъ глубокое и тонкое пониманіе существа и дѣятельности человѣка, а во всѣ отношенія политической и общественной жизни блестяще проведено стремленіе внести этическія начала.

Какъ во всемъ греческомъ языкѣ мы не найдемъ слова, вполнѣ соотвѣтствующаго нашему „право“ (right), такъ точно не найдемъ мы у Аристотеля и „философіи права“. У него есть философія справедливаго (*τὸ δίκαιον*), или справедливости. Стоитъ просмотрѣть соотвѣт-

*) См. „Воспоминанія о Сократѣ“ Ксенофонта, кн. IV, гл. 4. Рѣдкинъ „Изъ лекцій по ист. филос. права“, Ш, 80, 79, 20.

ствующія мѣста оригинала (всѣ переводы грѣшатъ), чтобы увидѣть безъ затрудненій, что Аристотель (Ethica Nicom., V, 1, 2, 10; Politica, VII, 9; III, 3, 9, 13; Rhetorica, I, 10, 13.) употреблялъ *το δίκαιον* въ значеніи, которое ближе всего соотвѣтствуетъ нашему „справедливое" (das Gerechte) или справедливость. *) Имъ данъ совершенно правильный анализъ идеи справедливости.

Такъ, Аристотель говоритъ о справедливомъ (*τὸ δίκαιον*) по природѣ (*φύσει* или *κατὰ φύσιν*) и о справедливомъ по закону; или—о справедливомъ въ государствѣ (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*) и справедливомъ по природѣ (*τὸ φυσικὸν δίκαιον*); или—о справедливомъ въ государствѣ (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*) и о справедливомъ вообще (*τὸ ἁπλῶς δίκαιον*); или—о справедливомъ въ государствѣ и справедливомъ въ семьѣ или хозяйствѣ (*τὸ οἰκονομικὸν δίκαιον*).

Справедливое, по совершенно правильному мнѣнію Аристотеля, предполагаетъ законъ (*νόμος*). „Справедливое", говоритъ онъ, „есть законное", *τὸ δὲ δίκαιον τὸ τε νόμιμον.* **). И такъ какъ можно, съ одной стороны, говорить о законахъ государственныхъ, а съ другой—о законахъ, источникомъ которыхъ считается нравственное чувство, представленія объ общемъ благѣ, божествѣ или „природѣ", то и о справедливости можно говоритъ съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) справедливо, потому что согласно съ государственнымъ закономъ, ***) 2) справедливо, потому что согласно „природѣ". Справедливое по закону можетъ совпадать со справедливымъ по природѣ, какъ имѣющимъ силу вездѣ, но можетъ и не совпадать; такъ что одна часть того, что считается справедливымъ въ государствѣ, совпадаетъ со справедливымъ по природѣ, а другая часть считается справедливой лишь въ силу установленія закона.

Тамъ, гдѣ нѣтъ политическаго общенія, нѣтъ общей власти, какъ, напр., въ международныхъ отношеніяхъ (при такъ называемомъ естественномъ состояніи), не можетъ быть и рѣчи о государственно-принудительныхъ нормахъ (*οἱ νόμοι*, законахъ въ широкомъ смыслѣ) и о справедливости, какъ согласіи съ этими нормами (*τὸ πολιτικὸν*

---

*) Такое значеніе *τὸ δίκαιον* вполнѣ согласно его этимологическому происхожденію отъ *δίκαιος*, справедливый, just. Въ большихъ, основательныхъ, словаряхъ не отведено даже особаго мѣста для субстантива *τὸ δίκαιον*, а лишь для его основы *δίκαιος*. См. Thesaurus graecae linguae H. Stephani, Lexicon Graeco-Latinum C. Grimm'a....

**) Такъ какъ можно говорить о законѣ государственномъ и законѣ нравственномъ, то и справедливость можетъ быть или нравственною (the moral justice), или законною (the legal justice). См. Seth, Ethical principles, стр. 300.

***) Plato, Republ., II, § 62: *καὶ ὀνομάσαι τὸ ὑπὸ τοῦ νόμου ἐπίταγμα νόμιμον τε καὶ δίκαιον.*

δίκαιον), но можно говорить о справедливомъ „по подобію“ (*καθ' ὁμοιότητα*), справедливомъ „вообще“, или „по природѣ“ *).

Корифеи мысли даровитѣйшаго народа, творцы идей, которыми живетъ до сихъ поръ государственная наука, не знали той неопредѣленной, неуловимой вещи, того „таинственнаго бытія-небытія“, которое выдвинуто было послѣдующимъ временемъ подъ именемъ Jus, Recht, Droit, „Право“ (съ большой буквой).—Государство (*πόλις*) законъ (*νόμος*) и справедливость (*τὸ δίκαιον*)—вотъ ихъ основныя понятія. Наша коррелятивная пара „право-обязанность“ есть, конечно, прогрессъ: она выражаетъ дальнѣйшій анализъ понятій, соозначаемыхъ, непосредственно или посредственно, указанными понятіями греческой философіи. Но, это прогрессъ второстепенный, анализъ такихъ соозначеній, безъ которыхъ можно было бы и обойтись. Ни греческая философія, ни греческое законодательство (переводное съ латинскаго) не теряютъ своего значенія отъ того, что у нихъ не было слова соотвѣтствующаго right, Recht, droit, право, (какъ коррелята duty, Pflicht, devoir, обязанности). Для выраженія же идеи справедливости у нихъ было *τὸ δίκαιον*, болѣе опредѣленное, чѣмъ Recht, Droit, „Право“ (означающее то справедливость, то совокупность законовъ **).

*) Въ данномъ случаѣ Аристотель, видѣвшій лишь подобіе, выше современныхъ юристовъ, смѣшавшихъ подъ общимъ именемъ „права“, Recht, такія разныя вещи, какъ нормированіе внутреннихъ государственныхъ и международныхъ отношеній (международное право, Völkerrecht).

**) Повторяю: то обстоятельство, что создатели философіи государства и законовъ, равно какъ и этики, не знали особаго слова-понятія „право“, имѣетъ огромное значеніе для того, кто умѣетъ проникать сквозь шелуху слова до самаго ядра мысли. Мы смотримъ на мышленіе черезъ очки языка и, не принимая во вниманіе свойствъ этихъ очковъ, ихъ выпуклостей и вогнутостей, придаемъ часто нѣкоторымъ идеямъ значеніе, не вполнѣ соотвѣтствующее ихъ дѣйствительной роли въ мышленіи. Созданіе новаго слова-понятія „jus“ („права въ субъективномъ смыслѣ“) не означаетъ еще созданія чего-либо существенно новаго, способнаго породить новую науку или философію. Всѣ мы ведемъ философію нашей науки отъ грековъ, всѣ мы знаемъ, что положенный ими фундаментъ является вѣчнымъ пріобрѣтеніемъ человѣчества, и что римляне, создавъ практическую юриспруденцію, жили въ философской сферѣ идеями грековъ и ничего не внесли сюда существенно новаго. Этимъ implicite признается, что созданіе новаго слова-понятія „jus“ въ дѣйствительности не измѣнило положенія философіи нашей науки: она осталась въ своемъ греческомъ первообразѣ, и, слѣдовательно, новое слово-понятіе „jus“ не играло на дѣлѣ существенной роли въ эволюціи философіи. Это понятіе второстепеннаго значенія и implicite уже заключенное въ тѣ основныя понятія, которыми жила и греческая философія. И хотя раскрытіе содержанія стараго знанія, explicit'ное выраженіе того, что было implicite заключено въ прежнемъ знаніи, и есть прогрессъ и даетъ намъ *новое* знаніе, однако,—этотъ прогрессъ и это новое знаніе имѣютъ значеніе второстепенное. Основныя понятія остались и остаются тѣми же, что и у грековъ.—Употребленіе слова „jus“ (право) для означенія той совокупностн нормъ, которую

Указанныя основныя понятія оставались фундаментомъ этико-политическаго (или этико-юридическаго) мышленія и во все послѣдующее время, „даже и до сего дня“, хотя выражались часто съ меньшею ясностью, чѣмъ у греческихъ классиковъ. „Какъ часто, восклицаетъ М. Мюллеръ (Science of Thought, 36), видѣли древніе мыслители совершенно ясно то, что мы можемъ замѣтить, лишь устранивъ толстую завѣсу схоластическихъ предрасудковъ!“. Даже, когда мысль переживала стадіи враждебнаго настроенія по отношенію къ государству, она не могла обойтись безъ тѣхъ же основныхъ понятій государства, закона и справедливости. Такъ необходимы они для человѣческаго разума. Даже въ религіозной сферѣ человѣкъ мыслитъ государственно.

Стоицизмъ былъ, напр., фаталенъ для стараго взгляда на суверенитетъ (supremacy) того или иного частнаго земного государства. Но, и онъ высказывалъ свои идеи при помощи тѣхъ же старыхъ государственныхъ понятій. Такъ какъ всѣ люди равны (Рѣдкинъ, ор. с., 105, 106, т. VII), какъ равно—разумныя существа, то они всѣ вмѣстѣ и образуютъ одно (единственное) общеніе, гдѣ божественный разумъ есть всеобщій для всѣхъ людей *законъ*. А такъ какъ подчиненіе всеобщему закону есть существенное условіе того людского обшенія, которое называется государствомъ, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ люди суть члены одного и того же *государства*, или суть граждане міра—космополиты. Этотъ общій для всѣхъ людей, какъ гражданъ міра, законъ и есть всеобщій міровой законъ, законъ природы, естественный, природный законъ. Онъ есть первоисточникъ какъ вообще всѣхъ нравственныхъ нормъ, такъ и въ особенности всѣхъ нормъ общественной людской жизни. Въ этомъ смыслѣ стоики называли его нормою *справедливаго*, *τὸ δίκαιον*, (слѣдовательно естественный, прпродный, законъ есть первоисточникъ всѣхъ положительныхъ законовъ). Въ этомъ смыслѣ стоики и говорили, что справедливое, *τὸ δίκαιον*, основывается на природѣ, а не на установленіи... *Законъ* владычествуетъ во всемірномъ *государствѣ* стоиковъ, служа основаніемъ нашихъ понятій *о справедливости*.—Тѣ же основныя понятія!

греки называли *νόμοι* (законы), даетъ намъ, очевидно, лишь *новое названіе* для стараго понятія, а не что-либо новое по существу. Обладая старыми знаніями, подъ новымъ названіемъ, мы ничѣмъ новымъ не обладаемъ по существу. „Мы не должны спорить съ другими о словахъ, когда на дѣлѣ мы согласны съ ними относительно вещей“ (Hamilton, on Logic, II, 149). И мы не должны думать, что обладаемъ новой системой знаній, новой наукой или философіей, когда на дѣлѣ мы имѣемъ лишь новый языкъ, въ которомъ выражены старыя знанія. Мы не должны думать, будто мы мыслимъ о чемъ-то новомъ, когда мы лишь употребляемъ новыя слова и новыя формулы для старыхъ вещей.

Тѣ же идеи находимъ мы и въ *Христіанствѣ*. Царство природы или разума смѣнилось Царствомъ Божіимъ. Христіанскій индивидуализмъ, подобно индивидуализму стоиковъ, покоится такимъ образомъ на понятіи *государства*. Разумѣется, государство это невидимаго, мистическаго, характера: члены его объединены въ лицѣ верховнаго Правителя —Христа. Божественный разумъ устанавливаетъ для людей *законы* или путемъ непосредственнаго откровенія, или путемъ обнаруженія своей воли въ природѣ вещей (Ср. Vareilles-Sommières, Principes.... du droit, 20—34) Выше земного государства стоитъ невидимое государство Божіе со своими законами и *справедливостью*, болѣе высокими, чѣмъ земные законы и справедливость (Ср. De civitate Dei Августина). Каждая душа есть гражданка истиннаго государства (Dante, Purgatorio XIII, 94: ciascuna (anima) è cittadina d'una vera città). Новое міросозерцаніе не можетъ обойтись безъ старыхъ основныхъ понятій греческихъ философовъ. Ими мы живемъ всѣ до сихъ поръ; ими живутъ и тѣ народы, которые не входили въ соприкосновеніе съ греческимъ міромъ Вездѣ и всегда человѣкъ есть государственное существо и мыслитъ какъ таковое: Богъ какъ Правитель, lex divina, Законъ Божій и Царство Божіе. Эти понятія найдемъ мы въ языкѣ-разумѣ всякаго народа, въ той или иной формѣ.

Христіанское ученіе важно для насъ какъ потому, что оно соединяетъ глубину мысли съ простотою выраженія, такъ и потому, что служитъ отраженіемъ міровоззрѣнія массы окружающаго насъ общества. Идеи стоиковъ о естественномъ законѣ, какъ голосѣ божества или божественнаго разума, идеи, воспринятыя римлянами подъ именемъ lex naturalis (или jus naturale), отозвались и на Новомъ Завѣтѣ. Идея эта передается тамъ, на греческомъ, словомъ *νόμος*, законъ, на латинскомъ lex (in cordibus scripta *).—Существуетъ высшій голосъ, чѣмъ законъ, содержащійся въ распоряженіяхъ земной власти. Есть законъ, признаваемый всѣми людьми, къ какому бы народу ни принадлежали они. Этотъ правый законъ открывается in foro conscientiae, во внутреннемъ сознаніи людей.—Такъ думалъ уже давно и Аристотель (См. Hicks, „Traces of greek philosophy and roman law in the New Testament, 1896, стр. 161 и слѣд., 104, 105. 51, 52.).—Законъ, *νόμος*, часто то же, что Богъ, такъ какъ законъ необходимо вызываетъ представленіе о Законодателѣ. Иногда онъ отождествляется съ *Λόγος*=Слово, Разумъ, Богъ.—Встрѣчается въ Новомъ Завѣтѣ и *τὸ δίκαιον*, но также не имѣетъ значенія нашего „право“, jus „въ

*) Въ посланіи къ Римлянамъ, гл. II, 14, 15, говорится (приблизительно): даже язычники слушаютъ голосъ природы и дѣлаютъ въ силу этого вещи, которыя повелѣваетъ дѣйствительно дѣлать законъ Божій,—*φύσει τὰ τοῦ νόμου ποιοῦσιν* (естествомъ законная творятъ).

субъективномъ смыслѣ", Befugniss zu zwingen (Кантъ). Согласно многочисленнымъ словарямъ, составленнымъ теологами, *δίκαιος*, какъ и у Аристотеля, означало того, кто выполнялъ, точнѣе—въ самомъ себѣ носилъ „божескіе и человѣческіе законы" (при столкновеніи этихъ послѣднихъ проявится и указанная уже прежде многосмысленность слова справедливый). Согласно своему этимологическому происхожденію neutrum *τὸ δίκαιον* означало то, что согласно съ закономъ (въ священной книгѣ, конечно, прежде всего и больше всего—закономъ божественнымъ), quod fas est, или id quod postulat officii ratio (Lexicon Graeco-Latinum in libros novi testamenti, стр. 102, C. Grimm). Опять таки, слѣдовательно, не jus „въ субъективномъ смыслѣ", не Befugniss, а идея требованія, велѣнія, и наложеннаго имъ долга: что согласно съ ними, то и есть *τὸ δίκαιον*.

Такимъ образомъ и идеальная надстройка надъ „міромъ симъ" не нуждается въ какихъ-либо новыхъ понятіяхъ. Государство, законъ и справедливость одинаково годны и для выраженія идеи „не отъ міра сего": Царства Божія, Закона и Справедливости. Христосъ —Царь царства не отъ міра сего, дающій вѣрнымъ новый законъ любить другъ друга, и обѣщающій спасеніе исполняющимъ этотъ законъ. Философія государства, какъ и нравственный судъ надъ всякимъ государствомъ съ его законами и обычаями, не нуждается въ какомъ-либо новомъ понятіи. „Право въ субъективномъ смыслѣ" можетъ найти себѣ здѣсь лишь служебную роль.

Новая терминологія (со словомъ право, jus, Recht, droit въ основѣ) имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ римскую юриспруденцію. *)

*) Пр. В. Ф. Залѣскій (Лекціи исторіи философіи права, 1902, стр. 118 и сл.): „Къ ученію о справедливости у Цицерона тѣсно примыкаетъ ученіе о правѣ. *Съ этимъ терминомъ мы здѣсь встрѣчаемся впервые въ теченіи нашего курса* (курсивъ нашъ). *Понятіе права древнимъ грекамъ было совершенно неизвѣстно* (курсивъ нашъ; ergo—начинать „исторію философіи права" съ грековъ, какъ это обыкновенно дѣлается до сихъ поръ, совершенно неправильно: у грековъ не было понятія права, а потому не могло быть и философіи права); греческіе философы говорятъ о добродѣтели (*ἡ ἀρετή*), о законѣ (*ὁ νόμος*), о справедливости (*ἡ δικαιοσύνη*), о справедливомъ (*τὸ δίκαιον*), — *но не о правѣ* (курсивъ нашъ): это понятіе отсутствуетъ, равно какъ отсутствуетъ и слово, его обозначающее.... Сознаніе права *всегда* зарождается въ человѣкѣ въ формѣ сознанія *своего* права, права въ субъективномъ смыслѣ: только отъ сознанія субъективнаго права онъ можетъ возвыситься до понятія о правѣ въ объективномъ смыслѣ и, наконецъ, до идеи права, какъ общественнаго порядка".—Что сознаніе права всегда обнаруживается въ формѣ сознанія своего или чужого права (иначе—права въ субъективномъ смыслѣ) —совершенно правильно. Только такую идею и связываетъ народъ со словомъ „право". Перенесеніе этого термина на совокупность нормъ или на идею общественнаго порядка (т. е. на понятіе права въ объективномъ смыслѣ) есть искусственная операція ученаго языка, а не „возвышеніе" народнаго сознанія. На-

Къ уясненію основныхъ понятій она ничего не прибавила *существеннаго* по сравненію съ греческой философіей, но внесла существенную путаницу. Научное изслѣдованіе характеризуется вообще тѣмъ, что въ изслѣдуемомъ предметѣ различается существенное отъ несущественнаго. Намъ важно именно опредѣлить, какія изъ многихъ понятій въ юриспруденціи должны считаться наиболѣе существенными, принципіальными, и какія—второстепенными. Изслѣдовать предметъ по существу и значитъ сосредоточить свое вниманіе на наиболѣе существенномъ, или важномъ. Путаница произойдетъ тогда, когда вниманіе сосредоточится на второстепенномъ и этому второстепенному отведено будетъ первое мѣсто.

У Цицерона, который не чуждъ былъ философіи, хотя, конечно, и не можетъ быть сравниваемъ съ Платономъ или Аристотелемъ, мы встрѣчаемся съ прежними основными понятіями. Уже изъ самыхъ названій своихъ теоретическихъ работъ (De republica и De legibus) онъ даетъ намъ возможность видѣть, что основными понятіями онъ считалъ: „государство“ и „законы“. Въ первой работѣ онъ начерталъ устройство хорошаго государства, а во второй предложилъ законы

родному языку такое словоупотребленіе остается чуждымъ И для научнаго языка нельзя видѣть въ этомъ переносѣ слова отъ одного значенія на другое какого-либо „возвышенія“ сознанія. Понятіе правила или нормы—элементарное понятіе; понятіе совокупности нормъ также элементарно; понятіе порядка и безпорядка столь же элементарны; понятіе общественнаго порядка—элементарно также. Всѣ эти понятія получили свои названія изъ общаго народнаго языка; названія эти весьма понятны и опредѣлительны, и замѣна ихъ словомъ „право“ вовсе не есть прогрессъ или возвышеніе. Такая замѣна дѣлаетъ лишь болѣе затруднительнымъ пониманіе простыхъ вещей. Въ другомъ мѣстѣ мною цитируется бесѣда на экзаменѣ профессора со студентомъ (изъ Гарина „Студенты“), гдѣ студентъ обнаруживаетъ неумѣнье усвоить столь простыя вещи, какъ понятіе „права въ субъективномъ“ и „права въ объективномъ смыслѣ“; я самъ бывалъ свидѣтелемъ подобныхъ затрудненій. Такъ Stockgelehrten (по выраженію Эразма Роттердамскаго: „Похвала Глупости“, изданіе Philipp Reclam'a, стр. 9) умѣютъ создавать новыя затрудненія относительно самыхъ простыхъ вещей (neue Schwierigkeiten über die einfachsten Kleinigkeiten aufstellen . Созданныя такимъ неудачнымъ языкомъ затрудненія и служатъ главной поддержкой существующей терминологіи у континентальныхъ юристовъ, ибо „что трудно, то обыкновенно люди и находятъ прекраснымъ“ (ibid., 96). Для насъ же русскихъ эта чуждая русскому языку терминологія кажется хорошею еще и потому, что она пришла къ намъ изъ-за границы. „Denn für uns Thoren ist es nicht eine der geringsten Freuden, mit äuszerster Bewunderung auf alles, was aus weiter Ferne kommt, zu blicken (ibid., 16, 17, т. е. „для насъ «умныхъ» людей не малую радость доставляетъ смотрѣть съ крайнимъ удивленіемъ на все, что приходитъ издали“). Это не прогрессъ, а нарушеніе законовъ языка, за которое мы и платимся.—„Почвы для развитія (Залѣскій, ibid., 120) субъективнаго правосознанія.... не оказывалось—и *понятіе права навсегда осталось чуждымъ мышленію древнихъ грековъ, какъ слово „право“—ихъ языку*“ (курсивъ нашъ)....

для его управленія. Самымъ лучшимъ онъ признавалъ такое государство, основу котораго составляла справедливость. Самую справедливость онъ опредѣлялъ такъ же, какъ и его греческіе учители: справедливость есть повиновеніе законамъ, justitia est obtemperatio legibus *) Разумѣется, что lex имѣло два значенія: 1) государственный законъ, 2) законъ нравственный. Когда справедливость опредѣлялась какъ „повиновеніе законамъ" имѣлся въ виду часто именно второй смыслъ слова законъ— „міровой этическій законъ" (lex naturalis, иногда jus naturale): отголосокъ стоицизма. (Ср. Рѣдкинъ, ор. c., VII, 489).

Почему римскіе юристы предпочитали, однако, употреблять слово jus тамъ, гдѣ слѣдовало бы и, повидимому, можно было бы говорить lex, это объяснить затруднительно Это могло произойти: 1) потому что lex имѣло въ римской государственной жизни значеніе постановленія, сдѣланнаго извѣстнаго рода народнымъ собраніемъ **); 2) слово jus происходитъ, повидимому, отъ jussum ***), т. е. велѣнія государственной власти безъ различія (the command), а потому легко могло пріобрѣсти значеніе вообще государственно-принудительной нормы; 3) какъ практики, не привыкшіе разбираться въ основныхъ вопросахъ философіи, они мало придавали значенія тому или иному словоупотребленію, и даже не чувствовали нужды въ особенной точности языка ****).

Важно замѣтить одно: римляне употребляли свое jus весьма часто какъ синонимъ закона или законовъ (lex или leges). При переводѣ законодательныхъ сборниковъ на греческій jus civile, jus naturale и jus gentium переданы были: *νόμος πολιτικός*, *νόμος φυσικός*, *νόμος ἐθνικός*. Съ средневѣковой латыни jus также понимали какъ си-

---

*) Подобно тому, какъ одинъ изъ современныхъ англійскихъ юристовъ (John M. Lightwood, „The Nature of Positive Law, 1883, стр. 24) опредѣляетъ юриспрудецію, какъ „науку о достиженіи справедливости путемъ правилъ закона".

**) Хотя въ выраженіи princeps legibus solutus est имѣлось въ виду подъ lex всякое имѣющее силу закона постановленіе.

***) Lex, напр., опредѣлялось нѣкоторыми юристами какъ generale jussum. См. мою работу „Наука и философія права?" стр. 67, 68 и сл.

****) „La plupart des hommes sont si peu accoutumés à la justesse des expressions, qu'ils concevront à peine l'importance qu'on attache à rectifier celle-ci. Ils connaissent trop peu la force du poison pour sentir la nécessité de cet antidote". J. Bentham, Oeuvres, I, 525 (1840 г.). Т. е. большая часть людей такъ привыкла мало къ точности выраженій, что она едва ли поймётъ важность исправлять ихъ. Они слишкомъ мало знаютъ силу яда, чтобы чувствовать необходимость подобнаго противоядія. — На ряду съ juris prudentia, juris scientia, и т. п., попадаются у римлянъ выраженія: legum prudentia, legitima scientia, civilis scientia, legum scientia, legum prudens (см. Holland, Jurispr, 2, прим. 1 и 2).

нонимъ lex.*) — Иногда, однако, jus было синонимомъ справедливости; а иногда—„права въ субъективномъ смыслѣ".

Основныя понятія остались тѣ же: государство, законъ и справедливость, но въ выраженіе ихъ вкрались неопредѣленности, столь гибельныя для точной мысли. Прибавилось jus, какъ коррелятъ позднѣе созданнаго obligatio:**) прогрессъ, но не существенный. „Мы можемъ смѣло пользоваться богатствомъ языка, накопленнымъ нашими отцами, если только мы заботимся о томъ, чтобы не принимать монету за большую или меньшую цѣну сравнительно съ ея настоящею стоимостью. Мы должны взвѣшивать наши слова, какъ древніе взвѣшивали часто свои монеты, и не вводить себя въ заблужденіе ихъ циркулирующею цѣнностью..... Очень легко чеканить новые термины, но они часто дѣлаютъ путаницу еще болѣе запутанною.....". (M. Müller, The science of thought, 75). — Исторически jus, повидимому, переходило отъ значенія велѣнія (jussum, the command, law, законъ) къ обозначенію права (right), а потомъ и справедливости (justice, justitia). Такая шаткость, не имѣющая иногда значенія для практика, очень гибельна для философіи. Опредѣленіе есть единственное средство, которое можетъ предписать наука о мысли (ср. M. Müller, op. c., 617). „Вся философія является лишь борьбою между новыми и старыми значеніями словъ, и много философскихъ споровъ исчезло бы, если бы спорящіе снизошли лишь до опредѣленія своихъ словъ" (ibid., 610).

Понятія, которыми оперируетъ римскій юристъ, въ сущности тѣ же, съ которыми имѣетъ дѣло и юристъ англійскій, но они не такъ ясно и опредѣленно выражены, какъ у послѣдняго (law, right, justice), а потому часто смѣшиваются. Безъ ясной терминологіи нѣтъ яснаго мышленія. „Для хорошаго и дурного, языкъ и мысль соединены нераздѣльно: разъединеніе ихъ означаетъ разрушеніе для обоихъ" (M. Müller, op. c., 617).—Въ одномъ пунктѣ римскіе юристы сдѣлали даже шагъ впередъ: когда они нашли выраженіе для права (right), какъ коррелята обязанности. Для практическаго человѣка, имѣющаго въ виду прежде всего собственныя выгоды или интересы, или долю свободы, обезпеченную ему закономъ,—это прогрессъ важный. Но, сдѣлавъ

*) У Bracton'a, англійскаго юриста, умершаго въ 1268 г., говорится (De legibus et consuetudinibus Angliae, кн. I, гл. III, 1; стр. 12, 13 по изд. 1878 г.): jus et lex idem significat. Въ Lexicon juridicum juris caesarei simul et canonic Johannis Calvini, alias Kahl (изд. MDCLXX, стр. 488 и сл., jus) jus idem est quodi lex; jus generaliter appellatur, quicquid lege praecipitur..... У Пуффендорфа между значеніями jus указывается: „complexus seu systema legum homogenearum" (Holland, op. c., 14 п.) — совокупность или система однородныхъ законовъ. Просто!

**) Ср. Lindley, An introduction to the study of jurisprudence, стр. 1.

этотъ практическій шагъ впередъ, римскіе юристы потеряли передъ греками въ умѣньѣ ясно и опредѣленно передавать болѣе основныя понятія. Отъ римлянъ мы должны взять ихъ jus (right), отъ грековъ (не имѣвшихъ слова, соотвѣтствующаго jus) *νόμος* (законъ), *πόλις* (государство) и *τὸ δίκαιον* (справедливость).

Какъ велико, гибельное очень часто, вліяніе слова на мышленіе, это можно видѣть изъ употребленія словъ jus и lex. Для древнѣйшаго времени мы знаемъ: leges regiae и leges XII tabularum. Мы уже видѣли далѣе, что Цицеронъ обозначилъ свой трактатъ о законодательствѣ „de legibus", хотя могъ бы, повидимому, озаглавить его „de jure". Онъ употребляетъ, подобно многимъ другимъ, „jus" очень часто какъ синонимъ lex или leges. Законодательные сборники варваровъ носили названіе leges barbarorum. Средневѣковые писатели предпочитаютъ слово lex въ смыслѣ англійскаго law (законы). Напр., Блаженный Августинъ говоритъ „lex aeterna", выраженіе, переводимое пр. Залѣскимъ (Ист. фил. пр., 142) какъ „естественное право"; Петръ Ломбардскій говоритъ „naturalis lex" (переведенное тамъ же, стр. 143, какъ „естественное право"); Ѳома Аквинскій говоритъ „lex naturalis" (ibid., 144); Дунсъ Скоттъ говоритъ„ lex naturae" (ibid., 147). Въ позднѣйшее время начинаетъ преобладать jus (jus naturale, jus civile, и т. д.). Иногда это jus есть очевидно другое названіе для lex, почему юристы и говорятъ часто—jus vel lex. Что это весьма часто синонимы, признается implicite и современными писателями, переводящими „lex naturalis" какъ „право естественное", т. е. такъ, какъ будто тамъ стояло jus naturale.—Но, уже давно замѣчено (ср. M. Müller, Sc. of Thought, 17), что обиліе названій для одной и той же вещи служитъ весьма часто источникомъ величайшей путаницы въ мышленіи. На томъ основаніи, что рядомъ съ однимъ названіемъ существуетъ въ языкѣ другое, люди приходятъ вдругъ къ заключенію, что они имѣютъ дѣло съ двумя различными вещами. Въ виду этого обилія терминовъ, особенно гибельнаго тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ очень абстрактными понятіями, Максъ Мюллеръ предлагаетъ изгнать нѣкоторыя слова-понятія изъ философскаго языка, по крайней мѣрѣ на время, и снова допустить ихъ туда лишь послѣ того, какъ ихъ подвергли основательной пурификаціи (ibid., 18). Милль (Logic, I, 3, 9) также говоритъ о склонности людей принимать два различныхъ названія, не вполнѣ синонимныя, за названія двухъ различныхъ вещей, какъ о причинѣ многихъ ошибокъ. Можно, конечно, придавать различное значеніе подобнымъ выраженіямъ, но каждый употребляющій ихъ долженъ ясно и разъ навсегда, обязательно для самого себя, опредѣлить, въ какомъ именно смыслѣ онъ ихъ употребляетъ.—Греки, напр., не имѣли особаго слова, соотвѣтствующаго jus,

right, и однако же ихъ философія была не только не бѣднѣе, но несравненно богаче и глубже какъ римской философіи, такъ и философіи многихъ ученыхъ нашего времени. Греки, не имѣя jus, понимали себя и государственную жизнь лучше многихъ послѣдующихъ мыслителей, и были, слѣдовательно, не только въ проигрышѣ, но и въ выигрышѣ. И есть много другихъ словъ, отъ потери которыхъ человѣчество по мнѣнію Макса Мюллера (ор. с., 71, 72) лишь выиграло бы, въ виду дурного пользованія ими въ настоящее время.— То же слѣдуетъ сказать и по поводу словъ jus и lex. Глоссаторы, постглоссаторы и послѣдующіе юристы считали себя обязанными честью надѣлить слово jus спеціальнымъ значеніемъ. Продолжая часто считать его лишь синонимомъ lex, одни отождествляютъ его со справедливостью, другіе придаютъ ему еще какое-то особое, неясное для нихъ самихъ и для другихъ, значеніе (см. Залѣскій, ор. с., 170, 171, 172, 173, 175, 176, 178.....). Это необходимо должно было вызвать путаницу. Она возникла, и перешла по наслѣдству къ нашему времени. Мышленіе человѣческое, въ данномъ случаѣ, удивительнымъ образомъ шло со времени Платона и Аристотеля къ ухудшенію, а не къ улучшенію. Правильные взгляды сохранились лишь въ Англіи. Разумѣется, что сохраненіе jus въ значеніи „right“ („право въ субъективномъ смыслѣ“) желательно.

Образованіемъ jus (right) и поздѣйшаго его кореллята „obligatio“ (у римлянъ были менѣе опредѣленные: necessitas и officium) можно считать законченнымъ развитіе основныхъ понятій юриспруденціи *). Юристы римскіе построили такимъ образомъ не фундаментъ юриспруденціи, а лишь завершили сдѣланное безсмертными философами

*) Не нужно, однако, ложно истолковывать то обстоятельство, что у грековъ не было слова-понятія, соотвѣтствующаго нашему „право“ (right), а римляне создали его. Важно для насъ въ этомъ фактѣ то, что онъ наглядно свидѣтельствуетъ о *второстепенномъ* характерѣ этого слова-понятія. Можно имѣть законодательство и глубокую философію, не ощущая особенной нужды въ этомъ словѣ-понятіи. Отсутствіе его не ставитъ грековъ въ положеніе тѣхъ народовъ, которые говорятъ, не имѣя словъ-понятій въ нашемъ смыслѣ. Идею права, какъ законной или нравственной возможности дѣйствія, греки выражали многими другими путями, какъ и мы теперь. И римляне, выдвинувъ болѣе опредѣлительно понятіе „jus“, не создали этимъ новой эпохи для философіи. Если мы классифицируемъ многое теперь съ точки зрѣнія этого понятія „права“, то это дѣло привычки, а не необходимости. Я лично думаю, что въ логическомъ, а особенно въ нравственномъ, отношеніи мы выиграли бы много, если бы послѣдовали совѣту I. Бентама (Works, III, p. 181) и Конта (Politique pos., I, p. 363) и приняли за исходный пунктъ понятіе „обязанности“. Японцы, напр , не усвоившіе нашей привычки, могутъ успѣшно слѣдовать этому совѣту (Prof. Terry of Tokio, Some Leading Principles of Angl.-American Law: см. еще Am. Law Review, VII, p. 46; Holland, Jurisp., 82.)

Греціи. Образованіе слова-понятія jus (въ смыслѣ „права", right) есть лишь результатъ разложенія тѣхъ понятій, которыя извѣстны были и греческимъ философамъ. Понятіе jus (right) включено уже въ тѣ понятія, которыми оперировала греческая философія. Таковъ общій законъ развитія языка-мышленія. Но на пользу прогрессу такой анализъ служитъ лишь тогда, когда люди *не забываютъ* начальныхъ стадій рѣчи-мышленія. Въ этихъ начальныхъ стадіяхъ и лежитъ *основа* новыхъ словъ-понятій. „Заходя назадъ такъ далеко, какъ никакіе историческіе памятники (Sidgwick, Fallacies, 258, изд. 1901), филологія помогаетъ намъ видѣть, что самое раннее образованіе языка происходило путемъ разложенія того, что казалось сначала простымъ. Мы находимъ сначала одно слово, употребляемое для того, что, какъ мы теперь знаемъ, представляетъ собою много различныхъ вещей. Постепенно, по мѣрѣ углубленія нашихъ знаній, выростаютъ новыя вещи, чтобы отмѣтить группы и части, какъ различныя. Хотя и бываетъ синтезисъ, основанный на анализѣ, но первымъ шагомъ является анализъ того, что казалось прежде простымъ".

Анализъ этотъ производится всѣми народами. И образованіе особаго слова jus (right) римлянами объясняется не какими-либо особыми дарованіями этого народа сравнительно съ другими, а просто практическимъ направленіемъ его ума. Слово это существуетъ и у другихъ народовъ, возникши независимо отъ нихъ; можно сказать, что оно было и у грековъ (ἐξουσία), но не сдѣлалось предметомъ особаго вниманія.

Образованіе новыхъ словъ-понятій отражаетъ лишь общій законъ, по которому цѣлое въ мышленіи-рѣчи предшествуетъ выдѣлившимся изъ него частямъ. Предложеніе предшествуетъ слову. Иначе— начальныя слова были предложеніями. „Языковѣды (M. Müller, The Sc. of Thought, 246) были, безъ сомнѣнія, удивлены, когда имъ сказали, что слова, выражавшія подлежащее, сказуемое и, въ нѣкоторыхъ языкахъ, связку (copula) не могли существовать отдѣльно отъ предложенія, которое они составляли, и однако же логики были правы и ихъ аргументы неопровержимы. Что за польза могла быть въ образованіи такихъ словъ какъ *снѣгъ* и *бѣлый* въ отдѣльности? Никто, не исключая и троглодита, не сталъ бы забавляться тѣмъ, чтобы болтать слова *снѣгъ*, или *бѣлый*, а еще менѣе *есть* (is). И такъ какъ не было нужды въ такомъ бормотаніи, естественно было заключить, что не могло быть и предложенія, все равно какъ нельзя ожидать предложенія сапоговъ только для правой ноги на рынкѣ, гдѣ лишь полныя пары могутъ удовлетворить какой-либо потребности. Все это совершенно справедливо, но все это, конечно, не означаетъ, чтобы три слова terra, est, rotunda не существовали сами по себѣ, пока не было грамматически

расчленено предложеніе terra est rotunda. Наоборотъ, всякое существительное и всякій глаголъ были первоначально сами по себѣ полными предложеніями, состоящими изъ подлежащаго и сказуемаго, было ли при этомъ подлежащее выражено, какъ обыкновенно въ арійскихъ языкахъ, или только подразумѣвалось, какъ въ китайскомъ. Такъ *Luc-s* было первоначально настоящимъ предложеніемъ, и означало *свѣтящееся-здѣсь* (shining-here). Это было достаточно для перваго усилія. *Luc-e t* равнымъ образомъ было полнымъ предложеніемъ, и означало „онъ-свѣтящійся“ (he-shining). Никто не сомнѣвается въ этомъ по отношенію къ глаголамъ. Никто не колеблется признать *veni*, *vidi*, *vici* тремя независимыми предложеніями. Почему должны мы сомнѣваться по отношенію къ существительнымъ? Разница между *man-u-s* (человѣкъ, man) и *man-u-te* (думаетъ, thinks) не больше, чѣмъ между „думающій-онъ (тамъ)“ (thinking-he [there]) и „онъ-думающій“ (he-thinking). Въ позднѣйшей стадіи языка оба предложенія *Manus* и *manute*, „человѣкъ и думаетъ“, были слиты въ одно, а это повело къ ложному предположенію, что *manus* и *manute*, не имѣли независимаго существованія, а съ самаго начала были составными частями предложенія“.—Философскія основы юриспруденціи лежатъ въ работахъ грековъ. Работы римскихъ юристовъ носятъ по преимуществу практическій характеръ: въ этомъ ихъ сила, и въ этомъ ихъ слабая сторона.

Дальнѣйшее теченіе мысли не внесло и не могло внести ничего существенно новаго въ дѣлѣ выработки основныхъ понятій юриспруденціи. Больше всего потратили силъ и времени на изученіе античнаго міра, вѣроятно, нѣмцы, но.... .. меньше всего извлекли изъ этого изученія пользы нѣмцы же. Это удивительный по несоотвѣтствію трудолюбія и даровитости народъ.

Идеи античнаго міра продолжаютъ жить, вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, и въ послѣдующее время. Августинъ пишетъ De civitate Dei (426 г.), Ѳома Аквинскій—de regimine principum (XIII ст.). Horn—de civitate (XIV ст.), Occam—disputatio super potestate (XIV), Pierre de Andlo—de Caesarea monarchia (1460), Макіавелли—о государѣ (Principe, XVI ст.), Томасъ Моръ объ идеальномъ государствѣ Utopia (1518), Poynet—о политической власти (short treatise of politic power, 1556 г.), Боденъ—о республикѣ. Дѣло идетъ, такимъ образомъ, о государствѣ, дѣйствительномъ или идеальномъ,—государствѣ вообще, или извѣстной его формѣ,—или о какомъ-либо элементѣ понятія государства (власть, управленіе, правитель....). Встрѣчается и терминъ jus, но въ томъ его значеніи, которое указано уже было *) выше. Таковы: Доминикъ

*) Jus et lex idem significat (Bracton, XIII ст.), или jus idem est quod lex (Юридическій словарь XVII ст.).

Сото—о справедливости и законѣ (de justitia et jure, 1568); Molina—о томъ же (de justitia et jure, 1592), Lessius—о томъ же (de justitia et jure, 1621), Пуффендорфъ– *jus* naturae et gentium, 1672, и одновременно съ нимъ Cumberland—de *legibus* naturae, 1672.—Встрѣчается иногда и терминъ законъ: Suarez—de legibus, 1611; Domat—traité des lois, les lois civiles, 1689, legum delectus, 1700; Монтескьё—духъ законовъ, 1748; Filangieri—наука о законодательствѣ (la scienza della legislazione, 1780—1785); Bautain—философія законовъ (philosophie des lois, 1860); Austin—философія положительныхъ законовъ (the philosophy of positive law, 1865).

Встрѣчаются трактаты о государствѣ подъ какимъ-нибудь фантастическимъ названіемъ, напр., Левіаѳанъ Гоббеса *), или Oceana Harrington'a. Съ развитіемъ индивидуалистическихъ ученій появляются работы съ терминомъ право (droit, diritto) въ значеніи коррелята обязанности: напр., Spedalieri—о правахъ человѣка (de'diritti dell'uomo, 1791).

Большое вліяніе на развитіе общихъ понятій юриспруденціи въ новѣйшее время имѣло слѣдующее обстоятельство. Съ распространеніемъ и укрѣпленіемъ христіанства (ср. Holland, Jurispr., 370) между цивилизованными народами, во взаимныхъ отношеніяхъ между ними образовались путемъ обычаевъ и договоровъ нормы, обязательность которыхъ они, хотя и не всегда de facto, признавали для себя. Эту совокупность нормъ нельзя было оставить за бортомъ юриспруденціи. Явилась нужда обнять ее какимъ-либо короткимъ общимъ терминомъ. Поступили такъ, какъ обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ затруднительныхъ случаяхъ,—прибѣгли къ метафорѣ, этому исконному, хотя и всегда опасному для точнаго мышленія, средству. Эти нормы субсумировали подъ общимъ терминомъ jus, а англичане law; въ отличіе отъ другихъ нормъ прибавили къ нему inter gentes или gentium **). Jus inter gentes или jus gentium расшатало прежнее понятіе

---

*) Работы Гоббеса—свидѣтельство англійскаго здравомыслія, не смотря на нѣкоторыя увлеченія. О „законахъ природы" или „велѣніяхъ разума" онъ говоритъ, что ихъ называютъ законами, но неправильно (improperly). Опредѣленіе государственныхъ или гражданскихъ законовъ (civil laws) годится и для нашего времени. Это тѣ „правила для каждаго подданнаго, которыя установило своимъ велѣніемъ государство путемъ слова, письма или какого-либо иного достаточнаго знака воли, чтобы ими можно было пользоваться для различенія праваго и неправаго (right and wrong), т. е. того, что противно, и того, что не противно правилу". (См. Pulszky, The theory of law and civil society, стр. 340, 341).

**) У грековъ онѣ называютъ *τὰ κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα*, что отличало ихъ отъ *νόμοι* (Thuc. III, 59; Holland, Jurispr., 370). Онѣ выросли также на почвѣ нѣкотораго религіознаго единства (Дельфы).

jus, когда говорили jus idem est quod lex. Правда, выраженія въ родѣ lex naturalis вводили и въ понятіе lex нравственные элементы. Однако, ясное сознаніе связи lex съ государственною жизнью и властью содѣйствовало въ большей мѣрѣ сохраненію чистоты этого понятія; быть можетъ смутно, но все-таки сознавалось, что примѣненіе lex для обозначенія чего-либо, кромѣ государственнаго закона, было лишь метафорой. Со словомъ jus было иначе: его темное происхожденіе и смутное современное значеніе давало большую легкость метафорическимъ примѣненіямъ его ко вновь создававшимся понятіямъ. Jus gentium привилось, но одновременно оно еще больше спутало ту путаницу, которая порождалась прежнимъ многосмысліемъ слова jus (jus = right, право, jus=справедливость, jus=законы). Сюда принадлежатъ, напр., работы Hugo Grotius'a—de jure belli ac pacis, 1624; Selden—de jure naturali et gentium....., 1640; Puffendorf—jus naturae et gentium, 1672; Thomasius—fundamenta juris naturae et gentium, 1705; Wolf—jus naturae, 1740, institutiones juris naturae et gentium, 1750; Vattel—droit des gens, 1758.

Когда возникла потребность углубить основы юриспруденціи, и за эту работу, между другими, взялись такіе крупные мыслители, какъ Кантъ и Гегель, въ основу ихъ ученій положено было не государство и законъ, какъ это было у грековъ, а переводъ указаннаго выше неопредѣленнаго и спутаннаго, особенно схоластиками, „jus"-Recht. Въ Rechtslehre Канта, какъ и въ Philosophie des Rechts Гегеля, мы найдемъ тѣ же основныя понятія, что у великихъ греческихъ первоучителей: законъ, государство, справедливость и выдвинутое римлянами „право" (right). Разница въ томъ, что терминологія грековъ отличалась большею опредѣленностью. Справедливость (*τὸ δίκαιον*), называется у нѣмецкихъ философовъ Recht, законы также Recht (Inbegriff der Gesetze) и право (right) также Recht. Такъ что, когда нѣмецъ говоритъ о Rechtslehre или Philosophie des Rechts, мы не можемъ знать, о чемъ собственно идетъ рѣчь *). Есть и другая разница также не въ пользу нѣмецкихъ философовъ: греки прекрасно понимали, что нельзя написать философію государства или законовъ, не затрагивая вопросовъ этики, и въ частности вопроса о справедливости, но они понимали также и то, что мы не можемъ написать самостоятельную философію справедливости (какъ это стараются дѣлать подъ именемъ Rechtsphilosophie), такъ какъ понятіе справедливости должно быть возвращено этикѣ, къ которой оно относится, какъ часть къ цѣлому. Поэтому отправной точкой греки брали понятіе государства или—неразрывно связанныхъ съ нимъ законовъ (ср. Lasson, Rechtsphilosophie,

*) Болѣе опредѣленна и устойчива терминологія пр. Лассона (Rechtsphilosophie, 1882). У него Recht означаетъ или Law (законы), или right (право); идея справедливости выражается словомъ das Gerechte (*τὸ δίκαιον*).

37, § 7). Идея справедливости слишкомъ широка, чтобы можно было вдвинуть ее въ рамки философіи государства или законовъ.

Отъ нѣмецкой постановки вопроса, унаслѣдованной отъ схоластиковъ, гдѣ Rechtsphilosophie дѣлается часто синонимомъ философіи справедливости, одинаково теряютъ и этика и юриспруденція. Справедливость не можетъ быть выяснена, съ формальной и матеріальной стороны, внѣ общаго ученія о нравственности. Съ другой стороны, основныя понятія юриспруденціи (законъ и государство) остаются на второмъ планѣ по сравненію съ идеей, къ которой они занимаютъ служебное положеніе,—идеей справедливости.

Оттого такъ мало содержательны общія ученія о государствѣ и законахъ въ нѣмецкихъ работахъ, по сравненію съ работами греческими, англійскими и французскими; и такъ ощутителенъ недостатокъ глубокаго философскаго образованія въ ихъ ученіяхъ о справедливомъ.

Такъ велико значеніе научнаго языка! И это понято, потому что, какъ говоритъ М. Мюллеръ (The science of thought, 114), „языкъ есть другое названіе для разума“..... „за немногими (ibid., 515) исключеніями, какъ мы видѣли, всѣ серьёзные мыслители, всѣ корифеи-философы, охотно или неохотно, должны были сознаться, что языкъ и мысль нераздѣльны, хотя едва ли кто видѣлъ, что должно слѣдовать изъ такого признанія“. Мы не можемъ мыслить безъ слова или какого-либо другого воплощенія мысли, и „мы всегда должны помнить, что понятіе (notio) и имя (nomen) являются названіями одной и той же вещи“ (ibid., 515).

Когда я говорю, что нѣмецкая терминологія, выдвигающая на первое мѣсто слово Recht (право), ниже по достоинству греческой или англійской, я этимъ не хочу лишить науку какого-либо изъ основныхъ понятій. Говоря, что англійское опредѣленіе юриспруденціи, какъ науки о законахъ, законовѣдѣнія, выше, точнѣе и научнѣе нѣмецкаго опредѣленія ея, какъ „науки о правѣ“ (Rechtswissenschaft), я вовсе не думаю и не могу лишить науку одного изъ тѣхъ основныхъ понятій, безъ которыхъ не мыслимо никакое научное или философское мышленіе о законахъ,—между прочимъ понятія справедливости. Я хочу только, чтобы мы научились различать эти понятія и точно мыслить, а для этого прежде всего нужно, чтобы мы не путали ихъ подъ однимъ названіемъ. „Правовѣдѣніе“ не можетъ быть выше „законовѣдѣнія“ потому только, что подъ словомъ „право“ оно *смѣшиваетъ* понятіе законовъ и справедливости; и законовѣдѣніе не можетъ быть ниже лишь потому, что, признавая нераздѣльную связь законовъ и справедливости, оно требуетъ не путать и *не смѣшивать* ихъ. Мы не можемъ возвысить нашего абстрактнаго понятія о спра-

ведливости, если мы станемъ отождествлять ее съ (дурнымъ иногда) законодательствомъ.—Подъ скромнымъ названіемъ ученій „о государствѣ“ или „о законахъ“ греки дали намъ образцы, которые переживутъ всякія „философіи права“, хотя бы мы условились понимать подъ „правомъ“ справедливость, а не то туманное что-то, чего не знаетъ никто.

„Такъ сильна, однако, реакція словъ на мысль (M. Müller, op. c., 71), что, какъ только мы отбрасываемъ какое-либо слово, или пытаемся опредѣлить его значеніе, каждый думаетъ, что его обкрадываютъ“.—Только языковѣдѣніе можетъ научить насъ правильно смотрѣть на вещи. „Языкъ есть истинный органъ нашего ума. Мы мыслимъ нашими словами, какъ мы видимъ нашими глазами“. . . . (ibid., 550.).

Глава X.

Государство и законъ.

„The truth is equally in the phenomena of society and in the energies that have built them up, as in our later speculations concerning them". (Bascom, Historical interpretation of philosophy, 207).

„Истина лежитъ по стольку же въ явленіяхъ общества и въ силахъ, создавшихъ ихъ, какъ и въ нашихъ позднѣйшихъ умозрѣніяхъ относительно ихъ".

„Государство, по нашему пониманію, нераздѣльно связано съ (Recht, Law) законами, такъ что одно безъ другого не можетъ существовать или мыслиться". (Lasson, Rechtsphilosophie, 37).

„Государство старше человѣка. Лишь государство порождаетъ индивидовъ; безъ него ихъ бы не было... Человѣкъ столь же мало является человѣкомъ безъ государства, какъ онъ могъ бы быть человѣкомъ безъ языка" (Lasson, ibid., 296).

Назадъ къ Аристотелю! „Back to Aristotle!" (Pollock, Hist. of the science of politics, 124, 1).

Если мы примкнемъ къ англійскому пониманію юриспруденціи, какъ науки о законахъ, законовѣдѣнія *), намъ могутъ возразить: „знаніе законовъ или правоположеній, дѣйствующихъ въ данной странѣ и въ данное время, еще не есть, какъ извѣстно, юриспруденція въ истинномъ смыслѣ слова". (Ярошъ: „Іеремія Бентамъ", стр. 3 **).

*) Такое пониманіе не чуждо было и римлянамъ: Cic. Rep. II, 36: *legum prudentia*; Inst. Prooem. 3: *legum scientia*; ib. 2: *legitima scientia*. Вмѣсто „jurisconsulti" у Ennius (Gell. XII, 4) встрѣчается „legum prudens". У грековъ (Basilica, II, 1, 1, и Harmenopulus, Prompt. I. 1, 18) юриспруденція передавалась— *σοφία νόμου*: законовѣдѣніе.

**) Продолженіе: „Знатокъ законовъ, чтобы быть юристомъ, долженъ постигнуть сущность и свойства правоотношеній, этихъ отвлеченныхъ формулъ мѣры свободы лицъ въ общежитіи, изучить группировку ихъ въ юридическіе институты и въ цѣлостную систему права. Но и такого теоретическаго усвоенія

Правильность того или иного взгляда зависитъ отъ того, какое содержаніе будемъ мы вкладывать въ наши слова. Дѣло въ томъ, что, какъ было уже сказано выше, слова языка не имѣютъ точно опредѣленныхъ значеній: эти послѣднія колеблются въ извѣстныхъ предѣлахъ, не только въ зависимости отъ контекста и обстоятельствъ рѣчи, но и отъ того, кто произноситъ данное слово, или, точнѣе, данную фразу. „Философъ знаетъ больше, чѣмъ пахарь, а потому одно и то же слово принимаетъ различное значеніе для того и другого“ (M. Müller, Sc. of. Th., 570). Слова для слушающаго или читающаго лишь намеки. „На дѣлѣ, слова въ сложившихся языкахъ, даютъ намъ лишь внушенія (suggest), они лишь намеки (Hamilton, on Logic, II, 147); намеки эти оставляютъ главную часть процесса толкованія на обязанности ума слушателя. Въ этомъ отношеніи слова по дѣйствію своему похожи на дѣйствіе на насъ эскиза или тѣни знакомаго намъ лица. Въ обоихъ случаяхъ умъ нашъ получаетъ побужденіе, стимулъ, заполнить то, на что сдѣланъ лишь намекъ, что только въ общихъ чертахъ указано. Такъ что задача языка состоитъ не столько въ томъ, чтобы перелить знаніе изъ одного ума въ другой; сколько въ томъ, чтобы свести два ума къ общей линіи мышленія и ограничить ихъ тѣмъ же самымъ русломъ *). Самое удивительное въ этомъ процессѣ это та быстрота, съ которою умъ сравниваетъ слово со своими коррелятами и, въ общемъ, безъ малѣйшаго усилія, рѣшаетъ, какое изъ многочисленныхъ значеній имѣется въ виду передать въ данномъ случаѣ. Но, какъ бы удивительны ни были легкость и быстрота этого процесса выбора, онъ не всегда можетъ быть сдѣланъ съ одинаковою увѣренностью. Слова часто имѣютъ множество значеній; и нѣсколько изъ нихъ могутъ одинаково соотвѣтствовать, или предполагаться соотвѣтствующими, общему духу рѣчи. Такимъ образомъ возможна ошибка. Она вѣроятна и тогда, когда мы имѣемъ нѣкоторое предрасположеніе въ пользу такого, а не иного толкованія“...

Потому-то и говоритъ В. Гумбольтъ (Ueb. die Versch. 65, 66, ср. ib. 36), что „никто не понимаетъ слова именно такъ, какъ другой... Всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ вмѣстѣ разногласіе“...

„логической структуры“ права еще не достаточно: юридическія нормы, кромѣ своего абстрактно-логическаго смысла, имѣютъ еще и жизненно-бытовое значеніе, являясь выраженіемъ такого или иного сочетанія общественныхъ силъ, интересовъ и тѣхъ или иныхъ человѣческихъ идеаловъ. Поэтому юристу нельзя обойтись безъ знанія свойствъ этихъ силъ, интересовъ и идеаловъ“.—Мысли совершенно правильныя, хотя онѣ могли бы быть выражены гораздо точнѣе, проще и въ большемъ согласіи съ духомъ русскаго языка.

*) Ср. А. Потебня, „Изъ лекцій по исторіи словесности“, 126, 128, 131.

Слова „знать“, „наука“, „законъ“, „право“,—слова, имѣющія многочисленныя значенія, а потому споры о задачахъ, предметѣ и сущности юриспруденціи, какъ науки, весьма легко сводятся къ спору о томъ значеніи, которое придаемъ мы словамъ, опредѣляющимъ ее.

Еще римляне понимали, что scire leges (знать законы)—выраженіе, могущее имѣть не одно значеніе. Scire leges non est verba earum tenere, sed vim ac potestatem, говорили они. Это значитъ, что въ то время, какъ для нѣкоторыхъ scire leges (знать законы) означаетъ простое эмпирическое знаніе ихъ текста, доступное всякому волостному писарю, или вообще грамотному человѣку; для другого—знаніе начинается лишь тамъ, гдѣ появляется пониманіе ихъ роли и значенія въ человѣческой жизни, ихъ силы и безсилія, мощи и немощности, въ достиженіи тѣхъ высокихъ нравственныхъ цѣлей, которымъ служитъ законодательство и государство. Поэтому, если кто приписываетъ низкое значеніе слову „законовѣдѣніе“, виновато въ этомъ не слово само по себѣ, а придаваемое ему значеніе. „Наука о законахъ“ не тамъ, гдѣ есть разрозненныя, случайныя и нестройныя свѣдѣнія о тѣхъ или иныхъ законахъ, какъ бы ни были обширны эти свѣдѣнія, а тамъ, гдѣ есть пониманіе, т. е. объясненіе того, что знаетъ, быть можетъ, ранѣе каждый изъ насъ.

Законъ, какъ говоритъ одинъ англійскій юристъ (Jenks, Law and politics in the middle ages, 5), по своему существу есть вещь для всѣхъ и каждаго (a thing for common men). Законъ—это правила для пахаря, торговца на базарѣ; правила для лавки, поля, деревни, улицы. А потому знаніе закона, въ той или иной мѣрѣ, есть общее достояніе людей. Однако, не вездѣ, гдѣ есть знанія, можно говорить о „наукѣ“. Дикіе народы имѣютъ много знаній, вѣрныхъ и точныхъ, и однако же мы справедливо привыкли думать, что они не создали науки. „Китайцы также имѣютъ (Розановъ, О пониманіи, 1886, 21) много знаній, интересныхъ, удивительныхъ и истинныхъ, но совокупность ихъ знаній мы не рѣшимся назвать наукой, потому что у этого народа никогда не замѣчалось стремленія къ чистому пониманію, и свои знанія онъ пріобрѣталъ не для того, чтобы достигнуть его... Римляне, столь положительные и точные въ жизни и въ знаніяхъ, также не создали науки... Наука съ одной стороны, а знанія и даже ученость съ другой—не тождественны“...

Всякое явленіе или фактъ представляетъ намъ двѣ стороны: временную, наружную или обусловленную и—постоянную, скрытую и обусловливающую. Каждое явленіе представляетъ одну изъ сторонъ, съ которой мы смотримъ на всякое существованіе—сторону разницы, измѣнчивости и множественности; но, уже въ силу этого, она подразумѣваетъ другую, соотносительную, сторону, сторону тождества,

постоянства и единства (Ср. Boirac, L'idée du phénomène, 343). Только вторая составляетъ объектъ науки, первая же служитъ предметомъ простого, ненаучнаго знанія.

Случайное знаніе законовъ, какъ бы оно ни было обширно само по себѣ, не составитъ еще науки. „Можно съ помощью простыхъ или сложныхъ пріемовъ (Розановъ, О пониманіи, 25) описать небо и землю, сосчитать песчинки въ пустынѣ и капли въ морѣ; это будутъ знанія безчисленныя и точныя, пріобрѣтенныя трудомъ нѣсколькихъ поколѣній; но это не будетъ наука, ни даже тѣнь науки... Только тѣ знанія имѣютъ значеніе для науки, которыя были пріобрѣтены съ цѣлью образовать пониманіе. Изъ нихъ только могутъ быть выведены истины, имѣющія не временное значеніе, вѣрное въ предѣлахъ сдѣланныхъ наблюденій, но неизмѣнное, постоянное".—Всѣмъ этимъ, конечно, не отрицается значеніе тѣхъ случайныхъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ знаній, которыя циркулируютъ въ обществѣ о тѣхъ или иныхъ законахъ или группахъ ихъ. Мы утверждаемъ лишь, что они не создавали и не стремились создать науку. А потому, какъ говоритъ Holland (The elements of jurisprudence, 2), „въ то время какъ наука о законахъ (legal science) можетъ быть разумно изучаема, изолированное знаніе законовъ (legal facts) можетъ лишь быть удерживаемо въ памяти". Не можетъ быть науки въ такомъ знаніи законовъ, которое не связано съ пониманіемъ ихъ роли и значенія въ общественной жизни.

Многосмысленности слова „законъ" посвящено будетъ мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи. Этимъ ближайшимъ образомъ установленъ будетъ смыслъ опредѣленія юриспруденціи, какъ „науки о законахъ". Что же касается „науки права", то до тѣхъ поръ, пока не будетъ точно установлено значеніе слова „право" (а оно не установлено, по признанію самихъ юристовъ), нельзя высказать никакого опредѣленнаго сужденія о такомъ пониманіи юриспруденціи. Это, пока, наука о чемъ-то недостаточно опредѣленномъ.—Если „право" (Recht) есть синонимъ законовъ, „правовѣдѣніе" ничѣмъ не отличается отъ „законовѣдѣнія". Если „право" есть синонимъ „справедливости" (das Gerechte), „правовѣдѣніе" переходитъ цѣликомъ въ область этическихъ наукъ, такъ какъ справедливость есть одно изъ основныхъ нравственныхъ понятій. Если же „право" не есть ни то (законы), ни другое (справедливость), а и то и другое вмѣстѣ, и что-то особое отъ того и другого, хотя и не опредѣленное до сихъ поръ, тогда „правовѣдѣніе" раздѣляетъ всю неопредѣленность своего основного понятія. Это ублюдочный терминъ, гдѣ соединены не обособившіеся еще составные элементы. А извѣстно, что, кто хочетъ точности, долженъ изолировать факты. Qui dit précision dit isolements des faits.

Возникаетъ теперь вопросъ, гдѣ же тотъ элементъ неизмѣннаго и обусловливающаго, который обнаруживается при изученіи законовъ, какъ фактовъ временныхъ и обусловленныхъ? Что именно скрыто подъ поверхностью законовъ? Отвѣтъ можетъ быть лишь одинъ: неизмѣнно существующимъ является государство и государственная природа человѣка со всѣми обнимаемыми этими понятіями элементами. Законъ и государство—нераздѣльно другъ съ другомъ связанныя понятія. Законъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не можетъ существовать безъ государства, а государство безъ закона. Законъ и государство означаютъ разныя вещи, но сливаются въ своихъ соозначеніяхъ. Законъ не можетъ быть внѣ государства, а государство не есть внѣшній фактъ по отношенію къ законамъ, а фактъ присущій имъ, intérieur et consubstantiel. Говорить о законѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ и независимомъ, или о государствѣ, какъ о чемъ-то особомъ и внѣшнемъ по отношенію къ закону, значитъ лишь абстрагировать эти нераздѣльно связанныя понятія.—И хотя юристу, въ виду его спеціальныхъ задачъ, приходится исходить отъ „закона“, какъ своего основного понятія, мы не можемъ понять его, не коснувшись прежде понятія государства.

Всегда и вездѣ, на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры, человѣкъ жилъ по-человѣчески, т. е. разумною, нравственною, общественною и государственною жизнью. Государственность лежитъ въ самой природѣ человѣка; это характерное качество (*ἰδία φύσις*) человѣка, связанное съ нравственнымъ существомъ его; и Аристотель былъ совершенно правъ, назвавъ человѣка существомъ государственнымъ (*ζῷον πολιτικόν*).

Человѣкъ никогда не жилъ и не могъ жить одиноко. Это повело бы къ уничтоженію самого человѣческаго рода. Общественная среда есть условіе для личной жизни и свободы, необходимое условіе для развитія индивидуальности. Vieles kann der Mensch entbehren, nur den Menschen nicht. Руководящій принципъ человѣческой природы, какъ училъ еще Маркъ Аврелій (Комментаріи, VII, 55), есть принципъ общественности. Самый разумъ его этотъ философъ-императоръ называлъ общественнымъ (*λόγος κοινωνικός*, иногда *πολιτικός*) *). Всегда существовало сожительство большаго или меньшаго количества особей, и, какъ необходимое послѣдствіе такого общежитія, всегда существовало государство **). Общественная и государственная организація есть продуктъ нравственной и разумной при-

*) Ср. Pollock, Essays in Jurisprudence and Ethics, 1882, стр. 340, 341 и сл.

**) *Καὶ πρότερον δὴ τῇ φύσει πόλις ἢ οἰκία καὶ ἕκαστος ἡμῶν ἐστίν*. Prius igitur natura est civitas, quam domus et unusquisque nostrum. По природѣ государство предшествуетъ дому и индивиду (Аристотель, Политика, гл. 1).

роды человѣка. „Какъ бы далеко ни шли мы назадъ въ человѣческой исторіи, довѣряя достовѣрнымъ историческимъ источникамъ, мы находимъ общество какого-либо рода, уже организованное на существенно той же этической основѣ, какъ и существующее теперь“ (Ladd, Philosophy of conduct, 381).

Государство не есть фактъ, обязанный своимъ происхожденіемъ болѣе или менѣе позднѣйшему времени *). Самая личность въ своей нравственной природѣ носитъ въ себѣ государство и слѣды вліянія государства на образованіе своихъ нравственныхъ чувствъ. Бэнъ и Спенсеръ считаютъ, что нравственныя чувства отчасти возникли подъ вліяніемъ „воспитанія совѣсти правительствомъ или властью“, а воспитаніе это было бы невозможнымъ безъ предсуществованія устроеннаго общества (государства) и его корпоративнаго дѣйствія (Ср. Laviosa, La filosofia scientifica del diritto in Inghilterra, 27 прим.). Вообще идея, что общество основано не на случайныхъ разсчетахъ индивидовъ, а есть неизбѣжный постоянный фактъ, теперь установлена довольно прочно (Laviosa, op. c., 26, 27). Она и не нова (ср. Pollock, op. c., 340 и сл.). Нравственная и разумная природа человѣка требуетъ государства и потому его производитъ (Ср. Новгородцевъ, „Кантъ и Гегель“.... 205). Человѣческій разумъ создалъ государственный порядокъ и опредѣлилъ тѣ правила-законы, которымъ должны подчиняться члены государственнаго общенія.

„Кто подумаетъ только одну минуту (Vareilles-Sommières, Les principes fondamentaux du droit, 61), констатируетъ, что безъ гражданскаго общества **) группа превратилась бы скоро въ сборище, пол-

*) *Ὅτι μὲν οὖν ἡ πόλις καὶ φύσει καὶ πρότερον ἢ ἕκαστος, δῆλον.* Civitatem igitur et natura esse, et singulis hominibus esse priorem, perspicuum est (Aristotelis Politica, гл. I, 12). Т. е. „очевидно, что государство установлено природой и существуетъ раньше индивида“. Ср. съ этимъ буквальное почти повтореніе того же ученія, напр., у L. Stephen'a (The science of ethics, 113, 101, 111, 112). Онъ говоритъ, правда, объ обществѣ, но государство также есть общество, и для человѣка—самое первое и необходимое. „Человѣкъ, согласно старой формулѣ, есть существо общественное... Мы не можемъ сравнивать человѣка въ общественномъ состояніи и несуществующаго человѣка, независимаго отъ общества (the nonentity man independent of society...). Мы не можемъ вывести качествъ общества изъ предположенія, что оно есть аггрегатъ существъ, независимыхъ отъ общества, потому что подобныя существа вовсе не существуютъ (are mere nonentities...). Общество не есть нѣчто, имѣющее какое-либо существованіе независимо отъ существованія индивидуальныхъ членовъ. Но слово это указываетъ на тотъ существенный фактъ, что, хотя во всякое время свойства созданнаго цѣлаго суть продуктъ создающихъ его единицъ, эти единицы пріобрѣли свои качества въ силу принадлежности къ этому цѣлому“.

**) „Общество гражданское“ и „общество политическое“ (государство) являются синонимомъ, освященнымъ универсальнымъ обычаемъ. Однако, нѣкоторые авторы (de Tocqueville „la Démocratie en Amérique“; M. Laffitte „le Paradoxe de

ное конфликтовъ и путаницы, почти столь же гибельное, какъ самая изолированность, для безопасности, добродѣтели и счастья людей. Чтобы какія-либо существа могли обойтись безъ государства (гражданскаго общества), нужно, какъ сказалъ Аристотель, чтобы они были ниже или выше человѣка, животными или богами: „*Ὁ ἄπολις διὰ φύσιν καὶ οὐ διὰ τύχην ἤτοι φαῦλός ἐστιν ἢ κρείττων ἢ ἄνθρωπος.... ὥστε ἢ θηρίον ἢ θεός*“ (Politique, кн. I, гл. 1).

Безгосударственнаго состоянія никогда не было и никогда не могло быть: государство никогда не могло возникнуть изъ ничего, изъ безгосударственнаго состоянія *) (Ср. Lasson, Rechtsphilosophie, 296).

Государство не есть продуктъ времени, а изначальное явленіе, одновременное съ появленіемъ человѣческаго рода. Оно имманентно человѣку. Имманентность же исключаетъ созданіе. Государство возникло вмѣстѣ съ человѣкомъ. Можно говорить лишь о возникнове-

---

l'égalité“) противополагаютъ общество гражданское обществу политическому. Они, повидимому, желаютъ обозначать неправильно именемъ гражданскаго общества универсальное общество (человѣческій родъ), проявляющееся въ группѣ (Ibid., 54 прим.).

*) Примѣры мнимаго безгосударственнаго состоянія нѣкоторыхъ небольшихъ группъ, приводимые иногда путешественниками и даже нѣкоторыми видными учеными, представляютъ лишь случаи дурного объясненія фактическаго положенія вещей. Усвоивъ правильное понятіе государства (о чемъ ниже), мы найдемъ разбитое на множество государствъ общежитіе: государствъ микроскопическихъ и неустойчивыхъ.—Въ наше время и въ нашемъ обществѣ дѣйствуютъ тѣ же силы или причины, которыя дѣйствовали и тысячу лѣтъ прежде, и теперь дѣйствуютъ у народовъ другой, низшей или высшей, культуры (Ср. Whewell, Nov. Org. Ren., 227). Въ извѣстномъ смыслѣ, ничто не ново подъ луною. Можно видѣть лишь градацію явленій, которая постепенно, безъ сильныхъ скачковъ или какихъ-либо пропастей, ведетъ къ положенію вещей, очевидцами котораго мы являемся въ наше время. Они могутъ не достигать или превосходить на много размѣры ближе знакомыхъ намъ явленій, не переставая отъ этого быть явленіями того же самаго рода, что и явленія, о которыхъ мы имѣемъ точныя знанія. Въ человѣческой исторіи не было катастрофъ, какъ, вѣроятно, не было ихъ и въ исторіи земли: все создавалось постепенно, переходя отъ одной ступени на другую. Жизнь человѣческаго „стада“ (если принять эту гипотезу первобытнаго состоянія человѣчества) управлялась тѣми же силами, что и жизнь современныхъ государствъ. На помощь общественной и государственной природѣ человѣка, общей съ пчелами и муравьями, приходилъ разумъ, страхъ передъ несовершенствами человѣческой природы (homo homini lupus), защита противъ посягательствъ сильнаго, борьба съ общественными аномаліями, необходимость взаимопомощи. И въ самомъ первобытномъ состояніи, на самой низшей ступени культуры, человѣкъ оставался человѣкомъ, а общество—человѣческимъ обществомъ, т. е. никогда sine imperio. Но, общества первобытныя находятся въ состояніи постоянной подвижности (mobilité constante). Ср. Sayce, Principes de philol. compar., 295.

нія той или иной *формы*, того или иного *типа* государства, того или иного конкретнаго историческаго образца (государства русскаго, англійскаго....).

Возникновеніе государства изъ ничего было бы противно и духу эволюціоннаго ученія. Можно говорить объ измѣнчивости формъ государства, но самая государственность есть постоянная и непремѣнная принадлежность, или составная часть, человѣческой природы Эволюціонное ученіе отрицаетъ всякое новое творчество: что есть, то было и прежде, только въ другой формѣ; ничто не возникаетъ изъ ничего; оно выражаетъ просто фактъ непрерывности въ причинной связи явленій (Ср. Laviosa, op. c., 58—61). Человѣкъ орды, или патріархальной семьи, или человѣческаго стада (по гипотезѣ нѣкоторыхъ) все-таки былъ человѣкомъ съ основными чертами человѣческой природы—существо разумное, нравственное и политическое. Мѣнялись и мѣняются формы государственности, но политическая природа человѣка остается неизмѣнною. Эволюція учитъ объ измѣнчивости формъ, и, какъ коррелятъ этого понятія, о неизмѣнчивости и безпрерывности субстанціи и силы, и объ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго творчества. Все, что существуетъ, существуетъ какъ проявленіе уже наличныхъ силъ и субстанцій. Она отрицаетъ привхожденіе новыхъ экстракосмическихъ силъ, или возникновеніе ex nihilo. Основные элементы (какъ, напр., политическая природа человѣка) остаются тѣми же, и разнообразіе явленій зависитъ отъ прогрессивнаго преобразованія тѣхъ же самыхъ существенныхъ элементовъ. Разнородность явленій (формъ государства) имѣетъ въ основѣ единство субстанціи и силъ (политической природы человѣка, врожденности государственности).

Если взгляду объ изначальности государства не противорѣчитъ натуралистическое представленіе о мірѣ, a fortiori слѣдуетъ то же сказать о супранатуралистическомъ представленіи о мірѣ, человѣкѣ, его назначеніи и поведеніи.

Государство есть естественный изначальный аггрегатъ, покоющійся на неизбѣжныхъ внутреннихъ (государственная природа человѣка) и внѣшнихъ (необходимость кооперації въ борьбѣ съ природой, животными и людьми) условіяхъ существованія (Ср. Laviosa, op. c., 64, 65). Государственность человѣка есть конечный и основной фактъ.

„Безъ всякой воли съ своей стороны человѣкъ находитъ себя живущимъ въ государствѣ, окруженнымъ государствомъ, составляющимъ, подобно воздуху, водѣ и почвѣ, одно изъ элементарнѣйшихъ условій его существованія. Гдѣ есть нѣсколько человѣкъ, тамъ есть всегда и государство, хотя бы и въ зародышевомъ состояніи... (Lasson, op. c., 295).

По ограниченности нашего существа мы не можемъ понять, какимъ образомъ разумъ возникаетъ самъ собою изъ чего-либо чуждаго разуму; и мы не въ силахъ объяснить его иначе, какъ изъ разума же. И „какъ разумъ и на самой низшей ступени есть разумъ, такъ и семья, племя, орда представляютъ уже государство". (Lasson, Rechtsphilosophie, стр. 295, 296 *).

Настолько сродно человѣку государство, что и загробная жизнь представляется ему въ видѣ государства: царства Божія. Христосъ —царь „царства не отъ міра сего".

„Существованіе государства вообще не зависитъ отъ произвола людей; государство дано природою людей и вещей, какъ всякой человѣческой волѣ предшествующая и въ основѣ ея лежащая необходимость" (Lasson. op. c., стр. 295).

Та же идея пріоритета государства твердо устанавливается и Аристотелемъ (см. Bascom, Historical interpretation of philosophy, 53, 54). *Τὸ γὰρ ὅλον πρότερον ἀναγκαῖον εἶναι τοῦ μέρους*.=Totum enim parte prius esse necesse est. Цѣлое, т. е. государство, по необходимости должно быть прежде своихъ частей, т. е. индивидовъ, говоритъ онъ (Политика, гл. 1). Тотъ же строгій детерминизмъ въ этомъ отношеніи проникаетъ и все ученіе о государствѣ Гоббеса (ср. Laviosa, op. c., 229-231): государство съ его властью есть неизбѣжная необходимость для индивидовъ, необходимость изначальная (primordiale), универсальная и постоянная.

*) Слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду сдѣланную авторомъ нѣсколько выше (стр. 294) оговорку, „что семья или деревня до тѣхъ поръ сами уже представляютъ государство, пока онѣ не подчинены какой-либо высшей господствующей волѣ".—Дѣло, разумѣется, не въ названіяхъ. „Le règne des mots et des termes est passé; on veut des choses (Fontenelle). Если у кого-либо со словомъ государство неразрывно связалось представленіе о чемъ-то огромномъ (Россія, Англія, Франція...), пусть воспользуется названіями, предлагаемыми Локкомъ, Бентамомъ, Autsin'омъ и др.—„независимое политическое или гражданское общество или граж. община" (у грековъ *πόλις*=городъ и государство...), или, напр., „принудительно организованное общество", „принудительная организація", „организованное принужденіе". Разумѣется, что короткіе термины изъ одного слова должны предпочитаться описательнымъ, представляющимъ чуть не фразу, „какъ лучшее орудіе мысли". (Ср. Whewell, Nov. Org. Ren., 352, афоризмъ XXIV). Такая крошечная община будетъ, безъ сомнѣнія, независимымъ обществомъ, а такъ какъ глава его и члены въ маломъ размѣрѣ преслѣдуютъ тѣ же цѣли борьбы съ аномаліями общежитія, поддержанія порядка внутри и независимости извнѣ, что и большія государства, нѣтъ основанія отказывать ему въ эпитетѣ „политическое" или „гражданское", т. е, организованное на началахъ подчиненія и суверенитета.

„Всякое государство (*πόλις*) состоитъ, слѣдовательно, по существу изъ *четырехъ* или *пяти* лицъ". (Plato, De Republica, кн. II, § 11). Платонъ не находилъ такимъ образомъ ничего страннаго въ наименованіи государствомъ столь крошечнаго общества.

И какъ ученіе Канта было „безсознательнымъ поворотомъ къ Аристотелю“ (Lasson, Rechtsphilosophie, 97), такъ ученіе Гегеля о государствѣ (самая цѣнная часть его философіи: Lasson, 104), во многомъ, поворотомъ къ Гоббесу. Такъ сходятся люди самыхъ различныхъ философскихъ тенденцій. Читая горячаго поклонника Канта и Гегеля—пр. А. Лассона, вы перечитываете Аристотеля и Гоббеса.

„Куда бы мы ни обратились на землѣ, вездѣ мы найдемъ въ той или иной формѣ общество съ высшею принудительною властью, хотя здѣсь съ болѣе, тамъ съ менѣе прочной основой. Гдѣ власть не организована въ видѣ постоянной силы, тамъ она возникаетъ въ минуту нужды сама собою и функціонируетъ прерывисто (unregelmässig), но... функціонируетъ. Будетъ ли она представляема какимъ-нибудь начальникомъ племени (Häuptling) или королемъ, коллегіей или массой,—она всегда есть, если только люди живутъ вмѣстѣ въ болѣе или менѣе продолжительномъ общеніи. Орда дикихъ варваровъ и отбросы цивилизованныхъ обществъ, какая-нибудь разбойничья шайка, пока она въ состояніи ускользать отъ принужденія высшей власти, или сбѣжавшійся со всѣхъ сторонъ сбродъ въ какой-нибудь глуши съ новооткрытыми пріисками,—все это даетъ намъ всегда одно и то же явленіе. Кто не хочетъ погибнуть въ полномъ одиночествѣ, на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ или въ отдаленномъ отъ всего свѣта ущельѣ, тотъ долженъ жить въ государствѣ. Можно себѣ представить человѣка, не принадлежащаго никакому иному обществу, но изъ государства мы выйти не можемъ. Государство есть необходимая принадлежность человѣческаго существованія, неизбѣжная судьба, отъ которой мы также не въ состояіи уйти, какъ и освободиться отъ окружающей насъ и врожденной намъ природы. Не прекращаются также никогда и наши отношенія къ нему. Оно окружаетъ насъ подобно атмосферѣ, которою мы дышемъ; всѣмъ нашимъ существованіемъ мы связаны съ нимъ, какъ съ чѣмъ-то само собою разумѣющимся. Мы замѣчаемъ его по принужденію, которое чрезъ человѣческое посредство направляется на насъ, какъ только мы во внѣшнихъ своихъ дѣйствіяхъ переходимъ извѣстную границу или не исполняемъ извѣстныхъ предъявленныхъ къ намъ требованій. Въ немъ мы видимъ себя противопоставленными безконечно высшей по силѣ насъ волѣ, ставящей насъ въ извѣстныя рамки, вынуждающей отъ насъ извѣстные поступки, пересѣкающей наши интересы и направляющей наши внѣшнія дѣйствія по извѣстной линіи“ (Lasson, op. c., стр. 285, 286*).

*) Примѣръ эфемернаго общества, организованнаго на началахъ суверенитета и подчиненія (А. Сахаровъ, По русской землѣ, 1899 г., стр. 102): Пароходъ „Александръ Свирскій“ потерпѣлъ крушеніе на Ладожскомъ озерѣ. Пасса-

„Мы родились для общественнаго и политическаго міра, и изъ нихъ мы не можемъ уйти“ (Pollock, First book of jurisprudence, 1896, стр. 4). Это—рокъ, fatum, судьба человѣчества, неизбѣжная какъ смерть, какъ зло*).

На какой бы низкой ступени культуры ни стояло, въ тотъ или иной историческій періодъ, человѣчество: жило ли оно семейною, общинною, или, по предложенію нѣкоторыхъ, стадною жизнью,—оно жило государственно. Съ одной стороны въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, что зародыши государственности не чужды даже низшей животной жизни (пчелы, бобры, муравьи), съ другой—то соображеніе, что государство есть неизбѣжное слѣдствіе нераздѣльныхъ съ понятіемъ общества зла и несовершенствъ. Гдѣ есть группа людей, тамъ есть всегда и треніе между ними, аномаліи во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, а это дѣлаетъ необходимымъ примѣненіе принужденія, т. е. появленіе государства, представляющаго собою лишь организованное принужденіе, или организацію принужденія. Всегда такъ было, всегда такъ будетъ: міръ лежитъ во злѣ—религіозное или, по крайней мѣрѣ, обломокъ религіознаго представленія, глубокую истину котораго пришлось „открыть“ въ послѣднее время и наукѣ въ ученіи о всеобщей конкурренціи въ природѣ, борьбѣ за существованіе**).

жиры успѣли спастись на скалѣ. Въ виду нѣтъ никакой помощи. Средствъ къ жизни—мало. „Мысль, говоритъ очевидецъ, о возможности проявленія своевольныхъ и грубыхъ выходокъ со стороны продрогнувшихъ и проголодавшихся пассажировъ не могла не явиться у многихъ. Чтобы предупредить еще большія бѣдствія, пришлось *организовать родъ особаго правленія*, на обязанности котораго и возложили заботу о прокормленіи и о правильномъ распредѣленіи провизіи“... Потомъ (стр. 104) капитану пришлось даже объявить, что, въ случаѣ нужды, онъ „*будетъ стрѣлять* въ явно непослушныхъ и своими своевольными дѣйствіями могущихъ наносить вредъ другимъ“.—Такая принудительная организація есть необходимое условіе существованія общежитія. Эта необходимость не всегда, конечно, выступаетъ въ одинаково острой формѣ. Чѣмъ болѣе критическимъ становится положеніе общества, тѣмъ необходимѣе примѣненіе крайнихъ и рѣзкихъ мѣръ,—тѣмъ яснѣе выступаетъ государственность человѣческаго существа. Чѣмъ лучше, спокойнѣе и благополучнѣе, условія общественной жизни, тѣмъ латентнѣе становятся качества „государственнаго существа (*ζῶον πολιτικόν*)“,—тѣмъ труднѣе открыть существованіе государства, или тѣмъ скорѣе наступаетъ распаденіе его на множество мелкихъ общественныхъ группъ, съ слабо выступающей наружу принудительностью организаціи.

*) См. развитіе идей Гоббеса о постоянной необходимости государства и закона у Laviosa, op. c., стр. 241-243 и др. мѣста. Также у Schäffle, Bau und Leben... I, 686; и у Romagnosi, итальянскаго Бентама, Opere, т. III, гл. 12, стр. 585, 586.

**) См. поэтическое изображеніе ея въ „воронѣ-челобитчикѣ“ Салтыкова. См. также заключительныя страницы Принциповъ Этики Г. Спенсера, гдѣ онъ говоритъ, что, если мы сохраняемъ еще охоту жить, то толь колишь потому, что

Ставя въ основу юриспруденціи понятіе государства, признавая его альфой и омегой общественной жизни, мы не должны идеализировать его. Оно имѣетъ свою весьма земную сторону (Ср. Lasson, op. c., 298). Оно, во всякомъ случаѣ, является носителемъ принужденія, „гнета и рабства“ (Трубецкой, Ученіе о логосѣ, стр. 7, 8), спутникомъ низкой ступени человѣческой нравственности (Ср. у Markby, Elements of Law, стр. 30 и сл., мнѣніе Спенсера о безнравственности государства).

Другой взглядъ, болѣе оптимистическій, видящій въ государствѣ лишь переходную ступень къ высшей организаціи (свободной церкви, по мнѣнію Трубецкого; или свободной кооперації, по мнѣнію Спенсера), есть лишь *гипотеза*, имѣющая въ основѣ оптимистическое міросозерцаніе, доказывать которое мы не беремся. По нашему взгляду, мы должны держаться лишь почвы опыта и не считать себя въ правѣ сулить въ будущемъ человѣчеству золотой вѣкъ на землѣ: что-то такое, что не имѣло себѣ прецедента ни въ какомъ прошломъ. Доказать, что будущее будетъ совсѣмъ не похоже на прошлое—очень трудно. Превратится ли когда-либо организація принужденія въ организацію любви? Можетъ ли человѣчество подняться на нѣчто большее и лучше здѣсь на землѣ, чѣмъ теперь? „Побѣдитъ ли оно когда-нибудь въ себѣ звѣря, преодолѣетъ ли оно левіаѳана, чтобы осуществить иной—высшій и свободный союзъ?“ (Трубецкой, Уч. о логосѣ, 8).

Однако, если даже будущее и готовитъ такую завидную долю человѣчеству,—долю, обѣщающую ему искупленіе отъ всѣхъ золъ,—основныя понятія, которыми оперируемъ мы, переживутъ, какъ формы, нашу государственную эпоху. „Законъ“, „обязанность“ и соотвѣтствующее ему „право“ примутъ лишь другую окраску, такъ какъ прикроютъ собою нравственное содержаніе. Обязанности выполняться будутъ не по принужденію, а по доброй волѣ.

Государство есть органъ мира и необходимое условіе нравственнаго существованія и прогресса человѣчества: въ этомъ оправданіе его существованія. Безъ него общество не было бы объединено (Laviosa, op. c., 241, 242).—Но, съ другой стороны, какъ училъ папа Григорій VII, слѣдуя Св. Августину, оно есть прямое послѣдствіе грѣха, продуктъ насилія, учрежденіе само по себѣ дьявольское (istituto in sè diabolico), которое можетъ получить милость существованія, лишь поставивъ себя въ зависимость и на службу церкви (Ср. Laviosa, op. c., 151). Оно необходимо, неизбѣжно, (Laviosa, 243—

вниманіе наше рѣдко обращается на печальныя стороны существованія. Это ученіе о бременп жизни можно найти даже у философовъ, порвавшихъ, или старавшихся порвать, съ религіей. Гони ее въ одной формѣ, она придетъ въ другой.

246), но..... прискорбно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о дикости и грубости, живущихъ въ массахъ человѣчества. Апоѳеозъ Гоббеса и Гегеля и грѣшитъ именно съ этой стороны.

Къ чему приведетъ въ концѣ концовъ прогрессъ, которому стремится содѣйствовать государство, этого не рѣшитъ никакая наука или научная философія. Этотъ вопросъ приходится оставить метафизикѣ. Пока—оно необходимо, такъ какъ идеальное состояніе, въ которомъ особи группы, во всѣхъ случаяхъ жизни, столько же дорожили бы общими интересами, какъ и своими, тратили на ихъ достиженіе всегда нужное количество труда и вниманія, и обходились бы, слѣдовательно, безъ принужденія, —совѣмъ невѣроятно, „не отъ міра сего“, судя по тому, что намъ извѣстно о людяхъ.

Государство и есть тотъ основной, большой фактъ въ жизни человѣчества, съ которымъ приходится имѣть дѣло юристу. Государство направляетъ дѣйствія людей по извѣстной линіи, налагаетъ обязанности и устанавливаетъ права. Это—факты, которыхъ никто никогда не отрицалъ и не можетъ отрицать.

Величина и фактическая продолжительность государства,—обстоятельства существенно важныя въ практической жизни,—не входятъ въ составъ его понятія. Государство существуетъ, безъ сомнѣнія, не абстрактно, а въ той или иной конкретной формѣ, и обнимаетъ множество другихъ признаковъ: исторію свою, свое многоплеменное иногда населеніе, территорію, промышленность, торговлю, вообще культуру, и т. д. Юристу нужно быть знакомымъ со всѣмъ этимъ. Но, на первомъ мѣстѣ стоитъ для него государство, какъ сила, управляющая дѣйствіями людей; какъ „абстрактная субстанція воли“ (die abstracte Willenssubstanz, welche den Staat eigentlich ausmacht: Lasson, Rechtsphilosophie, 292); а потому нѣкоторые говорятъ о правительствѣ и законахъ, какъ предметѣ юриспруденціи (Локкъ, Лейбницъ).

Для насъ, привыкшихъ имѣть дѣло съ огромными государствами, смѣшно, конечно, называть государствомъ крошечную семейную общину. Но — „смѣшно“ есть выраженіе чувства, а не разсудка. Смѣшно также сопоставлять Англію и Монако, Санъ Марино, Андорру и пр. „государства“. Логически противъ этого возражать нельзя*)

*) Даже требующій наличности „значительнаго“ числа членовъ общества для признанія его государствомъ (independent political society) Austin (стр. 239, т. 1) считаетъ возможнымъ такое признаніе при числѣ меньшемъ 1000, указывая на примѣръ прежнихъ Швейцарскихъ кантоновъ. Мало ли въ Россіи такихъ деревень! Разумѣется, чѣмъ крошечнѣе, тѣмъ неустойчивѣе государственная жизнь такихъ обществъ. —Маленькая непослѣдовательность у того же автора:

Мы уже видѣли, что для Платона не казалось страннымъ признаніе государствомъ независимаго общества изъ четырехъ или пяти лицъ.

Когда мы переходимъ къ разсмотрѣнію обществъ, живущихъ въ такъ называемомъ „дикомъ“ состояніи, или вообще на невысокой степени культурности, мы замѣчаемъ другую черту ихъ государственной жизни: ея неустойчивость, эфемерность. Таковы, напр., были государства Якубъ-Бека, Махди, Шамиля..... Безгосударственнаго состоянія здѣсь нѣтъ, но на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или даже дней, здѣсь происходитъ то, что въ Европѣ, при устойчивости ея государственной жизни, требуетъ годовъ, и даже столѣтій. Надобности и привычки образовывать большія соединенія здѣсь нѣтъ. Большинство ихъ членовъ привыкло повиноваться лишь крошечнымъ князькамъ. Въ минуту опасности, какъ, напр., во времена войнъ Кавказскихъ горцевъ съ русскими, эти крошечныя государства соединяются подъ властью одного руководителя (или „комитета“ ихъ). Создается одно соединенное, большихъ размѣровъ, государство. Но, какъ только опасность миновала, это временное повиновеніе исчезаетъ, и общество возвращается къ состоянію, которое можно считать его обычнымъ состояніемъ: оно распадается на множество независимыхъ обществъ, находящихся другъ къ другу въ отношеніи маленькихъ „иностранныхъ государствъ“. Каждая семья, совокупность которыхъ образуетъ данное общество, оказываетъ обычное повиновеніе своему особому главѣ. Но эти семейныя общины независимы другъ отъ друга и не связаны въ какой-либо высшій политическій союзъ общимъ и обычнымъ повиновеніемъ одному начальнику. Дѣйствіе общихъ законовъ, имѣвшихъ силу во время союза, вызваннаго опасностью, прекращается. Междусемейныя, въ данномъ случаѣ междугосударственныя (такъ какъ каждая семья составляетъ независимое государство), отношенія управляются обычаями, т. е. правилами, наложенными общественнымъ мнѣніемъ, но не имѣющими за собою общей политической санкціи. — Въ такомъ состояніи находятся дикія племена Австраліи, живущія рыбной лов-

---

онъ считаетъ возможнымъ признать „политическимъ“ самое крошечное общество, хотя бы въ размѣрѣ „маленькой семьи“ (стр. 240), если оно зависимо. Представимъ, что такое общество пріобрѣло по той или иной причинѣ также независимость; неужели этотъ плюсъ долженъ низвести такое общество въ разрядъ „естественныхъ“, т. е. неполитическихъ?! — Впрочемъ, если мы отвергнемъ взглядъ Лассона, и признаемъ возможность полнаго безгосударственнаго состоянія, это измѣнитъ нѣкоторыя частности, но не сущность нашихъ разсужденій.

лей и охотой, краснокожіе лѣсовъ и степей Америки; такъ жили и Германцы Тацита*).

Не отсутствіе государственной жизни, а ея неустойчивость, эфемерность, составляетъ характерную черту нецивилизованныхъ обществъ. Отсюда проистекаетъ эфемерность всѣхъ законовъ такихъ народцевъ, эфемерность всѣхъ правъ. Все здѣсь временно, необезпечено, а гдѣ нѣтъ обезпеченности правъ (собственности и другихъ), нѣтъ и богатства (ср. Bonar, Philos. and polit. econ., 272). Ихъ жизнь даетъ часто, дѣйствительно картину постоянныхъ междоусобій. Стоитъ вспомнить Кавказъ при его самостоятельности.

---

*) Внутреннія отношенія такихъ семей-государствъ регулируются велѣніями главы ихъ, т. е. неписанными законами. Велѣніе, имѣющее въ виду частный случай, есть въ такой же мѣрѣ законъ, какъ и велѣніе, имѣющее въ виду классъ дѣйствій. — Есть мнѣніе, будто примитивныя общества знали лишь обычаи и не знали законовъ. Мнѣніе это основано на ложномъ объясненіи явленій. Всегда былъ законъ (хотя бы неписанный) и всегда были обычаи, т. е. правила, установленныя мнѣніями и чувствами людей, правила нравовъ (mores). (Ср. Holland, Jurisprudence, стр. 50, 51). При микроскопичности и неустойчивости первобытныхъ государствъ изслѣдователь склоненъ совсѣмъ не признавать ихъ существованія. Государственная власть и законы стушевываются. Остаются на первомъ планѣ нормы, регулирующія междугосударственныя отношенія, которыя по характеру своему тожественны съ обычаями. Поэтому многимъ и представляется, будто первоначальная исторія человѣчества знаетъ лишь обычаи, и не знаетъ законовъ.

Глава XI.

Нравы и законы.

„Если въ рѣчь входятъ слова „право“ и „справедливость“, мы стоимъ очень близко къ путаницѣ, отъ которой насъ можетъ спасти лишь заботливое соблюденіе различія между закономъ и моралью“. (Markby, Elements of law, 1896, стр. 4, § 12).

Юристу приходится имѣть дѣло съ тремя силами человѣческой жизни: 1) индивидомъ, 2) обществомъ, и 3) государствомъ. Эти три силы порождаютъ три группы нормъ: 1) нормы индивидуальной морали, 2) нормы общественной жизни, которыя можно обнять общимъ терминомъ „нравы“ (mores), и которыя распадаются въ частности на общественную мораль, обычаи, правила приличія, чести, моды и нѣк. др. (ср. Holland, Jurispr., 27-30); и 3) законы въ собственномъ смыслѣ.—Нормы индивидуальной и общественной морали разсматриваются въ этикѣ по преимуществу. Нормы общественной жизни—въ соціологіи. Нормы государственной жизни—въ юриспруденціи. Провести строгія пограничныя линіи между этикой, соціологіей и юриспруденціей нельзя: эти отрасли вѣдѣнія связаны ближайшимъ образомъ другъ съ другомъ. Юристъ имѣетъ дѣло прежде всего съ государствомъ и законами; во вторыхъ—съ обществомъ. Существуютъ общества различныхъ типовъ: 1) одни поглощаются государствомъ и живутъ въ подчиненіи законамъ, пользуясь извѣстною самостоятельностью въ законныхъ предѣлахъ для выработки обычаевъ и нормъ общественной морали; 2) другія выходятъ за предѣлы государствъ, какъ, напр., европейское или иное международное общество, или католическая церковь, и живутъ главнымъ образомъ нормами морали, обычаями и, поскольку они соприкасаются съ тѣмъ или инымъ государствомъ, его законами.—Законы, обычаи и мораль и составляютъ предметъ изученія юриста, при чемъ, однако, первенствующую роль играютъ законы. Обычаи и мораль соединяютъ иногда въ понятіи „нравовъ“ (mores,

Sitten). Иногда понятіе „нравовъ“ расширяется такъ, что оно включаетъ въ себѣ и законы*).

Въ анализѣ каждое изъ этихъ трехъ понятій (законы, обычаи, мораль) даетъ такъ или иначе квалифицированныя нормы: нормы 1) государственно-принудительныя, 2) общественно-принудительныя, и 3) нравственныя.

Ближайшимъ образомъ значеніе понятія „нравы“ опредѣляется контекстомъ и сопоставленіями. Такъ, сопоставленное съ законами, оно обнимаетъ собою обычаи и мораль, если нѣтъ другихъ какихъ-либо вліяющихъ обстоятельствъ. Желая быть болѣе точными, мы будемъ употреблять и болѣе опредѣлительные термины: то „обычаи“, то „мораль“.

Изъ многочисленныхъ вопросовъ, затрагиваемыхъ взаимоотношеніемъ нравовъ и законовъ, для нашихъ цѣлей важно указать на два: 1) важность и неотдѣлимость нравственности отъ законовъ, и 2) важность различенія закона и морали.

Можно быть дурнымъ мужемъ, дурнымъ отцомъ или дурнымъ опекуномъ, не приходя въ столкновеніе ни съ однимъ закономъ (Ср. Sheldon Amos, The science of law, 30). Можно быть требовательнымъ и несправедливымъ землевладѣльцемъ, неразсчетливымъ арендаторомъ, безсовѣстнымъ дѣльцомъ, ненадежнымъ коммерсантомъ, и, однако же, законодательная машина страны можетъ быть совершенно безсильною, чтобы исправить или наказать такого человѣка. Можно быть, далѣе, преслѣдующимъ личныя цѣли политикомъ, дурнымъ демагогомъ, или безпечнымъ аристократомъ, и все-таки удовлетворять всѣмъ требованіямъ закона...

Огромная роль хорошихъ или дурныхъ нравовъ для жизни общества, тѣсная связь морали и законодательства, политики и этики, хорошо сознавалась еще греческими творцами философіи. У Гераклита, Платона и Аристотеля мораль составляетъ какъ бы главу политики. Она едва отличается отъ послѣдней (См. Croiset, Histoire de la littérature grecque, т. IV, стр. 296, изд. 1895 г.).

Прекрасно сознавали важность нравственности и ея связь съ законодательствомъ и римляне. Жалоба стараго римскаго поэта и его

*) Такъ, напр., Кантъ объединяетъ въ понятіи ученія о нравахъ (Sittenlehre) ученіе о морали (Tugendlehre) и ученіе о законахъ (Rechtslehre). Или, напр., Holland (op. c., 26) объединяетъ въ понятіи ученія о нравахъ этику и номологію, т. е. ученіе о законахъ и о другихъ правилахъ поведенія внѣшняго (мода, приличія, честь). Или Post (Grundlagen des Rechts), считающій законы (Recht, „Право“) нравами государства (die Sitte eines Staats).—Можно, слѣдовательно, или считать равноправными понятія: законы, обычаи, мораль; или—соподчинить два послѣднихъ (обычаи и мораль) одному понятію—„нравы“; или объединить всѣ три (законы, обычаи и мораль) въ понятіи „нравовъ“.

вопросъ „Quid leges sine moribus?“ имѣютъ свое значеніе для всѣхъ временъ и народовъ. „Всуе законы писать, если ихъ не исполнять“, говорилъ Петръ Великій. Тщетно издавать ихъ и тогда, если они исполняются въ буквѣ и нарушаются въ духѣ. Нѣтъ пользы отъ наказанія колоссальныхъ мошенничествъ, если люди постоянно и по привычкѣ недобросовѣстны. Мало пользы отъ законовъ противъ лжесвидѣтельствъ и клятвопреступленій, если люди всегда лгутъ. Немного выиграемъ мы отъ законовъ, наказывающихъ нарушеніе формальныхъ договоровъ, если исполненіе обѣщаній вообще есть скорѣе исключеніе, чѣмъ правило (Sheldon Amos, op. c., 30).

Никакое законодательство не можетъ сдѣлать, чтобы нечестный человѣкъ поступалъ какъ честный, лѣнивый какъ прилежный, неразсчетливый какъ разсчетливый. „Scire leges non est verba earum tenere, sed vim ac potestatem“ —это, быть можетъ, самая глубокая мысль, завѣщанная намъ римской юриспруденціей. Она означаетъ, что мы должны знать и предѣлы силы законовъ: ихъ немощность, ихъ безсиліе. Знать, какъ далеко простирается сила законовъ, значитъ знать, гдѣ начинается ихъ безсиліе.

Законодательство, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ великую силу въ общественной жизни. Обойтись безъ законовъ общество не можетъ. Но, законы сами по себѣ не могутъ служить источникомъ нравственнаго энтузіазма: они не въ состояніи ни вызвать въ обществѣ тѣ возвышающіе нашу вѣру въ человѣчество примѣры безкорыстія, честности, мужества, самоотверженія, твердости и другихъ качествъ, украшающихъ жизнь и примиряющихъ съ нею,—ни, съ другой стороны, подавить и устранить нерадѣнія, жадности, продажности и эгоизма, которые отравляютъ такъ часто человѣческое существованіе.

Законъ есть слишкомъ грубое орудіе, чтобы имѣть контроль надъ *источниками* ненормальностей въ общественной жизни. Эти источники лежатъ или въ самихъ людяхъ, или въ условіяхъ ихъ жизни, измѣнить которыя законъ не въ силахъ: онъ можетъ заткнуть нѣсколько дыръ въ рѣшетѣ, но не остановить потокъ у самого его источника.—Въ этомъ секретъ той огромной важности, которая приписывается всѣми, не исключая и юристовъ, нравамъ общества.

Въ извѣстномъ смыслѣ нравамъ принадлежитъ суверенитетъ (supremacy). Очень трудно, безъ сомнѣнія, проводить законы, если они очевидно оскорбляютъ признанную мораль страны. Законы государства, и всѣ его учрежденія, являются вообще продуктомъ соціальной среды, изъ которой они возникли, а потому, въ общемъ, отражаютъ господствующіе нравы. Нравы народа, зависящіе отъ наиболѣе постоянныхъ условій его жизни и характера, соединяютъ въ

себѣ основныя черты его, и законы, представляющіе собою подчиненную категорію правилъ поведенія, должны считаться возникающими изъ нихъ, а не обратно (ср. L. Stephen, The science of ethics, 166).

Однако, эта первенствующая роль нравовъ является скорѣе тенденціей, чѣмъ живою дѣйствительностью. Есть много законовъ, которые считаются болѣе или менѣе безнравственными широкими кругами лицъ, обязанныхъ подчиняться имъ; и, все-таки, законы эти существуютъ. Законъ не перестаетъ быть закономъ, потому что его считаютъ безнравственнымъ. Dura lex, sed lex! Платонъ (Politicus, 302, A.) удивлялся даже, что государства умудряются жить, „не смотря на дурныхъ правителей и дурные законы". Хотя разумѣется, законъ, не имѣющій поддержки въ нравахъ общества, имѣетъ меньше шансовъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ лишь закономъ по имени. Нравы, слѣдовательно, *стремятся* лишь, путемъ долгаго или короткаго процесса, вытѣснить и подавить то, что сравнительно случайно и сидитъ не такъ глубоко. Нравы занимаютъ такимъ образомъ господствующее положеніе не столько въ настоящей жизни, сколько въ общемъ процессѣ эволюціи: это ихъ тенденція (Ср. L. Stephen, The science of ethics, 167).

Знаніе этики, такимъ образомъ, безусловно обязательно для юриста. Безъ нея онъ *никогда не поймете значенія своей спеціальности.* Еще Платонъ понималъ, что мы не можемъ изучать политики безъ этики и этики безъ политики *). Это нераздѣльныя сферы. Ихъ связь столь же необходима, какъ и ихъ различіе: мы не можемъ ихъ смѣшивать, какъ и не можемъ разъединить ихъ. „Положительный законъ (Pollock, Jurispr. and Ethics, 23) предполагаетъ существованіе общества и нравственности".

Законодательство, какъ указывалъ еще Бентамъ (Traité de législation, или collected works, v. I, pp. 301—322), есть слабое орудіе человѣческаго счастья: законъ не можетъ ни увеличить счастья, ни распредѣлить его справедливо. Главное благо, обезпечиваемое намъ законами, заключается въ безопасности; въ другихъ сферахъ они даютъ мало; меньше всего, повидимому, они могутъ сдѣлать для равнаго распредѣленія счастья; хотя, все-таки, по словамъ того же Бентама: самое худшее правительство, когда-либо извѣстное, лучше, чѣмъ отсутствіе вообще какого-либо правительства (Ср. Markby, Elements of law, 34—36, §§ 57—59).

---

*) Ср. Van der Rest, „Platon et Aristote, essai sur les commencements de la science politique", (1875 г., стр. 310): „La morale est donc bien le fondement de la politique, et le vertu est le meilleur ressort des Etats"...

Въ концѣ концовъ, слѣдуетъ сказать, что ни политическая форма правительствъ *), ни даже законы, хорошіе или дурные, не представляютъ существеннаго фактора величія народа и счастья его гражданъ. Мы не должны слишкомъ преувеличивать ихъ значеніе. Величіе, сила и счастье народа въ наибольшей мѣрѣ зависятъ: 1) отъ высоты его нравственнаго уровня и отъ сохраненія нравственнаго единства народа: въ нихъ—фундаментъ и цементъ, скрѣпляющій государство, и зависятъ они прежде всего отъ отношенія его, народа, къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ; 2) отъ хорошихъ условій экономическаго благосостоянія **).

И, однако, какъ бы мы ни уменьшали значенія законодательства изъ опасенія слишкомъ преувеличить его и впасть въ заблужденія, какую бы скромную роль ни отводили ему, остается безспорнымъ огромное вліяніе законовъ на общественную жизнь и необходимость выдѣлить ихъ въ особую категорію на ряду съ нравами. Мы можемъ, смотря по обстоятельствамъ, мы должны очень часто, съ цѣлью избѣжать путаницы, фиксировать наше вниманіе и надѣлять нашимъ интересомъ то нравы, то законы; но мы должны остерегаться забыть, 1) что они нераздѣльны и столь же важны какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію вообще къ человѣческой жизни; 2) что они не совпадаютъ другъ съ другомъ и образуютъ двѣ особыхъ категоріи, какъ въ практической, такъ и въ умозрительной сферѣ. Мы не можемъ ни разъединить ихъ, ни смѣшать.

Не все то, что существуетъ въ законахъ (напр., турецкихъ) хорошо. И добродѣтель, состоящая лишь въ соблюденіи законовъ и традицій страны, какъ мы уже указывали, и какъ говорилъ объ этомъ еще Сократъ и Платонъ, имѣетъ мало цѣны, или иногда и ничего не стоитъ (Bonar, Philosophy and political economy, 1893, стр. 26). Но, все-таки, „нравственный идеалъ законодателей и

*) „Какъ мало тѣхъ золъ, которыя короли въ состояніи исцѣлить или причинить", говоритъ одинъ англійскій поэтъ.

**) Нравственное единство, лежащее въ основѣ человѣческой кооперації, не столько способно распасться отъ различія экономическихъ интересовъ, сколько отъ излишняго обостренія религіозныхъ различій. Это и придаетъ такое огромное значеніе вопросамъ религіознымъ,—вѣчнымъ вопросамъ человѣческаго общежитія. Ничто не могло и ничто не можетъ въ будущемъ помѣшать людямъ вносить крайнюю любознательность въ вопросы, имѣющіе наиболѣе важное значеніе для ихъ жизни. Ничто не помѣшаетъ тому, чтобы сообразно своему атавизму, природѣ, степени интеллигентности и знаній, и случайностямъ ихъ жизни, они не находили очень различныхъ отвѣтовъ на вопросительные знаки, которыми окружены мы отъ колыбели до могилы. Нужно лишь, чтобы различія эти умѣли съ терпимостью относиться другъ къ другу. Связь же религіозныхъ вѣрованій съ нравственностью не подлежитъ сомнѣнію даже для скептиковъ (Ср. Pollock, Jurispr. and Eth., 312, 313).

судей, хотя бы онъ не достигалъ никогда высшей ступени, доступной нашему воображенію, вообще будетъ стоять, по меньшей мѣрѣ, выше средняго уровня практики, и представлять критерій лучшей категоріи гражданъ“ (Pollock, A first book of jurisprudence, 1896, 47). И вообще законы, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ оказывать сильное вліяніе на поддержаніе, укрѣпленіе и даже возвышеніе уровня существующей морали (ibidem, 47). Мораль нуждается въ защитѣ и поддержкѣ закона. Самые лучшіе и многообѣщающіе результаты нравственнаго развитія слишкомъ слабы и хрупки, чтобы быть долговѣчными безъ поддержки закона; еще менѣе въ состояніи они достигнуть зрѣлости. Закрѣпить и поддержать эти результаты и оказать такимъ образомъ содѣйствіе нравственнымъ цѣлямъ можетъ лишь крѣпкая рука закона (Ср. Sheldon Amos, The science of law, VII). Такъ что существующая мораль, въ извѣстной мѣрѣ, есть продуктъ законодательства.

Законъ не беретъ на себя проведеніе въ жизнь всѣхъ нравственныхъ предписаній не потому, чтобы законодатели и судьи не понимали ихъ значенія, а потому, что, по своей грубой природѣ, онъ не можетъ сдѣлать этого. Законъ можетъ имѣть дѣло лишь съ человѣческими дѣйствіями, а не съ человѣческимъ характеромъ, лишь съ внѣшними проявленіями того или иного настроенія, а не съ самимъ настроеніемъ. Этимъ внутреннимъ, субъективнымъ, характеромъ нравственный кодексъ явно отличается отъ законодательства.

Разумѣется, что внѣшнее и внутреннее въ человѣкѣ связано. Всякій законъ, имѣющій въ виду человѣческіе поступки, заключаетъ въ себѣ и правило относительно характера, и *vice versâ*. „Регулируйте чувства человѣка или его поступки, и вы необходимо окажете вліяніе на его дѣйствія или его чувства. Заставьте человѣка забыть ненависть къ своему брату, и онъ едва ли рѣшится убить его; а если вы убѣдите его не убивать, вы необходимо ограничите до извѣстной степени силу его ненависти“ (L. Stephen, The science of ethics, 156). Такъ что и внѣшнія мѣры, которыми располагаетъ законодатель, не лишены значенія и вліянія и на область нравовъ, хотя, конечно, какъ бы ни усовершенствовалъ онъ свой кодексъ, всегда будетъ оставаться множество путей, которыми человѣкъ можетъ удовлетворить свои наклонности и страсти, если только внутреннія побужденія толкаютъ его въ область запретнаго.

Этотъ внутренній характеръ морали дѣлаетъ ея принципы или „законы“ индивидуальными и субъективными, не смотря на наличность нѣкоторой общности или объективности идеаловъ. (Ср. Ladd, Philosophy of conduct, 518 и сл.). Государство, какъ особое корпоративное цѣлое, довольно рѣзко обособленно отъ другихъ об-

щественныхъ группъ и преслѣдующее самостоятельныя цѣли, не можетъ, конечно, довольствоваться субъективными мѣрками нравственности своихъ членовъ. Это породило бы хаосъ и анархію. Оно нуждается въ постоянномъ и универсальномъ фундаментѣ для своей дѣятельности, и для регулированія взаимныхъ отношеній его членовъ между собою и къ нему самому. Этотъ фундаментъ и дается законодательствомъ, выставляющимъ объективную мѣрку для дѣятельности составляющихъ государство членовъ. Въ немъ сила, постоянство и связь этой дѣятельности. „Характерная цѣль закона, какъ орудія правительства, (Sheldon Amos, The science of law, VII)— поддерживать тождество, сцѣпленіе и жизненность всѣхъ группъ, изъ которыхъ слагается государство, а также удостовѣрять и регулировать отношенія различныхъ группъ другъ къ другу и къ государству, какъ корпоративному цѣлому".

Значеніе и важность законовъ опредѣляется значеніемъ и важностью государства. И какъ государство есть довольно независимая и обособленная организація, такъ и законы обладаютъ значительною независимостью отъ нравственности. По существу дѣла законы не могутъ, въ сколько-нибудь удовлетворительной степени, представить собою идеалъ, могущій удовлетворить всѣхъ и каждаго. Этотъ разладъ необходимо вызываетъ нравственный судъ надъ законами, какъ неизбѣжный результатъ нравственной природы людей, составляющихъ государство и живущихъ подъ его законами.

Индивидъ долженъ быть почтителенъ къ законамъ, онъ долженъ сообразоваться съ ними въ своей дѣятельности, и часто оставаться молчаливымъ передъ ихъ предписаніями и запрещеніями, когда они не соотвѣтствуютъ имъ созданному для себя идеалу. Онъ преданъ лучшимъ интересамъ государства, какъ онъ понимаетъ эти интересы, и, при случаѣ, готовъ пожертвовать для нихъ жизнью. Но, онъ можетъ дѣлать все это по совѣсти, сохраняя цѣлость собственнаго своего нравственнаго „я", лишь постольку, поскольку это позволяютъ ему его нравственныя убѣжденія. А когда возникаетъ необходимость, онъ ссылается на нѣчто внутри самого себя, или выше самого себя и выше всѣхъ людей, въ свидѣтельство неуваженія или даже нарушенія критерія нравственности, объективированнаго государствомъ въ законѣ для всеобщаго употребленія. „Онъ можетъ называть это нѣчто (Ladd, Philosophy of conduct, 524) своимъ „демономъ", какъ дѣлалъ Сократъ; или можетъ говорить о немъ, какъ о Нравственномъ Законѣ, и писать его большими буквами, какъ дѣлаютъ тѣ преданные ему добрые люди, которые желаютъ освободить мораль отъ всякой религіозной окраски; или онъ—можетъ называть это голосомъ или закономъ Бога, какъ всегда дѣлало и

всегда будетъ дѣлать религіозное сознаніе, не смотря на противныя заключенія этическихъ обществъ..... И какъ бы онъ ни называлъ это удивительное нѣчто, и гдѣ бы ни помѣщалъ его—внутри или внѣ, въ одной душѣ или также и на небѣ и въ Міровой душѣ, если онъ остается истинно нравственнымъ человѣкомъ, онъ скорѣе умретъ, чѣмъ измѣнитъ своему идеалу.“ *)

Какое бы относительное значеніе ни придавали мы морали и законодательству въ общественной жизни, важно и безспорно въ данномъ случаѣ для насъ одно: мы не должны смѣшивать нравственныхъ и легальныхъ понятій. Въ частности, употребляя слово „право“, мы должны давать себѣ отчетъ, какой изъ двухъ смысловъ мы придаемъ ему въ каждомъ случаѣ: нравственный, или легальный. Какъ понятіе относительное, „право“ можетъ имѣть основаніемъ отношенія (fundamentum relationis) или предписаніе закона, или норму нравственности. Если законъ налагаетъ на мужа обязанность содержанія жены, жена имѣетъ законное право требовать такого содержанія. Если въ законѣ нѣтъ никакихъ постановленій объ обязанности богатой жены содержать бѣднаго мужа, то послѣдній не имѣетъ законнаго права требовать содержанія отъ жены, хотя, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть нравственное право на такое содержаніе.

Только такое относительное значеніе (право—обязанность) и извѣстно собственно тѣмъ языкамъ, изъ сокровищницы которыхъ берутся слова „право“, Recht, right, droit, diritto.... Если бы мы (какъ это дѣлаютъ континентальные юристы) *согласились* считать слово „право“ синонимомъ совокупности дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ, мы должны были бы твердо держаться этого условнаго значенія, имѣющаго несомнѣнно юридическій (или, какъ я бы предпочелъ говорить вмѣстѣ съ англійскими юристами, „легальный“ legal) характеръ, и не смѣшивать его съ категоріей нравственныхъ понятій, куда *иногда* относитъ его народный языкъ.**)

*) Этотъ нравственный судъ надъ законами (не нуждающійся, кстати замѣтить, въ созданіи какого-либо „естественнаго права“) будетъ, конечно, не одинаковъ. Самая характерная попытка его сдѣлана Г. Спенсеромъ (Social Statics, p. 116.), который, исходя изъ принципа свободы, назвалъ всякое законодательство безнравственнымъ, такъ какъ оно основано на принужденіи одного человѣка другимъ. Всякое же принужденіе есть зло. — Критическія замѣчанія на этотъ судъ „не отъ міра сего“, открывающій широко дверь анархіи и хаосу, см. у Markby (Elements of law, стр. 30, §§ 51—54).

**) Какъ относительное понятіе (право—обязанность), имѣющее основаніемъ отношенія нравственную норму. Напр., указанное выше право бѣднаго мужа на содержаніе отъ жены. — Въ англійскомъ—the right, если оно противополагается the wrong, имѣетъ значеніе „добра“ въ противоположность „злу“. Вообще огромное значеніе имѣетъ контекстъ или молчаливое сопоставленіе.

Этимъ смѣшеніемъ нравственныхъ и легальныхъ понятій особенно много грѣшатъ юристы нѣмецкіе (ср. Lasson, Rechtsphilosophie, 24). Ихъ Recht въ одномъ случаѣ означаетъ совокупность государственно-принудительныхъ нормъ (какъ разъ то, что англичане называютъ Law или Laws), а въ другомъ—совокупность нравственныхъ принциповъ, долженствующихъ служить идеаломъ, ближайшимъ или болѣе отдаленнымъ, для законодательства, т. е. das Gerechte (*τὸ δίκαιον*), справедливое, справедливость.

Велико зло, постоянно причиняемое дурно подобранной терминологіей. Крайне ошибочно мнѣніе, будто слова и ихъ значенія совершенно произвольны. Трудно найти что-нибудь менѣе произвольное, чѣмъ слова и ихъ значенія. Они воплощаютъ историческій результатъ всего знанія, накопленнаго извѣстнымъ народомъ (и даже расой, если принять во вниманіе постоянное общеніе между народами) вѣками честнаго труда (M. Müller, The Science of Thought, 596, 598). Многіе думаютъ, что со словами и ихъ значеніями можно обращаться по произволу. Каждый можетъ выбирать терминъ по личному вкусу и опредѣлять его значеніе, какъ онъ хочетъ. Это ошибка.

Естественной необходимой связи между словомъ и извѣстной идеей, конечно, нѣтъ: люди произвольно связываютъ съ той или иной идеей такое, а не иное слово. *). Но, кто хочетъ быть понятымъ, долженъ быть крайне внимателенъ къ устанановившимся привычкамъ въ соединеніи идей со словами. Здѣсь можетъ помочь намъ лишь наблюденіе надъ словоупотребленіемъ: само по себѣ слово не даетъ никакого указанія на представляемую имъ идею. Не всѣ слова, по отношенію къ ихъ значенію, одинаковы: значеніе однихъ болѣе опредѣленно, твердо установлено и поддается съ трудомъ какимъ-либо измѣненіямъ, значеніе другихъ—болѣе шатко, подвержено неопредѣленности и сомнѣніямъ, а потому допускаетъ бо́льшую свободу въ видоизмѣненіи этого значенія. Если вмѣсто наблюденія надъ такимъ словоупотребленіемъ и подчиненія ему, мы станемъ *изобрѣтать* термины для понятій, которыя имѣются уже въ публикѣ, какъ въ нашемъ случаѣ, мы попадемъ на ложную дорогу.

Мы должны говорить такъ, какъ говоритъ цѣлый народъ, языкомъ котораго мы пользуемся. Мы должны быть противъ всякихъ неоправдываемыхъ индивидуальныхъ уклоненій. Мы не должны ломать обычнаго словоупотребленія. Это согласіе съ духомъ языка необыкновенно важно. Оно—необходимое послѣдствіе взаимодѣйствія общества и индивида въ развитіи знанія. **)

*) Одни—Tisch, другіе—table, третьи—столъ.

**) „Тѣло и духъ человѣческихъ индивидовъ развиваются внутри универсальной (т. е. общественной) жизни. И это развитіе ихъ такъ обнимается и

Обычный языкъ пропитанъ въ такой степени представленіемъ о „правѣ“, какъ о формальномъ отношеніи не только легальнаго, но и нравственнаго порядка, что на практикѣ сузить это понятіе не удается юристамъ, что бы они ни говорили въ теоретической части своихъ аргументацій и въ своихъ опредѣленіяхъ.

Идеи, связываемыя въ публикѣ со словомъ Recht, должны быть подмѣчены и всегда имѣться въ виду. Никто не имѣетъ власти заставить людей соединить съ нимъ только одно или два опредѣленныхъ значенія („субъективный смыслъ“ и „объективный смыслъ“). Даже самихъ себя мы не можемъ заставить сдѣлать это. Мы всегда наблюдаемъ, какъ, напр., нѣмецкій ученый, выражая намѣреніе употреблять это слово только въ двухъ смыслахъ, подпадаетъ вліянію установившагося многосмысленнаго словоупотребленія, и, самъ не замѣчая этого, вопреки первоначальному намѣренію, вноситъ идеи справедливости или нравственныхъ требованій тамъ, гдѣ стоитъ у него слово Recht.

Примѣромъ этого можетъ служить стереотипная фраза при опредѣленіи задачъ философіи. Задача эта состоитъ въ томъ-де, чтобы оцѣнить дѣйствующее право (das geltende Recht) съ точки зрѣнія идеи права (Rechtsidee), или привести его въ гармонію съ послѣдней (wie es, das geltende Recht, mit der Rechtsidee selbst mehr und mehr in Einklang zu bringen sei). Можетъ ли имѣть подобная фраза (привести право въ согласіе съ идеею права) какой-нибудь смыслъ, если мы не свяжемъ съ этою „идеею права“ идею справедливости, или вообще нравственныхъ требованій?

Или, напр., опредѣленіе „естественнаго права“ (Naturrecht, Vernunftrecht, philosophisches Recht)—это положенія, о которыхъ путемъ размышленія найдено, что они соотвѣтствуютъ „идеѣ права“ (die durch Nachdenken als der Rechtsidee entsprechend gefundenen Sätze). Очевидно, что, если бы мы строго держались опредѣленныхъ двухъ смысловъ (субъективнаго и объективнаго) права, подобная фраза была бы невозможной. Если право—нормы, гарантированныя государствомъ, проще сказать—правила, изложенныя обыкновенно въ кодексахъ, то положеніями, „соотвѣтствующими идеѣ права“, будутъ положенія, соотвѣтствующія законамъ при правильномъ ихъ толкованіи.—Смыслъ эта фраза получаетъ лишь тогда, когда мы отбросимъ

обусловливается жизнью вида, которому принадлежатъ они, что они выростаютъ въ полную мѣру, лишь опираясь на эту жизнь вида, и благодаря лишь этой поддержкѣ могутъ выполнить свое назначеніе“... (Gerber, Die Sprache und das Erkennen, стр. 2). Языкъ съ самаго начала разсчитанъ на Abstreifung des Individuellen, а наше развитіе достигаетъ высшей своей ступени лишь „внутри жизни человѣческаго рода“.

„научные“ два смысла и пустимся въ безбрежное море значеній, связываемыхъ со словомъ право въ обычномъ языкѣ „профановъ“.

Указывая на необходимость различать и не смѣшивать сферу законовъ и сферу нравственности, мы, по возможности, старались избѣгать термина „нравственность“ или „мораль“ („этика“), и предпочитали ему слово „нравы“, потому что этотъ послѣдній терминъ отличается нейтральностью.

Какъ указывалъ еще Iер. Бентамъ (Oeuvres, 1840, I, 481 и сл. *), множество ошибокъ имѣетъ своимъ основаніемъ употребленіе терминовъ, заключающихъ въ себѣ одобреніе или неодобреніе. Только немногіе термины отличаются нейтральностью (мотивъ, привычка, характеръ...), большинство включаетъ въ себѣ указаніе на наше одобреніе (благодарность, благородство, честь...), или неодобреніе (жадность, скупость, расточительность...). Въ одномъ словѣ заключается уже софизмъ. „Эти моральные термины, принявшіе такой опредѣленный характеръ въ хорошую или дурную сторону, не являются уже простыми терминами. Они включаютъ предложеніе, сужденіе. Одно слово, само по себѣ, утверждаетъ, что предметъ, къ которому примѣняютъ его, есть предметъ одобренія или неодобренія“.

Къ такимъ одобрительнымъ терминамъ относятся и „нравственность“ съ „моралью“. Мы же имѣемъ дѣло съ фактами не только хорошаго, но и дурного свойства, не только стоящими выше легальнаго уровня, но и ниже его. Лучшимъ терминомъ для нихъ является нейтральное „нравы“ (mores, Sitten). Мы не ограничиваемъ этого понятія требованіями внутренняго сознанія долга или совѣсти, а вносимъ сюда, напр., и приличія **).

Это настолько обособленная сфера, что самое примѣненіе термина „законъ“ къ ней является лишь аналогіей, фигурой рѣчи. Будемъ ли мы имѣть въ виду мораль индивидуальную или мораль общественную, „законы“ ея не суть законы въ собственномъ смыслѣ. Оба рода нормъ различны и по источнику и по санкціи.—Источникъ нравственныхъ предписаній не государственная власть, какъ въ законахъ въ собственномъ смыслѣ, а нравственное сознаніе индивида, или мнѣнія и чувства извѣстнаго общества; каждая организація, даже самая эфемерная, имѣетъ въ этомъ случаѣ собственный „нравственный кодексъ“ (ср. L. Stephen, Sc. of eth., 145). Государствен-

*) Chapitre VI: Sophismes des termes ambigus. 1. Pëtition de principe cachée dans un seul mot.

**) Намъ нѣтъ нужды останавливаться на группировкѣ „нравовъ“ и опредѣленіи сравнительнаго ихъ значенія въ общественной жизни, или значенія ихъ по отношенію къ закону и нравственному чувству. Это лежитъ за предѣлами нашей настоящей задачи.

ная власть и ея законы относятся иногда прямо отрицательно къ такимъ „законамъ“ по аналогіи *).—Санкція нравственныхъ предписаній дается не властью государства, а внутреннимъ сознаніемъ долга, или отношеніемъ къ намъ окружающихъ людей: боязнью неформальнаго осужденія посторонними и—тѣми непріятными послѣдствіями, которыя могутъ быть результатомъ отклоненія отъ господствующихъ взглядовъ, или же страхомъ суда и осужденія собственной совѣсти (ср. Bascom, An histor. interpr. of philosophy, 306).

*) „Законы“ чести, требующіе дуэли, и преслѣдованіе дуэлей закономъ; требованіе платежа по карточному долгу и законы противъ такихъ требованій.

Глава XII.

Многосмыслiе слова „законъ“.

„What, in reality, is to be understood by the word „Law“, as this one word is made to cover experiences so unlike as the generalisations of the physical sciences, the enactments of legislative assemblies, and the formulas to which the nobler impulses to action respond in moral consciousness?“ (Ladd, Philosophy of conduct, 381, 382).

Для нашихъ цѣлей намъ необходимо остановиться нѣсколько долѣе на понятiи *закона*, являющагося ключемъ какъ для юриста, такъ и для моралиста и представителя „точныхъ наукъ“. Мы должны указать его многосмыслiе и выбрать именно тотъ смыслъ, въ которомъ слово это должно употребляться въ юриспруденцiи. Нужно отдѣлить его отъ смежныхъ понятiй и метафоръ. Критическое мышленiе требуетъ опредѣленныхъ и „очищенныхъ“ отъ посторонниихъ примѣсей идей (des idées purifiées).

По своему первоначальному и собственному значенiю „законъ“ есть велѣнiе (правило, rule, command, предписанiе, приказъ, или какъ иначе), лица, стоящаго выше насъ (или—имѣющаго власть надъ нами), т. е. лица, могущаго вынудить отъ насъ повиновенiе его волѣ *). Есть много другихъ названiй для того же понятiя, напр.—обязательныя правила, категорическiе императивы (des règles obligatoires, des impératifs catégoriques). Въ этомъ первоначальномъ смыслѣ „законъ“ безъ законодателя является безсмыслицей („des lois sans législateur sont un non sens“: Vareilles-Sommières, Les principes fondamentaux du droit, 23). И еще Локкъ говорилъ (Hum. Understand., b. I, ch. III, § 12, стр. 37 по изд. 1735 г.), что законъ не можетъ быть понятъ безъ законодателя.

Въ этомъ собственномъ смыслѣ „законъ“ есть явленiе *мiра человѣческаго*. Какъ синонимъ велѣнiя, „законъ“ есть выраженiе желанiя. Желанiе же и волю и развитое выраженiе ихъ можно предполагать лишь у человѣка. Законъ дается въ руководство разумному

*) Ср. Austin, Lectures on Jurisprudence, 1885, I, 86 и сл.

существу разумнымъ же существомъ, имѣющимъ власть надъ нимъ. Говорить о законѣ значитъ говорить одновременно о человѣческомъ обществѣ, какъ о принудительной организаціи *).

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ слово „законъ“ не примѣняется къ человѣческому поведенію (ср. Pollock, Essays in Jurisprudence and Ethics, 1882, стр. 42), оно должно быть разсматриваемо какъ метафора, и замѣна его другимъ болѣе соотвѣтствующимъ терминомъ избавила бы отъ многихъ заблужденій какъ тѣ науки, куда перенесенъ былъ этотъ терминъ **), такъ и самую юриспруденцію.

„Мы не можемъ, правда, избѣжать метафорическихъ выраженій (M. Müller, La science du langage, 48), но мы должны всегда держать себя на сторожѣ, и въ изслѣдованіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя занимаютъ насъ (т. е. въ научныхъ вопросахъ), не давать вводить себя въ заблужденіе словамъ, нами употребляемымъ“.

„Метафора есть часто тайная причина нашихъ иллюзій“ (Egger, La parole intérieure, 293). Это несовершенство языка вызывается то его скудостью, то свойственнымъ человѣку стремленіемъ къ антропоморфическимъ объясненіямъ явленій природы. Метафора вкладываетъ въ слово новый смыслъ, не устраняя стараго, и этимъ вызываетъ часто большія ошибки. Метафора есть выраженіе архаическаго консерватизма, старающагося обойтись наличнымъ запасомъ словъ для выраженія новыхъ идей. „У насъ больше идей, говорилъ Дидро, чѣмъ словъ. Сколько вещей чувствуемъ мы, вещей, остающихся, однако, безъ названія. Такихъ вещей есть безчисленное множество въ морали, безчисленное множество въ поэзіи, безчисленное множество въ изящныхъ искусствахъ.... Слова почти никогда не достаточны, чтобы точно передать то, что чувствуется“ (Изъ La parole intérieure, V. Egger, стр. 7, 1881 г.) ***).

Къ разсмотрѣнію такого употребленія слова „законъ“, которое основано лишь на *подобіи*, аналогіи или метафорѣ, часто весьма поэтической, но.... мало научной, мы и должны перейти теперь.

Общее словоупотребленіе связываетъ названіе „закона“ очень часто лишь съ такими велѣніями, которыя носятъ болѣе или менѣе прочный характеръ: разсчитаны на продолжительное, если не на все будущее, время, и на цѣлый классъ дѣйствій, а не на отдѣльные по-

*) Детали о законѣ по внутреннему существу его см. у Austin'a, op. c., стр. 86 и сл., а также нѣкоторыя другія мѣста, и у Holland'a, стр. 21, 24, 41 и др., изд. 1900 г.

**) „Когда мы примѣняемъ слово *законъ* къ движенію, матеріи, или произведеніямъ природы или искусства, мы каждый разъ могли бы видѣть, что, съ равнымъ или большимъ удобствомъ или точностью, можно употреблять слова *качество*, *свойство* или *особенность*“ (Pollock, op. c., 42).

***) См., однако, V. Henry, Antinomies linguistiques, 1896, стр. 50, 55.

ступки. Приказъ, напр., военачальника атаковать непріятеля не называется закономъ, а предписаніе о томъ, чтобы договоръ личнаго найма не былъ заключаемъ болѣе чѣмъ на 5 лѣтъ, или чтобы извѣстнаго рода бумага оклеивались 5-копѣечными гербовыми марками—законъ. Или: приказъ купить сегодня чаю, и приказъ вставать каждый день въ 6 часовъ утра. Первый носитъ характеръ чего-то частнаго, случайнаго; второй—постояннаго, какъ въ „законѣ“ въ указанномъ частомъ словоупотребленіи. Это повело къ перенесенію (метафора) термина „законъ“ на прочныя единообразія, замѣчаемыя въ *мірѣ внѣобщественномъ*, гдѣ также можно видѣть часто какъ бы постоянство поведенія.

Говорятъ, напр., что безжизненныя тѣла движутся по опредѣленнымъ *законамъ*. Тутъ есть, конечно, большая риторическая неточность. И, однако, это словоупотребленіе служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ элементарно и близко человѣку, этому государственному и нравственному существу, понятіе закона: уподобленіемъ ему хочетъ онъ объяснить другіе факты. Раннимъ наблюдателямъ единообразіе природы, поскольку можно было судить о немъ по ихъ средствамъ наблюденія, вовсе не казалось стоящимъ въ противорѣчіи съ человѣческимъ поведеніемъ, какимъ оно было или должно было быть согласно знакомымъ имъ критеріямъ, а представляло чрезвычайную гармонію съ нимъ.

Разумѣется, что безжизненныя тѣла (планеты), не имѣя ни желаній, ни отвращеній, ни страха, не могутъ быть тронуты какою-либо угрозою наказанія въ случаѣ неповиновенія. Тутъ не мыслимо ни наложеніе обязанности, ни санкція ея, какъ въ „законѣ“ въ настоящемъ смыслѣ. Мертвая матерія не можетъ ни повиноваться въ человѣческомъ сыслѣ, ни уклоняться отъ повиновенія. Все, что мы замѣчаемъ здѣсь, и что повело къ метафорическому примѣненію слова законъ, это тотъ фактъ, что тѣла эти движутся извѣстнымъ однообразнымъ путемъ, подобно тому, какъ люди ведутъ себя опредѣленнымъ способомъ, повинуясь закону. Но причина этого однообразія лежитъ не въ разумѣ и волѣ, какъ у людей, а въ неизвѣстномъ намъ внутреннемъ устройствѣ матеріи, цѣляхъ, строѣ и первыхъ причинахъ мірозданія. Тѣ знанія, которыя мы способны пріобрѣсти относительно поведенія людей, повинующихся закону, мы *не можемъ переносить* на однообразія мертвой матеріи, и обратно—математическія формулы этихъ послѣднихъ не помогутъ намъ двигаться съ большею увѣренностью и знаніемъ дѣла въ общественно-психическомъ мірѣ.

Лучше было бы, конечно, говорить, подобно многимъ англійскимъ философамъ объ единообразіяхъ природы (uniformities). Та-

кой языкъ точно выражалъ бы то, о чемъ мы говоримъ (Ср. Tylor, Primitive cultur, v. 2, стр. 445, 446). И, хотя мы не можемъ отрицать нѣкотораго реальнаго сходства между законами и единообразіями природы, однако, странно смотрѣть на подобную метафору какъ на что-то такое, что заключаетъ въ себѣ объясненіе фактовъ, къ которымъ прилагается она. Это, по выраженію Pollock'a (Jurispr. and Eth., 43), одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ тиранніи, постоянно пріобрѣтаемой надъ человѣкомъ его собственными созданіями—словами.

„Законъ" здѣсь—лишь риторическая „фигура рѣчи", могущая имѣть поэтическое значеніе, но часто чрезвычайно гибельная для истины, такъ какъ ведетъ къ путаницѣ понятій. На основаніи немногихъ и побочныхъ чертъ сходства мы уподобляемъ одинъ фактъ или отношеніе другому, существенно отъ него отличному. Еще Локкъ указывалъ и предостерегалъ противъ этого несовершенства языка, или, точнѣе, противъ столь опаснаго пользованія языкомъ*).

Одинаковое слово ведетъ къ представленію, будто мы имѣемъ дѣло и съ одинаковыми отношеніями или вещами. На дѣлѣ, повиновеніе природы ея „законамъ" и повиновеніе людей человѣческимъ законамъ—совсѣмъ разныя вещи. „Законы" природы вовсе не болѣе совершенны, чѣмъ человѣческіе законы, а принадлежатъ къ совсѣмъ другой категоріи. „Когда *законъ* прилагается къ чему-либо иному, чѣмъ человѣкъ, онъ перестаетъ заключать двѣ изъ своихъ существенныхъ составныхъ идей—именно: неповиновеніе и наказаніе" (Pollock, op. c., 44). Мы проигрываемъ отъ такого ненаучнаго словоупотребленія. Его нужно избѣгать, или имѣть ясное представленіе о его значеніи. Столь отдаленная, субъективная и фантастичная, аналогія не можетъ дать намъ основанія связать двѣ столь различныя вещи въ одинъ классъ. Фигуры рѣчи имѣютъ свое основаніе въ поэзіи, но не въ наукѣ (Ср. Whitney, La vie du langage, 72).

Сказанное о мірѣ безжизненной матеріи слѣдуетъ сказать и о менѣе разумныхъ, хотя и живыхъ, существахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ достаточною степенью понятливости, чтобы уразумѣть и повиноваться кое-какимъ, немногочисленнымъ, приказамъ человѣка. Но, въ общемъ, ихъ жизнь опредѣлена законами мертвой и живой матеріи, инстинктами (слово, означающее причины, которыя мы объяснить не можемъ) и, въ небольшой долѣ, заключеніями, выводи-

*) „Фигуральная рѣчь должна быть избѣгаема вездѣ, гдѣ дѣло идетъ объ истинѣ и знаніи... во всякой рѣчи, имѣющей цѣлью сообщить намъ свѣдѣнія или наставленія... Гдѣ мы желаемъ говорить о вещахъ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности, тамъ фигуральное приложеніе рѣчи способно лишь внушить ложныя идеи, направить въ ложную сторону сужденіе, а потому есть въ сущности настоящій обманъ". См. до сихъ поръ не превзойденную III книгу его Human Understanding (гл. X, § 34, стр. 106 по изд. 1735 г.).

мыми ими изъ опыта путемъ наблюденія, сравненія и абстракціи. Однако, все это не въ той мѣрѣ, какая нужна для сознательной организаціи принужденія, сознательнаго установленія обязанностей путемъ закона, и для уразумѣнія его цѣлей; равно какъ нѣтъ здѣсь и той власти надъ собственными желаніями и аппетитами, какая необходима для повиновенія закону. О конечной причинѣ этихъ однообразій послѣдовательности и сосуществованія мы ничего не знаемъ. „Мы не имѣемъ права представлять неопредѣленныя аналогіи какъ рѣшеніе проблемы", какъ замѣчаетъ по другому поводу Максъ Мюллеръ (La science du langage, 461).

Насколько часто мы имѣемъ дѣло въ наукѣ лишь съ словесными конструкціями, этого, къ сожалѣнію, иногда и не подозрѣваютъ ни тѣ, кто ихъ пишетъ, ни тѣ, кто ихъ читаетъ (Ср. Bascom, An historical interpretation of philosophy, 1893, стр. 266). „Умъ нашъ требуетъ (ibidem) своего. Давайте ему лишь слова, и скоро онъ подопретъ ихъ растущими сущностями, соотвѣтственно цѣли, которой они служатъ. „Природа", „естественный подборъ", „законъ", „Неизвѣстное", собираютъ вокругъ себя аттрибуты духовныхъ агентовъ, и начинаютъ играть въ умѣ человѣка роль его домашнихъ боговъ. Возьмите такое слово какъ „наслѣдственность". Разсужденія относительно нея скоро перестаютъ быть размѣщеніемъ явленій, классификаціей фактовъ. Абстрактное выраженіе начинаетъ жить. Оно собираетъ многія жизненныя силы, какъ физіологическія единицы, или иначе, суммируетъ въ себѣ все болѣе сложные процессы, пока то, что было простымъ словомъ, связывающимъ собою извѣстное отношеніе, становится контролирующимъ существомъ неизвѣстнаго и самаго удивительнаго рода. Собственныя наши слова становятся нашими господами и играютъ роль deus ex machina".

Персонификація словесныхъ абстракцій („природа"), одѣвающая ихъ аттрибутами духовныхъ агентовъ и заставляющая играть роль законодателя самый міръ, или даже тѣ самыя однообразія („законы"), которыя приписываются „велѣніямъ природы", не говорятъ намъ яснѣе, чѣмъ объясненіе этихъ однообразій Божественной волей. „Законы" повелѣваютъ, устраиваютъ міръ, поддерживаютъ порядокъ и производятъ другія удивительныя вещи не хуже Юпитера, Зевса и т. д. Абстрактное выраженіе, какъ говоритъ Д. С. Милль, уже принятыхъ вѣрованій дается какъ основаніе и доказательство, оправдывающія эти вѣрованія и утвержденія (См. Laviosa, La filosofia scientifica del diritto in Inghilterra, 1897, стр. 32). Если Божественная воля для насъ неисповѣдима, то и велѣнія олицетворенной Природы не говорятъ намъ яснѣе. И тамъ и здѣсь—слова, прикрывающія наше незнаніе.

Знаніе, которымъ мы обладаемъ по отношенію къ государственнымъ „законамъ“, не переносимо на такіе „законы природы“, какъ мертвой, такъ и живой,—и обратно. Это разныя вещи, прикрытыя однимъ словомъ. Той степени сознанія, которая нужна человѣку для пониманія долга, правъ, санкціи, цѣлей закона, и т. д., мы не найдемъ ни въ какомъ „государствѣ“ животныхъ.

Потому-то и всѣ попытки объяснить и иллюстрировать природу законовъ въ собственномъ смыслѣ сопоставленіями и ссылками на такъ называемые „законы природы“, законы лишь *по метафорѣ*, ничего не уяснили. Наоборотъ, онѣ вели къ путаницѣ и темнотѣ. Онѣ дѣлались иногда людьми, пользующимися въ другихъ отношеніяхъ заслуженной славой. Это дѣлалось римскими юристами съ ихъ jus naturale, Спинозой съ его jus naturae, Montesquieu съ его „необходимыми отношеніями“ въ Духѣ Законовъ, и другими (см. Austin, стр. 209—214, 1885 *).

Человѣческіе законы состоятъ изъ велѣній, обращенныхъ къ надѣленнымъ волею существамъ, велѣній, которымъ они могутъ повиноваться, или которыя они могутъ нарушать. Разъ такой законъ нарушенъ, онъ еще не сдѣлался отъ этого ничтожнымъ. Законы же естественные являются вовсе не велѣніями, а утвержденіями относительно неизмѣннаго порядка природы. Они остаются законами только до тѣхъ поръ, пока они выражаютъ этотъ порядокъ. Говорить о нарушеніи или пріостановкѣ закона природы—нелѣпость. Все, что фраза можетъ означать въ дѣйствительности, есть то, что, при из-

*) См. Bonar, Philosophy and political economy, стр. 194—196. Употребленіе слова „законъ“ слѣдуетъ, по его словамъ, серьёзно ограничить, или совсѣмъ оставить, хотя, напр., въ политической экономіи оно сдѣлалось слишкомъ общеупотребительнымъ, чтобы было легко оставить его, а въ общественной философіи его употребленіе скорѣе расширилось, чѣмъ сократилось.—Слово „законъ“ употребляется въ двухъ смыслахъ: 1) въ смыслѣ предписанія, исходящаго отъ законодателя, 2) въ смыслѣ постоянства слѣдованія физическихъ явленій изъ физическихъ причинъ, т. е. въ смыслѣ однообразія внѣшней природы. Первый смыслъ—первоначальный, второй—производный: божество принимается какъ законодатель единообразій природы.—Когда въ общественныхъ наукахъ и въ частности въ экономической жизни говорятъ о „законахъ“, слушающему и читающему прежде всего представляется нѣчто, похожее на физическіе законы, съ которыми ему пришлось познакомиться въ наукахъ точныхъ. Разница большая, однако, въ томъ, что условія, съ которыми приходится имѣть дѣло въ общественной жизни болѣе многочисленны, сложны и измѣнчивы, чѣмъ условія, которыя приходится принимать во вниманіе при физическихъ законахъ. Употреблять слово „законъ“ не представляется необходимымъ. Можно, напр., вмѣсто него пользоваться словомъ „принципъ“. Неудобно говорить объ общихъ принципахъ какъ о законахъ, когда осуществляются они всего разъ въ одно или два столѣтія. Естественные законы не допускаютъ исключеній.

вѣстныхъ обстоятельствахъ, заключенное въ „законѣ“ утвержденіе не вѣрно. И вѣрное заключеніе состоитъ не въ томъ, что порядокъ природы прерванъ, а въ томъ, что мы сдѣлали ошибку, опредѣляя этотъ порядокъ. Настоящій естественный законъ есть универсальное правило, и, какъ таковое, не допускаетъ никакихъ исключеній. (См. слова Гёксли въ „Jurispr. and Eth.“ Pollock'a, стр. 46).

Такимъ образомъ слово „законъ“ въ терминѣ „законы природы“ имѣетъ иной смыслъ, чѣмъ въ мірѣ человѣческомъ. Одинаковость терминологіи основана на аналогіи, искусственной и невысокаго значенія. Какъ, однако, необыкновенно важна роль яснаго и точнаго, хотя и прозаичнаго, языка въ мышленіи; и какъ, наоборотъ, вредна роль метафорическаго, хотя бы и высоко художественнаго, языка для науки, это можно видѣть на данномъ примѣрѣ. „Природа“ возводится въ законодателя, въ какое-то одушевленное существо: создается новая миѳологія. Съ другой стороны, для міра общественно-психическаго, гдѣ дѣйствуетъ неизвѣстная мертвой матеріи загадочная сила, называемая волей,—сила, опредѣляющихъ моментовъ которой мы никогда не будемъ въ состояніи обнять и высчитать, даже если станемъ на точку зрѣнія детерминизма, люди ищутъ математическихъ формулъ „законообразности“ внѣшней природы.—Сдѣлавъ *риторическій* переносъ слова „законъ“ на слишкомъ мало похожую сферу явленій, мышленіе дѣлаетъ потомъ обратную ошибку, перескакивая какъ бы по отраженію отъ отдаленно сходныхъ фактовъ и ихъ отношеній къ фактамъ человѣческой жизни, на основаніи лишь сходства слова „законъ“. Между тѣмъ тѣ и другіе „законы“ нельзя ставить въ параллель, они различаются toto genere, toto coelo. Однообразія внѣшней природы съ ихъ точностью вовсе не представляютъ собою болѣе совершенную модель для человѣческихъ законовъ, а принадлежатъ къ иной категоріи.

Мы такъ испортили научный языкъ частымъ употребленіемъ фигуръ, что онѣ перестали поражать насъ, какъ что-то странное и научно неточное. Мы постепенно теряемъ сознаніе, что мы пользуемся фигурой, и кончаемъ тѣмъ, что вѣримъ, будто фигуральное слово и есть „le mot propre“, настоящее слово. (Whitney, La vie du langage, 73).

„Языкъ метафорическій, говоритъ Egger (La parole intérieure, ch. V, § 3, стр. 260), несовмѣстимъ съ ясною и увѣренною въ самой себѣ мыслью; потому что, въ то время какъ мысль возбуждаетъ знакъ, чтобы выразиться точно, отвѣчающій на ея призывъ знакъ не приходитъ безъ другихъ идей, которыя смѣшиваются съ нею и мутятъ ея чистоту постороннею примѣсью“... — „Законъ“ естественныхъ наукъ включаетъ въ себѣ примѣси „закона“ человѣчес-

каго, а „законъ“ человѣческій окрашивается признаками „закона“ внѣшней природы. *)

Но, и выдѣливъ такъ называемые „законы природы“, мы не избавимъ еще себя отъ многихъ затрудненій, которыя готовитъ намъ языкъ и въ области человѣческихъ законовъ „Въ совершенномъ языкѣ, говоритъ М. Мюллеръ (The Science of Thought, 30), мы должны бы ожидать различныхъ названій для живого и мертваго волоса, подобно тому какъ мы различаемъ между травой и сѣномъ“. Такимъ совершенствомъ нашъ языкъ не обладаетъ, а потому словомъ „законъ“ приходится называть весьма различныя для юриста вещи.

Закономъ, напр., называется всякая дѣйствующая въ государствѣ принудительная норма. Въ такомъ смыслѣ, напр., опредѣляется законъ (Gesetz) въ новомъ гражданскомъ уложеніи Германіи, сообразно § 2 Einführungsgesetz'a. Такъ понимаютъ свое „law“ англійскіе юристы, когда говорятъ вообще о предметѣ „науки о законахъ“. Таковъ смыслъ слова *νόμος*, когда греки переводятъ чрезъ *σοφία νόμου* (законовѣдѣніе) римское jurisprudentia. **) И русскій языкъ издавна пользовался словомъ законы или законодательство для коллективнаго обозначенія государственно-принудительныхъ нормъ. И на русскомъ языкѣ, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, выраженіе „законно“ (*νομίμως*, gesetzlich) не имѣетъ значенія лишь согласія съ закономъ въ узкомъ смыслѣ; несоотвѣтствіе, напр., полицейскому предписанію будетъ также незаконностью. На юридическихъ факультетахъ до 1885 г. сохранялся оффиціально терминъ „исторія законовѣдѣнія“ (вмѣсто обычнаго теперь: „исторія права“) и, кажется, „церковные законы“ (вмѣсто теперешняго: „церковное право“). Въ среднихъ школахъ сохранился, или вновь введенъ, терменъ „законовѣдѣніе“ (а не „правовѣдѣніе“). Одинъ изъ нашихъ лучшихъ юристовъ—Неволинъ писалъ „исторію законовъ“ и „исторію философіи законодательства“. Станиславскій писалъ о ходѣ зако-

*) Стремленіе дать человѣчеству нормы, годныя для всякаго времени, мѣста и народа, находило очевидно себѣ поддержку въ аналогіи съ законами природы. Мы знаемъ, какъ на дѣлѣ разнообразны начала, которыхъ держатся государства въ разное время, на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи и у различныхъ народовъ. Въ мирное время государство, напр., защищаетъ личность и собственность даже иноземцевъ, въ военное время дѣйствуютъ иныя начала. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, дѣйствующіе въ жизни, практическіе, принципы, а не идеальные.

**) Поэтому *νόμος* обнимало собою и обычай. Какъ нужно почитать боговъ? спрашивали иногда ученики Сократа. — Selon la coutume de la cité = *νόμῳ πόλεως* = по обычаю страны, отвѣчалъ философъ (См. Croiset, Histoire de la littérature grecque, 1895 г., т. IV, стр. 223). — Въ Лозаннѣ есть каѳедра législation comparée, а не „сравнительнаго права“.

новѣдѣнія въ Россіи (теперь пишутъ о „развитіи права“). Бѣляевъ писалъ „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“. Кавелинъ старался избѣгать перевода jus civile своей „системой правъ и обязанностей по имуществамъ и обязательствамъ“.

Кромѣ такого широкаго значенія, „законъ“ еще чаще употребляется въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ противоположность судебному рѣшенію, административному приказанію, или обычаю. Несовершенный языкъ не выработалъ краткихъ, точныхъ и недвусмысленныхъ терминовъ для закона sensu lato и закона sensu stricto.

Сказаннымъ, однако, не исчерпывается многосмыслiе слова „законъ“. Закономъ называется какъ норма, вліяющая на поведеніе людей, такъ и та, которая остается лишь на бумагѣ. Есть въ Турціи много прекрасныхъ законовъ (Pollock, Jurispr. and Eth., 48), которымъ на дѣлѣ никто не повинуется. И эти бумажныя, номинальныя, нормы называются „законами“, какъ и нормы, дѣйствующія на дѣлѣ. Есть нормы, внесенныя въ кодексы лишь по недоразумѣнію, такъ какъ, по своему внутреннему характеру, онѣ не подлежатъ внѣшнему принужденію, характеризующему законы въ собственномъ смыслѣ. Нормы нравственныя называются „законами“ лишь потому, что онѣ попали въ законодательный сборникъ.

Не всѣ нормы, далѣе, имѣютъ одинаковое значеніе въ жизни, хотя онѣ и называются всѣ одинаково „законами“. „Есть законы, говоритъ Pollock (Jurisprud. and Ethics, 229) которые бодрствуютъ, и законы, которые дремлютъ; законы, которые строго выполняются; законы, которые обходятся, и законы, которыми спокойно пренебрегаютъ.“ — Содержаніе, которое такимъ образомъ прикрывается однимъ и тѣмъ же словомъ „законъ“, далеко не одинаково. Есть мертвые и живые законы. Есть, кромѣ того, очень важные законы (suprema lex!) и—законы менѣе важные. По своему значенію и дѣйствію законы должны быть координированы, не противорѣчить и уничтожать другъ друга. Согласованность ихъ на бумагѣ (какъ въ Турціи) не всегда соотвѣтствуетъ ихъ жизненной согласованности: одинъ законъ оказывается мертворожденнымъ въ виду наличности другого, болѣе сильнаго. Обратно: отсутствіе системы на бумагѣ, какъ въ Англіи, не мѣшаетъ сравнительно стройному теченію государственной жизни.

Въ виду этого фактическаго различія въ значеніи нормъ, покрываемыхъ общимъ именемъ законовъ, законныя права часто оказываются фактически неосуществимыми, необезпеченными, бумажными, а государственная машина содѣйствуетъ, иногда безсознательно, обезпеченію требованій, никакой поддержки въ законахъ не имѣющихъ. Поведеніе, не имѣющее за собою ни нравственныхъ

оправданій, ни закона, увѣнчивается успѣхомъ благодаря злоупотребленію закономъ, или законнымъ положеніемъ. Имѣть возможность „держаться за хвостикъ тётеньки“ означаетъ для иного несравненно больше, чѣмъ имѣть „законныя“ права.

Эта то неодинаковость смысла и роли того, что прикрывается словомъ „законъ“, неодинаковость, обращающая часто „положительный“ законъ въ положительную пустую букву или звукъ, и дѣлаетъ столь затруднительнымъ изученіе дѣйствующаго законодательства. Есть законы и законы, какъ сказалъ бы французъ. И языкъ такъ же нивеллируетъ ихъ подъ общимъ именемъ закона, какъ и живой и мертвый волосъ.

Кромѣ метафорическаго, широко распространено *аналогичное* употребленіе слова „законъ“, т. е. по подобію болѣе близкаго характера, чѣмъ когда рѣчь идетъ о „законахъ“ природы. Понятіе закона въ собственномъ смыслѣ („принудительная норма, дѣйствующая въ государствѣ“) — самое близкое человѣческому уму понятіе. Множество другихъ фактовъ и отношеній человѣкъ объясняетъ, поэтому, аналогіей съ этимъ наиболѣе знакомымъ ему понятіемъ.

Сюда относятся двѣ группы: 1) велѣнія Божества, не только лишь христіанскаго, разумѣется, *) и 2) предписанія нравственности. **) — И ту и другую группу мы называемъ „законами“. Это словоупотребленіе является нѣмымъ свидѣтельствомъ государственной природы человѣка: лежащія въ основѣ государственности понятія являются самыми близкими человѣку и служатъ для объясненія другихъ явленій и ихъ отношеній. Нравственная и религіозная природа его становится какъ бы на второй планъ, по крайней мѣрѣ относительно ясности связанныхъ съ нею понятій. Можно, подобно атеисту, отрицать божество, или личный характеръ его; можно смѣяться надъ предписаніями нравственности или значительнымъ большинствомъ ихъ, какъ надъ „предразсудками“, — но отрицать и избѣжать предписаній принудительно организованнаго общества, среди котораго фатально должны жить мы, нельзя.

„Общество, въ которомъ должны жить индивиды (Laviosa, La filosofia scientifica del diritto in Inghilterra, 19), не можетъ быть про-

*) Для атеиста и агностика эта группа, конечно, отпадаетъ, хотя вычеркнуть ее изъ области дѣйствительности онъ не можетъ: каковы бы ни были его субъективные взгляды, онъ долженъ считаться съ нею, какъ съ живою реальностью. Не мѣшаетъ помнить при этомъ слова Бэкона: „если немножко науки удаляетъ человѣка отъ вѣры, то наука глубокая и зрѣлая приводитъ его къ къ ней“.

**) Ср. Van der Rest, „Platon et Aristote, essai sur les commencements de la science politique“, 1875 г., стр. 22.

стымъ механическимъ аггрегатомъ взаимно отталкивающихъ другъ друга атомовъ, а есть естественно-историческій организмъ, сдерживаемый вмѣстѣ нравственными силами сцѣпленія, независимыми отъ искусственныхъ учрежденій". Поэтому-то, важностью своею для человѣческой жизни указанныя выше обѣ группы превосходятъ законы въ собственномъ смыслѣ. Успѣхъ и неуспѣхъ законодательства обезпечивается нравственными силами общества. Если оно держится, значитъ есть силы нравственныя, поддерживающія его. Если оно рушится — есть разрушительныя нравственныя силы въ обществѣ, берущія верхъ надъ его благими стремленіями. „Религіозные мотивы, говоритъ Bascom (An historical interpretation of philosophy, 347, 348), были и суть главные факторы соціальной конструкціи". Еще Плутархъ называлъ религію „связью всякаго общества, опорой и основой всякаго законодательства" (См. M. Egger, Histoire de la littérature grecque, стр. 351). Гераклитъ говорилъ, что „всѣ человѣческіе законы питаются единымъ божественнымъ закономъ" (Benn, Philosophy of Greece, 243). — Quid leges sine moribus?! жаловались римляне.

Однако, признавая огромную важность нормъ религіозныхъ и нравственныхъ, юристъ изъ-за аналогичнаго примѣненія слова „законъ" не долженъ терять изъ виду разницы по существу дѣла.

Источникъ божественныхъ велѣній не земной, не человѣческій: воля Высшаго Существа. Санкція ихъ также отличается отъ санкціи человѣческихъ (государственныхъ) законовъ: она главнымъ образомъ основывается на вѣрѣ въ загробную жизнь, судъ и воздаяніе „коемуждо по дѣламъ его". *).

Всякая религія имѣетъ свои внѣшнія учрежденія. Для поддержки ихъ и для охраны внѣшнихъ своихъ распорядковъ она нуждается и во внѣшней санкціи. Государство имѣетъ чрезвычайный интересъ поддерживать, если не всѣ, то нѣкоторыя изъ церквей**) и

*) „Во всякомъ случаѣ сверхъестественная санкція, пока она служитъ предметомъ общей вѣры, несетъ съ собою естественно и соціальную санкцію, можетъ быть въ очень интенсивной формѣ („Pollock, Jurisprud. and Ethics, 312, 313). Это сближаетъ религіозныя нормы съ нормами „независимой" нравственности.

**) .....Нѣтъ силы сильнѣе вѣры. Непреоборима и грозна она, какъ нерукотворная скала среди бурнаго, вѣчно измѣнчиваго моря. Изъ самой средины морского дна возноситъ она къ небесамъ непроломныя свои стѣны, вся созданная изъ одного цѣльнаго, сплошного камня. Отовсюду видна она и глядитъ прямо въ очи мимобѣгущимъ волнамъ. И горе кораблю, который нанесется на нее! Въ щепы летятъ безсильныя его снасти, тонетъ и ломится въ прахъ все, что ни есть на нихъ, и жалкимъ крикомъ погибающихъ оглашается пораженныи воздухъ..... Извѣстно, какова въ русской землѣ война, поднятая за вѣру..... (Гоголь, Тарасъ Бульба, гл. XII).

даетъ ихъ распорядкамъ внѣшнюю санкцію: церковные законы. Это законы въ строгомъ, настоящемъ смыслѣ: ихъ источникъ верховная власть, ихъ санкція — государственная сила. Все, что исходитъ изъ другого источника, какъ бы безмѣрно велика ни была его важность, какое бы высокое мѣсто ни занимало оно въ общественной жизни, не есть законъ въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ. Это — нѣчто, стоящее выше человѣческихъ законовъ.

Юристъ, какъ ученый, долженъ знать эти божественные „законы", хотя бы онъ не принадлежалъ ни къ какой изъ церквей, пользующихся охраной или преслѣдуемыхъ (вредныя секты) государствомъ, какъ долженъ онъ знать, при случаѣ, и очень многое другое (правила раціональнаго хозяйства, производства горныхъ работъ, орошенія и осушенія, и т. д.). „Законодательство въ дѣйствительности существуетъ лишь въ союзѣ съ другими силами жизни" (Новгородцевъ, „Кантъ и Гегель"..... 217). Но, онъ не долженъ смѣшивать велѣній Корана, или другихъ, съ велѣніями государственной власти, т. е. земными, человѣческими законами, не долженъ, если угодно, низводить ихъ на степень такихъ человѣческихъ законовъ. *)

Другой категоріи „законовъ" по аналогіи, именно—нормамъ нравственнымъ, слѣдуетъ посвятить особую главу, въ виду ихъ чрезвычайной важности для юриспруденціи и многократной связи съ нею. Здѣсь лишь слѣдуетъ еще разъ указать на то, что для юриста слово „законъ" можетъ означать лишь велѣніе субъекта верховной власти или уполномоченныхъ имъ агентовъ (ср. В. В. Ивановскій ор. с., 80,) или иными словами — принудительную норму, дѣйству-

Мистическій элементъ человѣческой природы такъ же неискоренимъ, какъ и раціональный.

*) У нѣкоторыхъ народовъ, особенно восточнаго происхожденія, религія имѣетъ особое значеніе въ жизни; свѣтское и духовное не раздѣлены у нихъ такъ, какъ у европейцевъ. Это вызываетъ особыя затрудненія для законодателя и дѣлаетъ необходимымъ исключительное законодательство. То, что въ общихъ законахъ не соотвѣтствуетъ ихъ религіознымъ представленіямъ и особымъ интересамъ, существуетъ для нихъ лишь для обхода. „Въ своемъ кругу они создаютъ законъ противъ общаго закона страны", говоритъ по аналогичному случаю Pollock (Jurispr. and Ethics, 311, 312). Общественная санкція нормъ поведенія находитъ въ ихъ средѣ контръ-санкцію: они образуютъ государство въ государствѣ. Англія не можетъ поэтому создать общаго законодательства для своихъ магометанъ и индусовъ, какъ не можетъ она создать ихъ религій. То же слѣдуетъ сказать и о Россіи по отношенію къ ея еврейскому ($^2/_3$ общаго числа ихъ на землѣ) и многомилліонному магометанскому населенію. Собраніе магометанскихъ законовъ, если бы оно было издано властью, было бы всегда въ глазахъ магометанина толкованіемъ Корана некомпетентнымъ лицомъ. См. Holland, El. of jur., стр. 60, 61, изд. 1900. Ср. также Pollock, Jurisprud. and Ethics, 287—313, и Shadworth Hodgson, Theory of Practice.

ющую въ государствѣ (Ihering). Такое суженіе этого понятія еще не устраняетъ *всѣхъ* его двусмысленностей, но оно обособляетъ его отъ другихъ нормъ, называемыхъ законами лишь метафорически или по аналогіи, обособляетъ качествами, имѣющими отношеніе лишь къ нему, и послѣдствіями, свойственными лишь ему и ничему другому (Ср. A. Lasson, Rechtsphilosophie, 28).

Только такое суженіе и упрощеніе можетъ дать необходимую научному языку точность. Нормы,*) напр., такъ называемаго „естественнаго права", не признанныя законодательствомъ, имѣютъ другія качества и послѣдствія, чѣмъ законы въ собственномъ смыслѣ, и мы должны не смѣшивать этихъ различныхъ понятій, если хотимъ прійти къ болѣе точнымъ результатамъ и не входить въ разладъ съ дѣйствительностью. „Когда языкъ, вслѣдствіе расширенія первоначальныхъ значеній (какъ *νόμος* въ сочиненіи Платона „Законы"), переходитъ въ метафору, его аналогичное примѣненіе, слишкомъ частичное, становится обманчивымъ; и чѣмъ болѣе онъ скользитъ по этой наклонной плоскости, тѣмъ болѣе опаснымъ для мысли становится его употребленіе: онъ впутываетъ ее въ неточности и двусмысленности все болѣе многочисленныя и серьёзныя.**) Онъ возвращаетъ себѣ свои преимущества лишь тогда, когда, путемъ новаго прогресса, онъ переходитъ отъ метафорическаго смысла къ смыслу условному, т. е. отъ значенія *смѣшаннаго* и *обманчиваго* къ значенію *простому* и *точному*". (Egger, La parole intérieure, 260).

---

*) Указывая на важность изученія родного языка и на желательность держаться выраженій именно этого языка, я часто употребляю слово „норма" вмѣсто „правило". Въ этомъ не слѣдуетъ видѣть противорѣчія между моей практикой и моимъ исповѣданіемъ вѣры. Дѣло въ томъ, что разъ найдено нужное намъ основное понятіе въ языкѣ нашего народа, часто желательно прибѣгнуть для выраженія этого понятія къ слову, взятому изъ чужого языка. Особенно часто принято прибѣгать къ терминологіи, заимствованной изъ латинскаго (norma, республика....) или греческаго языка (монархія, демократія, политика.....). Это дѣлается въ цѣляхъ достиженія лучшаго пониманія между учеными различныхъ національностей. „Подобные термины, если они хорошо выбраны, живо понимаются во всемъ литературномъ мірѣ..... они какъ бы составляютъ универсальный языкъ, съ помощью котораго образованные люди всякой страны могутъ передавать другъ другу свои идеи, не нуждаясь въ переводѣ" (Whewell, Nov. Org. Ren., 319, 320). Разумѣется, что, когда мы обращаемся къ публикѣ, не знакомой съ этими иностранными языками, слѣдуетъ удерживать мѣстные термины, какъ болѣе ясно и живо понимаемые (см. подробности ibid.. 318—345).

**) „Мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь научный языкъ, недостатки котораго являются достоинствами для языка поэтическаго".

Глава XIII.

Многосмыслiе слова „право“.

La contrariété tient souvent au langage.
On peut s'entendre moins, formant un même son,
Que si l'un parlait basque et l'autre bas breton.
(Rulhière).

Le langage de la simple raison, de la pure vérité, est difficile à apprendre: le langage des passions est par lui-même séduisant et facile.....
Jérémie Bentham, Oeuvres, I, 525 (1840 г.).

Мы не можемъ дать въ этой главѣ полную картину всѣхъ значенiй слова „право“: анализъ всего того, что оно можетъ означать и соозначать; понятiй, необходимыхъ для его существованiя, и понятiй, необходимо внушаемыхъ имъ; правильныхъ и неправильныхъ употребленiй этого слова; его естественныхъ и искусственныхъ значенiй. Въ извѣстномъ смыслѣ терминъ „право“ является центральнымъ, или, правильнѣе, неразрывно связаннымъ съ основнымъ понятiемъ какъ юриспруденцiи, такъ и этики. А потому—полное пониманiе его, какъ оно употребляется въ изложенiи каждой изъ этихъ наукъ, несетъ съ собой полное пониманiе самой науки (Sheldon Amos, The Science of Law, 88, 89): задача, которой трудно достигнуть на страницахъ одной главы. Пополненiемъ и модификацiей содержанiя этой главы должны служить главы предшествующiя и послѣдующiя

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что слово „право“ и латинское *jus*, германское *Recht*, французское *droit*, англiйское *right* не соотвѣтствуютъ другъ другу по значенiю *), а потому—то, что говорится о Recht, нельзя переносить на right, и обратно. Терминъ каждаго языка долженъ обсуждаться въ извѣстной мѣрѣ независимо. Это нужно имѣть въ виду при пользованiи нѣмецкой, англiйской и другими иностранными литературами.

Начнемъ съ того, что безспорно для юристовъ континентальныхъ и англiйскихъ. Безспорнымъ является *относительный характеръ слова*

*) ..... „The English *right*, the Latin *jus*, the German *Recht*, and the French *droit*, are no two of them exactly co-extensive in range of meaning“. (Sheldon Amos, The Science of Law, 89).

„*право*“ (right, Recht, droit). Оно употребляется для выраженія отношенія какъ въ народномъ, такъ и въ искусственномъ языкѣ ученыхъ. Въ этомъ значеніи оно пользуется одинаковымъ правомъ гражданства— какъ въ юриспруденціи, такъ и въ этикѣ. Это и служитъ однимъ изъ основаній двусмысленности слова „право“: 1) право законное или легальное, и 2) право нравственное.

Беру въ качествѣ иллюстраціи одно мѣсто изъ переведенной на англійскій языкъ работы извѣстнаго нѣмецкаго пандектиста Thibaut (System des Pandektenrechts, переводъ N. Lindley, 1890 г., подъ заглавіемъ An Introduction to the Study of Jurisprudence, стр. 1) *).

„Законы (Laws), которые одно лицо можетъ заставить другое соблюдать, называются позитивными законами (Positive Laws, Recht, jus въ смыслѣ Law); ихъ результатъ заключается всегда въ томъ, что на одно лицо налагается обязанность (duty), которую оно можетъ быть вынуждено исполнить по волѣ кого-нибудь другого. Этотъ другой имѣетъ власть дѣйствовать (Recht, jus въ смыслѣ Right); первое лицо находится подъ обязанностью дѣйствовать (necessitas. officium, въ современномъ латинскомъ—obligatio, duty, obligation), Ни эта власть, ни эта необходимость не могутъ существовать другъ безъ друга. *Jus et obligatio sunt correlata.*“.

Въ этомъ смыслѣ „право· получаетъ все свое значеніе, силу и содержаніе отъ порождающаго его закона. А такъ какъ законную силу имѣютъ также судебныя рѣшенія, административныя распоряженія и признанные судами обычаи, то и эти факторы могутъ порождать права и налагать обязанности. Это и будетъ „законное“ право.

Но, обязанности налагаются, кромѣ того, и предписаніями нравственности. Этимъ нравственнымъ обязанностямъ соотвѣтствуютъ нравственныя права. „Понятіе обязанностей ведетъ естественно и необходимо къ понятію правъ. Что я долженъ другому, на то онъ имѣетъ право. Что мнѣ должно со стороны другого, на то я имѣю право“. (Ladd, Philosophy of conduct, 1902, стр. 377). Право и обязанность опять таки являются соотносительными понятіями, но выражаютъ уже иныя отношенія и представленія. Нравственныя требованія или права возникаютъ независимо отъ вмѣшательства государства или закона Они могутъ соотвѣтствовать или не соотвѣтствовать законнымъ правамъ: быть шире или уже ихъ, и совсѣмъ отличаться отъ нихъ по характеру. Нравственное значеніе связывается со словомъ „право“ или въ силу спеціальной квалификаціи, или въ силу контекста и обстоятельствъ рѣчи. Небрежное употребленіе его можетъ вызвать недоразумѣнія.

*) Переводы даютъ намъ наглядное представленіе о колебаніяхъ и несоотвѣтствіи терминологіи различныхъ языковъ.

Приведу одно мѣсто изъ Системы Логики Д. С. Милля (т. II, стр. 364), иллюстрирующее важность точной терминологіи. „Положимъ", говоритъ онъ, „что кто-нибудь утверждаетъ что онъ имѣетъ *право* (right) публиковать свои мнѣнія; это можетъ быть вѣрно въ томъ смыслѣ, что всякое другое лицо нарушило бы свой долгъ (здѣсь, очевидно, рѣчь о долгѣ ненарушенія государственныхъ законовъ, если они признаютъ свободу печати); но пишущій предполагаетъ вслѣдствіе этого, что, публикуя свои мнѣнія, онъ самъ не нарушаетъ никакого долга (и въ нравственномъ смыслѣ), а это можетъ быть и вѣрно, и ложно; именно зависитъ отъ того, принялъ ли онъ на себя достаточный трудъ убѣдиться, во-первыхъ, что его мнѣнія вѣрны (научная и нравственная точка зрѣнія), а во-вторыхъ, что ихъ обнародованіе такимъ образомъ и при этихъ особенныхъ обстоятельствахъ вѣроятно будетъ благодѣтельно для интересовъ истины вообще (вопросъ, такъ сказать, нравственной политики)".

„Вторая двусмысленность, тамъ же говоритъ Милль, состоитъ въ смѣшеніи права какого-нибудь рода съ правомъ вынуждать это право сопротивленіемъ или наказаніемъ его нарушенія. Напримѣръ: люди говорятъ, что они имѣютъ право на хорошее правительство, что, конечно, вѣрно, такъ какъ *нравственный* долгъ ихъ правителей состоитъ въ хорошемъ управленіи (идея, слѣдовательно, нравственнаго отношенія). Но если вы допустите это, то вамъ припишутъ мысль, что вы допускаете ихъ право или свободу изгонять своихъ правителей, или можетъ быть, наказывать ихъ за упущеніе упомянутой обязанности (т. е. измѣнять нравственное основаніе отношенія между управляемыми и правителями на принудительно-государственное); а это далеко не то же самое, никакимъ образомъ не справедливо вообще, и зависитъ отъ безчисленнаго множества измѣняющихся обстоятельствъ, требующихъ тщательнаго взвѣшиванія, прежде чѣмъ можно принять такое рѣшеніе и дѣйствовать на основаніи его".

Но, и квалификація слова „право" словомъ „законное" („законное право") не всегда избавляетъ насъ отъ недоразумѣній. Само слово „законъ" употребляется иногда въ нравственномъ смыслѣ. Говорятъ, напр., о естественныхъ законахъ человѣческаго міра, думая при этомъ вовсе не о государственныхъ законахъ, а о нравственныхъ. Въ такомъ случаѣ выраженіе „законное право" можетъ на дѣлѣ означать нравственное право. Говорятъ, напр., иногда о законномъ правѣ такой-то національной группы внутри извѣстнаго разноплеменнаго государства на развитіе своихъ особенностей. При этомъ ни изъ контекста, ни изъ общаго смысла рѣчи не видно, что именно имѣлось въ виду: право ли на развитіе, предоставленное закономъ страны, или же право, вытекающее изъ закона нравственнаго, изъ нравственной обя-

занности государства терпѣть такой партикуляризмъ. Смыслъ рѣчи остается въ подобномъ случаѣ сомнительнымъ и можетъ дать поводъ къ различнаго рода недоразумѣніямъ, ошибкамъ и спорамъ.

Эти колебанія въ значеніи слова „право“ не должны никогда теряться изъ виду, даже при употребленіи его юристами, дающими точное опредѣленіе слову. Уже раньше указано было на стихійную силу языка общества. И образованнымъ людямъ приходится много бороться, и не всегда успѣшно, со стихійнымъ внушеніемъ, чтобы придавать словамъ языка не общепринятый смыслъ, а свой собственный, или чтобы исключить изъ собственнаго языка одно изъ тѣхъ словоупотребленій, которыя установлены были языкомъ народа. Нужно быть внимательнымъ, такъ какъ слова—не пустые звуки. Особенно слова міра нравственнаго и политическаго. Какъ заряженное орудіе, слово облекающее великій смыслъ, дѣйствуетъ съ страшною силою, на далекое пространство и время.

Кто не знаетъ роли, которую одно время играли въ исторіи слова „права человѣка“? Какъ много, съ одной, и какъ мало, съ другой стороны, лежитъ въ этихъ словахъ! Ихъ сила—въ эмоціональномъ характерѣ, ихъ слабая сторона—въ крайне маломъ и неопредѣленномъ интеллектуальномъ содержаніи. Какъ указываетъ самое выраженіе (права человѣка, или человѣческія права), оно возникло изъ противоположенія человѣка обществу, въ частности—государству, правительству, или слоямъ общества, держащимъ въ данное время власть, подчиняющимъ себѣ большинство членовъ государства. Основаніемъ и критеріемъ ихъ служитъ, слѣдовательно, не законъ, а представленія о справедливости и свободѣ. Они направлены именно противъ того критерія справедливости и свободы, который установленъ для даннаго времени въ законѣ, и противопоставляютъ ему другіе критеріи, крайне разнообразные и созданные мышленіемъ массъ. Это, слѣдовательно не легальное, а нравственное понятіе и критерій.

Поскольку законъ имѣетъ опредѣленное содержаніе и объединяющее значеніе для представленій о свободѣ и справедливости отдѣльныхъ членовъ государства, постольку въ индивидуальныхъ представленіяхъ о „человѣческихъ правахъ“ лежитъ начало разъединенія, споровъ и несогласій. Разъ индивидъ ставитъ себя цѣлью, а на всѣхъ другихъ смотритъ какъ на средство достиженія личныхъ цѣлей, разъ онъ на себя смотритъ прежде всего какъ на носителя правъ, а на общество, т. е. всѣхъ другихъ, какъ на носителей обязанностей по отношенію къ нему, онъ никогда не можетъ сойтись во взглядахъ и стремленіяхъ съ другимъ индивидомъ, считающимъ цѣлью именно себя, а перваго индивида лишь средствомъ для своихъ цѣлей. Отвлеченное выраженіе „право человѣка“ наполняется каждымъ собствен-

нымъ содержаніемъ, общіе элементы стушевываются до крайности. При бѣдности общаго интеллектуальнаго содержанія выраженіе пріобрѣтаетъ страшную эмоціональную силу, такъ какъ каждый вкладываетъ въ него самые дорогіе свои интересы. Смыслъ общаго выраженія (право человѣка) дѣлается едва уловимымъ. Значенія его ничѣмъ не фиксированы и ничѣмъ не ограничены (въ противоположность, по крайней мѣрѣ относительной, фиксированности законнаго критерія). Опредѣлить ихъ нельзя, такъ какъ каждый вкладываетъ сюда свое. Выраженіе принадлежитъ, словомъ, къ словарю страстей и чувствъ. Они и придаютъ ему богатство и окраску, хотя и мѣняютъ свое содержаніе по отношенію къ каждому индивиду. Ихъ значенія столь различны и неисчерпаемы, что изучить ихъ при помощи формальныхъ опредѣленій „такъ же невозможно, какъ сообщить при помощи описанія понятіе о переливающихся цвѣтахъ шеи голубя“.—Понятно поэтому, почему это выраженіе (права человѣка) такъ тѣсно связано съ представленіями переворота существующаго строя и анархіи. Въ виду измѣнчивости значенія этихъ словъ для каждаго, смотря по его характеру, нравственнымъ принципамъ и степени образованія, говорящій долженъ быть крайне остороженъ въ употребленіи ихъ: онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что его поймутъ именно такъ, какъ онъ желалъ *).—Многосмысліе и недоразумѣнія достигаютъ здѣсь апогея.

Вотъ почему такъ важно для политическаго дѣятеля и мыслителя знать языкъ и умѣть обращаться съ нимъ. Неосторожный языкъ—первый шагъ къ ошибкамъ въ мышленіи и въ поведеніи.

Сюда же относится и выраженіе „естественныя права“. Это понятіе возникаетъ также изъ оппозиціи „законнымъ правамъ“. Разъ законъ установилъ какое-либо право, оно становится не естественнымъ лишь, а законнымъ. Слѣдовательно, „естественныя права“ имѣютъ основой то или иное представленіе о нравственной нормѣ поведенія. Разумѣется, что у различныхъ лицъ оно будетъ различнымъ: у однихъ возвышенное у другихъ низменное. Многомысліе не сдерживается никакими границами. Одинъ можетъ думать, что, въ виду того обстоятельства, что онъ сверхъ-человѣкъ, онъ долженъ быть естественно поставленъ въ исключительныя условія; его естественное право—ничего не дѣлать, владѣть, повелѣвать. Другой будетъ считать, что его естественное право toujours prendre, jamais rendre et encore pre-

*) Никогда такъ много не работала гильотина, какъ въ пору, когда декламировались права человѣка на жизнь. Никогда не были переполненны такъ тюрьмы, не была такъ необезпечена собственность, не истреблялась она пожарами и пр., какъ въ періодъ апоѳеоза правъ свободы, обезпеченности, согласія, разума.

tendre..... Третій—что ему принадлежитъ естественное право „дураковъ учить".—Совсѣмъ иначе будутъ думать и поступать Спинозы и Сократы..

Мы не должны забывать, что нравственныя идеи отличаются крайнею индивидуальностью: каждый въ извѣстномъ смыслѣ носитъ съ собою свой кодексъ морали (Ср. L. Stephen, The science of ethics, 37.).

Такимъ образомъ „право", какъ коррелятъ „обязанности", можетъ имѣть: 1) юридическій и 2) нравственный смыслъ. Все зависитъ отъ того, какой именно имѣется въ виду критерій—юридическій, или нравственный. Критерій этотъ самимъ словомъ (право или обязанность) не указывается, и долженъ быть отыскиваемъ въ контекстѣ, или въ общемъ смыслѣ и обстоятельствахъ рѣчи. Возможны, конечно, при этомъ ошибки и недоразумѣнія.

Если критерій (the standart) есть законный критерій поведенія, обязанность будетъ законною обязанностью, а право—законнымъ (легальнымъ) правомъ. Если критерій есть нравственный критерій, обязанность будетъ нравственною обязанностью (долгомъ alias), а право —нравственнымъ (моральнымъ) правомъ. Всегда въ подобныхъ случаяхъ есть тотъ или иной критерій, съ которымъ сравнивается данный актъ поведенія. Иногда оба критерія (легальный и нравственный) совпадаютъ.—Нѣкоторыя положенія могутъ быть высказываемы какъ при помощи слова право, такъ и при помощи слова обязанность. Таковъ характеръ относительныхъ выраженій. Если Петръ—отецъ Ивану, то Иванъ—сынъ Петру. «Каждый обязанъ выполнять свои обязательства, не нарушать личной неприкосновенности и собственности другихъ» —можетъ быть выражено и такъ: „каждый имѣетъ право требовать исполненія по заключеннымъ съ нимъ обязательствамъ, а также право на неприкосновенность личности и собственности". Этимъ фактомъ объясняется, напр., отсутствіе слова „право" въ нѣкоторыхъ языкахъ (между прочимъ, какъ мнѣ сообщали, въ еврейскомъ Моисеевомъ законодательствѣ).

Когда мы говоримъ о поведеніи всѣхъ другихъ, кромѣ опредѣленнаго лица, или о поведеніи какого-нибудь класса или разряда лицъ за исключеніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ изъ этого класса, терминъ „обязанность" становится неудобнымъ, и мы должны обратиться къ иному способу выраженія. Слово „право" даетъ намъ желаемый символъ. (Ср. Monahan, The method of Law, 1878, стр. 55, 56). Выраженіе „такое-то лицо имѣетъ право" означаетъ, что на другихъ (или другомъ) лежитъ извѣстная обязанность, или что поведеніе другихъ, противорѣчащее такому праву, незаконно (или, если имѣется въ виду нравственный критерій дѣйствій,—ненравственно).

Слово „право“, употребляемое въ такомъ смыслѣ, является очевидно очень удобнымъ способомъ выраженія нашихъ мыслей, хотя вовсе и не единственнымъ. Есть языки, гдѣ это слово совершенно отсутствуетъ, и гдѣ, однако же, можно выражать тѣ же мысли, что выражаемъ мы съ помощью слова „право“. Это не такая необходимая часть языка. Это лишь une simple façon de parler. И современные законодатели часто обходятся безъ него, употребляя, напр., выраженія, являющіяся иногда полными его эквивалентами: *можно, дозволено*, kann, darf *); или—для выраженія идеи обязанности: I have to go, I have to be careful, j'ai à fendre une baguette.

Если дѣло идетъ о легальномъ правѣ, то мысль, которую мы выражаемъ при помощи слова „право“, можно выразить и при помощи того слова-понятія, съ которымъ подобное право неразрывно, хотя бы и скрыто, всегда связано. Какое право имѣетъ онъ? можетъ быть передано и такъ: гдѣ законъ, могущій оправдать его поступокъ?—Онъ имѣетъ право=есть законъ или правило, дающее ему возможность или свободу на совершеніе того-то.—Когда рѣчь идетъ о легальныхъ (юридическихъ alias) отношеніяхъ, иногда можно сказать, что поведеніе, имѣющее извѣстныя качества,—законно или незаконно, смотря по обстоятельствамъ. Этимъ мы совсѣмъ избѣгаемъ употребленія слова „право“ и связанныхъ иногда съ нимъ двусмысленностей. Если это возможно, всегда лучше употреблять простыя, прямыя и односмысленныя формы выраженія. Но иногда такой способъ выраженія неудобенъ, или затруднителенъ, и тогда выраженія со словами „право“ и „обязанность“ являются весьма полезными и легко понимаются.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что „право“, какъ коррелятъ обязанности, понимается обыкновенно всѣми очень хорошо, даже при недостаткѣ какого-либо авторитетнаго опредѣленія въ кодексахъ и отсутствіи такого опредѣленія въ литературѣ, которое можно было бы считать общепризнаннымъ. **) Упускается часто изъ виду лишь

*) Беру на удачу нѣсколько мѣстъ изъ германскаго гражданскаго уложенія. Ст. 354: so kann der andere Theil, вм. hat Recht; ст. 626: kann von jedem Theile gekündigt werden, вм. jeder Theil hat Recht....; ст. 1478: so kann der andere verlangen, вм. hat Recht... и т. д.

Вмѣсто того, чтобы сказать, что члены судебныхъ мѣстъ не имѣютъ права быть Кураторами, сказано (ст. 542 уст. судопр. торг.): членамъ судебныхъ мѣстъ.... быть Кураторами *не дозволяется*.—Вмѣсто того, чтобы сказать, что попечитель имѣетъ право въ извѣстныхъ случаяхъ приступить къ продажѣ вещей извѣстнымъ порядкомъ, сказано (ст. 522 уст. торг. судопр.): попечитель.... *можетъ* приступать къ продажѣ вещей....—Идея обязанности очень часто выражается изъявительнымъ наклоненіемъ: „судъ передаетъ“, вмѣсто „судъ долженъ передать“, и т. п.

**) „Трудно указать значеніе термина „право“ (разсматриваемаго, какъ абстрактное выраженіе, обнимающее *всѣ* права). Потому что „право“ (разсматриваемое такимъ образомъ) до такой степени крайне абстрактно—такъ крайне уда-

одно обстоятельство. „Право“ не имѣетъ ни значенія, ни употребленія внѣ явной или молчаливой (explicit'ной или implicit'ной) связи его съ тою или иною нормою поведенія (нравственной или юридической). Это понятіе относительное съ двухъ сторонъ: 1) оно относительно къ понятію обязанности, 2) оно относительно къ нормѣ поведенія (государственному закону, или нравственному императиву). Для того, чтобы понимать его значеніе, нужно связать его (implicite или explicite) съ чѣмъ-либо другимъ (на это указывалъ еще Іеремія Бентамъ въ An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, изд. 1843 г., гл. XXV, стр. 106, примѣчаніе). *)

Если норма поведенія указывается явно, или довольно явно подразумѣвается, смыслъ выраженія со словомъ „право“ намъ понятенъ. Если этого нѣтъ, мы не знаемъ, о чемъ собственно идетъ рѣчь: о правѣ ли легальномъ, или о какомъ-нибудь другомъ (весьма часто антилегальномъ, если оно не признается положительнымъ законодательствомъ: ср. J. Bentham, Oeuvres, I, 1840 г., стр. 47).

Это не значитъ, конечно, чтобы мы могли сказать, что „право“ имѣетъ два смысла — юридическій и нравственный. Этихъ смысловъ на дѣлѣ безконечное множество. Право не имѣетъ *одного* юридическаго смысла, если мы примемъ во вниманіе разнообразіе юридическихъ нормъ по отдѣльнымъ государствамъ и по различнымъ эпохамъ въ предѣлахъ одного и того же государства. Право не имѣетъ и *одного* нравственнаго смысла, если мы примемъ во вниманіе различіе нравственныхъ критеріевъ по соціальному положенію людей, по образованію, характеру, вѣрованіямъ и другимъ обстоятельствамъ.

Нужно припомнить и то, что говорилось раньше: отдѣльное, вполнѣ изолированное, слово мы не можемъ сдѣлать объектомъ на-

лено отъ частностей, обнимаемыхъ имъ — что значеніе его или роль сводится какъ бы къ тѣни и близко стоитъ къ границамъ потери значенія (Austin, Lectures on Jurisprudence, 1885, I, стр. 396): closely verges upon the confines of *no*-meaning. См. еще стр. 393 и сл., ibidem.

*) Ни право, ни власть или сила, по мнѣнію Бентама, не представляютъ собою реальностей. „A power is not a — any thing, neither is a right a — any thing: the case is, they have neither of them any superior genus: these, together with *duty*, *obligation*, and a multitude of others of the same stamp, being of the number of those fictitious entities, of which the import can by no other means be illustrated than by showing the relation which they bear to real ones.“ Ихъ значеніе можетъ быть иллюстрировано лишь указаніемъ отношенія, связывающаго ихъ съ реальностями (real entities), или, какъ мы бы сказали, съ понятіями, имѣющими болѣе самостоятельное значеніе. Слово „право“ играетъ такую же роль, какъ и слово „обязанность“. Право не есть явленіе (a—any thing.) — Власть или сила (power) разумѣется здѣсь въ качествѣ синонима „права“: напр., имѣть право что-нибудь сдѣлать=имѣть власть что-нибудь сдѣлать. Обязанность (obligation) и долгъ (duty) являются также синонимами, но иногда „долгъ“ (duty) употребляется лишь въ нравственномъ смыслѣ.

шей мысли. Отдѣльное слово — nonsens, оно всегда остается частью фразы, и мы поддаемся лишь иллюзіи, когда думаемъ, что способны мыслить и понимать отдѣльное слово. Мы всегда прибавляемъ отъ себя нѣчто, и тогда только понимаемъ его. Только слова-фразы обладаютъ самостоятельностью. Разумѣется, что не всѣ слова одинаково значущи (см., напр., о синкатегоремахъ въ Системѣ Логики Д. С. Милля, стр. 30 и сл.). То, что мы называемъ понятіями— суть собственно слова, какъ это хорошо разъяснено въ „Наукѣ о мысли" М. Мюллера, и мы мыслимъ словами въ фразахъ: cogitamus, sed verba cogitamus. Гдѣ нѣтъ *слова въ нашемъ смыслѣ*, тамъ нѣтъ и понятій въ нашемъ смыслѣ,—тамъ мышленіе течетъ инымъ путемъ. То, что мы называемъ понятіемъ является, слѣдовательно, словомъ (notio-nomen, *λόγος*); мышленіе при помощи понятій есть одна изъ формъ мышленія, свойственная не всѣмъ народамъ; и мы должны принимать во вниманіе то, что открываетъ намъ о словѣ-понятіи языковѣдѣніе. — Въ прежнее время, и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, мысль и слово (не въ смыслѣ, конечно, современнаго слова арійскаго языка) совпадали: слово было фразой. Теперь, для насъ, появился „разладъ между словомъ и мыслью" въ томъ смыслѣ, что слово перестало выражать собою мысль, сдѣлалось лишь фрагментомъ ея. — Отсюда понятны всѣ колебанія въ значеніи „права" въ связи съ контекстомъ, обстоятельствами рѣчи, и тѣми нормами поведенія, которыя, implicite или explicite, должны быть въ нашемъ умѣ, чтобы придать этому слову смыслъ.

Только въ одномъ случаѣ „право" имѣетъ или можетъ имѣть опредѣленный (по крайней мѣрѣ для значительнаго круга лицъ) смыслъ. Это именно тогда, когда мы имѣемъ въ виду дѣйствующее въ данное время и въ данномъ мѣстѣ законодательство. Въ этой связи мы употребляемъ слово „право" въ его собственномъ и наиболѣе важномъ для юриста значеніи. Право въ такой связи является созданіемъ закона, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Реальные законы sensu stricto порождаютъ реальныя права sensu stricto (J. Bentham, Oeuvres, 1840, I, стр. 46, 47, 525 и др. мѣста). Только такія права признаются и осуществляются судьей. Въ этомъ же признаніи и осуществленіи лежитъ единственный критерій права и по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ юристовъ (R. v. Ihering, Der Zweck im Recht, Bd. I, 1877, S. 318, 337; A. Lasson, System der Rechtsphilosophie, 1882, S. 27, 28 и др.).

Если бы юристы, говоря о правахъ, условились разумѣть ихъ лишь въ такой опредѣленной связи и значеніи, они, безъ сомнѣнія, пріобрѣли бы прочную почву для взаимнаго пониманія другъ друга. Какъ только мы уклоняемся отъ этого опредѣленнаго значенія „пра-

ва", мы попадаемъ въ безбрежное море личныхъ взглядовъ, интересовъ, идеальныхъ и неидеальныхъ стремленій. Смыслъ „права" дѣлается продуктомъ собственнаго изобрѣтенія каждаго.

Разумѣется, что исторія даетъ намъ примѣры такого положенія вещей, когда государство давило своими законами личность. И мы не можемъ подавить индивидуальныхъ стремленій, мы не можемъ помѣшать отдѣльнымъ лицамъ, или ихъ группамъ, выставлять противъ тѣхъ, кого они считаютъ угнетателями и даже губителями общества, свой собственный критерій свободы и справедливости, напоминать своимъ противникамъ, что, кромѣ критерія, созданнаго ихъ пониманіемъ, интересами и страстями, существуютъ еще и другіе. Но, мы не должны забывать одного: слово „право" въ подобныхъ случаяхъ пріобрѣтаетъ *совсѣмъ иной смыслъ*, чѣмъ въ указанномъ выше случаѣ. Подъ однимъ и тѣмъ же словомъ люди разумѣютъ часто исключающія другъ друга вещи. И единства въ пониманіи „права" въ такомъ его употребленіи никогда быть не можетъ. Люди какъ бы начинаютъ говорить на совершенно различныхъ языкахъ.

Наука требуетъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго языка. Языкъ темный, колеблющійся и измѣнчивый является всегда орудіемъ ошибокъ. „Языкъ истины однообразенъ и простъ: однѣ и тѣ же идеи, одни и тѣ же термины" (J. Bentham, Oeuvres, 1840 г., I, 48). Здѣсь наоборотъ: одни и тѣ же слова, и—совершенно различныя идеи.

Крайне опасно пользоваться словомъ, соединяя съ нимъ разныя значенія. „Преслѣдованіе счастья есть естественное *право*".—„Конечно, говоритъ І. Бентамъ (Oeuvres, 1840, I, 47), преслѣдованіе счастья есть естественная *склонность* человѣка. Но, можно ли сказать, что это право? Это зависитъ отъ способа преслѣдованія. Убійца преслѣдуетъ свое счастье убійствомъ. Имѣетъ ли онъ на это право? Если нѣтъ, зачѣмъ объявлять, что онъ его имѣетъ? И есть ли стремленіе въ этомъ объявленіи сдѣлать людей болѣе счастливыми и болѣе мудрыми?"

„Жизнь есть естественное право человѣка".—Но, можетъ ли человѣкъ, посланный защищать Ѳермопилы, уклониться отъ обязанности лечь здѣсь, „повинуясь законамъ страны", ссылкой на прирожденныя, неотчуждаемыя и ненарушимыя естественныя права свои? Хотя, разумѣется, никто не станетъ отвергать естественной склонности каждаго человѣка къ самосохраненію.

„Какъ субстантивъ, слово право (right) имѣетъ два смысла (J. Bentham, Oeuvres, 1840 г., I, 525): одинъ легальный и другой антилегальный. „Законъ даетъ мнѣ право располагать моимъ имуществомъ": вотъ смыслъ легальный и смыслъ единственный, который нужно было бы давать ему. Но, когда говорятъ: „законъ не можетъ идти про-

тивъ естественнаго права", слово „право" употребляется въ смыслѣ высшемъ по отношенію къ закону. Люди признаютъ „право", нападающее на законъ, ниспровергающее его и уничтожающее. Въ этомъ смыслѣ слово это является самымъ опаснымъ оружіемъ анархіи".

„Дѣйствительное право есть созданіе закона: дѣйствительные законы порождаютъ дѣйствительныя права. И этотъ видъ „права" есть другъ мира, всеобщій покровитель, единственная охрана рода человѣческаго."

„Право въ другомъ смыслѣ есть химерное порожденіе воображаемаго закона, мнимаго закона природы,—метафора, употребляемая поэтами, риторами и шарлатанами законодательства."

„Видя, что „дѣйствительное право" уважается, они придумали воспользоваться этимъ словомъ, весьма импонирующимъ, чтобы освятить всѣ свои фантазіи. Слово „право" сдѣлалось въ ихъ рукахъ своего рода талисманомъ. Они предположили естественный законъ, кодексъ постановленій котораго они знали наизусть, хотя онъ оставался неизвѣстнымъ всѣмъ другимъ, кромѣ нихъ. И эти мнимые истолкователи естественнаго закона поступали такъ, какъ Антоній, который предположилъ завѣщаніе Цезаря и каждый день отыскивалъ въ этомъ завѣщаніи всякое свое желаніе".

„Зачѣмъ людямъ понадобились „естественныя права?" Чтобы дать своимъ мнѣніямъ болѣе убѣдительную силу, чтобы сдѣлать ненавистными тѣхъ, которые оспариваютъ ихъ. Какъ! вы отвергаете послѣдствіе, истекающее изъ естественнаго права! Вы, слѣдовательно, нарушитель природы, врагъ рода человѣческаго. Эти права написаны въ сердцѣ каждаго человѣка Если они есть въ вашемъ, то, отвергая ихъ, вы говорите противъ вашей совѣсти, вы лжете сами передъ собою. Если ихъ тамъ нѣтъ, вы не человѣкъ, вы—чудовище подъ человѣческой формой."

„Откуда это стараніе провозгласить эти права какъ достовѣрныя, какъ непреходящія, какъ неотчуждаемыя?—Потому что ихъ нигдѣ не находили, ни въ какомъ законодательствѣ, даже въ самой маленькой республикѣ. Чѣмъ менѣе они существуютъ, тѣмъ болѣе дѣлается шуму, чтобы убѣдить, что они всегда существовали".

„Большинство людей такъ мало привыкло точно выражаться, что они едва ли поймутъ важность исправленія этихъ выраженій"...

„Вмѣсто того, чтобы сказать: слѣдуетъ по такимъ-то соображеніямъ установить такое-то право, они говорятъ, что такое-то право „существуетъ", что оно всегда существовало, и что все, что дѣлалось противъ этого права, должно считаться ничтожнымъ. Они всегда подставляютъ языкъ фикціи языку фактовъ, и утвержденіе—разсужденію".

Если бы права, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, „существовали“ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ существуютъ права, гарантируемыя законодательствомъ,—не о чемъ было бы и говорить. Кѣмъ-либо желаемое не должно быть смѣшиваемо съ дѣйствительно существующимъ.

„Языкъ здраваго разума, чистой истины, изучается съ трудомъ. Языкъ страстей самъ по себѣ соблазнителенъ и легокъ. Первый требуетъ суроваго вниманія къ самому себѣ, упорнаго сопротивленія увлекающему насъ подражательному теченію. Второй требуетъ лишь, чтобы мы уступили этому теченію и говорили такъ, какъ всѣ другіе“ (Іер. Бентамъ, Oeuvres, I, 525, 526).

Глава XIV.

Справедливость.

„Огонь жжетъ въ Элладѣ, какъ и въ Персіи; но идеи людей о справедливомъ и несправедливомъ мѣняются отъ одного мѣста къ другому". Аристотель, Eth. Nic. V, 7, § 2; Rattigan, op. c., 24.

„Что было прежде очень справедливымъ сдѣлалось нынѣ самою грубою и нестерпимою несправедливостью" (Ladd, Philosophy of conduct, 293).

Если на законодательство можно смотрѣть, какъ на одну изъ „формъ справедливости" (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*, по терминологіи Аристотеля), то что же такое справедливое само по себѣ или вообще (*τὸ ἁπλῶς δίκαιον*)?

Въ одной французской книжкѣ говорится (H. Dagan, Superstitions politiques et phénomènes sociaux, 1901, стр. 46): „Il n'y a pas de Justice... il y'a seulement *des justices*",—нѣтъ Справедливости... существуютъ лишь „справедливости", отдѣльныя ея формы или виды. Это (парадоксальное, если угодно, но остроумное) выраженіе заключаетъ въ себѣ не новую, правда, но глубокую истину (какъ увидимъ ниже). Ту же самую истину выражаетъ Ladd (Philosophy of conduct, 1902, 366) такъ: ... „здѣсь опять частное и конкретное, со всѣмъ его разнообразіемъ и тонкостью структуры, идетъ впереди; а абстрактное, формулированное, попытка на обобщеніе, долженствующая воплощать всѣ существенные элементы измѣнчивой дѣйствительности, есть позднѣйшій продуктъ рефлексіи. Какъ добродѣтели (virtues) предшествуютъ добродѣтели (virtue), такъ отдѣльные виды долга (duties) раньше долга вообще (duty); подобнымъ же образомъ множество индивидуальныхъ и сталкивающихся нравственныхъ предписаній стоятъ раньше идеи единства нравственнаго закона". Равнымъ образомъ и индивидуальныя представленія о справедливости предшествуютъ понятію справедливости вообще. Эта послѣдняя есть лишь попытка обобщенія.

Много говорилось по поводу этого слова въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, но знаемъ мы о немъ какъ разъ столько же, сколько и

древніе. Пока мы будемъ искать секрета слова въ анализѣ его буквъ, или мысли въ изолированномъ словѣ, т. е. тамъ, гдѣ она не выражается (такъ какъ единицею мысли, какъ указывалось выше, служитъ фраза, предложеніе, а не слово), мы, конечно, будемъ находить лишь буквы, и лишь слова *).

Только слишкомъ узкое и одностороннее пониманіе (или точнѣе, быть можетъ, только непониманіе) этого слова заставляетъ такъ часто юристовъ континентальныхъ вкладывать его въ то самое Recht, торое должно служить обозначеніемъ совокупности государственно-принудительныхъ нормъ. Важнѣйшимъ источникомъ путаницы, какъ

*) См. въ высшей степени интересныя страницы 644—645 у Зѣлинскаго („В. Вундтъ и психологія языка“ въ Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 62, 1902 г. II) о значеніи слова съ психологической точки зрѣнія вообще, и въ частности такихъ словъ какъ „справедливость“, гдѣ, вслѣдствіе различнаго вида подходящихъ подъ это понятіе дѣйствій представленіе слова получаетъ полное господство надъ представленіемъ самой вещи. Оно оказывается лучше всего затверженнымъ и, какъ слово, удерживается до самаго конца въ памяти даже лицъ, страдающихъ прогрессирующей амнесіей.—Въ этомъ господствѣ представленія слова, какъ звукового или зрительнаго образа, надъ представленіемъ самой вещи и лежитъ зародышъ метафизики въ дурномъ смыслѣ. Съ цѣлью болѣе глубокаго познанія, метафизикъ отворачивается отъ міра реальныхъ впечатлѣній, въ данномъ случаѣ отъ міра тѣхъ человѣческихъ дѣйствій, съ которыми связываемъ мы эпитеты „справедливый“ и „несправедливый“. Эти реальныя впечатлѣнія и конкретные факты представляютъ для него родъ осквернения *сущностей предметовъ* нашими органами чувствъ. По необходимости метафизикъ бросается въ міръ идей и понятій: больше броситься некуда. Но, на практикѣ мы не можемъ броситься въ этотъ міръ идей и понятій помимо міра рѣчи, міра словъ. Метафизикъ уходитъ въ міръ абстракцій „съ мыслью, что *наиболѣе идеальное*, или что то же, *наименѣе реальное*, по содержанію и есть самое *существенное*“ (Сѣченовъ, Психол. эт., 199). Вращаясь въ мірѣ абстракцій, онъ забываетъ, что „это дроби, т. е. условныя величины, и, ни мало не задумываясь, объ ективируетъ или обособляетъ ихъ въ *ущности*. Поступая такимъ образомъ, метафизикъ—это я говорю съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго преувеличенія—дѣлаетъ $^1/_2=1$, $^1/_{10}=1$, $^1/_{20}=1$ и т. д. (ibid).“ Понятія, т. е. слова, обращаются въ особыя реальности. Такъ поступалъ Платонъ, такъ поступали средневѣковые реалисты, пока ихъ не побѣдили номиналисты, перешедшіе въ концептуалистовъ; пока Лейбницъ не объявилъ, что для насъ, ограниченныхъ существъ, реальностью являются феномены (et phenomena sunt realia), а Кантъ подчеркнулъ недоступность нашему познанію нуменовъ. Еще раньше указывали, въ другихъ словахъ, на ту же идею англійскіе философы (Ср. Boirac, L'idée du phénomène, 4 и др. мѣс.).—Второстепенное и производное возводится здѣсь на степень главнаго и первичнаго, оттѣсняетъ основное и становится независимою реальностью: тотъ самый процессъ, который создалъ изъ „права“ „особое великое явленіе“, и о которомъ намъ еще разъ придется упомянуть въ главѣ „о старой и новой терминологіи“.—Чѣмъ конкретнѣе мышленіе, тѣмъ меньшую роль играютъ слова; чѣмъ оно абстрактнѣе, тѣмъ большую роль играютъ слова, и тѣмъ больше опасность принять ихъ за особыя реальности.

на это указываетъ и Лассонъ, является именно смѣшеніе das Recht и das Gerechte*). Это и заставляетъ насъ остановиться на анализѣ этого понятія-слова.

Такъ какъ отдѣльные „виды справедливости“ часто исключаютъ другъ друга, находятся въ самомъ непримиримомъ антагонизмѣ по содержанію, то, беря этотъ терминъ за исходный пунктъ (подъ фирмою слова Recht), мы рискуемъ вести безпощадный и безконечный споръ, не приходя ни къ какому результату. Эта опасная, непроизводительная растрата силъ и времени должна побудить насъ внимательнѣе отнестись къ этому слову-понятію.

Сдѣлать основнымъ понятіемъ юриспруденціи такой терминъ, который, завѣдомо или безъ вѣдома говорящаго, включаетъ въ себѣ (какъ Recht у большинства нѣмецкихъ юристовъ) то же, что и терминъ „справедливость“, значитъ напередъ лишить юриспруденцію той опредѣленности и устойчивости принциповъ, на которыя она имѣетъ право по характеру своего предмета.

Кто говоритъ о справедливости (прямо, или подъ терминомъ Recht), тотъ, строго говоря, говоритъ на такомъ языкѣ, котораго никто другой не можетъ ни понять, ни тѣмъ болѣе перевести при помощи какого бы то ни было словаря. Такъ индивидуальны выражаемыя при помощи этого слова идеи!

Юриспруденція лишается при такомъ условіи всей той объективности, которую должна имѣть она по объективному характеру своего предмета. Собственныя мечты мы станемъ подставлять изученію дѣйствительности. Съ невозмутимой серьёзностью начнемъ мы (какъ и дѣлали это въ исторіи юридической литературы больше всего нѣмцы) разсуждать о созданіяхъ собственнаго воображенія. Никто не станетъ заботиться о томъ, что существуетъ, потому что гораздо удобнѣе распространяться о собственныхъ своихъ желаніяхъ и рисовать въ мечтахъ красивыя картины общежитія, чѣмъ наблюдать и размышлять.

Нѣтъ сомнѣнія, что, говоря о справедливости, мы весьма часто понимаемъ другъ друга. Общія говорящему съ его собесѣдникомъ впечатлѣнія, предшествующій разговоръ, общая культура и одинаковость міросозерцанія, общность извѣстной ситуаціи, данныя контекста и другія обстоятельства, содѣйствуютъ ближайшему опредѣленію нашей мысли и вызываютъ взаимное пониманіе. Но, внимательнѣе и глубже проанализировавъ наши обоюдныя мысли, мы скорѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, откроемъ, что совпаденіе ихъ далеко неполное. Случайное значеніе слова „справедливость“ въ данномъ

*) См. Rechtsphilosophie, 1882, § 3, стр. 21—42, особенно же стр. 24—28.

его употребленіи не исключаетъ болѣе общаго его значенія, о которомъ собесѣдники будутъ не одинаковаго мнѣнія Скорѣе, чѣмъ когда-либо, окажется, что „никто не понимаетъ слова именно такъ, какъ другой... Пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, согласіе въ мысляхъ вмѣстѣ разногласіе“ (В. Гумбольтъ, Ueb. die Versch., 65-6. Ср. ib. 36; Потебня, Мысль и языкъ, 35, 36).

На эти существенныя различія въ пониманіи слова „справедливость“, къ сожалѣнію, и не обращаютъ достаточнаго вниманія юристы. Если, можетъ быть, правильна идея, что нѣтъ мысли безъ слова (понимая подъ нимъ всякое „выразительное движеніе“), и обратно *), то все же слово не является адэкватнымъ выраженіемъ мысли: слово выражаетъ меньше, чѣмъ оно обнимаетъ. Слово же „справедливость“ обнимаетъ слишкомъ много, чтобы можно было ожидать совпаденія въ его пониманіи различными людьми. Если слова вообще подвержены постоянному измѣненію ихъ значеній, а „нашъ умъ, если только мы заботливо станемъ наблюдать его, есть постоянная сцена самыхъ удивительныхъ преобразованій“ (M. Müller, The S. of T., 513), то это въ особенно сильной мѣрѣ слѣдуетъ сказать о словѣ „справедливость“. Его значеніе мѣняется для насъ самихъ.

Какъ всякое абстрактное слово (если это дѣйствительно слово, а не перенятый лишь звукъ), „справедливость“ представляетъ для всякаго индивида въ каждую минуту жизни результатъ всего его философскаго мышленія за прошлое время, а потому и должно мѣняться подъ вліяніемъ опыта.

*) „Нѣтъ разума безъ языка; нѣтъ языка безъ разума“ учитъ М. Мюллеръ. Та же мысль у Потебни (Мыс. и яз., 16...), и даже у не-языковѣдовъ: „Нашъ знаменитый физіологъ Сѣченовъ твердо установилъ тезисъ: нѣтъ мысли безъ выраженія ея. Рише формулируетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ: гдѣ нѣтъ движенія, тамъ нѣтъ и интеллекта“ (Зыковъ, „Чѣмъ управляются люди“, 47). Нѣсколько иного взгляда держится Ѳ. Батюшковъ въ своей статьѣ: „Въ борьбѣ со словомъ“ въ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1900 г., февральская кн. „Въ общемъ, говоритъ онъ (227), мы не видимъ опасности въ сознаніи раздѣльности формы и содержанія, ни даже—мысли и языка, ибо и по существу это понятія не тождественныя, и ошибочно ихъ смѣшивать. Предосудителенъ лишь перевѣсъ, который можетъ быть данъ тому или другому въ ущербъ ихъ желательной гармоніи“... Мнѣ кажется, однако, что возраженія Батюшкова направлены не столько противъ того факта, что мысль всегда связана съ тѣмъ или инымъ выраженіемъ сколько въ защиту того положенія, что разные люди вкладываютъ въ одни и тѣ же слова, въ одну и ту же рѣчь, разное содержаніе, и что трудно заставить другихъ связывать со сказаннымъ нами какъ разъ то, что связывали съ нимъ мы. Иначе говоря, взаимное пониманіе людей если не иллюзія, то въ высокой мѣрѣ относительно. Абсолютное пониманіе между людьми невозможно. „Другому какъ понять тебя?“ (Тютчевъ). Съ этой невозможностью нужно помириться. Она не лишаетъ насъ вѣры въ возможное относительное пониманіе, основанное на общности нашей духовной организаціи.

Разумѣется, что, когда я говорю о „значеніи“ слова справедливость, я разумѣю его полное значеніе, т. е. не только то, что оно означаетъ, но и то, что оно соозначаетъ, включаетъ или подразумѣваетъ (includes, suggests or implies,—connotes) (см. Fowler, Logic, I, 22, 19—23). Если мы будемъ имѣть въ виду „значеніе“ въ узкомъ смыслѣ,—означеніе безъ соозначенія, то слово это (справедливость, хотя бы подъ формою Recht) и не можетъ быть сдѣлано предметомъ особой науки, ея основой, такъ какъ оно лишено, какъ увидимъ дальше, матеріальнаго значенія само по себѣ, а выражаетъ лишь отношеніе къ чему-то другому (нормѣ или „закону“: la loi est la source de la justice). Слово, какъ результатъ анализа предложенія (Зѣлинскій, ор. с., 642 и сл.), всегда связано множествомъ ассоціацій съ понятіями, съ которыми оно было связано въ предложеніяхъ, изъ которыхъ оно выдѣлилось; эти пополняющія ассоціаціи и придаютъ ему то значеніе, котораго не имѣетъ оно само по себѣ (въ своей „семемѣ“).

Какъ слово чрезвычайно абстрактное, „справедливость“ породила цѣлую миѳологію. Люди окружены кумирами (изъ словъ)—религіозными, философскими, политическими, свѣтскими. И передъ Справедливостью, о которой многіе говорятъ искренно съ воодушевленіемъ, жестами и взорами тѣхъ, кто произноситъ имя Бога, склоняютъ свое чело даже атеисты. Отрицать ея существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ ее себѣ такіе люди, не безопасно. Горе тому, кто показываетъ имъ дѣйствительность: правовѣрный не болѣе будетъ раздраженъ обидою Богу Магомета, чѣмъ атеистъ оскорбленіемъ его идеи Справедливости (подъ формою иногда Recht).— Не будучи въ состояніи опредѣлить ее, не только идеалисты и спиритуалисты, но и отважные борцы позитивизма, детерминизма, матеріализма, эмпиризма и многихъ другихъ „измовъ“, говорятъ о Справедливости („Recht“) какъ о живой личности, о божествѣ. Такъ крѣпки миѳологическія наклонности мысли даже у тѣхъ, кто отвергаетъ всякія „суевѣрія“ и хочетъ видѣть въ мірѣ лишь „голую дѣйствительность!“

Этимъ вовсе, конечно, не отрицается огромное общественное и государственное значеніе представленій о справедливости, въ миѳологической или не-миѳологической формѣ. И миѳы представляютъ величайшую силу! Миѳологическій періодъ не есть пройденная ступень развитія, какъ училъ Ог. Контъ, а живая дѣйствительность. И еще вопросъ: кто больше поддерживаетъ ее—контисты или другіе? Исчезли Минервы и Юноны, выросли Справедливость, Свобода, Отечество, Революція, Государство, Природа, Развитіе, Правительство, „Право“ (Recht)... En réalité ce sont des mannequins habillés de leurs propres pensées (H. Dagan, op. c., VIII).

Слово справедливость—слово чрезвычайно абстрактное и отно сительное. Въ силу перваго его качества оно смутно понимается публикой, въ силу второго—значенія его... безконечны, такъ какъ fundamentum'омъ relationis является понятіе неустойчивое до безпредѣльности.

Лучшимъ средствомъ избѣжать темноты и ошибокъ является замѣна абстрактныхъ выраженій конкретными. Еще Baley говорилъ въ Letters on the Mind (v. 2, p. 159): „Если бы изучающій философію всегда, или по крайней мѣрѣ въ важныхъ случаяхъ, принялъ за правило обращать абстрактный языкъ (справедливость, въ данномъ случаѣ), въ которомъ такъ часто излагается она, въ конкретную форму (справедливое—конкретное аттрибутное слово), онъ нашелъ бы въ этомъ могущественное средство разбираться среди темноты и путаницы метафизическихъ спекуляцій. Онъ ясно увидѣлъ бы тогда характеръ той огромной массы пустыхъ мѣстъ (immense mass of-nothings), которыя слывутъ за философію“ *).

„Ни въ одномъ изъ языковъ, исторію которыхъ мы можемъ изучать, нѣтъ абстрактнаго слова, которое (Darmesteter, La vie des mots, 85), если извѣстна его этимологія, не сводилось бы къ слову конкретному. И, *a priori,* очевидно, что иначе и быть не можетъ. Когда люди создали языкъ, они по необходимости связывали со спеціальными звуками образы матеріальныхъ объектовъ; иначе имъ нельзя было бы обмѣниваться между собою идеями. Какой общій посредникъ, который позволилъ бы дѣлать подобный обмѣнъ, былъ у нихъ, кромѣ міра матеріальнаго, внѣшняго для ихъ духа, осязаемаго, и который они могли бы показать себѣ пальцемъ? Эти конкретныя слова, эти образы чувственныхъ предметовъ, сдѣлались постепенно знаками идей менѣе конкретныхъ: они освободились отъ того, что было у нихъ грубаго, чтобы напоминать (rappeler) уму лишь абстрактное понятіе, которое они скрывали въ самихъ себѣ (au fond d'eux-mêmes). Попробуйте накопить на протяженіи вѣковъ эту работу мысли и рѣчи, одухотворяющихъ мало-по-малу свои образы и анализирующихъ болѣе утонченнымъ образомъ мысль и чувство, и вы поймете ту легкость, которую пріобрѣли языки для выраженія абстракцій. Но, ниже этого огромнаго зданія абстрактной мысли вдумчивое наблюденіе легко опознаетъ чувственныя основы матеріальныхъ образовъ“.

---

*) „Nous ne pouvons (et ne devons) penser seulement par la forme abstraite; il faut prendre pied, en qulque sorte, sur terre, c'est-à-dire faire intervenir ces données sensibles, ne fût-ce que sous la forme du langage“, который всегда абстрактенъ (Brochar, De l'erreur, 193; M. Müller, Sc. of Thought, 458), въ большей или меньшей мѣрѣ.

Половина путаницы, существующей въ умахъ людей, обязана въ дѣйствительности своимъ происхожденіемъ употребленію символовъ (Sidgwick, Fallacies, 96; Keynes, *Mind*, No. XV, p. 366). Къ такимъ символамъ принадлежатъ и общія имена (general names). Употребленіе ихъ вызывается иногда дѣйствительною нуждою въ краткомъ выраженіи. Но, иногда это не необходимо, и переводъ этихъ выраженій на полный конкретный языкъ избавляетъ насъ отъ ошибокъ. Абстрактный или символическій языкъ имѣетъ въ основаніи иногда лишь ненужный педантизмъ (wanton pedantry). Такъ, напр., изъ предложенія „всѣ А суть Б", многіе готовы вывести, что и обратно „всѣ Б суть А", но какъ только мы прибѣгнемъ къ конкретному языку, такъ мы и замѣтимъ сейчасъ ошибочность этой склонности. Если „всѣ люди—животныя", то каждому ясно, что изъ этого не слѣдуетъ, будто „всѣ животныя—люди" *).

Извѣстною школою философовъ, имѣвшей первоучителемъ своимъ Платона, утверждалось, что существуетъ въ мірѣ бытія или дѣйствительности Кругъ вообще, или круговая Форма безъ субстанціи, величины или цвѣта; что подобнымъ же образомъ существуютъ первообразныя Формы Человѣка, Справедливаго, Добраго, Краснваго **) и т. д. Послѣ жестокихъ споровъ, господствовавшихъ въ схоластическій періодъ, этотъ взглядъ былъ оставленъ. Однако, старинная ошибка реализма, предполагавшаго реальное существованіе абстракцій, не вымерла и до сихъ поръ.

„То, чего требовала діалектическая философія, и теперь еще не можетъ считаться вполнѣ усвоеннымъ въ наукѣ: тамъ и сямъ попрежнему встрѣчаются слѣды застарѣлой привычки мысли принимать абстракціи за дѣйствительность".... (Новгородцевъ, Ученіе о правѣ и государствѣ Канта и Гегеля, 202). „Злоупотребленіе абстракціями, злоупотребленіе метафорами, такова была и такова теперь еще опасность въ нашихъ изслѣдованіяхъ.... никогда не нужно переставать протестовать противъ терминологіи, которая, между другими неудоб-

---

*) Люди начинающіе въ логикѣ и наукѣ особенно способны быть рабами этой наклонности. De Morgan замѣчаетъ (и Джевонсъ подкрѣпляетъ это замѣчаніе), что средній начинающій человѣкъ, спрошенный, что слѣдуетъ изъ положенія „всякое А есть В", неизмѣнно и быстро отвѣчаетъ: „конечно: всякое В есть А" (Sidgwick, Fallacies, 92). Абстракція и нужна, и опасна.

**) Вотъ образецъ разсужденій Платона: „Красивое (прекрасное)— вѣчно, не возникло и не преходяще, оно не растетъ и не исчезаетъ, нельзя сказать, что оно красиво въ одномъ и безобразно въ другомъ отношеніи, такъ что одному оно кажется такимъ, а другому инымъ. Оно не можетъ быть также предметомъ чувственнаго воспріятія, подобно лицу или рукѣ; оно не существуетъ въ чемъ-либо другомъ, а самостоятельно, само по себѣ".

ствами, имѣетъ погрѣшность избавлять насъ отъ поисковъ настоящихъ причинъ (les causes véritables)“ *).

Справедливость, Истина, Добро, Красота, Природа, и даже Право... все еще разсматриваются какъ какія-то самостоятельныя, независимыя реальныя силы. Съ самаго начала люди „обособляютъ свойства въ реальности и противопоставляютъ ихъ предметамъ безъ свойствъ, т. е. абсурдамъ, опять какъ реальностямъ“ (Сѣченовъ, „Психол. эт.“, 203).

Въ дѣйствительности „абстрактныя слова, хотя они и встрѣчаются во всѣхъ языкахъ (Bain, Logic, v. I, p. 52), вовсе не составляютъ абсолютной необходимости для обыкновенной рѣчи; ни даже для науки. Передаваемое значеніе всегда можетъ быть выражено, хотя не такъ кратко, при помощи общихъ или классовыхъ названій.... Такъ „справедливость“ выражаетъ то же самое значеніе, какъ и „справедливыя дѣйствія“. Единственно существующій фактъ, соотвѣтствующій слову, есть классъ „справедливыя дѣйствія“. Нѣтъ такой вещи въ мірѣ, какъ справедливость сама по себѣ. Мы не можемъ указать на невоплощенную ни въ чемъ справедливость. Терминъ обозначаетъ „справедливыя дѣйствія“ съ особенной силой или удареніемъ на чертахъ сходства; „справедливыя дѣйствія, какъ справедливыя, или разсматриваемыя только какъ справедливыя“. Предложеніе „*Справедливость* требуетъ *уваженія*“ все равно, что предложеніе „справедливыя лица суть уважаемыя лица“, съ болѣе сильнымъ указаніемъ, чѣмъ, повидимому, даютъ его общія (не абстрактныя, а „the class names“) слова, что причинное отношеніе связано лишь съ чертами общими „справедливымъ лицамъ“ и „уважаемымъ лицамъ“. „Справедливыя лица, какъ справедливыя, суть уважаемыя лица, какъ уважаемыя“ **).

Итакъ, оставляя въ сторонѣ олицетвореніе справедливости, мы постараемся быть конкретными и говорить о справедливомъ и несправедливомъ ***). Но, что мы называемъ справедливымъ?

---

*) M. Bréal, Essai de Sémantique, з. Fritz Mauthner, Beiträge...II, стр. VI.

**) „Красота даетъ удовольствіе“ равносильно предложенію „красивыя вещи (какъ красивыя) суть пріятныя вещи (какъ пріятныя)“. Нѣтъ „красоты“ въ отвлеченности, дающей „удовольствіе“ въ отвлеченности; подобное предположеніе есть старая ошибка реализма, не совсѣмъ еще вымершаго (ibidem).

Подобнымъ же образомъ „Истина“ въ отвлеченности есть фикція (Bain, Logic, v. II, p. 389); въ дѣйствительности существуетъ извѣстное число „истинныхъ предложеній“. „Случай“ все еще продолжаетъ жить въ умахъ людей какъ независимая сила (an independent existence), вмѣсто того чтобы быть утвержденіемъ тожества между нѣкоторыми конкретными положеніями“.

То же самое и съ „правомъ“.

***) Абстрактный терминъ есть тотъ же аттрибутивный терминъ; отличается онъ отъ него лишь тѣмъ, что мы можемъ употреблять его безъ отношенія къ индивидамъ (или индивидуальнымъ вещамъ), о которыхъ указываемый имъ ат-

Еще Аристотель *), а потомъ Локкъ (Hum. Und., кн. II, гл. 28, о нравственныхъ отношеніяхъ) намекалъ на относительность этого слова, и на то, что значеніе его опредѣляется тѣмъ правиломъ или закономъ (*νόμος*), который мы примемъ за критерій или мѣру поступковъ (См. Austin, стр. 276, т. I).

Соціальная цѣнность поступковъ опредѣляется, различными людьми и въ различныхъ случаяхъ, различно. То этимъ критеріемъ будутъ велѣнія божества (христіанскаго, магометанскаго или иного), то человѣческій законъ той или иной страны, то представленіе о хорошемъ и дурномъ, гибельномъ и полезномъ, и соотвѣтствующія чувства, выработавшіяся въ томъ или иномъ обществѣ, классѣ, профессіи (короче: нравственныя понятія, *νόμοι ἄγραπτοι*, lex in cordibus scripta).

Публика, говорящая, но плохо понимающая роль и отношеніе языка къ мышленію, возводитъ обыкновенно справедливость въ какое-то *особое существо*, играющее роль законодателя, предписывающаго правила справедливаго и несправедливаго. Но, это лишь *фигура рѣчи*. Говорить подобнымъ языкомъ значитъ faire de la pure mythologie, выражаясь словами М. Мюллера (La science du langage, 48 **).

трибутъ или группа аттрибутовъ можетъ быть „сказываема“ (is predicable). Fowler, Logic, 14. Есть и были языки (напр., если память мнѣ не измѣняетъ, коптскій), гдѣ и словъ въ родѣ нашихъ Справедливость, Добро, Зло, нѣтъ. Вмѣсто нихъ говорятъ: „то, что справедливо“, „то, что хорошо“, „то, что дурно“.

*) Aristot., Eth. Nic., V, 1, 8: *Εἰλήφθω δὴ ὁ ἄδικος ποσαχῶς λέγεται. Δοκεῖ δὲ ὅ τε παράνομος ἄδικος εἶναι καὶ ὁ πλεονέκτης καὶ ὁ ἄνισος, ὥστε δῆλον ὅτι καὶ ὁ δίκαιος ἔσται ὅ τε νόμιμος καὶ ὁ ἴσος. Τὸ μὲν δίκαιον ἄρα τὸ νόμιμον καὶ τὸ ἴσον, τὸ δ'ἄδικον τὸ παράνομον καὶ τὸ ἄνισον.* Въ переводѣ на латинскій (Editoribus Firmin-Didot et Sociis, 1883). Hoc igitur sumptum esto, quot modis homo injustus dicatur. . Videtur vero homo injustus esse et is qui contra ledem agit, et is qui sibi plus vindicat quom par sit, et qui inaequalis est. Ex quo perspicuum est, justum quoque futurum et eum qui legibus pareat, et eum qui aequus, et qui aequalis sit. Jus igitur erit tum id quad legitimum appellant, tum id quod aequum est: et contra, injustum tum id quod contra legem committitur, tum id quod iniquum est. Нужно обратить вниманіе на то, въ сколь различныхъ смыслахъ человѣкъ называется несправедливымъ Несправедливъ и тотъ, кто нарушаетъ законъ, и тотъ, кто слишкомъ много требуетъ, и кто неодинаково относится къ другимъ. Такъ что справедливымъ будетъ тотъ, кто повинуется закону, и тотъ, кто соблюдаетъ нравственное требованіе равенства. Справедливо и то, что законно, и то, что согласно съ нравственнымъ требованіемъ равенства; и, наоборотъ, несправедливо будетъ то, что незаконно, и то, что не удовлетворяетъ нравственному требованію равенства.

**) „But justice is commonly erected into an entity, and spoken of as a legislator, in which character it is supposed to prescribe the law, conformity to which et should denote. The veriest dolt who is placed in a jury box, the merest old woman jwho happens to be raised to the bench, will talk finely of equity or justice—the ustice of the case, the equity of the case, the imperious demands of justice, the plain dictates of equity. He fosgets that he is there to enforce *the law of the land*, else

—Оставляя въ сторонѣ техническія*) правила, мы не имѣемъ для оцѣнки дѣйствій нашихъ никакихъ иныхъ законовъ, кромѣ указанныхъ прежде, и никакого иного законодателя, кромѣ божества, государственной власти и приватныхъ сужденій,—то болѣе, то менѣе раздѣляемыхъ публикой, и обозначаемыхъ совокупно выраженіемъ „нравственныя понятія“ **), мораль.

Не будучи сама законодателемъ справедливость или „справедливое“ можетъ означать лишь согласіе или несогласіе съ какимъ-ни будь критеріемъ дѣйствій (Austin, стр. 218). Справедливо то, что согласно съ извѣстнымъ критеріемъ, несправедливо то, что съ нимъ не согласно. Но, сведя къ тремъ группамъ, по примѣру Локка, критеріи поступковъ (законы божественные, законы страны и „законы“ морали), мы не должны изъ-за этой несложной классификаціи упускать изъ виду безконечное разнообразіе ихъ въ дѣйствительности. Религій много, отсюда различіе въ пониманіи божественныхъ велѣній. Государствъ много, отсюда различіе легальныхъ критеріевъ. Наконецъ, то, что мы называемъ нравственными понятіями, отличается еще большею неустойчивостью и разнообразіемъ. Каждый носитъ съ собою собственный кодексъ морали.

Прежде всего существуетъ разница между идеальною и дѣйствительною моралью. Это безспорный фактъ. Онъ косвенно признается всѣми. Одни, напр., ждутъ царства Справедливости, или „подготовляютъ его пришествіе“. Ergo, они признаютъ implicite, что справедливости нѣтъ. И это вѣрно, если имѣть въ виду идеальную мораль (и справедливость).—Но, есть и другіе: они защищаютъ справедливость, содѣйствуютъ и покровительствуютъ ей, чтутъ ее до пожертвованія ей всѣмъ (имуществомъ, почестями, дружбой, безопасностью, и даже жизнью). Ergo, есть справедливость: она осуществлена въ существующихъ законахъ и учрежденіяхъ, хотя бы другіе отрицали ее, смѣялись надъ нею и нарушали, или стремились ниспровергнуть ее. Въ томъ, что установлено и существуетъ уже реализована справедливость, по мнѣнію многихъ. Хотя едва ли най-

---

he does not administer that justice or that equity with which alone he is immediately concerned“ (Austin, Lectures on jurisprudence, 1885, стр. 218).

*) Понимая это слово въ самомъ широкомъ значеніи, сообразно его этимологическому происхожденію—*τέχνη*; между прочимъ сюда подойдутъ правила вкуса, грамматики, игры...

**) Опять таки въ самомъ широкомъ значеніи слова, какъ у грековъ *ἔθος* (этика); сюда подойдутъ поэтому и приличія, этикетъ, обрядности, мода... вообще, нравы, Sitten, mores. Для особыхъ „правовыхъ нормъ“ нѣтъ мѣста, если мы не согласимся считать ихъ за другое названіе для нормъ законныхъ, иначе „государственно-принудительныхъ“, или просто—государственныхъ законовъ, laws. —Религія, государство, мораль—вотъ три авторитета общественной жизни.

дется кто, который бы рѣшился утверждать, что существующее вполнѣ и во всемъ соотвѣтствуетъ справедливости.

Это двусмыслiе и даже многосмыслiе слова „справедливость“ служитъ источникомъ большихъ недоразумѣнiй. „Что, согласно всякой теорiи, существуетъ большая разница между дѣйствительной и идеальной моралью, я считаю это общепризнаннымъ фактомъ (Leslie Stephen, The science of ethics, 1882, 37). Въ каждомъ данномъ обществѣ существуетъ, по общему правилу, нѣсколько нравственныхъ критерiевъ (standards): тотъ, которому учатъ въ церквахъ; тотъ—не всегда съ первымъ тождественный—который на дѣлѣ опредѣляетъ наше одобренiе или неодобренiе; тотъ, который циркулируетъ въ наиболѣе образованныхъ, и тотъ, котораго держатся въ наиболѣе некультурныхъ (barbarous) классахъ; тотъ, который одобренъ передовыми мыслителями, и тотъ, который особенно угоденъ рѣшительнымъ консерваторамъ, и т. д. Существованiе этой разницы признается всѣми. Моралистъ-утилитарiанецъ считаетъ нравственнымъ то, что содѣйствуетъ счастью, но допускаетъ, что средній разсчетъ счастья—часто очень невѣренъ. Его противникъ полагаетъ, что нравственные принципы должны быть выводимы изъ чистаго разума, но думаетъ, что большинство людей очень мало годно для чистаго мышленiя. Онъ можетъ аппелировать къ голосу совѣсти, но не утверждаетъ, чтобы голоса этого нельзя было ложно истолковать. Разница признается повсюду, но обычный способъ признанiя ведетъ къ большой путаницѣ. Каждый человѣкъ думаетъ, что его собственная мораль есть правильная мораль, и что обычный критерiй (standard) избранъ по ошибкѣ или—безнравственъ, поскольку онъ отклоняется отъ него. Онъ не говоритъ, что ваша мораль ошибочна, но вовсе отрицаетъ за нею качество морали. Я не возражаю въ данную минуту противъ подобныхъ выраженiй, но они могутъ вести къ недоразумѣнiямъ. Такъ, напр., одинъ моралистъ утверждаетъ, что кодексъ морали измѣняется, тогда какъ другой говоритъ, что онъ фиксированъ. И, однако, они могутъ обозначать и часто обозначаютъ одно и то же, такъ какъ оба они могутъ допускать, что дѣйствующiй кодексъ мѣняется, и оба могутъ соглашаться, что, если бы люди лучше разсуждали и лучше умѣли высчитывать счастье, кодексъ былъ бы фиксированъ: измѣнчивость утверждается о дѣйствительномъ, устойчивость или неподвижность (fixity) объ идеальномъ кодексѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, что должно было бы быть нравственнымъ (если мнѣ дозволятъ такое выраженiе) часто смѣшивается съ вопросомъ о томъ, что дѣйствительно нравственно“.

Ту же судьбу раздѣляетъ и интересующее насъ нравственное понятiе—„справедливость“. Il n'y a pas de Justice, il y a seulement des

justices. То, что считаю справедливымъ я или читатель, есть только одна изъ формъ справедливости въ этомъ смыслѣ. Она можетъ совпадать или не совпадать съ тѣмъ, что признаетъ справедливымъ то или иное государство (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*), та или иная церковь, тотъ или иной классъ общества. Греческій демосъ возстаетъ противъ „справедливости", созданной законами эвпатридовъ, низвергаетъ ее и создаетъ собственную справедливость; римскій plebs нарушаетъ законы патриціевъ и выдвигаетъ собственную справедливость; чтобы освободить себя, средневѣковая коммуна низвергаетъ законъ и справедливость сеньёровъ; чтобы эмансипироваться, третье сословіе во Франціи низвергаетъ монархическій законъ и не останавливается передъ казнью короля, и т. д. (См. H. Dagan, op. c., 34, 35). Установленная законами государства, царствующая въ данную минуту Справедливость, всегда борется съ лучшею справедливостью индивидуальныхъ и общественныхъ идеаловъ.

Отсюда понятно, какъ много неопредѣленнаго и личнаго вносимъ мы въ юриспруденцію, избирая, подобно нѣмецкому Recht, терминъ, обнимающій собою понятіе справедливости! А, вѣдь, научнымъ знаніемъ и называемъ мы „ту часть знанія, которая отличается опредѣленностью и способна къ точному выраженію"... (Ср. L. Stephen, op. c., 7, 8).

У Брактона (юриста XIII ст.) мы находимъ (De legibus Angliae, кн. I, гл. IV, стр. 13) понятіе о справедливости (justitia, justice), какъ о Dei dispositio. Творецъ,—единственный обладатель мудрости, которая все обнимаетъ и все взвѣшиваетъ, знаетъ начало и конецъ всего сущаго, назначеніе и цѣль человѣка, обществъ и всего міроздапія,—способенъ одинъ устанавливать такія нормы, согласіе съ которыми можетъ претендовать на безусловную и неоспоримую реализацію справедливости. Это такое пониманіе, съ которымъ долженъ согласиться и агностикъ. Есть глубокій смыслъ въ немъ для каждаго. Знать высшій законъ, согласіе съ которымъ будетъ безспорнымъ *„τὸ δίκαιον"* можетъ лишь тотъ, кто претендуетъ на божественное всевѣдѣніе. Для насъ—смертныхъ и ограниченныхъ существъ—это недостижимая вещь. Для насъ—„il n'y a de Justice, il y a seulement des justices. Поэтому и попытки найти опредѣленіе справедливости, которое могло бы быть принято всѣми, не дали никакихъ результатовъ. Этимъ мы, конечно, не противопоставляемъ себя этимъ попыткамъ: счастье изслѣдователя въ исканіи, а не въ обладаніи истиной. Платонъ говорилъ, что онъ не знаетъ, что такое справедливость. То же самое implicite заключается и въ ученіи Сократа о природѣ зла и добра. Знать, что такое добро и зло, значитъ обладать даромъ предвидѣнія, творчества; „добро и зло въ нашихъ поступкахъ опредѣляется хоро-

шими или дурными, какъ чувственными, такъ и сверх-чувственными послѣдствіями; будущность и долгъ составляютъ два коррелята; знать будущее значитъ знать добро (и обратно); кто имѣетъ полный теоретическій разумъ, какъ боги и съ ихъ помощью, имѣетъ весь практическій разумъ... Но, будущее мало доступно человѣческому предвидѣнію, особенно отдаленное будущее: судьба человѣчества и мірозданія" (Ср. Egger, La parole intérieure, стр. 156). Предвидѣніе, prescience, есть основа справедливости. Только Высочайшая Мудрость Творца можетъ установить ее. Внѣ этого, намъ остаются лишь догадки. Что такое, напр., „гармонія" въ государствѣ или человѣкѣ, какъ опредѣленіе справедливости греческихъ философовъ? Что такое „равенство свободы", какъ опредѣленіе справедливости по Спенсеру. Все это—вещи, предполагающія недостающее человѣку всевѣдѣніе. „У меня нѣтъ теоріи электричества", говорилъ Тиндаль, „какъ я могу дать теорію мірозданія?!"

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этого является крайнее разнообразіе значеній, связываемыхъ со словами справедливый, несправедливый, справедливость и несправедливость.

Измѣряемый различными мѣрами, одинъ и тотъ же поступокъ можетъ быть названъ и справедливымъ и несправедливымъ. Другими словами, извѣстное дѣйствіе будетъ справедливымъ, какъ согласное съ извѣстнымъ закономъ; но то же дѣйствіе и законъ, съ которымъ согласуется оно, будутъ несправедливы по сравненію съ другимъ правиломъ. Если, напр., положительный законъ сталкивается съ нашими нравственными понятіями,—то, что справедливо, какъ измѣряемое первымъ, будетъ несправедливымъ, какъ измѣряемое послѣдними. Или—гдѣ государственный законъ или установившіяся нравственныя понятія не согласны съ предписаніями божества,—то, что справедливо съ точки зрѣнія первыхъ, несправедливо съ послѣдней точки зрѣнія.

Законодательство каждой страны есть отраженіе установившихся въ данное время отношеній между различными общественными группами. Эти отношенія различны, но всѣ они похожи на тѣ, которыя съ незапамятныхъ временъ устанавливались между побѣдителями и побѣжденными, владѣющими и невладѣющими, сильными и несчастными. И если государственные законы являются источникомъ оффиціальной справедливости (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*), это еще не значитъ, чтобы такая справедливость совпадала съ тѣми представленіями о ней, которыми живетъ каждый изъ насъ. Если Паскаль иронически сказалъ, что справедливость есть то, что установлено (la justice est ce qui est établi), то не нужно забывать, что есть справедливость и другихъ видовъ. Чаще всего, или—по преимуществу, она означаетъ для насъ согласіе съ *послѣднею мѣрою* или критеріемъ че-

ловѣческихъ поступковъ, т. е. для вѣрующаго—согласіе съ волей или велѣніями Высшаго Существа *), для невѣрующаго—согласіе съ болѣе или менѣе колеблющимися индивидуальными нравственными представленіями „человѣческой“ этики, lex in cordibus scripta (при чемъ, конечно, не одно и то же написано въ сердцѣ у сильнаго и слабаго, у сытаго и голоднаго, у папуаса и турка, у Сократа и Лукулла). Разумѣется, что нѣкоторая общность не исключена этими индивидуальными особенностями.—Таково *обычное* (что, конечно, не значитъ еще опредѣленное) значеніе слова справедливость, когда она противополагается закону (Ср. Ladd, op. c., 294).—Чтобы осуществить въ жизни собственное свое представленіе о справедливомъ, индивидъ долженъ заинтересовать въ немъ всѣхъ другихъ,—вложить въ это представленіе такое содержаніе, которое дѣлало бы его равнозначущимъ согласію съ общимъ благомъ. Но, что такое—общее благо? Объ этомъ каждый думаетъ также по своему.

Въ концѣ концовъ мы видимъ, что слово „справедливость“ говоритъ намъ съ одной стороны слишкомъ много, а съ другой—слишкомъ мало. Оно апеллируетъ къ нашему чувству, а не къ нашему уму. Оно сообщаетъ намъ столь же много, какъ и, напр., стонъ, крикъ боли, вздохъ. Оно даетъ намъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ самая длинная рѣчь. Какъ нечленораздѣльные звуки—въ родѣ крика, какъ улыбка, смѣхъ, интонація голоса и движеніе мускуловъ лица,—такъ и слово „справедливость“ является способомъ передачи нашихъ чувствъ. „Справедливость“ является не столько sense-word (Tylor, Primitive Cultur, т. I, стр. 177, изд. 1891 г.), сколько отраженіемъ чувства боли или радости, одобренія или неодобренія. Это не языкъ логики и науки, а—языкъ эмоцій. Какъ выраженіе чувства, оно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, краснорѣчивѣе большой рѣчи, но—для передачи нашихъ понятій и сужденій оно пригодно очень мало. Сила его въ эмоціональномъ характерѣ; интеллектуальнымъ потребностямъ оно удовлетворяетъ мало. О такихъ-то словахъ и говоритъ Marsh (Early Literature of the English Language, second course, p. 383.), что они принадлежатъ къ словарю страстей и чувствъ; что живутъ они и дышатъ только во взаимной связи и зависимости другъ отъ друга; что они мѣняютъ свою силу съ каждымъ новымъ отношеніемъ, въ которое входятъ они; и что значенія ихъ, поэтому, столь же различны и неисчерпаемы, какъ перестановки и сочетанія десяти пальцевъ.

*) По опредѣленіямъ теологовъ справедливъ тотъ, кто соблюдаетъ божескіе и (согласные съ ними) человѣческіе законы. Для него—„нравственный законъ есть эхо въ нашихъ душахъ голоса Вѣчнаго, сынами котораго мы являемся“. Seth, Ethical principles, 428.

Этотъ-то характеръ термина и оправдываетъ мысль Amos'a Chel don'a (The Science of Law, 1896, стр. 2), что наука юриспруденціи и могла появиться въ собственномъ смыслѣ лишь съ того времени, когда ей дали (Austin и его школа) такую терминологію, которая сдѣлала возможнымъ, хотя бы временно, абстрагировать законодательство отъ нравственной среды, въ которой оно растетъ и живетъ. (Къ счастью для прогресса науки Austin, по мнѣнію Amos Cheldon'a ibid., 5), не внесъ въ нее нѣмецкой мысли. Мысль же эта, какъ мы знаемъ, въ томъ, что основнымъ понятіемъ юриспруденціи является Recht,—терминъ, обнимающій собою, сознательно или безсознательно (въ силу стихійнаго внушенія общаго языка), понятіе о справедливости. Оттого нѣмецкая юриспруденція, вопреки ея идеалистическимъ стремленіямъ, остается во власти эмпириковъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ англійская. Незнакомые основательно съ философіей, этикой, логикой, психологіей и языковѣдѣніемъ, они не могли и не могутъ дать ничего прочнаго и опредѣленнаго въ сферѣ общихъ понятій и принциповъ юриспруденціи. Положительный матеріалъ юриспруденціи (законы, суд. рѣшенія и проч.) остается безъ свѣта руководящихъ принциповъ и понятій, такъ какъ огарокъ ихъ философіи ничего, кромѣ копоти, не даетъ, и—декламаціи о Recht, какъ о великомъ общественномъ явленіи, не замѣнятъ науки. Люди живутъ въ XX столѣтіи, а по уровню философскаго образованія стоятъ въ эпохѣ, предшествующей Платону и Аристотелю. Работа величайшихъ умовъ за болѣе чѣмъ 20 вѣковъ пропала для нихъ даромъ.

Повторяю: я не только не отрицаю значенія этики, и въ частности понятія справедливости, для юриспруденціи, но сугубо *подчеркиваю* его. Если бы мы больше занимались этикой и философіей, не случилось бы того, что мы видимъ у нѣмцевъ: того Fluch und Schrecken, проклятія и ужаса (по выраженію Ihering'a: Scherz und Ernst in der Jurisprudenz, стр. 106 и другія), нѣмецкой литературы, которые выражаются въ ея безсодержательности при огромномъ количествѣ. Убогое содержаніе размазывается на возможно большомъ количествѣ страницъ.

Мы не можемъ уклониться отъ изученія этики и анализа этическихъ понятій тѣмъ болѣе, что, переходя къ разсмотрѣнію отношеній государствъ другъ къ другу, мы прямо вступаемъ въ область фактовъ иного характера, чѣмъ тѣ, съ которыми мы имѣли дѣло во внутреннихъ отношеніяхъ. И нѣмецкіе, и англійскіе юристы скажутъ намъ, что, хотя можно распространить на нормы междугосударственныхъ отношеній терминъ Recht или Law, но—въ дѣйствительности мы будемъ имѣть здѣсь дѣло съ фактами иного рода. Нормы эти носятъ явно этическій характеръ (дурной или хорошій—это другой

вопросъ: этика обнимаетъ также несправедливость, преступленія и вообще зло, а не одно добро).

Какъ велики колебанія понятія справедливости въ международной сферѣ, это извѣстно всякому. Если занятіе Эльзаса и Лотарингіи было справедливостью съ точки зрѣнія создателей Германской имперіи, то—съ точки зрѣнія француза-патріота—это величайшее насиліе и несправедливость. Если рѣшеніе Балканскаго вопроса по Берлинскому Миру было справедливостью съ точки зрѣнія западныхъ государствъ, боящихся усиленія Россіи, но для насъ—русскихъ, не имѣющихъ „ключей отъ собственнаго дома", вынужденныхъ всегда быть на готовѣ въ виду возможныхъ невыгодныхъ международныхъ осложненій и потому быть всегда слабыми во внутренней жизни, —это была обида и несправедливость.

Такимъ образомъ справедливость и несправедливость не пустые звуки; это—часто страшныя слова. Они выражаютъ довольство или недовольство человѣка сложившимися условіями жизни, удовлетвореніе или неудовлетвореніе какихъ-либо, высокихъ или невысокихъ, его интересовъ и чувствъ. А извѣстно, что чувства въ концѣ концовъ управляютъ людьми и міромъ. „Силы, управляющія человѣческимъ поведеніемъ остаются тѣми же самыми, что и прежде, — и всегда будутъ оставаться тѣми же самыми. Страхъ голода, жажды и холода; желаніе удовлетворить страсти; любовь къ женѣ, сыну или другу; симпатія къ страданіямъ ближняго; злоба за нанесенную намъ обиду—таковы тѣ великія силы, которыя управляютъ человѣчествомъ" (L. Stephen, Science of ethics, 461). Потому-то справедливость и является гарантіей прочнаго положенія дѣлъ внутри государства и въ международныхъ отношеніяхъ: это первая потребность общества и человѣчества.

Но не справедливость вообще, не этотъ шаткій, хотя въ высшей степени эмоціональный, критерій руководитъ мнѣніями и дѣйствіями юриста въ его общественномъ служеніи, а нѣчто болѣе прочное и опредѣленное, именно—законы страны; а въ международной жизни—прежде всего—признанные его государствомъ договоры или санкціонированные его практикой обычаи. Это, конечно, не самое важное въ человѣческой жизни, но „самое важное", къ сожалѣнію, трудно поддается научному формулированію. „Самое важное" обнимаетъ собою вопросы, рѣшаемые не руками юристовъ, а стихійными силами, загадочными и не поддающимися контролю. Здѣсь мы соприкасаемся съ областью, гдѣ люди ищутъ ощупью въ потемкахъ,— гдѣ никакая наука не даетъ намъ опредѣленнаго отвѣта. Грубыя догадки мы облекаемъ здѣсь въ претенціозныя формы, и поэтическіе символы одѣваемъ въ языкъ науки. Здѣсь мы не знаемъ ничего, что могло бы заслуживать нашего довѣрія, какъ научный анализъ. Или

мы должны быть скромны и добиваться научной точности въ болѣе узкой сферѣ, или—самонадѣянны и...ничего не добиваться даже на доступномъ намъ поприщѣ.

Такимъ образомъ, хотя можно сказать, что законы служатъ основаніемъ или источникомъ оффиціальной, если можно такъ выразиться, справедливости (*τὸ πολιτικὸν δίκαιον*), однако, нельзя сказать, будто справедливость составляетъ непосредственный предметъ юриспруденціи, какъ это въ скрытой формѣ признается подъ терминомъ Recht, обнимающимъ собою das Gerechte. „Законы (Law, das Recht) и справедливость (das Gerechte) по своему существу рѣшительно распадаются (Lasson, System der Rechtsphilosophie, 24). Законодательство (Law, *νόμοι*, das Recht), какъ таковое, не справедливо (ist nicht gerecht), и справедливость (das Gerechte), какъ таковая, еще не законъ (ist noch kein Recht). Будетъ полезно указать сейчасъ же, въ этомъ мѣстѣ, на ходячемъ употребленіи слова „справедливый", какъ неясно и вполнѣ неуловимо представляется справедливое (или справедливость, das Gerechte) въ общемъ сознаніи, и какъ намъ пришлось бы искать законы (das Recht, Law) вообще не въ опредѣленной какой-либо формѣ существованія, а только въ заоблачной сферѣ мнѣній и желаній, тысячекратно-различныхъ индивидуальныхъ взглядовъ и представленій (nur in dem Wolkenkuksheim des Meinens und.....), если бы мы захотѣли считать тождественными законъ (das Recht, Law) и справедливость (das Gerechte). Ибо ссылка на справедливость есть вѣрное средство сплавить внизъ по теченію всякое прочное опредѣленіе и устранить всякую надежную точку опоры. Въ дѣйствительной жизни у насъ есть простое средство узнать, что законно, и какія права имѣемъ мы (was Recht ist). Мы обращаемся къ судьѣ, и на томъ, что скажетъ судья въ окончательномъ рѣшеніи, всякій принужденъ успокоиться. Тѣ же, которые непремѣнно хотятъ дать побѣду справедливости, противопоставляютъ судейскому рѣшенію нѣчто другое, высшее, а именно—прежде всего—истинный смыслъ и намѣреніе дѣйствующаго закона, въ сравненіи съ каковымъ судебное рѣшеніе, поскольку оно отъ него уклоняется, очевидно, должно быть названо несправедливымъ. Ибо справедливымъ прежде всего является то, что соотвѣтствуетъ закону. Но друзья справедливости не успокаиваются и при этомъ. Существующій законъ, опредѣляющій справедливое и несправедливое (Recht und Unrecht) для человѣческихъ отношеній, въ свою очередь измѣряется справедливостью (an dem Gerechten), какъ она представляется чувству и сознанію справедливости (dem Rechtsgefühl und Rechtsbewusstsein) нынѣ живущему средняго уровня человѣку. При этомъ легко можетъ оказаться, что господствующій законъ явится

несправедливымъ и противорѣчащимъ требованію сознанія справедливости (des Rechtsbewussteins). Но, это сознаніе справедливости въ свою очередь вовсе не является высшей инстанціей для обсужденія справедливости, потому что оно колеблется и подлежитъ въ историческомъ ходѣ сильнѣйшимъ измѣненіямъ. Очень многое, что нынѣ считается справедливымъ, считалось прежде несправедливымъ, или, навѣрное, будетъ считаться несправедливымъ позднѣйшими поколѣніями. Такимъ образомъ, повсюду вынуждены мы, чтобы найти справедливость (das Gerechte), выйти за предѣлы того, что считается справедливымъ въ существующемъ чувствѣ справедливости (Rechtsgefühl) людей, къ тому, что справедливо само по себѣ (an sich), что не дано уже больше ни въ какой дѣйствительности, и о чемъ могутъ существовать лишь субъективные взгляды. Такимъ образомъ, стремленіе изслѣдовать всѣ отношенія съ точки зрѣнія справедливости, вырываетъ въ концѣ концовъ изъ рукъ всякій объективный и годный масштабъ, который имѣлъ бы какую-нибудь надежду сдѣлаться общепризнаннымъ. Большинство утопичныхъ фантазій о строѣ семьи и имущественныхъ отношеній, о государствѣ и власти, коренятся въ подобныхъ мечтахъ и воображеніи объ идеальной справедливости. Творчество на почвѣ мнѣній о справедливомъ есть самый вѣрный путь къ всякаго рода мечтаніямъ (Schwärmerei) и ко всякой нелѣпости, и кончается часто настоящимъ сумасбродствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ путь является излюбленнымъ для хитрыхъ и честолюбивыхъ людей, спекулирующихъ на глупость человѣческую и льстящихъ фантазіямъ толпы, чтобы сѣять смуту и разрушеніе“. *)

---

*) „Es wird nützlich sein, gleich hier an dieser Stelle an dem geläufigen Gebrauche des Wortes gerecht nachzuweisen, wie unklar und völlig unfassbar das Gerechte im gemeinen Bewusstsein sich darstellt, und, dass, wenn man das Recht und das Gerechte als identisch setzen wollte, ein Recht überhaupt nicht in bestimmter Existenz, sondern nur in dem Wolkenkukuksheim des Meinens und Beliebens, der tausendfach verschiedenen individuellen Ansichten und Vorstellungen zu finden sein würde“... ..... „Die Construction aus der Meinung vom Gerechten ist der sicherste Weg gu jeder Schwärmerei und zu jedem Unsinn und endet zuweilen in eigentlicher Verrücktheit; zugleich aber wird dieser Weg am liebsten betreten von den Verschmitzten und Ehrgeizigen, die auf die Dummheit der Menschen speculieren und ihrer Phantasie schmeicheln, um Verwirrung und Zerstörung zu säen.“ (A. Lasson, Rechtsphilosophie стр. 24, 25 и 26).

Глава XV.

Слово „право“ въ русскомъ языкѣ.

„Sprechen heisst sein besonderes Denken an das allgemeine anknüpfen (Гумбольтъ), говорить значитъ связывать свою личную узкую мысль съ мышленіемъ своего племени, народа, человѣчества“ (Потебня, „Мысль и языкъ“, 165).

Никогда не слѣдуетъ довольствоваться результатами собственнаго мышленія. „Сравнивайте ваши собственныя убѣжденія съ убѣжденіями другихъ; внимательно прислушивайтесь и взвѣшивайте, безъ предубѣжденія, сужденія другихъ о мнѣніяхъ, которыхъ держитесь вы сами“ (Hamilton, on Logic, II, 151). И не только слѣдуетъ прислушиваться къ мнѣніямъ тѣхъ, которые стоятъ выше насъ по знаніямъ и силѣ ума (Платонъ, Аристотель, Локкъ, Кантъ, Бентамъ...), но и къ мнѣніямъ вообще того общества, которое создало языкъ, на которомъ говоримъ мы.—Это особенно важно по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ вынуждено думать, въ большей или меньшей мѣрѣ, все общество въ силу условій своего существованія.

„Всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни“ (Потебня, ор. с., 49). И какими бы несовершенствами ни страдало мышленіе широкаго общества, „во всѣхъ языкахъ можно найти разумъ и философію“ (Hamilton, ор. с., 143). *Критически* относиться къ философіи, воплощенной въ языкѣ народа, мы должны, но обходить ее мы не можемъ. Не можемъ не только потому, что мы иногда можемъ поучиться кое-чему отъ такой философіи,—провѣрить сравненіемъ правильность собственныхъ мыслей; но и потому, что философія эта, помимо нашихъ желаній, оказываетъ стихійное вліяніе на насъ—иногда въ хорошую, а иногда въ дурную сторону.

Если авторъ этой работы пришелъ въ своемъ мышленіи къ заключеніямъ, изложеннымъ въ этой книгѣ, то случилось это не столько подъ вліяніемъ корифеевъ мысли, у которыхъ ему позже пришлось найти подтвержденіе правильности своихъ заключеній, сколько подъ вліяніемъ русскаго языка, который постоянно наталкивалъ его на извѣстныя мысли. Наши предки передаютъ намъ, при помощи языка, какъ результаты ихъ интеллектуальной энергіи, такъ и сред-

ства добывать новые результаты. Они передаютъ намъ свою логику. Учась родному языку, мы учимся логикѣ. Элементарные методы мышленія опредѣляютъ собою строеніе языка, а строеніе языка въ свою очередь опредѣляетъ манеру мышленія тѣхъ, которые говорятъ на данномъ языкѣ. (Ср. Leslie Stephen, The science of ethics, стр. 105, 106, §§ 12 и 13). Никто не родится юристомъ, но въ языкѣ родномъ мы, не замѣчая этого, пріобрѣтаемъ элементарныя юридическія понятія. Родной языкъ расчищаетъ намъ путь къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній. Мы должны только сознательно обладать тѣмъ, чѣмъ надѣляютъ насъ наши предки. Только больное самомнѣніе можетъ заставить кого-нибудь третировать ихъ свысока. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое третированіе свысока свидѣтельствуетъ о крайнемъ неразуміи и величайшей неблагодарности.

„Въ наукѣ ясно, что только исторія понятія вполнѣ освѣщаетъ намъ его... Каждое слово имѣетъ свою исторію, и для обстоятельнаго знанія языка нужно было бы знать всю его исторію“ (Mauthner, op. c., I, 19). Или, какъ говорилъ еще раньше Whewell (Nov. Org. Ren., 368): „при изученіи значенія научныхъ терминовъ исторія науки служитъ намъ словаремъ, а ступени научной индукціи—нашими опредѣленіями“.—Исторія же юриспруденціи и ея терминовъ началась гораздо раньше появленія книжной науки, и даже вообще раньше письменности. „Если мы обратимъ вниманіе на то, сколь многому учится дитя, выучившись лишь говорить, мы увидимъ, сколь многимъ обязаны мы обществу, въ которомъ мы живемъ... Языкъ подразумѣваетъ безсознательное поглощеніе философіи, какъ это станетъ достаточно яснымъ каждому, кто прослѣдитъ употребленіе такихъ словъ, какъ *матерія*, *форма*, *субстанція*, *духъ*, и т. д., и замѣтитъ, какъ всякая спекуляція началась съ попытки анализировать то, что было уже implicite дано словами, воплощающими прежніе результаты мысли“ (L. Stephen, Science of ethics, 105, 106).

Не все хорошо въ языкѣ. Много заблужденій нашло себѣ тамъ воплощеніе. И „философія въ значительной мѣрѣ есть рядъ попытокъ уйти отъ ложныхъ понятій, молчаливо введенныхъ въ раннія формы рѣчи“ (L. Stephen, ibid., 106). Однако, не все плохо тамъ, и какъ отрадно найти иногда результаты трудной философской работы, дѣло столѣтій мысли, предвосхищенными, въ величайшей простотѣ, создателями нашего языка,—людьми, которые едва ли знали, что они были философами (Ср. M. Müller, op. c., 27, 28). Есть еще порохъ въ пороховницѣ такого народа, не иступилися его сабли, не погнулася сила казацкая! (Гоголь, Тарасъ Бульба). Какъ ни одолѣвали его „ляхи“ въ видѣ иноземныхъ латинскихъ (черезъ Польшу), французскихъ и особенно нѣмецкихъ вліяній, а въ немъ все еще сохрани-

лось совершенно правильное чутье относительно умѣстности и правильности тѣхъ или иныхъ словъ-понятій, тотъ тактъ въ языкѣ, который наталкиваетъ каждаго на правильную дорогу, кто привыкъ сознавать себя частью общества и относиться критически, а, слѣдовательно, и съ уваженіемъ, иногда, къ народной мудрости.

Какъ непосредственная форма мысли, орудіе для ея выраженія, языкъ служитъ зеркаломъ, гдѣ отражаются привычки народнаго духа, его манера мыслить, его психологія.

Всѣ тѣ понятія, при помощи которыхъ построена была философія государства и законовъ мыслителями Греціи, были извѣстны русскому народу въ самое отдаленное время. Государство (подъ именемъ, обыкновенно, „земли“), законъ, справедливость и право уходятъ своими корнями въ глубокую древность.

Русскій народъ, какъ и всякій, искони имѣлъ свою народную юриспруденцію. И эта юриспруденція построена на болѣе правильныхъ и незыблемыхъ устояхъ, чѣмъ перетаскиваемая къ намъ отъ нѣмцевъ „ученая“. Нѣкоторые люди придаютъ слишкомъ большое значеніе книжной учености и впадаютъ черезъ это въ грубыя ошибки. Не видѣть различія между образованнымъ человѣкомъ и необразованнымъ можетъ только слѣпой. Но—изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли право смотрѣть на не пріобрѣвшее школьной учености человѣчество, какъ на что-то по роду своему отличное отъ ученыхъ людей, и скорѣе похожее на обезьяну, чѣмъ на человѣка.—На дѣлѣ, конечно, такой разницы нѣтъ. Если даже принять теорію происхожденія человѣка отъ чего-то въ родѣ обезьяны и смотрѣть на „дикаря“ какъ на существо, носящее на себѣ слѣды такого происхожденія, то и тогда мы не можемъ не видѣть, „что зародыши нравственнаго чувства, инстинкты и эмоціи, которые въ болѣе развитомъ состояніи даютъ происхожденіе нравственному закону, находятся не только среди дикарей, но въ извѣстномъ смыслѣ даже на степени развитія гораздо болѣе низкой, чѣмъ человѣческая“ (Stephen Leslie, The science of ethics, 102). Человѣкъ и на самой низкой ступени развитія остается человѣкомъ, т. е. существомъ нравственнымъ, разумнымъ и политическимъ. Не было никогда человѣка неразумнаго, независимаго отъ общества, homo alalus,—человѣка, какъ существа безгосударственнаго. Какую-то „способность, значительно приближающуюся къ уму“, и зачатки государственности и нравственности мы находимъ, напр., даже у низшихъ животныхъ: бобровъ, пчелъ, муравьевъ*).

*) Ср. Купэна „Искусства и ремесла у животныхъ“, и работы натуралиста Губера.

Какъ бы мы ни смотрѣли свысока на „дикаря“ и необразованнаго человѣка, мы не можемъ отказать ему въ нѣкоторомъ развитіи его мыслительныхъ способностей, и не можемъ не видѣть, что у него есть нѣкоторая теорія человѣческой жизни. Она не имѣетъ такого яснаго и развитаго выраженія, какъ у цивилизованнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе она существуетъ. Есть у него своя религія, своя мораль, своя юриспруденція.—Интересъ къ „маленькому“ человѣку и его духовной жизни создалъ даже въ послѣднее время особую науку—фольклоръ (folklore), и высокоумные ученые находятъ возможность кое-чему поучиться у этихъ „маленькихъ“ людей.—Будемъ и мы, юристы, такъ снисходительны и не побрезгуемъ мнѣніями людей, ничего никогда не слышавшихъ о Corpus juris civilis, и воображающихъ, быть можетъ, что „юриспруденція“ есть принадлежность растительнаго или животнаго царства.

Выразителемъ народныхъ воззрѣній служитъ письменность народа и устное живое слово—пѣсни, пословицы, былины, басни и другія народныя произведенія. Прежде чѣмъ повѣрять письменности свое міровоззрѣніе, народъ выражалъ его обыкновенно въ своихъ пословицахъ. „Ни въ какомъ употребленіи рѣчи столько не обнаруживается характеръ и образъ мыслей народа, или лучше сказать, весь народъ, какъ въ своихъ пословицахъ“... (Снегиревъ, „Русскіе въ своихъ пословицахъ“, 1831, кн. 1, стр. 6). „Въ пословицахъ, какъ въ сѣменахъ, собраны силы всѣхъ деревьевъ“, говорилъ Димитрій Фалерейскій (*περὶ ἑρμηνείας*), а по Блаженному Іерониму онѣ „заключаютъ въ себѣ сокровенный божественный разумъ, какъ золото въ землѣ, орѣхъ въ скорлупѣ“ (ibid., 7). Пословица—одинъ изъ первыхъ видовъ обобщенія. Какъ элементъ народной рѣчи и народнаго мышленія она въ сжатой формѣ отражаетъ народные взгляды, являясь замѣстителемъ обширнаго содержанія, сгущеннаго въ ней. Пословицы обнимаютъ всѣ стороны народной жизни—религію, культъ и натурфилософію, исторію, внѣшній бытъ, взгляды на государство, судъ, общественныя отношенія, понятія о добрѣ и злѣ, практическіе пріемы, семейную жизнь и пр. „Какъ живые памятники древняго законодательства, древнихъ обычаевъ и древняго языка, пословицы народныя составляютъ обильное и разнообразное хранилище доказательствъ о древности всякаго народа—онѣ книга, не требующая свидѣтельствъ; ибо сама по себѣ составляетъ доводы своей достовѣрности,—книга, коей никто *не сочинялъ* и никто не могъ сочинять, кромѣ здраваго смысла самихъ народовъ и мудрости давно минувшихъ временъ“ (Снегиревъ, ibid., кн. 3, стр. 3). „Пословица не сочиняется, а рождается сама“, какъ говорилъ Даль. Путемъ пословицы народъ вводитъ въ свою рѣчь только то, что одобрилъ его здравый смыслъ.

Мѣткое опредѣленіе, удачное сравненіе, сжатая и ясная формула могутъ принадлежать одному человѣку, простому или ученому, высоко или низко поставленному, но въ составъ народнаго языка входитъ только то, что соотвѣтствуетъ духу и строю народной рѣчи-мышленія. Если *нѣкоторыя* выраженія не принимаются народною рѣчью, хотя и касаются предметовъ, всѣхъ интересующихъ, это можетъ иногда служить показателемъ ихъ крайне искусственнаго происхожденія, ихъ вычурности, которая столь же должна быть чужда ученому языку, какъ и народному *).

„Доисторическое младенчество извѣстнаго народа, напр.—Русскаго, нельзя представлять себѣ безсмысленнымъ, отнимать у него общечеловѣческій разумъ и внутреннее сознаніе истины, хотя бы оно было несовсѣмъ яснымъ и внятнымъ“..... (Снегиревъ, Новый сборникъ русскихъ пословицъ....., 1857, стр. 4). И въ самое древнее время въ человѣчествѣ существовали уже коренныя истины, служившія основой его вѣрованій и убѣжденій, и руководствомъ въ жизни государственной, общественной и семейной.

И наша, русская, древняя письменность и народная рѣчь по *основнымъ* вопросамъ юриспруденціи даетъ болѣе разумные и правильные отвѣты, чѣмъ выросшая подъ иноземнымъ вліяніемъ въ послѣдующее время ученая юриспруденція. Свѣтлый и чистый вначалѣ источникъ народной мысли помутился впослѣдствіи отъ посторонннихъ притоковъ. Но, не смотря на всѣ заблужденія ученыхъ, вѣчная правда и до сихъ поръ пробивается сквозь облегающій ее туманъ, занесенный къ намъ особенно нѣмцами, и озаряетъ пути народной жизни. Не изъ нѣмецкихъ книжекъ, **) а у собственнаго народа приходится и теперь намъ черпать мудрость (ср. ibid., 5—7).

У русскаго народа мы встрѣтимъ тѣ самыя истины, которыя обезсмертили имя Аристотеля. „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится“. ***) Русскому человѣку такъ же трудно

*) Не входятъ и никогда не войдутъ въ народную рѣчь всѣ выраженія съ „правомъ“ какъ совокупностью нормъ: полицейское право, уголовное право...

**) „*Нѣмцамъ вообще вредятъ философскія умозрѣнія;* отъ нихъ стиль становится часто безсмысленнымъ, непонятнымъ, растянутымъ, расплывчатымъ.. .... Англичане большею частью пишутъ всѣ хорошо, какъ прирожденные ораторы и практическіе, выросшіе на реальномъ, люди.....“ Гёте („Разговоры Гёте собранные Эккерманомъ“, русс. пер. т. I, 116).

***) См. Снегиревъ, Новый сборникъ....., 1857, стр. 11 и 77. Свѣтъ—міръ; земля—государство. Господа атеисты могутъ успокоиться, если примутъ во вниманіе, что у каждаго человѣка—свой Богъ, и что есть Онъ и у нихъ, хотя не такой, какъ у вѣрующихъ въ Личную Высшую Силу—олицетвореніе Добра и Разума. — А относительно „царя“ слѣдуетъ имѣть въ виду, что и Великій Новгородъ былъ государемъ. Роль государя играла иногда Св. Софія, подобно

представить жизнь земли безъ государственной организаціи, какъ и міръ безъ его основной причины. „Безъ казны (государство съ финансовой стороны) и волость не стоитъ". „Казна міромъ живетъ, а міръ казною". „Богъ на небѣ; Царь на землѣ". „У нихъ ни Царя, ни закона" есть синонимъ неурядицы.

По свидѣтельству Нестора первобытныя племена, населявшія Россію, „жили въ городахъ, имѣли свои *обычаи* и *законъ* отцовъ, кождо свой нравъ". „Слѣдовательно, говоритъ Снегиревъ (Нов. сборн., 1857,6), племена эти имѣли сознаніе и убѣжденіе, которое не могло быть безгласнымъ и передавалось потомству въ употребительнѣйшей формѣ—пословицѣ; а пословица, послѣ пѣсни, есть вторичная форма преданія..... Народы, жившіе въ такъ называемомъ естественномъ младенчествѣ, *въ лѣта невѣдѣнія*, не лишены были здраваго разсудка и нравственнаго чувства" *).

Основною силою, съ которою приходилось считаться въ общественной и государственной жизни, были, слѣдовательно, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, законы и обычаи. Такъ смотрѣлъ на нашу жизнь и культурный грекъ. Такъ, „говоря объ уставахъ и обычаяхъ Хозаровъ, Константинъ Порфирородный (Constantini Porphyrogenneti, l. II de ceremoniis aulae Byzantinae, Lipsiae, 1751 f. — ejusdem de admin. imperii, c. 8—38; цит. у Снегирева, Русс. въ послов., 1832, кн. 3, стр. 8) выражается ихъ же словомъ: *Σάκανον* и *Σάκανα*". Иногда слово *законъ*, или по областному нарѣчію *поконъ*, принималось въ смыслѣ обычая, а то, что разумѣемъ мы теперь подъ именемъ закона, называлось *уставомъ*, *правдою*, *судомъ*, *нарядомъ*, *ладомъ* (Снегиревъ, ibid., 7,8). — Связь пословицъ съ законами очень тѣсна. „Пословицы народныя, принятыя общимъ употребленіемъ, замѣняютъ законъ; оттого у Готовъ sed значитъ обычай, а ordsed—пословица" (*Ihre*, Gloss. Suiogothicum.... см. Снегиревъ, ibid., 7), и по старинному изреченію (allmänneliga ordseeder brukas ofta för lagh) „пословицы, вошедшія въ общее употребленіе, часто служатъ законами". — Юридическія воззрѣнія народа и до

тому какъ въ Польшѣ во время безкоролевья выбрана была однажды королевой Богородица (Ср. Снегиревъ, Русс. въ послов., 1832, кн. 3, стр. 20). Ханъ назывался царемъ иногда; Царь-Градъ, царь-пушка, царь-колоколъ, царь-дѣвица .....вообще подъ царемъ слѣдуетъ разумѣть главу государства, хотя бы и президента республики (ibid., 51).

*) Сравнивая необразованныхъ Скиѳовъ съ просвѣщенными Греками, Юстинъ (Justini Historiae philippicae, II, 1) говоритъ: „Удивительно, что природа дала имъ (Скиѳамъ) то, чего Греки не могли пріобрѣсть долговременнымъ ученіемъ мудрецовъ и правилами философовъ; они болѣе получили пользы отъ незнанія пороковъ, чѣмъ Греки отъ познанія добродѣтелей" (ibid., 6, 7.)..... Melius nesciendo scitur (Scotus Erigena).

сихъ поръ живутъ въ значительной мѣрѣ въ пословицахъ. Потому пословица пользуется всегда большимъ уваженіемъ. „Не всякое слово пословица“, „глупая рѣчь не пословица“, „бѣлый свѣтъ не околица (не огороженъ), а пустая рѣчь не пословица“, „рожь въ полѣ не околица, а пьянаго рѣчь не пословица“, „загадка, разгадка, да семь верстъ правды“.....

Богъ, Царь, Законъ, Правда и Кривда—вотъ тѣ общественно-государственныя силы, которыя знаетъ народное міровоззрѣніе. „Богъ на небѣ, Царь на землѣ“, „Нельзя землѣ безъ Царя стоять“, „Безъ Царя—земля вдова“, „Правда Божья, а судъ Царевъ“, или „Судъ Царевъ, а правда Божья“, „Воля Царя—законъ“, „Не долго той землѣ стоять, гдѣ учнутъ уставы ломать“, „Хоть бы всѣ законы пропали, только бы люди правдой жили“, „Безъ правды не житье, а вытье“, „Правда дороже золота“, „Безъ правды не живутъ люди, а только маятся“, „Всякъ правду хвалитъ, да не всякъ ее хранитъ“, „Всякъ правду любитъ, а всякъ ее губитъ“, „Гдѣ добры нравы, тамъ хранятся и уставы“.

Древній лѣтописецъ нашъ при самомъ почти началѣ Русскаго Государства упоминаетъ о потребности закона (наряда);*) о „русскомъ *законѣ*“ и о „*уставѣ* земленѣмъ“ любилъ бесѣдовать св. Владиміръ съ дружиною своею. Съ введеніемъ христіанства проникло къ намъ вліяніе Византіи и ея законодательства. Византійское законодательство было, какъ извѣстно, по существу римскимъ, но, къ нашему счастью, при переводѣ на греческій языкъ, римское законодательство не могло не подвергнуться вліянію греческаго языка и связанной съ нимъ греческой мысли. Основнымъ понятіемъ у грековъ считался *νόμος*, а не jus, которому, строго говоря, у грековъ не было соотвѣтствующаго термина. Вотъ почему римское jus civile, встрѣтившись съ болѣе точною и опредѣленною рѣчью греческихъ мыслителей, обратилось въ *νόμος πολιτικός*. Не греки подчинили свой языкъ языку римлянъ, а наоборотъ, какъ и слѣдовало, подчинили себѣ менѣе ясный и менѣе опредѣленный языкъ римлянъ. Это *νόμος πολιτικός* перешло въ русскій подъ именемъ *градскаго закона*. Такимъ образомъ, познакомившись съ знаменитымъ законодательствомъ римскаго государства раньше Западной Европы, въ частности раньше нѣмцевъ и французовъ, мы сохранили чистоту народной рѣчи-мышленія. Въ Стоглавѣ (гл. 42) говорится еще: „обычай земли есть неписанъ законъ (а не „неписанное право“, jus non scriptum) земскій“.....

*) „Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ“. Нестор. Л. по Лаврент. сп. М. 1824. 4. (Цит. у Снегирева, Русс. въ посл., кн. 3, стр. 126).

Свѣтлый и чистый источникъ народной рѣчи-мышленія не могъ не мутиться отъ многихъ постороннихъ притоковъ. На законодательныя измѣненія оказывали вліяніе греки, татары, нѣмцы, поляки. Къ этимъ измѣненіямъ относится и жалоба Стоглава (гл. 39): „въ коейждо убо странѣ законы и отчина, а не приходятъ другъ ко друзей, но своего обычая кійждо законъ держатъ. Мы же разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся, обычая злая отъ нихъ пріемше, тѣмже отъ тѣхъ странъ томимы есмы, и расточаемы виною нашею". — Однако, такъ крѣпки были основы народнаго міровоззрѣнія, что вопреки всѣмъ этимъ давленіямъ, народный общерусскій языкъ до сихъ поръ сохранилъ свою чистоту. Основою юридическихъ воззрѣній народа служитъ до сихъ поръ „законъ". „Корни понятій и словъ *кона*, *закона*, *лада*, *правды* (производимой нѣкоторыми отъ бога *Прове*), *кола*, или круга, *міра*, *Князя* ведутъ свое начало въ Язычествѣ Славяно-Русскомъ, давая отъ себя отпрыски въ поговоркахъ и пословицахъ, къ коимъ привиты Христіанскія понятія" (Снегиревъ, Рус. въ посл., кн. 3, стр. 246, 247).

Этотъ похвальный консерватизмъ*) сохранилъ народное русское мышленіе отъ той путаницы, которая внесена была въ западное мышленіе неопредѣленными словами-понятіями: jus, Recht, Droit.

Въ Кормчей мы не найдемъ слова „право". Встрѣчается слово „правѣ", но въ значеніи нар. правильно. Слово законъ стоитъ вездѣ, гдѣ у римскихъ юристовъ стояло jus. „Естественно закононіе", „естественнымъ закономъ", „нравы и законоположенія евангельская и взаконенія святыхъ мужей", „о божественныхъ догматѣхъ", „въ православныхъ догматѣхъ", „подобаетъ бо священная правила въ закона мѣсто хранити", „по закону Божію", „о селянохъ блаженнаго царя Василія законоположенія". Въ Законѣ Градскомъ (грань **ЛГ**, 33, глава **МѲ**, 49, **Г**, 3,) говорится о рабствѣ, что оно „противно естественному закону", а не „праву естественному" (jus naturale). Упоминается о „бранномъ законѣ", а не „военномъ правѣ".

Повторяю: греческое вліяніе не отразилось дурно на *основныхъ* юридическихъ *понятіяхъ* русскаго народа. Элементарныя этико-юридическія понятія были и въ старой Руси тѣ же, что и теперь: законъ, обычай, нравы, правда, справедливость**). „Право", если, можетъ быть, и существовало въ начальный періодъ, то не играло сколько-

*) „Не хвально намъ, гласитъ судъ Любушинъ, искать правду въ Нѣмцехъ, у насъ есть правда по закону святу, юже принесоша съ собою отцы наши". И по свидѣтельству Стоглова „злые обычаи" шли къ намъ отъ грековъ, татаръ, и нѣмцевъ.

**) Ср. В. Иконникова „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869 г., стр. 515, 516, 296 и сл., 305—313....

нибудь замѣтной роли; и, во всякомъ случаѣ, не играло роли основного юридическаго или нравственнаго понятія. Въ то время какъ у нѣмцевъ сборники обычаевъ нерѣдко носятъ имя Rechte, а въ Библіи перевода М. Лютера словомъ Recht щедро пересыпанъ языкъ, у насъ этого нѣтъ ни въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ, ни въ новыхъ русскихъ переводахъ. Чисто національные русскіе законодательные сборники ни въ названіи своемъ, ни въ текстѣ не имѣютъ слова „право". Привился только одинъ терминъ иноземнаго, греческаго, происхожденія для писанныхъ законовъ, это—грамота (*γράμματα*). Существенной роли этотъ неологизмъ не игралъ и не могъ, конечно, играть.

Уже выше указано было, что понятіе закона передавалось часто словомъ „правда". Такъ, въ Псковской Судной Грамотѣ (1397—1467), въ ст. 4 говорится: судити имъ (князю и посаднику) взирая *въ правду* *)..... а не въсудятъ *въ правду* **).—Въ Договорѣ Новгорода съ Польскимъ королемъ Казиміромъ IV (1470 или 1471 года), ст. 30, говорится: крестъ цѣлуй..... *въ правду*, безо всякаго извѣта. —Въ Уставѣ кн. Ярослава Владиміровича о церковныхъ судахъ, въ концѣ, послѣ ст. 33, говорится: суливше казните *по закону*.

Изъ незамѣтной роли, которую играло слово „право" въ настоящемъ русскомъ языкѣ и въ національныхъ русскихъ законодательныхъ сборникахъ, его начинаетъ выдвигать на неподобающее ему первое мѣсто польское и нѣмецкое вліяніе. Какъ Польша, такъ и нѣмцы познакомились съ римскимъ законодательствомъ непосредственно на латинскомъ языкѣ въ пору слабаго развитія собственной культуры и національнаго самосознанія. Такого отпора извращающему вліянію римской терминологіи, который могла противопоставить латинскому jus высоко развитая греческая рѣчь-мышленіе, воспитательница глубочайшей философіи, нѣмцы и поляки противопоставить, конечно, не могли. Римское законодательство и его терминологія были восприняты поэтому внѣшнимъ образомъ: безъ критики и рабски. Такимъ же внѣшнимъ образомъ стремились они, въ свою очередь, повліять и на русскую рѣчь-мышленіе.

Примѣромъ можетъ служить Судебникъ короля Казиміра Ягеловича, данный Литвѣ въ 1468 г. Въ ст. 8 говорится: къ праву поставити ***); въ ст. 9: ижь бы нашему человѣку стало ся право; ст. 10: ино тому судъ и право..... дати право; ст. 11: искати правомъ....

---

*) Владимірскій—Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, изд. 5, 1899 г., выпускъ 1, стр. 149, примѣч. 14: справляясь *съ закономъ*.

**) Ibidem, примѣч. 15: если не будутъ судить *по закону*.

***) Ibid, вып. 2, 1887 г., стр. 38: „къ праву поставить"—къ суду: указаніе на тождество суда и права въ древности.

а не удѣлаешь ли права*).... удѣлати и справедливость; ст. 12: выдадутъ исъ права**); ст. 21: бо тотъ исъ *права земьского* (вѣроятно, переводъ jus terrestre польскихъ источниковъ) выступилъ, а надъ право сягнулъ, какъ у верху писано; ст. 24: ино тому право; ст. 25: тотъ исъ права выступилъ.

Много содѣйствовали привнесенію чуждыхъ русскому языку элементовъ сношенія съ Ливоніей. Въ договорахъ, заключаемыхъ съ нею, такъ или иначе, приходилось считаться съ нѣмецкой терминологіей, выросшей подъ сильнымъ вліяніемъ римской юриспруденціи и средневѣковой схоластики. Такъ, въ договорахъ, заключенныхъ при покореніи Остзейскаго края въ 1710 г. встрѣчаются выраженія, составляющія буквальный переводъ соотвѣтствующихъ нѣмецкихъ (См. оффиціальныя „Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ", 1845, подъ редак. Радена и Сиверса, стр. 103 и др.): „Бургграфское право", „не вводить ни судей, ни правъ", „оставить древнее стапельное право" (ib., 104). „судить по земскимъ правамъ" (ib 107.), „das Kaiserliche Recht" въ русскомъ текстѣ—„Цесарское право" (ib., 110), „судить по городскимъ правамъ" (ib., 111), „дѣла рѣшать... по древнему Лифляндскому и Шляхетскому праву" (ib., 189: въ нѣмецкомъ текстѣ—nach den alten Livländischen Ritterrechten), „по общимъ Нѣмецкимъ правамъ" (ib., 189.). Въ донесеніи Юстицъ-Коллегіи отъ 1764 г. по дѣламъ остзейскаго края говорится о „вспомогательномъ правѣ" (см. ibid., 196). Кабинетъ Министровъ въ 1741 г. постановляетъ: „взять за основаніе прежнія Лифляндскія права" (ib., 202 ***).

Въ 1732 г. переведено было для Малороссіи на „русской *штатской* языкъ" *Саксонское зерцало*, или *права* Саксонское и Магдебург-

---

*) Ibid., вып. 2, примѣч. 20: откажетъ въ судѣ.

**) Ibid., примѣч. 22: выдадутъ, по приговору суда, лицу потерпѣвшему.

***) Что можно было бы употребить и иныя, болѣе близкія къ духу русскаго языка, выраженія, это видно, между прочимъ, изъ того, что и въ послѣдующее время пользовались словомъ „законъ". Напр.: Bauerrecht передается прекрасно „крестьянскимъ положеніемъ" или „собраніемъ относящихся къ крестьянамъ законовъ"; Diet seinnt dye vornemlichen Rechte vonn denn Bischöfen=сіи суть главнѣйшіе законы Епископовъ.... (стр. 135, ibid.); въ ординаціи 1589 г. (volumina legum, II, стр. 1264) постановлено, что какъ область Лифляндская..... не имѣла своего закона (а не „права"), то должна пользоваться закономъ (а не „правомъ") Магдебургскимъ и Саксонскимъ (ib., 138); въ Vol. legum II, 1474, ордин. 1598 г., говорится о кодексѣ законовъ (а не „права") (ib., 139); далѣе, corpus juris Livonici=собраніе Лифляндскихъ законовъ (ib., 144): jura et leges=статуты (ib., 179); законы римскіе, а не право римское (ib., 214); законовѣдѣніе, вм. науки права (ib., 139); jura Germanorum=законы Германскіе (ib., 188); jus scriptum=письменные законы (ib., 194); земскіе законы, а не земское право (ib., 161); corpus patriarum legum, а не juris въ грамотѣ 1561 г. (ib., 137).

ское (Снегиревъ, Русс. въ посл., кн. 3, стр. 138). Для „штатскаго“ языка слово „право“ не могло еще претить; для насъ, однако, „штатской“ языкъ еще не указъ. Предполагается, конечно, что мы намѣрены оставаться вѣрными хорошимъ традиціямъ родного языка.

Въ Уложеніи 1649 г. слово „право“ отсутствуетъ,*) но оно появляется тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о Малороссіи и попавшемъ туда „Магдебургскомъ правѣ“. Очень часто и странно употребляется слово „право“ въ Литовскомъ Статутѣ. Въ XVIII в. оно попадаетъ въ наше законодательство вмѣстѣ съ позаимствованіемъ, напр., законовъ о векселяхъ и о конкурсномъ производствѣ съ Запада. Нѣмецко-латинское и французско-латинское вліяніе не могли не оказать вліянія и при составленіи Свода Законовъ, такъ какъ въ значительной мѣрѣ онъ былъ плодомъ *перевода*, а не самостоятельной національной выработки, по винѣ, конечно, составителей, а не русскаго народа. Переводъ простирался и на такія идеи, которыя искони были у русскаго народа, и были лучше выражены, чѣмъ на Западѣ.

Это обладаніе руководящими понятіями, однако, не есть самое важное. Указанныя выше основныя идеи составляютъ, какъ уже было сказано, общее достояніе народовъ, говорящихъ языками одной съ нами (арійской) группы. Законъ, правда, долгъ, вина, судъ, улики и кара были названы прежде, чѣмъ индо-европейцы разошлись въ разныя стороны, т. е. еще предками современныхъ отдѣльныхъ народовъ, въ пору ихъ совмѣстной жизни (см. Lefèvre, Race and language, 257). Основныя понятія, какъ *законъ*, *обязанность*, *право*, *собственность*, *преступленіе*, и т. д., или ихъ эквиваленты, не смотря на тонкія особенности ихъ соозначеній, могутъ считаться общими руководящими терминами во всѣхъ законодательныхъ системахъ, у всѣхъ арійскихъ народовъ (ст. Law въ Encycl. Britan.). То или иное выраженіе находятъ они и у народовъ другихъ лингвистическихъ группъ. Человѣкъ, какъ существо государственное, не можетъ жить безъ нихъ. У всѣхъ народовъ есть представленіе о Богѣ, о душѣ, и о многихъ другихъ вещахъ, хотя, въ силу особой манеры мышленія и особаго характера языка, у нихъ можетъ совсѣмъ не быть соотвѣтствующихъ словъ**). Это не должно затруднять насъ, разъ мы

*) Jus civile, какъ извѣстно, упоминается въ числѣ источниковъ Уложенія подъ именемъ „градскихъ законовъ“=*νόμοι πολιτικοί*.

**) Есть языки, гдѣ нѣтъ вообще существительныхъ: гдѣ, напр., нельзя сказать „лошадь“, но „быть лошадью“. Есть языки, напр., коптскій, на которыхъ нѣтъ словъ справедливость, добро, красота и т. п. Эти абстракціи замѣняются въ нихъ выраженіями, представляющими собою обращенныя въ существительныя (субстантивированныя) выраженія: „то, что справедливо“, „то, что красиво“, „то, что хорошо“, и т. д. „Въ языкѣ ирокезовъ нѣтъ абстракцій. На немъ нельзя сказать *добрый* или *хорошій*; нужно сказать „добрый человѣкъ“, „хорошее расте-

знаемъ, что единицею мысли служитъ не слово, а фраза, и что есть народы, у которыхъ нѣтъ словъ въ нашемъ смыслѣ,—въ частности нѣтъ субстантивовъ.

Въ мышленіи всякаго народа мы можемъ найти тѣ элементы, которымъ мы въ нашихъ арійскихъ языкахъ дали названіе государства, закона, справедливости и права,—хотя бы и не въ формѣ отдѣльныхъ понятій, а какъ составную часть соозначеній нѣкоторыхъ названій, или тѣхъ или иныхъ сужденій (предложеній, фразъ). Это—необходимые, неустранимые элементы разума каждаго нормальнаго человѣка, начавшаго жить полною жизнью. Это—не самыя таинственныя, а самыя понятныя изъ вещей для всякаго человѣка, какъ разумнаго существа. Человѣкъ, вѣдь, всегда живетъ и жилъ государственною жизнью. Какъ бы ни было примитивно государство (маленькая независимая семья, или независимое „стадо"), человѣкъ всегда долженъ былъ входить въ соприкосновеніе съ тѣмъ или инымъ правиломъ поведенія, на охранѣ котораго стоитъ власть этого государства, т. е. долженъ имѣть представленіе о законѣ, о гражданскомъ обществѣ (государствѣ), о своихъ обязанностяхъ и правахъ. Равнымъ образомъ, какъ существо разумное и нравственное, человѣкъ всегда долженъ былъ разумно, т. е. критически, относиться къ существующимъ законамъ, подниматься надъ ними, оцѣнивать ихъ, сопоставлять то, что есть, съ тѣмъ, что желательно, или должно быть, другими словами—онъ долженъ имѣть представленіе о лучшемъ или о болѣе справедливомъ. Въ душѣ каждаго человѣка должно существовать представленіе о томъ, что то или другое изъ существующаго на дѣлѣ не должно было бы существовать. Это и есть стремленіе къ лучшему въ общественной жизни,—къ справедливости. Всегда и вездѣ человѣкъ былъ создателемъ нормъ должнаго, нравственнымъ законодателемъ (на ряду, конечно, съ другимъ нравственнымъ законодателемъ—обществомъ), и сопоставлялъ дѣйствительность съ нормами общественнаго творчества, т. е. думалъ и гово-

---

ніе". (Benloew, Aperçu général... 77). Даже такія выраженія какъ: я люблю, ты любишь... оказываются на дѣлѣ абстракціями; ихъ, напр., нельзя передать на языкѣ могикановъ; они присоединяютъ непосредственно предметъ ихъ любви и говорятъ: я его люблю, я тебя люблю, я васъ люблю, и т. д., выражая всѣ эти идеи *однимъ* словомъ. (Benloew, ор. с., 77, 78). „Цѣлая фраза: „я даю денегъ тѣмъ, которые прибыли, чтобы они купили на нихъ еще платья"—выражается на ирокезскомъ языкѣ *однимъ* словомъ, содержащимъ 21 букву, тогда какъ мы вынуждены употребить на русскомъ 13, а на французскомъ даже 17 словъ для того же конгломерата мыслей. Разумѣется, что на эти странныя композиціи слѣдуетъ смотрѣть какъ на агломератъ корней и простыхъ словъ, насильственно сжатыхъ и сокращенныхъ" (Benloew, ор. с., 77).

рилъ о справедливомъ,—хотя, разумѣется, не въ такой аналитической формѣ, какъ мы *).

Важно для насъ русскихъ то, что, не смотря на вліяніе литературныхъ языковъ запада, языковъ болѣе или менѣе искусственныхъ, нашъ безыскусственный языкъ сохранялъ и сохраняетъ способность къ сопротивленію созданной этими языками путаницѣ. Усилія переводчиковъ (traduttori—traditori) навязать русскому языку чуждую ему иноземную путаницу и „перевести“ то, что нужно было сохранить въ исторической неприкосновенности (ученую иностранную путаницу, съ одной стороны, и результаты совершенно правильнаго анализа родной рѣчи-мышленія, съ другой)—усилія эти кончились собственно ничѣмъ, если не считать розни между „мыслящими классами“ (учеными) и народомъ, которую углубили они.—Римскому jus и и его переводамъ (Recht, Droit) придано было, какъ извѣстно, со временемъ значеніе: 1) совокупности законовъ, 2) права, какъ коррелята обязанности, и 3) какъ синонима справедливости. Такое значеніе старались и стараются навязать и нашему „право“. И, не смотря на неоднократныя стремленія къ этому законодателей, оторвавшихся отъ родной почвы ученыхъ и администраціи, народный языкъ всегда старался разложить многозначущее и неопредѣленное jus (Recht, Droit, Право), чтобы замѣнить его въ каждомъ случаѣ болѣе опредѣленными и сравнительно-однозначущими: справедливость, законъ, право. Народъ хочетъ ясно смотрѣть въ свои идеи и дѣлитъ ихъ, чтобы лучше схватить ихъ.

Есть масса выраженій съ „право“, созданныхъ подъ западнымъ вліяніемъ учеными, выраженій, которыя языкъ признаетъ незаконными, „чудными“, т. е. не соотвѣтствующими его духу.—Употребляю это выраженіе („духъ языка“), потому что оно общепринято, хотя отъ него дышетъ миѳологіей (ср. Whitney, La vie du langage, 124). Оно означаетъ по-просту совокупность предпочтеній извѣстнаго общества, его вкусовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ дѣйствительное сложеніе языка, въ ту или иную эпоху. (Ср. ibid., 125). Это сумма общепринятыхъ въ извѣстное время особенностей словъ и выраженій, значеній, формъ и фразеологіи, уклоненіе (сколько-нибудь существенное) отъ которыхъ не нравится обществу. Кромѣ самыхъ незамѣтныхъ варіацій, оно не производитъ и не принимаетъ ничего новаго. Это и есть таинственный „духъ языка“.

---

*) Мы видимъ, напр., что даже въ такомъ высоко-развитомъ языкѣ, какъ греческій, понятіе закона, эта связка мысли (notion—a single fasciculus of thought, Hamilton, Logic, II, 147), не раздробилась еще такъ, чтобы выдѣлить слово, соотвѣтствующее нашему „право“ (right).

Слова, ихъ грамматическія формы и способы сочетанія въ предложеніяхъ для выраженія мысли подчинены въ языкѣ извѣстнымъ законамъ. Сила отдѣльныхъ лицъ, или классовъ, ничтожна въ сравненіи съ могуществомъ языка, и, строя научный языкъ, всегда нужно строить его на данномъ основаніи (Ср. Потебня, ор. с., 35, 36). Нужно дорожить роднымъ, и не бросать своего лучшаго ради чужого худшаго. Образцомъ для подражанія должны служить намъ англичане. „Счастье, пишетъ Holland (Jurispr., 15), что, когда мы говоримъ по-англійски, что юриспруденція есть наука о законахъ, мы избавлены отъ тѣхъ двусмысленностей, которыя связаны съ выраженіемъ этого предложенія на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ и которыя очень затемнили ея изложеніе на этихъ языкахъ". A Amos Sheldon радуется, что основатель современной англійской школы Остинъ не внесъ къ нимъ „нѣмецкой мысли" (German thought; см. Sc. of law, 5), и что точность, приданная слову law (законъ) спасла англійскихъ ученыхъ отъ многихъ западней неопредѣленности и туманности, не говоря уже сантиментальности, въ которыя попали иностранцы (ibid, 324). Остинъ же обвиняетъ нѣмецкихъ Пиѳій въ проступкахъ противъ здраваго смысла и такта (grave offence against good sense and taste,—Austin, Jurispr., 286, 1885 г.), путаницѣ (they thicken the mess which that confusion produces, ibid.) и дурномъ пользованіи научной терминологіей (misapplication of terms, ibid.).

Что есть у англичанъ и было у греческихъ философовъ, есть и у насъ. И наше „право" не такъ то легко смѣшать съ закономъ или справедливостью. Правда, легальныя значенія не обособлены отъ моральныхъ у насъ, какъ и у англичанъ и другихъ народовъ. Говоря о правѣ, обязанности, законѣ и справедливости, народный языкъ не всегда связываетъ съ этими выраженіями тѣ понятія, которыя вкладываетъ въ нихъ судъ, или вообще государственная власть. Народному языку не всегда нужно справляться съ тѣмъ, что думаетъ при этихъ словахъ законодатель, судья, администраторъ; и еще менѣе думаетъ онъ подвергать эти слова заботливому анализу и придавать имъ ту точность, которой требуетъ юриспруденція. Кромѣ множества другихъ, случайныхъ, значеній, большая публика пользуется указанными словами вообще скорѣе въ нравственномъ, чѣмъ легальномъ смыслѣ, или, въ лучшемъ случаѣ, въ легальномъ смыслѣ, болѣе или менѣе сильно окрашенномъ нравственными представленіями.

Народный языкъ способенъ натолкнуть насъ на правильную дорогу, но онъ не можетъ избавить насъ отъ необходимости анализа основныхъ словъ-понятій, ни дать ихъ намъ въ томъ чистомъ видѣ, какой нуженъ наукѣ. Особенно опасно для юриста смѣшеніе нравственнаго значенія слова „право" съ легальнымъ. Отъ подобныхъ

осложненій, однако, не избавленъ ни одинъ народный языкъ. Мы, русскіе, не находимся въ этомъ случаѣ въ болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ другіе.

Но, народный языкъ, прежде всего, никогда не создавалъ изъ Права особаго существа, чего-то въ родѣ Бога. Въ такой миѳологіи онъ совсѣмъ не повиненъ. Никакого особаго Явленія, или Силы онъ не видитъ. Что Право распоряжается судьбами людей, издаетъ правила для ихъ поведенія, держитъ судъ надъ законодательствомъ, призываетъ къ его реформѣ и усовершенствованію (особенно если это—Естественное Право), и совершаетъ много другихъ похвальныхъ и удивительныхъ вещей,—все это было придумано не народнымъ языкомъ. И что Право является особой силой на ряду съ законодательствомъ и справедливостью, это тоже неизвѣстно народному языку. И сколь бы ортодоксальнымъ ни сдѣлался такой политеизмъ, никогда не поздно протестовать противъ него. Аналогичные примѣры созданія особыхъ боговъ изъ второстепенныхъ словъ извѣстны и религіозной миѳологіи (ср. M. Müller, op. c., 74). И нельзя назвать еретикомъ человѣка, который не видитъ въ Правѣ особаго существа или явленія, какъ не видятъ его современные англійскіе юристы, и какъ не знали его основатели государственной науки—философы Греціи,—какъ нельзя назвать атеистомъ человѣка, который вѣритъ только въ одного Бога. Мы не можемъ обзывать нелестными эпитетами народъ или отзываться съ неуваженіемъ о корифеяхъ человѣческой мысли (Платонъ, Аристотель, Гоббезъ, Локкъ, Бентамъ....) только потому, что они не вѣрили и не вѣрятъ въ Право, какъ въ особую субстанцію, силу, или божество,—или потому, что они видятъ въ немъ лишь проявленіе извѣстныхъ всѣмъ явленій—государства и закона, или отраженіе иной нормы поведенія.—Никто, конечно, не думаетъ изгонять этого слова изъ философскаго языка юриспруденціи, хотя она и возможна безъ этого слова. Лично я считаю созданіе этого слова даже прогрессомъ, но желательно было бы видѣть это слово очищеннымъ и возвращеннымъ къ первоначальному значенію его въ языкѣ.

Русскій человѣкъ слишкомъ реалистъ, чтобы создавать миѳъ о существованіи какого-то особаго, мало-постижимаго и для ученыхъ людей, регулятора поведенія (Право), и—слишкомъ мало вѣритъ въ „независимую нравственность“, чтобы игнорировать обходимый многими регуляторъ—религію. Богъ на небѣ, царь на землѣ, людская молва или слава—вотъ его внѣшніе регуляторы, совѣсть—внутренній регуляторъ. Миѳическому Праву нѣтъ мѣста въ его философіи поведенія. —Это вмѣстѣ съ тѣмъ, mutatis mutandis, и философія Сократа, Платона и Аристотеля. —Юристы континента, поскольку

ихъ Recht, Droit или Diritto (Право) не есть синонимъ законовъ (Laws)*), а есть самостоятельная сила, разошлись съ народными воззрѣніями и не примкнули къ научной философіи. „Право“ лучшихъ философовъ послѣдняго времени на континентѣ есть неопредѣленная величина, то отождествляющаяся со справедливостью, то - синонимъ (не всегда справедливыхъ) законовъ (Inbegriff der Gesetze). Отъ такого смѣшенія теряютъ всѣ: философія, мораль, здравая законодательная политика.

Далѣе, нужно помнить то, на что было указано прежде: нельзя цѣпляться за отдѣльныя слова. Сколько бы мы ни изслѣдовали отдѣльныя буквы, секрета мысли въ нихъ мы не уловимъ. Слова не имѣютъ отдѣльнаго существованія, но являются на дѣлѣ всегда частями рѣчи, частями фразы или предложенія (Ср. M. Müller, op. c., 445). Единицею мысли служитъ предложеніе. Употребляя слово „право“ отдѣльно, мы можемъ понимать его лишь тогда, когда, незамѣтно для самихъ себя, восполняемъ его кое-чѣмъ другимъ,—такъ что оно становится частью предложенія. Слово есть результатъ анализа предложенія, а потому—пониманіе его требуетъ реконструкціи этого предложенія (Ср. Зѣлинскій, В. Вундтъ и психологія языка, Вопр. Филос. и Псих., 1902, кн. 2, стр. 642). Предложеніе, въ свою очередь, не есть отправная точка нашего пониманія, оно получилось путемъ расчлененія совокупнаго представленія (Gesammtvorstellung) на его составныя части. (W. Wundt, Die Sprache, II, 240).

Слово „право“ есть слово міра человѣческаго, или міра существъ, о которыхъ мы мыслимъ по образу и подобію нашему (стоятъ ли они выше, или ниже насъ,—безразлично). Внѣ этого міра оно не имѣетъ смысла. И въ этомъ мірѣ оно пріобрѣтаетъ значеніе лишь тогда, когда дѣло идетъ объ *оцѣнкѣ* дѣйствій или состояній отдѣльныхъ лицъ, или ихъ группъ. Нельзя придумать такого случая употребленія слова „право“, гдѣ бы оно имѣло значеніе внѣ этой оцѣнки. Оцѣнка же немыслима, если у насъ не будетъ какого-либо критерія, какой-либо *нормы* оцѣнки. Поэтому, когда употребляется въ рѣчи слово право, оно пріобрѣтаетъ смыслъ лишь потому, что explicite или implicite съ нимъ связывается идея той или иной нормы поведенія. Эта идея должна быть въ предложеніи, хотя не всякому она замѣтна. — Слово—крайне неадэкватное орудіе мысли. Только по невѣдѣнію большая публика полагаетъ, что она думаетъ, какъ разъ то, что говоритъ, и говоритъ то, что она думаетъ. (Ср. V. Henry, Antinomies linguistiques, 1896, 77, 78).

*) Какъ, напр., у Лассона въ его Rechtsphilosophie, или у Laviosa въ его Filosofia scientifica in Inghilterra.

Потому-то и важно такъ психологическое изученіе языка. Слово— столь сложное и деликатное орудіе, что научиться обращаться съ нимъ несравненно труднѣе, чѣмъ съ самой сложной машиной. Есть представленія, входящія въ составъ предложенія, о наличности которыхъ догадывается не всякій. Потому-то великіе мыслители, въ родѣ Сократа, умѣли открывать въ мысляхъ своихъ собесѣдниковъ такіе элементы погрѣшностей или достоинствъ, которые имъ самимъ, безъ посторонней помощи, едва ли бы пришли въ голову. Потому-то и могъ Сократь быть акушеромъ мысли, что взору его открывались въ рѣчи говорящаго такія идеи, о присутствіи которыхъ не догадывался авторъ ея.

Отъ характера этой, по большей части не высказываемой прямо, но безсознательно присутствующей идеи нормы зависитъ характеръ и значеніе слова „право“ въ предложеніи. Если крестьянинъ говоритъ, что такое-то лицо имѣетъ „полное“ (характерный, почти постоянный, прпвѣсокъ къ слову право) право сдѣлать то-то, или не имѣетъ такого „полнаго“ права, въ головѣ его *скрыто* для него самого и для посторонняго наблюдателя безъ соотвѣтствующаго лингвистическаго образованія, лежитъ представленіе о какой-либо нравственной или законной (а иногда и еще иной) нормѣ дѣйствія. *) Разумѣется, что при недостаткѣ свѣдѣній о законахъ, онъ часто говоритъ о правѣ на дѣйствіе въ юридическомъ смыслѣ тамъ,

*) Само по себѣ слово „право“ не выражаетъ ни единичной нормы, ни совокупности нормъ (Inbegriff der Normen). Это большая разница. Слова „правый“ и „неправый“ выражаютъ отношеніе къ той или иной нормѣ, но самой нормы они не выражаютъ. Поэтому „онъ правъ“ или „его поступокъ правъ“ могутъ выражать различныя вещи, смотря потому, какая норма имѣется въ виду: легальная, нравственная, или иная. — Поэтому опредѣленіе „права“ совокупностью такъ или иначе квалифицированныхъ нормъ не есть опредѣленіе того слова „право“, которое живетъ въ русскомъ языкѣ; съ точки зрѣнія этого языка это „произвольное опредѣленіе“ („arbitrary definition“, см. Whewell, Nov. Org. Ren., 230, 231). Въ нашемъ языкѣ слово „право“ живетъ какъ формальное понятіе, требующее нормы для своего пониманія, но не выражающее ее. Поэтому, даже образованный русскій человѣкъ, если только онъ не извратилъ своего такта въ употребленіи словъ (Sprachgefühl, подсказывающій умѣстность или неумѣстность выраженія) вошедшимъ въ привычку „ученымъ“, т. е. искусственнымъ слово-злоупотребленіемъ юристовъ, никогда не будетъ говорить о томъ, что онъ обязанъ по „финансовому праву“ наклеить марку на какую-нибудь расписку, хотя бы прекрасно знакомъ былъ со словомъ „финансовый“. Подобное выраженіе всегда кажется свѣжему человѣку страннымъ, „чуднымъ“. Выраженіе „финансовый законъ“, или иное какое-либо, даже не русское, выражающее норму или совокупность нормъ (уставъ, предписаніе, положеніе, постановленіе, правило, приказъ, указъ, циркуляръ.....), всегда будетъ для него болѣе естественнымъ, т. е. соотвѣтствующимъ духу языка ..... Языкъ многому

гдѣ можно лишь говорить о нравственномъ правѣ, и обратно: слово право онъ употребляетъ правильно, но относитъ его не къ надлежащей нормѣ.

Разъ слово само по себѣ не есть выраженіе мысли, то одна и та же мысль можетъ быть выражена сочетаніемъ различныхъ словъ. Двѣ фразы, различныя по своему словесному составу, могутъ выражать приблизительно одну и ту же мысль. „Два разныхъ слова не всегда подразумѣваютъ (imply) два разныхъ понятія“ (M. Müller, op. c., 468). И обратно: одна и та же мысль, фактъ или понятіе, могутъ быть часто выражены въ нѣсколькихъ формахъ. (Bain, Logic, v. I, p. 107—124, особенно p. 123, 124) Имѣя родственныя слова, мы въ состояніи часто лучше оріентироваться въ значеніи ихъ, если будемъ прибѣгать для объясненія сложнаго и производнаго къ первоначальному и простому. Чтобы лучше уяснить роль какого-либо слова, хорошо иногда обратить выраженіе съ нимъ въ однозначущее другое съ родственнымъ первому словомъ по происхожденію. Переходъ одной грамматической „части рѣчи“ въ другую при такой „конверсіи“ безразличенъ съ логической (т. е. научной) точки зрѣнія, если смыслъ конвертированнаго предложенія соотвѣтствуетъ смыслу предложенія начальнаго. *)

Чтобы разобраться въ значеніи и роли слова „право“ въ языкѣ народномъ (въ противоположность языку „ученому“, прибѣгающему иногда къ искусственнымъ образованіямъ, не всегда вынуждаемымъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и необходимостью), мы замѣнимъ выраженія съ нимъ выраженіями со словомъ „правый“, отъ котораго произошло оно этимологически, и которое является болѣе простымъ и первоначальнымъ, а потому часто и болѣе понятнымъ.

Не „правый“ произошло отъ „право“, а обратно „право“ отъ „правый“, какъ das Recht произошло отъ recht, the right отъ right, le droit отъ droit. „Право“ есть сравнительно поздно возникшее слово, **) такъ что было время, когда оно не было въ употребленіи

---

*) „Люди—смертны“, „всѣ умрутъ“, „мы осуждены на разложеніе“, „изчезновеніе есть законъ нашего бытія“ — все это лишь синонимныя варіаціи, ничего не прибавляющія къ факту, хотя и могущія содѣйствовать силѣ выраженія (Bain, op. c., ibid.). Сказать, что извѣстное лицо „имѣло право“ совершить такой-то поступокъ, все равно, что сказать, что извѣстное лицо было право, совершивъ такой-то поступокъ, или что такой-то поступокъ былъ правъ, или не былъ неправъ.

**) См., напр., словарь братьевъ Гриммовъ (Deutsches Wörterbuch, Jacob und Wilhelm Grimm, т. 8, изд. 1893 г., стр. 364 и слѣд.).

На стр. 364 говорится: Recht, n., das substantiv des nachfolgenden (въ словарѣ) adjectivs (recht), als neutrum überhaupt *nur im westgermanischen entwi-*

и когда по необходимости приходилось прибѣгать къ выраженіямъ со словомъ „правый“ (или инымъ) для передачи той мысли, которую мы можемъ теперь выражать съ помощью слова „право“.

Я уже указывалъ и долженъ еще разъ указать на не-необходимость слова „права“ какъ въ обыденномъ, такъ и въ философскомъ языкѣ. Были и есть языки, были и есть законодательства безъ слова, соотвѣтствующаго „праву“ *). Основы государственной науки и философіи законодательства положены были мыслителями, которымъ не было знакомо слово „право“. Большаго доказательства того, что „право“ не принадлежитъ къ этимъ основамъ, привести нельзя. — Играя второстепенную роль, слово это (право) и теперь часто обходится законодателями и языкомъ народа. Такое-то лицо „можетъ совершить“ то-то—часто, въ извѣстномъ контекстѣ закона или обывательской рѣчи, замѣняетъ собою вполнѣ „имѣетъ право“ совершить. Языки, имѣющіе теперь слово „право“, не имѣли его прежде, хотя и имѣли законодательство и обычаи, и имѣли тѣ или иныя выраженія для понятій справедливости, закона, государства. Философія, какъ и практическая юриспруденція, жили, живутъ и могутъ жить безъ слова-понятія „право“: ихъ фундаментъ не въ этомъ понятіи, а въ другихъ (законъ, справедливость, государство), хотя очищенное и возвращенное къ своему первоначальному значенію слово „право“ является очень удобнымъ легальнымъ символомъ (duties and rights—legal symbols у Monahan, The method of law, стр. 54 и сл.) и является прогрессомъ дифференціаціи „сгущенной“ прежде мысли („Сгущеніе мысли“ у Потебни, Мысль и языкъ, гл. X). Нужно именно удержать это слово въ томъ значеніи и роли,

ckelt. Gothisch ist es *ganz ohne entsprechendes*; im altnord. wird es durch dag masc. réttr, gen. rettar vertreten, das aber zum theil auch andere bedeutungen aufzeigt. Es musz *ein verhältnismäszig spät aufgekommenes wort sein*, welches.....

*) Не было слова „право“ и въ древнемъ русскомъ языкѣ въ качествѣ имени существительнаго. Для этимологіи и объясненія значеній слова „право“ см. „Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій“, 1852 г.; въ частности: т. I, стр. 553 (опытъ словаря изъ Ипатьевской лѣтописи); т. II (1856 г.), стр. 96 (выборъ словъ изъ лѣтописей новгородскихъ и псковскихъ) и стр. 410 (сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими); т. VI (1861 г.), стр. 178, 177, 179 (церковно-славянскій словарь Востокова; интересно: *правьды*, с. ж. мн., оправданія, заповѣди; въ правда (х) твои (х) повчоуся —*ἐν τοῖς δικαιώμασι*, въ оправданіяхъ); нѣтъ сущ. *право*, но *право* =*ἀμήν*, amen; *правь*, нарѣчіе, = право, дѣйствительно. — Слово *право* было, но какъ нарѣчіе въ значеніи „справедливо“. Въ Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum Miklosich'a и въ Рјечникѣ сербскихъ литературныхъ древностей Даничича, т. 2, стр. 411, можно найти слово *правь*, f., которое у всѣхъ или нѣкоторыхъ племенъ могло соотвѣтствовать современному „право“, встрѣчаемому у многихъ славянскихъ народовъ, но иногда оно означало justa, justitia. Часто

которыя придалъ имъ языкъ. „Никто не имѣетъ права влагать въ языкъ народа того, чего самъ этотъ народъ въ своемъ языкѣ не находитъ“ (Потебня, ор. с., 146, изд. 1892 г.). Народный языкъ никогда не влагалъ въ слово „право“ понятія совокупности нормъ, и мы должны подчиняться этому требованію языка. Мы нарушимъ это требованіе, мы создадимъ искусственный языкъ, существующій рядомъ съ языкомъ народа, который мы не можемъ передѣлать своею властью, и отъ стихійнаго вліянія котораго мы не можемъ уклониться, такъ какъ мы живемъ и мыслимъ имъ. Вынуждая сами себя мыслить на двухъ языкахъ одновременно (искусственномъ и народномъ), мы создаемъ множество двусмысленностей, жертвой которыхъ и оказываемся потомъ. Извѣстнаго воздѣйствія отдѣльнаго человѣка или группы людей (юристовъ, напр.) на народный языкъ отрицать нельзя (ср. Потебня, ор. с., 36), но мы всегда должны имѣть въ виду, что языкъ народа имѣетъ свои привычки, свои требованія къ намъ, свои законы, которыхъ мы игнорировать не можемъ. Извѣстной творческой роли въ языкѣ за субъектомъ (или группой ихъ) мы отрицать не можемъ, но, прежде чѣмъ творить, нужно убѣдиться, что языкъ дѣйствительно нуждается въ творчествѣ, что съ помощью накопленнаго въ немъ матеріала мы не можемъ выразить нашихъ глубокихъ или неглубокихъ мыслей,—убѣдиться, что Америка дѣйствительно еще не открыта. А если уже открыта?!..... Не всуе ли творили и открывали мы?.

Языкъ есть общее достояніе, создаваемое общественнымъ процессомъ мышленія, не терпящее произвола надъ собою со стороны отдѣльныхъ лицъ и требующее себѣ, какъ величайшая власть надъ нами, подчиненія. Индивидъ не можетъ въ этомъ случаѣ навязать свою волю обществу. Языкъ есть коллективная работа, въ которой принимали участіе тысячи поколѣній и милліарды работниковъ (Whitney, La vie du langage, 254). Что значитъ передъ ними индивидъ, или „ученые“ (т. е. не знающіе законовъ языка, на которомъ они мыслятъ и пишутъ) юристы?! — Римскій императоръ Августъ, не смотря на всю свою власть, совершенно справедливо говорилъ, что онъ не можетъ создать ни одного латинскаго слова (Локкъ, Hum. Underst., кн. 3, гл. 2, § 8). Создаетъ же слово не только тотъ, кто образуетъ новое сочетаніе звуковъ, но и тотъ, кто мѣня-

употреблялось также слово „правда“ съ мѣняющимся значеніемъ: jus, justitia, justa, judicium, lis. Въ другихъ словаряхъ (напр., Lexicon serbico-germanico-latinum Караджича, въ Blago jezika slovinskoga Micalia, 1649 г., стр. 480, въ Сербско-Русскомъ Словарѣ Лавровскаго, стр. 525, и нѣк. др.) я не находилъ ни правъ, ни право, даже въ современномъ языкѣ, хотя въ Deutsch-serbisches Wörterbuch Караджича, 1877 г., стр. 133, слово das Recht сопоставлено со словами: правда, право, правица.

етъ значеніе уже существующихъ словъ, расширяя или ограничивая его, или—кто образуетъ необычныя сочетанія существующихъ словъ („unusual expressions", Hamilton, on Logic, II, 149). Метафора, напр., пользуется старыми звуками, а между тѣмъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду процессовъ созданія нашихъ словъ и мыслей (M. Müller, op. c., 486 и др.), такъ что языкъ является „полнымъ гербаріемъ поблекшихъ метафоръ" (ibid., 507).

Въ силу взаимной связи и соозначенія основныхъ понятій юриспруденціи (законъ, государство, справедливость) идеи, передаваемыя при помощи слова „право", могутъ быть выражены при помощи одного изъ этихъ понятій въ различныхъ комбинаціяхъ безъ слова „право". Онъ „имѣетъ право" можетъ быть передано такъ: есть законъ или правило, дающее ему возможность или свободу на совершеніе того-то. Или—данное лицо имѣетъ возможность контролировать дѣйствія другого или другихъ съ согласія и съ помощью государства. Или: извѣстное лицо будетъ право, если оно совершитъ такой-то поступокъ; или—такой-то поступокъ даннаго лица будетъ правиленъ; и много другихъ эквивалентныхъ выраженій. *)

Внѣ всякаго сомнѣнія, что слово „право" стоитъ въ связи черезъ слово „правый", „справедливый", со словомъ „справедливость" (корень одинъ и тотъ же „прав"). И теперь, напр., das Recht чаще, чѣмъ нужно, смѣшивается съ das Gerechte, a le droit съ la justice.— Заслуга народнаго языка и заключается въ томъ, что, чувствуя связь справедливости и права, онъ никогда не дѣлалъ и не дѣлаетъ право источникомъ закона, справедливости или государства, а, наоборотъ, совершенно правильно выводитъ право и права изъ законовъ, воли государства или представленій о справедливости. Право играетъ второстепенную, а не основную роль. Когда ему нужно выразить что-либо относительно основъ общежитія, онъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же идеямъ, что и Платонъ съ Аристотелемъ (*πόλις, νόμος, τὸ δίκαιον*). Не важно, конечно, чтобы онъ употреблялъ какъ разъ тѣ выраженія, которыя получили такое широкое право гражданства среди культурныхъ классовъ (т. е. государство, справедливость, законъ). Есть и много другихъ однозначущихъ выраженій (земля, русская земля, царство, княжество, „государево дѣло", „православный міръ" сливается для нѣкоторыхъ съ понятіемъ русскаго государства; для закона есть масса другихъ выраженій: указъ, постановленія, царское слово, и мн. др.; для справедливости—правда, „по божьему", истина.....).—И исторически слово

*) Напр., данное лицо *можетъ* совершить такой-то поступокъ. Въ этомъ „можетъ" будетъ заключено согласіе поступка съ закономъ, или одобреніе его со стороны государства, или его „легальная справедливость". Ср. Erdmann, Logik, 432, 437 и др. стр. о Konversion и Gleichgeltung.

„право“ проникло въ нашъ законодательный и не-законодательный языкъ лишь въ сравнительно позднѣйшее время. Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ искусственнаго языка юристовъ и соприкосновенія съ Западомъ, гдѣ народный языкъ въ большей мѣрѣ подавленъ искусственными новообразованіями на чуждой общему языку почвѣ (исключая Англіи), въ это послѣднее время слово „право“ стали не только употреблять, но и въ большой мѣрѣ имъ злоупотреблять. Пуризмъ въ языкѣ оказывается въ данномъ случаѣ крайне необходимымъ. Въ народномъ русскомъ языкѣ есть великій разумъ и глубокая философія.

Если сказать, что такое-то лицо „имѣло право“ сдѣлать то-то, все равно, что сказать: „поступокъ этого лица былъ правъ“; то возникаетъ вопросъ, какую роль играетъ слово „правый“, послужившее основой для образованія слова „право“?

„Правое, говоритъ Г. Спенсеръ (Data of ethics, 258), необходимо возбуждаетъ мысль о неправомъ, какъ своемъ коррелятѣ.“—„Правый“ и „неправый“, слѣдовательно, представляютъ собою соотносительныя слова. Относительность относительности, однако, рознь. Относительность есть фундаментальная черта нашего знанія. Всякое знаніе и всякое понятіе, въ извѣстномъ смыслѣ, относительны. Иначе говоря, принципъ относительности универсаленъ (Bain, Logic, v. I, p. 54 и сл., §§ 11, 12, 17.). Иногда относительность ясно выражается въ языкѣ. „Мы видимъ огромное преобладаніе паръ“ (Bain, op. c., 55*). Однако, иногда относительность прямо не указывается языкомъ, хотя она существуетъ вездѣ, гдѣ только можно найти между двумя предметами „какую-нибудь общую черту“ (Sully, The human mind, v. I, p. 398), или—гдѣ двѣ вещи „причастны какому-либо факту или ряду фактовъ, “(Милль, Сист. Лог.; см. еще Bain, Logic, v. I, p. 61), т. е. всегда, такъ какъ всегда можно найти такую общую черту между двумя фактами или вещами.

Каждое отношеніе предполагаетъ три элемента: два соотносящихся предмета (означаемыхъ иногда положительнымъ и отрицатель-

---

*) Отецъ, сынъ; правитель, подданный; сходный, несходный; равный, неравный; длиннѣе, короче; причина, слѣдствіе; господинъ, слуга; родитель, сынъ или дочь; должникъ, кредиторъ; государь, поданный; ходатай, кліентъ; я, не-я; субъектъ, предикатъ; Vordersatz, Nachsatz; цѣль, средство; молотъ, наковальня; обвинитель, обвиняемый; истецъ, отвѣтчикъ; абсцисса, ордината; зенитъ, надиръ; вещь, качество; горячій, холодный; движеніе, покой; внизъ, вверхъ; легкій, тяжелый; густой, рѣдкій; твердый, мягкій; богатый, бѣдный; смерть, жизнь; высокій, низкій; прямой, согнутый; добрый, злой; удовольствіе, страданіе; добродѣтель, порокъ; здоровье, болѣзнь; человѣкъ, животное; молодой, старый; глупый, умный; храбрый, трусливый; поднимающійся, падающій; горькій, сладкій; гладкій, шероховатый; холодный, нехолодный; хорошій, нехорошій; рыба, не-рыба; металлъ, неметаллъ. и т. д. (см. Милль, сист. лог., 83; B. Erdmann, Logik, 58; Bain, Logic).

нымъ терминами, по терминологіи Бэна, Logic, p. 55, § 12; напр., „правый“ и „неправый“; но—человѣкъ и животное?), и основаніе отношенія (fundamentum relationis—по терминологіи старыхъ логиковъ; the universe или genus—по терминологіи Бэна; мы будемъ пользоваться иногда для выраженія этого словомъ „категорія“). Основаніемъ отношенія (the universe, genus) называется та общая черта (или совокупность чертъ, или, по терминологіи Милля, фактъ, событіе или ихъ рядъ), которая присуща соотносящимся предметамъ.

„Возьмемъ пару соотносительныхъ названій (the contrary names по терминологіи де-Моргана, см. Bain, Logic, v. 1, p. 56), напр,, человѣкъ и не-человѣкъ. Ясно, что они представляютъ между собою все мыслимое, или реальное въ мірѣ. Но, соотносительныя слова обычнаго языка обнимаютъ обыкновенно не весь міръ (universe), а какую-нибудь общую идею. Такъ, изъ людей, британецъ и чужеземецъ представляютъ собою соотносительныя: каждый человѣкъ долженъ быть чѣмъ-нибудь изъ двухъ, никто не можетъ быть тѣмъ и другимъ. Не-британецъ и чужеземецъ суть тожественныя названія такъ же, какъ не-чужеземецъ и британецъ. То же самое можетъ быть сказано о цѣломъ и дроби между числами, пэръ и коммонэръ между подданными королевства, самцѣ и самкѣ между животными, и т. д. Чтобы выразить это, скажемъ, что разсматриваемая цѣлая идея есть міръ (universe) въ значеніи цѣлаго, части котораго мы разсматриваемъ, и пусть названія, не имѣющія ничего общаго, но заключающія въ себѣ всю разсматриваемую идею, называются соотносительными *въ этомъ*, или *по отношенію къ этому міру*. Такъ, если міромъ (universe) будетъ человѣческій родъ, британецъ и чужеземецъ суть соотносительныя такъ же, какъ солдатъ и не солдатъ (civilian), самецъ и самка и т. д.; если міромъ (universe) будетъ животное, человѣкъ и скотина (brute) будутъ соотносительными, и т. д.“.

Этотъ-то міръ (universe) и составляетъ основаніе отношенія (fundamentum relationis).—Всякій разъ когда не ясно основаніе отношенія, мы наталкиваемся на двусмысленности и недоразумѣнія.

На основаніе отношенія можетъ указывать или контекстъ, или прямое упоминаніе коррелята. При отсутствіи указанія на него значеніе слова будетъ оставаться неопредѣленнымъ. Такъ, напр., слово „гражданскій“ мѣняетъ свое значеніе, смотря по тому, чему оно противополагается: гражданскій и военный, гражданскій и церковный, гражданскій и уголовный; въ англійскомъ: civil и natural, civil и uncivil или discourteous; правый и лѣвый, правый и неправый.

Иногда одна и та же пара соотносительныхъ можетъ употребляться для выраженія весьма различныхъ, по временамъ—другъ друга отрицающихъ вещей. Это именно тогда, когда можетъ быть много

основаній отношенія для этой пары. Обыкновенно принято говорить, что такія слова выражаютъ различныя вещи съ „различныхъ точекъ зрѣнія“. Къ нимъ принадлежитъ и пара соотносительныхъ „правый—неправый“.

„Правый“ и „неправый“ выражаетъ оцѣнку человѣческихъ дѣйствій. Всѣ недоразумѣнія при употребленіи ихъ, равно какъ и производнаго отъ нихъ „право“ въ разнаго рода выраженіяхъ, зависятъ отъ того, что штандартовъ оцѣнки (иначе: точекъ зрѣнія для нея) —нѣсколько, много. Выражаясь иначе,—отъ того, что слова правый и неправый (равно какъ и равнозначущія выраженія со словомъ право) имѣютъ много основаній отношенія (fundamenta relationis).

Такъ:

1) Они употребляются для оцѣнки дѣйствій съ *нравственной точки зрѣнія* (правъ, неправъ, правое дѣло; thue Recht, scheue Niemand и т. д.) Но, такъ какъ въ этикѣ все опредѣляется цѣлью (Bain, Logic, v. 2, p. 315, v. 1, p. 30, § 43), и нѣтъ согласія у людей относительно конечной цѣли, то происходитъ то, что въ каждомъ обществѣ существуетъ множество нравственныхъ штандартовъ (см. Leslie Stephen, The science of ethics, p. 37). Какъ говорятъ, что существуетъ столько болѣзней, сколько больныхъ, такъ можно сказать, что существуетъ столько нравственныхъ кодексовъ, сколько есть людей и союзовъ. Въ церкви образуется свой кодексъ, въ государствѣ —другой, въ образованномъ обществѣ—третій, у некультивированныхъ классовъ—четвертый, у передовыхъ мыслителей—пятый, у отстающихъ посредственностей—шестой, и т. д. Конечно, при всемъ разнообразіи кодексы эти имѣютъ много общаго между собою. Но, все таки, вслѣдствіе многообразія критеріевъ добраго и злого, выраженія: правъ неправъ, имѣетъ право, и т. п., имѣютъ *каждый разъ особый смыслъ*, могущій быть выводимымъ изъ контекста и обстоятельствъ .... Во всякомъ случаѣ выраженія эти—лишь эллиптическая форма. Никакого „особаго“ явленія они не указываютъ. Мысли, выражаемыя ими могутъ быть облечены и въ другую эквивалентную форму, обходя самое слово „право“.

2) Они употребляются для оцѣнки дѣйствій съ юридической точки зрѣнія. Если бы слово „законъ“ не ограничено было въ своемъ значеніи спеціальною категоріей правилъ (велѣній или нормъ), можно было бы сказать, что дѣло идетъ здѣсь объ оцѣнкѣ дѣйствій съ точки зрѣнія законности. (Англичане предпочитаютъ употреблять слово law, законъ, гдѣ континентальные юристы щедро сорятъ словомъ „право“, „правовой“, „юридическій“, а вмѣсто „юридическій“ или „правовой“ говорятъ легальный; можно, слѣдовательно, говорить объ оцѣнкѣ съ легальной точки зрѣнія). „Продавецъ имѣетъ *право*

требовать цѣну проданной вещи"—можетъ быть замѣнено множествомъ другихъ эквивалентныхъ выраженій безъ слова „право". Указанное предложеніе есть лишь сокращенный и удобный способъ выраженія.

3) Слово „право" можетъ быть употребляемо въ безконечномъ множествѣ выраженій *вездѣ, гдѣ только можно говорить о какихъ-либо правилахъ дѣятельности* (приличія, грамматики, любого техническаго искусства, логики, игры и т. д.). И здѣсь оно—выражаетъ соотвѣтствіе поступка извѣстной идеальной линіи дѣйствія; удобно по своей эллиптичности и—можетъ быть замѣнено другими выраженіями.

4) Кромѣ того, въ зависимости отъ обстоятельствъ, контекста и *противополагаемой* идеи, слово „право" можетъ исполнять и множество иныхъ функцій. Такъ, въ противоположность идеѣ обязанности (обязанности=связанности) оно можетъ выражать мысль о свободѣ. Въ противоположность идеѣ о какихъ-либо ограниченіяхъ, невыгодахъ,—идею преимуществъ, льготъ. Въ противоположность идеѣ о подчиненномъ, зависимомъ положеніи,—мысль о господствѣ и т. д. Словомъ, не имѣя само по себѣ опредѣленнаго значенія, слово это (право) употребляется въ качествѣ одного изъ членовъ относительной пары (couple) для выраженія очень разнообразныхъ идей, выработанныхъ общественною, политическою и экономическою жизнью, идей, получившихъ для себя отъ языка и другіе, болѣе опредѣлительные, термины.

Если слово „право" такъ часто встрѣчается у юристовъ,—это понятно. Имъ приходится всегда оцѣнивать дѣйствія и состоянія съ точки зрѣнія нормъ, санкціонированныхъ государствомъ. Соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этимъ нормамъ и выражается часто удобнѣе всего различными выраженіями со словомъ „право" („имѣетъ право", „не имѣетъ права", и пр.). Такія выраженія со словомъ право вполнѣ замѣнимы часто квалификаціей поступковъ правыми и неправыми, или еще точнѣе—законными и незаконными (легальными и нелегальными).

Употребляя слово „право", мы должны имѣть въ виду многосмысліе его въ зависимости отъ нравственной, легальной, или иной точки зрѣнія (fundamentum relationis).

Такимъ образомъ, слово „право" не только не выражаетъ собою никакой опредѣленной мысли взятое отдѣльно (свойство, раздѣляемое имъ съ другими словами, въ силу того, что, какъ указано уже было, единицею мысли служитъ предложеніе), но, и взятое въ составѣ фразы, оно не даетъ намъ опредѣленной мысли, благодаря множеству точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на него. Нуждаясь само въ указаніи на законъ или нравственную норму (помимо

другихъ), чтобы принять опредѣленную окраску значенія, оно естественно не можетъ сдѣлаться основой другихъ понятій. Оно само не можетъ существовать для нашей мысли безъ подпорокъ другихъ, болѣе основныхъ, понятій, а потому нельзя ставить его во главу угла. И народный языкъ никогда не возводилъ его на ненадлежащій пьедесталъ. О томъ, что „финансовое право“ предписываетъ платить подати, или что запретъ употреблять бранныя слова на улицѣ или курить исходитъ отъ полицейскаго или уголовнаго права, человѣкъ свѣжій, не привыкшій къ вычурному, искусственному языку, никогда не станетъ говорить. И народный языкъ не такъ уже бѣденъ и безпомощенъ, чтобы онъ не былъ въ состояніи передать всѣ тѣ идеи, которыя содержатся въ разнаго рода „правахъ“ (полицейскомъ, гражданскомъ, уголовномъ и т. д.). Мы не должны рвать съ прошлымъ и настоящимъ нашего языка, разъ онъ годенъ для выраженія въ сущности весьма простыхъ мыслей, съ которыми приходится имѣть дѣло юристу. Устои, воздвигнутые трудами длинной вереницы поколѣній, отличаются не только простотою, но и философскою глубиною, какъ это не разъ доказывали великіе языковѣды только что истекшаго вѣка. Народное міросозерцаніе, отражающееся въ языкѣ, поражаетъ часто своею правильностью. На каждомъ изъ насъ лежитъ обязанность изучать родное, а изучивъ, мы полюбимъ его, будемъ лелѣять и хранить. И русскій языкъ есть орудіе для болѣе глубокаго и полнаго проникновенія въ тайны мысли.

Русское „право“ сохранило еще одно преимущество передъ наиболѣе соотвѣтствующими ему иностранными словами. Когда нѣмецъ употребляетъ das Recht, онъ противополагаетъ его часто слову das Unrecht—то, что право, тому, что неправо—и этимъ несомнѣнно придаетъ этому das Recht нравственное значеніе (по большей части—синонима справедливости). Если, поэтому, нѣмецкое das Recht такъ часто отождествляется съ das Gerechte, въ этомъ виноватъ не только искусственный научный, но и народный языкъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ англійскомъ The Right, которое въ противоположность The Wrong, является часто синонимомъ справедливости или добра*). Въ русскомъ языкѣ нѣтъ такой соотносительной пары (das Recht—das Unrecht, the Right—the Wrong). Со словомъ „неправо“ мы знакомимся впервые лишь въ искусственномъ языкѣ юристовъ, въ общій языкъ оно не перешло, да и среди юристовъ не въ большомъ ходу. Желая выразить идею справедливости, народный языкъ прибѣгаетъ къ другимъ словамъ (особенно часто къ слову „правда“: живетъ неправдою, не по правдѣ...); „право“ же онъ бережетъ для су-

*) Хотя англійскіе юристы избѣжали участи нѣмецкихъ и не смѣшали нравственныхъ понятій съ юридическими.

бальтерной роли. Онъ выражаетъ иногда при его помощи нравственныя свои представленія (право, какъ коррелятъ обязанности въ нравственномъ смыслѣ), но всегда въ зависимости отъ представленія о той или иной нормѣ или линіи дѣйствія, о томъ, что должно быть. Идея нравственной нормы всегда, explicite или implicite, стоитъ выше „права". Справедливость устанавливаетъ права, а не Право устанавливаетъ справедливое. Нравственныя права имѣетъ тотъ, въ чью пользу говоритъ тотъ или иной нравственный императивъ *).

Если понятіе нормы стоитъ выше, по признанію философовъ, понятія справедливости (*τὸ δὲ δίκαιον τὸ τε νόμιμον*), мы вовсе не унижаемъ „право", ставя его въ зависимость отъ закона или нормы. Роль его—роль подчиненная: оно опредѣляется закономъ (нравственнымъ или государственнымъ), а не опредѣляетъ собою закона. И въ въ этомъ случаѣ народный русскій языкъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ же, о чемъ говорятъ и величайшіе мыслители.

Въ „Толковомъ Словарѣ Живаго Великорусскаго Языка" Владиміра Даля (т. Ш, стр. 389, изд. 1882 г.) „право" народнаго языка опредѣляется такимъ образомъ: „Право", существительное средняго рода,—данная кѣмъ-либо, или признанная обычаемъ власть, сила, воля, свобода дѣйствія; власть и воля въ условныхъ предѣлахъ". Далѣе приводятся примѣры употребленія слова „право": *Ему дано право карать и миловать. Право родителей надъ дѣтьми не крѣпостное. Крѣпостное право у насъ постоянно ограничивалось, а нынѣ вовсе упразднено. Право на что*, основательность, законность. *Право на благодарность*, по заслугамъ; *право на орденъ, на чинъ, пенсію*, по закону. *За десятилѣтнею давностью, онъ утратилъ право иска. Каждому сословію даны свои права.*—Далѣе слѣдуетъ у Даля искусственнымъ путемъ введенное въ „научный языкъ" значеніе этого слова: *Право*, наука законовѣдѣнья (лат. jus; нѣм. das Recht; фран. les droits), юриспруденція, или одна изъ вѣтвей науки этой. *Право гражданское, военное, уголовное, римское*, и пр. *Студентъ правъ.*—На искусственность указываетъ уже ссылка на латинскую, нѣмецкую и французскую фразеологію.

Отечественное выраженіе для „науки права" есть „законовѣдѣніе". Если „право" въ народномъ языкѣ означаетъ власть или свободу дѣйствія, *данную кѣмъ-либо*, или признанную *обычаемъ*,—то, зна-

*) Даже Кантъ, виноватый въ миѳологіи по отношенію къ das Recht не менѣе другихъ (о его миѳологическомъ представленіи о Разумѣ см. M. Müller, op. c., 73 in fine и сл.), ставитъ все-таки превыше всего свои Категорическіе Императивы, т. е. другое названіе для нормы или закона (по собственному его опредѣленію: „законъ есть предложеніе, заключающее категорическій императивъ", Introduction à la métaphysique des moeurs, IV; traduction Barni; цитир. изъ Var.-Sommières, op. c., 13). Ladd называетъ поэтому его направленіе въ этикѣ легализмомъ (Philos. of conduct, 497 и сл.).

читъ, наличность права предполагаетъ предписаніе власти или правило обычая. Въ народномъ языкѣ никогда не связывается со словомъ „право“ представленіе о какомъ-либо особомъ общественномъ явленіи, какъ не связывали его, напр.., и греки со своимъ ἐξουσία, иногда соотвѣтствовавшимъ нашему „право“. Это лишь способъ выраженія извѣстныхъ отношеній, а не какая-либо самостоятельная сила, распоряжающаяся судьбою людей, или совокупное названіе для законовъ страны. Для этой послѣдней цѣли употребляется или множественное число „законы“, или собирательное слово „законодательство“. Языкъ—простой, понятный и точный.

„Право“, въ народномъ языкѣ, всегда носитъ объективный характеръ,—это принадлежность лица или группы лицъ, прямо указанныхъ или подразумѣваемыхъ (Ср. Monahan, The method of law, 57). Право родителей есть право извѣстныхъ лицъ; право собственности есть право собственника; право семейное не есть синонимъ семейныхъ законовъ, а право, принадлежащее семьѣ; право крѣпостное не есть совокупность законовъ или нормъ, регулирующихъ отношенія извѣстныхъ лицъ, а право держать въ зависимости крестьянина, право, признававшееся за помѣщикомъ или казной со стороны государства, а потомъ государствомъ же отмѣненное; право наслѣдственное есть право, принадлежащее кому-либо, какъ наслѣднику, а не совокупность законовъ или обычаевъ наслѣдованія.

Даже среди лицъ, выросшихъ подъ иноземнымъ вліяніемъ и привыкшихъ говорить о „наукѣ права“, сохранилось смутное чувство, что выраженіе это не соотвѣтствуетъ духу народнаго языка. При соприкосновеніи съ широкими массами они смутно сознаютъ, что „законъ“ и производныя отъ него выраженія, доступнѣе, понятнѣе и умѣстнѣе для народа, чѣмъ „право“, „правовой“, „юридическій“ и пр. Понятность слова есть синонимъ его объективнаго значенія (Потебня, ор. с., 96),—умѣнья взаимно понимать другъ друга. Разъ „наука права“ возбуждаетъ споры и взаимное непониманіе даже среди спеціалистовъ, а „законовѣдѣніе“ оказывается понятнымъ всѣмъ, это значитъ: первое выраженіе не принято еще въ міръ общепризнаннаго и познаннаго, а „законовѣдѣніе“—не безъизвѣстно общему мышленію человѣчества (Ср. Потебня, ор. с., 165). Поэтому, и вводя, напр., преподаваніе элементовъ юриспруденціи въ среднія школы, говорятъ о „законовѣдѣніи“, а не о „правовѣдѣніи“.—Самыя глубокія идеи совмѣстимы съ простотою выраженія.

„To speak as the common man speaks,
to think as the learned man thinks“.

Величайшіе мыслители человѣчества отъ Платона и Аристотеля до Канта говорятъ намъ о томъ же, о чемъ и народный нашъ языкъ. Если греческіе мыслители находили возможнымъ обходиться безъ слова „право“, а верховный принципъ государственной жизни—представленіе о справедливомъ (*τὸ δίκαιον*)—опредѣляли какъ согласіе съ нормой (*νόμιμον*); если вся древняя государственная жизнь дышала идеалами повиновенія закону и преданности общему благу (Cp. Benn, Philosophy of Greece, 250, то какъ, напр., смотритъ на эти вещи въ болѣе близкое намъ время величайшій изъ мыслителей континента—Кантъ?—Его das Recht носитъ тѣ же недостатки смѣшенія съ понятіями о справедливомъ, что и у многихъ другихъ: область этики смѣшивается часто съ областью юриспруденціи ко взаимной невыгодѣ обѣихъ. Но, какое понятіе ставитъ онъ на первое мѣсто въ той практической средѣ, регулированіемъ которой заняты этика и юриспруденція?—Понятіе „категорическаго императива“, безусловнаго велѣнія, абсолютнаго закона. Понятіе закона олицетворено у него (хотя и представляется какъ безличное) подобно тому, какъ у представителей естественныхъ наукъ олицетворяется часто „Природа“. Это новый фетишъ, таинственное существо или сила, при созерцаніи котораго долженъ трепетать и надѣяться человѣкъ. Мало того, отъ мыслящаго существа требуютъ *нравственнаго* уваженія передъ безличною лишь формулой; отъ него хотятъ признанія такой формулы настоящимъ источникомъ власти и обязанности. Отъ насъ хотятъ вѣры въ то, что истинная помощь можетъ быть найдена въ манипуляціи съ понятіями.... безличными, а потому чуждыми тѣмъ личнымъ интересамъ, съ которыми приходится имѣть дѣло этикѣ.

Если „Законъ“ („Категорическій Императивъ“) является верховнымъ понятіемъ въ области этики, если справедливость есть осуществленіе подобнаго закона въ жизни, то очевидно, что и das Recht, смѣшиваемое съ das Gerechte (справедливымъ), не есть верховный принципъ: выше его стоитъ Законъ.—Если понятіе Императива есть суверенное понятіе нравственнаго порядка, очевидно, что подобное же понятіе закона, какъ государственнаго императива, должно играть первенствующую роль въ государственной жизни. И, дѣйствительно, у Канта встрѣчаются указанія на das Recht лишь какъ на синонимъ законовъ (der Inbegriff der Gesetze). Кантъ грѣшитъ, очевидно, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, непослѣдовательностью. Въ другихъ мѣстахъ онъ возводитъ das Recht на степень самостоятельнаго (фетиша, забывая о его подчиненной роли по отношенію къ Закону императиву).

Стремленіе обращать отдѣльныя слова въ особые факты съ самостоятельной реальностью, и даже создавать изъ нихъ миѳическія

существа по образу божества, слишкомъ распространено среди людей. „Изъ того обстоятельства, что человѣкъ могъ мыслить или становиться разумнымъ, выведено было, что онъ обладаетъ разумомъ, и этотъ разумъ, написанный съ большого Р, сдѣлался чѣмъ-то реальнымъ, хотя и невидимымъ, былъ потомъ воспѣтъ въ качествѣ божественнаго въ восхитительныхъ рапсодіяхъ, пока, наконецъ, ему не стали поклоняться на улицахъ Парижа, какъ Богинѣ Разума“ (M. Müller, op. c., 73).—Какъ разъ то же случилось и съ Правомъ. Изъ того обстоятельства, что человѣкъ можетъ имѣть права при наличности закона (государственнаго или нравственнаго), выведено было, что мы должны относиться съ уваженіемъ къ праву, а потомъ право обратилось въ священную и неприкосновенную вещь само по себѣ, а позже сдѣлалось само источникомъ законовъ и распорядителемъ судебъ людей.

Народный языкъ никогда не былъ повиненъ въ подобной миѳологіи. О существованіи закона и его важной роли въ жизни онъ знаетъ. Существованія же права онъ почти не замѣчаетъ въ своихъ спекуляціяхъ. О правѣ, какъ практической выгодѣ, онъ говоритъ часто, но миѳа на этомъ основаніи изъ него не создаетъ.

Такъ, народъ нашъ передалъ намъ въ языкѣ своемъ плоды своихъ многовѣковыхъ наблюденій и мысли цѣлаго ряда поколѣній; своимъ анализомъ онъ обезпечилъ намъ возможность дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія; какъ же намъ не изучать и не дорожить имъ? „Великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“ самъ по себѣ служитъ намъ залогомъ лучшаго будущаго для создавшаго его народа. Внѣ изученія народнаго языка нѣтъ правильнаго мышленія, нѣтъ познанія, нѣтъ творчества.

Пусть ученые Запада потѣшаются въ сочиненіи разныхъ серьёзныхъ и смѣшныхъ „правъ“, нашъ языкъ неповиненъ въ этомъ. Infinitae vero, говоритъ Bracton (De legibus Angliae, кн. I, гл. V, стр. 20), sunt juris species, quia infiniti sunt homines et infinitae sunt res. Nam sic diceretur jus, aliud aequinum, aliud asininum, aliud vineae, aliud agri, aliud pecoris, aliud hominis“. Лошадинаго, ослинаго, овечьяго, полевого или садоваго права..... я, правда,не встрѣчалъ у насъ, но недалеко утли отъ него право водное, горное, полицейское, желѣзнодорожное, вещное и обязательственное, философское, и сложный аппаратъ другихъ „правъ“. Какъ все это чуждо и искусственно для народнаго языка, какъ пахнетъ отъ всего этого плѣсенью схоластики!

Индивидуальный человѣческій разумъ развивается и овладѣваетъ собою, при посредствѣ языка, лишь въ общеніи съ другими существами. Лишь общеніе научаетъ его слову, которое есть для него не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, самообъ-

ектированія мысли. Только въ общеніи съ другими и при помощи слова человѣкъ становится разумнымъ существомъ. Разумъ и наука слагаются лишь въ обществѣ и чрезъ общеніе, слѣдовательно—благодаря языку. Общество не есть случайная сумма или внѣшній аггрегатъ человѣческихъ личностей. Его члены взаимно предполагаютъ другъ друга, и, если бы не существовало общественнаго цѣлаго, находящаго себѣ внѣшнее и осязательное выраженіе въ общемъ языкѣ, не могло бы существовать и этихъ членовъ, какъ *разумныхъ* личностей, не было бы ни современныхъ знаній, ни науки,—могли бы быть лишь *животныя* особи человѣческаго типа. Наука есть общественный продуктъ, продуктъ общественнаго мышленія и языка. И эволюція личности, или класса, и общества, отдѣльной научной спеціальности и общественнаго мышленія, и ихъ разумный прогрессъ *взаимно обусловливаютъ* другъ друга. Самосознаніе человѣческой мысли не есть дѣло отдѣльныхъ ученыхъ или философовъ; оно есть результатъ великой и неустанной работы,—работы, въ которой не всѣ принимаютъ одинаковое участіе, но которую никто не можетъ выполнять безъ общаго орудія—языка. (Ср. Трубецкой, Ученіе о логосѣ, 5 и 10).

Только мышленіе, опирающееся на широкій мыслительный опытъ всѣхъ народовъ и временъ, есть освобождающее мышленіе,—освобождающее отъ подчиненія случайнымъ временнымъ теченіямъ, въ родѣ нѣмецкой юриспруденціи. И другіе народы жили не даромъ; и нашъ въ томъ числѣ. Только такое сравнительное мышленіе и можетъ гарантировать намъ достиженіе истины.

Однако, хотя, какъ говоритъ Hamilton (on Logic, II, 143), разумъ и философію можно найти во всѣхъ языкахъ, не все въ языкахъ опредѣлено разумомъ и философіей *), а потому языкъ есть орудіе обоюдоострое, и мы должны стремиться критически, т. е. сознательно, относиться къ нему. Какъ бы ни былъ совершенъ языкъ, онъ никогда не является полнымъ и совершеннымъ орудіемъ человѣческой мысли. Но, кромѣ несовершенствъ языка, нужно принимать во вниманіе еще несовершенное знакомство съ его характеромъ и неумѣлое пользованіе имъ какъ орудіемъ мысли. Въ большинствѣ люди берутъ слова эмпирически: они пользуются ими такъ, какъ будто они все знали, что включено въ нихъ; и только анализъ, подобный тому, который заставлялъ продѣлывать Сократъ, открываетъ имъ глаза на ихъ незнаніе **).

---

*) „Если языкъ есть сознательный фактъ, то процессы языка—безсознательны“ (V. Henry, Antinomies linguistiques, 64—78)

**) См. разговоръ съ Эвтидемомъ (Xen. Memorabilia, IV, 11): „Ты говоришь, что тебѣ само собою извѣстно, что справедливо и что несправедливо? Хорошо, мы напишемъ здѣсь △, а здѣсь A. Куда же теперь отнесемъ мы ложь, обманъ,

Знать языкъ своего народа значитъ не только безсознательно владѣть имъ, но и знать заключенные въ немъ разумъ и философію. Есть богатства въ нашемъ родномъ языкѣ, только мы не всегда ихъ знаемъ. Знать же ихъ можно—лишь сравнительно изучая его. Знаніе своего требуетъ непремѣнно и самаго широкаго знанія чужого. Только такъ познаемъ мы самихъ себя. Кто хочетъ понять тайны общественной жизни, долженъ прежде ознакомиться съ тайнами мысли, а безъ языка мы этого сдѣлать не можемъ (Ср. M. Müller, op. c., 276).

продажу ближняго въ рабство? Конечно, къ несправедливости. Но если стратегъ обманываетъ врага, если онъ продаетъ плѣнныхъ въ рабство, разоряетъ имущество непріятеля? Ты говоришь, что это уже вполнѣ справедливо. Итакъ, выходитъ, что одно и то же справедливо по отношенію къ врагу и несправедливо по отношенію къ другу, что одно и то же переходитъ отъ литеры А къ △, и обратно. Но этого мало. Если мы подъ видомъ пищи дадимъ лекарство другу, не желающему лечиться, то это не будетъ же дурно и несправедливо? Слѣдовательно, обмануть друга такъ же дозволено, какъ и врага. Но, такимъ образомъ, вся твоя справедливость не обращается ли въ безпорядочный хаосъ?

Глава XVI.

Право и законъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

„Языкъ естественно вліяетъ на наши чувства, какъ и на наши понятія. Слова не только означаютъ извѣстный предметъ, но и ассоціируютъ его съ извѣстными эмоціями“. (L. Stephen, The science of ethics, 106).

„Важно не только знать двусмысленности и ошибки, соединенныя съ этими терминами, но и смыслъ, въ какомъ ихъ можно еще безопасно употреблять“. (Bonar, Philos. and pol. ec., 184).

Два важныхъ фактора, съ которыми приходится считаться при достиженіи истины, и которые вызываютъ особенно много ошибокъ при рѣшеніи научныхъ и практическихъ вопросовъ общественной жизни, представляютъ собою языкъ и чувство. Съ ними приходилось и прійдется имѣть дѣло и намъ.

„Развѣ не существуетъ два рода вещей, спрашиваетъ Платонъ въ Филебѣ (27, а, в, с.): одинъ—очень благородный по своей природѣ, другой—ниже по достоинству; одинъ—абсолютный, другой—относительный,—бытіе и явленіе?“.

„На этомъ основномъ различіи феномена и бытія, говоритъ Boirac (L'idée du phénomène, 1894, стр. 1, 2), покоится не только философія Платона, но вся древняя философія. Для греческой мысли истинной реальностью, объектомъ науки, является бытіе (l'Être). „Ничто чувственное, говоритъ Платонъ въ Республикѣ (VII, 92, с.), не составляетъ объекта науки“, а въ Тимеѣ (59, а, в, с.): „какъ могли бы мы имѣть твердыя знанія о томъ, что никакой твердости не имѣетъ? Наука занимается не преходящими вещами, она привязывается съ самой истинѣ“. Міръ явленій есть, слѣдовательно, для Платона міръ мнѣнія, неизвѣстности и ошибки. Онъ допускаетъ въ лучшемъ случаѣ, повидимому, лишь то, что изслѣдованіе чувственныхъ вещей даетъ человѣческому уму поводъ и средство подняться до знанія, единственно достовѣрнаго и желательнаго, — знанія сверхчувственныхъ существованій“.

„Аристотель, безъ сомнѣнія, придаетъ большую важность изученію явленій. Однако, оно представляетъ для него лишь подготовку для гораздо болѣе важнаго и благороднаго—изученія сущностей и причинъ. Объектомъ для метафизики или первой философіи онъ даетъ Бытіе, какъ бытіе".

„Когда самъ Бэконъ пишетъ, что не можетъ быть науки преходящихъ вещей (nulla est fluxorum scientia), онъ лишь повторяетъ ученіе Аристотеля. И, можетъ быть, подвергаясь противъ воли схоластическому предразсудку, онъ разсматриваетъ на дѣлѣ „формальныя причины", предметъ возобновленной философіи, какъ сущности, дѣйствительно отличныя отъ преходящихъ феноменовъ,—сущности, которыя представляютъ выше ихъ постояннаго потока порядокъ высшихъ существованій."

„Новая философія, представляя въ своихъ методахъ все большую долю изученію явленій, продолжала все-таки, по крайней мѣрѣ до 18-го столѣтія, подчинять понятіе явленія понятію бытія".

Въ указанномъ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ этому вопросу (L'idée du phénomène, 1894), Boirac даетъ отчетъ о томъ, какъ въ новѣйшее время (съ 18-го стол.) постепенно происходитъ революція въ мышленіи, перемѣщающая полюсы философскихъ идей: явленіе ставится на мѣсто Бытія. Исторически предшественниками этого переворота были нѣкоторые софисты и скептики, а потомъ англійскій и французскій эмпиризмъ 18-го вѣка (Локкъ, Кондильякъ, Берклей, Юмъ). Онъ поддерживается современной англійской школой (Гартлей, Джемсъ Милль, Джонъ Стюартъ Милль, Бэнъ, Гербертъ Спенсеръ, Льюисъ, Джемсъ Сёлли и много другихъ), шотландской школой (Ридъ, Дёгальдъ Стьюартъ, Броунъ, Гамильтонъ, Мансель, Г. Спенсеръ), французскимъ позитивизмомъ (Ог. Контъ и его школа), критической философіей Канта и его послѣдователей (Renouvier), наконецъ, многими эклектиками. Со всѣхъ сторонъ философская мысль стремится къ одному заключенію: явленіе есть единственная познаваемая реальность, или даже—абсолютно единственная реальность.

Вопросъ о томъ, что слѣдуетъ считать основною идеею юриспруденціи: законъ, *νόμος*, Law, какъ думала древняя философія, а также современная и прошлая англійская, или „право", въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему нѣмецкіе (по преимуществу) юристы въ своемъ Recht, — вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ указаннымъ обще-философскимъ вопросомъ о томъ, что считать главнымъ: феноменъ, или—бытіе, сущность, субстанцію, нуменъ, идею an sich.— Прямо вопросъ объ основномъ понятіи въ юриспруденціи не зависитъ отъ тѣхъ колебаній мысли, которыя связаны съ вопро-

сомъ о феноменѣ и ноуменѣ; но, тѣ же самые мотивы, которые выдвинули обще-философскій вопросъ, оказываютъ вліяніе и на постановку и рѣшеніе вопроса объ основномъ понятіи въ юриспруденціи.

Есть вещи болѣе и менѣе благородныя, выше и ниже стоящія по достоинству.

При самыхъ скудныхъ сравнительныхъ знаніяхъ о законахъ, и при самомъ поверхностномъ взглядѣ на ихъ исторію, ни отъ кого не можетъ укрыться ихъ крайняя измѣнчивость, пестрота, часто—кратковѣчность. И если самъ основатель эмпиризма говорилъ, что не можетъ быть науки преходящихъ вещей (nulla est fluxorum scientia), какъ можетъ быть удивительнымъ, если юристъ почувствуетъ недостаточность и даже мизерность „законовѣдѣнія"?. — Есть другое понятіе: смутное, правда, до сихъ поръ—большинствомъ неразгаданное, но связанное еще общимъ словоупотребленіемъ какими-то ассоціаціями съ понятіями болѣе возвышеннаго, для человѣческаго міра даже самаго возвышеннаго порядка, — понятіями о справедливости, нравственныхъ требованіяхъ, общемъ благѣ, счастьѣ, и т. д. *) Это понятіе „права". — Отсюда естестественный переходъ къ „правовѣдѣнію", наукѣ о правѣ и философіи права.

Правда, никто до сихъ поръ не уяснилъ намъ, что такое это право, какъ особый фактъ, особое культурное или общественное явленіе. Но, мало ли другихъ понятій столь же неуясненныхъ (время, пространство, звукъ, жизнь, добро.....), и, однако, никто не считаетъ нелогичнымъ говорить о біологіи, этикѣ, акустикѣ, геометріи, какъ объ особыхъ наукахъ, имѣющихъ объектомъ эти загадочныя вещи.

Что такое знаніе законовъ (законовѣдѣніе)? — Это знаніе чего-то временно существующаго, знаніе, утрачивающее свое значеніе съ исчезновеніемъ того, что составляло или составляетъ его предметъ. Во всемъ, что существуетъ и что происходитъ, есть двѣ стороны—временная, наружная и обусловленная, и—постоянная, скрытая и обусловливающая. Только вторая и можетъ составлять объектъ науки, первая же служитъ предметомъ простого, ненаучнаго знанія (Ср. Розановъ, О пониманіи, 1886, стр. 2, 3). Изслѣдуя и изучая законы, мы интересуемся не ими самими, а тѣмъ „чѣмъ-то"—невидимымъ и скрытымъ, что произвело ихъ. Это невидимое и скрытое и есть „право". Кто не знаетъ этого возвышеннаго „нѣчто", тотъ не обладаетъ еще наукой, хотя бы онъ зналъ наизусть всѣ законы,

*) О преимущественной важности нравственнаго сознанія въ жизни, сравнительно съ разумомъ теоретическимъ (приматъ практическаго разума), учили Руссо и Кантъ. (Ср. Линицкій, Очерки исторіи философіи, 1902, стр. 257).

все равно какъ не обладаютъ астрономической наукой тѣ, которые могутъ назвать и указать звѣзды небесной тверди, но не знаютъ ихъ объема, ихъ вѣса, ихъ разстояній, кривыхъ, описываемыхъ ими,—всего того, что обнаруживаютъ удивительныя вычисленія. (Ср. Vareilles-Sommières, Les principes fondamentaux du droit, 1889, стр. II).

Право есть настоящій объектъ науки; въ немъ находятъ свое основаніе дѣйствующіе законы. Оно есть первая и существенная реальность.

Такъ, вкратцѣ, или приблизительно такъ, долженъ аргументировать юристъ, вѣрящій въ существованіе особаго „великаго явленія“ — права. Несомнѣнно, что опредѣленіе его науки „законовѣдѣніемъ“ должно звучать обидой для такого юриста. Законы?! Что такое законы?! „Le droit est le souverain du monde!“ (Guizot). Право есть суверенъ міра! „Le droit seul est souverain“ (Beaussire, Les principes du droit, liv. II, ch. I). Право одно—суверенъ.

И, все-таки, если мы хорошенько поразмыслимъ, мы увидимъ, что взглядъ этотъ невѣренъ; что и здѣсь „слова путаютъ смыслъ смертнаго“, а оскорбленіе простотою номенклатуры основано лишь на дурномъ пониманіи ея и—непосредственной задачи юриста.

Величайшіе мыслители отъ Платона и Аристотеля до Канта, не говоря уже о столь нелюбимыхъ, для нѣкоторыхъ, англійскихъ „эмпирикахъ“ (въ родѣ Гоббеза и Локка), не находили ничего ненаучнаго и унизительнаго въ представленіи о нормѣ поведенія (законѣ, *νόμος*, или „категорическомъ императивѣ“), какъ основномъ понятіи для міра человѣческаго поведенія (прежде всего—этики, а потомъ и юриспруденціи). — Люди боролись за самые высокіе интересы общества и клали свою душу „за други своя“, „повинуясь законамъ страны“. Люди умирали, шли въ раскаленную печь и на съѣдѣніе звѣрей, не желая нарушить велѣнія (закона) Бога, закона совѣсти. — Величайшая сила, двигавшая и двигающая человѣческими массами, — вѣра—не считала и не считаетъ унизительнымъ или неразумнымъ говорить, какъ о „законахъ“, о велѣніяхъ Верховнаго Существа. — Совокупность *) нравственныхъ предписаній, не могущихъ быть игнорируемыми въ христіанскомъ государствѣ, какъ выраженіе основной заповѣди любви, называется Закономъ Божіимъ (Ср. Lindley, An introduction to the study of Jurisprudence, 1890, стр. 11). Почему обидно, или негодно, названіе Закона или Законовъ (Law, Laws, *νόμος*, *νόμοι*) для совокупности законовъ человѣческихъ?! Почему въ мірѣ нравственнаго порядка, лежащаго выше государствен-

*) Ср. Brugmann „Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogerm. Sprachen (Lpz., 1894).

наго и по признанію юристовъ (quid leges sine moribus?), со всѣми его частными понятіями и явленіями, не унизительно и не ненаучно говорить о Нравственномъ Законѣ?! (См. Ladd, Philosophy of conduct, 1902, стр. 365 и сл., 609, 613). *)

Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ и привязанностью относились созидатели нашей культуры, греки и римляне, и наши общіе предки Индіи, къ законамъ. Законъ былъ для нихъ частью религіи, законъ—священная вещь. Онъ не дѣло рукъ человѣческихъ, онъ священнаго происхожденія. Повиноваться законамъ, говорилъ Платонъ, значитъ повиноваться богамъ. Онъ является лишь выразителемъ греческой мысли, когда показываетъ намъ, въ Критонѣ, Сократа, отдающаго свою жизнь, потому что ея требуютъ у него законы. На одной изъ скалъ у Ѳермопилъ, еще раньше Сократа, было написано: странникъ, возвѣсти, что мы лягли здѣсь всѣ тристa, повинуясь законамъ страны **)..... (Ср. Fustel de Coulanges, La cité antique, 1866, стр. 236, 240, 241 и др.).

То же самое уваженіе къ закону мы видимъ у новѣйшихъ философовъ и моралистовъ. Законъ есть или „категорическій императивъ", не подлежащій критикѣ, какъ высшая идея нравственнаго міра; или есть твореніе рукъ человѣческихъ, но твореніе, носящее на себѣ печать высшаго происхожденія (Ladd, Philosophy of conduct, 1902, 612, 613). То же уваженіе къ закону, какъ чему-то великому, видимъ мы въ народномъ языкѣ, и въ языкѣ ученыхъ, сдѣлавшихъ законъ своимъ высшимъ понятіемъ и изучающихъ все въ формѣ „законовъ" духа, „законовъ" жизни, „законовъ" природы..... Самая справедливость, этотъ идеалъ устройства человѣческаго міра, является, какъ мы указывали, порожденіемъ закона (*τὸ δὲ δίκαιον τὸ τε νόμιμον* Аристотеля). ***) Если бы право не было лишь коррелятомъ обязанности, а синонимомъ справедливости (какъ это часто происходитъ у юристовъ: das Recht = das Gerechte), то и тогда поня-

---

*) И еще болѣе. По ученію богослововъ самъ Богъ имѣетъ законы. Богъ, напр., не можетъ входить въ противорѣчіе съ самимъ собою. „Если бы существовало лишь одно существо, это существо, которое было бы Богомъ, имѣло бы свои законы..... Богъ можетъ все, кромѣ противорѣчія самому себѣ" (Vareilles-Sommieres, Les principes fondamentaux du droit, стр. 4 и 22).

**) „.....Что у васъ общаго съ религіей и всѣми священными предметами, между которыми слѣдуетъ считать и законъ?" спрашивалъ одинъ патриціи у плебейскихъ трибуновъ, желавшихъ провести законъ въ собраніи по трибамъ, (Denys, X, 4. Tite-Live, III, 31; цитировано изъ F de Coulanges, La cite antique, 1866, стр. 240).

***) „By *just* we mean something which *accords with some given law* (Austin, Jurisprud., 218).

тіе закона (нормы, категорическаго императива) было бы высшимъ по отношенію къ нему.

Но это не все. Вдумайтесь въ то, что говорили Платонъ, Аристотель, Бэконъ, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, и новѣйшіе философы съ Кантомъ и Спенсеромъ во главѣ. Есть два рода вещей: однѣ болѣе благородны, другія—менѣе; однѣ выше по достоинству, другія —ниже. Нѣтъ науки преходящихъ вещей. Какъ мы можемъ имѣть прочное знаніе тамъ, гдѣ есть лишь мимолетность?—Законы—измѣнчивы: въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но, если право измѣняется съ измѣненіемъ законовъ, какъ это признаютъ всѣ юристы, оно—столь же измѣнчиво, какъ и законы. Мнѣ могутъ возразить: мы имѣемъ въ виду не то право, которое является лишь общимъ именемъ для совокупности дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ (das Recht ist der Inbegriff der in einem Staate geltenden Zwangsnormen, R. v. Ihering), такое право, конечно, измѣняется вмѣстѣ съ составляющими его нормами; мы имѣемъ въ виду высшаго рода право—право разума, естественное право или право философское. На это слѣдуетъ сказать лишь то, что такое право—измѣнчиво еще въ большей мѣрѣ, что оно есть (какъ указывалъ уже I. Бентамъ на это: Oeuvres, 1840, I, 46 и др. мѣста) продуктъ изобрѣтенія каждаго,—это міръ мнѣній, измѣнчивости и неизвѣстности; на одно законодательство Франціи прійдется столько „естественныхъ правъ“, сколько есть людей, вѣрящихъ въ его существованіе. Общей мѣрки здѣсь нѣтъ: каждое сословіе, каждая партія, каждое вѣроисповѣданіе будетъ выставлять множество собственныхъ критеріевъ. Сравнительной устойчивостью обладаетъ лишь признанный государствомъ критерій. Онъ, конечно, не можетъ удовлетворять нравственнымъ идеаламъ всѣхъ и каждаго. „Естественное право“ и есть именно кодексъ, принаровленный къ нравственнымъ стремленіямъ каждаго. Но, разъ мы становимся на почву нравственности, независимой отъ признаннаго государствомъ или церковью критерія, мы вступаемъ въ область мнѣній, измѣнчивости и неизвѣстности (L. Stephen, The Science of ethics, 37). „Въ нравственномъ мірѣ человѣкъ является собственнымъ своимъ законодателемъ по преимуществу (pre-eminently), какъ онъ не является законодателемъ въ сферѣ физической и чисто умственной“ (Ladd, philosophy of conduct, 1902, 613).—Несомнѣнно, что идеальный порядокъ отношеній внутри государства и между государствами стоитъ выше по достоинству, благороднѣе, дѣйствительнаго порядка вещей для каждаго творца такого идеальнаго порядка. Но, всегда нужно при этомъ помнить: 1) что это *личное* созданіе творца, не могущее претендовать на ту сравнительную общность мѣрки, которую мы имѣемъ въ законѣ, 2) что это лишь *идеальный* порядокъ, а, слѣдовательно,

онъ чуждъ дѣйствительности.—Самые возвышенные идеалы не избавляютъ насъ отъ необходимости считаться съ дѣйствительнымъ міромъ и изучать его. Мы говоримъ о мірѣ общей для насъ дѣйствительности, а не о мірѣ идеаловъ, гдѣ каждый индивидъ вполнѣ воленъ. Мы говоримъ о болѣе важномъ, благородномъ и достойномъ именно въ мірѣ дѣйствительности. Наука и имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствительность, а не воображаемое. Конечно, и воображаемое существуетъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но, странно было бы въ зоологіи говорить о центаврахъ и пегасахъ. Юристу нужно знать идеалы окружающаго его общества, но онъ не долженъ забывать, что идеалы эти получаютъ реальность, съ которою онъ имѣетъ дѣло, лишь обратившись въ законъ. У каждаго изъ насъ есть безъ сомнѣнія, множество проектовъ улучшеній въ общественной жизни, но, пока ихъ нѣтъ въ законѣ, они существуютъ лишь въ мірѣ желательнаго. Безъ сомнѣнія, что желательное потому и желательно, что оно выше по достоинству и благороднѣе дѣйствительности.—Вопросъ не въ томъ, что выше—желательное или дѣйствительное, а въ томъ, что выше и устойчивѣе въ дѣйствительномъ.

Разумѣется, что сила и слабость законовъ коренится въ нравахъ. Quid leges sine moribus?! Отсюда крайняя важность для юриста и законодателя знанія нравовъ общества. Но, играя подчиненную роль въ мірѣ нравовъ, законодательство не теряетъ черезъ это высокой нравственной цѣны. Оно является орудіемъ поддержанія уже установившихся добрыхъ нравовъ и орудіемъ исправленія дурныхъ, при чемъ законодательство опирается, конечно, на лучшую часть общества, нравы которой выше нравовъ другой, худшей, части. Законодательство является однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій подъема народной нравственности, или, по крайней мѣрѣ, средствомъ задержать ея паденіе. Своей нравственной цѣны законодательство достигаетъ, распредѣляя разумно и справедливо бремя жизни путемъ установленія извѣстныхъ обязанностей и правъ. Право, слѣдовательно, есть созданіе закона (I. Bentham, Oeuvres, I, 525), а не наоборотъ.

Противъ такого пониманія отношенія понятія „права“ къ понятію „закона“ едва ли кто станетъ возражать. И у континентальныхъ юристовъ существуетъ такъ называемое „право въ субъективномъ смыслѣ“, которое стоитъ въ такомъ же отношеніи къ закону, или вообще юридической нормѣ.

Однако, благодаря двусмысленности слова „право“ возникаетъ слѣдующее заблужденіе. Оказывается, что „субъективное право“ порождаетъ законъ: какъ разъ обратное отношеніе.—Смыслъ и происхожденіе такого утвержденія таковы: „Право“ имѣетъ не только юридическій, но и нравственный смыслъ. Это, разумѣется, двѣ раз-

ныя вещи. Какой-нибудь чиновникъ можетъ быть очень сильно убѣжденъ въ томъ, что онъ „имѣетъ право“ получать отъ государства, скажемъ, 1500 руб., а не 1000 руб. въ годъ, какъ теперь; иными словами, онъ можетъ быть убѣжденъ въ томъ, что на государствѣ лежитъ обязанность платить ему именно указанную сумму. Однако, какъ бы ни было сильно подобное убѣжденіе въ своемъ правѣ на 1500 руб., оно, очевидно, породить закона само по себѣ не можетъ. Чтобы возникло „право“ въ юридическомъ смыслѣ на такое жалованье, нужно изданіе особой (юридической же) нормы для этого. А это можетъ осуществиться лишь тогда, когда та часть государства, которая въ данное время сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ власть, проникнется убѣжденіемъ въ справедливости и необходимости назначить такое вознагражденіе, и найдетъ средства для этого.—„Субъективное право“ въ юридическомъ смыслѣ можетъ, слѣдовательно, возникнуть лишь при наличности закона (или вообще юридической нормы); но убѣжденіе въ необходимости или справедливости признать извѣстныя требованія, которыя другіе считаютъ своимъ нравственнымъ правомъ, предшествуетъ, конечно, изданію соотвѣтствующаго закона. Непосредственно нравственное право не можетъ обратить само себя въ легальное. И если власть разойдется въ нравственной оцѣнкѣ такихъ домогательствъ, или, соглашаясь въ этой оцѣнкѣ, признаетъ невозможнымъ удовлетворить ихъ, нравственное „субъективное право“ никакого закона не породитъ.—Есть безчисленное множество подобныхъ „правъ“, которыя никогда и нигдѣ не порождали закона. Стоитъ обратить вниманіе на то, какъ велико число въ каждомъ государствѣ такихъ лицъ, которыя поставлены въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ другія, въ имущественномъ, національномъ, вѣроисповѣдномъ и многихъ другихъ отношеніяхъ: всѣ они признаютъ за собою множество (нравственныхъ, конечно) правъ, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не находятъ себѣ выраженія и признанія въ законѣ.

Возникаетъ вопросъ, далѣе, о томъ, въ какомъ отношеніи къ закону находится „право“ въ томъ искусственномъ значеніи, которое придаютъ ему юристы континента, когда говорятъ объ „объективномъ правѣ“ или „правѣ въ объективномъ смыслѣ?“ *).—Если бы юристы

*) „Подъ государственными нормами мы разумѣемъ волеизъявленіе субъекта верховной власти или уполномоченныхъ имъ агентовъ, направленныя на явленія соціальной жизни... Сдѣланное нами опредѣленіе понятія государственныхъ нормъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что обыкновенно называется положительнымъ законодательствомъ или „объективнымъ правомъ“. Послѣднее выраженіе, хотя и давно уже получило въ наукѣ право гражданства, все же оказывается *неправиль-*

строго держались тѣхъ опредѣленій, которыя они даютъ своему „объективному праву“, такая терминологія была бы еще полгоремъ. Большое горе возникаетъ благодаря тому, что всѣ юристы континента (за исключеніемъ А. Лассона) не желаютъ считаться: 1) съ собственными своими опредѣленіями, 2) съ требованіями точности и опредѣленности, которымъ должна удовлетворять всякая научная терминологія, и 3) съ стихійными внушеніями, которыя оказываетъ общепринятый языкъ на каждаго, кто беретъ терминъ изъ общей сокровищницы языка, а не создаётъ его искусственно; въ языкѣ искусственномъ хозяинъ тотъ, кто его создалъ;—въ словахъ, взятыхъ изъ общаго языка, хозяиномъ является создавшій его народъ, и такъ или иначе онъ даетъ знать свою власть здѣсь.

Всѣхъ опредѣленій, даваемыхъ „объективному праву“, привести здѣсь нельзя. Они довольно разнообразны и весьма неодинаковы по своему научному достоинству. Типомъ наиболѣе благоразумно составленныхъ можно взять опредѣленіе, данное въ одномъ мѣстѣ у Іеринга (Der Zweck im Recht, 3 изд., 1895, I т., стр. 320): право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ (der Inbegriff der in einem Staate geltenden Zwangsnormen *). — При такомъ пониманіи „объективнаго права“, его отношеніе къ закону зависитъ отъ того, что мы будемъ разумѣть подъ этимъ послѣднимъ (т. е. закономъ). Если мы придадимъ слову законъ широкое значеніе всякой вообще государственно-принудительной нормы (т. е. не только нормы, включенной въ тотъ или иной кодексъ, уставъ или указъ, но и судебнаго рѣшенія, административнаго распоряженія, признаннаго

нымъ и вызывающимъ недоразумѣнія“ (курсивъ нашъ). Пр. В. В. Ивановскій: „Классификація государственныхъ нормъ“ въ Журналѣ Министерства Юстиціи за Сентябрь 1898 г., стр. 80, 81.

*) Inbegriff является просто мудренымъ выраженіемъ того, что индо-европейскіе языки выражаютъ безхитростно множественнымъ числомъ (Ср. Erdmann, Logik, 1892, стр. 101, 103 и сл.), или при помощи словъ—совокупность, собраніе, система (Menge, Aggregat, System). Inbegriff'ами являются всѣ коллективныя слова: лѣсъ, горы, флотъ, народъ, Кавказскія горы, группа острововъ, законы, Corpus juris, христіанскія догмы, логическіе принципы, рѣчная система Волги, толпа, полкъ, десять заповѣдей, общество, генеральный штабъ, и множество другихъ примѣровъ (Erdmann, Logik, стр. 104). Значитъ Inbegriff der in einem Staate geltenden Zwangsnormen все равно, что die in einem Staate geltenden Zwangsnormen= дѣйствующія въ государствѣ принудительныя нормы. „Отдѣльные связанные въ Inbegriff'ѣ предметы называются его членами“ (Erdmann, Logik, 101). Если мы условимся называть „дѣйствующую въ государствѣ принудительную норму“ словомъ законъ (*νόμος*, law), то опредѣленіе „права въ объективномъ смыслѣ“ сведется просто къ тому, что право такое есть другое названіе для законовъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. Recht=Laws=законы sensu lato. Но, нѣмецъ любитъ всегда выражать мудрено простыя вещи: для тебя, молъ, профана это палка, а для меня „конкретная манифестація абстрактной субстанціи палки“.

государствомъ, точнѣе—судами, обычая, ратификованнаго властью международнаго договора или признаннаго такъ или иначе властью обычая въ международныхъ отношеніяхъ, вообще всякаго правила, признаваемаго и поддерживаемаго властью), то „объективное право“ явится синонимомъ законовъ sensu lato. Мнѣ кажется, что это очевидно. Разъ „объективное право“ есть коллективное названіе для дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ, и „законъ“ есть коллективное названіе для дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ, то Recht=Law, „объективное право“=закону или законамъ. Если же подъ закономъ мы будемъ разумѣть только такую норму, которая прошла черезъ извѣстные органы государства (скажемъ, государственный совѣтъ) и извѣстнымъ образомъ обнародована, и будемъ отличать его отъ судебныхъ рѣшеній, надѣленныхъ законною силою обычаевъ, административныхъ распоряженій и прочихъ правилъ, тогда, конечно, законъ явится лишь составною частью „объективнаго права“. „Объективное право“ будетъ относиться къ закону такъ, какъ законъ sensu latu къ закону sensu stricto.

Такъ просто, однако, вопросъ этотъ на дѣлѣ не разрѣшается. Какъ существо разумное, человѣкъ не можетъ остановиться на „дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормахъ“. Онъ желаетъ понять ихъ происхожденіе, ихъ современное состояніе, ихъ улучшаемость. И не читавъ Лютера, онъ прекрасно знаетъ, что „юристъ, который только юристъ, есть жалкое существо“ (Ein Jurist, der nicht mehr denn ein Jurist ist, ist ein arm Ding!“ см. Stammler, die Lehre von dem richtigen Rechte, 1902, стр. 10). Онъ знаетъ, что его „объективное право“, въ такомъ смыслѣ, не есть послѣдній фактъ; онъ хочетъ его анализировать. И здѣсь сказывается стихійное вліяніе языка на того, кто не хочетъ изслѣдовать законовъ языка и пользоваться имъ сообразно этимъ законамъ. Онъ—часть общества и не можетъ уклониться отъ стихійныхъ внушеній, которыя общество оказываетъ на своихъ членовъ черезъ свой языкъ. „Право“ взято изъ языка народа и окрашено связью больше съ нравственными, чѣмъ съ легальными представленіями.

„Право“, какъ совокупность принудительныхъ нормъ („объективное право“), и „право“—какъ власть, гарантированная этими нормами („субъективное право“), не можетъ удовлетворять нравственной природы человѣка. Совокупность нормъ можетъ быть совокупностью дурныхъ нормъ („турецкое право“ для христіанскихъ обитателей Турціи), предоставляемыя имъ „субъективныя права“ могутъ быть дурными правами („право“ убивать на войнѣ, напр.).—Отсюда стремленіе къ „другому роду“ права, роду, не признанному ни однимъ законодательствомъ, которое, какъ работа рукъ человѣческихъ и резуль-

татъ конфликта множества интересовъ, естественно носитъ на себѣ слѣды несовершенства своего невысокаго происхожденія. „Нравственная природа человѣка (Ladd, Philosophy of conduct, 1902, 382, болѣе подробно въ Philosophy of Knowledge и A Theory of Reality того же автора) направляетъ, окрашиваетъ и проникаетъ повсюду въ его научныхъ изслѣдованіяхъ и заключеніяхъ", а языкъ общества, изъ арсенала котораго онъ беретъ свое оружіе, толкаетъ его въ томъ же направленіи. „Право" теряетъ только что приданный ему опредѣленіемъ характеръ; это уже не названіе для совокупности дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ, это что-то болѣе высокое, хотя и мало уловимое и до сихъ поръ не уловленное въ сѣти опредѣленій.

То это—что-то въ родѣ справедливости (*τὸ δίκαιον*, das Gerechte) *), то—что-то особое, отличное отъ нея (*особое* великое культурное явленіе). Моралисты-идеалисты отворачиваются отъ этого „великаго явленія" съ его правомъ войны и всѣми ея ужасами, и со всѣми освящаемыми имъ несовершенствами во внутреннемъ строѣ каждаго государства. Строгій юристъ-законовѣдъ („позитивистъ") не хочетъ давать ему мѣста у себя: слишкомъ онъ мало вѣритъ въ свои и своего народа нравственныя силы, чтобы вмѣстить это очень уже свѣтоносное для него явленіе, которому не давали пріюта до сихъ поръ ни въ одномъ законодательствѣ, ни у одного народа. Video meliora proboque, deteriora sequor! И ходитъ это миѳическое особое явленіе, не уловленное и не уловимое, лучезарное для міра дѣйствительности, грязноватое для міра идеальнаго, и негдѣ ему „преклонить главы своея" **).

*) „On s'écrie que c'est à la raison qu'appartient la souveraineté, ou à la justice, ou au droit. „Le droit est le souverain du monde", a dit Guizot. „Le souverain est la justice, a dit Royer-Collard; les constitutions libres ont pour object de détrôner la force et de faire régner la justice" (Les principes fondamentaux du droit" par Vareilles-Sommières, 1889, 465). „Les fétichistes de la Justice (подъ формою Droit) ont la vision d'une idée souveraine, douée d'une force mystérieuse, capable d'instaurer le règne de la Justice... Vous embarrassez les amants de la Justice quand vous les priez de vous dire quel corps ils donnent a leur chere vision... Dès que vous forcez les amants de la Justice à descendre de leurs régions nébuleuses, ils trébuchent et balbutient". (H. Dagan, Superstitions politiques... 1901, 30, 31).

**) „Одинъ взглядъ выступаетъ во имя морали и, желая охранить предполагаемую чистоту нравственнаго интереса, безусловно отвергаетъ право и все, что къ нему относится какъ замаскированное зло. Другой взглядъ, напротивъ, отвергаетъ связь нравственности съ правомъ во имя послѣдняго, признавая юридическую область отношеній какъ совершенно самостоятельную и обладающую собственнымъ абсолютнымъ принципомъ. Согласно первой точкѣ зрѣнія связь съ правомъ пагубна для нравственности; согласно второй—связь съ нравственностью въ лучшемъ случаѣ не нужна для права". В Соловьевъ (Право и Нравственность, 1899, предисловіе).—Одни подъ правомъ разумѣютъ законы; другіе—нравственность, или—то самое великое „нѣчто", котораго никто не можетъ опредѣлить.

Двусмысленность слова „обычай".

„Двусмысленность языка есть столь обильный источникъ ошибокъ, что очень значительная доля людскихъ споровъ касалась смысла, въ которомъ должны были пониматься извѣстные термины; и много диспутовъ велось со свирѣпостью только потому, что спорящіе не знали, что они были одного мнѣнія и лишь не соглашались относительно значенія, которое они придавали словамъ, въ которыхъ это мнѣніе было выражено". (Hamilton, Lectures on logic, IV, 148, изд. 1866).

„Такъ какъ вся философія имѣетъ прежде всего дѣло со словами, то нѣтъ спасенія для философіи, кромѣ какъ въ опредѣленіи, т. е. критикѣ словъ". (M. Müller, The, Science of Thought, 612).

Слова наши заключаютъ въ себѣ все, что мы вкладываемъ въ нихъ—ни больше, ни меньше" (M. Müller, The Science of Thought, 557). И слово „обычай" одно изъ такихъ, въ которое различные люди вкладываютъ различное содержаніе, и споры о значеніи обычаевъ въ юриспруденціи возникаютъ изъ того, что разные люди соединяютъ съ нимъ далеко не одинаковое значеніе. И каждый изъ насъ, не замѣчая этого, въ разное время мыслитъ при словѣ „обычай" разныя вещи.

Въ слово „обычай" можно вложить и очень много, и очень мало. И если мы не отнесемся критически къ этому слову, никакой философіи мы не получимъ, такъ какъ „истинная философія, здѣсь какъ и вездѣ, состоитъ въ исправленіи языка" (M. Müller, op. c., 573), и „первый, если не единственный, предметъ, съ которымъ имѣетъ дѣло каждый истинный философъ, есть языкъ" (ibid., 551), какъ „органъ нашей мысли" (ibid.). „Философія должна научиться обращаться съ языкомъ" (ibid., 550).

Помимо множества другихъ обстоятельствъ (случайностей контекста, связи съ общимъ содержаніемъ рѣчи, частностей его индивидуальнаго употребленія.....) слово „обычай" мѣняетъ свое значе-

ніе въ зависимости отъ отношенія, въ которое ставятъ его къ понятіямъ-словамъ „законы“ и „нравы“ (mores).

Одни придаютъ слову „обычаи“ чрезвычайно широкое значеніе. Покрывая собою значительную долю нравовъ (какъ „соціальные обычаи“), или даже всѣ ихъ, они почти поглощаютъ собою „законы“. „Нравы“ распадаются на индивидуальныя привычки и привычки общественныя. Эти послѣднія и составляютъ обычаи въ тѣсномъ смыслѣ. Въ широкомъ смыслѣ подъ обычаи подойдутъ и индивидуальныя привычки. Обычаи совпадаютъ такимъ образомъ съ общественною жизнью вообще. Слѣдить за развитіемъ общества значитъ въ тоже время слѣдить за развитіемъ обычая, и обратно: слѣдить за обычаемъ значитъ слѣдить за общественнымъ развитіемъ.

Всякая соціальная организація, всегда и вездѣ, покоится на понимаемомъ такимъ образомъ обычаѣ. Племя или кланъ связаны извѣстными обычаями, на которые его члены смотрятъ, какъ на что-то окончательное и не подлежащее критикѣ или измѣненію. Ихъ соблюдаютъ, но никто не спрашиваетъ, какъ пріобрѣли они и почему должны они сохранить свой авторитетъ. Или же на нихъ смотрятъ какъ на нѣчто, созданное властью боговъ. Таковы, напр., обычаи, регулирующіе владѣніе землей: способъ обработки и распредѣленіе плодовъ ея опредѣляется системою правилъ, которыя, продолжая существовать безъ оцѣнки ихъ полезности или возможности измѣненія, носятъ на себѣ характеръ животныхъ инстинктовъ. Отъ такого состоянія общество приходитъ къ высшему, гдѣ землевладѣніе регулируется подробными кодексами съ массою детальныхъ правилъ. Кодексы эти толкуются судьями и отъ времени до времени измѣняются законодательствомъ. Выросло сознательное отношеніе къ общественной жизни, многое измѣнилось въ ея строѣ, усложнился механизмъ организаціи, но—сущность дѣла осталась: и современное сложное и обширное государство покоится на системѣ обычаевъ. Самый главный изъ нихъ это—обычай повиновенія установленнымъ властямъ: безъ него государство обратилось бы въ веревку изъ песку. Сложность отношеній и ихъ широта не позволяютъ каждому непосредственно ни участвовать въ созданіи новыхъ необходимыхъ обычаевъ, ни даже знать ихъ. Эта функція сосредоточивается въ рукахъ установленныхъ властей: законодателей и судей. Издаваемые и примѣняемые ими „законы“ не представляютъ чего-либо бо́льшаго, чѣмъ обычаи: это просто особый видъ обычаевъ. Для насъ, привыкшихъ къ извѣстному употребленію словъ „законы“ и „обычаи“, является натяжкою, если мы станемъ говорить, какъ объ обычаѣ, о томъ, что остается неизвѣстнымъ, быть можетъ, 99 человѣкамъ изъ ста и что опредѣляетъ поведеніе, можетъ быть, разъ въ поколѣніе. Но, по существу дѣла,

законы являются лишь особою формой обычая. Ихъ сила держится на силѣ нѣкоторыхъ основныхъ обычаевъ, сдерживающихъ государство (въ родѣ обычая повиноваться извѣстной власти).

Если мы укажемъ, какъ на характерную черту законовъ, на ихъ принудительность, въ то время какъ за исполненіемъ обычая государство не слѣдитъ, то и это различіе оказывается на дѣлѣ несущественнымъ. Принудительность законовъ, какъ и принудительность всей организаціи (государства), покоится, въ концѣ концовъ, на добровольномъ повиновеніи народа этой организаціи и законамъ. Принужденіе возможно лишь потому, что въ обществѣ дѣйствуетъ множество соціальныхъ мотивовъ, обезпечивающихъ добровольную кооперацію населенія установленной власти. Устройство государства и опредѣленіе основныхъ законовъ его есть дѣло „нравовъ“ или „обычаевъ“ населенія. Государство можетъ бороться и отмѣнять только тѣ обычаи, которые имѣютъ второстепенное значеніе. Законодательство есть продуктъ извѣстныхъ соціальныхъ условій и опредѣляется тѣмъ, что опредѣляетъ и общество, т. е обычаями его.

Обычай, съ такой точки зрѣнія (ср. L. Stephen, The science of ethics, 137—147), является основнымъ и господствующимъ понятіемъ: значеніе его чрезвычайно широко, хотя не всегда односмысленно. И законъ есть лишь особая форма обычая, и тѣ обыкновенія второстепеннаго значенія, съ которыми приходится ему иногда вступать въ борьбу за существованіе, также являются обычаями.

Другой взглядъ вкладываетъ въ слово „обычай“ иное значеніе. Если первый—почти уничтожаетъ самостоятельное значеніе законовъ и морали, то это воззрѣніе отводитъ ему промежуточное мѣсто между ними и сохраняетъ за законами и моралью самостоятельное положеніе. Значеніе „обычая“—уже, но все-таки широко.

Обычаемъ признается добровольная норма дѣятельности, имѣющая силу въ обществѣ безъ поддержки государственнаго велѣнія и государственнаго наказанія за ея нарушеніе, или даже—государственнаго признанія въ какой-либо формѣ. Обычай, такимъ образомъ, довольно ясно обособленъ по отношенію къ государственнымъ законамъ. Но, признается, что онъ, обычай, имѣетъ собственныя средства принужденія: 1) Иногда обычай совпадаетъ съ нравственными принципами индивида и является „субъективнымъ велѣніемъ“, какъ и нравственное предписаніе. 2) Иногда онъ, обычай, удерживается въ силѣ угрозою наказанія, исходящею, правда, не отъ государственной власти, но столь же объективною и устрашающею, какъ и угроза наказанія со стороны государственнаго закона.

Менѣе опредѣленно „обычай“ обособленъ отъ морали. Признается, что близость отношенія между лучшими обычаями и иде-

альнымъ критеріемъ нравственности такъ велика, что во многихъ случаяхъ трудно провести отчетливую и прочную границу, которая могла бы ясно указать, гдѣ кончается обычай и гдѣ начинается мораль, въ болѣе строгомъ и высокомъ значеніи этого слова.

Категорія „нравовъ“ дѣлится, такимъ образомъ, на двѣ трудно иногда различимыя другъ отъ друга половины: обычаи и мораль.

Въ то время какъ, по первому взгляду, обычаямъ принадлежитъ главная роль и творческая сила по отношенію къ мало иногда отличимымъ отъ него законамъ, здѣсь—признается, что обычаи находятся во взаимодѣйствіи съ другими факторами общественной жизни: законами и моралью.—Съ одной стороны, обычаи формируются, растутъ и расширяютъ сферу своей дѣятельности подъ вліяніемъ законовъ и нравственныхъ велѣній. Законы и субъективныя нравственныя предписанія, изъ выраженія мнѣній и воли одного или немногихъ индивидовъ, пріобрѣтаютъ характеръ широкаго обычая и иногда даже ломаютъ прежде господствовавшій обычай.—Съ другой стороны, обычай оказываетъ сильное вліяніе на законы и мораль. Развитіе обычая можетъ сдѣлать ничтожнымъ законъ, обратить его въ мертвую букву; или же то же самое развитіе обычая можетъ совершенно передѣлать характеръ субъективнаго нравственнаго велѣнія, „голоса совѣсти“, или такъ называемаго „гласа Божія“ (Cp. Ladd, Philosophy of conduct, 27, 28).

Обычай, слѣдовательно, отличается отъ закона и отъ индивидуальной морали, но совпадаетъ съ общественною или народною моралью (the popular moral consciousness). Слово „мораль“, безъ квалификаціи (народная, общественная), пріобрѣтаетъ значеніе индивидуальной морали. „Обычай“ не выводится по своему значенію за предѣлы категоріи „нравовъ“: эти послѣдніе дѣлятся на мораль народную и мораль индивидуальную. Законъ не есть лишь форма обычая, а нѣчто самостоятельное.

Когда заходитъ рѣчь объ обычаяхъ у юристовъ, затрудненія возникаютъ благодаря тому, что слово „обычай“ не связано у нихъ ни съ какимъ *опредѣленнымъ* содержаніемъ. Вслѣдствіе этого слово это пріобрѣтаетъ, смотря по обстоятельствамъ, различное значеніе. Чаще всего приходится имѣть дѣло съ двусмысленностью: 1) обычаемъ называется соціально-принудительная норма, имѣющая, быть можетъ, большое значеніе и примѣненіе къ жизни, но лишенная легальной санкціи; 2) обычаями называются нормы, уже признанныя государственною властью и пріобрѣвшія, слѣдовательно, государственно-принудительную силу подобно законамъ.—Затрудненія увеличиваются переведеннымъ съ нѣмецкаго терминомъ „обычное право“ (ан-

глійскіе юристы говорятъ: обычаи, обычныя правила, обычные законы, customs, customary rules, customary laws) *)

Указанное выше различіе въ пониманіи „обычаевъ“ находится въ связи съ вопросомъ объ относительномъ значеніи и взаимоотношеніи трехъ факторовъ человѣческой жизни: государства, общества и индивида. Вопросъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть рѣшенъ прямо: онъ допускаетъ рѣшеніе лишь гипотетическое.—Какому изъ этихъ факторовъ слѣдуетъ отвести первое мѣсто? Какой изъ нихъ опредѣляетъ собою другіе?

Этимъ тремъ факторамъ соотвѣтствуютъ: 1) государственно-принудительная норма (законъ), 2) общественно-принудительная (обычай), и 3) норма субъективной нравственности.

Прежде индивидъ противополагался только государству, теперь его противополагаютъ и обществу. Нѣкоторое время думали, что общество есть искусственное созданіе индивидовъ,—теперь, повидимому, вернулись къ старому взгляду на человѣка, какъ на существо отъ природы общественное (*ζῶον κοινονικόν*, ср. Pollock, Jurispr. and Eth., 340). Вопросъ о первенствѣ общества или индивида остается неразрѣшимымъ: трудно поставить въ началѣ индивида, но трудно поставить здѣсь и общество **). Можно, конечно, признать ихъ одновременными: существовавшими всегда нераздѣльно. Ни перваго, ни послѣдняго здѣсь нѣтъ. Но, можетъ быть, это не рѣшеніе вопроса, а уклоненіе отъ него?! Достовѣрно извѣстно лишь взаимодѣйствіе индивида и общества. „Индивидъ дѣлаетъ законы, принимающіе объективную форму обычая, правила, общаго закона или писаннаго статута; и индивидъ отвѣчаетъ на эти объективныя формы чувствами, мыслями и волею, которыя дѣлаютъ изъ нихъ въ дѣйствительности нравственные законы“ (Ladd, Philos. of conduct, 381).—Пока общество не разсматривалось какъ особый факторъ, не могло быть и вопроса объ его отношеніи къ государству. Когда возникло такое обособленіе, общество ***) поставлено было многими какъ prior по отно-

*) Нужно еще имѣть въ виду двусмыслiе словъ: законъ, норма, правило. То это—констатированіе дѣйствительности, фактическая истина, выражающая существованіе извѣстныхъ отношеній въ человѣческой жизни; то—предписаніе о должномъ. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ о томъ, что *есть*; во второмъ—о томъ, что *должно быть*. Такая же двусмысленность свойственна и слову „право“ (=laws, законы): то это—дѣйствующія нормы, то—желательныя лишь.

**) Sayce (Princ. de philol. comp., 235) говоритъ по этому поводу такъ: „Общество начинаетъ общеніемъ, члены котораго индивидуально не различаются, но образуютъ одно цѣлое. Другими словами, живетъ и дѣйствуетъ не индивидъ, а общеніе“.

***) Говоря объ обществѣ въ единственномъ числѣ, мы должны помнить, что въ дѣйствительности обществъ безчисленное множество, а „общество вообще, хо-

шенію къ государству. Но, такой взглядъ не выдерживаетъ критики. Онъ помѣщаетъ позади золотой вѣкъ, когда общество могло существовать безъ принудительной организаціи, которая и является синонимомъ государства. Это мнѣніе рисуетъ намъ человѣчество въ первую эпоху подъ господствомъ лишь соціально-принудительныхъ нормъ. Скорѣе всего слѣдуетъ думать, что и здѣсь нѣтъ перваго и послѣдующаго, что обѣ формы нормъ (общественно-принудительныя и государственно-принудительныя) всегда существовали совмѣстно, что человѣкъ, какъ существо отъ природы государственное, всегда жилъ государственною жизнью.*) Конечно, государство далекаго прошлаго во многихъ отношеніяхъ было не тѣмъ, чѣмъ оно является теперь, какъ не такимъ былъ индивидъ, или общество.

Если у насъ нѣтъ основаній отдать первенство какому-либо изъ указанныхъ трехъ факторовъ человѣческой жизни, мы должны отнестись безъ предпочтенія и къ указаннымъ тремъ категоріямъ нормъ: законамъ, обычаямъ и нормамъ индивидуальной нравственности.—Двѣ послѣднихъ можно, какъ мы сдѣлали раньше, обнять общимъ терминомъ „нравы“ (mores). Во всякомъ случаѣ, законы и обычаи должны быть различаемы, какъ мы различаемъ государственную и нравственную природу одного и того же человѣка, или политическую и общественную жизнь человѣчества, не теряя, конечно, изъ виду ихъ нераздѣльной связи. Государство ли съ его законами возникло подъ вліяніемъ нравовъ, или нравы общества развились подъ вліяніемъ изначальной государственной жизни и ея законовъ,—на это дать опредѣленнаго отвѣта никто не сможетъ. Важно отмѣтить ихъ параллельное существованіе и взаимодѣйствіе.—Обычаи же составляютъ одинъ изъ элементовъ „нравовъ“ общества.

Указывая на необходимость различать законы и обычаи, мы имѣемъ въ виду различіе въ способахъ дѣйствія ихъ, различіе въ санкціи. Законы (какъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и прочія нормы, обладающія законною силою) имѣютъ за собою организованную власть государства, обычаи же—неорганизованное принужденіе со стороны общества (соціальная санкція въ противоположность первой—государственной).—Обычай, въ строгомъ смыслѣ этого слова, самъ по себѣ имѣетъ силу и дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ и имѣетъ силу подобно нравственной нормѣ. Намъ нѣтъ нужды входить въ оцѣнку обычаевъ: они могутъ быть хорошими или дурными, они могутъ совпадать съ кодексомъ нравственныхъ предписаній извѣстнаго лица

тя бы мы его писали съ большого О, не существуетъ, и не можетъ существовать, развѣ лишь въ теоретическомъ воображеніи индивидуальнаго человѣка“ (Ladd, Philosophy of conduci, 550, 549).

*) См. объ этомъ еще въ главѣ о государствѣ.

или общества, или противорѣчить ему, или же быть съ этой точки зрѣнія безразличными. Они входятъ составною частью въ понятіе „нравовъ“ общества, хотя могутъ оставаться внѣ сферы морали, въ тѣсномъ смыслѣ этого послѣдняго слова. По дѣйствію же своему и силѣ или санкціи они сходны съ нормами нравственности. За соблюденіемъ ихъ слѣдитъ не государство, а благоразуміе или нравственное чувство отдѣльныхъ лицъ, или общество—путемъ давленія общественнаго мнѣнія, репрессалій оскорбленнаго нравственнаго чувства, и т. д.

Обычай, самъ по себѣ, никогда не можетъ установить нормы, которая по своему значенію могла бы равняться нормамъ законодательства. Обычай, самъ по себѣ, не можетъ и дать кому-либо такихъ правъ, которыя даются закономъ. Право законное имѣетъ за собою охрану суда и вообще государственной власти; право же, создаваемое обычаемъ, въ строгомъ смыслѣ слова „обычай“, защиты государственной власти не имѣетъ. Если, напр., въ какомъ-нибудь мѣстѣ принято дарить почтальону на Новый Годъ нѣсколько денегъ, мы можемъ сказать, что почтальонъ имѣетъ право ожидать въ этотъ день отъ насъ подарка, но „право“ это будетъ лишь нравственнымъ правомъ.

Переводное нѣмецкое выраженіе „обычное право“ всегда способно служить источникомъ затрудненій. Оно неправильно даже съ точки зрѣнія общепринятой на континентѣ терминологіи, различающей „право въ субъективномъ“ и „право въ объективномъ смыслѣ“. —Обычай, пока онъ только обычай, не можетъ создавать субъективнаго права въ томъ смыслѣ, въ какомъ его создаетъ законъ. Можно, пожалуй, говорить о субъективномъ правѣ оказавшаго вамъ случайную небольшую услугу человѣка, или прислуги на Пасху, „на чай“, но, очевидно, что это не такое право, которымъ надѣляетъ законъ: это лишь право въ нравственномъ смыслѣ.—Не можетъ создавать обычай и нормъ, имѣющихъ обязательную принудительную силу, подобную принудительной силѣ нормъ законодательства, пока онъ только обычай. Нормы обычныя—нормы нравовъ, и сила ихъ такая же, какъ и сила нормъ нравственныхъ: она опирается не на государственную, а лишь на соціальную санкцію. Иначе говоря, обычаи не могутъ создавать „права въ объективномъ смыслѣ“, какъ совокупности государственно-принудительныхъ нормъ. Всякая государственно-принудительная норма потому и имѣетъ защиту власти, что она ею такъ или иначе признана; обычай же, въ строгомъ смыслѣ этого слова, есть норма, дѣйствующая безъ охраны государственной власти, это—лишь mos, Sitte, нравъ. „Права въ объективномъ смыслѣ“ изъ такихъ обычаевъ возникнуть не можетъ, для этого нужна санкція государства. Какъ бы, напр., крѣпко и универсально ни засѣлъ въ нравы какого-

либо учрежденія или чиновничьяго класса обычай брать взятки, или обычай низшихъ полицейскихъ чиновъ какого-нибудь захолустья давать волю кулакамъ, „объективнаго обычнаго права“ (въ частности „административнаго“) изъ нихъ не выйдетъ. Для образованія такого „объективнаго права“ еще не достаточно обычая,—нужно, чтобы государственная власть дала для этого свое разрѣшеніе, дозволеніе, согласіе, или молчаливое признаніе.

Сила обычаевъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, имѣетъ совсѣмъ иной источникъ, чѣмъ законъ. По нѣмецкимъ ученіямъ обычай является однимъ изъ источниковъ права: онъ создаетъ право. Это совершенно невѣрно, если мы подъ правомъ условимся разумѣть, вмѣстѣ съ ними, гарантированныя государствомъ нормы (опредѣленіе Іеринга: Recht ist Inbegriff der in einem Staate geltenden Zwangsnormen). Обычай даетъ принудительныя нормы, но принудительность ихъ соціальная, а не государственная, а потому и дѣйствуютъ онѣ (gelten) независимо отъ государства, иногда внѣ его, или выше его, и даже наперекоръ государственно-принудительнымъ нормамъ.

Обычай можетъ лишь формулировать извѣстную норму. Власти надѣлить ее законною (или „государственно-принудительною“) силою онъ не имѣетъ. Обычай есть лишь способъ возникновенія нормы. Легальную силу можетъ дать ей лишь признаніе государства. Источникъ государственной принудительности одинъ—государство и законъ, а не общество и обычай.

Указывая на необходимость для юриста проводить различіе между закономъ и обычаемъ и не терять изъ виду различія ихъ санкцій, мы, конечно, не должны забывать силы и важности обычаевъ. Бываютъ иногда такія „поврежденія нравовъ“, которыя создаютъ очень вредные, но сильные обычаи, съ которыми законодательству приходится вступать въ борьбу и не всегда съ желательнымъ успѣхомъ. Обычное дискредитированіе законодательныхъ мѣръ, злословіе на господствующую націю, ея характеръ, государственное устройство и политическія стремленія, обычное уклоненіе извѣстныхъ слоевъ населенія отъ выполненія своихъ обязанностей, обычная нерадивость исполнителей закона, непредусмотрительность и распущенность населенія, создаетъ иногда очень вредные обычаи, противодѣйствовать которымъ законъ можетъ лишь съ трудомъ.—Съ другой стороны, можно сказать, что законы въ ихъ совокупности, или государство, покоятся на государство-образующихъ и государство-сохраняющихъ обычаяхъ („неписанныхъ правилахъ“. Ср. Bonar, Philosophy and political economy, 1893, стр. 23—26).

Но, какъ бы ни важны были обычаи, какъ бы мы ни расширяли значеніе этого слова, обнимая имъ даже явленія морали, и какъ

бы кому-либо ни казалась „безконечно бѣдною и узкою область закона“ по сравненіи съ ними (см. Sheldon Amos, The science of law, 32), юристъ долженъ отличать то, что есть законъ, отъ того, что не есть законъ, даже придавая этому слову самое широкое значеніе (=law англійскихъ юристовъ). Замѣняя терминъ „законъ“ (law) терминомъ „право“ (Recht), въ смыслѣ совокупности государственно-принудительныхъ нормъ, мы должны сказать, что обычаи сами по себѣ, непосредственно, не образуютъ „права“. Этимъ, конечно, не унижается и не отрицается значеніе обычая. Напротивъ, обычай часто оказывается сильнѣе закона и сламываетъ его. Но, для ясности нашей мысли мы должны различать законъ (Recht, „право“) и обычай, какъ мы различаемъ государство и общество. Законъ (Recht, law) есть государственная, а обычай—общественная сила.

Сознаніе различія общества и государства, равно какъ обычаевъ (ἤθη ἀνθρώπων, Plato, Republ., VI, 501, A.) и законовъ (νόμοι, πόλις), не чуждо было и греческимъ философамъ, хотя особаго слова для обозначенія общества у нихъ не было (ср. Bonar., Philosophy and polit. economy, 30). Относясь съ уваженіемъ къ роли и достоинству государства, они не отождествляли его съ обществомъ. Признаніе, что государство основано на традиціонномъ обычаѣ, подразумѣваетъ, что обычай самъ по себѣ отличенъ отъ государства. Это, какъ сказали бы мы, явленіе соціальное, а не политическое. Государство само есть одна изъ формъ общества. Существуетъ, какъ было указано, не „Общество“ вообще, а общества (Ladd, Philos. of conduct., 550). Иначе —государство есть функція общества, необходимая для человѣческаго прогресса (Bonar, ibid.).

Если еще греки могли обособлять обычаи отъ законовъ, тѣмъ яснѣе должно быть это обособленіе для насъ, живущихъ въ государствахъ, которыя не стоятъ такъ близко къ обществу, какъ государство древне-греческое (Bonar, op. c., 30, 31; Fustel de Coulanges, La cité antique, 1866, 280 и сл.), въ государствахъ, не сливающихся съ церковью и университетомъ, и не служащихъ единственнымъ органомъ выраженія всей духовной жизни народа. Современное государство не поглощаетъ въ такой мѣрѣ индивида и общества, какъ греческое, а потому и область примѣненія обычая не могла пасть. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ крайне сложныя теперь международныя отношенія въ политической, экономической и соціальной сферѣ, такъ и осложненная внутренняя жизнь.

Обычай можетъ создавать правила, иногда чрезвычайной важности и силы, но не можетъ создавать законовъ (Recht, law), не получивъ прежде для нихъ признанія государства (ср. Holland, Jurisprudence, 1900, 57). Обычай, не получившій признанія государ-

ства, есть нѣчто особое по сравненію съ обычаемъ, получившимъ такое признаніе. Только несовершенство языка, его бѣдность, заставляютъ насъ давать и тому и другому одно и то же наименованіе. Это двусмыслiе слова „обычай“ никогда не должно упускаться изъ виду. *)

Другое двусмыслiе заключается въ словѣ „источникъ“, употребляемомъ такъ часто въ связи со словомъ „обычай“. Обычай, говорятъ намъ, есть одинъ изъ источниковъ „права“ (Recht). Но, что такое „источникъ“? Это не болѣе и не менѣе какъ метафора,— всегда, какъ мы указывали, опасная въ научномъ языкѣ. „Иногда, говоритъ Holland (Elem. of jurispr., 1900, 52), слово это употребляется, чтобы обозначить мѣсто (quarter), откуда мы получаемъ наше знаніе закона, напр., уложеніе, судебныя рѣшенія, извѣстные трактаты. — Иногда, чтобы обозначить способъ, которымъ—, или лицъ, черезъ которыя—формулировались тѣ правила, которыя пріобрѣли силу закона. — Иногда, чтобы обозначить власть, дающую имъ эту силу“.

Два послѣднія значенія смѣшиваются особенно часто. Обычай, безъ сомнѣнія, можетъ формулировать то или иное правило, и въ этомъ смыслѣ является его источникомъ. Но, самъ собою, обычай не можетъ надѣлить это правило законною силой. Правила обычныя, какъ и правила морали, имѣютъ свою силу, но не силу законовъ. Только тѣ правила становятся законами въ собственномъ смыслѣ этого слова (laws, Recht), которыя получили санкцію и поддержку государства: все равно будутъ ли они впервые обнародованы государственною властью (by the governing body), или уже были въ дѣйствіи среди народа, какъ обычаи.

Обычай, обращенный въ законъ путемъ признанія его государственной властью, отличается отъ закона, изданнаго законодательною властью государства, по способу образованія, но не по дѣйствію. Отъ обычая же въ собственномъ смыслѣ (т. е. имѣющаго лишь соціальную санкцію) онъ отличается по дѣйствію, но не по способу образованія.

---

*) „Обстоятельствомъ первостепенной важности является то, что, какъ бы ни былъ обиленъ и выразителенъ языкъ, онъ никогда не въ состояніи точно обозначать всѣ возможныя понятія и всѣ возможныя отношенія понятій, и изъ этой необходимой бѣдности языка во всѣхъ ея различныхъ степеняхъ возникаетъ нѣкоторая неизбѣжная двусмысленность какъ въ употребленіи отдѣльныхъ словъ, такъ и словъ въ ихъ взаимной связи“ (Hamilton, Lectures on logic, II, 146, изд. 1866). — „Въ совершенномъ языкѣ мы должны были бы ожидать различныхъ названій для живого и мертваго волоса, подобно тому какъ мы различаемъ между травой и сѣномъ“. (M. Müller, The Science of Thought, 30).

Хорошія объясненія въ томъ же смыслѣ можно найти и у Лассона (Rechtsphilosophie, 417 и др.). *Источникъ* власти и законной санкціи, по его словамъ, *одинъ* въ государствѣ. Пока обычай не получилъ *признанія* государственной власти, онъ дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ какъ и всякая другая нравственная норма или норма нравовъ. Они имѣютъ силу какъ Sitten, нравы, mores. Только признаніе государства обращаетъ ихъ въ государственно-принудительныя нормы (Recht)*) „Обычай не достаточенъ, чтобы сообщить своему произведенію полный правовой характеръ; онъ даетъ вначалѣ лишь содержаніе опредѣленій, которыя нуждаются прежде въ признаніи со стороны государства, чтобы получить формальную силу права“ (стр. 418). „Что право становится правомъ только вслѣдствіе признанія со стороны государства, это, послѣ всего раньше изложеннаго, тавтологическое предложеніе; государство есть такимъ образомъ *единственный* авторъ, чрезъ котораго какое-нибудь опредѣленіе можетъ получить правовое значеніе“ (стр. 417). Очевидно, что то, что устанавливается обычаемъ самимъ по себѣ, не есть право, такъ какъ, говоря словами того же Лассона, что не имѣетъ силы права—не есть право (См. рефератъ Kahle въ Philosophische Vorträge Берлинскаго философскаго общества за 1883 г.).

Силу свою обычаи черпаютъ въ мнѣніяхъ и чувствахъ создавшаго ихъ общества. Государство не только не всегда гарантируетъ обычаи, но даже преслѣдуетъ ихъ, хотя, съ другой стороны, государство черпаетъ свою силу въ обычаяхъ же. Опираясь на одни изъ нихъ, оно борется съ тѣми, которые признаются имъ вредными. Государство съ законами есть, слѣдовательно, особая сила, существующая на фундаментѣ однихъ и—рядомъ съ другими обычаями. Это особый факторъ, имѣющій въ основаніи нѣкоторые благопріятные ему обычаи и борющійся съ болѣе слабыми обычаями дурного характера, или надѣляющій своею санкціею обычаи разумные. Если дурные обычаи (напр., неповиновенія власти или дискредитированія ея дѣйствій) пріобрѣтаютъ большую силу, государство можетъ погибнуть. Обычаи, слѣдовательно,—составной элементъ нравовъ общества, или какого-либо его класса.—Переходъ въ законы происходитъ тогда, когда государство *надѣляетъ законной силой* обычаи той или иной группы. Сохраняя прежнее имя „обычай“, они становятся на дѣлѣ особой группой законовъ. Это происходитъ очень часто. Въ уголовной сферѣ

*) Примѣромъ можетъ служить положеніе нашихъ артелей до закона о трудовыхъ товариществахъ: обычай, какъ выраженіе народнаго сознанія о справедливости, признавалъ за ними, какъ за „моральною личностью“, извѣстныя права и обязанности, но лишь законъ могъ дать государственную санкцію этому сознанію, и дать законную силу этимъ правамъ.

государство сохраняетъ за собою обыкновенно монополію. Nullum crimen sine lege. Нельзя, напр., посадить человѣка въ каменный мѣшокъ за то, что онъ ходитъ рѣдко въ мечеть. Въ сферѣ же имущественныхъ договоровъ, наслѣдованія, семейныхъ отношеній и т. д., государство предоставляетъ иногда огромному проценту населенія, или даже и всѣмъ его классамъ, вѣдаться самимъ, по ихъ обычаямъ. Въ подобныхъ случаяхъ обычаи пріобрѣтаютъ силу закона, но не сами по себѣ, а именно въ силу уполномочія: ясно выраженнаго или молчаливаго *согласія государственной власти*.—Если законъ для того и существуетъ, чтобы прямо или косвенно устанавливать права и обязанности,—то обычай, самъ по себѣ, безъ разрѣшенія закона, легальныхъ правъ установить не можетъ. То, что устанавливается обычаемъ *самимъ по себѣ*, не есть „обычное *право*“ ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ смыслѣ.

Обычай лишь формулируетъ извѣстную норму. Надѣлить ее государственно-принудительнымъ характеромъ можетъ лишь законъ, открыто или молчаливо.—Молчаливое признаніе обычая особенно часто происходитъ при обращеніи закона въ мертвую букву. Законодатели издавали, напр., иногда необычайно жестокіе законы (Каролина), или законы слишкомъ много вмѣшивавшіеся въ интимную жизнь индивида, но на дѣлѣ допускали завѣдомо ихъ непримѣненіе, хотя бы и не добровольно, а подъ давленіемъ господствующихъ нравственныхъ воззрѣній общества. Законодатель могъ бы настаивать на проведеніи своей воли, но онъ предпочитаетъ уступить нравамъ общества. Слѣдовательно, не обычай самъ по себѣ, а воля законодателя, по мотивамъ благоразумія оставляющаго нетронутою букву закона, отмѣняетъ его фактическое примѣненіе. Въ такомъ положеніи находится, напр., множество церковныхъ законовъ: власть, сохраняя букву, не настаиваетъ открыто на ихъ примѣненіи. Выраженіе „отмѣна законовъ обычаемъ“ является, слѣдовательно, не точнымъ: одного обычая для этого недостаточно, нужно еще, хотя бы молчаливое, согласіе государственной власти. Согласіе это дается подъ давленіемъ обычая и можетъ быть, такимъ образомъ, лишь вынужденнымъ (quamvis coactus, tamen voluit). Въ англійскомъ законодательствѣ никакой изданный государственною властью законъ (statute) не можетъ потерять свою силу благодаря обычаю (desuetude). Иного взгляда держатся въ Германіи, и даже въ Шотландіи.

Что происходитъ по обычаю, но съ вѣдома терпящей власти, имѣетъ за себя косвенно санкцію государства и не есть, слѣдовательно, *только* обычай. Въ наше время власть, напр., борется со взяточничествомъ или съ грубымъ примѣненіемъ силы администраціей. Но, въ старое „доброе“ время, при господствѣ системы кормленія и

патріархальныхъ взглядовъ на примѣненіе палки и кулака, власть завѣдомо терпѣла взятки и физическую расправу и узаконяла этимъ вещи, которыя теперь она преслѣдуетъ.—Законъ можетъ быть и неписаннымъ, какъ были таковыми всѣ законы до изобрѣтенія письменности. Съ другой стороны, писанный законъ можетъ быть закономъ лишь номинально. Важно знать всегда, откуда исходитъ санкція извѣстной нормы: отъ государственной власти, или отъ нравовъ общества.

Уяснивъ себѣ двойственность значенія слова „обычай“, мы легко поймемъ, почему англійская терминологія выше континентальной, почему намъ не только нѣтъ нужды прибѣгать къ слову „право“ съ искусственно созданнымъ значеніемъ, но и опасно прибѣгать къ нему, если мы имѣемъ въ виду ясность и точность нашей мысли. „Право“ (Recht) по мнѣнію континентальныхъ юристовъ необходимо, чтобы обнять двѣ различныхъ категоріи нормъ (законы и обычаи). Законъ не включаетъ въ себѣ обычаевъ, обычаи стоятъ особо отъ законовъ, а потому нужно найти для нихъ одно объединяющее названіе. Или прибѣгаютъ къ болѣе метафизическому языку: законъ и обычай оказываются проявленіями одной сущности, которая и носитъ названіе „право“. Это два модуса или двѣ формы „права“.

Англичанинъ разсуждаетъ правильнѣе. Обычай представляетъ собою, дѣйствительно, нѣчто отличное отъ закона, но—до тѣхъ поръ лишь, пока онъ имѣетъ за собою лишь соціальную санкцію. Разъ онъ получилъ государственно-принудительную силу, онъ становится по дѣйствію закономъ, какъ и правило изданное, скажемъ, парламентомъ. Разница есть, но это разница въ способѣ фабрикаціи ихъ: разница для юриста несущественная. Для него важна сила и способъ дѣйствія этихъ нормъ; а съ этой точки зрѣнія обычай, надѣленный государственно-принудительной силою, является закономъ, какъ и правило, изданное парламентомъ. Законъ есть всякое правило, имѣющее государственно-принудительную силу. Разумѣется, всякій юристъ знаетъ, что всѣхъ государственно-принудительныхъ нормъ онъ не найдетъ въ актахъ парламента, нужно искать ихъ иногда и въ другихъ мѣстахъ („источникахъ“).—Обособляя законъ отъ обычая, мы мало придаемъ значенія существенной тождественности закона съ надѣленнымъ государственною санкціею обычаемъ (т. е. тому, что особенно важно для юриста), и мы слишкомъ много придаемъ значенія разницѣ въ способѣ фабрикаціи ихъ (т. е. тому, что имѣетъ второстепенное значеніе для юриста).—И новое нѣмецкое гражданское уложеніе признало наиболѣе удобнымъ принять терминъ законъ (Gesetz) для обозначенія всякой государственно-принудительной нормы (Einführungsgesetz, § 2).—Съ другой стороны, обычай *самъ по себѣ*,

не можетъ имѣть того же значенія, что и законъ, не можетъ быть лишь другою формою той же самой сущности („права"), такъ какъ самъ по себѣ обычай имѣетъ за собою лишь соціальную санкцію, а не государственную, какъ законъ. Не всякій обычай становится государственно-принудительной нормой, а только такой, который получилъ санкцію законодателя. Источникъ государственной принудительности одинъ—законъ. Онъ есть основное понятіе. Легальный характеръ (т. е. государственная принудительность) и объединяетъ обѣ категоріи нормъ: законъ sensu stricto и надѣленные законною силою обычаи.—Обычай же самъ по себѣ не есть проявленіе той же самой сущности, что и законъ, а другой—мнѣній и чувствъ общества, которое мы должны обособлять отъ государства; законъ служитъ проявленіемъ мнѣній и чувствъ законодателя,—органа государства. Только тѣ обычаи объединяются въ одно понятіе съ законами, которые (обычаи) получили санкцію законовъ.

Итакъ, слово „обычай" имѣетъ два значенія: 1) въ одномъ оно является соціальнымъ фактомъ, 2) въ другомъ—фактомъ государственной жизни. Въ первомъ значеніи его нельзя объединить въ одно понятіе съ закономъ, какъ нельзя объединить въ одно понятіе государство и общество; во второмъ оно поглощается понятіемъ „закона", такъ какъ является лишь его разновидностью, отличною отъ другихъ видовъ закона способомъ образованія*).

Англійская терминологія съ понятіемъ закона (law), какъ основой юриспруденціи, не означаетъ устраненія необходимости изучать обычаи. Обычаи, надѣленные государственной санкціей, составляютъ составную часть Законовъ (Laws); а обычаи, имѣющіе лишь соціальную санкцію, необходимо должны изучаться и приниматься въ разсчетъ юристомъ, такъ какъ ими опредѣляется характеръ законодательства, его роль и сила въ жизни. Безъ этого нельзя сдѣлаться юристомъ, такъ какъ scire leges non est verba earum tenere, sed vim ac potestatem.—Какъ этику мы не можемъ изучать безъ политики, такъ и юриспруденція съ ея законами не можетъ быть изучаема, если мы не примемъ во вниманіе элементовъ нравственныхъ и соціальныхъ въ жизни. Какъ наука практическая, юриспруденція вынуждена пользоваться понятіями, выработанными различными теоретическими на-

*) За рѣшеніемъ многихъ вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи обычаевъ отсылаю читателя къ Austin'y (Lectur. on jurispr., 1885, I, стр. 35 и сл., также др. мѣста, см. Index при 2-мъ томѣ) и Holland'y (Elements of jurispr., 1900, 52—60).—Широко распространено мнѣніе, будто начальная исторія человѣчества знала лишь обычаи и не знала законовъ. Этого мнѣнія держится, напр., Мэнъ (Древній законъ и обычай). О неправильности его см. Holland, Jurispr., стр. 49—51, изд. 1900, а также главу „государство и законъ" этой нашей работы.

уками. Такъ поступаетъ всякая практическая наука. Изъ наиболѣе удаленныхъ между собою частей научнаго поля сносятся истины, необходимыя для составленія сужденія о томъ или иномъ практическомъ вопросѣ, или для произведенія условій того или иного дѣйствія, требуемаго надобностями практической жизни. Навигаціи, напр., помогаютъ математика, механика, астрономія, оптика, метеорологія и много другихъ наукъ. Теорія земледѣлія требуетъ соединенія біологіи, химіи, физики, астрономіи, математики и многихъ другихъ наукъ.

Глава XVIII.

Международные обычаи и договоры.

„Le langage n'est jamais adéquat à son objet... Nous faisons comprendre tant bien que mal nos idées au moyen de signes grossièrement approximatifs... Toute notre vie, notre langage flotte autour de notre pensée..." V. Henry, Antimonies linguistiques, 1896, 47, 48, 78).

„Языкъ никогда не адекватенъ своему предмету... Мы даемъ понять кое-какъ наши идеи съ помощью грубо-приблизительныхъ знаковъ... Всю нашу жизнь нашъ языкъ носится вокругъ нашей мысли..."

Есть въ мірѣ огромное число независимыхъ гражданскихъ обществъ всякой формы и всякой величины. Никакой общей власти у нихъ нѣтъ, а потому, къ сожалѣнію, здѣсь царитъ столь болѣзненно часто проявляющаяся въ войнахъ анархія.

На ряду съ государственностью существуетъ и существовало всегда, гдѣ было *нѣсколько* политическихъ союзовъ (государствъ), безгосударственное, или такъ называемое „естественное" состояніе между ними, т. е. между государствами, а не между индивидами.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, чрезвычайно важно различать точку зрѣнія индивида отъ точки зрѣнія государственной. Одна и та же норма носитъ не одинаковый характеръ по отношенію къ индивиду и по отношенію къ государству въ цѣломъ. Международный договоръ, напр., надлежащимъ образомъ заключенный и ратифицированный имѣетъ для отдѣльнаго человѣка, принадлежащаго къ одной изъ договаривающихся націй, такое же обязательное значеніе, какъ и всякій законъ, регулирующій внутреннія отношенія въ государствѣ. Но, обязательность его для государства, какъ цѣлаго, или для суверена—имѣетъ иной характеръ: нѣтъ власти государственной выше самостоятельнаго государства или его суверена (если только это суверенъ, а не составная лишь часть суверена), которая могла бы вынудить отъ него повиновеніе.

Государство имѣетъ два признака, по которымъ мы всегда узнаемъ его: 1) положительный или внутренній признакъ—большинство или масса даннаго общества обычно подчиняется опредѣленному и общему представителю власти, одному лицу или корпораціи—безразлично; 2) отрицательный или внѣшній признакъ—этотъ представитель власти не находится въ обычномъ подчиненіи или повиновеніи какому-нибудь высшему (человѣческому) представителю власти *).

Велѣнія власти, которымъ повинуется масса даннаго общества, и суть *законы* (*οἱ νόμοι*, laws), устанавливающіе, съ одной стороны, обязанности, съ другой—права **).

Никто не можетъ отрицать того факта, что отношенія между отдѣльными независимыми политическими обществами не могутъ регулироваться такими же правилами, какъ и отношенія внутри государствъ: нѣтъ общей власти, которой повиновались бы независимыя государства, и которая могла бы возстановлять такія правила въ случаѣ нарушенія, или устанавливать ихъ въ случаѣ сомнѣнія.

Строго говоря, въ „естественномъ состояніи“ живутъ не политическія общества, входящія во взаимныя отношенія другъ къ другу, и не повинующіяся одной общей власти, а господствующіе, управляющіе элементы этихъ обществъ. Такъ какъ всѣ члены каждаго изъ входящихъ въ общеніе государствъ суть члены этихъ отдѣльныхъ государствъ, имъ повинующіеся и ими защищаемые, равно какъ повинующіеся и защищаемые, при переходѣ ихъ въ другое государство, этимъ послѣднимъ, то никто изъ нихъ не живетъ въ „естественномъ состояніи“; и болѣе широкое общество („международный союзъ“), образуемое ихъ общеніемъ, не можетъ быть названо въ строгомъ смыслѣ „естественнымъ обществомъ“. Но, господствующіе элементы, представители власти каждаго изъ государствъ, живутъ между собою въ состояніи независимости отъ какой-либо высшей (земной) власти, т. е. въ „естественномъ“ состояніи.

„Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ (Austin, op c., т. I, стр. 231, 232), что правила, регулирующія международныя отношенія, не суть *положительные законы*, такъ какъ всякій положительный законъ устанавливается даннымъ сувереномъ для лица или лицъ, находящихся въ состояніи повиновенія ему. Международныя правила суть правила, установленныя общественнымъ мнѣніемъ. Обязанности, налагаемыя ими, обезпечиваются нравственными санкціями: страхомъ со стороны народовъ или страхомъ со стороны государей (sovereigns) вызвать общую

*) См. Austin, Lectures on jurisprudence, 1885, т. I, стр. 220 и сл.; Holland, The elements of jurisprudence, стр. 48, 1900.

**) См. *Clarke*, The science of law... 1898, стр. 44 и сл.; *Amos Sheldon*, Science of jurisprudence, 73.

враждебность и навлечь на себя вѣроятныя дурныя послѣдствія, если они нарушатъ общепринятыя и пользующіяся общимъ уваженіемъ правила".

Въ литературѣ и въ обычномъ словоупотребленіи „законъ" имѣетъ болѣе узкое и болѣе широкое значеніе. Законъ въ тѣсномъ смыслѣ есть велѣніе власти, имѣющее въ виду цѣлый классъ дѣйствій и исходящее отъ верховнаго представителя ея. Въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ законъ подводятся и случайныя распоряженія, исходящія хотя бы и отъ подчиненныхъ властей. „Законнымъ", и въ большой публикѣ, считается не только дѣйствіе, соотвѣтствующее законамъ въ узкомъ смыслѣ, но и соотвѣтствующее, напр., полицейскому предписанію.

Отношенія внутри государствъ управляются законами въ узкомъ и широкомъ смыслѣ, внѣшнія же—договорами и обычаями, имѣющими для отдѣльныхъ гражданъ, если они признаны государственною властью, такое же обязательное значеніе, какъ и законъ, но для самыхъ государствъ—лишь нравственную санкцію.

Никакого трибунала, къ которому можно было бы апеллировать вслѣдствіе нарушенія обычной или договорной международной нормы, нѣтъ, кромѣ трибунала общественнаго мнѣнія. Нѣтъ и мѣста, которое бы рѣшало сомнѣнія о томъ, что должно считаться нормой.

Законовъ въ собственномъ смыслѣ, для государства обязательныхъ, здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть. Или, употребляя выраженіе нѣмецкихъ юристовъ, здѣсь не можетъ быть „права въ объективномъ смыслѣ", такъ какъ это послѣднее предполагаетъ наличность высшей опредѣленной власти, могущей принудить къ исполненію даннаго правила. Подобной власти нѣтъ въ междугосударственныхъ отношеніяхъ.

Недостатки нѣмецкой юриспруденціи по этому вопросу чувствуются и Лассономъ. „Хотя", говоритъ онъ (Rechtsphilosophie, 394), „между государствами, какъ суверенными обществами *настоящее* правовое состояніе (Rechtszustand) *не возможно*; но.... между ними возникаетъ состояніе, имѣющее *нѣкоторое подобіе* правовому состоянію".... „Государства находятся другъ къ другу въ *естественномъ* состояніи" (395).... „Опредѣленія, устанавливаемыя государствами относительно ихъ взаимнаго поведенія, хотя *никогда не могутъ* получить характера права (Recht), такъ какъ они не могутъ быть вынуждаемы высшею надъ государствами властью....., выполняются *подобно* правовымъ опредѣленіямъ (rechtliche Bestimmungen)".... (397).... На той же 397 стр. онъ говоритъ, какъ о разныхъ вещахъ, о „внутреннегосударственномъ" и „междугосударственномъ" правѣ (Recht), выставляя отличительной чертой послѣдняго Unzwingbarkeit (невынуждаемость), вслѣдствіе чего

оно является болѣе дѣломъ совѣсти и страха Божія. Но что же это за Recht безъ принуждаемости, если онъ самъ вводитъ эту черту въ опредѣленіе его. Очевидно, это—мораль. Далѣе, на стр. 402 онъ прямо и говоритъ: „характеръ настоящаго права (eigentlichen Rechtes) *отнятъ* у международнаго права (Völkerrecht) не только временно или для низшихъ состояній культуры, но *навсегда*“.... „Все международное право есть нѣчто прекарное. Государство соблюдаетъ его или не соблюдаетъ, смотря по своимъ интересамъ“. Часто онъ говоритъ лишь объ *аналогіи* праву (стр. 400), а нѣкоторыя нормы считаетъ не имѣющими даже внѣшней аналогіи праву. На стр. 405 онъ даетъ общій выводъ: „послѣ всего сказаннаго, для отношеній между государствами настоящаго права съ формальнымъ и положительнымъ характеромъ не существуетъ“. Совершенно справедливо. Только словами того же Лассона мы должны сказать (стр. 400), что „называть то, что имѣетъ существенно иную природу, тѣмъ же самымъ именемъ, всегда не хорошо (hat seine Bedenken), такъ какъ изъ-за равенства названія люди подвергаются опасности забыть неравенство существа дѣла“.

Повторяю, опять таки, что въ виду имѣется государственная точка зрѣнія. Съ точки зрѣнія индивидуальной, признанные государствомъ международные договоры и обычаи имѣютъ обязательную силу законовъ до ихъ отмѣны. Для народа же въ цѣломъ, т. е. для государства, нормы эти не являются закономъ (Law) или правомъ (Recht), въ условномъ значеніи этого слова.

Источникъ санкціи международныхъ обычаевъ и договоровъ *для индивида* одинъ—государственная власть и ея воля, т. е. законъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. При этомъ нужно имѣть въ виду указанную двойственность значенія слова „обычай“: 1) возможны обычаи въ международной жизни, не только не признанные даннымъ государствомъ, но и преслѣдуемые имъ; такіе обычаи являются лишь соціальнымъ фактомъ, что, конечно, еще не значитъ, чтобы мы могли игнорировать ихъ, или—чтобы они не имѣли важнаго значенія въ жизни; 2) обычаи, признанные такъ или иначе властью, а потому и имѣющіе государственно-принудительную силу.

Государство, путемъ утвержденія соотвѣтствующихъ договоровъ (Женевская конвенція, напр.) и изданіемъ внутреннихъ распоряженій, часто вступаетъ въ борьбу съ нежелательными обычаями въ международной жизни: напр., съ ненужною жестокостью во время войны. Каждая изъ воюющихъ сторонъ выступаетъ иногда противъ эксцессовъ собственныхъ же гражданъ, и этимъ противодѣйствуетъ нѣкоторымъ жестокимъ обычаямъ, или содѣйствуетъ образованію новыхъ,—болѣе гумманныхъ. Или, обратно, государственная власть отмѣняетъ

образовавшіеся болѣе гуманные обычаи, для той или иной войны, и вводитъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, старые жестокіе обычаи *).

Разумѣется, что для государства ни того, ни другого рода обычаи не могутъ имѣть обязательной силы законовъ. Индивидъ же долженъ принимать во вниманіе оба рода обычаевъ: 1) одни въ виду ихъ государственной санкціи, 2) другіе, независимо отъ нея **).

Иногда законъ допускаетъ примѣненіе обычая, образовавшагося въ сферѣ международнаго оборота, при возникновеніи дѣла въ мѣстныхъ судахъ. Такіе обычаи пріобрѣтаютъ законную силу для индивида въ силу этого дозволенія. Источникъ законной силы для нормы всегда, слѣдовательно, одинъ—прямое предписаніе или дозволеніе государственной власти. Пока обычай не пользуется поддержкою государственной власти, онъ является лишь соціальнымъ фактомъ.

Своеобразный характеръ международныхъ договоровъ и обычаевъ, особенно когда заходитъ рѣчь о правахъ и обязанностяхъ ссылающихся на нихъ индивидовъ и государствъ, породилъ споръ о подходящемъ общемъ названіи для нихъ. Разъ договоръ или обычай признанъ государственною властью, отдѣльныя лица (или группы ихъ,—товарищества) пріобрѣтаютъ такія же права и несутъ такія же обязанности, какъ и въ томъ случаѣ, когда основою тѣхъ и другихъ служитъ законъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Съ точки зрѣнія индивида международные обычаи и договоры отождествляются, пока они имѣютъ силу, съ законами (Laws, Recht) въ собственномъ смыслѣ.—Иначе обстоитъ дѣло, когда рѣчь заходитъ о правахъ и обязанностяхъ государствъ. Правила международной жизни обезпечиваются: 1) нашедшими себѣ выраженіе въ обычаяхъ мнѣніями и чувствами болѣе широкаго общества, образуемаго общеніемъ отдѣльныхъ государствъ и ихъ членовъ, или 2) договорами, санкціей которыхъ служитъ лишь добрая воля договаривающейся стороны да общественное мнѣніе. Очевидно, что права и обязанности государствъ, опредѣляемыя лишь такого рода нормами, не могутъ быть смѣшиваемы съ тѣми правами и обязанностями, которыя пріобрѣтаются, или несутся, индивидами на основаніи законовъ въ собственномъ смыслѣ.

*) Такъ, напр., еще греки, заключая амфиктіонійскій союзъ, давали клятву соблюдать во время войны нѣкоторыя правила пощады. Съ другой стороны, въ началѣ китайской войны императоръ Вильгельмъ II, отправляя своихъ солдатъ, даетъ приказъ не оказывать пощады врагамъ. Обычай пощады, установившійся въ войнахъ цивилизованныхъ народовъ, отмѣняется такимъ образомъ на данный случай.

**) Безъ сомнѣнія, что многія жестокости совершаются турецкими солдатами вопреки запрещенію офицеровъ; но индивиду приходится считаться и въ этомъ случаѣ съ подобнаго рода mores. Власть лишена часто фактически возможности открыть и наказать нарушителей ея предписаній.

Сходство или аналогія между тѣми и другими есть, но только сходство, такъ какъ между ними есть и разница—чрезвычайно существенная съ точки зрѣнія юриста: права индивида, основанныя на законѣ, охранены государствомъ, т. е. организованнымъ принужденіемъ; права же государства, въ случаѣ нежеланія другого государства подчиниться обычаю или исполнить договоръ, не имѣютъ соотвѣтствующей (организованно-принудительной) санкціи.

Поэтому, когда заходитъ рѣчь о правахъ и обязанностяхъ, субъектами которыхъ являются государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то такія выраженія имѣютъ лишь нравственный смыслъ: санкція такихъ правъ и обязанностей имѣетъ лишь моральный характеръ. Знать это важно, такъ какъ всякое знаніе и всякая наука основаны на различеніи. Чтобы понимать, нужно разлачать. И научная терминологія должна конечно, сообразоваться съ этимъ основнымъ требованіемъ науки.

Нормы, которыя не даютъ государству правъ и обязанностей въ юридическомъ смыслѣ, не могутъ отождествляться съ нормами, которыя даютъ ихъ. Поэтому, одинаково неправильными являются нѣмецкое и англійское названіе для этихъ нормъ: Recht и Law. Можно *условно* примѣнить подобное названіе, но при этомъ нужно, чтобы пользующійся имъ всегда помнилъ, что законами (Laws) или „Правомъ“ (Recht) онъ называетъ при этомъ разныя вещи, и нужно, чтобы онъ не смѣшивалъ ихъ.—Правильнѣе, быть можетъ, было бы слѣдовать совѣту нѣкоторыхъ англійскихъ юристовъ (Austin, Holland) и называть эту группу нормъ „положительной международной моралью“ *). „Положительной“, чтобы обозначить, что мы беремъ ихъ такими, какими даетъ намъ ихъ дѣйствительность (мало привлекательная иногда въ мирное время, и всегда очень дурная, полная насилій и жестокостей, въ военное), а не какими мы желали бы ихъ видѣть.—Этой терминологіи противится, однако: 1) обычай употреблять слово мораль въ одобрительномъ смыслѣ (эвфемизмъ); нравственное является часто синонимомъ хорошаго, тогда какъ здѣсь оно должно обнимать хорошее и дурное; 2) обычай ограничивать часто слово мораль внутреннею индивидуальною сферою, тогда какъ здѣсь оно должно было бы покрывать собою соціальный критерій должнаго, не затрагивающій нашихъ нравственныхъ чувствъ непосредственно; 3) указанною уже двойственностью значенія слова „обычай“ и „обычная норма“, въ силу которой сюда подходятъ не только нормы съ соціальной (общественно-моральной) санкціей, но и нормы съ санкціей государственно-принудительной.

*) См. еще Alaux, Philosophie morale et politique, стр. 222: „la morale internationale“.....

Свободнымъ отъ этихъ возраженій былъ бы терминъ „международныя нормы (или правила)“: но, однѣ изъ нормъ носятъ для индивида лишь соціально-принудительный, а другія—государственно-принудительный характеръ; указанія на такое различіе въ словѣ „норма“ нѣтъ. Болѣе опредѣлительно говоритъ о нихъ выраженіе „международные обычаи и договоры“, но оно не обладаетъ нужною иногда краткостью и опредѣлительностью.—Вина въ концѣ концовъ лежитъ на языкѣ. Съ ростомъ сознанія человѣкъ убѣждается всегда въ его отсталости. Опредѣленнаго плана при его созданіи не было, поэтому старыя классификаціи и старые технические термины оказываются неадекватными (M. Müller, Sc. of. Th., 493), и намъ приходится пользоваться или старыми словами, видоизмѣняя ихъ значенія, или прибѣгать къ многословнымъ сочетаніямъ тамъ, гдѣ намъ нуженъ однословный краткій терминъ.—Мы должны знать циркулирующіе термины „международное право (Recht)“ и „международный законъ (law)“, но это не такіе термины, которые свободны отъ всякихъ несовершенствъ. Создать вполнѣ опредѣленные и точные термины можетъ лишь будущее развитіе языка. Языкъ—наши глаза, органъ нашей мысли, но это не значитъ еще, чтобы онъ былъ совершеннымъ (M. Müller, op. c., 549—551).

Указывая на необходимость отличать нормы международныхъ отношеній отъ тѣхъ нормъ, которымъ присвоено названіе законовъ (Law) или „Права въ объективномъ смыслѣ (Recht)“, мы, конечно, не устраняемъ необходимости ихъ изученія для юриста. Наоборотъ, по своей важности онѣ занимаютъ, можетъ быть, первое мѣсто. Отъ склада международныхъ отношеній зависитъ внутренняя жизнь государства. Одно военное дѣло поглощаетъ лучшія силы и самыя большія средства страны. Всякому извѣстно, какую огромную роль во внутренней жизни имѣетъ то или иное распредѣленіе доходовъ государства.—Кромѣ того, для индивида, какъ уже было указано, все равно: обезпечено ли его право закономъ въ строгомъ смыслѣ слова, или, напр., ратификованнымъ двумя государствами договоромъ.—Такъ что исключить изъ юриспруденціи нормы международныя никакъ нельзя.

Центральнымъ понятіемъ для юриспруденціи является „законъ“, но знаетъ законъ только тотъ, кто знаетъ его не только съ положительной, но и съ отрицательной стороны: не только то, что соотвѣтствуетъ этому понятію, но и то, что не соотвѣтствуетъ ему, хотя и имѣетъ черты сходства съ нимъ. Международные обычаи и договоры имѣютъ много общаго съ „законами“ въ строгомъ смыслѣ, но въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу они не могутъ давать имъ правъ легальныхъ. Это заставляетъ насъ обособить эту группу нормъ,

но это не значитъ, что мы можемъ исключить ее изъ изученія, какъ вообще мы не можемъ отдѣлить изученія законовъ отъ изученія нравовъ. Мы должны различать свѣтъ и тьму, но это не значитъ, чтобы мы когда-либо могли понять свѣтъ, если бы у насъ не было представленія о тьмѣ. Если мы понимаемъ, что такое „законъ", то лишь потому, что у насъ implicite есть представленіе о томъ, что не есть законъ,—о томъ, что дѣйствуетъ, не имѣя за собою санкціи высшей политической власти, такъ какъ отдѣльныя государства, образуя другъ съ другомъ огромное международное общество („the great commonwealth of states",—Amos, Sc. of law, 325), признаютъ себя независимыми отъ какой-либо высшей власти. Нераздѣльное разсмотрѣніе этихъ понятій требуется не только практическими цѣлями юриспруденціи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что они взаимно опредѣляютъ и пополняютъ другъ друга, а потому и содѣйствуютъ общей научной цѣли: уясненію основъ юриспруденціи.

Понятія „закона" и „государства" тѣсно связаны между собою. Каждое изъ нихъ соозначаетъ другое. Законъ есть норма дѣятельности, предполагающая государство. Государство есть политическое общежитіе, предполагающее законы Одно безъ другого не мыслимо. И какъ не было времени, когда бы не было государства, такъ и не было времени, когда не было бы законовъ. Разумѣется, что эфемерное, неустойчивое государство, можетъ дать лишь и эфемерные неустойчивые законы. Въ начальныя эпохи человѣческой жизни, когда существовали лишь крошечныя государства, безпрерывно возникавшія и безпрерывно исчезавшія, на первый планъ выступали регулировавшіе отношенія между ними обычаи. Законы почти не замѣчаются. Отсюда возникло мнѣніе, будто въ первобытное время были обычаи, но не было законовъ. На дѣлѣ, отдаленное прошлое не отличается въ этомъ отношеніи отъ живой дѣйствительности. Разница лишь въ томъ, что новое время создало огромныя государства, о которыхъ не могли думать наши далекіе предки. И международныя отношенія съ регулирующими ихъ нормами продолжаютъ играть такую же важную роль, какъ и прежде. Объ этомъ свидѣтельствуютъ милитаризмъ и огромныя матеріальныя средства, затрачиваемыя въ виду международнаго тренія. Мѣняются формы, сущность же вещей остается прежнею. Видимая разница происходитъ отъ того, что изслѣдователи смотрятъ на разныя вещи: 1) въ одномъ случаѣ они имѣютъ передъ собою конгломератъ маленькихъ неустойчивыхъ государствъ, не объединенныхъ общею властью, 2) въ другомъ—они прежде всего имѣютъ въ виду внутреннюю жизнь отдѣльныхъ большихъ государствъ, которая регулируется, какъ и прежде, законами въ собственномъ смыслѣ.

Глава XIX.

Законъ, право и обязанность.

„Химія имѣетъ техническіе термины, останавливающіе незнающихъ и отличающіе посвященныхъ. У законодательства ихъ нѣтъ. Люди думаютъ, что они понимаютъ слова въ родѣ *законы*, *права*, *безопасность*, *свобода*, *собственность*, *верховная власть;* они самоувѣренно пользуются ими, не подозрѣвая, что они имѣютъ огромное количество различныхъ значеній, и что употреблять эти термины, не имѣя о нихъ точныхъ идей, значитъ необходимо идти отъ одной ошибки къ другой". Іеремія Бентамъ, Oeuvres (1840 г.) I, 523, 524.

Прежде чѣмъ приступить къ своей непосредственной задачѣ —ознакомленію съ дѣйствующимъ законодательствомъ, судебными рѣшеніями, административными распоряженіями, обычаями и прочими государственно-принудительными нормами, юристъ долженъ изучить тѣ общіе идеи и принципы, которые лежатъ въ основѣ этихъ нормъ. Только понявъ принципы, управляющіе фактическимъ матеріаломъ его изученія, тѣ общія начала, которыя лежатъ въ основѣ науки, избранной имъ, юристъ, имѣя этотъ пробный камень въ рукахъ, можетъ достигнуть истиннаго знанія существующаго законодательства, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Только такимъ путемъ и можетъ идти научное изученіе законодательства. Безъ этого, знаніе его будетъ лишь эмпирическимъ. Смотрѣть, что воплощено въ дѣйствующихъ законахъ, мы, безъ сомнѣнія, должны, но видѣть это мы можемъ лишь при свѣтѣ общихъ принциповъ юриспруденціи *).

Римляне представляли себѣ юриспруденцію какъ „знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ, науку о справедливомъ и несправедливомъ" (Dig. I. 1,10). Въ извѣстномъ смыслѣ такое представленіе можетъ быть названо правильнымъ, но, какъ строгое опредѣленіе, оно не выдерживаетъ критики. Безъ сомнѣнія, что юриспруденція находится въ тѣснѣйшей связи съ моралью (справедливость и несправ-

*) Ср. Ratligan, The Science of Jurisprudence, 1899, гл. I и др.

ведливость) и религіей („божественныя вещи“). Законъ вмѣстѣ съ моралью и религіей, является рычагомъ прогресса всѣхъ основныхъ элементовъ человѣческой жизни и культуры. Его задача—не ограничивать, а помогать человѣчеству въ его интеллектуальной, нравственной и матеріальной (физической) дѣятельности. Ближайшая задача законодательства есть достиженіе справедливости. Справедливость же есть понятіе нравственное (а для нѣкоторыхъ и религіозное, такъ какъ Богъ самъ есть воплощеніе справедливости, Высочайшая Справедливость). Какъ существу нравственному, человѣку естественно *желать*, чтобы законодательство не отдѣлялось отъ той основы, на которой оно выросло, *желать*, чтобы законодательство было лишь пополненіемъ и развитіемъ нравственныхъ принциповъ. При религіозномъ настроеніи человѣку столь же естественно *желать*, чтобы законодательство не отдѣлялось отъ религіозной основы создавшаго его общества (какъ это мы видимъ, напр., съ особенною очевидностью въ Турціи съ ея Кораномъ). Мы не можемъ исключить этихъ идеалистическихъ стремленій при изученіи законодательства, *не можемъ даже понять его безъ нихъ*. Не можетъ игнорировать ихъ и дѣйствующее законодательство. Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство не есть нѣчто чуждое морали. Оно имѣетъ свою нравственную сторону, покоится на нравственномъ порядкѣ міра, и можетъ быть понимаемо только въ связи съ нимъ.—Но, не всѣ нравственные принципы могутъ быть сдѣланы принципами легальными. Мораль, подобно религіи, наукамъ, искусствамъ, промышленности и торговлѣ, находясь въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи съ законодательствомъ, имѣетъ, въ извѣстной мѣрѣ, и независимое существованіе, и обратно—законодательство по отношенію къ морали. Non omne quod licet honestum est. И многіе нравственные принципы, признанные положительными законодательствами, установлены болѣе по соображеніямъ полезности и выгоды, чѣмъ по нравственнымъ мотивамъ, а потому и должны разсматриваться не какъ нравственные, а какъ исключительно легальные принципы. А потому мы не можемъ смѣшивать нравственность съ законодательствомъ, этику съ юриспруденціей. Заслуга строгаго обособленія юриспруденціи въ новѣйшей спеціальной литературѣ принадлежитъ Остину (Austin) и его школѣ въ Англіи, и Лассону въ Германіи. Обособленіе не значитъ, конечно, полное раздѣленіе. Юриспруденція никогда не можетъ быть понимаема безъ помощи этики. Много мѣшала ясному пониманію взаимодѣйствія нравственныхъ и юридическихъ понятій принятая на континентѣ терминологія, гдѣ подъ Recht, droit, diritto, „право“, и т. п., смѣшивались, безсознательно часто, нравственныя и юридическія начала. По терминологіи указанной англійской школы юриспруденція или законовѣ-

дѣніе (Jurisprudence or the Science of Law) есть наука о нормахъ, устанавливаемыхъ людьми, какъ правителями (as political superiors), или налагаемыхъ людьми, какъ частными лицами, на основаніи ихъ легальныхъ правъ. Нормы эти называются законами, толкуя это слово въ широкомъ смыслѣ. Съ ними непосредственно связаны понятія права и обязанности.

Законъ, такимъ образомъ, не отдѣляется отъ нравственности, а только отличается. Вначалѣ все было поглощено религіей, но постепенно отсюда выдѣлились, не теряя, однако, связи съ нею, наука, искусство, нравственность и законъ. Нравственность и законодательство тѣсно связаны и дѣйствуютъ взаимно другъ на друга; раздѣлить ихъ такъ, чтобы исключить первую изъ области второго, нельзя. Законодательство должно стремиться гарантировать осуществленіе нравственности; у обоихъ одна и та же цѣль въ виду: совершенство человѣка и общества. Въ частности, законодательство есть форма справедливости, реализуемая путемъ внѣшне-принудительныхъ нормъ.*) — Разумѣется, что эта „форма справедливости“ можетъ не совпадать съ тѣми представленіями о ней, какія есть у отдѣльныхъ лицъ, или ихъ группъ. Юриспруденція разсматриваетъ законы какъ хорошіе, такъ и дурные,—съ точки зрѣнія этихъ непризнанныхъ государствомъ представленій о справедливомъ.

Дать точность и неизмѣнность (относительную, конечно), значенію указанныхъ трехъ основныхъ понятій (законъ, право и обязанность) и есть ближайшая задача юриспруденціи.

I. Связь закона съ государственною властью чувствовалась всегда. Названія для закона у различныхъ народовъ (*νόμος*, lex, Gesetz, law, loi.....) воплощаютъ въ себѣ идею велѣнія государства. Въ этомъ смыслѣ и Демосѳенъ опредѣлялъ законъ, какъ „общее установленіе государства, сообразно опредѣленію котораго каждый живущій въ государствѣ человѣкъ долженъ устраивать свою жизнь (цитировано у Марціана, Digest. I, 3, 2; Rattigan, op., c., 13). „Начальное, и все еще популярное, понятіе „закона“ есть велѣніе (command), предписывающее извѣстный образъ дѣйствія, неповиновеніе которому будетъ наказано“. (Holland, Jurispr., 16).

Это начальное значеніе слова „законъ“ не удержалось за нимъ: словомъ этимъ воспользовались для выраженія иныхъ понятій по

*) „But the Student of the Science of Jurisprudence is after all not concerned with a system of Ethics or abstract Justice, but rather with that form of Justice which is realisable by means of rules of Law, and he will do well in this respect to follow the advice of Thomasius (Inst. Jur. Div , lib. I, c. 1, § 163) in regard of Theology, and not „put his sickle into such dread fields of speculation“. (Rattigan, The Science of Jurisprudence, 9, 10.)

аналогіи. Это сдѣлано было въ силу „суровой необходимости въ ростѣ нашего языка и нашего разума“ (M. Müller, Sc. of Th., 329). Въ основѣ пониманія нами внѣшняго міра лежитъ, какъ извѣстно, антропоморфизмъ (ibid., 329, 330, 494.,...). „Самая сильная (Holland, Jurispr., 16.) интеллектуальная тенденція рода человѣческаго есть тенденція къ антропоморфизму. Если человѣкъ есть тайна для самого себя, то внѣшняя природа является еще большею тайною для него; и онъ объясняетъ болѣе темное менѣе темнымъ. Подобно тому какъ онъ управляетъ своимъ стадомъ и своей семьей, онъ предполагаетъ, что невидимыя существа управляютъ водами и вѣтрами. Чѣмъ больше регулярность, замѣчаемая имъ въ природѣ, тѣмъ меньшее количество подобныхъ существъ предполагаетъ онъ работающими въ ней; пока, наконецъ, онъ не поднимается до понятія одного великаго существа, законамъ котораго повинуется вся вселенная; или же, достигнувъ понятія міра, движущагося сообразно закону, онъ держится его, даже при потерѣ идеи существованія верховнаго законодателя“. Метафора не есть предумышленный актъ поэтическаго воображенія, или сознательный переносъ слова отъ одного предмета къ другому. Это необходимость. Потому-то и теперь многіе люди, пользуясь метафорическимъ языкомъ, совсѣмъ не сознаютъ этого. „Когда *нѣтъ* слова, чтобы выразить нарождающуюся идею, что можно сдѣлать, если не взять первую попавшуюся? Человѣкъ долженъ былъ говорить метафорически,—желалъ онъ этого, или нѣтъ. Это было не потому, чтобы онъ не могъ сдержать своего поэтическаго воображенія, а потому, что онъ вынужденъ былъ скорѣе напрягать его до крайности, чтобы найти выраженіе для все возрастающихъ потребностей ума“ (M. Müller, op. c., 494.). Есть конечно, метафоры фантастичныя и индивидуальныя, это—метафоры новѣйшаго времени; старыя метафоры, вошедшія въ плоть нашего языка, вовсе не представлялись ихъ творцамъ какъ метафоры: они, дѣйствительно, вѣрили въ управленіе явленій законами, какъ теперь многіе вѣрятъ въ управленіе ихъ Природой (съ большимъ П). „Старая метафора была чаще всего дѣломъ необходимости, и, въ большинствѣ случаевъ, не столько переносомъ слова отъ одного понятія къ другому, сколько созданіемъ или опредѣленіемъ новаго понятія при помощи стараго слова. Поэтъ, переносящій названіе слезы на росу, имѣетъ уже ясныя имена и понятія какъ для слезы, такъ и для росы. Но, старые творцы языка, употреблявшіе впервые „законъ“ (беру другой примѣръ, чѣмъ въ подлинникѣ) въ смыслѣ единообразія природы, не имѣли прежде ни понятія, ни имени для такого единообразія; они создали и фиксировали *новое понятіе* и расширили *старое названіе* въ одно и то же время“ (M. Müller, op. c., 495).

Такъ возникли выраженія: законы природы, законы Бога, законы морали, законы красоты, и пр. — Юристъ имѣетъ дѣло не съ законами въ метафорическомъ смыслѣ, а съ законами въ собственномъ смыслѣ. Законъ же въ собственномъ смыслѣ есть „общее правило человѣческой дѣятельности, считающееся лишь съ внѣшними актами и вынуждаемое опредѣленною властью—человѣческою и, между человѣческими властями, высшею въ политическомъ обществѣ „(Holland, op. c., 39), или короче: „общее правило внѣшнихъ человѣческихъ дѣйствій, вынуждаемое верховною политическою властью“ (Rattigan, op. c., 14), или еще короче: „законъ есть велѣніе государства“. (Jenks, Law and politics.....“, 1)*)

Выдѣливъ законъ въ собственномъ смыслѣ изъ законовъ лишь по метафорѣ, юристъ долженъ, однако, иногда дѣлить категорію законовъ въ собственномъ смыслѣ на различные виды: закономъ sensu stricto называется правило, изданное въ установленномъ законодательномъ порядкѣ. Но, на ряду съ такими законами sensu stricto государство даетъ „законную силу“ множеству иныхъ нормъ, изданныхъ или подчиненными властями, или образовавшихся инымъ путемъ. Сами законы sensu stricto не одинаковы по значенію, а потому и дѣлятся на различные виды по значенію, содержанію, территоріи дѣйствія и другимъ признакамъ.

Подъ законы подойдутъ поэтому: 1) законы sensu stricto, основные (конституціонные) и простые, гражданскіе, уголовные, полицейскіе..... прибалтійскіе, привислянскіе, и пр.; 2) указы: верховной власти, или подчиненныхъ органовъ—, напр., сената; 3) словесныя повелѣнія верховной власти, а иногда и подчиненныхъ властей; 4) судебныя рѣшенія, вошедшія въ законную силу; 5) административныя распоряженія; 6) распоряженія различныхъ корпорацій въ предѣлахъ данной имъ автономіи, напр., городскихъ думъ или желѣзнодорожныхъ компаній; 7) международные договоры, ратифицированные властью; 8) иностранные законы, примѣняемые иногда, напр., коммерческими судами; 9) рѣшенія иностранныхъ судовъ, также „иногда“; 10) сочиненія юристовъ и экономистовъ, по крайней мѣрѣ на Западѣ; 11) положенія, добытыя толкованіемъ законовъ; 12) общіе принципы справедливости (equity), или начала, диктуемыя совѣстью (напр., при рѣшеніи дѣла третейскимъ судомъ); 13) священныя книги (напр., Коранъ, въ семейныхъ, наслѣдственныхъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ у мусульманъ; Евангеліе по вопросу о разводѣ; сюда же могутъ быть отнесены постановленія соборовъ, и пр.); 14) обычаи: профессіональные, туземные....., или 15) обычаи иностранные

*) См. другія опредѣленія: Holland, Jurisprud., 20, 21, 41, 42, 43.

(напр., биржевые, или по морской торговлѣ) при рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ въ судѣ.

При всемъ различіи по происхожденію и содержанію, всѣ эти нормы имѣютъ между собою общее то, что всѣ онѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, надѣляются *законною силою*, т. е. становятся государственно-принудительными нормами и основаніемъ законныхъ правъ лица.

II. Непосредственная задача закона состоитъ въ созданіи и охраненіи законныхъ правъ*).—Что же такое тогда „законное право?“ А прежде всего,—что такое право вообще? (Holland, Jurispr., 76 и слѣд.).

„Право есть способность одного человѣка вліять на поступки другого, при помощи не собственной силы, а мнѣнія или силы общества“.

„Когда говорятъ, что извѣстный человѣкъ имѣетъ право дѣлать что-либо, или—надъ чѣмъ-либо, или право на то, чтобы съ нимъ обходились извѣстнымъ образомъ, этимъ хотятъ обозначить, что общественное мнѣніе готово смотрѣть, какъ онъ совершаетъ извѣстный актъ, пользуется извѣстною вещью, или служитъ объектомъ извѣстнаго обхожденія, съ одобреніемъ, или, по крайней мѣрѣ, не выражая своего неодобренія; но,—что оно отнеслось бы съ порицаніемъ къ поведенію каждаго, кто сталъ бы мѣшать ему при совершеніи акта, или при пользованіи вещью, или, если бы онъ не обходился съ нимъ извѣстнымъ образомъ.“

„Право“ есть такимъ образомъ имя, даваемое выгодѣ, которую имѣетъ человѣкъ, когда онъ находится въ такихъ обстоятельствахъ, что, когда онъ совершаетъ или воздерживается отъ совершенія извѣстныхъ актовъ, возникаетъ общее чувство одобренія, или, по крайней мѣрѣ, не возникаетъ неодобренія; а другіе люди—дѣйствуютъ или воздерживаются отъ дѣйствій, сообразно съ его желаніями. Съ другой стороны, возникаетъ общее чувство неодобренія, когда кто-либо мѣшаетъ ему дѣйствовать или не дѣйствовать по своему усмотрѣнію, или отказывается поступать согласно его желаніямъ.—Дальше этого намъ нѣтъ нужды идти. Дѣло психологіи изслѣдовать, въ силу какой спеціальной способности (если вообще таковая существуетъ) умъ можетъ утверждать или отрицать существованіе правъ. Исторія можетъ также до нѣкоторой степени раскрыть намъ ростъ тѣхъ понятій от-

*) Созданіе и реализація законныхъ обязанностей есть, конечно, та же самая вещь, только съ другой точки зрѣнія. Нѣкоторые писатели предпочитаютъ смотрѣть на дѣйствіе закона съ этой точки зрѣнія (См. J. Bentham, Works, III, p. 181; Comte, Phil. pos., ed. 2, VI, p. 454; Am. Law Review, VII, p. 46. Prof. Terry of Tokio, Some Leading Principles of Anglo-American Law, комбинируетъ оба метода).

носительно правъ, которыя теперь господствуютъ. И это наболѣе трудные вопросы психологіи и исторіи цивилизаціи. Юриспруденція не обязана производить подобныя изысканія. Единственное понятіе права, существенное для нея, это то, которое мы изложили,—понятіе, объ истинности котораго, въ указанныхъ предѣлахъ, не можетъ быть вопроса".

„Юриспруденція особенно заинтересована только тѣми правами, которыя признаны закономъ и охраняются силою государства. Мы можемъ поэтому опредѣлить „законное право", въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ способность человѣка контролировать, съ согласія и съ помощью государства, дѣйствія другихъ *)".

„Во всякомъ случаѣ, то, что придаетъ крѣпость законному праву, есть сила, отпускаемая ему государствомъ. Все прочее можетъ быть поводомъ, но не причиной его обязательнаго характера **)".

*) См. Gondsmit's „Pandects", Ch. II, § 17, p. 38 (1); Pollock, Jurispr. and Eth., p. 11; Rattigan, Sc. of Jurisprud., 26; Student's Austin (by R. Campbell), p. 118 (note); Amos Sheldon, Science of law, стр. 88 и слѣд.

) Какъ Томазій говоритъ о „pactum" „non est causa sed tantum occasio obligationis". Противный взглядъ съ силою выдвигается Дернбургомъ, Lehrbuch, § 39: „Die Rechtsordnung gewährleistet und modelt die Rechte im subjectiven Sinne, aber sie ist nicht ihr Schöpfer". Если die Rechte не означаетъ здѣсь „законныя права", тогда предложеніе вѣрно. Дѣло въ двусмысленности Rechte: законныя и нравственныя права. Въ первой половинѣ фразы Rechte=законныя права, во второй —нравственныя права. Этихъ послѣднихъ законъ создать не можетъ. Права въ нравственномъ смыслѣ создаются обществомъ, для созданія же правъ въ легальномъ смыслѣ нужна, очевидно, государственная власть. „Имѣя въ виду этотъ вопросъ (вопросъ о происхожденіи правъ), мы прежде всего должны оставить попытку отдѣлить права отъ общества (Bonar, Philosophy and political economy, 189). Права суть требованія на другихъ, нашихъ ближнихъ (fellows). Общность жизни существенна для понятія права. Если, напримѣръ, существуютъ какія-либо права животныхъ (A tract on the ***Rights of the Brute Creation* is quoted in the ***Annual Register***, 1776, ***Miscell. Essays***, p. 176. Книга объ этомъ предметѣ недавно издана мист. E. B. Nicholson'омъ), они могутъ быть обоснованы на понятіи общенія живыхъ существъ, членами которыхъ состоимъ мы и они. Права не могутъ предшествовать обществу въ томъ смыслѣ, чтобы они могли существовать тамъ, гдѣ никакого общества нѣтъ, т. е. для одного индивида въ отвлеченіи. Но, они и не являются лишь созданіемъ государства. Въ смыслѣ, въ которомъ мы говорили о нихъ, что они подразумѣваютъ общую жизнь,—они являются лишь другою стороною обязанностей. „Законныя" права, безъ сомнѣнія, имѣютъ узкій смыслъ и подразумѣваютъ усмотрѣніе индивида [См. Godwin, Political Justice (1 изд.), кн. II, vol. I, p. 111]. Право посылать письма по почтѣ, или получать золото изъ Англійскаго Банка вмѣсто одного изъ его банкнотовъ, есть созданіе закона. Но, даже многія изъ такихъ легальныхъ правъ (опредѣленныхъ въ статутахъ) были нѣкогда (неопредѣленными) обычаями, и оттуда произведены. Это значитъ, что общество, а не государство есть основа, на которой они растутъ. Торговое законодательство даже теперь въ Англіи состоитъ изъ обычаевъ торговаго общества, утверждаемыхъ, но не создаваемыхъ государствомъ". — Все это со-

„Если говорятъ, что какое-либо лицо имѣетъ право, это значитъ, что поведеніе другихъ, нарушающее такое право, незаконно (Monahan, The method of law, 189)"...„Терминъ „право" обыкновенно употребляется, и всегда долженъ былъ бы употребляться, какъ принадлежность (as an adjunct) извѣстнаго лица, или ряда лицъ, прямо указанныхъ или подразумѣваемыхъ. Даже когда употребляются эллиптическія формы въ родѣ „права собственности", обыкновенно подразумѣвается, и всегда должно бы подразумѣваться, что въ виду имѣются права извѣстнаго класса лицъ. Права „собственности" должны всегда употребляться въ качествѣ точнаго эквивалента „правъ обладателей собственности", „правъ собственниковъ". Когда это упускается изъ виду, всегда есть опасность, что можетъ возникнуть какое-либо фиктивное значеніе и спутать всю нашу работу". (ibid, 57).

Употребленіе слова „право" въ качествѣ коррелята нравственной обязанности (право нравственное), или обязанности законной (право законное) только и освящено создавшимъ это слово языкомъ. Только такое употребленіе и согласно съ духомъ языка. Оно твердо усвоено и ученой англійской литературой со временъ еще Бэкона, Гоббеса, Локка и Бентама. Простота и естественность англійской терминологіи спасли англійскую юриспруденцію отъ той путаницы и массы искусственныхъ затрудненій, которыя созданы юристами континентальными (ср. Holland, Jurisprud., 1900, 14, 15, 78, 79; Austin, Lect. on Jurisprud., 1885, стр. 286). „Право" (Recht, Droit, Jus) континентальныхъ юристовъ, какъ извѣстно, есть измѣнчивое, неустойчивое понятіе, обозначающее: 1) то законы въ совокупности (Law), то 2) права (rights), то 3) справедливость (das Gerechte, Justice). „Нельзя построить связной науки, говоритъ по этому поводу Holland (op. c., 15), на идеѣ, имѣющей нѣсколько сложныхъ и измѣнчивыхъ значеній".

Точное значеніе слова „право" можетъ быть еще уяснено путемъ сопоставленія его съ выраженіями „сила" и „нравственное право". „Это было прекрасно сдѣлано профессоромъ Голлэндомъ*) въ слѣдующихъ мѣстахъ, которыя мы заимствуемъ изъ его превосходной работы о Юриспруденціи" (Rattigan, op. c., 26):

„Если кто-нибудь, собственною силою или убѣжденіемъ, можетъ выполнить свои желанія, собственными своими дѣйствіями, или

вершенно правильно. Повторяю: права съ соціальной санкціей создаются обществомъ, права же съ легальной санкціей создаются закономъ. Право можетъ быть создано обществомъ, но оно обращается въ законное право лишь по утвержденіи его закономъ.

*) Holland, Jurispr., 1900, стр. 80.

вліяніемъ на дѣйствія другихъ,—онъ имѣетъ „силу“ (might, Macht) выполнить такимъ образомъ свои желанія“.

„Если, независимо отъ того, обладаетъ ли онъ такою силою, или нѣтъ, общественное мнѣніе смотритъ съ одобреніемъ, или, по крайней мѣрѣ, не выражая неодобренія, на выполненіе имъ такимъ образомъ своихъ желаній, и съ неодобреніемъ— на всякое сопротивленіе его дѣйствіямъ, тогда онъ имѣетъ „нравственное право“ выполнять такимъ образомъ свои желанія“.

„Если, независимо отъ того, имѣетъ ли онъ, или не имѣетъ на своей сторонѣ силу или нравственное право, государственная власть будетъ покровительствовать ему въ выполненіи своихъ желаній, и будетъ вынуждать такіе поступки или воздержаніе отъ поступковъ со стороны другихъ людей, какіе могутъ быть нужны съ цѣлью дать ему возможность выполнить свои желанія, тогда онъ имѣетъ „законное право“ выполнять такимъ образомъ свои желанія“.

„Если возникаетъ вопросъ о силѣ, все зависитъ отъ собственныхъ силъ или мощи убѣжденія индивида. Если возникаетъ вопросъ о нравственномъ правѣ, все зависитъ отъ готовности общественнаго мнѣнія высказаться на его сторонѣ. Если возникаетъ вопросъ о законномъ правѣ, все зависитъ отъ готовности государства употребить свою силу въ его пользу. Отсюда очевидно, что нравственное и законное право такъ далеки отъ тождества, что они легко могутъ быть противоположны другъ другу. Нравственныя права имѣютъ вообще лишь субъективную опору, законныя же права имѣютъ объективную опору физической силы государства. Вся цѣль законовъ состоитъ въ томъ, чтобы объявить, въ какихъ случаяхъ будетъ дана эта объективная поддержка, и способъ, какъ она можетъ быть получена. Другими словами, Законъ существуетъ, какъ уже указано было раньше, для опредѣленія и охраны правъ“.

Главная разница между нравственнымъ и законнымъ правомъ лежитъ въ связанной съ тѣмъ и другимъ *санкціи*. Нравственныя права это тѣ права, нарушеніе которыхъ навлекаетъ *лишь* неодобреніе общества, среди котораго живетъ нарушитель, и его общественныя послѣдствія; законныя же права это тѣ права, нарушеніе которыхъ, прямо или косвенно, подавляется государствомъ и его агентами (Ср. Rattigan, op. c., 27).

Юриспруденція, такимъ образомъ, имѣетъ дѣло лишь съ тѣми правами, которыя могутъ быть вынуждены обладателемъ ихъ съ помощью государства. Такія права, какъ говоритъ Бентамъ (Theory of Legislation, Hildreth's transl., p. 84), являются созданіемъ закона въ собственномъ смыслѣ. Или, какъ выражается Ihering (Geist des romischen Rechts, vol. III, sect. 60), это есть закономъ („legally, rechtlich“)

охраненный интересъ. Такое право можетъ соотвѣтствовать, или нѣтъ, предшествующему нравственному праву, или—можетъ быть болѣе или менѣе въ объемѣ, чѣмъ послѣднее. Во всякомъ случаѣ оно черпаетъ свою силу и значеніе лишь изъ вынуждаемости своей высшею государственною властью. (Ср. Sheldon Amos, Science of Law, 95.). Разумѣется, что никто никогда не можетъ помѣшать человѣку, какъ существу нравственному, оцѣнивать законныя права и съ нравственной точки зрѣнія. Такой нравственный судъ надъ правами и порождающими ихъ законами есть постоянное явленіе человѣческой жизни: онъ не можетъ ни умирать, ни возрождаться, и не требуетъ особаго призыва къ его осуществленію. Лицо имѣетъ законныя права лишь по стольку, по скольку оно пользуется помощью государственной власти; и права эти остаются правами, независимо отъ того, лежитъ ли ихъ основаніе въ справедливости или въ несправедливости (O. W. Holmes, IV, p. 214). Отсюда—то, что считается законнымъ правомъ въ одной странѣ, можетъ не считаться таковымъ въ другой странѣ. Мы можемъ такимъ образомъ лишь дать абстрактное понятіе того, чему должно соотвѣтствовать законное право; но „было бы такъ же тщетнымъ и нелѣпымъ пытаться идти дальше и—предписывать, что должно считаться универсальными законными правами для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, какъ было бы предписываніе универсальнаго средства для всѣхъ болѣзней, которымъ подверженo человѣчество“ (Ihering, Der Zweck im Recht, I, 440; Rattigan, op. c., 29).

Правильное, осмысленное и осторожное употребленіе слова „право“ чрезвычайно важно. Оно выражаетъ не только то, что согласно закону (законное право), но и то, что противорѣчитъ закону (многія „нравственныя права“). Принимая во вниманіе множество субъективныхъ мѣрокъ нравственности (Ladd, Philos. of conduct, 612), а потому—крайнюю субъективность въ пониманіи своихъ „нравственныхъ правъ“, Бентамъ былъ, конечно, правъ, когда говорилъ, что употребляемое въ анти-легальномъ смыслѣ слово „право“ становится „величайшимъ врагомъ разума и самымъ страшнымъ разрушителемъ правительствъ. Потому что, – какъ можно разсуждать съ фанатаками, вооруженными „естественными правами“, которыя каждый понимаетъ, какъ ему угодно и примѣняетъ ихъ, какъ ему кажется удобнѣе“ (Theory of legislation Hildreth's trans., p. 85).

Невѣрно и представленіе, будто законъ ничего не можетъ подѣлать противъ Естественнаго Права*). Законъ остается закономъ, хотя бы онъ былъ и не справедливъ. Это не снимаетъ съ насъ нрав-

*) Suarez (De legibus, III, c. 19) утверждаетъ, что несправедливому закону мы не только должны отказывать въ повиновеніи, но и совсѣмъ не должны считать его закономъ: lex injusta non est lex.—Но—dura lex, sed lex!

ственной обязанности стремиться къ улучшенію законовъ, но точно также и обязываетъ насъ знать и понимать эти дурные законы: они имѣютъ за собою какую-то силу, удерживающую ихъ въ жизни. Мы не должны дѣлать сильнаго справедливымъ, потому лишь, что не можемъ сдѣлать справедливаго сильнымъ, но... мы не должны игнорировать силы.

Уваженіе къ правамъ (нравственнымъ, конечно), которымъ искали основанія въ такъ называемомъ законѣ природы (Естественномъ Правѣ), могло оказать благодѣтельное вліяніе на упрощеніе французскаго законодательства и освобожденіе его отъ хаоса, въ которомъ очутилось оно передъ Великою Революціей. Можно также сказать, что существуютъ извѣстные *естественные инстинкты* или стремленія въ человѣческой природѣ, которыя должно бы уважать всякое мудрое законодательство. Въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, и Г. Спенсеръ говоритъ о нелѣпости попытокъ „отмѣнить государственнымъ закономъ законъ природы“ (Ethics, Part Ш, p. 546). Но, когда мы говоримъ о *законныхъ правахъ*, мы разумѣемъ лишь тѣ права, которыя имѣютъ своимъ критеріемъ не такъ или иначе понимаемую Справедливость, не тотъ или иной индивидуальный нравственный принципъ, а государственный законъ, надѣляющій ихъ своею санкціею и берущій ихъ подъ охрану своей принудительной силы. (Ср. Rattigan, op, c., 28).

Когда въ обществѣ начинаютъ слишкомъ много говорить о своихъ правахъ по отношенію къ другимъ или къ цѣлому обществу, —больше чѣмъ о своихъ обязанностяхъ, слѣдуетъ критически относиться къ такимъ теченіямъ. Они означаютъ часто лишь пробужденіе эгоизма. Ог. Контъ говорилъ, что онъ (или позитивизмъ) признаетъ только одно право—право исполнять свои обязанности *).

---

*) Le positivisme ne reconnaît a personne d'autre droit que de faire toujours son devoir (*Auguste Comte,* Systéme de Politique Positive, I, 361, 1851 г.). Далѣе, „понятіе о правѣ должно совершенно изгладиться изъ области политики, какъ причина изъ философіи, потому что оно относится только къ первобытному управленію (régime) и прямо несовмѣстно съ окончательнымъ состояніемъ человѣчества, которое допускаетъ только обязанности сообразно занятіямъ (промысламъ, fonctions). Право всегда основано на индивидуальности, а всякое человѣческое право настолько же безмысленно, насколько и безнравственно, кромѣ (развѣ) „права всегда исполнять свои обязанности“, потому что „не существуетъ всеобщаго права, изъ котораго возникали бы обязанности, а напротивъ: всеобщее право вытекаетъ (dérive) изъ частныхъ обязанностей.“ (Ср. Мартесонъ, Что такое такъ называемое право....., стр. 31, 32).

Читатель самъ пойметъ, полагаю, правильность высказанной здѣсь мысли, хотя, конечно, слово „право“ само по себѣ не повинно ни въ чемъ, и изгонять его изъ области политики нѣтъ основанія. Нужно только научиться правильно пользоваться имъ. (Ср. Хлѣбниковъ, Право и государство, 1874 г., стр. 11).

„Обязанность есть основа права“ (Austin, Jurisprud., I, 395). Только взглядъ на человѣка какъ на индивида, т. е. на несуществующее въ природѣ существо (Stephen, Sc. of ethics, 101), могъ выдвинуть на первое мѣсто „право“, какъ основное понятіе. Безъ обязанности мы не можемъ понять права, и какъ неотдѣлимая часть общества человѣкъ больше имѣетъ обязанностей, чѣмъ правъ. Въ этикѣ и религіи это давно уже признано. Тамъ идетъ рѣчь объ обязанностяхъ, долгѣ, подчиненіи закону, грѣхѣ, но не о правѣ. Эгоизмъ человѣка, совсѣмъ не идеальная сторона его природы, выдвинулъ на первый планъ понятіе „права“. Это „Данайскій подарокъ“ человѣческой рѣчи-мышленія. Счастливо было бы человѣчество, если бы оно совсѣмъ не знало его, или могло бы избавиться отъ него, какъ этого желалъ Огюстъ Контъ. „Право есть то, что *не несправедливо*“, говорилъ Гуго Гроцій (De jure belli..... I, 1, § 3; Хлѣбниковъ, op. c., 19), а иногда то, что очевидно *несправедливо*.

III. Коррелятомъ права является обязанность. Всякое право, какъ законное, такъ и нравственное, подразумѣваетъ собою соотвѣтствующую обязанность. Это два соотносительныхъ понятія, которыя не могутъ быть поняты одно безъ другого. Слова, выражающія одну и ту же мысль съ разныхъ точекъ зрѣнія. Когда законъ, или нравственный императивъ, заставляетъ B выполнять, дѣйствіями или воздержаніемъ отъ дѣйствій, желанія A, мы можемъ безразлично сказать, что A имѣетъ право, или что на B лежитъ обязанность. *) — Права, которому не соотвѣтствуетъ никакой обязанности, нельзя себѣ и представить. Таковъ ужъ основной законъ человѣческаго мышленія: каждое понятіе предполагаетъ противоположное—свѣтъ тьму, холодъ теплоту, добро зло, и т. д. Мы мыслимъ парами (couples), хотя второй членъ ея не всегда выражается въ языкѣ. **)

Если обязанность заключается въ совершеніи дѣйствія, она называется положительной, если же въ опушеніи дѣйствія, то отрицательной.

„Каждое право (Holland, Jurispr., 81), нравственное или законное, подразумѣваетъ активное или пассивное содѣйствіе со стороны другихъ желаніямъ стороны, имѣющей право. Когда кто-либо управомоченъ на такое содѣйствіе со стороны другихъ, содѣйствіе это называется ихъ обязанностью (долгомъ, alias).

---

*) Austin, Jurisprud., 33: every right implies a corresponding duty; 344: every right implies an obligation; 100: every law, really conferring a right, imposes expressly or tacitly a ***relative*** duty, or a duty correlating with the right.

**) Ср. Bain, Logic, I, 54, 55, 56, 61, § 11, 12, 17; Милль, Сист. Лог., 83; Sully, The human mind, I, 398. Моя статья въ Журн. Юр. Об., 1898, кн. VI, стр. 98, 99, 103.

Обязанность можетъ быть нравственною, если она налагается нашимъ нравственнымъ сознаніемъ или общественнымъ мнѣніемъ, или—законною, если она вынуждается властью государства.

„Коррелятомъ силы (Holland, ibid.) является необходимость или подчиненность силѣ; коррелятомъ нравственнаго права—нравственная обязанность; коррелятомъ законнаго права—законная обязанность. Эти пары соотносительныхъ терминовъ выражаютъ, нужно замѣтить, въ каждомъ случаѣ, то же самое фактическое состояніе съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія".

„Фактическое состояніе, въ которомъ одинъ человѣкъ обладаетъ самъ по себѣ физическою силою, чтобы вынудить отъ другого повиновеніе себѣ, можетъ быть описано или словами: А имѣетъ силу контролировать дѣйствія В, или словами: В находится въ необходимости подчиниться А. — Когда общественное мнѣніе будетъ одобрительно относиться къ господству А и подчиненію В, положеніе можетъ быть описано словами: А имѣетъ нравственное право господствовать, или: В обязанъ нравственно (разумѣется соціально-нравственная, а не индивидуально-нравственная точка зрѣнія, могущая расходиться съ первой) повиноваться. — Подобнымъ же образомъ, если государство заставляетъ В выполнять, дѣйствіями или воздержаніемъ отъ нихъ, желанія А, мы можемъ сказать безразлично: А имѣетъ законное право, или на В лежитъ законная обязанность".

Мы уже сказали, что юриспруденція имѣетъ дѣло съ легальными правами и обязанностями. Это не значитъ, однако, чтобы она не имѣла ничего общаго, положимъ, съ обязанностями нравственными. Иногда самъ законъ дѣлаетъ исключеніе при конфликтѣ въ пользу нравственныхъ обязанностей (напр., при укрывательствѣ преступнаго сына, или обязанности свидѣтельствовать на судѣ противъ собственной матери, жены, и т. п.). Иногда же выполненіе нравственной обязанности принимается на судѣ во вниманіе при нарушеніи законной обязанности и можетъ вести къ оправданію нарушителя закона. *).

*) Драгомирову предложенъ былъ однажды вопросъ, какъ отнестись къ солдату, поставленному часовымъ, если онъ покинетъ свой постъ, чтобы спасти тонущаго въ рѣкѣ человѣка. Онъ отвѣчалъ, что иногда нужно имѣть мужество нарушить законъ.

Глава XX.

Правильное и неправильное употребленіе слова „право".

„И кто можетъ сказать намъ дѣйствительное значеніе этого слова, какъ не тѣ, которые создали его и пользовались имъ?".. (M. Müller, The Science of Thought, 577).

Два вопроса возникаютъ передъ изслѣдователемъ основныхъ понятій юриспруденціи: 1) каковы эти понятія, и какое выраженіе находили они себѣ въ языкѣ страны, и 2) какъ образовалось слово „право", и что намѣревались обозначать имъ его творцы.

Мы уже указывали, что государство есть исконное явленіе человѣческой жизни, что человѣкъ есть существо по природѣ государственное, всегда жилъ и живетъ по-человѣчески, т. е. государственною жизнью; и что понятіе государства съ его необходимыми элементами такъ близко человѣку, что при его посредствѣ онъ объясняетъ себѣ множество другихъ явленій и отношеній человѣческой жизни, и даже жизни внѣшней природы. Все человѣчество, иногда съ прошлыми и будущими поколѣніями, человѣкъ мыслитъ какъ одно огромное государство (человѣческую семью, человѣческій родъ, человѣчество....), живущее подъ управленіемъ Божества *), или Законовъ Природы; внѣшнюю природу онъ представляетъ себѣ также въ формѣ государства (царства природы, или отдѣльныхъ царствъ животныхъ, растеній, минераловъ....) **) подъ управленіемъ законовъ природы.—Понятія государства и законовъ, и связанныя съ ними понятія справедливости и, въ болѣе позднее время, правъ и обязанно-

*) „Изъ устъ Его исходитъ острый мечъ, чтобы имъ поражать народы. Онъ пасетъ ихъ жезломъ желѣзнымъ.... На одеждѣ и на бедрѣ его написано имя: Царь царей и Господь господствующихъ". (Откровеніе Святаго Іоанна, Глава 19, ст. 15 и 16; см. еще 11—14; ст. 6: „воцарился" Господь Богъ Вседержитель).

Въ Символѣ Вѣры говорится: Его же *царствію* не будетъ конца"....

„Господь на небесахъ поставилъ престолъ Свой, и царство Его всѣмъ обладаетъ" (Псал. 102, ст. 19).

**) *Règne*. Pourquoi l'expression *règne animal*, *règne végétal*, *règne minéral*? C'est qu'ici *règne* a conservé au figuré le sens de *royaume* qu'il avait jusqu'au XVI-e siècle. (Cf. l'anglais *Kingdom*). Изъ Darmesteter, La vie des mots, 174.

стей, въ какой бы формѣ они ни выражались въ языкѣ, являются, то болѣе, то менѣе развитою, принадлежностью человѣческой природы, съ ея разумностью и государственностью.

Въ различныя историческія эпохи, и у различныхъ людей нашего времени, понятія эти выражались и выражаются неодинаково. Въ языкѣ литературномъ эти понятія могутъ быть хорошо переданы терминами: государство, законъ, справедливость, право, обязанность, и по связи—обычаи, мораль или нравственность, нравы.—Мы старались указать двусмысленности перечисленныхъ терминовъ, связанныя съ ними ошибки и тотъ смыслъ, въ которомъ слѣдуетъ употреблять ихъ въ юриспруденціи.

Переходя къ слову „право“, мы видимъ, что языку безспорно свойственно то употребленіе его, которое дѣлаетъ его коррелятомъ обязанности. Ученый языкъ юристовъ не отступаетъ въ этомъ случаѣ отъ обычнаго словоупотребленія. Только въ такомъ смыслѣ и употребляютъ англійскіе юристы свое „right“ (право). Это естественное употребленіе слова: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ духу общаго языка. Континентальные юристы употребляютъ свое Recht, droit, diritto (право) въ томъ же смыслѣ, когда говорятъ о „субъективномъ правѣ“, или о „правѣ въ субъективномъ смыслѣ“.—Въ этомъ смыслѣ „право“ есть: 1) созданіе закона (или вообще „государственно-принудительной нормы“), когда говорятъ о законныхъ (легальныхъ) правахъ, или правахъ въ юридическомъ смыслѣ; или 2) созданіе нравственнаго предписанія (нормы), когда говорятъ о нравственныхъ правахъ, или о правахъ въ нравственномъ смыслѣ. Какъ созданіе легальной или нравственной нормы, „право“, очевидно, не самостоятельно по отношенію къ послѣдней, связано ею: система правъ опредѣляется системою законовъ (или вообще нормъ). Основнымъ понятіемъ является законъ, правило или норма.

Съ подобнымъ употребленіемъ слова „право“ всѣ согласны. Оно санкціонировано какъ общимъ языкомъ, такъ и ученымъ языкомъ юристовъ всѣхъ направленій. Противъ правильности его возражать нельзя.—Но, въ такомъ значеніи „право“ играетъ второстепенную роль среди юридическихъ понятій. Безъ него обходился юридическій языкъ стараго времени нашего и другихъ индо-европейскихъ народовъ; оно было неизвѣстно и создателямъ этико-юридической философіи—грекамъ. Съ меньшимъ удобствомъ, а иногда и съ равнымъ удобствомъ, роль этого слова можетъ быть замѣнена другими выраженіями. „Юриспруденція безъ права“ не только логически мыслимый фактъ, но и фактъ дѣйствительной жизни даже у такого народа высокой культуры, какимъ были основатели этики и политики,—греки.

Необычнымъ и спорнымъ является употребленіе слова „право“: 1) въ значеніи названія для совокупности государственно-принудительныхъ нормъ, т. е. томъ значеніи, которое передается англійскимъ Law или Laws, или греческимъ *νόμοι*, законы; 2) въ значеніи синонима справедливаго (das Gerechte, *τὸ δίκαιον*) или справедливости.

Языкъ есть продуктъ общественной жизни, въ немъ выражается міросозерцаніе высшей единицы, народа. Дѣятельность народа зависитъ отъ представленій, которыми живетъ онъ; представленія же его тѣсно связаны съ его языкомъ. Отношеніе народа и индивида къ внѣшней природѣ и явленіямъ человѣческой жизни (въ частности, къ явленіямъ этико-государственной жизни) обусловлены тѣмъ, какъ эта природа, или эти явленія, представляются имъ въ языкѣ.—Наша мысль не есть явленіе личное; мы не можемъ думать по-человѣчески безъ общества. Человѣкъ внѣ общества не можетъ быть человѣкомъ. Выросшенный въ одиночномъ заключеніи ребенокъ, вѣроятно, обратился бы въ идіота, какъ Каспаръ Гаузенъ. Не будучи въ состояніи пріобрѣсти членораздѣльной рѣчи, онъ не можетъ выработать и человѣческой мысли. Нѣмые и глухіе отъ роду люди, если бы они не вращались въ обществѣ людей, обладающихъ рѣчью, по мнѣнію Huxley, не были бы въ состояніи подняться на ступень выше той, которую занимаютъ шимпанзе или орангъ-утангъ, не смотря на огромную массу головного мозга и наслѣдственность сильныхъ интеллектуальныхъ инстинктовъ. (Ср. M. Muller, Sc. of. T., 63).

Языкъ не есть лишь средство выражать уже готовую истину, но и средство повѣрять собственное свое мышленіе, средство понимать и исправлять самого себя, и такимъ образомъ достигать истины..... „Языкъ (Потебня, Мысль и языкъ, 30, 31) развивается только въ обществѣ, и при томъ не только потому, что человѣкъ есть всегда часть цѣлаго, къ которому принадлежитъ, именно своего племени, народа, человѣчества, не только вслѣдствіе необходимости взаимнаго пониманія, какъ условія возможности общественныхъ предпріятій, но и потому, что человѣкъ понимаетъ самого себя, только испытавши на другихъ людяхъ понятность своихъ словъ (Humboldt, Ueb. d. Versch., 30, 54). И одно изъ могущественныхъ средствъ приблизиться къ истинѣ, измѣрить свое разстояніе отъ нея, есть взаимное сообщеніе мысли (ср. Потебня, ibid., 31)“. Сравненіе личной мысли съ общею-принадлежащею всѣмъ, возможное только посредствомъ рѣчи и пониманія, есть лучшее средство достиженія объективности мысли, т. е. истины“ (Потебня, ibid., 32).

Слово „право“ взято изъ сокровищницы общаго языка, являющагося народнымъ произведеніемъ. Каждый языкъ имѣетъ свои законы, и дѣлая позаимствованія изъ него, мы должны подчиняться

его законамъ, сообразоваться съ его духомъ. Мы не можемъ исключить воздѣйствіе человѣка на языкъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ естественныхъ наукахъ, приходится принимать во вниманіе различенія, которыя не дѣлаются, или не вполнѣ дѣлаются, обычнымъ языкомъ. Здѣсь, по необходимости, индивиду, или ученому классу, приходится создавать свой особый языкъ,—своеобразную терминологію, пригодную для ихъ цѣлей.—Не такъ приходится поступать тамъ, гдѣ, какъ въ явленіяхъ человѣческой жизни, народъ выработалъ себѣ извѣстное міросозерцаніе и выразилъ его въ своемъ языкѣ. Дѣлая позаимствованія изъ народнаго языка, ученые со ipso признаютъ, что явленія, объяснить которыя они желаютъ, явленія всѣмъ знакомыя, что факты, привести которые они желаютъ въ порядокъ, суть факты, съ которыми соприкасаются всѣ въ ихъ ежедневномъ опытѣ, и нашли уже себѣ выраженіе въ народномъ языкѣ. Въ подобныхъ случаяхъ, ученымъ нужно строить на данномъ уже основаніи, и сила отдѣльныхъ лицъ ничтожна при могуществѣ языка. Разъ мы отказываемся изобрѣтать свою терминологію (какъ дѣлаютъ, напр., въ естествовѣдѣніи), мы тѣмъ самымъ признаемъ, что явленія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, не новыя явленія, ждущія еще открытія и созданія особаго термина; признаемъ, что передъ нами лежатъ факты, которые нашли уже себѣ выраженіе въ историческомъ языкѣ, что рѣчь идетъ не о чемъ-то дотолѣ неслыханномъ, и что намъ нечего отдѣляться отъ тѣхъ формъ знанія, которыя принадлежатъ всему народу. На насъ лежитъ лишь задача объяснить ихъ, точнѣе опредѣлить, исправить и углубить. Мы не можемъ выходить здѣсь изъ предѣловъ аналогіи съ прошедшимъ: можемъ видоизмѣнять слова и выраженія въ употребленіи, но не изобрѣтать ихъ.

Элементарныя юридическія понятія не могутъ быть неизвѣстны народу: онъ живетъ ими.—Основное возраженіе, которое слѣдуетъ противопоставить ученію о „правѣ“, какъ основѣ юриспруденціи, состоитъ въ томъ, что разумѣемое имъ подъ этимъ словомъ совсѣмъ не согласуется съ тѣмъ, что разумѣетъ подъ этимъ словомъ цѣлый народъ. Основнымъ понятіемъ выставляется не то, что считалъ въ исторіи и считаетъ теперь цѣлый народъ (равно какъ и корифеи человѣческой мысли, и даже сами юристы, когда они забываютъ о своей книжной якобы-философіи).

Никто не имѣетъ права вкладывать въ языкъ народа того, чего не вкладываетъ туда самъ народъ. Законы языка обязательны для всѣхъ, кто пользуется имъ. Основныя понятія юриспруденціи были опредѣлены ранѣе всякой „науки права“: опредѣлены опытомъ и рѣчью-мышленіемъ народности. Въ частности мы должны употреблять слово „право“ только въ томъ значеніи, которое придалъ имъ языкъ на-

рода; и допускать его только въ такія комбинаціи, которыя допускаетъ для него народъ.

Противъ идеи „совокупности государственно-принудительныхъ нормъ", какъ предмета юриспруденціи, ничего возразить нельзя. Эта идея признается юристами какъ континента, такъ и Англіи.—Все дѣло въ томъ, что мы не можемъ употреблять для обозначенія этой идеи слова „право", такъ какъ это противорѣчитъ духу языка.

Въ идеѣ „совокупности государственно-принудительныхъ нормъ" простымъ элементомъ является понятіе „нормы", понятіе же „совокупности нормъ" является уже болѣе сложнымъ понятіемъ. Элементарнымъ или основнымъ понятіемъ, слѣдовательно, по общему согласію юристовъ какъ континента, такъ и Англіи, является понятіе нормы (иначе: правила, или закона въ широкомъ смыслѣ). Идея совокупности нормъ хорошо выражается формою множественнаго числа: для этого она и существуетъ въ языкѣ. Какъ единичное „планета" обращается для выраженія совокупности въ „планеты", а „дерево" въ „деревья" (ср. M. Müller, op. c., 472), такъ и норма, правило или законъ, обращается для выраженія совокупности въ „нормы", „правила", или „законы". Та же идея совокупности выражается прекрасно и собирательнымъ „законодательство".—Если бы „право" выражало только идею совокупности нормъ, оно было бы лишь синонимомъ слова „законодательство". Поэтому и англичане переводятъ часто ученое нѣмецкое das Recht словомъ Law или Laws (законы). Никакого новаго понятія, незнакомаго народу или его языку, здѣсь нѣтъ. Въ подобномъ „правѣ" (das Recht) не заключается ничего такого, чего не было бы въ словѣ Laws, законы, *νόμοι*, или собирательномъ—„законодательство". Особаго факта или явленія, или особаго понятія (по сравненію съ тѣмъ, которому присвоено названіе „законы" или „законодательство") здѣсь нѣтъ, все равно какъ, употребляя слово „коровы", мы, хотя и выражаемъ идею множественности или совокупности, но не создаемъ этимъ особаго понятія для зоолога, стоящаго выше, ниже или сбоку понятія „корова" *).

Вкладывать въ слово „право" то, что не вкладываетъ туда народный языкъ, или употреблять его не такъ, какъ употребляетъ его народный языкъ, значитъ—измѣнять общій языкъ, нарушать его, неправильно пользоваться имъ. А что употребленіе слова „право" въ смыслѣ совокупности нормъ (въ частности: совокупности законовъ), равно какъ и употребленіе многихъ комбинированныхъ со словомъ „право"

*) Новое понятіе, какъ принципъ связи и объединенія отдѣльныхъ нормъ или законовъ, дается въ идеѣ государства. Эманація законовъ отъ одной общей государственной власти объединяетъ ихъ (Ср. Whewell, Nov. Org. R., 1858, стр. 100, § 3).

выраженій (полицейское право, желѣзнодорожное право, обязательное право, и т. п.), не согласно съ духомъ народнаго языка, объ этомъ говоритъ намъ сознаваемая каждымъ изъ насъ вычурность подобнаго словоупотребленія, когда мы сталкиваемся съ свѣжимъ человѣкомъ, незнакомымъ съ тою тарабарщиною, которая выдается за ученый языкъ юриспруденціи. Языкъ народа всегда ищетъ самыхъ простыхъ, конкретныхъ и недвусмысленныхъ способовъ выраженія всякой мысли. Желая выразить, что извѣстный поступокъ предписывается, или воспрещается государственно-принудительной нормой, русскій языкъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ: такъ по закону, такъ слѣдуетъ по правиламъ, такъ законно, или не законно, или не по закону, уставу, приказу, указу, положенію, распоряженію, и т. д. Выраженія эти просты и естественны. Языку *не къ чему* прибѣгать для этого къ вычурному часто двусмысленному: „это не согласно (или согласно) съ (объективнымъ) правомъ.“ Смутное сознаніе нелѣпости подобнаго выраженія въ сношеніяхъ съ большою публикою можно наблюдать на другихъ и на насъ самихъ: будемъ ли говорить мы сами, или будутъ другіе говорить съ нами *).—Всякій изъ насъ чувствуетъ, что сказать, что наклейка гербовыхъ марокъ требуется финансовымъ закономъ, несравненно проще и естественнѣе, чѣмъ сказать, что такъ нужно дѣлать „по финансовому праву“. Сказать, что дѣлать нѣкоторыя непристойныя вещи на улицѣ запрещено полиціей, или полицейскими законами, несравненно проще, чѣмъ сказать, что этого нельзя „по полицейскому праву“. Обычному языку нѣтъ нужды прибѣгать къ такой вычурной фразеологіи, какъ нѣтъ нужды для истинной науки и философіи. „Мы не должны прибѣгать къ необычнымъ и темнымъ выраженіямъ, гдѣ значеніе нашихъ словъ могло бы быть легко понято ошибочно“. (Hamilton, on Logic, II, 49). Не должны прибѣгать къ нимъ даже тогда, когда мы не рискуемъ быть дурно понятыми. Простота языка есть одно изъ существенныхъ его достоинствъ: она понятнѣе, естественнѣе и часто правдивѣе и величественнѣе, чѣмъ искусственность. Есть вопросы, надъ которыми задумываются не одни профессіональные ученые. Элементарныя понятія этико-юридической жизни составляютъ общее достояніе народнаго языка: они входятъ въ область „познаннаго“, то-есть, того, что уже стало въ большей или меньшей мѣрѣ достояніемъ сознанія и получило соотвѣтствующую

*) Когда мнѣ приходилось имѣть дѣло съ иностранцами, не знавшими, что я знакомъ съ Juristen-Deutsch, т. е. съ тарабарщиной ученыхъ юристовъ, они, стараясь выражаться по-простy (т. е. такъ, какъ этого требуетъ общій народный языкъ), говорили: это возможно, или невозможно, „по нашимъ законамъ“ (nach unseren Gesetzen), а не „по нашему праву“ (nach unserem Recht) какъ сказали бы они, навѣрное, своему ученому собрату.

форму выраженія. Въ народномъ языкѣ есть уже готовыя формулы для нихъ. На насъ падаетъ лишь второстепенная задача уясненія и точнѣйшаго опредѣленія ихъ. Иные создали языкъ юриспруденціи—тѣ, которые создали и всю юридическую жизнь; намъ слѣдуетъ подчиниться ихъ закону. Владыка и самовластный хозяинъ здѣсь—народный языкъ. Въ борьбу со словомъ, съ народными средствами выраженія, приходится вступать только тогда, когда наука или философія хочетъ дать что-либо новое по существу. При всякомъ новомъ открытіи въ области мысли мышленіе, какъ активная сила, неотдѣлимо отъ борьбы со словомъ. Законченныя формулы выраженія являются тогда дѣйствительно „помѣхой“ мысли въ силу своей опредѣленности и порабощающаго вліянія на передачу новаго содержанія. Мыслители, прокладывающіе новые пути, должны неизбѣжно быть „мучениками слова“, потому что старый языкъ не можетъ точно передать новое содержаніе. Въ старую форму вкладывается такое новое содержаніе, которое не вкладывалъ туда никто другой: отсюда непремѣнное непониманіе новатора толпою и неизбѣжныя страданія для перваго, чтобы заставить другихъ понять себя. Языкъ, приспособленный для выраженія только опредѣленнаго содержанія, трудно прилаживается къ новому назначенію. Совсѣмъ не то бываетъ тогда, когда, какъ въ сферѣ элементарныхъ понятій этико-юридической жизни, приходится вращаться въ рамкахъ добытаго уже прежнимъ развитіемъ, въ области болѣе или менѣе уже сознаннаго и оформленнаго. Что ясно понимается здѣсь—ясно излагается.

Ce que l'on conçoit bien s'enonce clairement
Et les mots pour le dire arrivent aisement, говоритъ Буало.

Законность языка, его формъ и выраженій, должна играть въ подобныхъ случаяхъ преобладающую роль. Человѣкъ долженъ подчиняться установленному словоупотребленію. Индивидуализація способовъ выраженія здѣсь неумѣстна. Мы говоримъ о старыхъ, давно извѣстныхъ вещахъ, и должны говорить такъ, какъ учитъ народный языкъ. Мы не должны думать о себѣ, какъ о „сверхчеловѣкахъ“: мыслимъ не мы одни, мыслитъ по многимъ вопросамъ все человѣчество. Объектъ нашего мышленія—знакомые всѣмъ факты И мы должны умѣть выражать наши мысли о нихъ обычнымъ, знакомымъ всѣмъ языкомъ.

Сказанное о передачѣ того понятія, которое выражается англійскимъ Law или Laws (законы), или греческимъ *νόμοι*, слѣдуетъ отнести и къ передачѣ идеи справедливаго или справедливости (*τὸ δίκαιον*, das Gerechte, Justice). Это столь же знакомое народному языку понятіе, какъ и понятіе законовъ. Человѣкъ не только политическое существо, но и нравственное: онъ не только чувствуетъ, если не со-

знаетъ, необходимость подчиняться законамъ, но и всегда критически относится къ нимъ: какъ тогда, когда онъ соблюдаетъ ихъ, такъ и тогда, когда онъ нарушаетъ ихъ. Только по недоразумѣнію можно говорить о необходимости возродить критическое отношеніе къ законодательству, или подчинить его нравственному суду. Человѣкъ, пока онъ относится къ законодательству сознательно, всегда относится къ нему критически и производитъ надъ нимъ нравственный судъ. Судитъ его не только тотъ, кто говоритъ, что оно дурно и нуждается въ реформахъ; но и тотъ, кто говоритъ, что оно хорошо и должно быть удержано въ настоящемъ его видѣ, а на всякіе призывы къ улучшенію смотритъ подозрительно, или неодобрительно. Человѣку не можетъ быть чуждо человѣческое. А къ человѣческому принадлежитъ и стремленіе смотрѣть на вещи не только съ точки зрѣнія законности, но и нравственности

Не было, нѣтъ, и не можетъ быть такого государства, члены котораго не чувствовали бы желанія измѣнить въ чемъ-либо узаконенныя отношенія, или, наоборотъ, поддержать существующій порядокъ, т. е. не можетъ быть такого гражданскаго общества, которое жило бы безъ представленій о справедливомъ и несправедливомъ, иначе: безъ представленій о добромъ и дурномъ въ примѣненіи къ общественной жизни. Понятіе о добромъ и зломъ столь необходимо, что безъ него невозможна человѣческая жизнь. И такъ какъ нѣтъ человѣческой жизни безъ государства, то и понятіе о справедливомъ и несправедливомъ, какъ частичное примѣненіе понятія добра и зла къ жизни гражданскаго общества, является столь же неизбѣжнымъ. Какъ нравственное и государственное существо человѣкъ не можетъ обойтись безъ понятія справедливости; и мы найдемъ его у всякаго: у папуаса, какъ и у Сократа.

Какъ выражаются эти представленія о справедливости у различныхъ народовъ и у различныхъ членовъ одной націи, это не важно. Народы, говорящіе языками, которые не имѣютъ словъ въ нашемъ смыслѣ, не будутъ конечно, имѣть и чего-либо соотвѣтствующаго нашему слову-понятію „справедливость“, но это, разумѣется, не значитъ, чтобы имъ чуждо было то отношеніе къ явленіямъ человѣческой жизни, которое мы называемъ оцѣнкою ихъ съ точки зрѣнія справедливости. Надъ дѣйствительнымъ укладомъ жизни, съ его неизбѣжными несовершенствами, поднимается въ воображеніи каждаго болѣе совершенный строй отношеній, чуждый этихъ несовершенствъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Какъ существо чувствующее, желающее и надѣленное воображеніемъ, человѣкъ не можетъ обойтись безъ такихъ идеальныхъ построеній. У большинства, конечно, они проникнуты религіозными представленіями: надъ царствомъ „сего

міра“ выспится „царство не отъ міра сего“ съ болѣе совершенными законами. Въ этомъ царствѣ господствуетъ безраздѣльно справедливость.

Разъ понятіе справедливости въ такой мѣрѣ присуще человѣку, мы должны искать выраженій для него въ общемъ народномъ языкѣ. Такимъ выраженіемъ въ народномъ русскомъ языкѣ является чаще всего „правда“: „все минется, одна *правда* останется“, говоритъ въ этомъ смыслѣ дышащая вѣрою въ лучшее будущее русская пословица, которую Рѣдкинъ сдѣлалъ эпиграфомъ своей „Философіи Права“. Въ языкѣ культурныхъ классовъ такимъ выраженіемъ служитъ „справедливость“. Законъ, нарушающій интересы какого-либо класса общества, называется „несправедливымъ“ закономъ. Когда кто-либо, дурно пользуясь своими законными правами, обижаетъ другого, говорятъ, что онъ поступаетъ „несправедливо“. Законъ, создающій искусственныя препятствія на пути благихъ стремленій какого-либо лица или группы, называется закономъ, нарушающимъ элементарную справедливость. Сказать, что такой-то поступокъ несправедливъ или противорѣчитъ справедливости, проще и понятнѣе, чѣмъ сказать, что онъ противенъ „праву“. Сказать, что справедливость требуетъ того-то, проще и понятнѣе, чѣмъ сказать, что этого требуетъ „право“. Сказать: „желательно, чтобы законодательство сообразовалось съ требованіями справедливости“, проще и понятнѣе, чѣмъ сказать: „желательно, чтобы законодательство сообразовалось съ требованіями «права»“, или, какъ говорятъ другіе, „чтобы оно прониклось правовыми понятіями“. Къ чему подобный вычурный и мало понятный языкъ? Спросите у юристовъ, что значитъ „право“ или „правовыя понятія“, и вы не получите отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта. Еще менѣе можемъ мы ожидать, чтобы большая публика стала понимать подобный ходульный языкъ. И юристы сами сознаютъ это, такъ какъ въ сношеніяхъ съ большой публикой находятъ нужнымъ и возможнымъ обходиться безъ этой сакраментальной терминологіи. Стремленіе быть понятнымъ не только самому себѣ, но и другимъ, служитъ коррективомъ ходульнаго, будто бы требуемаго нуждами науки, языка. Этотъ коррективъ будетъ дѣйствовать чаще и плодотворнѣе, когда юристы убѣдятся, что не они одни имѣютъ монополію мышленія о вопросахъ человѣческой жизни. Какъ китайской стѣной обводятъ они себя кругомъ языка собственнаго изобрѣтенія, теряя черезъ это не только въ возможности благодѣтельно вліять на мышленіе и поведеніе окружающаго общества *), но и въ возможности провѣрять

*) „Языкъ внутренній можетъ быть въ значительной долѣ личнымъ; но это не допустимо для языка, назначеннаго для изъясненія съ другими (au langage audible), который является по существу общественнымъ орудіемъ... Языкъ внутренній—

самихъ себя коллективнымъ мышленіемъ народа. Коллективность же въ работѣ мысли есть основное условіе достиженія истины.

Искусственная терминологія, введенная безъ нужды *), является большимъ несчастьемъ. Въ ней, напр., причина относительной безплодности нѣмецкой философіи **). Языкъ народный и народная философія, воплощенная въ немъ, отличаются реальностью. Языкъ искусственный, не провѣряемый коллективною работою мысли общества, способенъ выражать не открытія ума въ реальномъ мірѣ, а продукты конструктивнаго воображенія. Идеи, заключенныя въ новой фразеологіи, получаются не путемъ обычной дѣятельности мысли, а создаются воображеніемъ. Создается фантастичное „особое великое явленіе", никѣмъ не постигнутое и непостижимое, ничего не имѣющее общаго съ тѣми категоріями реальности, которыя извѣстны всѣмъ людямъ; придумывается терминъ для него—терминъ, повидимому, взятый изъ народнаго языка и имѣющій такимъ образомъ за себя свидѣтельство реальности, но... только „повидимому". Подъ своимъ „право" народъ никогда не скрывалъ какого-либо „особаго великаго явленія"; онъ создалъ его для служебной роли выразителя коррелята обязанности, далъ ему чисто формальную роль. Слово „право" назначено было не для того, чтобы представлять собою видимыя вещи (явленія), или невидимыя силы, а лишь для выраженія отношеній между явленіями. Въ народномъ языкѣ нѣтъ права вообще, а лишь право на что-либо, опредѣляемое закономъ или нравственною нормою. Для понятія справедливости у него есть особый весьма точный терминъ. Употребленіе „права" вмѣсто „справедливости" ему не свойственно. Особой промежуточной категоріи между категоріей легальныхъ и нравственныхъ понятій языкъ народный не знаетъ. Это созданіе воображенія. И самое мудрое и ученое, что можетъ сдѣлать юристъ, это—вернуться къ рѣчи-мышленію своего народа, смириться,

---

наше дѣло; мы пользуемся имъ сообразно нашей фантазіи... по нашему вкусу... Но, если мы желаемъ довѣрить другому наши чувства или наши идеи, намъ нужно перевести ихъ на общій языкъ... (Egger, La parole intérieure, 1881, стр. 71 и др.).

*) А что она вводится безъ нужды, это видно на примѣрѣ англійскихъ юристовъ, умѣвшихъ и умѣющихъ обходиться безъ нея, и сознательно удерживающихъ ея преимущества по сравненію съ терминологіей нѣмецкой.

**) „Она возвращается со сравнительно пустыми руками изъ самыхъ исчерпывающихъ изслѣдованій. Крылья ея распростерты надъ хаосомъ, еще не оплодотвореннымъ творческимъ умомъ для жизни и красоты. Это птица, пролетающая надъ огромною пропастью и прилетающая назадъ, не имѣя ничего въ клювѣ... Чувства реальности, высшаго изъ всѣхъ, не достаетъ ей... Видѣніе слѣдуетъ за видѣніемъ, спекуляція выростаетъ изъ спекуляціи"... (Bascom, Hist. int. of philos., 378). Конструктивное воображеніе затопляетъ „всякую здравую мысль" (ibid.).

сознать свои ошибки и „говорить такъ, какъ говоритъ обыкновенный человѣкъ *), и мыслить, какъ мыслитъ ученый".

Не даромъ жилъ на свѣтѣ и нашъ народъ. Есть кое-что у насъ свое, нами и по нашему сдѣланное для цивилизаціи. Если мы будемъ изучать свою рѣчь, мы откроемъ кое-что свое и въ нашемъ мышленіи. И пока будетъ звучать живая русская рѣчь, нашъ народъ не утратитъ своего облика и своей духовной самобытности. Мы не должны ни нѣмечить, ни латинизировать себя. Русскіе ученые должны говорить русскимъ языкомъ.

Родной языкъ служитъ носителемъ народныхъ традицій и мощнымъ орудіемъ для рѣшенія очень важныхъ и сложныхъ вопросовъ жизни.

---

*) „Цѣль грамматики есть передача мысли (Sayce, Principes de philologie comparée, 283), и какъ только она достигнута, механизмъ, употребленный для ея достиженія, имѣетъ сравнительно второстепенную важность. Способъ комбинированія словъ и фразъ имѣетъ мало значенія, если только наша мысль ясна для другихъ". Поэтому выраженіе, напр., „по нашимъ законамъ" должно предпочитаться выраженію „по нашему праву", какъ болѣе ясное и всѣмъ понятное. „Выраженія (ibid.) horseflesh и flesh of a horse (лошадиное мясо или мясо лошади) одинаково понятны для англичанина, а потому одинаково признаются англійской грамматикой". Но, напр., китайское словосочетаніе было бы неправильнымъ во французскомъ или итальянскомъ, потому что оно не было бы понятнымъ французу или итальянцу. Очевидно, слѣдовательно, что „правильность или неправильность извѣстнаго выраженія зависитъ отъ его понятности, т. е. отъ *обычнаго употребленія* даннаго языка". Что не такъ обыкновенно, т. е. что не всѣмъ понятно (généralement intelligible), то не согласно съ даннымъ языкомъ, противно его духу, или грамматикѣ. Все опредѣляется, слѣдовательно, согласіемъ и привычками тѣхъ, которые говорятъ на данномъ языкѣ. Есть выраженія, правильныя въ предѣлахъ извѣстнаго діалекта, и неправильныя за его предѣлами. Правильность словоупотребленія есть ничто иное, какъ „обычай, установленный извѣстною группою лицъ въ извѣстный періодъ ихъ исторіи" (ibid., 284). Поэтому, мы не можемъ защищать извѣстнаго словоупотребленія мало обычнаго въ данную минуту у даннаго народа на томъ только основаніи, что оно было когда-то въ употребленіи у него, или что лексически соотвѣтствующее выраженіе есть въ языкѣ другихъ народовъ, или потому что оно свойственно извѣстному мѣстному діалекту, или въ большомъ ходу среди извѣстнаго класса. Каждый языкъ имѣетъ свой обычаемъ установленный укладъ, свою манеру передавать извѣстныя понятія, свои привычки, выработанныя его исторіей; заставлять его принимать то, что чуждо этимъ привычкамъ, значитъ дурно понимать его природу и причинять серьёзный ущербъ совершаемымъ при его помощи мыслительнымъ процессамъ. По нѣкоторымъ вопросамъ мышленіе есть процессъ общественный въ самомъ широкомъ смыслѣ, и требованіе общепонятности есть основное требованіе связаннаго съ ними языка.

Глава XXI.

О значеніи и соозначеніи терминовъ, или объ ихъ объемѣ и содержаніи*).

„Слова заключаютъ (imply) гораздо больше, чѣмъ они выражаютъ“ (M. Müller, The Science of Thought, 294).

Огромную роль въ развитіи понятій и пользованіи научной терминологіей играло и играетъ соозначеніе словъ. Только соозначеніемъ объясняется тотъ, повидимому, странный фактъ, что первоучители наши въ области этики и государственныхъ наукъ, философы Греціи, трудами которыхъ живемъ мы до сихъ поръ, не имѣли словъ-понятій, соотвѣтствующихъ нашимъ „обязанность“ и „право“. Между тѣмъ понятіе „обязанности“ для этики и понятіе „права“ для юриспруденціи—чрезвычайно важныя понятія. Какъ могла обходиться безъ нихъ столь высоко стоящая нравственная и политическая философія, какъ философія Греціи?

*) Термины „значеніе“ или „означеніе“ (denotatio) и „соозначеніе“ (connotatio) были, какъ извѣстно, заимствованы у схоластиковъ. Воскресилъ ихъ въ своей логикѣ Д. С. Милль, придавъ имъ, однако, нѣсколько иное значеніе (См. Fowler, Logic, 19—23). Значеніе, приданное имъ Миллемъ, не всѣми принимается, хотя чувствуется потребность въ иномъ выраженіи того различія между терминами, которое выражается словами: объемъ (extension) и содержаніе (intension или comprehension) понятія, или еще иначе: его ширина и глубина (Ср. M. Müller, The Science of Thought, 471—475, 537). Такъ, слово птица означаетъ орловъ, воробьевъ, воронъ, гусей и т. д., и соозначаетъ жизнь, обладаніе крыльями и другія качества, которыми руководимся мы при примѣненіи этого имени. Кого мы означаемъ словомъ „человѣкъ“, это ясно каждому, но соозначенія этого слова не исчерпаны и не опредѣлены до сихъ поръ; не смотря на то, что слово это существуетъ въ употребленіи тысячелѣтія, мы все еще не можемъ сказать, что такое человѣкъ, т. е. не можемъ перечислить всего того, что включаетъ въ себѣ это слово. Соозначеніе слова опредѣляется все болѣе и болѣе точно путемъ медленнаго опыта. Вопросъ о значеніи и соозначеніи пріобрѣлъ въ послѣднее время необыкновенную важность (Ср. Read, Logic, стр. 26—51). Мы знаемъ теперь, что наши слова образовались такимъ образомъ: языкъ означаетъ лишь какой-нибудь признакъ предмета (le déterminant)—fluvius=то, что течетъ; navis=то, что плаваетъ; медвѣдь=то, что ѣстъ мёдъ, и т. д. Всѣ предметы называются по какому-нибудь поразившему людей качеству (коза=скачущая, быкъ=мычащій...). Имена этихъ качествъ въ первое время вызываютъ въ нашемъ умѣ сперва образъ этого качества и субсидіарно образъ самаго предмета; позже они будятъ непосредственно идею предмета (Ср. Darmesteter, La vie des mots, 44, 40, 41 и др.).

Исторія словъ есть исторія идей. Въ ней мы находимъ часто отвѣты на такіе вопросы, которые имѣютъ для насъ существенное значеніе. Въ словахъ, созданныхъ предками, послѣдующія поколѣнія открываютъ такое содержаніе, которое оставалось неизвѣстнымъ прежнему времени. Такимъ путемъ прогрессируетъ человѣческое знаніе, при чемъ, однако, раскрытое содержаніе первоначальнаго термина остается въ іерархическомъ подчиненіи ему. Слово законъ (*νόμος*, *νόμιμον*) означало для древняго грека приблизительно то же, что и теперь. Но, только послѣдующая мысль, направленная на анализъ его содержанія, открыла въ немъ тѣ соозначенія, которыя мы выражаемъ теперь словами „обязанность“ и „право“. Законъ и существуетъ для того, чтобы установлять обязанности и права. Законъ, который не устанавливалъ бы обязанностей и правъ, не былъ бы закономъ. Слово „законъ“ подразумѣваетъ (imply), соозначаетъ или внушаетъ (suggests), или иначе—включаетъ implicite и идею обязанности-права. Обязанность и право—необходимые аттрибуты идеи закона.

Поэтому, какъ древній грекъ, такъ и мы теперь, можемъ при помощи слова-понятія „законъ“, и производныхъ отъ него, выражать идеи обязанности и права, не прибѣгая прямо къ этимъ послѣднимъ словамъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: онъ имѣетъ право сдѣлать то-то, мы можемъ сказать: такой-то его поступокъ будетъ согласенъ съ закономъ, будетъ законнымъ, не будетъ противорѣчить закону, и т. п. Вмѣсто того, чтобы сказать: на мнѣ лежитъ обязанность сдѣлать то-то, мы можемъ сказать: я долженъ сдѣлать то-то, или нужно подчиниться такому-то закону, или такой-то законъ повелѣваетъ мнѣ сдѣлать то-то, и т. д. Есть и много другихъ выраженій, которыя могутъ передавать въ контекстѣ идеи обязанности и права—и независимо отъ употребленія слова „законъ“.

Когда въ соозначеніи слова „законъ“ открыты были идеи обязанности и права, мысль создала себѣ новое, болѣе иногда удобное орудіе выраженія. Или, можно сказать и такъ: созданіе пары соотносительныхъ словъ „право-обязанность“ было одновременно созданіемъ новыхъ понятій, но понятія эти implicite включены уже были въ прежнемъ словѣ-понятіи „законъ“. Образованіе ихъ было, несомнѣнно, прогрессомъ. Но, это была лишь дифференціація въ предѣлахъ прежде извѣстнаго. Новыя понятія должны были поэтому оставаться іерархически подчиненными прежнему, обнимавшему ихъ, т. е. понятію „закона“.

Когда Кантомъ выдвинута была съ особенною силою идея обязанности, она все-таки осталась въ подчиненіи идеѣ закона (или—категорическаго императива). Какъ ни подчеркивалъ онъ въ этомъ случаѣ свое отличіе отъ древне-греческихъ философовъ, Кантъ не только

остался вѣренъ закону, какъ высшему понятію въ этикѣ, но и утрировалъ это понятіе, олицетворилъ его (признавая безличнымъ), подобно „Природѣ“ изслѣдователей физическихъ явленій,—почему Ladd, напр., называетъ его философію „легализмомъ“ въ этикѣ (Philosophy of conduct, 497—506).—Такъ неразрушимы основы мышленія, положенныя нашими предками! Прогрессъ есть, но онъ остается въ зависимости отъ того, что сдѣлано въ прежнее время мышленіемъ народа, создавшаго трудомъ длинной вереницы поколѣній устои для дальнѣйшаго развитія; труды великихъ мыслителей прошлаго являются лишь лучшимъ выразителемъ этой работы поколѣній.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно слова-понятія „право“. Ни греки, ни древнѣйшіе періоды современныхъ европейскихъ языковъ (по крайней мѣрѣ, нѣмецкаго и русскаго; не знаю достовѣрно о другихъ) не знали слова „право“. Возникновеніе его было, несомнѣнно, прогрессомъ въ области мышленія, но прогрессомъ второстепеннымъ: оно дифференцировалось на лонѣ того же слова-понятія „законъ“. Поэтому, и теперь понятіе „право“ не можетъ обойтись безъ понятія закона, какъ условія своего существованія. Какое бы значеніе ни старались вложить въ это слово, понятіе „закона“, или болѣе общее понятіе нормы дѣйствія (законъ есть также норма дѣйствія), является его основой.

Такъ, 1) если мы въ понятіе „права“ станемъ вкладывать идею справедливости (das Gerechte), какъ часто дѣлаютъ континентальные юристы, мы должны признать идею нормы и закона (нравственнаго) высшею по отношенію къ идеѣ справедливости. Подробно объ этомъ говорится въ главѣ о справедливости. Здѣсь слѣдуетъ лишь замѣтить, что, какъ говоритъ Bain (Logic, v. I, p. 52), „справедливость“ выражаетъ то же самое значеніе, какъ и „справедливыя дѣйствія“; единственно существующій фактъ, соотвѣтствующій слову, есть классъ „справедливыя дѣйствія“. Нѣтъ такой вещи въ мірѣ, какъ справедливость сама по себѣ; мы не можемъ указать на невоплощенную ни въ чемъ справедливость. Терминъ обозначаетъ „справедливыя дѣйствія“ съ особенной силой или удареніемъ на чертахъ сходства; „справедливыя дѣйствія, какъ справедливыя, или разсматриваемыя только какъ справедливыя. Предложеніе „*Справедливость* требуетъ *уваженія*“ все равно, что предложеніе „справедливыя лица суть уважаемыя лица“, съ болѣе сильнымъ указаніемъ, чѣмъ, повидимому, даютъ общія (не абстрактныя, the class names) слова, что причинное отношеніе связано лишь съ чертами общими „справедливымъ лицамъ“ и „уважаемымъ лицамъ“. „Справедливыя лица, какъ справедливыя, суть уважаемыя лица, какъ уважаемыя“... Но, справедливыя дѣйствія, равно какъ и справедливыя лица, предполагаютъ критерій, штандартъ,

типъ или норму, съ которою сравниваютъ эти дѣйствія и этихъ лицъ. Необходимость этой нормы понималась еще греками: справедливое, говорили они, это то, что согласно съ закономъ или нормой (*τὸ δὲ δίκαιον τὸ τε νόμιμον*). Съ точки зрѣнія теолога справедливъ тотъ, кто выполняетъ божескіе законы. Съ точки зрѣнія государственной власти справедливъ тотъ, кто выполняетъ государственные законы, не по буквѣ только, конечно, но и по духу ихъ. Съ точки зрѣнія многихъ моралистовъ справедливъ тотъ, кто выполняетъ законъ (норму) равной свободы въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ..... Поэтому философы, въ родѣ Канта, пытавшіеся выставить das Recht („Право“) высшимъ понятіемъ въ юриспруденціи, попадали въ противорѣчіе сами съ собою, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ своихъ работъ должны были признавать первенство за понятіемъ нормы (das Recht ist Inbegriff der Normen...), закона (das Recht ist Inbegriff der Gesetze) или Категорическаго Императива (другое названіе для нормы или закона).

Если 2) мы въ слово „право“ станемъ вкладывать не то, что должно быть, а то, что существуетъ въ дѣйствительности, т. е. если мы будемъ стараться обособить его содержаніе отъ нравственныхъ элементовъ и станемъ послѣдовательными позитивистами, то и тогда понятію закона (alias нормы) мы должны будемъ отвести первое мѣсто. Всѣ позитивисты опредѣляютъ „право“ какъ совокупность государственно-принудительныхъ (или иначе квалифицированныхъ) нормъ. Ergo, нѣтъ нормы, нѣтъ ихъ совокупности, нѣтъ и „права“.—Разумѣется, что норма или законъ могутъ пониматься и въ нравственномъ смыслѣ. Когда заходила рѣчь о нравственныхъ правахъ, или вообще о правахъ, не обезпеченныхъ дѣйствующими законами („естественныхъ правахъ“), требованія логики заставляли создавать и нравственные законы, нравственныя требованія, естественный законъ и тому подобныя выраженія для нормы, чтобы обосновать эти права.

Значитъ понятіе „права“ никакъ не можетъ обойтись безъ понятія закона (или нормы, что все равно). Изъ него, на этомъ устоѣ, выросло оно. Потому-то греки, и наши русскіе предки, могли жить государственною жизнью, имѣть законы и даже философію государства, и обходиться безъ слова-понятія „право“. Оно включено было implicite въ соозначеніе слова „законъ“.

Такъ исторія словъ-понятій опредѣляетъ ихъ взаимное отношеніе, относительную важность, іерархію. Она даетъ намъ отвѣтъ на вопросъ, какое изъ нѣсколькихъ понятій является болѣе основнымъ, гдѣ слѣдуетъ искать основъ юриспруденціи, или этики.

Историческія измѣненія основныхъ понятій юриспруденціи сводятся, слѣдовательно, къ тому, что съ теченіемъ времени содержаніе

ихъ (alias соозначеніе) раскрывается намъ все съ большею ясностью. Устои, положенные древними мыслителями, или народнымъ языкомъ *), отъ этого не измѣняются. И мы впадаемъ въ крупную ошибку, если начинаемъ приписывать новообразованіямъ большее значеніе, чѣмъ они имѣютъ въ дѣйствительности. Къ такимъ новообразованіямъ принадлежитъ и слово-понятіе „право“. Его нужно держать въ субординаціи къ старымъ понятіямъ.

Такъ важно въ научномъ мышленіи знать языкъ своего народа именно такимъ, какимъ его создалъ народъ, а не какимъ старались иногда ошибочно представить его намъ ученые спеціалисты, не изучавшіе языка ex professo. Научное мышленіе не можетъ рвать съ прошлымъ народа и покидать созданные имъ устои, хотя, разумѣется, оно должно непремѣнно критически относиться къ нимъ. Но, это должна быть критика, подготовленная знаніемъ.

Ростъ знанія состоитъ въ углубленіи путемъ анализа того, что дано уже implicite въ словахъ, воплощающихъ прежніе результаты мысли. Когда созданы были слова „земля“ и „шарообразный“, никто еще не думалъ предицировать шарообразность относительно земли. Какъ только люди удостовѣрились въ шарообразности земли, соозначеніе слова земля расширилось или измѣнилось въ томъ смыслѣ,

*) И философы не выдумали сами основныхъ словъ-понятій государственной жизни, а брали ихъ изъ общаго народнаго языка. Это первый учитель человѣчества. Разумѣется, что юриспруденція живетъ въ народномъ языкѣ въ томъ же состояніи, въ которомъ живутъ въ немъ грамматика, логика и вообще разумъ и философія, т. е. въ безсознательномъ состояніи. Процессы языка вообще безсознательны. Si le langage est un fait conscient, les procédés du langage sont inconscients (Henry, Ant. ling., 78). Unsere Sprachforscher kennen seit Leibnitz das Unbewusste der menschlichen Thätigkeit, die solche Wirkung erzeugt... (Mauthner, Kr. d. Spr., 13). Необразованный человѣкъ не знаетъ, что онъ говоритъ прозой и извѣстными грамматическими категоріями, равно какъ не знаетъ онъ ничего о силлогизмахъ и индукціи, хотя ежеминутно пользуется ими. Не знаетъ онъ и того, что значитъ государственное существо, власть, свобода, подчиненіе, обязанность и право; не знаетъ такъ, какъ мы въ правѣ ожидать этого отъ образованнаго. Но, это не лишаетъ его качествъ разумнаго и политическаго „животнаго“ („русскій мужикъ сѣръ, да умъ-то его не волкъ съѣлъ“, говоритъ народная пословица), и возлагаетъ на насъ обязанность знать его міровоззрѣніе и считаться съ нимъ. На то мы и интеллигенція. Homo non intelligendo fit omnia (Vico, Nuova scienza, II, cap. 7). Но, non intelligendo не значитъ еще неразумно. И необразованный человѣкъ не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, такъ какъ самые геніальные умы не все понимаютъ, что они дѣлаютъ. Кромѣ того, переходъ отъ сознательнаго къ безсознательному требуется самою природою нашего сознанія, ограниченностью его. Только переходъ къ безсознательному, къ автоматичному, освобождаетъ сознаніе для дальнѣйшей работы. Переходъ отъ безсознательнаго движенія черезъ сознательную волю назадъ къ безсознательному составляетъ общій путь, какъ въ общемъ развитіи языка, такъ и въ языкѣ отдѣльныхъ лицъ, не исключая, разумѣется, и геніевъ. (Ср. Mauthner, op. c., I, 16).

что съ нимъ стала соединяться идея шарообразности. Содержаніе слова „земля“ стало болѣе полнымъ. Подобное же случилось и со словомъ „законъ“, когда въ содержаніи его открыта была соотносительная пара „права—обязанности“. Нужно только всегда опасаться дѣлать изъ понятія производнаго понятіе производящее, что именно и случилось у тѣхъ юристовъ, которые возвели Право на степень творящей силы: оно, будто бы, создаетъ законодательство, измѣняетъ, улучшаетъ его, находитъ себѣ въ немъ воплощеніе. „Высшая мудрость и заключается, по словамъ La Rochefoucauld, въ томъ, чтобы знать точно цѣну вещей“, т. е., въ данномъ случаѣ, относительное значеніе такихъ понятій, какъ законъ и право. Какъ только мы нарушимъ ихъ дѣйствительное взаимоотношеніе, такъ и возникнетъ путаница.

Подобное же извращеніе взаимнаго отношенія произошло и между понятіями нормы и справедливости. Справедливость означаетъ согласіе извѣстнаго поведенія съ нормою. Не Справедливость порождаетъ норму, а норма опредѣляетъ, что должно считаться справедливымъ и несправедливымъ. Когда мы говоримъ, что извѣстный поступокъ справедливъ, мы одобрительно выражаемъ этимъ согласіе этого поступка съ извѣстною нормой, которой, по нашему мнѣнію, должны держаться люди во взаимныхъ отношеніяхъ. Мы часто противопоставляемъ законъ и справедливость: говоримъ, напр., что такой-то законъ несправедливъ. Этимъ мы высказываемъ, что законъ этотъ не соотвѣтствуетъ той нравственной нормѣ, которая, по нашему мнѣнію, должна бы регулировать человѣческія отношенія. Справедливость не существуетъ какъ какое-то особое самостоятельное бытіе. Если мы говоримъ, напр., что справедливость требуетъ того-то, что такой-то фактъ противорѣчитъ справедливости, что справедливость есть величайшая сила общественной жизни, или употребляемъ аналогичныя выраженія, гдѣ справедливость какъ бы олицетворяется и представляется активною самостоятельною силой, мы пользуемся лишь фигуральными выраженіями. Если мы анализируемъ ихъ, мы всегда найдемъ, что въ основѣ всѣхъ подобныхъ сужденій лежитъ представленіе объ извѣстной нравственной нормѣ, которая, по нашему мнѣнію, должна была бы опредѣлять человѣческія отношенія. „Справедливость“ имѣетъ то же значеніе, что и „справедливыя дѣйствія“, или „справедливыя лица“; нѣтъ такой вещи въ мірѣ какъ справедливость сама по себѣ; мы не можемъ указать на невоплощенную ни въ чемъ справедливость. Человѣкъ въ своей совѣсти создаетъ законы дѣйствій нравственнаго характера; общество, путемъ общественнаго мнѣнія и обычаевъ, создаетъ нормы внѣшней дѣятельности, обязательныя для составляющихъ его чле-

новъ; государство издаетъ законы въ собственномъ смыслѣ, обязательность которыхъ обезпечивается внѣшнимъ принужденіемъ. Согласіе съ этими нормами и является справедливостью. Разумѣется, что въ виду различія нормъ, согласіе съ которыми имѣется въ виду, справедливымъ люди называютъ различныя вещи. Справедливое съ одной точки зрѣнія, несправедливо съ другой. Или, иначе, справедливость есть слово многосмысленное. Для опредѣленія его смысла нужно найти норму, соотвѣтствіе съ которой имѣется въ виду. Потому-то, нѣтъ ничего матеріально твердаго и незыблемаго въ понятіи о справедливомъ.

Итакъ, основаніемъ и опорою какъ для понятій права и обязанности, такъ и для понятій справедливости и несправедливости, служитъ понятіе правила, нормы или закона въ широкомъ смыслѣ. Иначе говоря, понятія права и обязанности выработались изъ содержанія понятія закона (alias: правила, нормы). Какъ производныя, они менѣе познаваемы. Простое и непосредственное, каковымъ является понятіе правила, ближе намъ и скорѣе усваивается. Какъ производное, понятіе права сложнѣе и находится въ зависимости отъ понятія правила (нормы). Знаніе, основанное на другомъ знаніи, не есть важнѣйшее и достовѣрнѣйшее. Самое важное и наиболѣе близкое намъ—то знаніе, которое служитъ опорою и основаніемъ для иного знанія. Такимъ знаніемъ является знаніе правила (нормы, закона): по содержанію своему оно обнимаетъ, или соозначаетъ, понятія права и обязанности, а по достоинству или важности стоитъ выше ихъ.

Глава XXII.

Миѳологическое и научное теченіе въ юриспруденціи.

„Правильно или неправильно мнѣніе, что миѳологія есть болѣзнь языка, справедливо будетъ сказать, что метафизика, во всемъ ея анти-реалистическомъ развитіи, есть болѣзнь языка". H. Spencer, Principles of Psychology, II, 502.

„Не сотвори себѣ кумира... Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи"..... (Библія).

„Da hat die Kritik (der Sprache) tapfer eingesetzt und die bekanntesten Begriffe wie die des Rechts, der....., als mythologische nachgewiesen" (Mauthner, Krit. d. Spr., I, 163).

Литература четырехъ народовъ особенно важна для изучающаго юриспруденцію: грековъ, римлянъ, нѣмцевъ и англичанъ.

Работы римскихъ юристовъ отличались преимущественно практическимъ характеромъ. Философами римляне никогда не были ни въ юриспруденціи, ни вообще въ области знанія. „Извѣстно, что римляне (Thiaucourt, Essai sur les traités philosophiques de Cicéron et leur sources grecques, 1885, стр. I.) не имѣли оригинальной философіи, и что въ этой области они были вполнѣ данниками грековъ. Они ограничивались переводомъ иностранныхъ идей, ничего не прибавляя, и скорѣе отбавляя (en retranchant): они опускали все, что было слишкомъ тонко, или слишкомъ трудно понималось. Но, они постарались приспособить больше къ практической жизни спекулятивныя изслѣдованія греческихъ мыслителей." *)

Иначе изучалась юриспруденція въ Греціи. „Наука права, какъ выражается R. Dareste (La science du droit en Grèce, 1893, стр. 4), была культивируема и въ Греціи, но не такъ какъ въ Римѣ. Она имѣла характеръ менѣе практическій, менѣе позитивный, но *болѣе*

*) „Эти характерныя черты, прибавляетъ авторъ, ясно проявляются въ философскихъ работахъ Цицерона".

возвышенный". Философски болѣе одаренные, чѣмъ римляне, *) они лучше ихъ сумѣли разобраться въ основныхъ понятіяхъ государствовѣдѣнія. Работы Платона и Аристотеля не только не могутъ быть обойдены до сихъ поръ, но (mirabile dictu) по глубинѣ и правильности основныхъ взглядовъ стоятъ выше столь плодовитой нѣмецкой литературы. Странно! но, теперь, когда между нами и этими работами легло болѣе 2000 лѣтъ, я не найду лучшаго девиза въ безпомощномъ состояніи современной континентальной философско-юридической мысли, какъ „назадъ къ Платону и Аристотелю!". И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, „поворотъ къ болѣе древнимъ отправнымъ пунктамъ можетъ дать возможность изслѣдователю найти новые пути, когда современная дорога кажется заваленной непереходимыми барьерами". (Tylor, Primitive culture, II, стр. 444). — Основными понятіями для нихъ были: законъ (*νόμος*) и государство. Это не значитъ, чтобы они не признавали ничего выше ихъ. Выше ихъ стояло понятіе справедливаго (*τὸ δίκαιον*) или справедливости, и самая „Республика Платона была разсужденіемъ о справедливости, написанной крупными буквами въ явленіяхъ государства" (ср. Ladd, Philos. of conduct, 548). Связь этики съ политикой понималась такъ же хорошо, какъ и нами.

Развитого ученія о законѣ, государствѣ и правѣ, въ томъ видѣ, какъ мы его находимъ у современныхъ англійскихъ юристовъ (Іер. Бентамъ, Остинъ, Голлэндъ, Поллокъ, Маркби) или у ихъ философскихъ предшественниковъ (особенно Гоббеса и Локка), мы, конечно, не найдемъ, но ихъ лаконизмъ столь же глубокъ и правиленъ, какъ и возвышенъ. Мало того, у этихъ великихъ первоучителей, умѣвшихъ разбираться въ основныхъ вопросахъ государствовѣдѣнія не хуже насъ и положившихъ основаніе современной терминологіи (политика, демократія, аристократія, монархія.....), мы не найдемъ и слова, соотвѣтствующаго нашему „право". Греческое *τὸ δίκαιον* соотвѣтствовало нашему „справедливое" (das Gerechte), справедливость. Такъ стушевывалась роль этого понятія (права), возведеннаго потомъ въ санъ перваго и основного понятія юриспруденціи, „великаго общественнаго явленія", критерія законовъ, поставленнаго выше государства и превращеннаго почти въ кумиръ. Въ греческомъ законодательствѣ, представлявшемъ во многомъ лишь переводъ римскаго, выраженія въ родѣ jus civile, jus naturale, jus gentium передаются: *νόμος πολιτικός*, *νόμος φυσικός*, *νόμος ἐθνικός*. Ниже мы поймемъ, какой глубокій смыслъ имѣетъ эта „юриспруденція безъ права". — Это не значитъ, чтобы у грековъ не было понятія о правѣ, какъ

*) Что признавалось и этими послѣдними. Graecia capta ferum victorem cepit.

корреляте обязанности. Кто знаетъ и понимаетъ слово „законъ“, у того, хотя implicite, есть и нѣкоторое знаніе о правахъ и обязанностяхъ. *) Это такое элементарное и простое знаніе, что греческому философу не могло и прійти въ голову давать по его поводу какія-либо объясненія. Нужно было, чтобы прежде возникло „право въ объективномъ смыслѣ“, и всѣ вызываемыя имъ недоразумѣнія, для того чтобы возникла потребность въ подобныхъ объясненіяхъ. Нужно было прежде появиться „болѣзни языка“ со всѣми галлюцинаціями въ родѣ миѳологіи и метафизики, въ дурномъ смыслѣ этого слова, чтобы можно было оцѣнить здоровье языка греческихъ философовъ и вліяніе его на всѣ здоровыя отправленія ума. „Только когда мы поймемъ истинную природу языка, можемъ мы понять истинную природу человѣческаго ума; и тотъ, кто желаетъ читать реальную исторію развитія ума человѣка, долженъ научиться читать ее въ языкѣ, этой начальной и нескончаемой автобіографіи нашей расы“ (M. Müller, The Science of Thought, 216, 217).

Никогда, конечно, нельзя рекомендовать привязанности къ старому только потому, что оно старо. Но, и для насъ, юристовъ, должно имѣть силу слово апостола Павла (1 Θесс. 5, 21): „все испытывайте, хорошаго держитесь“. „Какъ мы не можемъ отвергать новое только потому, что оно ново, такъ не смѣемъ мы осуждать старое только потому, что оно старо.“ (Cathrein, „Recht, Naturrecht und positives Recht“, 1901, стр. 7).

Потеря связи съ прошлымъ, хотя мы много говоримъ объ исторіи и историческомъ направленіи, есть существенный недостатокъ современной юриспруденціи. На это жалуется и Cathrein въ только что указанной работѣ (стр. 5 и 6): „Наша работа, говоритъ онъ, преслѣдуетъ, кромѣ другихъ, цѣль возстановленія связи съ прошлымъ, связи, почти совсѣмъ исчезнувшей въ философіи права и юриспруденціи. Мы должны, наконецъ, покинуть мечту, будто человѣчество до сихъ поръ было вполнѣ невѣжественно и слѣпо въ основныхъ вопросахъ, на которыхъ покоится общественная жизнь, и будто каждый новичекъ имѣетъ право начинать ab ovo и свысока игнорировать все раньше него сдѣланное.“

Въ развитой формѣ правильное ученіе объ основныхъ понятіяхъ юриспруденціи, въ духѣ ученій лучшихъ греческихъ философовъ, мы находимъ у англичанъ. У Гоббеса, Локка, Юма, Іереміи

*) Были, кромѣ того, и нѣкоторыя слова, которыя могли замѣнять наше право въ значеніи коррелята обязанности (ἐξουσία, δίκη....) „Права въ объективномъ смыслѣ“ тамъ не было. „Въ классической Греціи вообще не было рѣчи о правѣ, какъ самостоятельномъ предметѣ изученія“ (Ярошъ, „Іер. Бентамъ“, 54, прим. 1; сдѣлана ссылка на Гильдебранда).

Бентама и ихъ учениковъ (Austin, Holland, Pollock, Markby, Jenks, Rattigan.....) мы видимъ воскресеніе затерянной правды, хотя непосредственной преемственной связи по данному вопросу съ греческой философіей доказать нельзя *).

Какъ ни странно это на первый взглядъ, но философія съ ея универсальными задачами отражаетъ на себѣ вліяніе національнаго характера. Ея ученіе, повидимому, должно бы быть абсолютнымъ, однимъ для всѣхъ: ея задача—дать намъ циклъ идей, обнимающихъ собою всѣ факты и отношенія. Однако, нигдѣ на дѣлѣ люди не склонны уклоняться до такой степени въ одну сторону, какъ въ философіи, подъ вліяніемъ господствующаго настроенія или implicit'наго повиновенія какой-либо одной руководящей идеѣ.

Положительность національнаго характера англичанъ (ср. Ярошъ, „Іер. Бентамъ", 35), ихъ умъ, наклонность къ опытному изученію фактовъ, по большей части съ практическими цѣлями, ихъ осторожность и добросовѣстность въ области спекуляцій, ихъ привычка къ обдуманности и основательности въ дѣлахъ политики внутренней и внѣшней, ихъ разсчетливая консервативность во всѣхъ вопросахъ, касающихся государственнаго и соціальнаго строя жизни,—все это не могло не отразиться на ихъ этико-юридическихъ доктринахъ. Эти доктрины отличаются особеннымъ здравомысліемъ, реальностью и практическимъ характеромъ. Онѣ никогда не отрываются отъ жизни и не поднимаются такъ высоко надъ опытомъ, чтобы потерять способность объяснять его. Самыя смѣлыя стремленія въ область идеаловъ никогда не теряютъ сознанія необходимости считаться съ данными силами жизни, природою человѣка, религіозными и соціальными убѣжденіями народа. Факты управляютъ у нихъ философіей, а не философія фактами. Если философія входитъ въ столкновеніе съ издавна-установленными и ходячими мнѣніями, они ищутъ причинъ этому не въ истинности умозрѣній, а въ какой-либо скрытой крайности посылки или софистическомъ методѣ.—Это самая глубокая и самая даровитая нація. Ихъ эмпиризмъ и ихъ идеализмъ не похожи на эмпиризмъ и идеализмъ континентальной философіи. Здѣсь нѣтъ тѣхъ недостатковъ, которые характеризуютъ особенно нѣмецкую философію: или обладаніе множествомъ фактовъ, дурно переваренныхъ и понятыхъ, или созданіе теорій, не находящихъ себѣ поддержки

*) У Остина (Austin, Jurisprud., 1885, стр. 217) есть выраженіе, показывающее, что онъ не понималъ, или не былъ знакомъ съ ученіями Платона и Аристотеля по этому вопросу. Философія римскихъ юристовъ, говоритъ онъ, заимствованная ими отъ грековъ или созданная ими по греческимъ образцамъ, ничего не стоитъ. Но бѣда въ томъ, что римскіе юристы заимствовали, да и то плохо, лишь у второстепенныхъ „философовъ", а не у Платона и Аристотеля. Эти послѣдніе были слишкомъ высоки для нихъ.

въ фактахъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ получается въ результатѣ поверхностность. Никто не умѣетъ такъ проникать въ значеніе явленій, какъ англійскіе ученые и философы.

Найти основныя понятія этико-юридической доктрины, сдѣлать правильный анализъ явленіямъ общественной жизни—первый и самый важный шагъ въ философіи нашей науки. Ибо ex quibus rebus quaeque res constituitur, ex iisdem etiam optime cognoscitur, какъ гласитъ любимое правило Гоббеса, Вико и Спенсера.—Эти основныя понятія въ англійской философіи тѣ же, что и у грековъ: государство (civitas, *πόλις*), законъ (lex, *νόμος*), справедливость (justitia, *τὸ δίκαιον* *).

Сильнѣе другихъ подчеркнулъ идею государства и закона, какъ основу „гражданской философіи“ (philosophia civilis), Гоббесъ. Онъ, какъ извѣстно, почти обоготворилъ государство-Левіаѳанъ. Въ этомъ отношеніи онъ очень сближается съ болѣе близкимъ намъ по времени философомъ иной національности—Гегелемъ. Какъ у послѣдняго государство съ его законами и порядкомъ является „святою силою“ (die heilige Macht), эволюціей божества, „praesente Gott“, „дѣйствительностью нравственной идеи“, „божественной волей“, „нравственнымъ духомъ“, „высшей ступенью осуществленія, реальнымъ бытіемъ нравственности“, такъ у Гоббеса государственная власть является источникомъ законовъ, а законы опредѣляютъ не только права и обязанности гражданъ, но и служатъ обязательною для всѣхъ мѣркой справедливости. Государство—это все. Религія обязана своимъ авторитетомъ этому же источнику. Государство предписываетъ богопочитаніе,—всякое другое является лишь случайнымъ суевѣріемъ индивидовъ. Высшій интересъ, а потому и высшій нравственный законъ, заключается въ сохраненіи государства.

Гоббесъ первый въ Англіи **) установилъ идею закона, сдѣлавшуюся основаніемъ ученія Остина (Austin) и общимъ достояніемъ современной англійской юриспруденціи. „Гражданскимъ закономъ, для каждаго подданнаго, являются тѣ правила, которыя предписало ему

*) См. Laviosa, La filosofia scientifica del diritto in Inghilterra, 139 и другія мѣста.

**) Вѣкомъ раньше идея Гоббеса предвосхищена была Bodin'омъ (*Les Six Livres de la République*, Paris, in-fol., 1576; 7-me edit., Paris, Jac. du Puys, in-8-e, 1583; ср. Rattigan, Sc. of jurisprud., 14.). Интересна также работа Suarez'a (или Snares) De legibus (1611.); его *Opera omnia*, nouvelle édit., Paris, Louis Vivès, 21 vol. grand in-8-e, 1856—1866; ср. Vareilles Sommieres, Les principes fondamentaux du droit, 1889, стр. IV, XVI, 3, 9, 13, 15 и мн. др.). Работа Vareilles—Sommieres'a, только что указанная, содержитъ въ себѣ хорошій хронологическій указатель сочиненій, относящихся къ нашимъ вопросамъ, и заключаетъ много интересныхъ идей о древности тѣхъ понятій, которыми живемъ мы теперь.

государство" (Ср. Jenks, Law and politics in the middle ages, 1898, стр. 44). Законъ въ собственномъ смыслѣ есть понятіе государственное, всякое иное его примѣненіе (законъ природы, нравственности, „естественный законъ", законы языка, науки, искусства, промышленности) является лишь метафорой. Это нужно имѣть въ виду, такъ какъ, хотя въ извѣстномъ смыслѣ метафора является для языка тѣмъ, чѣмъ является дождь и солнечный свѣтъ для жатвы (M. Muller, Sc. of Th., 485), и хотя она занимаетъ очень важное мѣсто между другими процессами въ созданіи и формированіи нашихъ словъ и мыслей, она требуетъ особенно осторожнаго обращенія, такъ какъ лежитъ „въ основѣ всей миѳологіи" (M. Müller, ibid., 496). Она порождена главнымъ образомъ бѣдностью языка (ibid., 493) и часто такъ входитъ въ плоть и кровь языка, что не чувствуется болѣе какъ метафора (ibid., 488). Таковъ именно настоящій случай съ „закономъ". Нѣкоторые даже думаютъ какъ разъ наоборотъ: мы понимаемъ не природу со всѣми однообразіями ея явленій по образу міра человѣческаго съ его законами, а человѣческій міръ по образцу явленій природы; такъ что государственные законы представляются какъ бы не вполнѣ совершенными „законами" природы.

На дѣлѣ все это не такъ. „Такъ какъ мы знаемъ одинъ только видъ существа, именно насъ самихъ, и такъ какъ мы обладаемъ только однимъ языкомъ, именно тѣмъ, который выражаетъ наши собственныя дѣйствія и наши собственныя состоянія, и, по заключенію— дѣйствія и состоянія нашихъ товарищей-сотрудниковъ, то—что можемъ мы утверждать о внѣшнихъ предметахъ, кромѣ того или иного сходства съ нами самими, и какой языкъ можемъ мы примѣнить къ нимъ, кромѣ того, который мы образовали для выраженія нашихъ собственныхъ дѣйствій и нашихъ собственныхъ состояній?" (M. Müller, ibid., 327). „На дѣлѣ не было иного пути пониманія и обозначенія чего-либо объективнаго, кромѣ какъ уподобленія его субъективному— намъ самимъ" и нашему человѣческому міру. И подобно тому какъ рѣка *бѣжитъ*, гора *стоитъ*, солнце *восходитъ* и *заходитъ*, и вообще персонифицируется вся природа, такъ и наряду съ собственнымъ царствомъ, человѣкъ создалъ „царство" природы и нравственный „порядокъ" съ ихъ „законами". Даже съ религіозной точки зрѣнія мы представляемъ себѣ міръ какъ „царство Божіе", а все человѣчество какъ одну семью-государство подъ управленіемъ общаго Отца-Правителя—„Царя" Небеснаго (Ladd, Philos. of cond., 548). Такъ сродна человѣку идея государства и его законовъ: различныя отношенія онъ старается подвести подъ форму государственности (any of the several forms of statehood). „Гдѣ-то въ резиденціи сидитъ „Человѣческій Духъ", какъ правитель, государь, Herrscher, а Умъ и Разумъ, Verstand

и Vernunft являются въ роли его двухъ министровъ: для внѣшняго и для внутренняго міра“ (Mauthner, Beiträge, I, 167). Таково представленіе о душевной жизни у многихъ ученыхъ. Такъ сильна наша государственная природа! Это не культурное пріобрѣтеніе, а природа, какъ указывалъ еще Аристотель.

Этотъ антропоморфизмъ, переносящій условія и формы человѣческой жизни на „жизнь“ природы („законы“, „царство“ природы), эта персонификація (Природа управляетъ, Законъ дѣйствуетъ, Государство стремится) и анимизмъ (шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ) являются „жестокою“ необходимостью (M. Müller, op. c. 329) въ „ростѣ“ нашего языка и разума, но здѣсь и „ключъ къ загадкѣ миѳологіи“ (ibid, 328) и источникъ величайшихъ ошибокъ. Не принимая во вниманіе метафоры и олицетвореній, мы не поймемъ ни миѳологіи, ни, въ извѣстномъ смыслѣ, теологіи (ibid, 328), ни многихъ теченій въ юриспруденціи.

Законъ есть велѣніе государства, повторяютъ на разные лады всѣ послѣдующіе англійскіе мыслители и юристы. Законъ есть воля государства, говорятъ и континентальные юристы; а тѣ, которые (подобно Канту въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, или Lasson'y, Rechtsphilosophie, 198) считаютъ „право“ (Recht) понятіемъ совокупности законовъ (das, Recht ist Inbegriff von Gesetzen), говорятъ то же и о немъ (Recht есть Ausdruck des Staatswillens, выраженіе воли государства). Содержаніе легальныхъ системъ можетъ быть сложнымъ и объемистымъ, но идея закона (и Recht въ указанномъ смыслѣ) сравнительно проста. Правда что и какъ выраженіе государственной воли „законъ“ имѣетъ не одинъ смыслъ (объ этомъ въ главѣ о многосмысліи слова законъ), но, пока терминъ этотъ примѣняется къ фактамъ государственной жизни, онъ употребляется въ собственномъ значеніи. Какъ только мы выносимъ его за предѣлы этихъ фактовъ, такъ онъ и становится лишь метафорой. Естественные законы (lois naturelles) или естественное право (въ смыслѣ Recht есть Inbegriff von Gesetzen), лежащіе внѣ сферы государственной дѣйствительности, являются не „законами“ и не „правомъ“ въ собственномъ смыслѣ; это лишь метафоры, и мы должны бояться приписывать имъ то, что приписываемъ закону и праву въ настоящемъ смыслѣ. Если законъ государственный „управляетъ“, то „законъ естественный“ не можетъ „управлять“ въ томъ же смыслѣ. Повиновеніе законамъ въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть отождествляемо съ повиновеніемъ „естественнымъ законамъ“. Все это лишь метафоры. Дождь не можетъ идти, а рѣка бѣжать въ томъ смыслѣ, въ какомъ идетъ и бѣжитъ человѣкъ. И „естественные законы“ или „право“, какое бы содержаніе ни вложили мы въ эти выраженія, если они стоятъ выше или вообще внѣ

государственной дѣйствительности, не могутъ существовать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ существуютъ законы въ собственномъ смыслѣ.

„Какъ только совершается подобнаго рода мыслительный актъ (перенесеніе значенія), такъ и рождается миѳологія, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова (M. Müller, op. c. 328). Создается новый міръ (міръ естественныхъ законовъ, царства природы, „законовъ“ нравственности, и т. д.), міръ, который можетъ быть лишь отраженіемъ насъ самихъ, потому что единственный свѣтъ, могущій быть брошеннымъ на него, есть свѣтъ отъ насъ самихъ; единственныя понятія, которыми мы могли бы понять его, являются понятіями о нашихъ собственныхъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ“, о формахъ и принадлежностяхъ человѣческой жизни въ политическомъ общеніи. И основныя метафоры простираются такъ глубоко въ даль прошлаго, что ихъ перестаютъ сознавать, какъ метафоры. Законъ природы не есть метафора, а какъ бы законъ въ болѣе совершенномъ смыслѣ; а „естественные законы“ или „естественное право“ являются какъ бы болѣе совершенными типами и вѣчными образцами для законовъ въ собственномъ смыслѣ, тогда какъ на дѣлѣ это лишь наши выводы изъ психической природы людей и условій ихъ жизни, или синонимъ ихъ стремленій и склонностей. Безъ сомнѣнія склонности существуютъ, но не такъ, какъ существуетъ порождаемая ими дѣйствительность. Многимъ „суждены благія стремленія, но свершить ничего не дано“. Кромѣ того, принимается при этомъ лишь *часть* склонностей (лучшая); другая (худшая), парализующая первыя, и низводящая ихъ до уровня дѣйствительности, оставляется въ сторонѣ. Существовали и Минерва съ Юпитеромъ, центавры и гидры, но.... какъ?

Наука и философія имѣютъ задачей познаніе дѣйствительности. Призраки, желанія и идеалы, въ извѣстномъ смыслѣ (см. James, Psychology, v. II, p. 291—293, „the many worlds“), также принадлежатъ къ дѣйствительности. И юристъ долженъ знать ихъ. Однако, какъ практическій человѣкъ, призванный дѣйствовать въ извѣстную эпоху, при наличности данныхъ обстоятельствъ, онъ долженъ проводить рѣзкое различіе между дѣйствительностью соціальныхъ фантомовъ, какъ бы обольстительны ни были они для нашихъ чувствъ, и дѣйствительностью законодательства, фактически регулирующаго окружающую насъ жизнь.

Самое основное требованіе научнаго языка состоитъ въ томъ, чтобы не принимать метафору за выраженіе факта („we must not mistake metaphor for matter of fact“, M. Müller, ibid. 198). Метафора, какъ источникъ миѳологіи, и, слѣдовательно, какъ важнѣйшая причина ненаучнаго направленія доктрины, была указана уже давно, „прежде чѣмъ кому-либо снилось о наукѣ сравнительной миѳологіи“

(M. Müller, op, c. 496.) Такъ Reid (Essays on the Active Powers, IV, c. 3, цитир. у Милля, Логика, III, 5, 2) писалъ: „наша первая мысль, повидимому, при видѣ предметовъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ движеніе, состоитъ въ томъ, что предметы эти обладаютъ пониманіемъ и силою, подобно намъ". „Дикари, говоритъ аббатъ Raynal, если они видятъ движеніе, которое они не могутъ объяснить, предполагаютъ сейчасъ въ немъ душу".—„Въ этомъ отношеніи, говоритъ Максъ Мюллеръ (op. c., 496), всѣ люди могутъ быть разсматриваемы какъ дикари, пока они не получатъ образованія и не научатся пользоваться своими способностями болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ дикари". А важнѣйшею способностью является именно пользованіе словомъ. Много было доктринъ, возникшихъ изъ фигуральныхъ выраженій и ревностно защищавшихся лишь по недоразумѣнію. И раціональное изученіе языка имѣетъ, какъ средство противъ такихъ заблужденій, несравненно большее значеніе, чѣмъ думаютъ многіе (ср. Hamilton, on Logic, II, 148, 149). Недоразумѣнія и ошибки чаще всего возникаютъ изъ непониманія истиннаго значенія и роли словъ. „Основательное знаніе языковъ пріучаетъ умъ вообще не довольствоваться шелухой, но проникать и до зерна" (Hamilton, ibid). Всѣ языки выражаютъ однимъ и тѣмъ же словомъ („законъ", „право") множество идей, болѣе или менѣе различающихся другъ отъ друга (ibid., 147).

Языкъ находится въ тѣсной связи съ мыслью и словесныя выраженія (терминологія) оказываютъ могущественное вліяніе на наши умственныя операціи. „Человѣкъ на дѣлѣ только тогда получаетъ пользованіе своими способностями, когда онъ научится пользоваться языкомъ, потому что языкъ есть необходимое средство развитія его природныхъ силъ, какъ интеллектуальныхъ, такъ и нравственныхъ" (Hamilton, on Logic, I, 137 и сл.). Опредѣленный, точный (а не метафорическій лишь) терминъ необходимъ намъ, чтобы дать устойчивость нашему умственному прогрессу, чтобы установить каждый шагъ впередъ въ нашемъ поступательномъ движеніи, какъ новый отправный пунктъ для дальнѣйшаго движенія. Хорошій терминъ играетъ роль „крѣпости мысли" (M. Müller, op. c., 47).

Хорошій не-метафорическій терминъ, какъ и вообще рѣчь, „есть главное средство знанія, какъ орудіе выработки, фиксированія и сообщенія нашихъ мыслей, и даже необходимое условіе, отъ котораго зависитъ упражненіе нашихъ высшихъ познавательныхъ способностей. Но, въ то же время, вслѣдствіе этой самой зависимости мысли отъ языка, такъ какъ языкъ самъ по себѣ не отличается совершенствомъ, наше пониманіе не только ограничивается въ своихъ операціяхъ и въ своемъ высшемъ развитіи (слѣдовательно, задерживается),

но возникаетъ много поводовъ для положительной ошибки" (Hamilton, on Logic, II, 145, 146).

Таково огромное значеніе, придаваемое языку какъ логиками, такъ и лингвистами. И миѳологія не есть единственное проявленіе метафорическаго языка (Ср. M. Müller, The Science of Thought, 496—515). Секреты философіи должны изучаться въ языкѣ (ibid., 515).

Если бы мы употребляли слова „законъ" и „право" всегда лишь въ ихъ собственныхъ, точно установленныхъ значеніяхъ, мы никогда не были бы свидѣтелями цѣлаго миѳологическаго теченія въ юриспруденціи, возведшаго „право" въ „особое великое явленіе", фетишъ, распоряжающійся нашими дѣйствіями и нашимъ мышленіемъ. Первая заповѣдь о несозданіи себѣ кумира является первою заповѣдью не только для человѣческой дѣятельности, но и для мышленія: первымъ велѣніемъ логики.

Всего послѣдовательнѣе и прочнѣе проведено научное направленіе въ юриспруденціи въ Англіи (см. прекрасную работу Laviosa, La filosofia scientifica del diritto in Inghilterra, 1897). Въ другихъ странахъ, особенно же въ Германіи, проблески научнаго направленія душатся миѳологіей или метафизикой, въ дурномъ смыслѣ этого послѣдняго слова.

Основными понятіями юриспруденціи являются для англичанина: 1) государство, какъ политическое общество, или какъ организованное принужденіе, 2) законъ, какъ общее правило внѣшней человѣческой дѣятельности, вынуждаемое высшею политической властью, и 3) въ связи съ ними, но выше ихъ и принадлежа собственно области этики—понятіе „справедливости" (justice, *τὸ δίκαιον*), такъ какъ государство есть нравственное учрежденіе (moral institution; см. Ladd, Philosophy of conduct, 548, Seth, Ethical Principles), высшій идеалъ всѣхъ законовъ есть справедливость, а правила закона реализуютъ собою одну изъ формъ справедливости (Rattigan, Jurispr., 9, 10).

Однако, англійскіе юристы понимаютъ, что слово „законъ" въ собственномъ смыслѣ принадлежитъ лишь юриспруденціи. Всякое иное его употребленіе, въ области этики или другихъ практическихъ наукъ, есть лишь метафора (merely metaphorical).

Идея закона и законодательства, какъ основная идея юриспруденціи, а также и этики (подъ именемъ „категорическаго императива"), проскальзываетъ и у нѣмецкихъ философовъ (Kant, Rechtslehre, Werke, VII, 27)*) и юристовъ, но ее всякій разъ душитъ другое по-

*) Ср. Ladd, Philosophy of conduct, стр. 497: legalism in ethics.—Этику Кантъ опредѣляетъ какъ ученіе, имѣющее предметомъ *законы*, для которыхъ не возможно внѣшнее законодательство (Kant, Tugendlehre, Werke, VII, стр. 182). Наука же о „правѣ" опредѣляется имъ какъ наука о совокупности *законовъ*, для

нятіе—„Recht“ („право“), то являющееся (даже у Канта иногда другимъ именемъ для законовъ (Inbegriff der Gesetze), то синонимомъ das Gerechte, справедливости, justice, *τὸ δίκαιον*. И это-то „ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга“, смутное, шаткое, неуловимое и непостижимое,—возведено на пьедесталъ die heilige Macht, святой силы, миѳическаго особаго существа или явленія, распоряжающагося судьбами человѣчества. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы, безъ помощи побочныхъ обстоятельствъ, не знаемъ, о чемъ идетъ рѣчь: о легальномъ понятіи, или объ этическомъ.—Безъ сомнѣнія, что этика и законы связаны самымъ тѣснѣйшимъ образомъ: это понимали еще греческіе философы, какъ понимаютъ и современные англійскіе юристы, но, если мы не будемъ въ состояніи отличать ихъ всякій разъ, когда это нужно, мы вызовемъ лишь путаницу.

Нарушеніе законовъ слова, „болѣзнь языка“ вызвала миѳологію ученой формаціи, отъ вліянія которой ускользнулъ лишь проф. Лассонъ (Rechtsphilosophie), да *иногда* ускользаютъ нѣкоторые другіе (Ihering, Jellinek). Проблески правильной мысли у такихъ крупныхъ философовъ, какъ Кантъ и Гегель, къ сожалѣнію, затериваются, и „настоящихъ“ Канта и Гегеля мы до сихъ поръ на дѣлѣ не знаемъ.

Англичанинъ видитъ въ юриспруденціи „науку о законѣ“ (the science of law), какъ и грекъ (*σοφία νόμου*); нѣмецъ не доволенъ такой прозой, онъ говоритъ о „наукѣ права“ (Rechtswissenschaft): это не даетъ намъ, правда, ничего особенно яснаго, но звучитъ какъ-то возвышеннѣе. Юриспруденція, вѣдь, какъ будто повыше простого, прозаичнаго „законовѣдѣнія“, какъ „diner“ выше обѣда. Люди любятъ, чтобы имъ льстили. Человѣкъ, изучающій юриспруденцію,—какъ это звучно и возвышенно!? Человѣкъ, изучающій законовѣдѣніе,—какъ это просто и прозаично!? Но, что такое право?—Никто вамъ толковаго отвѣта на это не дастъ. Между тѣмъ, 1) если „право“ есть просто другое названіе для законовъ (Inbegriff der Gesetze), „юриспруденція“ или „наука права“ ничѣмъ не отличается отъ „законовѣдѣнія“, кромѣ большей темноты и того „запаха словъ“ (M. Müller, op. c., 611), который заставляетъ нѣкоторыхъ такъ цѣпко держаться извѣстныхъ „благородныхъ“ названій; для дѣла оно ничего не даетъ: солнечныхъ лучей изъ этого огурца мы не извлечемъ; 2) если „право“ (Recht) есть синонимъ справедливости (das Gerechte), и мы желаемъ

которыхъ возможно внѣшнее законодательство (Rechtslehre, ib., стр. 27).—По поводу этихъ опредѣленій см. замѣчанія Holland'a (Jurisprud., 26, 27 и прим. 2 и 3). —Этика, имѣетъ, слѣдовательно, въ виду соотвѣтствіе воли извѣстному закону или правилу, а юриспруденція соотвѣтствіе дѣйствія извѣстному закону или правилу. Законъ является основнымъ понятіемъ и въ этикѣ, и въ юриспруденціи. Кантъ оказывается именно легалистомъ; Recht попало въ его философію по недоразумѣнію и свойственной Канту во многомъ непослѣдовательности.

оставаться добросовѣстными и понимаемъ то, что говоримъ, намъ придется сказать то, что говорилъ еще Платонъ: „я не знаю, что такое справедливость“ *), а потому и никакой науки о ней не могу сочинить,—nemo dat quod non habet; не хорошо обманывать себя и другихъ такими претенціозными названіями; 3) если „право“ (Recht) есть и то (законы) и другое (справедливость), или ни то, ни другое въ частности, а просто „то, чего не вѣлаетъ никто“, мы породимъ не науку, а миѳологію. „Le droit est le souverain du monde“!... Наша задача—détrôner la force et de faire régner le Droit!... Но, что такое „Право“?—Les fétichistes du Droit ont la vision d'une idée souveraine... douée d'une force mystérieuse... capable d'instaurer le règne de la Justice.—Ho, vous embarrassez les amants du Droit quand vous les priez de vous dire quel corps ils donnent à leur chère vision; dès que vous forcez les amants du Droit à descendre de leur régions nébuleuses, ils trébuchent et balbutient... Ce ne sont là que des figures de rhétorique... и чистая миѳологія!

Qui dit précision dit isolement des faits.

Die Götzendienerei ist dem Menschen angeboren (Mauthner, op. c., I, 14). Иначе не для чего было бы создавать *первую* заповѣдь. Ученые люди грѣшатъ противъ нея нисколько не меньше другихъ.

Ученіе о „Правѣ“ (Recht, Droit), какъ объ особой силѣ, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія схоластики. Какъ теологамъ-схоластикамъ казалось необыкновенно важнымъ признать реальное существованіе общихъ понятій (идей), чтобы поднять авторитетъ церкви, такъ юристовъ континента огорчаетъ непризнаніе англійскими юристами „особаго великаго явленія“—Права. Если идеи, наши общія понятія (*τὸ καθόλου*—всеобщее), не представляютъ собою чего-то реально существующаго, то и понятіе „церковь“ есть лишь nomen, названіе, коллективное имя: она не имѣетъ реальности сама по себѣ. „Значитъ (Залѣскій, Ист. филос. пр., 136) это воззрѣніе, такъ называемый номинализмъ, должно быть отвергнуто, какъ еретическое; ортодоксальнымъ же будетъ такъ называемый реализмъ, признающій реальность идей“.

Англійскій терминъ „Законъ“ или „Законы“ (Law или Laws) тотчасъ выдвигаетъ несамостоятельность этого понятія. Всякій знаетъ, что законъ мы не можемъ понимать безъ законодателя. Все это ясно, но.... прозаично, какъ прозаично было ученіе номиналистовъ о томъ, что лишь индивидуальное реально, а общія понятія—только звуки словъ (flatus vocis). Эта прозаичность, выдвигая реальность вѣры от-

*) См. Plato, de republ., I p., 354 c.: *ὁπότε γὰρ τὸ δίκαιον μὴ οἶδε ὅ ἐστι*... Solange ich nicht weiss, was *das Gerechte* ist... (Stammler, Wirt. u. R., стр. 1)..... не знаю, что такое справедливость...

дѣльныхъ индивидовъ, вела къ ослабленію авторитета „церкви", являвшейся лишь рамками для индивидуальныхъ убѣжденій. Какъ отдѣльный законъ есть продуктъ творчества законодателя, effectum, а не efficiens, не самостоятельная творческая сила, такъ и совокупность законовъ (Laws или Law) не есть особая самостоятельная сила. Другое дѣло если мы возмемъ смутно понимаемое понятіе „право" и напишемъ его съ большой буквы. Какъ Droit, Recht, Право, его можно надѣлить творческими силами, приписать ему власть созидать общества и государства, и воплощаться въ „формахъ" обычаевъ, законовъ, судебныхъ рѣшеній, и т. п. Имѣя дѣло со столь возвышенною Силою, обладающею почти божественными аттрибутами, легко перейти и къ тѣмъ упрекамъ, которые реалисты-схоластики бросали по адресу номиналистовъ: они „слишкомъ грубы, матеріалистичны и не могутъ возвыситься надъ обыденнымъ, чувственнымъ пониманіемъ вещей" (Залѣскій, ibid., 137). И какъ номинализмъ объявленъ былъ еретическимъ ученіемъ и подвергнутъ анаѳемѣ, такъ англійская школа юристовъ объявляется эмпирическою, грубою, лишенною возвышенныхъ стремленій.... Но, какъ реализмъ оказался въ концѣ концовъ побѣжденнымъ, а номинализмъ, съ нѣкоторыми поправками, былъ отождествленъ новымъ языковѣдѣніемъ съ концептуализмомъ и одержалъ такимъ образомъ побѣду, такъ и англійской школѣ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, будущность. Къ ней тяготѣютъ и лучшіе представители континентальной юриспруденціи (какъ, напр., Іерингъ съ его школой, или Лассонъ).

И всякій долженъ радоваться этой побѣдѣ, такъ какъ, ослабляя вліяніе миѳовъ, она выдвигаетъ на первый планъ дѣйствительную жизнь, и взаимоотношеніе двухъ ея великихъ силъ—законодательства и нравственности: „независимой" для однихъ и связанной съ религіей для другихъ,—съ дѣйствительнымъ, а не миѳическимъ Богомъ. — Съ какимъ бы шумомъ и гамомъ ни возставали слова противъ этого теченія („verba obstrepunt" Бэкона), оно увлечетъ за собою всѣхъ. Многіе ученые несравненно умнѣе своихъ книгъ. Ложь отвергается разумомъ. И въ интеллектуальной сферѣ прогрессъ совершается легче, чѣмъ въ нравственной.

Право, какъ призрачная сила, становящаяся между закономъ и нравственностью и заслоняющая эту послѣднюю, исчезнетъ, когда люди поймутъ, что имъ лучше обходиться безъ сомнительныхъ посредниковъ. На дѣлѣ и теперь большинство обсуждаетъ поступки съ двухъ точекъ зрѣнія: законности и нравственности. „Это законно но несправедливо", „это законно, но жестоко" и, значитъ, нравственно неодобрительно, „это законно, но неловко", т. е. шокируетъ нѣкоторыя наши нравственныя чувства, „это законно, но неблагора-

зумно", т. е. не согласно съ нравственными обязанностями человѣка по отношенію къ самому себѣ: эти и подобныя сужденія исключаютъ необходимость какого-либо посредствующаго „правового" критерія. — Люди повинуются законамъ и власти или потому, что считаютъ ихъ справедливыми, или потому что боятся законныхъ послѣдствій неповиновенія. Собравшаяся на улицѣ во время безпорядковъ толпа или расходится по требованію власти, считая необходимымъ повиноваться ей, или полагая, что оставаться здѣсь неблагоразумно; или же она остается, не расходится, если считаетъ себя правою и нравственно обязанною оказать сопротивленіе. Вездѣ и всегда два мотива и два критерія: законъ и нравственность. Движенія особаго „правового" чувства*) извѣстны лишь нѣкоторымъ книжнымъ людямъ, и существуютъ лишь въ ихъ головѣ. Есть, конечно, много людей, которые (по словамъ M. Мюллера, Sc. du lan., 426) испытываютъ разочарованіе, когда изслѣдованіе отнимаетъ у нихъ, или заставляетъ терять, благородныя или смѣшныя иллюзіи, такъ или иначе понравившіяся имъ, или съ которыми они просто сжились. „Они предпочитаютъ непонятное, которому они могутъ *удивляться*, понятному, которое они могутъ только постигать умомъ. Но, для ума серьёзнаго и зрѣлаго дѣйствительность имѣетъ больше чарующаго, чѣмъ фикція, а простота—больше чудесъ, чѣмъ сложность" (ibid.).

---

*) Я предполагаю, конечно, что мы не будемъ вкладывать въ выраженіе „правовое чувство" понятія „чувства справедливости" (нравственное чувство) или „чувства законности."

Глава XXIII.

Основное понятіе юриспруденціи есть правило („норма“ или законъ)*), а не право.

„Eine jede philosophische Lehre muss, wenn der Lehrer nicht selbst in den Verdacht der Dunkelheit seiner Begriffe kommen soll — zur *Popularität* (einer zur allgemeinen Mittheilung hinreichenden Versinnlichung) gebracht werden können.“ (Изъ „die Metaphysik der Sitten“ Канта, стр. V).

„.....Трудно разстаться съ вѣрой въ мысль самоё по себѣ..... Многіе воспитали себя въ вѣрѣ въ слова сами по себѣ, а потому они и не могутъ покинуть вѣры въ мысль самоё по себѣ“. (M. Muller, The Sc. of T., 514, 515).

„Zurück zu Kant!“ Назадъ къ Канту! (ср. Bascom, Hist. int. of philos., 426).

Извѣстно, что Кантъ ставилъ понятіе добра и зла не передъ нравственнымъ закономъ, въ основу котораго, повидимому, нужно

---

* Каждый изъ индо-европейскихъ языковъ имѣетъ много словъ, которыя, не будучи вполнѣ синонимами, способны служить къ выраженію одной и той же идеи. Не всегда можно замѣнять ихъ одно другимъ. Это зависитъ отъ контекста и обстоятельствъ рѣчи. Научить правильному употребленію подобныхъ словъ при помощи какихъ-либо правилъ трудно. Все зависитъ отъ такта говорящаго и тонкаго знанія имъ характера языка. Одного и того же человѣка мы называемъ сообразно возрасту, состоянію, его дѣятельности въ извѣстное время и качествамъ, подмѣченнымъ нами, — мальчикомъ, юношей, мужчиной, рабочимъ, старательнымъ человѣкомъ, пьяницей, землекопомъ, служащимъ, и т. д. Для выраженія линіи дѣйствія мы можемъ употребить, смотря по обстоятельствамъ и контексту: правило, норма, максима, законъ, предписаніе, постановленіе, приказъ, указъ, канонъ..... Эти слова имѣютъ общія части въ своихъ соозначеніяхъ, а потому и могутъ часто замѣнять другъ друга. —.Подобныя слова служатъ часто источникомъ ошибокъ: люди стараются иногда искать въ двухъ названіяхъ для одной и той же вещи двухъ различныхъ вещей. Какъ на примѣръ у М. Мюллера указано на слова: ощущенія, концепты, перцепты..... или — разумъ, умъ интеллектъ..... и много другихъ терминовъ логики и психологіи, которые, не будучи тождественны и имѣя каждый свою особую роль, вводятъ часто людей въ заблужденіе, такъ какъ упускается изъ виду ихъ связь, ихъ общее отношеніе къ нашему сознанію, нераздѣльность и часто тождественность въ извѣстномъ словоупотребленіи. Вещи, которыя можно различать при помощи особыхъ терминовъ

было бы положить его, а послѣ него, и опредѣлялъ понятіе добра и зла понятіемъ закона (pract. Vern., 110)*)

Читая это положеніе Канта въ связи съ предыдущими и послѣдующими объясненіями въ его Критикѣ Практическаго Разума, удивляешься глубокому уму Аристотеля, подмѣтившаго въ человѣкѣ „государственное существо“ (*ζῷον πολιτικόν*). Отъ самаго невѣжественнаго человѣка до величайшаго мыслителя родъ человѣческій мыслилъ и мыслитъ государственно: онъ не можетъ выйти изъ цикла государственныхъ понятій. Въ этикѣ онъ оперируетъ тѣми же элементарными идеями, что и въ юриспруденціи. Свой внутренній міръ люди представляютъ себѣ „своимъ царствомъ“, гдѣ можно различить высшіе и низшіе элементы: то, что должно повелѣвать и управлять, и то, что должно подчиняться. Иначе: высшее и низшее „я“. Высшее Я даетъ правила („максимы“, законы) для поведенія низшаго Я. Одни, при этомъ, признаютъ теоретически и практически самостоятельность нашего внутренняго царства; другіе теоретически отвергаютъ или сомнѣваются въ этомъ, но практически смотрятъ на себя и на другихъ, какъ на „царей нашего внутренняго міра“, хотя и полагаютъ, что это лишь иллюзія, что детерминизмъ господствуетъ вездѣ. Въ качествѣ верховной власти внутренняго царства выставляется то Разумъ (раціоналисты), то Чувство (гедонисты), то Воля, то Нравственное Я, Нравственная Личность, Нравственное Сознаніе, Совѣсть и т. п.

принимаются часто за особыя независимыя существа. (Ср. M. Müller, Sc. of. T. 17—26). Это можно подмѣтить и у Канта со словами Gesetz, Vorschrift, Maxime Imperativ....., выражающими норму дѣятельности. — Иногда мы наблюдаемъ въ языкѣ обиліе, а иногда скудость (ср. V. Henry, Antinomies linguistiques, 50, 55 и сл.). Все равно какъ иногда пишется большая книга, дѣльныя мысли которой могутъ быть собраны изъ моря многословія на немногихъ страницахъ. Длинная рѣчь и коротенькій смыслъ. Въ этомъ смыслѣ рѣчь и мысль не тождественны. Или иначе: рѣчью пользуются иногда неискусно, какъ орудіемъ мысли.

*) „Hier ist nun der Ort, das Paradoxon der Methode in einer Critik der practischen Vernunft zu erklären: *das nemlich der Begriff des Guten und Bösen nicht vor dem moralischen Gesetze, (dem es dem Anschein nach so gar zum Grunde gelegt werden müsste,) sondern nur (wie hier auch geschieht) nach demselben und durch dasselbe bestimmt werden müsse*“ (курсивъ и правописаніе подлинника).— Это должно быть отнесено и къ понятію „справедливаго“, представляющаго лишь частную форму добра—добро въ государствѣ и обществѣ, т. е. къ понятію das Gerechte подъ фирмою Recht. „*Ἔστι δὲ πολιτικὸν ἀγαθὸν τὸ δίκαιον* = „Справедливость есть государственное благо“, говоритъ Аристотель. Не Recht („право“) предписываетъ нормы, а нормы опредѣляютъ Recht. — Эта идея опять-таки не новая. Еще у грековъ мы находимъ представленіе о „неписанныхъ законахъ“ морали, какъ о высшемъ понятіи, опредѣляющемъ хорошее и дурное въ поведеніи человѣка. — Справедливость есть первое и величайшее благо общественной и государственной жизни.

„По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ. Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ" (Посланіе къ Римлян., VII, 22, 23).

Cicero, De legibus, I, (VII), 23: ut jam universus hic mundus *una civitas* communis deorum atque hominum existimanda sit. Весь этотъ міръ долженъ считаться однимъ общимъ государствомъ боговъ и людей.

Поэтому ученіе о морали Канта (какъ и у многихъ другихъ философовъ) можетъ служить намъ коррективомъ его юридическихъ ученій.

Основнымъ понятіемъ юриспруденціи, какъ мы уже упоминали, служитъ законъ (иначе: норма, правило. .....). Понятіе закона всегда связано съ понятіемъ законодателя: безъ этого его нельзя понять. Выходя изъ сферы государственной въ собственномъ смыслѣ и желая оріентироваться въ области нравственныхъ явленій, общественной жизни, человѣкъ какъ „государственное существо" создаетъ себѣ въ той или иной формѣ законодателя. Прибѣгаютъ къ изначальному средству—олицетворенію. Только черезъ самого себя понимаетъ человѣкъ то, что происходитъ внѣ его. Для однихъ такимъ законодателемъ является Высшее Благо (summum bonum), для другихъ Усовершенствованіе, для третьихъ Счастье, Польза, Нравственный Законъ, Божья Воля, Нравственная Личность, и т. д.

Для Канта такимъ законодателемъ является Разумъ. „Чистый Разумъ (Pract. Vern., 56).... даетъ человѣку общій законъ, который мы называемъ нравственнымъ закономъ". Манера мышленія „государственнаго существа" *)!—Внѣ всякаго сомнѣнія, что говоря о разумѣ, какъ о чемъ-то самостоятельно существующемъ, „Кантъ виноватъ въ миѳологіи" (M. Müller, The Science Thought, 73, 74.). Но, въ этой миѳологіи виноваты и всѣ другіе философы, не исключая новѣйшихъ позитивистовъ, утилитаристовъ и эволюціонистовъ. Дѣло въ томъ, что, какъ ограниченное существо, человѣкъ можетъ понимать міръ лишь антропоморфически или миѳологически **). Этого не избѣгаетъ

*) Основной законъ Канта, требующій, чтобы правило нашей воли могло быть обращено въ принципъ всеобщаго законодательства, указываетъ на необходимость гармоніи нашего „внутренняго царства" съ царствомъ внѣ насъ (царствомъ общественной жизни). Ср. Ladd. Phil. of conduct, 503, 504.).

**) Метафора, лежащая въ основѣ антропоморфизма и миѳообразованій, покоится на „глубокой необходимости мысли" (M. Müller, Sc. of Th., 495). Es blieb uns nichts anderes, als die Welt antropomorphisch zu verstehen" (Mauthner, op. c., I, 35). Намъ ничего больше не оставалось, какъ прибѣгнуть въ пониманіи міра къ антропоморфизму.

никто: ни тепсть или деисть, ни атеисть, ни скромный пахарь, ни величайшій двигатель человѣческой мысли. Ср. M. Müller, ibid., 101) Разница лишь въ томъ, что рядомъ съ Богомъ одни, вопреки заповѣди Библіи, создаютъ себѣ большее, другіе меньшее количество кумировъ. И задача науки состоитъ лишь въ томъ, чтобы разсѣять всѣ эти „бози инии", кромѣ одного, о которомъ не всѣ думаютъ одинаково, но безъ котораго никто не можетъ обойтись, такъ какъ и атеистъ, отрицая, въ силу неизбѣжныхъ законовъ мышленія утверждаетъ его бытіе *).

Итакъ, Разумъ является законодателемъ, сувереномъ. Нравственный законъ—правиломъ („нормой") поведенія. Эта норма (называемая иногда еще категорическимъ императивомъ) и есть по Канту основное понятіе этики. Т. е. Кантъ утверждаетъ то, что утверждается и въ этой работѣ: какъ только рѣчь заходитъ о поведеніи человѣка, высшимъ понятіемъ является норма, правило или законъ. Такъ въ этикѣ, такъ въ соціологіи, такъ въ юриспруденціи. Нормы эти различаются по своимъ качествамъ: однѣ охраняются совѣстью, другія общественнымъ мнѣніемъ, третьи государственной властью. Но всѣ онѣ указываютъ человѣку извѣстную линію дѣйствія: въ этомъ ихъ сходство.

Какъ государственный законъ опредѣляетъ законное и незаконное и устанавливаетъ права съ одной—и обязанности съ другой стороны, такъ и нравственный законъ опредѣляетъ дозволенное и недозволенное (das Erlaubte und Unerlaubte) и устанавливаетъ обязанности (die Pflicht und das Pflichtwidrige), доброе и злое **).

*) Всякое отрицательное сужденіе можетъ быть выражено въ положительной формѣ. „A *non est* B" обращается въ „A *est* non-B". Отрицаніе бытія Бога, какъ Высочайшаго Разума и Справедливости, обращается въ силу этого логическаго закона въ утвержденіе господства Слѣпой и Безсознательной Силы, скрывающейся иногда подъ другими терминами (Воля, Безсознательное, Природа, Рокъ, Міръ, Случай, Непознаваемая Сила....).

**) Второстепенное значеніе понятія „право" можно вывести и изъ одного примѣчанія къ предисловію Практическаго Разума Канта. Подчеркивая и выдвигая понятіе „обязанности" въ этикѣ, Кантъ соглашается съ однимъ изъ своихъ критиковъ, что *новаго принципа* онъ этимъ не устанавливаетъ, да и вообще отрицаетъ возможность установленія какихъ-либо новыхъ принциповъ. Принципы остаются прежними; дается *лишь новая формула для* ихъ выраженія. Это имѣетъ свое существенное значеніе. То же самое утверждаемъ мы по отношенію къ корелятивному понятію „права". Выдвинувъ его, римляне не создали эпохи въ юриспруденціи, какъ и Кантъ—понятіемъ обязанности. Но, они дали новую формулу для лучшаго выраженія того, что знали и греки, что знаетъ implicite и всякій другой народъ. Какъ Кантъ говоритъ, что онъ не думаетъ обвинять людей до него въ невѣжествѣ относительно обязанностей, такъ и мы не можемъ обвинять грековъ, что они коснѣли въ невѣжествѣ до римлянъ относительно своихъ правъ. При философіи законодательства нѣтъ нужды въ философіи правъ и

Кантъ придаетъ большое значеніе порядку указанныхъ понятій. Не добро и зло стоитъ впереди закона, а законъ опредѣляетъ добро и зло*). Иначе мы создали бы „гетерономію", т. е. создали бы другой источникъ нравственныхъ нормъ, не Разумъ. То же самое произойдетъ въ юриспруденціи. Какъ только мы возведемъ „Право" въ особое явленіе, самостоятельную силу, управляющую поведеніемъ людей, такъ мы и создадимъ двоевластіе. Вотъ почему І. Бентамъ такъ горячо возставалъ противъ Естественнаго Права: оно являлось конкуррентомъ государственной власти, оно разшатывало государственную силу, оно поддерживало противозаконныя тенденціи въ обществѣ. Никакое государство не можетъ терпѣть двоевластія. Это прекрасно понималъ Петръ Великій, реорганизуя церковное управленіе; это прекрасно понимаютъ всѣ правительства, которымъ приходится считаться съ католическою церковью, имѣющей внѣгосударственную верховную власть.

„Какъ только мы примемъ, говоритъ Кантъ (pract. Vern., 197), какой-нибудь предметъ, подъ именемъ Блага, раньше нравственнаго закона, какъ опредѣляющую причину воли, и станемъ потомъ выводить отъ него высшій практическій принципъ, такъ мы и внесемъ сейчасъ гетерономію и вытѣснимъ нравственный принципъ". Такъ оперируетъ человѣкъ въ этикѣ и юриспруденціи одними и тѣми же элементарными представленіями. Mutatis mutandis только что сказанное Кантомъ можно повторить и о государственныхъ законахъ. Какъ только между государственнымъ закономъ и его дѣйствительнымъ источникомъ—государственною властью мы создадимъ новый авторитетъ „Право", предписывающее такія нормы, которыхъ не признаетъ государственная власть, такъ мы и создадимъ двоевластіе: конкуррента государственнымъ законамъ. Разумѣется, что этимъ нисколько не отвергается фактъ конкурренціи нравственныхъ законовъ и соціальныхъ обычаевъ съ государственными законами.

Порядокъ понятій мы не должны упускать изъ виду, потому что иначе мы перестанемъ понимать самихъ себя и запутаемся въ противорѣчіяхъ тамъ, гдѣ на дѣлѣ все вполнѣ гармонируетъ другъ съ другомъ.

Понятіе обязанности является вторичнымъ и производнымъ, какъ въ области этики, такъ и въ юриспруденціи. Такимъ же производ-

обязанностей. „Философія права" является не-русскимъ словосочетаніемъ русскихъ словъ. „Система правъ и обязанностей" (выраженіе очень любимое и Green'омъ: The principles of political obligation)—русское выраженіе, а „система права" такъ же не-русское, какъ и „система обязанности" (един. ч.).

*) Ср. у Г. Спенсера (Princ. of ethics, II, 447): a Christian's allegiance is not to the Christian world, not even to Christianity, but to *the law* of Christ and the will of the Heavenly Father... Слова одного епископа.

нымъ является и коррелятивное понятіе „права". Понятіе „права" предполагаетъ, какъ высшее условіе, понятіе закона: оно соозначаетъ послѣднее, и безъ него не возникло бы. Говоря словами Канта, понятіе закона („нормы") мыслится одновременно, или включено (mitgedacht, mit eingeschlossen) въ понятіе права. „Право" же какъ установитель юридическихъ нормъ есть чистѣйшая фантазія, призракъ, Hirngespinst. Мы должны разсѣять этотъ призракъ не въ силу какихъ-либо нравственныхъ или политическихъ соображеній, а по требованію логики: иначе мы не выйдемъ изъ круга противорѣчій, ошибокъ и фантастическихъ построеній.

И въ Rechtslehre Канта есть прямое указаніе на то, что основнымъ понятіемъ юриспруденціи слѣдуетъ считать законъ (Gesetz, иначе: норма, правило). Введеніе въ это ученіе начинается у Канта вопросомъ: „Что такое ученіе о правѣ (Rechtslehre)?" Въ первыхъ двухъ строкахъ дается и отвѣтъ на него, формулированный, правда, не такъ удачно, и даже не такъ грамматически правильно, какъ можно было бы ожидать отъ великаго философа. „Ученіемъ о правѣ (jus) называется совокупность законовъ, для которыхъ возможно внѣшнее законодательство" *).—Очевидно, если мы не будемъ имѣть понятія о законѣ, то не поймемъ и совокупности законовъ. Значитъ, Кантовское Recht какъ разъ равняется англійскому Law, греческому *νόμοι* (законы). Въ слѣдующихъ строкахъ объясняется, что „положительное право" (das positive Recht) означаетъ такое „законодательство" (Gesetzgebung), которое имѣетъ дѣйствительную силу (welche wirklich ist). Значитъ, никакого новаго особаго явленія здѣсь нѣтъ, а дѣло идетъ просто о законахъ и законодательствѣ, но для этихъ понятій избранъ столь излюбленной схоластиками терминъ jus, Recht („право").

Кантъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что при большомъ умѣ удивительнымъ образомъ противорѣчилъ себѣ гораздо чаще, чѣмъ нужно было. Онъ совѣтуетъ популярные или ходячіе термины, чувствуетъ, что такими терминами являются „законы" и „законодательство" (такъ какъ ими старается онъ пояснить менѣе понятное Recht), и все-таки удерживаетъ школьный, схоластическій терминъ jus, Recht. И слова мстятъ за неумѣлое обращеніе съ ними.

Дальнѣйшія разсужденія Канта могутъ быть по-просту и ясно переданы такимъ образомъ. Знать дѣйствующее въ данной странѣ,

*) Подлинно: „Der Inbegriff der Gesetze, für welche eine aussere Gesetzgebung moglich ist, heisst die Rechtslehre (jus)". О томъ, что Inbegriff означаетъ индексъ дѣлаго или совокупности, было уже сказано раньше (Erdmann, Logik, 101—105) На стр. 97 (ibid.) Inbegriff у самого Канта пояснено словомъ система (System). Замѣтьте: (1) ученіе есть Inbegriff, (2) законовъ, для которыхъ возможно законодательство... Такъ небрежно обращаются со словомъ даже лучшіе изъ нѣмцевъ.

въ данное время, законодательство недостаточно. (По моему это даже невозможно: законодательство есть орудіе нравственныхъ цѣлей, и прежде всего—справедливости; какъ можно изучать его независимо отъ этики; это понимали и греки; это долженъ понимать всякій, отдающій себѣ отчетъ въ своихъ словахъ; какъ можно понимать „освѣщеніе“, если я не знаю, что такое тьма и что такое свѣтъ). Нужно еще знать критерій, по которому мы могли бы различать justum et injustum (т. е. справедливое и несправедливое; у Канта переведено Recht и Unrecht: значитъ Recht является уже нравственнымъ понятіемъ, такъ какъ „справедливое“—безспорно нравственное понятіе). Мы знаемъ еще отъ грековъ, что справедливое и несправедливое суть нравственныя понятія, и критеріемъ ихъ является нравственная норма. Справедливо то, что согласно этой нормѣ (*τὸ δὲ δίκαιον τὸ τε νόμμον*). Смотря по тому, что мы примемъ за такую нравственную норму, будутъ колебаться и наши понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Значитъ, недостаточно еще знать законы, нужно умѣть оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія нравственности (въ частности: опредѣлить ихъ справедливость и несправедливость). Одно знаніе законовъ („эмпирическое знаніе ихъ“ по терминологіи Канта) не имѣетъ большого значенія. Это деревянная голова въ баснѣ Федра; голова, которая можетъ быть красивою, но, къ сожалѣнію, не имѣетъ мозга.

Высказанныя такимъ образомъ идеи Канта никакихъ возраженій вызвать не могутъ. Все это такъ просто и очевидно —Но, тогда какъ сначала подъ „Recht“ Кантъ понималъ совокупность законовъ (Law), здѣсь у него совершается отождествленіе „Recht“ съ понятіемъ справедливости (das Gerechte) въ противоположность Unrecht=неправдѣ, несправедливости. И даже больше: „Recht“ именно должно быть тѣмъ критеріемъ (тою нравственною нормою), при помощи которой или котораго мы можемъ различать справедливое отъ несправедливаго. Изъ юридическаго понятія Recht становится нравственнымъ. Мысль отлетаетъ въ періодъ смѣшенія этики и юриспруденціи, періодъ до греческой философіи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи у Канта проскальзываетъ мысль о правѣ (Recht) какъ о понятіи, которому соотвѣтствуетъ „обязанность“ *), т. е. о „right“ (право въ легальномъ смыслѣ). А изъ поставленнаго въ скобкахъ примѣчанія видно, что это „право“ (Recht), какъ коррелятъ обязанности, разумѣется здѣсь въ нравственномъ смыслѣ. Если понятіе „обязанности“ берется въ нравственномъ смы-

*) „Der Begriff des Rechts... sich auf eine ihm correspondirende Verbindlichkeit bezieht (=d. i. der moralische Begriff derselben).

слѣ (der moralische Begriff), то, разумѣется, и его коррелять „право“ будетъ имѣть смыслъ нравственный *).

На пространствѣ одной страницы слово „Recht“ употребляется у Канта въ *пяти* значеніяхъ: 1) совокупности законовъ, Laws, 2) справедливаго, das Gerechte, Justice, 3) право, right, въ юридическомъ смыслѣ, 4) норма нравственная, согласіе съ которою будетъ справедливостью, 5) право, right, въ нравственномъ смыслѣ.—Вотъ вамъ образцовое неумѣнье пользоваться языкомъ въ наукѣ со стороны умнѣйшаго нѣмца!

На стр. 191 и XII das öffentliche Recht опредѣлено какъ совокупность законовъ... (der Inbegriff der Gesetze...). На стр. XI das Privatrecht опредѣлено также какъ совокупность законовъ... (Inbegriff derjenigen Gesetze, die...). На стр. 97 „Recht“ употребляется на одной страницѣ въ двухъ смыслахъ: 1) какъ совокупность законовъ, der Inbegriff или das System der Gesetze, Law, 2) какъ „право“, соотвѣтствующее обязанности, т. е. какъ „right“. Оба мѣста стоятъ почти рядомъ; а еще дальше на той же страницѣ „mit Recht“ означаетъ „по справедливости“.

Вообще, и въ этикѣ и въ юриспруденціи Канта проходитъ явное и правильное стремленіе видѣть основу въ понятіи „закона“ (нормы или правила, Gesetz, Maxime....), но это въ высшей степени непослѣдовательный философъ, и о необходимости точности въ философской терминологіи онъ имѣлъ смутныя понятія. Это недостатокъ всей философіи и всей юриспруденціи у нѣмцевъ. Если перевести ее „съ языка боговъ на языкъ обыкновенныхъ людей“ *), и устранить то, что уничтожается противорѣчіями, которыя, какъ извѣстно изъ логики, никогда не могутъ составить мысли,—мы увидимъ

*) Моя мысль, полагаю, должна быть понятна: если я употребляю слово „обязанность“ и дѣлаю рядомъ въ скобкахъ примѣчаніе, что придаю ему нравственный смыслъ, то eo ipso я утверждаю, что существуетъ и иной смыслъ этого слова: „легальный“ или „юридическій“.

*) Такъ назвалъ свое изложеніе ученія о государствѣ и философіи исторіи Гегеля авторъ Hegel's Lehre vom Staat und seine Philosophie der Geschichte in ihren Hauptresultaten, Berlin, 1837, стр. 5.—Въ письмѣ изъ Парижа отъ 20 мая 1840 г. знаменитый Гейне пишетъ по поводу Тьера: Господинъ Тьеръ снова пріобрѣлъ новые лавры убѣдительною ясностью, съ которою онъ умѣетъ распутывать самые сухіе и запутанные предметы. Банковыя дѣла получили совершенно ясное освѣщеніе благодаря его рѣчи, равно какъ положеніе дѣлъ въ Алжирѣ и сахарный вопросъ. Человѣкъ этотъ все понимаетъ. *Жаль, что онъ не занялся нѣмецкой философіей. Онъ сумѣлъ бы освѣтить и эту послѣднюю.* Но кто знаетъ: если событія заставятъ его заняться Германіей, онъ столь же поучительно станетъ говорить о Гегелѣ и Шеллингѣ, какъ о сахарномъ тростникѣ и свекловицѣ. (Цит. изъ Allgemeine Zeitung, № 103 Abendblatt, 14-го апр. 1903 г., стр. 2, отд. фельетона).

страшную скудость нѣмецкой литературы, не смотря на то обиліе печатнаго матеріала, которое заставило Іеринга назвать его проклятіемъ и ужасомъ (Fluch und Schrecken) нѣмецкой юриспруденціи.

Пониманія жизни нѣмецкіе философы намъ не даютъ. Это по простой причинѣ: они не изучаютъ дѣйствительности,—подъ видомъ науки о существующемъ они даютъ вамъ картины желательнаго и возможнаго (конечно, по ихъ сужденію: будущаго, въ концѣ концовъ, знать никто не можетъ). Въ этомъ и заманчивость нѣмецкой литературы для многихъ. Дѣйствительность чрезвычайно прозаична, и не только не красива и не желательна, но отбиваетъ у многихъ охоту жить.—Другое дѣло если въ ходъ, незамѣтно для простодушнаго читателя, пускается воображеніе. Красивая иллюзія всегда лучше дѣйствительности съ ея нуждою, несправедливостью, неравнымъ распредѣленіемъ бремени жизни, и т. д.

Ввести иллюзію въ науку о человѣческихъ отношеніяхъ весьма легко при пользованіи неопредѣленной терминологіей, и при неумѣніи публики разбираться въ языкѣ.—У каждаго почти нѣмецкаго ученаго или философа вы найдете элементы здраваго познавательнаго отношенія къ жизни. Но никто изъ нихъ на этой почвѣ не удерживается. Конструктивное воображеніе уноситъ ихъ въ болѣе красивый міръ фантазіи. Оттого философія у нихъ обращается въ поэму; а для основныхъ понятій юриспруденціи подобрана такая терминологія, которая всегда даетъ возможность оставить этотъ „міръ печали“ и перенестись .....„туда, въ надзвездныя края“. Обольщенный читатель охотно стремится туда въ надеждѣ сдѣлаться, если и не царемъ міра, то царемъ познанія. Но суровая дѣйствительность будитъ его неосторожно въ какую-нибудь дурную минуту жизни, загипнотизированный падаетъ снова въ этотъ скверный міръ скорбей, и..... не въ состояніи оріентироваться въ немъ, такъ какъ нѣмецкій философъ слишкомъ мало сообщилъ ему о немъ.

Возьмите того же Канта. Послѣ начальныхъ строкъ, обѣщавшихъ, повидимому, ввести насъ въ область дѣйствительности, такъ какъ предметомъ юриспруденціи объявлены были законы, вашъ руководитель покидаетъ этотъ міръ и переходитъ въ область *возможнаго*. —Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣчество не можетъ жить безъ идеаловъ, безъ фантазіи, безъ призраковъ. Но, задача философа должна состоять въ томъ, чтобы указать другимъ границу между дѣйствительнымъ и возможнымъ, и не смѣшивать этихъ категорій. Опредѣленное, но прозаичное понятіе „законовъ“, столь прозаичное, что сравнивается съ деревянной головой безъ мозга, смѣняется менѣе опредѣленнымъ „Recht“, куда фантазія можетъ внести самые заманчивые для человѣка элементы. Всмотритесь хорошенько въ опре-

дѣленіе, которое Кантъ даетъ этому Recht, и вы поймете, что онъ хочетъ говорить вамъ не о дѣйствительномъ,—а о возможномъ, не о томъ, что есть, а о томъ, что должно быть. Разумѣется, мы нуждаемся и въ такого рода знаніи. Но, для этого существуетъ этика. Мы не можемъ обойтись безъ изученія этики, но мы хотѣли бы лучше ріентироваться также въ мірѣ дѣйствительности, въ томъ, что есть. Этого-то Кантъ, какъ и другіе нѣмецкіе философы, почти не даетъ намъ. Изучающій остается безъ помощи. Этика поглощаетъ юриспруденцію.—Если это крупный философъ, въ родѣ Канта, вы все-таки пріобрѣтаете кое-что. Но, если поглощающая юриспруденцію этика исходитъ отъ человѣка съ очень ограниченными силами, узкаго спеціалиста-юриста, никогда серьезно и не занимавшагося этическими вопросами,—то изучающему преподносятъ лишь общія плоскія мѣста, безъ глубины, безъ оригинальности.

„Recht („право"), говоритъ Кантъ (стр. XXXIII), есть совокупность условій, при которыхъ произволъ одного *можетъ быть соединенъ* съ произволомъ другого по общему закону свободы". — Кантъ хочетъ говорить о томъ, что *можетъ быть*, а не о томъ, что есть. Это совсѣмъ не то, что говорилось вначалѣ, когда юриспруденція опредѣлялась ученіемъ о законахъ или законодательствѣ.

Указанное опредѣленіе звучитъ очень хорошо. Это понятно: если вы всмотритесь въ него, вы найдете, что дѣло идетъ въ сущности объ одномъ изъ нравственныхъ понятій. — Кантъ не говоритъ о томъ, какъ произволъ одного соединяется въ дѣйствительности съ произволомъ другого. Говорить объ этомъ, значитъ говорить о сѣрой дѣйствительности: о томъ, какъ патриціи имѣли все, а плебеи ничего; о томъ, какъ горсть греческихъ гражданъ жила на счетъ лишенія свободы и имущества рабовъ подъ ними, и т. д. Говорить о томъ, что *можетъ быть*,—легче и интереснѣе. Мы вѣримъ обыкновенно въ возможность того, чего мы желаемъ. А желаемъ всѣ мы, не смотря на наши дурныя дѣла, чтобы человѣчество въ цѣломъ жило свободно, зажиточно, по-человѣчески, и т. д. Въ опредѣленіе входятъ элементы утопіи. *) — Далѣе: въ опредѣленіи говорится объ общемъ законѣ свободы. Это, разумѣется, не государственный законъ. Никакое государство не издавало и не можетъ издать общаго для всѣхъ закона свободы: всегда и вездѣ существовало неравенство,—каждый классъ общества имѣлъ свой особый законъ сво-

*) „Счастье въ жизни невозможно,
И только горе непреложно,
Какъ неминуемый законъ". (И. Аксаковъ).

На одной изъ мечетей въ Самаркандѣ сохранилась арабская надпись: Сократъ училъ, что настоящая жизнь создана не для счастья.

боды, особыя права и особыя обязанности. Если бы государство издало общій законъ свободы, онъ остался бы на бумагѣ: никакое государство не имѣетъ силъ выполнить его. Онъ можетъ быть лишь нравственнымъ закономъ.—Это будетъ, однако, не законъ положительной, т. е. дѣйствующей морали; такъ какъ на дѣлѣ общество не признаетъ всѣхъ людей равными и одинаково достойными свободы, что бы оно ни высказывало на словахъ. Это, слѣдовательно, законъ *идеальной* нравственности. — Опредѣленіе такимъ образомъ еще дальше отодвигаетъ „das Recht“ отъ дѣйствительности въ сферу идеальнаго, возможнаго, долженствующаго быть.

Опредѣленіе можетъ быть выражено теперь болѣе просто и удобопонятно такимъ образомъ: „Recht“ („право“) есть совокупность условій, при которыхъ свобода каждаго *можетъ* нравственно осуществиться на ряду со свободой другихъ“. Или такъ: „Recht есть совокупность условій, при которыхъ воля каждаго можетъ осуществляться, не нарушая равной свободы другихъ“. Или еще проще: „Recht есть совокупность условій осуществленія равной свободы въ человѣческихъ отношеніяхъ“. А такъ какъ „совокупность условій осуществленія“ указываетъ лишь на возможность, то мы можемъ еще короче сказать такъ: Recht есть возможность равной свободы. Очевидно, что дѣло идетъ о нравственномъ понятіи.*) — Этимъ я не хочу сказать, чтобы юристъ не имѣлъ отношенія къ этому понятію: безъ него онъ ничего не пойметъ. Но знаніе критерія не можетъ замѣнить знанія самаго матеріала, о которомъ не дается изучающему общаго понятія. Да и самъ этотъ нравственный критерій можно хорошо уразумѣть лишь въ сферѣ тѣхъ нравственныхъ понятій, куда онъ относится какъ часть къ цѣлому. Что такое справедливость, что такое равенство и что такое свобода, все это не такія простыя вещи, чтобы можно было понять ихъ значеніе внѣ этики.

Но, самый большой недостатокъ того направленія, выразителемъ котораго является Кантъ, состоитъ въ томъ, что, приглашая съ самаго начала людей чинить нравственный судъ надъ законодательствомъ, оно не даетъ имъ надлежащаго понятія ни о матеріалѣ, подлежащемъ обсужденію, ни о критеріяхъ сужденія. „Сѣять умозрительную рѣпу въ облакахъ“ не значитъ еще знакомить читателя съ ролью и значеніемъ законодательства въ странѣ. Пронесшись надъ нею въ тучѣ темныхъ, недостаточно понятыхъ терминовъ, изучающій думаетъ, что онъ знаетъ то, о чёмъ его приглашаютъ судить. Въ

*) Изъ этого видна неосновательность похвалы Канту со стороны Лассона (Rechtsphil., 44), будто онъ строго провелъ обособленіе Права и Морали. Эту послѣднюю работу выполнили лишь Бентамъ и англійская „аналитическая“ школа (см. Pulszky, The theory of law and civil society, 342 и сл.).

этомъ ложномъ мнѣніи о собственныхъ познаніяхъ и лежитъ причина высокомѣрнаго отношенія къ законодательству. Маленькое свое разумѣніе человѣкъ ставитъ выше законодательства, значенія котораго онъ не понимаетъ. Онъ думаетъ, что онъ знаетъ все, что ему нужно. Между тѣмъ нѣмецкія книги не даютъ и тысячной доли того, что нужно человѣку для разумнаго отношенія къ дѣйствительности. Изучать существующее кажется ихъ авторамъ мало привлекательнымъ. Самое важное и интересное—это судить о справедливости и несправедливости законодательства. Къ этому сейчасъ и переходятъ. — Но, какъ судить дѣйствительное безъ знакомства съ нимъ? — И *какъ* судить? — По началамъ справедливости, по принципамъ равной свободы. Но, все это лишь абстрактныя формулы, которыя каждый наполняетъ угоднымъ ему содержаніемъ. Позаботиться о томъ, чтобы формулы эти заполнялись людьми разумнымъ содержаніемъ, основаннымъ на хорошемъ знакомствѣ съ жизнью, никто не стремится. — Прочитавъ Политику Аристотеля, вы получите болѣе ясное представленіе о роли законодательства въ жизни и о значеніи его критерія—справедливости, чѣмъ, напр., изъ ученія о тѣхъ же предметахъ у Канта.

Приглашать каждаго судить законы, не понимая ихъ, значитъ поощрять самомнѣніе и расшатывать фундаментъ, на которомъ покоится всякій государственный порядокъ—уваженіе къ законодательству. Противоположность въ этомъ отношеніи составляютъ англичане съ ихъ стремленіемъ проникнуть въ значеніе законодательства для страны, и съ ихъ высоко развитымъ чувствомъ уваженія къ закону и налагаемымъ имъ обязанностямъ. — Если бы люди, прежде чѣмъ судить законы, постарались исполнять хорошіе законы, которыхъ не мало въ каждой странѣ, наша жизнь представляла бы совсѣмъ иную картину.

Преждевременное перескакиваніе съ точки зрѣнія познанія законовъ на точку зрѣнія ихъ оцѣнки оставляетъ, однако, нетронутою правильность защищаемаго нами положенія, что основнымъ понятіемъ юриспруденціи, какъ и этики, является „норма“. Справедливость означаетъ согласіе съ извѣстною нормою. Это признаетъ и Кантъ, переходя къ установленію „общаго принципа Права (des Rechts).“ То дѣйствіе будетъ правымъ (recht), т. е. справедливымъ, которое согласуется съ такою нормою (Maxime), которая примиряетъ свободу одного съ равною свободой другихъ. *)

*) „Eine jede Handlung ist recht, die oder nach deren Maxime die Freiheit der Willkuhr eines jeden mit jedermanns Freiheit nach einem allgemeinen Gesetze zusammen bestehen kann.“

При всей непослѣдовательности, въ концѣ концовъ, приходится прійти къ тому положенію, съ котораго начиналъ и Кантъ, — т. е., что понятіе нормы или закона есть основное понятіе—какъ для этики, такъ и для юриспруденціи. *) Понятіе „права“ (Recht), даже при отождествленіи его со справедливостью (das Gerechte), есть производное понятіе.

Эта простая мысль затемняется у Канта, какъ и у многихъ другихъ, тѣмъ, что, сознавая необходимость точности (Pünktlichkeit, и даже Peinlichkeit) языка, никто изъ нихъ не даетъ себѣ труда осуществить это требованіе. Идеи, встрѣчаемыя въ нѣмецкой литературѣ, часто правильны и просты, но выражены онѣ такъ неудачно и неуклюже, что иногда приходится потратить больше времени на ихъ уразумѣніе, чѣмъ онѣ заслуживаютъ по своему внутреннему достоинству. Это производитъ непріятное впечатлѣніе на читателя и объясняетъ пренебрежительное отношеніе, напр., Спенсера къ Канту. Если человѣкъ не хочетъ, чтобы его понимали, онъ не можетъ жаловаться на другихъ за непониманіе. Едва ли такая неясность есть результатъ намѣреннаго стремленія блеснуть мнимою глубиною, или—непониманія авторомъ самого себя. Скорѣе всего, это результатъ нѣмецкой односторонности и крайней поверхностности ихъ подготовки въ логикѣ и языковѣдѣніи. Очень сильно и вліяніе тамъ схоластики.

Впрочемъ, ихъ темнота—главный рессурсъ ихъ вліянія на другихъ. Еще въ началѣ XVI ст. Эразмъ Роттердамскій писалъ „нѣмцы ищутъ чести въ ихъ исполинскомъ ростѣ и въ ихъ колдовской наукѣ“ (Die Deutschen suchen eine Ehre in ihrem riesigen Körperbau und ihrer *Zauberwissenschaft*, „das Lob der Thorheit,“ стр. 79). Такою осталась эта наука и до сихъ поръ,—на удивленіе, конечно, толпы.

---

*) Это подтверждаетъ Кантъ и „въ Tugendlehre (стр. 18): „Этика даетъ *законы* не для поступковъ (ибо это дѣлаетъ юриспруденція, die Rechtslehre), а только для правилъ (Maximen) поступковъ“. И этика и юриспруденція имѣютъ, слѣдовательно, дѣло съ *законами*; только, по Канту, въ юриспруденціи эти законы непосредственно относятся къ поступкамъ, а въ этикѣ лишь черезъ посредство субъективныхъ правилъ. (Намъ нѣтъ нужды входить въ обсужденіе этого двухэтажнаго построенія).

Глава XXIV.

О „старой“ и „новой“ терминологіи.

Платонъ: „въ дѣлѣ языка народъ превосходнѣйшій учитель“ (Darmesteter, La vie des mots, 117).

Populus in sua potestate, singuli in illius. (ibid.).

„Laissons donc là toute cette terminologie qui ne peut avoir d'autre effet que de défigurer les vrais rapports des choses (Boirac, L'id. d. phénom., 240).

Если бы вопросъ о терминологіи не имѣлъ отношенія къ мышленію; если бы дѣйствительно можно было говорить о словахъ самихъ по себѣ и о мысли самой по себѣ, то вопросъ о ней не имѣлъ бы значенія въ наукѣ. Между тѣмъ, вѣроятно, большинство заблужденій и большинство споровъ между людьми сводится, въ концѣ концовъ, къ свойствамъ употребляемой ими рѣчи. „Нельзя отрицать, говоритъ Fowler (Logic, I, 156), что термины, выражающіе основныя понятія въ различныхъ наукахъ, въ родѣ словъ: вѣра, церковь, выборъ, законъ, лояльность, федерація, справедливость, цѣнность, капиталъ, сила, природа, естественный и пр., часто употребляются въ томъ же самомъ разсужденіи въ самыхъ различныхъ смыслахъ, и вслѣдствіе этого представляютъ источникъ безконечной путаницы въ нашемъ мышленіи“.

Поэтому, измѣненіе терминологіи часто приводило къ перестройкѣ науки. Такъ, въ предисловіи къ своей „Химіи“ Лавуазье говоритъ: „въ то время какъ я думалъ лишь образовать номенклатуру и не разсчитывалъ идти дальше улучшенія химическаго языка, моя работа постепенно, противъ моей воли, преобразовалась въ Трактатъ объ Элементахъ Химіи“ (Whewell, N. Or. R., 286). Терминологія, такимъ образомъ, связана съ сущностью дѣла. Если бы этого не было, если бы наука могла дѣлать успѣхи одинаково при всякой терминологіи, тогда намъ ничего не оставалось бы, какъ слѣдовать совѣту Galen'a: „если мы согласны по существу дѣла, не нужно спорить о словахъ“.

Дурно подобранная терминологія мѣшаетъ намъ просто и ясно видѣть вещи. „Люди часто могли бы видѣть, какъ мало разума и

истины, а иногда и ничего изъ нихъ, скрывается въ тѣхъ широковѣщательныхъ мнѣніяхъ, которыми набиты они, если бы только они взглянули дальше модныхъ звуковъ и посмотрѣли, какія идеи можно и какія нельзя найти подъ тѣми словами, которыми вооружены они со всѣхъ сторонъ и съ которыми такъ довѣрчиво обходятся они" (Локкъ, Hum. Underst., кн. 3, гл. 5, sect. 16).

Терминологія, принятая континентальными юристами („право"...), держится не потому, что она философски и научно здорова, а потому что она оказываетъ на нихъ нравственное обаяніе вслѣдствіе смѣшенія основной ея идеи съ нравственнымъ понятіемъ „справедливости", играющимъ столь огромную роль въ жизни отдѣльныхъ лицъ и обществъ.

Между тѣмъ, основной принципъ и высшее правило всякой научной терминологіи заключается въ томъ, что она должна давать намъ возможность ясно и просто видѣть вещи (ср. Whewell, N. Org. R., 285). А для этого нужно, чтобы она *различала* ихъ, а не смѣшивала.—Кто станетъ спорить противъ утвержденія, что высшими законами общественной, государственной и индивидуальной жизни являются законы нравственности; и—что справедливость есть основное требованіе, жизненный нервъ этой жизни? Но, „справедливость" есть нравственная, а не юридическая категорія. Эти категоріи нераздѣльно связаны, но смѣшивать ихъ нельзя.

Загадочность „права" *создана* юристами, а не природою языка и дѣла. On est dupe de la grammaire, какъ сказалъ бы французъ. „Право", на дѣлѣ, невозможно отдѣлить отъ ряда нѣкоторыхъ другихъ понятій. Безъ нихъ оно непонятно, лишено всякаго смысла. А юристы съ ихъ старымъ атомистическимъ взглядомъ на рѣчь, приступая къ опредѣленію права, какъ разъ и начинаютъ съ того, что отдѣляютъ это понятіе отъ необходимыхъ его предположеній,—отъ того, что должно оставаться неразрывно связаннымъ съ нимъ Чтобы понять нужный имъ фактъ, они прежде всего стараются устранить всякую возможность его пониманія. Ни слово, ни понятіе, взятыя отдѣльно, не могутъ быть поняты. Точнѣе: мы и не можемъ взять понятіе отдѣльно отъ его выраженія въ словѣ; а слово, взятое отдѣльно отъ связанныхъ съ нимъ представленій, перестаетъ быть словомъ; это будетъ лишь звукъ. Необходимымъ условіемъ пониманія является воз становленіе того совокупнаго представленія (Gesammtvorstellung: Wundt „die Sprache", I, 564 и сл.), изъ котораго слова выдѣляются. „Das Ganze des Gedankens ist das Primäre (ibid.): цѣлое въ мышленіи предшествуетъ расчлененію. Элементами „совокупнаго представленія" въ живой общей рѣчи являются по отношенію къ слову „право"—законъ, или норма этики.

Объясненія слову „право“, взятому изъ общаго языка, и слѣдуетъ искать въ этомъ создавшемъ его языкѣ. Пока этого не будетъ сдѣлано, споры юристовъ не могутъ прекратиться. Народный языкъ—великая школа мудрости. Темнота въ основныхъ понятіяхъ можетъ быть выгодна только нѣкоторымъ дурнымъ людямъ, а не наукѣ.

Языкъ, или точнѣе—неправильное пользованіе языкомъ, породило метафору. „Юристы все еще ищутъ опредѣленія своему понятію права“—это ироническое слово Канта, говоритъ Штаммлеръ (Wirtschaft und Recht, 492), не устарѣло до сихъ поръ“. И весьма естественно: это метафизики (въ дурномъ значеніи этого слова) противъ воли, безсознательные метафизики, о которыхъ Лейбницъ сказалъ: Ils cherchent ce qu'ils savent et ne savent pas ce qu'ils cherchent *). Или, какъ говоритъ Лессингъ (Werke, Bd. III, Brief 20, стр. 51): это „Weltweisen, welche sich mehr Mühe geben, Wolken zu machen, als zu zerstreuen“ **)... И всему причина ихъ терминологія.

При созданіи терминологіи дѣйствуютъ двѣ силы, борющіяся другъ съ другомъ: (1) одна направлена къ нововведеніямъ, (2) другая стремится сохранить прежнее положеніе вещей. „Движеніе языка состоитъ въ томъ, чтобы постепенно дѣлать уступку первой силѣ, предоставляя второй сдерживающую роль. Иначе преобразованія были бы слишкомъ быстры и языки теряли бы единство“ (Darmesteter, La vie des mots, 118).

Платонъ въ дѣлѣ языка считалъ лучшимъ руководителемъ народъ. Кантъ, признавая важность точности терминологіи, соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ, которые требовали отъ языка науки прежде всего популярности. Это естественно. Если зачатки всякой науки лежатъ въ томъ анализѣ явленій, который произведенъ уже народомъ и отразился въ его языкѣ, то терминовъ для элементарныхъ понятій слѣдуетъ прежде всего искать въ общемъ языкѣ. Пока мысль не мѣняется, выраженіе ея не должно быть измѣняемо. Революція въ языкѣ, безъ нужды, опасна для мышленія. Ею устраняется общеніе въ мышленіи между различными классами населенія и взаимная ихъ помощь въ этомъ дѣлѣ. Излишнею измѣнчивостью языка объясняется низкій культурный уровень многихъ народовъ. „Когда революціонная сила дѣйствуетъ одна, языкъ, ринувшись по пути измѣненій, преобразуется съ невѣроятною быстротою. Иногда, на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній, онъ приходитъ къ состоянію столь отличному отъ прежняго, что можетъ по спрваедливости считаться новымъ языкомъ.

*) Они ищутъ того, что они знаютъ, и не знаютъ того, чего они ищутъ.

**) „Мудрецы, которые больше стараются надъ тѣмъ, чтобы создать туманъ, чѣмъ чтобы его разсѣять“.—Разумѣется, что имѣются въ виду не англійскіе, а нѣмецкіе юристы.

Иногда онъ разбивается на массу діалектовъ, дѣленія и подраздѣленія которыхъ идутъ до безконечности. Въ нѣкоторыхъ народныхъ жаргонахъ (patois) и въ нѣкоторыхъ дикихъ языкахъ въ одно и то же поколѣніе, какъ говорятъ, можно видѣть, какъ нарождаются и умираютъ языки, чтобы возродиться подъ новою формою" (Darmesteter, La vie des mots, 14).

Такое разобщеніе съ прошлымъ крайне вредно для науки. Новому поколѣнію приходится начинать работу ab ovo: оно не пользуется результатами анализа прошлыхъ поколѣній. „Смерть" древнегреческаго языка, этого носителя высокой умственной культуры, была великимъ несчастьемъ для послѣдующихъ поколѣній. Нѣкоторыя глубокія идеи, извѣстныя грекамъ, чужды мышленію даже профессіональныхъ ученыхъ нашего времени. Причиною главнымъ образомъ служитъ непониманіе ихъ языка. Великіе умы рѣже столѣтій. И если ихъ не понимаютъ иногда подолгу даже соотечественники, связанные общностью языка, какъ это можно видѣть на Кантѣ, то непониманіе людей, писавшихъ на вымершемъ языкѣ, понятно еще болѣе.

Мы не должны презрительно относиться къ языку народа. Въ немъ есть глубокій разумъ и философія—болѣе иногда правильная, чѣмъ та, которая читается съ каѳедръ нѣмецкихъ университетовъ. Нужно только научиться пользоваться имъ. Подобно тому, какъ по отношенію къ внѣшней природѣ человѣкъ есть ея толкователь, а наука—правильное толкованіе (Whewell, N. Or. R., 5), такъ по отношенію къ явленіямъ человѣческой жизни языкъ есть первый и важнѣйшій источникъ нашихъ знаній. И, какъ внѣшняя природа, такъ и языкъ, даютъ отвѣты лишь тѣмъ, кто умѣетъ спрашивать ихъ, умѣетъ толковать ихъ. Нѣмой для сознанія другихъ, языкъ открываетъ свои секреты испытывающему взгляду языковѣда-философа. Народъ, создавшій русскій языкъ,—великій народъ, и несравненно болѣе даровитый интеллектуально, чѣмъ нѣмцы. Не обособлять себя созданіемъ искусственнаго языка, а всегда находиться въ соприкосновеніи съ общимъ языкомъ русскаго народа—вотъ задача юриста. Честь народу, въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ котораго лежитъ болѣе глубокая философія, чѣмъ въ книгахъ нѣмецкихъ юристовъ XIX и XX столѣтій.

При отысканіи терминовъ нужно различать факты и идеи, встрѣчающіеся во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ, и тѣ, которые составляютъ продуктъ времени и обстоятельствъ и поступательнаго умственнаго движенія человѣчества. Простѣйшіе факты общественной (напр., отношенія родства) и государственной (напр., наличность власти) жизни составляютъ общее достояніе человѣчества въ силу соціальной и государственной природы человѣка.

Элементарные факты и элементарныя идеи остаются тѣми же самыми для всѣхъ временъ и народовъ. Названіе ихъ слѣдуетъ искать въ общемъ языкѣ народа, принимая во вниманіе различіе манеры мышленія у разныхъ народовъ въ связи съ отражающимъ ее различіемъ въ строѣ языковъ.

Справка съ исторіей рѣчи-мышленія и *разумный* консерватизмъ нужны вотъ еще по какой причинѣ. Вслѣдствіе человѣческой ограниченности мы наблюдаемъ въ исторіи и современной жизни слѣдующій странный фактъ. Съ развитіемъ своихъ познаній въ извѣстной отрасли человѣкъ склоненъ забывать о главномъ въ этой отрасли и приписывать второстепенному первенствующее значеніе. Это мы видимъ на отдѣльныхъ личностяхъ, это же мы съ помощью языкознанія можемъ наблюдать и въ мышленіи массъ. Это обстоятельство крайне яркимъ образомъ иллюстрируется и всей исторіей „науки“ и „философіи“ „права“.

Мы находимъ въ мышленіи сосуществующими два интеллектуальныхъ элемента: одинъ главный, другой побочный. Съ теченіемъ времени, безсознательно, духъ теряетъ первый и принимаетъ во вниманіе лишь второй, который изгоняетъ первый или ограничиваетъ его значеніе. „Это безсознательное движеніе, переносящее господствующій элементъ съ главнаго признака на признакъ второстепенный, представляетъ самый законъ преобразованій въ мірѣ нравственномъ. Исторія религій, общественныхъ учрежденій и учрежденій политическихъ и юридическихъ и нравственныхъ идей, сводится къ этому медленному движенію, заставляющему забывать начальный фактъ ради факта вторичнаго, отъ него производнаго, съ измѣненіемъ его въ фактъ начальный, который въ свою очередь исчезнетъ передъ незамѣтно растущимъ наслѣдникомъ *). И эта эволюція есть общій законъ органическаго развитія въ живыхъ существахъ, потому что измѣненіе въ жизни сводится самымъ обыкновеннымъ образомъ къ постепенному исчезновенію основной клѣточки передъ сосѣднею клѣточкой, присоединившейся мало по малу къ ней и развивающейся на ея счетъ“. (Darmesteter, op. c., 86, 87). **)

*) Эта та же идея, только въ иной формѣ, что и въ слѣдующихъ строкахъ Guizot (Essais sur l'histoire de France, 1858, p. 75): „Сообразно мощи человѣка занимаемая имъ земля принимала тотъ или иной характеръ. Состояніе земель сдѣлалось такимъ образомъ знакомъ состоянія лицъ.... И, *такъ какъ знаки быстро становятся причинами*, состояніе лицъ было не только указываемо, но и опредѣляемо, вызываемо состояніемъ земель“.

**) Дѣло, конечно, не въ параллелизмѣ органическому міру, а въ правильности подмѣченной черты самой по себѣ. Какъ въ жизни индивида, такъ и въ жизни общества, мы наблюдаемъ дѣйствительно поглощеніе второстепеннымъ главнаго. Фактъ занятія извѣстной территоріи и начальнаго разселенія племени

То же произошло и въ относительномъ значеніи двухъ идей: закона и права. Изъ второстепенной, едва замѣтной и не оставившей даже особаго слѣда въ языкѣ грековъ, она становится господствующей и подчиняетъ себѣ идею-мать „законъ".

До сихъ поръ философскія изслѣдованія юристовъ объ основныхъ понятіяхъ принимали во вниманіе лишь индивида. Во всѣ времена, имѣвшія какое-либо литературное выраженіе, отдѣльныя лица говорили и писали о законѣ, справедливости, обязанности, правѣ и т. д. Платонъ и Аристотель, Ульпіанъ и Гай, Макіавелли и Гоббесъ, Вико и Монтескьё, Локкъ и Кантъ, задумывались надъ этими понятіями и въ томъ или иномъ направленіи вліяли на образованіе тѣхъ идей, которыя циркулируютъ въ образованномъ обществѣ. Однако, всѣ эти мыслители спекулировали на собственный страхъ, разсматривая собственныя идеи какъ нѣчто самостоятельное, возникшее внѣ вліяній того народа, на языкѣ котораго они мыслили. Какъ избранныя натуры, великіе мыслители и дѣйствительно способны оказывать глубокое вліяніе на мышленіе окружающаго общества: измѣнять его. Смѣшать ихъ съ толпою мы не можемъ: они, съ ихъ идеями, стоятъ въ сторонѣ отъ нея. Мысли крупнаго человѣка не составляютъ общаго достоянія его времени и народа. Иногда онѣ болѣе правильны и сдѣлаются общею мыслью лишь въ будущемъ. Иногда онѣ результатъ индивидуальныхъ особенностей человѣка, его манеры смотрѣть и чувствовать вещи и, какъ таковыя, не представляютъ истины. Самые большіе люди, какъ мы знаемъ, дѣлаютъ иногда самыя странныя ошибки. Заботливо изучая идеи великихъ людей, мы можемъ написать литературную исторію основныхъ понятій юриспруденціи. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что идеи этихъ людей имѣли и имѣютъ огромное значеніе для науки. Но, философія должна изучать также толпу „въ слѣпомъ поступательномъ движеніи ея инстинктовъ". Есть какой-то загадочный разумъ въ этихъ инстинктахъ и въ неразвитомъ лепетѣ народной мысли. Болѣе старательное изученіе ихъ даетъ намъ иногда результаты, удивительные по своей глубинѣ и правильности. Изъ всѣхъ различныхъ естественныхъ проявленій, отражающихъ собою народный геній (религія, народная поэзія и искусство, учрежденія и пр.), „языкъ есть самое прямое и самое непосредственное, потому что онъ не подверженъ до такой степени, какъ

забывается впослѣдствіи въ ряду вытекающихъ изъ него фактовъ. Спеціализація ученаго поглощаетъ интересъ къ наукѣ въ ея цѣломъ. Деньги изъ средства обращаются въ цѣль. Слово заслоняетъ то цѣлое, изъ котораго оно возникло,— предложеніе. Формы стремятся поглотить сущность дѣла. Церемоніи затемняютъ идеи и вѣрованія. Буква убиваетъ духъ. Внѣшняя корректность поведенія убиваетъ то, что должно прикрываться ею. *Культурный лоскъ* скрываетъ первобытную дикость. Прогрессъ матеріальный стоитъ впереди прогресса нравственнаго... И т. д.

другія, всесильному вліянію выдающихся людей, налагающихъ на нихъ свою печать, а съ другой стороны—онъ есть выраженіе особенностей ума, самый оттискъ народной мысли" (Darmesteter, op. c., 112, 113). Элементарныя идеи юриспруденціи не составляютъ достоянія избранныхъ умовъ. Ими живетъ все общество. И если мы желаемъ знать, что именно думало о нихъ цѣлое общество, а не отдѣльныя лица, мы должны избрать нѣсколько иной путь и смотрѣть не въ книги философовъ только, но и на выраженіе народнаго мышленія въ его языкѣ. Исторія языка есть рядъ могилъ, гдѣ нашли себѣ покой, вмѣстѣ съ поколѣніями мыслившихъ людей, поколѣнія мыслей, находившихъ себѣ выраженіе въ его осязательныхъ формахъ. А общій языкъ современныхъ намъ поколѣній—зеркало, гдѣ отражается народное мышленіе нашего времени. (Ср. Jenks, Law and politics.... 4,5).—Прежде чѣмъ изобрѣтать термины, нужно посмотрѣть, какъ выражаетъ народъ тѣ элементарныя идеи, которыми онъ живетъ вмѣстѣ со своими учеными *).

Народъ носитъ въ себѣ элементарную философію государственной и нравственной жизни, хотя и не знаетъ о ней, какъ онъ носитъ въ себѣ законы склоненій, спряженій, синтаксиса и т. д., не подозрѣвая ихъ. И какъ путемъ изученія рѣчи открыты были законы грамматики, логики и философіи языка, такъ путемъ изученія нравственныхъ и государственныхъ воззрѣній народа мы можемъ возсоздать ту элементарную этико-юридическую философію, которая управляетъ этими воззрѣніями. Средствомъ этого изученія является языкъ.

Слово „право" не ученаго, т. е. искусственнаго, происхожденія, а народнаго. Но, внимательное отношеніе къ народному языку открываетъ намъ, что слово это не употребляется въ немъ въ качествѣ синонима законовъ (или вообще государственно-принудительныхъ нормъ), равно какъ не употребляется и въ качествѣ синонима справедливости. О постановленіяхъ „права", вмѣсто постановленій закона, не станетъ говорить и ученый юристъ передъ аудиторіей людей, чуждыхъ книжному языку. Равнымъ образомъ, когда желаютъ сказать, что такой-то поступокъ не соотвѣтствуетъ справедливости, въ народномъ, уцѣлѣвшемъ отъ книжныхъ вліяній, языкѣ прибѣгаютъ, напр., къ выраженіямъ „это не по правдѣ", „несправедливо", или какъ

*) Бѣда именно въ томъ, что большинство ученыхъ считаетъ себя, при всей скудости своихъ умственныхъ силъ, „сверхчеловѣками". Народъ—это „быдло", ни о чемъ не думающее. Исторія повторяется во многомъ удивительнымъ образомъ. Мы не ставимъ теперь того народнаго большинства, среди котораго живемъ, въ категорію предметовъ собственности на ряду съ „съѣстными припасами", но непризнаніе въ немъ разумной и нравственной личности остается прежнимъ. Это тѣмъ болѣе печально, что образованное общество совсѣмъ не стоитъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ на высотѣ своего призванія

иначе, но никогда не говорятъ „это не по праву“: народный языкъ ищетъ всегда простоты и ясности Слова „справедливый“, „правда“ и „неправда“, „законъ“, „обычай“, „право“, „правъ“ и др. термины этико-юридической жизни извѣстны старому времени: они возникли раньше, чѣмъ стала слагаться у насъ искусственная научная терминологія. Ученый, поэтому, долженъ признавать здѣсь авторитетъ народа. Въ дѣлѣ народнаго языка сувереномъ является народъ Это признавали еще древніе. Варронъ говорилъ: populus in sua potestate, singuli in illius. А раньше его Платонъ указывалъ (см. мотто) на то, что народъ является въ дѣлѣ языка превосходнѣйшимъ учителемъ.

Если слово „право“ извѣстно народному языку, и, однако, языкъ этотъ даетъ ему не то назначеніе и роль, которыя хочетъ заставить его исполнять научная терминологія; если слово это имѣетъ въ народномъ языкѣ второстепенную функцію, а не возводится въ роль установителя законовъ и государствъ,—то въ одномъ уже этомъ фактѣ мы получаемъ побужденіе поискать тѣ понятія, которыя служатъ основою этого второстепеннаго понятія. Равнымъ образомъ этотъ фактъ заставляетъ насъ дать себѣ отчетъ въ правильности отступленія отъ общаго языка. Творецъ даннаго слова является и всемогущимъ его распорядителемъ. Мы должны имѣть спеціальныя основанія, чтобы установить новый usus относительно него. Никто не имѣетъ права по законамъ языка говорить тамъ „право“, гдѣ народъ считаетъ необходимымъ употреблять слово „справедливость“ (или „правда“), или гдѣ онъ говоритъ „законы“, „правила“, „постановленія“, и т. п. Это основной законъ языка. Что народъ называетъ кошкой, мы не можемъ называть рыбой. Иначе прекратится возможность взаимнаго пониманія людей, т. е. сдѣлается недостижимою основная цѣль языка, упраздняется его существованіе.

Разумѣется, что тамъ, гдѣ создаются новыя идеи, важно и необходимо найти и новые термины для ихъ выраженія, или измѣнить значеніе уже существующихъ. Но, въ самомъ ли дѣлѣ мы открыли новую идею? Не имѣемъ ли мы дѣло съ призракомъ, столь часто создававшимся людьми подъ вліяніемъ языка? Почему, напр., англійскіе юристы и философы находятъ возможнымъ выражать всѣ тѣ идеи, которыя извѣстны континентальнымъ юристамъ, при помощи *общаго* англійскаго языка, не создавая никакихъ *измѣненій*, не порывая *традицій*? *)

Такъ, внимательное отношеніе къ языку своего народа и его традиціямъ толкаетъ насъ по пути къ установленію правильной этико-

*) Англійская юриспруденція съ ея терминологіей, взятой изъ общаго языка, и есть образецъ того, что мы называемъ *разумнымъ* консерватизмомъ. Это умнѣйшая и даровитѣйшая нація, нѣмцы имъ не пара.

юридической философіи. Странно было бы, если бы дѣло обстояло иначе. Люди научились брать уроки не только отъ животныхъ и растеній, но и отъ неодушевленной природы. Какъ же имъ не учиться у разумнѣйшихъ существъ на землѣ: у другихъ людей.

Какъ разъ на литературный языкъ и падаетъ обязанность играть консервативную роль въ развитіи рѣчи. (Darmesteter, op. c., 119 *). Литературный языкъ долженъ поддерживать традиціи русской рѣчи. Сохраненіе традицій есть сохраненіе цивилизаціи и народной самостоятельности. Исторія показываетъ намъ, какъ съ нашествіемъ варваровъ исчезла консервативная сила латинскаго литературнаго языка и народный латинскій языкъ, не сдерживаемый больше ничѣмъ, начинаетъ быстро измѣняться, такъ что на протяженіи трехъ или четырехъ столѣтій вмѣсто него образуется рядъ совершенно новыхъ языковъ. Выработанныя вѣками культуры идеи, съ исчезновеніемъ традицій языка, исчезли, а съ ними исчезла и вся цивилизація **). Быстрыя измѣненія стремятся породить анархію со всѣми опасностями для цивилизаціи. Рекомендовать созданіе препятствій свободѣ творческой мысли и введенію необходимыхъ, обусловливаемыхъ этимъ творчествомъ мысли, измѣненій въ языкѣ было бы конечно нелѣпо. Нужна устойчивость языка, а не его застой. Языкъ долженъ измѣняться, но нужно, чтобы онъ измѣнялся такъ медленно, какъ только возможно. Литературный языкъ и долженъ взять на себя роль сдерживающей силы и противиться неологизмамъ, какъ со стороны народной, такъ и со стороны ученой рѣчи. Должны быть принимаемы только тѣ измѣненія, которыя вызываются необходимостью, прогрессомъ мысли.

Измѣненія, введенныя въ послѣднее время въ терминологію законовѣдѣнія (наука права, философія права, исторія права, политика права, право полицейское, церковное, желѣзнодорожное, водное, горное....), никакими потребностями новой мысли не вызваны. Идеи остались старыми-престарыми и всѣмъ и каждому извѣстными. Привзошло лишь сильное нѣмецкое вліяніе съ его Juristen-Deutsch, переведеннымъ рабски на русскій языкъ. Вмѣсто „гражданскіе законы“ стали говорить „гражданское право“, вмѣсто „воднаго закона“—„водное право“, вмѣсто „церковные законы и правила“—„церковное право“, и т. д. Пріобрѣтенія въ области мысли не сдѣлано ни малѣйшаго. Юристы тѣшатся, по выраженію Канта, тѣмъ, что выставляютъ новый лоскутъ на старомъ платьѣ.—Но, и это было бы еще полбѣдою. Большая бѣда пришла тогда, когда изъ „права“ юридическая магія создала великое-великое особое явленіе, и когда ему начали

*) „C'est à la langue littéraire qu'est réservé le rôle de conservatrice“.

**) См. Darmesteter, op. c., 118, 119.

приносить въ жертву здравый разсудокъ и курить ѳміамомъ нелѣпѣйшихъ призраковъ.

Конечно, слово „право“ взято изъ русскаго языка. Но, неологизмы состоятъ не только лишь во введеніи новыхъ словъ (les néologismes de mots), но и во введеніи въ старыя слова такого смысла, котораго не вкладываетъ въ нихъ народъ (les néologismes de sens) *). Юристы (1) стараются перевести слово „право“ въ совсѣмъ новую категорію понятій: изъ слова, выражающаго отношеніе **), они хотятъ обратить его въ слово, выражающее какой-то самостоятельный феноменъ, да еще болѣе реальный, чѣмъ законы, обычаи, и т. д; (2) стараются покрыть имъ то понятіе, для котораго общій языкъ имѣетъ превосходный терминъ въ словѣ „справедливость“; (3) стараются отождествить его съ понятіемъ государственно-принудительныхъ нормъ: законовъ, суд. рѣшеній, узаконенныхъ обычаевъ и пр.,—что опять-таки чуждо народному языку. Вотъ тѣ неологизмы смысла, которые безъ нужды создаются юристами. Не смотря на стараніе расширить эти неологизмы на болѣе широкіе круги, народный языкъ остается чуждъ имъ. И едва ли когда онъ приметъ ихъ. Общій языкъ даетъ свою санкцію только тѣмъ выраженіямъ, которыя оказываются необходимыми въ данномъ случаѣ, которыя служатъ болѣе яснымъ или болѣе сильнымъ выраженіемъ извѣстной идеи. Слово же „право“, въ указанномъ видоизмѣненномъ значеніи, такихъ качествъ не представляетъ. Что оно не необходимо, объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., терминологія Неволина у насъ, а особенно—терминологія англійскихъ юристовъ. Что оно не можетъ болѣе ясно и точно выражать нужныя идеи, это видно изъ того, что *сами юристы не знаютъ*, что такое „право“ въ томъ необычномъ значеніи, которое они же и придали ему. Какъ же можно требовать, чтобы зналъ это народъ, неповинный во всей этой галиматьѣ?

Считая необходимымъ при обращеніи къ непосвященнымъ измѣнять свой „языкъ боговъ“ и „высокій штиль“ въ языкъ простыхъ смертныхъ, юристы тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о малой понятности своей терминологіи для народа, объ оторванности ея отъ общаго языка и о наличности другихъ средствъ выраженія ихъ, въ

*) Создавая новыя значенія (des sens nouveaux), мы даемъ уже существующимъ словамъ функціи, которыхъ они не знали до сихъ поръ. Не нарушая, повидимому, даннаго языка (le lexique), мы въ дѣйствительности дѣлаемъ изъ извѣстнаго слова совершенно новое слово, потому что, сберегая звуки, мы даемъ той же самой формѣ особыя—другія—функціи (См. Darmesteter, La vie d. m., 31, 32).

**) Еще Кантъ въ Практ. Раз. говорилъ, что слово „обязанность“ выражаетъ наше отношеніе къ закону; то же самое, очевидно, должно быть повторено и относительно коррелята ея—„права“.

сущности весьма скромныхъ и простыхъ, мыслей. И если есть такія выраженія, при помощи которыхъ можетъ понимать себя взаимно наибольшее количество людей, они и составляютъ настоящій общій языкъ. Языкъ, на которомъ всѣ понимаютъ другъ друга, удовлетворяетъ тому критерію, которому долженъ удовлетворять всякій народный языкъ. Большихъ услугъ отъ него требовать нельзя. Онъ удовлетворяетъ общей потребности.

Есть, разумѣется, такія идеи въ юриспруденціи, которыя не могли возникнуть въ общемъ мышленіи народа. Для нихъ нужно создать и спеціальные термины. Въ каждомъ сколько-нибудь многочисленномъ народѣ можно наблюдать группы, вырабатывающія свою спеціальную терминологію: элегантное общество, политическій міръ, армія, мастерская, деревня и т. д. Всѣ онѣ, однако, строятъ, ее на общей основѣ народнаго языка, и должны держаться ея, пока есть возможность.

Мы говоримъ о *разумномъ* консерватизмѣ, т. е. такомъ, который идетъ навстрѣчу необходимымъ нововведеніямъ. Смѣшно проповѣдывать страхъ передъ нововведеніями только потому, что они нововведенія. Все что существуетъ, было когда-то нововведеніемъ (Ср. Bentham, Oeuvres, I, 450, гл. IV: „страхъ нововведеній“). Если народный языкъ начинаетъ оставлять какое-либо слово и передавать его значеніе другимъ (напр., слово „семейственный“ словомъ „семейный“; выраженіе „вотчинныя права“ выраженіемъ „права собственности“, и т. п.); и если такія измѣненія получаютъ общее одобреніе, литературному языку нѣтъ смысла противиться установившейся рѣчи (consuetudo loquendi). Не слѣдуетъ искусственно и безъ нужды воскрешать архаизмы. Попытки къ этому обыкновенно не приводятъ къ успѣху. „Языкъ идетъ своей дорогой, безучастный къ жалобамъ грамматиковъ и стонамъ пуристовъ“ (Darmesteter, op. c., 120). Не къ чему нарушать молчаливый покой нашихъ предковъ съ ихъ привычками рѣчи. Мы говоримъ о консерватизмѣ, вызываемомъ *требованіями науки*.

Самое нехорошее во всемъ этомъ вопросѣ о „старомъ“ и „новомъ“ въ языкѣ науки то, что, создавъ искусственную, мало имѣющую опоръ въ дѣйствительной рѣчи терминологію, юристы, часто противъ собственнаго желанія, оказываютъ поддержку многимъ ученіямъ, не желающимъ считаться въ своихъ тенденціяхъ съ реальною жизнью. Такъ—ошибки языка тѣсно связаны съ ошибками мышленія и оказываютъ вліяніе на поведеніе людей.

У насъ въ Россіи распространенная въ данную минуту терминологія выросла не на родной почвѣ, а занесена къ намъ неразборчивымъ подражаніемъ иностранному. Нужно пользоваться чужимъ опытомъ и учиться у всѣхъ, у кого только можно поучиться чему-

либо. Но, нужно учиться самостоятельно: открывая и примѣняя собственныя свои врожденныя способности, разрабатывая собственныя духовныя и иныя богатства, а не внося безъ критики *ненужные* чуждые элементы. А главное: никогда не нужно мѣнять лучшаго своего на худшее, но „иностранное", „заграничное". Только при свѣтѣ иноземнаго можемъ мы лучше уразумѣть свое. Изученіе иностраннаго— *безусловная необходимость*. Но, мы должны сохранить свою самостоятельность въ хорошемъ и критически, а не раболѣпно относиться къ иностранному *).

---

*) Въ этомъ случаѣ примѣромъ для насъ должны служить англичане. Нѣмецкое Recht они переводятъ черезъ Law (т. е. законъ). Черезъ right они переводятъ его лишь тогда, когда оно является коррелятомъ обязанности. Не буквы или словаря держатся они при этомъ, а духа, содержанія мысли. Буква губитъ здѣсь, какъ и вездѣ. Разумѣется, что, если бы для мышленія безразлична была та или иная терминологія, то или иное обращеніе съ языкомъ, нечего было бы и поднимать этого вопроса. Англійская самостоятельность и ихъ уваженіе къ духу собственнаго историческаго языка спасаетъ ихъ отъ многихъ недостатковъ континентальной юриспруденціи. На почвѣ уваженія къ родному языку и можетъ лишь развиваться литература и наука. Еще Цицеронъ защищалъ свой родной языкъ противъ тѣхъ, кто предпочиталъ ему греческій. Итальянская, французская, англійская и нѣмецкая образованность могли возникнуть лишь послѣ того, какъ эти народности обратились къ обработкѣ національнаго языка (ср. Kargeles, Allgemeine Geschichte der Literatur, I, 441, 612; II, 141, 375...).

Глава XXV.

Нравственная оцѣнка законодательства и обычаевъ.

„Понятіе о добромъ и зломъ столь необходимо, что безъ него невозможна человѣческая жизнь". (П. Линицкій, „Очерки исторіи философіи древней и новой", 1902, стр. 3).

„Мы не должны не только спѣшить говорить, но и спѣшить судить; мы не должны стремиться обращать другихъ къ личнымъ мнѣніямъ (to seek to proselytise) или разрушать то, чего мы не въ силахъ замѣстить чѣмъ-либо другимъ". A. Lewis (Westminster Review, 1902, november, стр. 563, приблизительный переводъ).

Какъ политическое существо, человѣкъ не можетъ не думать, въ большей или меньшей мѣрѣ, о государствѣ, функціяхъ правительства, характерѣ и происхожденіи своихъ гражданскихъ обязанностей, объемѣ своихъ правъ, и т. п. Какъ существо нравственное, человѣкъ не можетъ не думать о добрѣ и злѣ, о совѣсти, о соотвѣтствіи собственной своей дѣятельности и дѣятельности другихъ нравственнымъ требованіямъ, и т. д. Нравственная природа человѣка требуетъ отъ него относиться къ законодательству своего и другихъ государствъ критически съ нравственной точки зрѣнія. Ни одно государство не устояло бы, если бы въ массахъ не жило, хотя бы смутно, сознаніе необходимости подчиняться законамъ и одобрительности такого подчиненія съ нравственной точки зрѣнія. Ни одно государство, съ другой стороны, не знало бы ни смутныхъ эпохъ, ни революцій, ни недовольства своимъ положеніемъ тѣхъ или иныхъ классовъ, ни политическихъ движеній и доктринъ, если бы составляющіе его индивиды, громко или скрытно, не осуждали однихъ законовъ и не желали другихъ. Запретить людямъ имѣть свое нравственное сужденіе о законахъ, подъ властью которыхъ живутъ они или другіе, все равно, что запретить вѣтру дуть, землѣ вращаться вокругъ своей оси. *Τοῦτο γὰρ πρὸς τἆλλα ζῷα τοῖς ἀνθρώποις ἴδιον, τὸ μόνον ἀγαθοῦ καὶ κακοῦ καὶ δικίου καὶ ἀδίκου καὶ τῶν ἄλλων αἰσθησιν ἔχειν.*= Hoc enim praeter ceteras animantes hominis est proprium, ut solus boni

et mali, justi et injusti, et reliquorum similium sensum habet.=„Ибо по отношенію ко всѣмъ другимъ живымъ существамъ человѣку свойственно то, что онъ одинъ имѣетъ сознаніе добра и зла, справедливаго и несправедливаго“, говоритъ Аристотель (Политика, гл. 1). Это свойство каждаго человѣка. Самъ непосредственный творецъ и охранитель закона не можетъ не относиться критически, съ нравственной точки зрѣнія, къ создаваемому или охраняемому имъ дѣтищу: безъ этого у него не хватило бы ни силъ на поддержку существующаго закона, ни желанія и умѣнья создавать новый, или отмѣнять старый.

Церковь учитъ насъ воздавать кесарево кесарю, и Божіе Богови, и восхваляетъ каждодневно нарушеніе нѣкоторыхъ велѣній государственной власти*). Юриспруденція и политика возникли, какъ науки, лишь тогда, когда этика отдѣлена была въ особую науку, и сознательно и открыто заявила этимъ о самостоятельности нравственной оцѣнки явленій человѣческой жизни. „Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ“, говоритъ народная поговорка, implicite признавая, на ряду съ легальнымъ авторитетомъ, авторитетъ нравственный, сливающійся, какъ извѣстно, для не признающаго „независимой нравственности“ большинства съ авторитетомъ религіознымъ. Каждый изъ насъ носитъ имя въ честь какого-нибудь человѣка, прославленнаго и канонизованнаго церковью, но считавшагося въ свое время, римскими цезарями, достойнымъ мучительной смерти преступникомъ.

Въ виду сказаннаго, говорить о необходимости возродить нравственный судъ надъ законодательствомъ можно лишь по недоразумѣнію. Отъ пробужденія сознанія до его потери человѣкъ только и дѣлаетъ, что судитъ самого себя*), а чаще всего—другихъ и „другая“, въ томъ числѣ и законы. Не всегда, правда, мы высказываемъ свои сужденія по этому поводу; и часто хорошо дѣлаемъ, что не высказываемъ.

Судить о законахъ, дѣлать имъ нравственную оцѣнку, не только естественное стремленіе, но и нравственная обязанность человѣка. Критическому отношенію къ законамъ и ходячимъ нравственнымъ понятіямъ обязано человѣчество всѣмъ своимъ политическимъ и этическимъ прогрессомъ. „Людямъ, которые сомнѣваются въ нравственныхъ качествахъ господствующихъ обычаевъ, спрашивающимъ о раціональности ходячихъ нравственныхъ сужденій, настаивающимъ на

*) Стихъ Іоанна Дамаскина: „Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы небрегоша *„безбожнаго велѣнія“*.

*) См., напр., Канта (Tugendlehre, стр. 98) „объ обязанностяхъ человѣка относительно самого себя какъ *прирожденнаго судьи* надъ самимъ собою“. Этимъ судьею является лишь наша совѣсть.

знаніи основаній поведенія и характера, обязана раса больше всего за тѣ нравственные успѣхи, которые она уже сдѣлала. Кто не выходитъ изъ стадіи интуитивнаго чувства, или безусловнаго принятія обычныхъ сужденій, тотъ остается нравственно неразвитымъ человѣкомъ" (Ladd, Philos. of conduct., 126). То же слѣдуетъ сказать о юристѣ, не умѣющемъ подняться до нравственной оцѣнки законодательства. Безъ этого не возникли бы и не могли бы существовать юриспруденція и политика, какъ науки, или какъ наукообразныя доктрины.

Основное нравственное требованіе, предъявляемое нами къ законодательству, состоитъ въ томъ, что оно должно быть справедливымъ. Видя развитіе справедливости, ея постепенное усиленіе и господство надъ несправедливостью („неправдою"), мы чувствуемъ нравственное удовлетвореніе. Зрѣлище же торжествующей несправедливости возбуждаетъ въ насъ скорбь или негодованіе. Развитіе справедливости мы называемъ улучшеніемъ законодательства; развитіе же или господство несправедливости называется эпохою его упадка или низкаго состоянія. Эта тѣсная связь справедливости и законодательства поддерживаетъ нѣмецкую терминологію, по которой das Recht въ значеніи совокупности законовъ не различимо часто отъ das Recht въ значеніи справедливости (das Gerechte*).

Мы видѣли, однако, насколько шатко и измѣнчиво понятіе о справедливомъ. Какъ понятіе нравственное, оно раздѣляетъ весь субъективизмъ человѣческой морали: всю ея сравнительную неопредѣленность, неизвѣстность и непостоянство, въ противоположность установленному легальному критерію (Ср. H. Sidgwick, The elements of politics, 203—206). Справедливо то законодательство, которое стремится равно распредѣлять между всѣми бремя жизни, въ частности бремя государства. Справедливость означаетъ, по обычному пониманію, равенство ограниченій, или равенство свободы**). „Сущность справедливости (L. Stephen, The science of ethics, 213) заключается, по-

*) Это смѣшеніе, разумѣется, вредно для науки, требующей точности и различенія различнаго, но, съ другой стороны, нельзя отказать ему и въ хорошей сторонѣ (Ср. Bosanquet, Philosophical Theory of The State, стр. 258 in fine, 259), если бы оно не вело фатально къ путаницѣ: оно стремится постоянно къ созданію идеальнаго представленія о законодательствѣ (Ср. Pulszky, The Theory of law and civil society, стр. 342). Разумѣется, здѣсь кроется и опасность 1) потерять почву дѣйствительности подъ ногами, и 2) принизить наши нравственныя представленія до уровня фактически существующаго.

**) Вотъ почему опредѣленіе „права", въ значеніи das Gerechte, содержитъ въ окончательномъ анализѣ тѣ же элементы равенства и свободы, что и понятіе справедливости (Ср. В. Соловьевъ, Право и нравственность, стр. 12 и др.).

видимому, въ однообразномъ примѣненіи правилъ, сообразно имѣющимъ отношеніе къ дѣлу обстоятельствамъ; или иначе, это есть примѣненіе къ поведенію принципа достаточнаго основанія. Всякое различіе въ моемъ отношеніи къ другимъ должно опредѣляться какимъ-либо принципомъ, годнымъ и достаточнымъ для даннаго случая. Въ этомъ смыслѣ, поэтому, справедливость означаетъ разумность". Но, всѣмъ извѣстно, какъ колеблется у людей представленіе о разумности. Столь же измѣнчиво и понятіе о равенствѣ и о мѣрѣ свободы для каждаго времени и общества.

Несовершенство существующихъ законовъ сознается каждымъ, не исключая и самихъ творцовъ ихъ. Если бы существующее законодательство нравственно удовлетворяло людей, не было бы попытокъ построенія идеальныхъ государствъ. Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Томасъ Моръ, Гаррингтонъ, юристы „естественнаго права"..... всѣ они стремились къ созданію лучшаго законодательства и государства, Даже Гегель, видѣвшій воплощеніе идеала въ прусскомъ государствѣ считалъ нужнымъ сдѣлать кое-какія поправки въ немъ. Солонъ на вопросъ, далъ ли онъ аѳинянамъ наилучшіе законы, отвѣчалъ: „самые лучшіе, какіе только можно было дать имъ", и этимъ косвенно призналъ, что его твореніе не воплотило его идеаловъ, что нравственно онъ не вполнѣ удовлетворенъ имъ.

Законодатель долженъ давать свою санкцію многому, чему онъ не сочувствуетъ. Законодательству столь же трудно быть вѣрнымъ своему идеалу, какъ и всему другому. Мы никогда не должны забывать неизбѣжныхъ ограниченій, съ которыми осуществляются постепенно всѣ человѣческіе идеалы хорошаго и справедливаго. Какой законодатель, съ точки зрѣнія идеально справедливаго и добраго, не согласится съ приговоромъ моралиста, что многіе законы и обычаи, принятые самыми цивилизованными народами, достойны самаго большого порицанія, и даже гибельны для человѣчества. „Увы! какъ въ высшей степени справедливъ этотъ приговоръ о самыхъ передовыхъ націяхъ нашего времени" (Ladd, Phil of cond., 294).

Но, главную вину въ этомъ несутъ не законодательства, проводящія мѣры, которыя считаютъ несправедливыми или жестокими управляемые народы. Это, безъ сомнѣнія, бываетъ очень часто, и гибельно отражается на общественной нравственности и благосостояніи. Главная вина падаетъ на эти самые народы, которые не могутъ принять лучшаго законодательства. Легко написать хорошіе, гуманные и справедливые законы, и нѣтъ ни одного законодателя, который отказалъ бы въ своей готовности сдѣлать это. Но, кто осуществитъ ихъ? Какъ мало людей, жертвующихъ своими интересами ради общаго блага, законности и справедливости! Quid leges sine moribus!?

Призывать людей къ нравственному суду надъ законодательствомъ представляется мало необходимымъ: это они всегда дѣлаютъ proprio motu, безъ особаго призыва. Нужно призывать ихъ къ нравственному суду надъ самими собою.—Мало также пользы и въ призывѣ людей къ законодательнымъ реформамъ, если этотъ призывъ не будетъ сопровождаться призывомъ ихъ къ реформѣ ихъ собственной нравственной личности. Что можетъ дать самая коренная реформа законодательства, если люди останутся кореннымъ образомъ такими же себялюбцами и порочными, какъ и прежде? Тщетно работаетъ тотъ, кто строитъ прекраснѣйшій дворецъ, но.... на пескѣ. Какъ несовершенны технически многіе англійскіе законы, но какъ сильны чувство долга и законности и требовательность къ самому себѣ англичанина. Какъ хороши нѣкоторые изъ нашихъ законовъ, и какъ часто дурна наша жизнь съ ея лѣнью и некультурностью.

Имѣя несомнѣнное право нравственно судить и осуждать законодательство, мы должны помнить, что сужденіе о нравственныхъ достоинствахъ или недостаткахъ всякаго человѣка (не исключая и законодателя, такъ какъ сужденіе о законодательствѣ есть сужденіе о законодателѣ) есть само видъ поведенія, подлежащій нравственной оцѣнкѣ. Мы должны пользоваться нашими способностями сужденія нравственно достойнымъ образомъ. Производя судъ надъ законодательствомъ, мы беремъ на себя тяжкую нравственную отвѣтственность. Мы должны судить разумно и справедливо, т. е. мы должны обладать огромными знаніями, огромною прозорливостью и высокимъ безпристрастіемъ. И эта отвѣтственность тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе важную роль играютъ судимые нами законы въ общественной жизни.

Мы не должны слишкомъ много думать о своихъ знаніяхъ, когда величайшіе по уму люди говорили, что въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ лучшіе и мудрѣйшіе государственные дѣятели могутъ имѣть лишь *мнѣнія*, а не знанія *). Столь же скептически должны относиться мы и къ нашимъ нравственнымъ силамъ. Дѣйствительно ли то, къ чему мы стремимся, хорошо въ общихъ интересахъ? Не наклонили ли личныя наши желанія чашку вѣсовъ больше въ извѣстную сторону, чѣмъ этого требуетъ общее благо?—И ту долю снисхожденія, которую такъ охотно отпускаемъ мы сами себѣ въ нашей умственной и нравственной немощи, мы должны по справедливости давать и другимъ.

Не должны забывать мы и того, что, какъ ни худы законы, подъ которыми живемъ мы, все-таки такое состояніе лучше, чѣмъ

*) Не даромъ говорилъ Гераклитъ, что высокомѣріе нужно тушить скорѣе, чѣмъ тушатъ пожаръ.

отсутствіе какихъ- либо законовъ вообще. Мы должны дорожить законами, какъ стѣнами, хотя бы и плохими, но охраняющими насъ отъ враговъ—общественныхъ аномалій. А потому, мы должны быть крайне воздержны и осторожны въ своихъ сужденіяхъ о нравственныхъ недостаткахъ законовъ, чтобы, осуждая законы дурные, не набросить тѣнь и не подорвать престижа законовъ хорошихъ. Многія государства могутъ влачить свое существованіе безъ войска, или безъ денегъ, но ни одно государство не можетъ жить безъ нѣкотораго довѣрія къ наиболѣе существеннымъ изъ своихъ законовъ.

При оцѣнкѣ законодательства чаще всего упускается изъ виду самое главное: характеръ его, равно какъ и вся внутренняя государственная жизнь, въ чрезвычайно высокой мѣрѣ зависятъ отъ характера отношеній даннаго государства къ другимъ. Заботы о безопасности и сохраненіи національной свободы поглощаютъ наибольшую долю вниманія и средствъ правительствъ: другія стороны народной жизни остаются по необходимости въ сравнительномъ пренебреженіи, или страдаютъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ.

Сказанное объ оцѣнкѣ законодательства должно быть относимо и къ оцѣнкѣ обычаевъ. Тѣ изъ обычаевъ, которое получили уже санкцію государственной власти, относятся къ категоріи законовъ въ широкомъ смыслѣ и не нуждаются въ особомъ упоминаніи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть лишь о тѣхъ обычаяхъ, которые представляютъ собою соціальные факты. Критическое отношеніе къ нимъ необходимо, какъ со стороны индивида, такъ и со стороны государства или, точнѣе, государственной власти. Безъ такого критическаго отношенія невозможно ни поддержаніе хорошихъ обычаевъ, ни борьба съ дурными. Чтобы поддерживать или бороться съ ними, нужно прежде произвести имъ нравственную оцѣнку: сказать—хороши или дурны они.

На основаніи такой оцѣнки англійское правительство запретило, напр., въ Индіи одобрявшіеся общественнымъ мнѣніемъ индусовъ обычаи убійства дѣтей и сожженія вдовъ, и допустило вторичный выходъ замужъ вдовъ, не одобрявшійся мѣстнымъ обычаемъ, а также поддерживаетъ права на наслѣдство принявшихъ христіанство лицъ, которыя лишались его по обычаю, какъ отступники отъ вѣры отцовъ (ср. Sidgwick, The elements of politics, 207).

Столь же неизбѣжнымъ является и судъ индивида надъ обычаями. Судить обычаи значитъ судить образъ дѣйствія другихъ. А это—самое главное занятіе человѣка. Только ведется оно не всегда разумнымъ и нравственно достойнымъ образомъ. Я исключилъ тѣ обычаи, которые получили уже легальную санкцію. Остаются тѣ, которые носятъ соціальный характеръ. Это очень широкая область. Языкъ, религіозныя вѣрованія и вообще нравы могутъ быть подведены подъ

понятіе обычая. Обычай устанавливаетъ и поддерживаетъ извѣстный способъ выраженія нашихъ мыслей, т. е. опредѣляетъ характеръ языка и правила его грамматики и словоупотребленія. Обычай поддерживаетъ извѣстную систему вѣрованій, чаяній и взглядовъ на настоящую жизнь. Обычай опредѣляетъ и поддерживаетъ извѣстный кодексъ общественной морали, законы приличія, чести, нашъ костюмъ, наше домашнее устройство, времяпрепровожденіе, направленіе нашей интеллектуальной дѣятельности, и множество другихъ вещей, изъ которыхъ слагаются жизнь и культура. Своеобразность Китая или Индіи зависитъ въ большей мѣрѣ отъ обычая, чѣмъ отъ законовъ. Мы одѣваемся и ѣдимъ не по-китайски не столько на основаніи закона, сколько на основаніи обычая. Разумѣется, въ силу тѣсной связи политической жизни съ религіозными вѣрованіями, нравами и тѣмъ или инымъ національнымъ языкомъ, законодательство не можетъ безразлично относиться къ этимъ сторонамъ жизни. То или иное отношеніе къ нимъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, отражается на нашемъ отношеніи къ законодательству.

Критическое отношеніе къ обычаю предписывается намъ разумомъ, нравственнымъ чувствомъ и религіей. Слова апостола: испытуйте все и лучшаго держитесь, означаютъ необходимость разборчиваго отношенія къ окружающей жизни. Есть хорошее и дурное въ средѣ, въ которой живемъ мы. Наша нравственная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы оказывать поддержку хорошему и бороться съ дурнымъ. А это требуетъ нравственной оцѣнки явленій среды.— Въ силу своей нравственной природы и разумности *каждый* человѣкъ относится критически къ окружающей жизни, какъ тотъ, кто слѣдуетъ ей, такъ и тотъ, кто противодѣйствуетъ. Но, въ силу неодинаковой разумности и неодинаковой нравственной силы, *не всѣ* люди одинаково опредѣляютъ цѣнность окружающихъ ихъ фактовъ. Разумное и хорошее для мудреца является глупымъ, а иногда и дурнымъ, съ точки зрѣнія толпы; разумное для толпы—неразумнымъ для мудреца.

Намъ нуженъ, поэтому, не призывъ къ суду надъ обычаями и законами, а призывъ къ разумному и нравственно достойному суду. Такой судъ обращается въ судъ надъ нашими собственными познаніями и нравственными силами. Необходимость реформы обычаевъ и законовъ обращается въ необходимость реформы нашей внутренней жизни, въ необходимость начать новую, лучшую жизнь. Нужно будить болѣе сознательное отношеніе людей къ самимъ себѣ и память о нравственныхъ обязанностяхъ къ другимъ. Нравственная оцѣнка обычаевъ обращается въ нравственную оцѣнку нашего собственнаго поведенія.

Посмотрите, какъ ведетъ и вела себя въ прошломъ толпа, неученая и ученая. Только немногіе отдаютъ себѣ отчетъ въ своемъ поведеніи: сознательно относятся къ нему. Большинство дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ также критически, но критика его крайне не глубока: оно дѣйствуетъ и судитъ опредѣленно потому, что такъ дѣйствуютъ другіе. Дѣйствовать и судить правильно значитъ для нихъ дѣйствовать и судить по обычаю: такъ, какъ дѣйствовали и судили предки, и какъ вообще поступаетъ теперь народъ или извѣстный классъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *иногда* такой образъ дѣйствій является самымъ разумнымъ и нравственно достойнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такая стадность нужна въ извѣстной мѣрѣ и полезна, какъ въ нравственномъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніи. Она создаетъ нѣкоторый порядокъ, нужный какъ для нравственной, такъ и для интеллектуальной жизни.—Но, въ этой стадности кроются и большія опасности для человѣчества.

„Въ нашей природѣ (Fowler, Logic, II, 295, 296) лежитъ инстинктъ слѣдовать разъ указанной немногими передовыми людьми дорогѣ. Мы—существа стадныя, въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ смыслѣ, и мы привязаны къ рутинѣ, потому что всегда легче слѣдовать мнѣніямъ другихъ, чѣмъ мыслить и составлять сужденія самимъ. Такъ половина міра живетъ, какъ нищіе, мнѣніями другихъ. Чѣмъ, какъ не этимъ, объяснить то, что нелѣпая система Галена прожила болѣе 13 столѣтій и дала универсальные законы медицины для Европы, Африки и части Азіи? Что, какъ не власть авторитета, могло внушить общую вѣру въ нѣкоторыя средства (the sooty washings of resin), какъ въ универсальное лекарство? Что, какъ не слѣпая привязанность къ авторитету, или непреодолимая преданность установленному обычаю и рутинѣ, могло такъ долго сохранить отъ забвенія нелѣпыя лекарства, изобиловавшія въ нашихъ старыхъ фармакопеяхъ?... Та же самая преданность авторитету, которая побуждаетъ насъ упорно удерживать привычное средство, часто противится съ жестокостью введенію новой практики, если ее не поддерживаетъ авторитетъ еще большаго вѣса и значенія“...

Вездѣ и во всемъ мы должны дѣйствовать, какъ разумныя существа. Даже религія, въ дѣлахъ вѣры, предписываетъ пользованіе разумомъ. Не только среди безграмотной толпы, но и среди ученыхъ возникаютъ иногда обычаи, ничего общаго съ разумомъ не имѣющіе. Долго держалось, напр., по обычаю мнѣніе, будто съ пользою можно изучать только индо-европейскіе языки. Русская грамматика списывалась съ латинской. Научная терминологія образовывалась путемъ нелѣпыхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ,—очень часто нѣмецкаго. Въ юриспруденціи возникали теченія, загромождавшія умъ без-

плодными упражненіями въ формально-логическихъ тонкостяхъ и уничтожавшія возможность живого, свободнаго и полезнаго изслѣдованія*). Возникаютъ привычки искать мудрости только въ опредѣленномъ колодцѣ, напр., у нѣмцевъ, съ пренебреженіемъ ко всѣмъ и всему другому. Возникаетъ привязанность къ нѣсколькимъ авторитетамъ второй руки, съ пренебреженіемъ авторитетовъ болѣе вѣскихъ. Некритическое отношеніе къ этимъ авторитетамъ поддерживается своего рода „tabu". Обычныя нарушенія родного языка возводятся на степень закона этого языка и научной терминологіи. Цѣнность литературы обсуждается не по ея содержанію и значенію выраженныхъ въ ней мыслей, а лишь по соотвѣтствію ея извѣстной внѣшней формѣ. Теряется способность опредѣлить относительное значеніе различныхъ идей. Узкая и ограниченная подготовка считается условіемъ глубины мысли, вопреки свидѣтельству опыта, всегда показывавшему, что самыя глубокія и прочныя идеи высказывались самыми широкими умами. Возникаетъ и поддерживается обычаемъ полное непониманіе жизни и мышленія родного народа, и полное невѣжество по отношенію къ твореніямъ величайшихъ мыслителей. Общее измельчаніе создаетъ почву для нелѣпѣйшихъ ученій, быстро овладѣвающихъ мышленіемъ толпы, горящихъ подобно соломенному огню, и потомъ гаснущихъ, оставляя послѣдствія опьяненія.

Такимъ образомъ, въ образованномъ, какъ и въ необразованномъ, обществѣ могутъ развиться обычаи, которые требуютъ борьбы съ ними, а, слѣдовательно, и предварительной нравственной оцѣнки. Но, оцѣнка эта должна быть разумною, т. е. требовать отъ насъ обширныхъ знаній: одной спеціализаціи для этого мало. Во-вторыхъ, эта оцѣнка требуетъ отъ насъ иногда самопожертвованія: нужно взять на себя odium той толпы, которая держится своей „бумажной системы" и очень склонна принимать поправки насмѣшками или колкостями (ср. Kant, Met. der Sitt., стр. X).

Одной врожденной человѣку склонности судить другихъ недостаточно. Чтобы произнести правильный приговоръ, отрицательный или положительный, нужны знанія. Схоластикъ, считавшій, что простой подсчетъ чужихъ мнѣній, безусловное поклоненіе нѣкоторымъ маленькимъ (а въ его глазахъ—безусловнымъ) авторитетамъ, исключеніе всякой оригинальности въ мышленіи, бездушіе, безвкусіе и пу-

*) Такова была схоластика (ср. Залѣскій. Ист. фил. пр., 138, 162), пережившая свое время и сохранившаяся въ твореніяхъ нѣмецкой юриспруденціи (ср. Ihering, Scherz und Ernst in der Jurisprudenz). Здѣсь вы находите тѣ же divisiones и subdivisiones, то же упражненіе въ никому не нужныхъ построеніяхъ, то же господство апріорно-формальнаго надъ существомъ дѣла. Если свести ихъ „языкъ боговъ" къ простому языку смертныхъ, вы увидите лишь страшное пустословіе.

стой формализмъ,—составляютъ полезное и разумное дѣло, дѣлалъ положительную, одобрительную оцѣнку своей и своихъ единомышленниковъ дѣятельности,—какъ и тѣ современные нѣмецкіе юристы, которые, по словамъ Іеринга (Scherz und Ernst...), занимаются постройкой плуга, которымъ нельзя пахать, и часовъ, которые не могутъ идти. Такая оцѣнка не имѣла бы возможности возникнуть, если бы она не находила себѣ благопріятной почвы въ поразительной скудости знаній. *Исправленіе заблужденій требуетъ не только* расширенія и углубленія нашихъ знаній, но и большой нравственной силы. Люди иногда изъ одного самолюбія держатся крѣпко разъ принятыхъ мнѣній и не покидаютъ ихъ, не смотря на очевидную нелѣпость (Fowler, Logic, II, 285). Вотъ почему и Іерингъ, указывая на пустоту работъ многихъ своихъ современниковъ и на живучесть схоластики въ нихъ*), ждалъ себѣ „больше крапивы, чѣмъ лавровыхъ вѣнковъ". „Гдѣ много мудрости, говорится еще у Соломона (der Prediger Salomo, гл. 1, ст. 18), тамъ много печалей; и кто много долженъ учиться, тотъ долженъ много страдать".

Не всѣ, конечно, обычаи, какъ и не всѣ законы, имѣютъ одинаковое значеніе въ жизни. Не всегда, поэтому, нравственная отвѣтственность, принимаемая нами въ роли судей, одинакова. Сказать, что новый модный сапогъ неудобенъ или неизященъ, или что законъ сдѣлалъ существенныя ошибки при регулированіи договора подряда, значитъ сказать нѣчто такое, отъ чего не можетъ произойти какихъ-либо серьёзныхъ послѣдствій. Но, отвѣтственность наша возрастаетъ до высшей степени, когда затрагиваются, напр., вѣрованія, примиряющія съ тяжелою жизнью однихъ, или сдерживающія нравственную распущенность другихъ; или—когда нашими сужденіями подрываются привычки, на сохраненіи которыхъ покоится цѣлость и крѣпость государства. Однихъ толкаетъ на сохраненіе извѣстнаго обычнаго образа дѣйствій слѣпое чувство, другихъ—слѣпое же подчиненіе авторитету, третьихъ—разсудокъ (ср. Ladd, Philos. of cond., 130—132). Разъ у насъ проснулось критическое отношеніе къ подобнымъ обычаямъ, мы должны помнить всю тяжесть нравственной отвѣтственности, которую принимаемъ мы на себя въ роли ихъ судей, за послѣдствія нашихъ сужденій. Въ подобныхъ случаяхъ нужно всегда имѣть въ виду древнее, столь парадоксально звучащее, но полное глубочайшаго смысла, выраженіе: „не судите, да не судимы будете". Въ силу

*) Читая „Похвалу Глупости" Эразма Роттердамскаго" (см.. напр., стр. 96, 100, 130) и Scherz und Ernst Іеринга, вы видите, какъ мало мѣняется міръ, какъ все остается по прежнему, мѣняя лишь немного свою форму. Къ сожалѣнію, эту послѣднюю работу Іеринга мало, повидимому, читаютъ и еще меньше понимаютъ.

своей нравственной природы мы, конечно, не можемъ воздержаться отъ суда. Но, каждый изъ насъ, какъ разумное существо, долженъ сознавать всю трудность сужденія безъ достаточныхъ знаній того, что подлежитъ нашему сужденію, а потому поступитъ мудро и нравственно достойнымъ образомъ, если *отложитъ* свое сужденіе до того времени, когда у него больше будетъ знаній. Вотъ почему такъ осторожно слѣдуетъ относиться къ призывамъ произвести нравственный судъ надъ законодательствомъ подъ формою „возрожденія“ нѣкоторыхъ доктринъ. Есть вещи въ обычаяхъ и законодательствѣ, которыя должны быть святынею для насъ, какъ гражданъ,—вещи, нравственный судъ надъ которыми не подъ силу каждому. Есть интересы столь высокой практической важности, что даже такой теоретикъ, какъ Кантъ, признавалъ ихъ первенство надъ наукой *).

„Судить?!“..... но, „судьи кто?“.—Къ сожалѣнію, мы всегда судимъ и судили о вещахъ, которыхъ мы не понимаемъ.—Обязанные судить, мы всегда должны бояться брать на себя роль той толпы, которая осудила Сократа на смерть, чтобы раскаяться завтра, воздвигнуть ему бронзовую статую и посвятить его памяти храмъ **).

---

*) Кантъ (die Tugendlehre): „Протагоръ изъ Абдеры начиналъ свою книгу словами: существуютъ боги или нѣтъ, объ этомъ я ничего не могу сказать. Онъ былъ за это изгнанъ аѳинянами изъ города и его помѣстья, а его книги сожжены передъ общественнымъ собраніемъ (Quintiliani Inst. Orat. lib. 3. cap. 1) — Хотя аѳинскіе судьи поступили въ этомъ случаѣ съ нимъ очень нехорошо, какъ люди; но, какъ государственные чиновники и судьи, они дѣйствовали совершенно законно и послѣдовательно, ибо какъ можно было бы приносить присягу, если бы публично и законно, ради высшихъ интересовъ управленія, не признавалось, что существуютъ боги“.....—Чиновникъ присягаетъ, что онъ хорошо будетъ вести общія дѣла; солдатъ,—что онъ положитъ свою жизнь за отечество; свидѣтель,—что онъ не оговоритъ на судѣ своего ближняго.—Кромѣ того, Кантъ общимъ образомъ признавалъ, какъ извѣстно, „приматъ“ практическаго разума, требовавшаго безсмертія души и существованія Бога, надъ разумомъ спекулятивнымъ.—Въ Россіи, народъ которой „теократиченъ по призванію и по обязанности“, какъ говоритъ Вл. Соловьевъ, мы не должны забывать этого.

**) „Не злословьте другъ на друга, братія; кто злословитъ брата или судитъ брата своего, тотъ злословитъ законъ и судитъ законъ: а если ты судишь законъ, то ты не исполнитель закона, но судья.—Единъ Законодатель и Судія, могущій спасти и погубить: *а ты кто, который судишь другаго*“. (Посланіе Іакова, IV, 11, 12).

Глава XXVI.

„Право“ или совсѣмъ не есть „явленіе“, или не есть явленіе *основное**).

„The right is not a—any thing“. Bentham, Pr. of Mor. and Leg., стр. 225).

„We do not habitually weigh either our own assertions or those of other people“ (Sidgwick, Fallacies, 186).

Многое въ нашей рѣчи, какъ указывалось уже раньше, зависитъ отъ смысла, который связываемъ мы съ нашими словами.

Кантъ, придававшій въ этикѣ не меньшее значеніе понятію „обязанности“, чѣмъ континентальные юристы понятію „права“ въ юриспруденціи, говоритъ въ одномъ мѣстѣ „Критики Практическаго Разума“, что „обязанность“ есть фактъ, но не есть явленіе (Ср. Boirac, L'idée du phénomèn, 28, 29), и что знаніе ея получается нами не изъ опыта **).

Эта идея въ высшей степени характерна: она подтверждаетъ развиваемыя въ этой работѣ утвержденія. Сказанное Кантомъ о нравственной обязанности въ силу логической необходимости должно быть повторено относительно легальной обязанности; а что вѣрно относительно обязанности. вѣрно и для коррелятивнаго понятія „права“. „Право“, именно, не есть „явленіе“, или, при извѣстномъ смыслѣ слова, есть „явленіе“, но производное, а не основное, а потому не можетъ быть отправнымъ пунктомъ юриспруденціи.—Мы должны объяснить это положеніе.

---

*) Крайне важно показать людямъ недѣйствительность и безполезность „Права“, какъ особаго божества или, что выходитъ на то же, Особаго Великаго Культурнаго Явленія,—важно потому что служеніе недѣиствительнымъ богамъ всегда требуетъ жертвъ, а потому и вредно всегда. Жертвы эти, помимо другихъ, —трата силъ и времени безъ всякой пользы на разрѣшеніе вопросовъ, созданныхъ миѳологическими потребностями. Освободить мышленіе отъ господства призраковъ есть первый шагъ къ тому, чтобы направить работу по научному пути. Кто хочетъ сдѣлать самый крошечный шагъ здѣсь, тотъ долженъ освободить себя отъ власти слова „Право“ и отъ связанныхъ съ нимъ суевѣрій, тотъ долженъ постараться искупить свой міръ отъ тиранніи языка.

**) „Dans la *Critique de la Raison pratique* Kant parle du *fait* de l'obligation morale; il ne veut pas cependant que ce soit un phenomen ni que nous le connaissions par experience“ (Boirac, l. c.)

Фразы въ родѣ „право есть великое общественное явленіе“, или „право есть великое культурное явленіе“, пріобрѣли въ послѣднее время характеръ ходячей монеты. На ряду съ ними повторяются фразы „государство есть великое явленіе“, „законодательство есть великое явленіе“, языкъ, нравы, религія представляютъ каждое въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, „великое общественное явленіе“. При этомъ никто не даетъ себѣ труда разобрать, что значитъ собственно „явленіе“; въ какомъ смыслѣ „право“ можетъ быть явленіемъ, и въ какомъ не можетъ; если оно есть явленіе въ извѣстномъ смыслѣ, то можно ли сдѣлать изъ него основу для построенія зданія юриспруденціи.

Мы уже указывали на необходимость подчиняться законамъ языка страны. „Въ технической терминологіи уклоненія отъ обычнаго значенія словъ тѣмъ болѣе дурны, чѣмъ болѣе знакомы (familiar) намъ эти слова въ нашемъ повседневномъ языкѣ“ (Whewell, N. Or. R., 303). Слово же „право“—самая заурядная составная часть общаго языка народа. „Слова, взятыя изъ общаго языка, если они употребляются въ качествѣ научныхъ терминовъ, должны удерживать свое общее значеніе и отношенія въ общемъ употребленіи до возможно большой степени“ (as far as can conveniently be done, as far as possible; Whewell, N. Or. R., 279, 303). „Новые термины и измѣненія терминовъ, не неободимыя для выраженія истины, должны быть избѣгаемы“ (ibid., 290). Было уже указано, что новость заключается не только въ созданіи совершенно новыхъ словъ, но и въ измѣненіи ихъ обычнаго значенія („неологизмы значеній“ или „неологизмы смысла“). Измѣненія въ языкѣ могутъ и должны быть производимы тогда, когда они помогаютъ выраженію истины, и не должны быть терпимы во всякомъ иномъ случаѣ. Легкія аномаліи въ существующемъ языкѣ науки (термины „юриспруденція“, „юридическій“, „цивилистика“.....) не даютъ еще основанія для перемѣнъ, если онѣ не мѣшаютъ серьёзно выраженію нашихъ знаній*). Ненужное изобрѣтеніе новыхъ словъ столь же должно быть избѣгаемо, какъ и возстановленіе старыхъ, вышедшихъ давно или выходящихъ изъ употребленія терминовъ („семейственный“, „вотчиный“...). Термины, хотя бы и давно предложенные, но польза которыхъ для выраженія истинъ науки сомнительна, должны быть избѣгаемы. Если есть возможность выразить извѣстныя истины, хотя бы и вновь открытыя, при помощи болѣе простого аппарата выраженій, мы должны отда-

*) Въ 1628 г. John Bayer и Julius Schiller придумали *Coelum Christianum*, въ которомъ общія (языческія) названія планетъ и пр. были замѣнены именами Адама, Моисея и патріарховъ.—Измѣненіе не необходимое; оно не привилось (ibid.).

вать предпочтеніе простому передъ искусственнымъ или вычурнымъ. Еще болѣе энергично должно противостоять такимъ измѣненіямъ въ принятыхъ въ общемъ языкѣ способахъ выраженія, которыя прямо вызываютъ путаницу въ мышленіи.

Необходимыя и полезныя измѣненія въ общемъ языкѣ народа дѣлаютъ лишь тѣ люди, которые имѣютъ сообщить ему много новаго знанія. Такія измѣненія оправдываются цѣнностью содержимаго въ нихъ новаго знанія. Только великимъ двигателямъ науки можетъ принадлежать власть вводить новую систему терминовъ, все равно какъ лишь высшей власти въ государствѣ можетъ быть дозволено перечеканивать обращающуюся монету. Тамъ, гдѣ элементы нашего знанія не могутъ подвергаться измѣненію, какъ въ области основныхъ понятій юриспруденціи, тамъ не можетъ быть мѣста и какому-либо измѣненію въ языкѣ. Измѣненія произвольныя, или измѣненія, вызванныя желаніемъ показать свое остроуміе, „оригинальность“, или обособиться отъ народной массы, если не знаніемъ, то мудренымъ языкомъ,—суть измѣненія дѣтскія, какъ на это указывалъ еще Кантъ. Они болѣе способны сбивать другихъ на ложную дорогу, чѣмъ содѣйствовать прогрессу ихъ знаній. Искусственная терминологія такъ же лишена смысла, очевиднаго для русскаго читателя, какъ и иностранная терминологія. „Полицейское“ и „философское“ „право“ всегда будетъ загадкою для него. Такая терминологія не только лишаетъ возможности болѣе просвѣщенную часть общества, взявшую на себя накопленіе знаній и руководство большой публикой, передавать этой публикѣ свои знанія*), но мѣшаетъ и взаимопониманію ученыхъ, такъ какъ всякій изъ нихъ по своему понимаетъ „право“ въ подобнаго рода искусственныхъ словосочетаніяхъ. Чтобы сообщить самую элементарную мысль непосвященному, русскому ученому нужно прибѣгать къ переводу своей „русской“ терминологіи на русскій языкъ. И сами юристы не могутъ при такомъ положеніи дѣла додуматься до чего-либо глубокаго и полезнаго, и широкое общество остается въ дѣйствительности безъ руководства, и живетъ иногда такими странными идеями, что стыдно становится, когда нѣкоторые изъ него называютъ себя „интеллигенціей“ **)

Языкъ есть оружіе обоюдоострое. Люди пользуются иногда терминологіей, скрыто признающей теорію, не согласную съ фактами. Это дѣлается по большей части потому, что такая скрытая связь терминологіи съ извѣстными теоретическими взглядами, не замѣчается. „Термины, скрыто связанные (which imply) съ теоретическими взгля-

*) Не для того работаютъ ученые, чтобы ихъ не понимали другіе. Чѣмъ доступнѣе результаты ихъ изслѣдованій другимъ, тѣмъ лучше для общества.

**) Ср. Whewell, N. Or. R., 290, 291, 292, 293, 294.

дами, допустимы постольку, поскольку эта подразумѣваемая теорія доказана". (Whewell, N. Or. R., 294, афоризмъ XI). Обратно: мы должны отвергать терминологію, заключающую въ себѣ теоретическіе взгляды, не отвѣчающіе дѣйствительности (ibid., 295).

Наши идеи получаютъ различное значеніе въ зависимости отъ того, какую изъ нихъ мы поставимъ въ центрѣ. Если мы перенесемъ важность, принадлежащую центральной мысли, на какую-либо второстепенную мысль, мы сдѣлаемъ ошибку.

Континентальная терминологія („право положительное", „право естественное", „*философское*", „*уголовное*", и т. д.) построена на взглядѣ, что въ мірѣ существуетъ „нѣчто", нѣкоторый фактъ или явленіе, „объективное" для нашего сознанія („объективное право"), которому соотвѣтствуетъ слово-понятіе „право". Этотъ взглядъ находитъ себѣ открытое признаніе въ формулахъ: „право есть общественное явленіе", „право есть культурное явленіе", „великое явленіе".... И какъ ни ошибочна бываетъ склонность людей олицетворять отдѣльныя слова *), воображеніе создало тѣмъ не менѣе изъ „права" „*особое* великое явленіе", сохраняющее свою индивидуальность на ряду съ понятіями „государства", „законодательства", „справедливости" и другихъ.

Слова, принадлежащія къ системѣ того или иного языка, опредѣляются не столько значеніемъ ихъ корней **), сколько мѣстомъ, занимаемымъ ими въ этой системѣ, ихъ ролью. Слово „право" играетъ въ нашемъ языкѣ свою опредѣленную роль, отличную отъ роли, которую играетъ слово „справедливость". Измѣнять этой роли мы не имѣемъ нужды и не должны: нужно подчиняться языку, пока онъ не сбиваетъ насъ на ложную дорогу. Если бы „право" можно было дѣйствительно употреблять въ качествѣ синонима „справедливости",

*) To postulate the separate reality of as many entities as language has common names is rightly considered a grotesque and impossible theory". Benn (The philosophy of Greece, 199). Тѣмъ не менѣе люди постоянно грѣшатъ здѣсь.

**) Слово „право" имѣетъ общій корень съ прав-ый, с-прав-едливость, прав-да, прав-ильный, и другими. Это, однако, не даетъ намъ права отождествлять „право" и „справедливость", разъ этого не дѣлаетъ общій языкъ. Не одно и то же говорить о правѣ какого-нибудь лица, или о справедливости этого лица; можно пользоваться какимъ-либо безспорнымъ правомъ и быть несправедливымъ. Законъ, напр., не можетъ запретить тратить всѣ свои деньги на удовольствія. Каждый имѣетъ право пользоваться своими доходами, какъ ему угодно, при условіи, разумѣется, выполненія возложенныхъ на него закономъ обязанностей по содержанію семьи, государства и пр. Однако, мы будемъ поступать несправедливо, если будемъ забывать при этомъ облегчать участь тѣхъ, которые поставлены въ худшее, чѣмъ мы, положеніе общественною несправедливостью или природой (бѣдныхъ, больныхъ, потерпѣвшихъ вслѣдствіе смерти „кормильца" на войнѣ и т. п.).

какъ это часто дѣлаютъ нѣмцы, французы, итальянцы и др., а иногда и англичане *), то, конечно, можно было бы говорить о *такомъ* „правѣ", какъ о явленіи: въ извѣстномъ смыслѣ можно говорить о справедливости, какъ о явленіи, равно какъ и объ истинѣ, красотѣ, добрѣ и другихъ абстракціяхъ.—Не смотря на иноземное вліяніе и на ученую формацію, отрывающуюся отъ родной почвы и слѣпо подражающую чужимъ образцамъ, нашъ народный языкъ сохранилъ за словомъ „право" его простую и точную роль коррелята обязанности. Мы должны дорожить этимъ и не мѣнять своего хорошаго на чужое худшее. Кто хочетъ точности въ мышленіи, тотъ долженъ различать понятія, а не путать ихъ.

Въ словѣ „справедливость" мы имѣемъ въ нашемъ языкѣ прекрасный терминъ, ясно и точно означающій то, что на иностранныхъ языкахъ часто стараются выразить словами Recht, droit, diritto.... Мы должны сберегать результаты анализа, произведеннаго языкомъ

Равнымъ образомъ чуждо нашему общему языку и употребленіе слово „право" въ значеніи совокупности законовъ, въ узкомъ и широкомъ смыслѣ слова „законъ". „Полицейское право" звучитъ для общаго языка столь же чуждо, какъ и какой-нибудь иностранный терминъ. Послѣдовательно проведенное, такое словоупотребленіе сводится къ абсурду: совокупность законовъ и судебныхъ рѣшеній, относящихся къ мошенничеству, должна была бы называться „мошенническимъ правомъ" или „правомъ мошенничества"; законы о воровствѣ—„воровскимъ правомъ" или „правомъ воровства", и т. д..... При помощи слова „законъ" въ узкомъ и широкомъ смыслѣ, а также словъ „обычаи", „судебныя рѣшенія", „правительственныя распоряженія" или „постановленія" и нѣкоторыхъ другихъ, общій языкъ прекрасно выражаетъ всѣ тѣ идеи, которыя нужны юриспруденціи. Это мы видимъ не только на нашемъ общемъ языкѣ, но и на терминологіи англійскихъ юристовъ.

---

*) Въ сочиненіи Seth'a (A study of ethical principles, 14, 16 и нѣк. друг.) встрѣчается употребленіе слова „the right" въ значеніи „должное",—то, чего требуетъ долгъ, или „справедливое". То это—почти синонимъ the duty, то—почти синонимъ the justice. „Do the right, though the heavens fall"=дѣлай должное, хотя бы небо упало. Такое словоупотребленіе будетъ намъ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что высшею категоріей является the law, нравственный законъ („категорическій императивъ": what is man's duty; what is the supreme law of his life?). То, что требуется закономъ, есть долгъ, должное. Поступать согласно требованіямъ закона значитъ поступать какъ *должно*, справедливо, правильно, do the right. Дѣлать должное или справедливое (the right) является здѣсь выраженіемъ одной и той же идеи. Аналогично употребленіе слова „the right" у Ladd'a (Philosophy of conduct).

Никто не можетъ отрицать, что юристы знаютъ больше, чѣмъ большая публика, въ своей спеціальности. Никто не отрицаетъ и необходимости создавать на почвѣ родного языка, или путемъ позаимствованій изъ иностранныхъ (особенно греческаго и латинскаго), такихъ терминовъ, которые не входятъ въ сокровищницу общаго языка. Но, все это хорошо тогда, когда *нужно*. Безъ нужды же мы не должны искусственно создавать между собою и народомъ стѣну, мѣшающую взаимному пониманію. Какого бы высокаго мнѣнія мы ни были о собственныхъ познаніяхъ и какъ бы презрительно ни относились къ невѣжеству большой публики, мы не можемъ отрицать того, что и эта публика состоитъ изъ разумныхъ, нравственныхъ и государственныхъ существъ, которымъ не можетъ быть чуждо человѣческое, т е. элементарныя этическія и юридическія понятія. И они обладаютъ языкомъ (очень сомнительно, существовалъ ли когда homo alalus, и былъ ли это „homo"), а потому и способностью выражать эти элементарныя понятія. Въ предѣлахъ возможности, допускаемыхъ строеніемъ языка, мы должны „call things by the same names as other people" (Sidgwick, Fallacies, 109)—называть вещи такъ, какъ и другіе. Единство языка, сохраненіе его въ чистомъ видѣ,—такое его качество, которое одно и придаетъ ему цѣну. Только благодаря одинаковости языка въ извѣстной человѣческой группѣ онъ понятенъ всѣмъ и полезенъ. Лишите его этого качества, и онъ потеряетъ свой raison d'être.

Могутъ возразить, что, напр., выраженіе „вексельное право" лучше выраженій „вексельные законы", „вексельное законодательство", „вексельный уставъ" и пр., на томъ основаніи, что при условномъ значеніи слова „право" оно даетъ намъ возможность указать, что мы разумѣемъ не одни лишь законы въ строгомъ смыслѣ, но и судебныя рѣшенія, обычаи и пр. На это слѣдуетъ возразить, что слово „законъ", подобно всѣмъ другимъ, способно принимать, не нарушая законовъ или духа языка, много значеній; что оно можетъ означать и означаетъ дѣйствительно, смотря по обстоятельствамъ, какъ законъ sensu stricto, такъ и законъ sensu lato. А самое важное: смыслъ словъ опредѣляется не только ими самими, но *контекстомъ* и *обстоятельствами внѣ контекста*. Изъ обстоятельствъ употребленія выраженія „вексельное законодательство" должно явствовать, какое значеніе придается ему: широкое или узкое. Это не особенность слова законъ, а общее правило употребленія словъ. Изъ контекста и обстоятельствъ употребленія англійскій юристъ видитъ, какой смыслъ въ данномъ случаѣ имѣетъ слово „law". При существованіи оффиціальной терминологіи „исторія законодательства" всѣ прекрасно понимали, что подъ словомъ „законодательство" разумѣлось въ извѣстныхъ

обстоятельствахъ нѣчто большее, чѣмъ законы въ строгомъ смыслѣ слова. И никто не въ состояніи прочесть курса „законовѣдѣнія“ въ средней школѣ, не ознакомивъ слушателей съ одной стороны съ нѣкоторыми этическими („справедливость“) и соціологическими („обычаи“) понятіями, а съ другой стороны—съ дѣятельностью судовъ и администраціи и орудіемъ ея: судебными рѣшеніями и правительственными или административными распоряженіями. На зависимость словъ-понятій отъ фразы и обстоятельствъ внѣ фразы было уже указано въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Разумѣется, что, если бы языкъ создалъ слово „право“ для того, чтобы оно означало совокупность государственно-принудительныхъ нормъ, оно было бы „явленіемъ“, великимъ и культурнымъ; все равно какъ, если бы „олово“ означало то же, что и aurum, Gold,l'or, оно было бы драгоцѣннымъ металломъ; и если бы всякій, имѣющій рубль въ карманѣ, былъ капиталистомъ, было бы у насъ въ Россіи много капиталистовъ; а еслибы грамотность означала образованіе, было бы много образованныхъ. При такой вольности по отношенію къ языку можно зайти очень далеко. Мѣнять значеніе словъ мы не имѣемъ права. Если мы дадимъ право одному мѣнять „полицейское законодательство“ *) на „полицейское право“, потому что это звучитъ для него болѣе возвышенно, или льститъ его самолюбію, будто онъ знаетъ нѣчто такое, что недоступно пониманію обыкновеннаго смертнаго, то мы не вправѣ будемъ отказывать другому измѣнить это выраженіе еще какъ-нибудь, такъ какъ его представленія о возвышенномъ, изящномъ или цѣлесообразномъ иныя. Всякому вкусу не угодишь. Языкъ долженъ держаться той простоты и точности, которыми надѣлилъ его народъ. У каждаго свои вкусы, и если бы каждый былъ воленъ измѣнять языкъ сообразно этимъ вкусамъ, не было бы постоянства въ языкѣ, онъ всегда страдалъ бы путаницей и неизвѣстностью.—Вѣдь, что такое „право“, на ихъ произвольномъ діалектѣ, юристы до сихъ поръ не знаютъ. *)

*) Вмѣстѣ со многими другими я, конечно, считаю и такую номенклатуру неясной и неудачной. Самая интересная, обширная и, быть можетъ, самая важная отрасль юриспруденціи окрещена такимъ неподходящимъ названіемъ. Почему бы не послѣдовать въ данномъ случаѣ хорошему примѣру нѣмцевъ и не назвать ее „ученіемъ объ управленіи“ (Verwaltungslehre)?

*) „Сфинксъ существа права остался и по сей день сфинксомъ“ (Вѣстникъ Права, 1899, январь, стр. 7). „Всѣ извѣстныя до нынѣ попытки опредѣлить существо права, въ его полнотѣ и законченности, были безуспѣшны“ (Ренненкампфъ, „Очерки юрид. энциклопед.“). Многіе упрекаютъ другихъ въ обходѣ этой проблемы и отсутствіи всякаго опредѣленія „права“, но и сами поступаютъ такъ же, или даютъ такія „опредѣленія“, негодность которыхъ очевидна всѣмъ, кромѣ нихъ.

Мы будемъ путаться до тѣхъ поръ, пока не усвоимъ себѣ простой истины, извѣстной всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кто искалъ „особаго великаго явленія“ по примѣру премудрыхъ нѣмецкихъ ученыхъ,—простой истины, что никакого такого „особаго великаго явленія“ нѣтъ, какъ не было тѣхъ исполиновъ, волшебниковъ и несравненной прелести Дульциней, съ которыми сражался, или ради которыхъ претерпѣвалъ разныя невзгоды знаменитый инспанскій гидальго, ingenioso и famoso hidalgo, какъ значился его титулъ,—тотъ самый, который, по увѣренію историковъ литературы, никогда не жилъ, но „всегда будетъ жить“. „Будетъ всегда жить“ не только въ томъ видѣ, какъ его создалъ великій Сервантесъ, оцѣненный только послѣ смерти, но и въ тѣхъ многообразныхъ формахъ, въ которыхъ создаетъ этотъ типъ жизнь, какъ на ученомъ, такъ и на практическомъ поприщѣ,—создаетъ при посредствѣ *языка*.—Потому-то такъ и важно изученіе языка: только съ его помощью познаемъ мы объективную реальность; только благодаря ему познаемъ мы самихъ себя. А въ этомъ, вѣдь, и лежитъ начало мудрости по Сократу и Конфуцію.

Если мы имѣемъ на что-нибудь безспорное право **), такъ это на употребленіе слова „право“ въ смыслѣ коррелята обязанности. Законность такого словоупотребленія безспорна: никто ея не опровергаетъ. Оно санкціонировано какъ общимъ народнымъ языкомъ, такъ и той научной терминологіей, которая стремилась развиваться внѣ связи съ народною рѣчью и подчиненія ея законамъ.

Созданіе изъ „права“ *особаго явленія* легче всего достигнуть путемъ аргументаціи Платона, который изъ того факта, что справедливость и мудрость, хотя и безтѣлесны, должны быть „чѣмъ-нибудь“, выводилъ, что безтѣлесныя вещи могутъ существовать. Безъ сомнѣнія, могутъ, но—какъ „существовать“? И право *существуетъ*, но не такъ, какъ справедливость, и еще болѣе—не такъ, какъ объекты внѣшняго міра (Ср. M. Müller, Sc. of. T., 469, 470). „Красное никогда не можетъ *существовать*, и не можетъ быть воспринимаемо само по себѣ. Оно всегда приходитъ къ намъ, какъ принадлежащее другимъ вещамъ; и только допустивъ эти другія вещи исчезнуть изъ фокуса нашего сознанія (mind), можемъ мы мыслить и говорить о красномъ“ (ibid., 470).

*) О „правѣ“ можно говорить вездѣ, гдѣ только можно говорить о какихъ-либо правилахъ дѣятельности, мышленія, рѣчи. Языкъ несомнѣнно имѣетъ свои правила, налагающія на однихъ обязанность сообразоваться съ ними въ выраженіи мыслей, а другимъ дающія право разсчитывать на то, что рѣчь ихъ будетъ понята другими. „Отецъ сына убилъ“ и „отца сынъ убилъ“—означаютъ разныя вещи. Фразы эти составлены по извѣстнымъ, сознаваемымъ или несознаваемымъ, правиламъ, и кто не подчиняется имъ, рискуетъ быть не понятымъ, или дурно понятымъ. Подчиненія правиламъ (законамъ) языка мы вправѣ требовать отъ каждаго. Языкъ и мышленіе могли возникнуть только при условіи такого подчиненія. Ученые такъ же не могутъ уклоняться отъ повиновенія имъ, какъ и неученые. Обратно, всякій имѣетъ право пользоваться выраженіями, санкціонированными общимъ языкомъ страны (Ср. Sidgwick, Fallacies, стр. 185, примѣчаніе 1).

Можно ли „право“ въ значеніи коррелята „обязанности“ считать явленіемъ?

Въ такомъ формальномъ смыслѣ „право“ легальное, какъ одно изъ понятій юриспруденціи, играетъ очевидно такую же самую роль, что и слово „право“ въ этикѣ. Равнымъ образомъ и коррелятъ его „обязанность“ играетъ одинаковую *формальную* роль въ этикѣ и въ юриспруденціи. И Кантъ, какъ мы уже указывали, признаетъ понятіе долга (Pflicht, obligation, долгъ, обязанность—очевидно синонимы) лишь *формальнымъ принципомъ* (Ср. Новгородцевъ „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“, стр. 119).

Если явленіями считать факты *внѣшняго міра* (Sinnenwelt), предполагающіе нуменъ, какъ это дѣлаетъ Кантъ, то очевидно, что „обязанность“ и ея коррелятъ „право“ не суть явленія, хотя о нихъ и можно говорить, какъ о фактахъ *). Обязанность, по вѣрному взгляду Канта, выражаетъ наше отношеніе къ закону дѣятельности. То же слѣдуетъ сказать о правѣ Обязанность есть связанность нашей воли закономъ; право—свобода воли, обезпеченная закономъ.—Итакъ, при извѣстномъ пониманіи слова „явленіе“, „право“ не есть явленіе, пока рѣчь идетъ о нашихъ собственныхъ субъективныхъ правахъ. Однако, такъ какъ всякое чужое лицо является „явленіемъ“ по отношенію къ нашему „я“, такъ какъ такимъ явленіемъ оказываются всѣ внутреннія состоянія другихъ лицъ по отношенію къ намъ, и такъ какъ законъ, управляющій дѣйствіями другихъ, есть также явленіе, то *чужія* права и обязанности могутъ считаться „явленіями“ для насъ и въ такомъ смыслѣ слова „явленіе“.—Далѣе, если понимать подъ „явленіемъ“ вообще состояніе, которое качественно отличается для нашего сознанія отъ тѣхъ, которыя ему предшествуютъ, его сопровождаютъ, или за нимъ слѣдуютъ,—тогда „право“, или точнѣе—„сознаніе права“, есть, конечно, явленіе: явленіе внутреннее, психическое, даже когда мы говоримъ о своихъ собственныхъ правахъ.

Признаніе возможности считать „право“ *явленіемъ* не рѣшаетъ, однако, вопроса о томъ, что это за явленіе,—въ какомъ отношеніи оно находится къ другимъ, связаннымъ съ нимъ, и можно ли говорить о немъ, какъ о явленіи *въ томъ же самомъ смыслѣ*, въ которомъ мы говоримъ, какъ о явленіяхъ, о законѣ и государствѣ.

Слово „явленіе“ отличается, очевидно, многосмысліемъ. Стремясь сдѣлаться кардинальной идеей человѣческаго духа, идея явленія не можетъ быть избавлена отъ критики. „Со всѣхъ сторонъ ее допуска-

*) Однако, нѣкоторые считаютъ понятія „факта“ и „явленія“ тожественными „L'idée de fait ou d'événement correspond seule à des choses réelles“ (Taine, *de l'Intelligence*, t. I, p. 387. Cf. *ibid.*, p. 380). Цит. изъ Boirac, L'idée du phenomene, стр. 9.

ютъ, употребляютъ безъ анализа, безъ разбора, какъ будто она была абсолютно ясною и понятною сама по себѣ“ (Boirac, ор. с., 9).

Объектами нашего знанія служатъ: (1) явленія и (2) отношенія между ними. По господствующему нынѣ взгляду мы ничего не можемъ знать положительнаго внѣ явленій и ихъ отношеній (Boirac, ор. с., 7). Въ той или иной формѣ эта основная идея находитъ себѣ представителей среди большинства философскихъ школъ. Къ этимъ двумъ понятіямъ сводится весь доступный нашему пониманію міръ. Иначе говоря, объектами мысли являются: (1) понятія матеріальныя и (2) понятія формальныя.

Одни думаютъ, что все сводится для нашего анализа къ понятію феноменовъ и ихъ различныхъ группъ. Другіе полагаютъ, что мы не можемъ обойтись безъ коррелятивнаго понятія субстанціи, нумена, силы, причины, идеи самой по себѣ.....

Одни думаютъ, что явленіе есть синонимъ всякаго вообще *измѣненія:* это то, что начинаетъ быть для того, чтобы перестать быть; то, что дѣлается, происходитъ. Явленіе опредѣляется, слѣдовательно, по отношенію ко времени. Таковъ взглядъ позитивистовъ.—Другіе полагаютъ, что явленіе есть *проявленіе* какой-то невидимой и постоянной силы, субстанціи, причины, бытія..... Это реалистическій или объективный взглядъ. Онъ опредѣляетъ явленіе по отношенію къ субстанціи.—Третьи считаютъ, что явленіе есть вообще всякое *представленіе* (représentation): то, что является или представляется намъ, не предполагая какого-либо особаго объективнаго бытія. Этотъ взглядъ, субъективный или идеалистическій, опредѣляетъ явленіе, слѣдовательно, лишь его отношеніемъ къ нашему сознанію.

Лейбницъ высказываетъ взглядъ, устраняющій всѣ оттѣнки въ пониманіи слова „явленіе“. Онъ говоритъ, что явленія это наши мысли. „Les phénomènes ne sont que des pensées“ (Leibniz, Projet d'une lettre à M. Arnauld) *). Съ другой стороны, всякая мысль, какъ измѣненіе, проявленіе или представленіе, должна быть также разсматриваема, какъ феноменъ. Если явленіе есть мысль, а мысль есть явленіе, то, очевидно, и „право“, служащее намъ для выраженія мыслей, должно быть явленіемъ. Такое широкое пониманіе слова „явленіе“ не можетъ, однако, удовлетворить насъ. Мысли наши неоднородны. Однѣ болѣе, другія менѣе сложны, однѣ—относятся къ матеріальнымъ фактамъ, другія къ отношеніямъ между ними; однѣ основныя, другія производныя. Намъ важно удержать различіе между матеріальными и формальными идеями или понятіями, между фактами и отношеніями между ними. Если мы согласимся распространить терминъ „явленіе“ и

*) Къ этому взгляду присоединяется и Boirac въ указанномъ сочиненіи „L'idée du phénomène“.

на формальныя понятія, мы будемъ иногда чувствовать неудобства невозможности провести различіе между фактами матеріальными и отношеніями между ними. При такомъ широкомъ безразличномъ употребленіи слова „явленіе“ мы имѣли бы право и „нуменъ“ назвать явленіемъ, т. е. допустили бы абсурдъ: „нуменъ“ и придуманъ для того, чтобы выражать нѣкоторую идею въ противоположность „явленію“. Лучше, поэтому, держаться болѣе узкаго значенія слова „явленіе“: явленіе мы должны отличать отъ отношенія между явленіями.

Тогда „явленіе“ будетъ понятіемъ матеріальнаго характера, требующимъ себѣ восполненія въ понятіи силы или субстанціи. „Право“ же, при законномъ употребленіи этого слова, т. е. въ значеніи коррелята обязанности, будетъ *понятіемъ формальнымъ*, требующимъ наличности двухъ или нѣсколькихъ явленій, находящихся другъ къ другу въ иномъ отношеніи, чѣмъ отношеніе явленія къ порождающей его силѣ. Отношеніе, выражаемое словомъ „право“, очень сложнаго характера. „Право“ служитъ для выраженія очень сложнаго отношенія, предполагающаго синтезъ нѣсколькихъ явленій.

Но, положимъ, что мы согласились дать слову „явленіе“ самое широкое значеніе. Будемъ называть явленіемъ всякую мысль или представленіе, принимая во вниманіе лишь отношеніе его къ нашему сознанію (а не противопоставляя его „субстанціи“). Тогда о „правѣ“, какъ коррелятѣ обязанности, мы можемъ говорить какъ о явленіи, но только явленіе это будетъ *вторичнаго* порядка. Это будетъ представленіе объ отношеніи между нѣкоторыми другими представленіями. Слѣдовательно, это не послѣдняя стадія анализа; и пониманіе такого явленія производнаго характера („надъ-явленія“, l'épiphénomène, ср. Boirac, op. c., 155) предполагаетъ наличность и пониманіе другихъ явленій, отношеніе между которыми оно (это вторичное „явленіе“) выражаетъ. *Основнымъ* понятіемъ и при такомъ пониманіи слова „явленіе“ слѣдуетъ, стало быть, считать не „право“, а тѣ понятія, наличность которыхъ необходима для его существованія и пониманія. Не въ „правѣ“ слѣдуетъ искать послѣдняго элемента анализа и основы для возсозданія другихъ понятій юриспруденціи.

Слѣдовательно, или (1) право не есть явленіе вообще, или (2) оно не есть основное понятіе, или основный фактъ, съ которымъ имѣетъ дѣло юриспруденція. Въ первомъ случаѣ, если считать объектомъ науки явленіе, мы должны поискать предмета своихъ изслѣдованій въ другомъ мѣстѣ—не въ „правѣ“, во второмъ—мы не можемъ объяснять „правомъ“ фактовъ государственной жизни, такъ какъ, не будучи основнымъ понятіемъ, „право“ само нуждается въ объясненіи, и, слѣдовательно, мы не добрались еще до своей исходной точки, не нашли еще, чего намъ нужно.

Если, какъ говоритъ Кантъ, слово „обязанность“ выражаетъ наше отношеніе къ закону, *) то и коррелятъ его „право“ выражаетъ также отношеніе къ закону. Въ нравственной жизни (именно въ области индивидуальной морали) создаетъ этотъ законъ каждый для себя; въ области морали общественной и въ государственной жизни законъ (въ одномъ случаѣ—нравственный, въ другомъ—государственный) даетъ намъ общество и государство. Понятіе закона и является основнымъ понятіемъ, понятіе права—второстепеннымъ. Безъ закона нѣтъ обязанностей, нѣтъ грѣха, нѣтъ правъ. Будемъ ли мы считать индивида за „первое“, а общество за послѣдующее, или обратно, понятіе закона будетъ одинаково оставаться основнымъ по отношенію къ понятію „права“, какъ коррелята обязанности. Не изъ „права“ возникаютъ нормы, а нормы создаютъ права.

О „правѣ“, какъ коррелятѣ обязанности, слѣдуетъ сказать то же что и о справедливости, обществѣ, государствѣ и другихъ абстрактныхъ понятіяхъ: il n'y a pas du Droit, il y a seulement des droits, существуетъ собственно не Право, а права. „Право“, какъ указывалъ еще Іеремія Бентамъ (Principles of Morals and Legislation, изд. 1879 г. стр. 224, 225, прим.), не можетъ быть понимаемо внѣ зависимости отъ представленія того, на что мы имѣемъ право. Право есть формальное понятіе, не выражающее собою какого-либо самостоятельнаго явленія, а лишь отношеніе между однимъ фактомъ и другимъ. Оно мѣняетъ свой смыслъ въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ его употребленія въ зависимости отъ представленія извѣстнаго дѣйствія и извѣстнаго закона. Логическій **) объектъ есть дѣйствіе, на которое имѣютъ право, а „право“ выражаетъ отношеніе этого дѣйствія къ закону.

Мы не можемъ, напр., представить себѣ *человѣка* вообще. Такой человѣкъ долженъ былъ бы быть ни высокимъ, ни низкимъ; ни худымъ, ни толстымъ; ни чернымъ, ни бѣлымъ; ни мужчиной, ни жен-

*) Pflicht und Schuldigkeit sind die Benennungen, die wir allein unserem Verhältnisse zum moralischen Gesetze geben müssen. (Prakt. Vern., 147).

**) Логическій—въ отличіе отъ грамматическаго (см. Erdmann, Logik, стр. 63 и литературныя указанія тамъ). Языкъ обращаетъ не только отношенія, но процессы (въ родѣ вѣтра и погоды), состоянія (какъ покой и смерть), въ грамматическія вещи съ качествами. Цвѣтъ (Farbe), напр., не есть вещь, но въ грамматикѣ она является таковою. Вообще языкъ имѣетъ потребность преобразовывать въ субстантивъ все, что имѣетъ функцію служить въ предложеніи какъ субъектъ, „а потому и какъ *объектъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ“ (Paul, Principien der Sprachgeschichte, 300). Логическія категоріи не находятъ себѣ вѣрнаго выраженія въ грамматическихъ частяхъ рѣчи (Erdmann, ibid.). Время и пространство не суть вещи, а лишь отношенія, но въ языкѣ это—вещи съ качествами. То же самое слѣдуетъ сказать и о „правѣ“.

щиной; ни молодымъ, ни старымъ; но—всѣмъ этимъ вмѣстѣ и ни чѣмъ изъ этого одновременно (Hamilton, Logic, I, 129, 128, 127). Такъ же не можемъ мы представить себѣ и „право“ вообще. Какъ существуетъ не абстрактный человѣкъ, а конкретные люди, такъ существуетъ не Право вообще, а различныя конкретныя права.

Мы уже указывали, что слова въ дѣйствительности употребляются въ контекстѣ и что изолированіе ихъ есть искусственный процессъ. Этимъ подтверждается справедливость того, что говорилъ о понятіяхъ еще Гамильтонъ. „Понятіе (a concept or notion) заключаетъ въ себѣ представленіе только части различныхъ аттрибутовъ или особенностей, суммою которыхъ является индивидуальный объектъ; а потому—оно даетъ только одностороннее и неполное (inadequate) знаніе вещей, которыя мыслятся подъ нимъ *)... Какъ результатъ сравненія, понятіе необходимо выражаетъ отношеніе. Оно, поэтому, *непознаваемо само по себѣ*, т. е. оно не даетъ абсолютнаго и безотносительнаго объекта знанія, а можетъ быть реализовано въ сознаніи, только прилагая его, какъ терминъ отношенія, къ одному или болѣе объектамъ, согласнымъ въ точкѣ или точкахъ сходства, выражаемыхъ имъ“ (Hamilton, Logic, I, 127, 128; Metaphisics, II, 296, 297 и сл.). Такъ что понятіе не представляетъ безотносительнаго и независимаго объекта мысли (an irrespective and independent object of thought). Много содѣйствуетъ представленію о понятіи, какъ о чемъ-то самостоятельномъ и безотносительномъ, языкъ: относительность понятія не выражается въ словѣ, а возможность разныхъ манипуляцій со словомъ, какъ комплексомъ звуковъ или знаковъ, вызываетъ представленіе о понятіи, какъ о чемъ-то независимомъ и могущемъ существовать само по себѣ (Hamilton, Logic, I, 128 in fine, 129).

Реалистическія тенденціи, праотцемъ которыхъ въ философіи былъ великій Платонъ, страшно сильны въ человѣчествѣ Онѣ живутъ и будутъ жить постоянно подъ вліяніемъ и при содѣйствіи языка. Съ ними приходится считаться всегда.—Какъ мы не можемъ представить себѣ *человѣка* внѣ отношенія къ конкретнымъ и индивидуальнымъ реальностямъ, и всякая такая попытка, если вдуматься въ нее, должна привести къ противорѣчіямъ и абсурдамъ, такъ и *право* не можетъ существовать или мыслиться само по себѣ, внѣ связи съ по-

*) Когда, напр., мы говоримъ о Сократѣ какъ объ *афинянинѣ*, *грекѣ*, *европейцѣ*, *человѣкѣ*, *двуногомъ*, *животномъ*, *существѣ*, мы отбрасываемъ постепенно различныя характерныя черты, изъ совокупности которыхъ состоялъ дѣйствительный Сократъ. Чѣмъ болѣе общее понятіе примѣняемъ мы къ нему, тѣмъ о меньшемъ количествѣ аттрибутовъ мыслимъ мы, и тѣмъ, слѣдовательно, одностороннѣе и менѣе полно смотримъ мы на него. *Афинянинъ* заключаетъ въ себѣ больше качествъ, чѣмъ *грекъ*; чѣмъ выше поднимаемся мы по лѣстницѣ понятій, тѣмъ менѣе адекватнымъ становится наше представленіе о немъ (Ср. Hamilton, Logic, I, 127, 128)

нятіями закона и того, на что мы „имѣемъ право“. Нѣтъ „права“ вообще, существуютъ только отдѣльныя права, какъ нѣтъ государства вообще, а существуютъ только опредѣленныя, конкретныя, индивидуальныя государства. (Россія, Франція, Англія, Афганистанъ....). Равнымъ образомъ нѣтъ Закона вообще, а—законы, нѣтъ Обязанности вообще, а—обязанности.....

Послѣ всего сказаннаго должно быть понятнымъ заявленіе Іереміи Бентама, что „права“ опредѣлить нельзя, такъ какъ понятіе это не имѣетъ высшаго рода (genus). Можно, слѣдовательно, только описательно сообщить другому о роли этого слова-понятія въ языкѣ,—о томъ, когда его слѣдуетъ примѣнять. Установить значеніе извѣстнаго слова (или, какъ принято технически выражаться, *опредѣлить* соотвѣтствующее *понятіе*) значитъ указать высшій классъ (*genus*), часть котораго составляютъ означаемыя вещи, а также упомянуть признаки (*differentia*), по которымъ можно отличить разсматриваемый предметъ отъ другихъ того же класса. Такъ, положимъ, англійское „city“ можетъ быть опредѣлено, какъ большой городъ (genus), обладающій соборомъ (differentia). Утверждая, при такомъ опредѣленіи, что „Манчестеръ есть city“, мы утверждаемъ двѣ вещи о немъ: (1) что онъ большой городъ и (2) что онъ имѣетъ соборъ. (Ср. Sidgwick, Fallacies, 108).

Опредѣлить слово значитъ подвести его подъ нѣчто высшее, его обнимающее (a wider Generality). Но, если нѣтъ такого высшаго понятія (genus), то и опредѣленія мы составить не можемъ. Такъ называемое опредѣленіе сводится въ подобныхъ случаяхъ на дѣлѣ къ описанію, указывающему способъ правильнаго примѣненія слова, или просто—къ замѣнѣ его синонимнымъ терминомъ. Такими синонимами являются по отношенію къ „праву“—свобода, власть, возможность, Befugniss, facultas, интересъ, выгода, привилегія *). При ихъ помощи и составляются всѣ „опредѣленія“ „права“.

То обстоятельство, что слово „право“ не можетъ быть опредѣлено въ строго научномъ смыслѣ, не должно смущать насъ, разъ мы умѣемъ правильно *примѣнять* это слово. Такова участь многихъ по-

*) Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ Іер. Бентама: „I might (Princ. of Mor. and Legisl., изд. 1879 г., стр. 225, прим. in fine) have cut this matter very short, by proceeding in the usual strain, and saying, that a power was a faculty, and that a right was a privilege, and so on, following the beaten track of definition. But the inanity of such a method, in cases like the present, has been already pointed out (см. Fragment of Government, гл. V, § 6, примѣч.): a power is not a—any thing: neither is a right a—any thing: the case is, they have neither of them *any superior genus:* these, together with *duty, obligation*, and a multitude of others of the same stamp, being of the number of those fictitious entities, of which the import can by no other means be illustrated than by showing the relation which they bear to real ones“.

нятій, входящихъ всего чаще въ наши научныя и ненаучныя сужденія (время, пространство, объектъ и субъектъ, сила и матерія.. .). Всѣ мы ихъ знаемъ, только не тогда, когда насъ о нихъ спрашиваютъ (ср. Sidgwick, Fall., 142).—Нужно помнить, что слова въ дѣйствительности употребляются не изолированно, а въ предложеніяхъ. Основное требованіе научной терминологіи—ея точность. Мы должны строго держаться опредѣленнаго значенія термина. А разъ слова имѣютъ опредѣленное значеніе только въ предложеніяхъ, то точность термина сводится въ сущности къ тому, чтобы мы употребляли его только въ извѣстныхъ словосочетаніяхъ. „Стараніе держаться значеній нашихъ словъ, въ сущности, тождественно со стараніемъ держаться нашихъ предложеній (assertions): говоря объ одномъ, мы говоримъ о другомъ“ (Sidgwick, Fallacies, 107). Разъ мы умѣемъ правильно пользоваться своимъ терминомъ въ предложеніяхъ, мы обладаемъ всѣми знаніями по отношенію къ нему. Только въ предложеніяхъ и употребляются научные термины, и только изъ предложеній и состоитъ наука. Единицею мысли служитъ только предложеніе.

Неоцѣнимое достоинство живого, русскаго народнаго языка, какъ по сравненію съ языками другихъ высоко-культурныхъ народовъ, такъ и по отношенію къ книжному русскому языку, созданному подъ сильнымъ иноземнымъ вліяніемъ, и заключается въ его необыкновенной *точности* при употребленіи слова „право“. Иностранные языки легко смѣшиваютъ „право“, какъ коррелятъ обязанности, со справедливостью (das Recht=das Gerechte, le Droit=la Justice, the Right=the Justice) *); живой русскій языкъ такого смѣшенія никогда не дѣлаетъ: если ему нужно выразить идею справедливости, онъ прибѣгаетъ къ слову „правда“.—Еще менѣе способенъ народный русскій языкъ отождествить „право“ съ совокупностью нормъ или законовъ. Такое значеніе есть уже чисто ученая формація, подъ иноземнымъ вліяніемъ, вовсе не заслуживающимъ подражанія **).—Истина и разумъ не есть исключительное достояніе ученыхъ людей. Постоянно мы видимъ, что ученые люди, преслѣдуя второстепенныя цѣли, спеціализируясь, забываютъ о самомъ главномъ. Внося въ сокровищницу человѣческихъ знаній много важныхъ, но въ сущности второстепенныхъ, истинъ, они запутываютъ болѣе важное и главное. И какъ это ни звучитъ

*) О значеніяхъ англійскаго „right“ см. The Century Dictionary, т. V, стр. 5177—5180.

**) Напр. Puglia (Saggi di filosofia giuridica, 1892), стр. 11: una esatta nozione delle *leggi giuridiche* o del *diritto;* 12: del diritto, inteso tanto come *legge*, quanto come *facoltà*; 12: del diritto, considerato tanto come *legge* quanto come *facoltà*; 25: il *diritto* o le *leggi*; 11: conoscenze intorno alla vita del *diritto*, o meglio, intorno allo svolgimento delle *leggi giuridiche*. У Канта: das Recht, а въ скобкахъ — der Inbegriff *der Gesetze*.

парадоксально, но не только заурядный нѣмецкій профессоръ, но и выдающіеся люди, въ родѣ Канта и Гегеля, могутъ кое-чему поучиться у русскаго мужика *). И задача русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ той ея части, которая сознаетъ свои обязанности къ народу, ее выкормившему и воспитавшему, беречь этого мужика съ его рѣчью-мышленіемъ. Что успѣлъ анализировать, абстрагировать и точно опредѣлить (ср. Hamilton, Logic, I, 123) своимъ мышленіемъ-рѣчью народъ, того не должна смѣшивать и путать русская интеллигенція подъ иноземнымъ вліяніемъ. Мы, русскіе, имѣемъ право гордиться своимъ народомъ, мышленіе котораго способно дать новые элементы жизни для освѣженія западно-европейской „науки права". Нужно любить и лелѣять, изучать и хранить свое родное. Только при такомъ условіи дадимъ мы міру иную, высшую, культуру на смѣну показной европейской культурѣ, такъ мало дающей для справедливости и счастья людей. Что за дѣло жизни до тѣхъ созданныхъ воображеніемъ, не имѣющихъ почвы въ дѣйствительности, спекуляцій, которыя ничего не приносятъ людямъ: ни научной, ни практической пользы. Къ чему цѣлая система фикцій и фантастическихъ абстракцій, очень иногда остроумныхъ и не лишенныхъ поэтической прелести, какъ и всѣ созданія миѳологіи, но не имѣющихъ ничего научнаго и исчезающихъ при простомъ наблюденіи дѣйствительности. Не пора ли намъ, идя объ руку съ жизнью и народною рѣчью-мышленіемъ, „сломать тѣ узкія и искусственныя рамки, въ которыя заключена въ теченіи уже столѣтій юридическая мысль" (Duguit, L'état..., 1901, стр. 1). Никакой науки не можетъ быть создано тамъ, гдѣ люди отгораживаются китайскою стѣною отъ научнаго прогресса и коснѣютъ въ такихъ узкихъ понятіяхъ о мысли и наукѣ, которыя переносятъ насъ въ эпоху до-греческой философіи. Средство противъ этого вырожденія и измельчанія мысли въ разрушеніи той китайской стѣны, которою отгородили себя юристы отъ прогресса другихъ на-

*) Да не покажется это страннымъ кому-либо. Если Соломонъ посылалъ уже лѣнивца поучиться прилежанію у муравья, то современные естествоиспытатели открыли намъ такія удивительныя вещи относительно способностей сужденія у этого маленькаго насѣкомаго, которыя кажутся иногда маловѣроятными, если бы за это не ручались намъ имена добросовѣстнѣйшихъ людей. Равнымъ образомъ, благодаря языкознанію люди открыли глубочайшую мудрость тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать ее. Разумъ не есть только достояніе ученаго или философа. Есть какое-то знаніе и у муравья, о которомъ, вѣроятно, онъ самъ ничего не знаетъ, но которому мы могли бы поучиться у него. Напр., способу предохранять сложенныя про запасъ сѣмена нѣкоторыхъ растеній въ землѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для роста, такъ долго, какъ это муравью нужно, не допуская ихъ прорастанія. Когда приходитъ время пользоваться этимъ запасомъ, онъ даетъ имъ прорости и въ этомъ видѣ пользуется ими.

укъ и отъ обще-человѣческаго мышленія. Нужно углублять и расширять основы своей спеціальности, нужно повѣрять свое мышленіе мышленіемъ другихъ людей, ученыхъ и неученыхъ. Проникнуть въ это чужое мышленіе мы можемъ лишь съ помощью языка и того, что требуется для его изученія: психологіи, индивидуальной и народной, логики, этики, эстетики и вообще философіи.—Стыдно же, въ самомъ дѣлѣ, если интеллигенція знаетъ меньше или хуже, чѣмъ народъ. Qui sait mal est ignorant plus que qui ne sait rien (J. B. Rousseau).

Чтобы быть ближе къ живому обще-русскому языку и, ergo, правильному мышленію, слѣдуетъ избѣгать обозначенія „права“ *явленіемъ*. При всей растяжимости понятія „явленіе“ огромному большинству свойственно придавать этому понятію *матеріальное*, а не формальное значеніе. У большинства ученыхъ и философовъ можно найти выраженіе, что предметомъ знанія служатъ „явленія и ихъ отношенія“. Этимъ самымъ понятіе „явленія“ противополагается формальному понятію отношенія между явленіями. Говоря, что „право“ есть *явленіе*, мы этимъ вызываемъ у многихъ представленіе о немъ, какъ о чемъ-то, существующемъ во внѣшнемъ мірѣ такъ, какъ существуютъ, напр., объекты естественныхъ наукъ *). Большинство людей понимаетъ терминъ „явленіе“ только путемъ противоположенія его тому скрытому бытію (нумену), о наличности котораго оно свидѣтельствуетъ своимъ проявленіемъ; это часть какого-то конкретнаго и цѣлостнаго бытія, изолированная въ данную минуту нашимъ мышленіемъ. Называя право явленіемъ, мы вызываемъ у большинства предположеніе о восполняющемъ его Цѣломъ, изъ котораго мы выдѣлили его. Какъ проявленіе какой-то силы, „право“ необходимо требуетъ наличности этой силы. На дѣлѣ это „цѣлое“, эта „сила“ есть миѳъ. Слово „явленіе“, какъ понятіе по преимуществу матеріальное, ставитъ насъ въ подобныхъ случаяхъ въ неправильное положеніе по отношенію къ дѣйствительности. Въ этомъ корень всѣхъ послѣдующихъ затрудненій. Какъ понятіе *формальное*, „право“ требуетъ для своего пониманія нѣкоторыхъ матеріальныхъ понятій. Сюда относятся прежде всего: дѣйствіе и законъ, а потомъ предполагаемыя этими понятіями понятія—индивида, государства и общества...**). Если же по ошиб-

*) Въ своей книгѣ Allgemeine Staatslehre, стр. 145, Jellinek объявляетъ, поэтому, что „понятію права, какъ таковому, не соотвѣтствуетъ никакой реальности, внѣшней по отношенію къ намъ“ (Ср. Duguit, „L'état....“, стр. 5, прим. 2).

**) Имѣется, разумѣется, въ виду юридическое и нравственное значеніе слова „право“. Изъ прежде сказаннаго должно быть очевиднымъ, что право можетъ выражать и такія понятія, которыя не имѣютъ отношенія къ общественной или государственной жизни. Робинзонъ, строющій шалашъ себѣ, „имѣетъ право“, со-

кѣ мы примемъ его за нѣчто матеріальное и сдѣлаемъ исходною точкой своихъ объясненій, мы ничего не достигнемъ: нельзя объяснять ignotum per ignotius.

Такое же вліяніе на наше мышленіе, какъ слово „явленіе", оказываетъ и выраженіе „объективное право". Если бы подъ этимъ выраженіемъ разумѣлся лишь синонимъ законовъ и другихъ нормъ, т. е. англійское Law, это не было бы большою бѣдою. Такъ, напр., пользуется этимъ словомъ Лассонъ. Но, у большинства юристовъ законы и другія категоріи нормъ являются лишь формами проявленія „права". Право разумѣется какъ *особая сила*, проявляющаяся въ законахъ, судебныхъ рѣшеніяхъ, административныхъ распоряженіяхъ и пр. Такъ что выраженіе это (объективное право) служитъ той же цѣли, что и выраженіе „право есть особое явленіе": оно заставляетъ публику искать особаго *матеріальнаго* понятія.

Люди вообще любятъ часто брать изъ арсенала философской терминологіи слова, въ значеніе которыхъ они не вдумываются, и примѣняютъ ихъ неправильно. То, что юристы называютъ „субъективнымъ правомъ", не можетъ быть противополагаемо тому, что называется „объективнымъ правомъ", такъ, какъ понятіе „субъективнаго" противополагается понятію „объективнаго" въ философскомъ языкѣ, откуда выраженія эти позаимствованы. Это дѣленіе совсѣмъ сюда не примѣнимо.

Выраженіе „объективное право" (1) не нужно, такъ какъ у насъ есть простыя и недвусмысленныя выраженія этой идеи—Законъ или Законы, Law или Laws; (2) оно опасно, такъ какъ вызываетъ представленіе о какой-то особой *объективной* реальности, явленіи или фактѣ; (3) незаконно, такъ какъ нарушаетъ обычное словоупотребленіе, дающее праву лишь роль коррелята обязанности.

Выраженіе „субъективное право"—неправильно въ области юриюриспруденціи и очень способно вызвать смѣшеніе ея съ этикой. Въ области индивидуальной морали каждый изъ насъ является законодателемъ (ср. Ladd, Philosophy of conduct, 612 in fine, и сл.), поэтому „права", которыя онъ создаетъ самъ для себя, безспорно являются его субъективнымъ созданіемъ. Нравственныя права въ этомъ смыслѣ являются дѣйствительно субъективными правами: они создаются и

образно законамъ механики или строительнаго искусства, расположить матеріалъ (камни и бревна) такъ-то, хотя бы, кромѣ Робинзона, на островѣ никого не было. Можно говорить о правѣ или съ точки зрѣнія обязанностей къ самому себѣ, или лишь пользуясь этимъ выраженіемъ для краткости и удобства, разсматривая самихъ себя и другихъ обязанными и подчиненными существами къ собственному Разуму (ср. Sidgwick, Fallacies, 185, прим.). Персонификація даетъ намъ иногда возможность употреблять выраженія, въ строгомъ смыслѣ не примѣнимыя въ данномъ случаѣ.

уничтожаются безъ участія посторонней воли.—Но, права юридическія возникаютъ только благодаря внѣшней санкціи—санкціи государственной власти; одной дѣятельности субъекта здѣсь недостаточно. Законъ создаетъ юридическія права *). Законъ это—воля общества, не моя личная воля. Это объективный фактъ. И права, создаваемыя закономъ,—объективные факты. До того объективные, что они могутъ существовать и тогда, когда субъектъ, къ которому они относятся, не знаетъ о нихъ. Система юридическихъ правъ—объективная система: это и даетъ возможность устанавливать суды для рѣшенія споровъ между отдѣльными лицами объ ихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо мнѣніе, противоставляющее юриспруденцію, какъ объективную науку, морали, какъ наукѣ субъективной (Rattigan, Jurisp., 8). Если бы юридическія права были лишь субъективными правами, никакъ нельзя было бы создавать внѣшнее учрежденіе для рѣшенія споровъ о нихъ, какъ нельзя этого въ вопросахъ индивидуальной морали. Юридическія права возникаютъ благодаря объективному факту—закону и раздѣляютъ объективный характеръ своего источника. Всѣ права въ юриспруденціи—объективныя права. Государство и законъ для того и существуютъ, чтобы положить предѣлъ неизвѣстности и колебанію субъективныхъ воззрѣній на свои права и обязанности и создать ихъ объективную мѣрку.—Субъективное въ философіи есть то, что познается лицомъ непосредственно его сознаніемъ; въ юриспруденціи же для познанія своихъ правъ нужно справиться съ законами, суд. рѣшеніями, правит. распоряженіями и пр.; иначе можно сочинить себѣ такія права, которыхъ не признаетъ ни одно законодательство.

---

*) „Les idées de *loi*, de *délit*, de *droit*, d' *obligation*, de *service*, sont donc des idées qui naissent ensemble, qui existent ensemble, qui sont et qui demeurent inséparables ... Ces objects sont tellement simultanés que tous ces mots peuvent se traduire indifféremment les uns par les autres.... Ce n'est qu'en créant des *délits* (c' est-à-dire, en érigeant certaines actions en délits) que la loi confère des *droits*.... On ne saurait se former l'idée d'un *droit* sans s'être formé l'idée d'un *délit*.... Voici donc la filiation de ces êtres légaux: ils ne sont que la *loi*, considerée sous différents aspects; ils existent dès qu' elle existe; ils naissent et meurent avec elle.... Ce sont les mots *droits* et *obligations* qui ont élevé des vapeurs épaisses, par lesquelles la lumière a été interceptée. On n'a point connu leur origine; on s'est perdu dons les abstractions; on a raisonné sur ces mots comme sur des êtres éternels qui ne naissaient point de la loi, et qui, au contraire, lui donnaient naissance.... Ce sont des enfants de la loi: il ne s'agit donc plus de les mettre en opposition avec elle.... On ne saurait peindre des êtres purement fictifs appelés *droits* et *obligations*, sous aucune forme; on peut cependant les revêtir d'images sensibles, mais il faut pour cela les *désabstraire*, si je puis parler ainsi; il faut les appliquer à des choses réelles: *droit de faire* tel ou tel acte;—*obligation de le faire ou de ne le pas faire*".... (J. Bentham. Oeuvres, т. I, 1840 г., стр. 287 ,288).

„Субъективный“ и „объективный“—термины взятые изъ философіи или теоріи познанія. Тамъ они играютъ огромную роль и имѣютъ задачей опредѣлить, анализомъ содержанія познавательныхъ актовъ, какую долю участія принимаютъ въ нихъ познающій субъектъ и какую—познаваемый объектъ. (Ср. Hamilton, Metaphysics, I, 159—167). Источникъ *познанія* для юриста правъ и обязанностей объективный—законы, Laws. Каждый имѣетъ не тѣ права, которыя онъ считаетъ для себя справедливыми и полезными, а тѣ, которыя обезпечиваетъ ему государство и законъ. Всѣ права—объективны по источнику ихъ познанія. — Съ другой стороны, можно сказать, что всѣ права субъективны. Въ дѣйствительности существуютъ только тѣ или иныя конкретныя права. Права эти непремѣнно принадлежатъ тому или иному субъекту. Субъектъ есть непремѣнная составная часть понятія права. Безъ субъекта права нельзя себѣ мыслить. Оно всегда должно принадлежать тому или иному субъекту. Такимъ субъектомъ можетъ быть отдѣльный человѣкъ, можетъ быть группа лицъ, болѣе или менѣе большая, можетъ быть даже животное (говорятъ о правахъ животныхъ; хотя, разумѣется, это скорѣе удобное и короткое фигуральное выраженіе), или какое-нибудь персонифицированное имущество или вещь (Ср. Austin, Jurispr., I, 388, 347, 348, 352, 353, 357)—Слово „субъектъ“ и производное „субъективный“ не имѣетъ одного опредѣленнаго значенія; подобно другимъ оно многосмысленно. Можно говорить о субъективномъ мнѣніи извѣстнаго человѣка, противополагая его общепринятому мнѣнію. Слово „субъективный“ имѣетъ здѣсь одно значеніе. Но, можно также сказать, что всѣ мнѣнія, и каждое изъ нихъ въ частности, субъективны въ томъ смыслѣ, что мы никогда не можемъ знать объективной реальности, какъ она есть, а лишь такъ, какъ она намъ представляется благодаря нашимъ „случайнымъ чувствамъ“: то, что не проходитъ черезъ двери нашихъ пяти или шести чувствъ, остается непознаваемымъ для насъ; а потому—всѣ наши мнѣнія субъективны; при иномъ устройствѣ человѣческой природы міръ представлялся бы намъ инымъ; абсолютно достовѣрныхъ знаній нѣтъ; свои субъективныя мнѣнія мы по иллюзіи считаемъ за что-то объективно, какъ разъ въ такомъ видѣ, какъ намъ кажется, существующее. (Ср. Mauthner, op. c., I, 34; Sully, Illusions). Здѣсь слово „субъективный“ имѣетъ уже иное значеніе.*).—Иначе въ индивиду-

*) Нѣкоторое оправданіе примѣненію терминовъ „субъективный“ и „объективный“ можно было бы найти, если бы взять въ основу дѣленія моментъ *принадлежности* правъ. Этотъ моментъ и опредѣлилъ собственно выборъ термина „субъективное право“. Субъективное право это—право, принадлежащее субъекту, его собственное право (ср. Залѣскій, Ист. фил. пр., 119). Практическая точка зрѣнія всего естественнѣе въ юриспруденціи. И Jellinek, напр., говоритъ, что міръ юристовъ не есть міръ, составляющій объектъ теоретическаго знанія, а міръ дѣй-

альной этикѣ, но мы не должны смѣшивать ее съ юриспруденціей **).

ствія, практической жизни.... „Міръ вещей для насъ, а не вещей самихъ по себѣ“ (System der subjectiven öffentlichen Rechte, стр. 15, 1892; см. Duguit „L'Etat..“.5). На практическомъ характерѣ юриспруденціи особенно настаивалъ и Іерингъ. „Конечная цѣль юриспруденціи, говоритъ онъ (Scherz und Ernst, 1885, стр. 9), и всѣхъ теоретико-догматическихъ изслѣдованій—практическая“. Еще въ Духѣ Рим. Пр., по его собственнымъ словамъ, старался онъ указать на это, а работа о „Цѣли въ Правѣ“ направлена только на то, чтобы подчеркнуть практическое пониманіе юриспруденціи въ противоположность формальному и апріорно-философскому (ibid., 10). Но, эта практическая точка зрѣнія, съ которой моментъ *принадлежности* права является основнымъ, проведена послѣдовательно лишь у англійскаго юриста Lorimer'a (The institutes of law, a treatise of principles of jurisprudence, 1880). Съ этой точки зрѣнія индивидъ противопоставляется обществу, и субъективное право означаетъ—намъ, индивиду, принадлежащее право, а объективное право—право, принадлежащее обществу. Т. е. объективный и субъективный становятся просто синонимами общественнаго и индивидуальнаго.

**) Мы оставляемъ терминъ „юриспруденція“, не смотря на его иностранное происхожденіе, вотъ почему. Въ основѣ русскаго слова „законовѣдѣніе“ лежитъ терминъ „законъ“, который способенъ принимать часто узкое значеніе правила, заключающагося въ извѣстномъ уложеніи, уставѣ, положеніи и пр. Законовъ въ такомъ смыслѣ мы не находимъ, напр., въ международныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, намъ нужно обнять и эти отношенія. Широко понимаемое „законовѣдѣніе“, включаетъ, безъ сомнѣнія, въ себя и регулированіе международной жизни: безъ этого мы его не могли бы понять. Но, историческій иноземный терминъ „юриспруденція“ имѣетъ то преимущество, что онъ не связанъ необходимо съ понятіемъ закона въ его узкомъ смыслѣ. Разумѣется, онъ имѣетъ и свою дурную сторону: меньшую понятливость для большой публики. А то обстоятельство, что онъ этимологически связанъ со словомъ jus, игравшимъ столь злополучную роль въ мышленіи юристовъ, не должно смущать насъ. Еще Уэвелль (N. Org. Ren., 301) указывалъ, что систематически хорошіе термины не должны отвергаться только потому, что они этимологически не безупречны. Слова, принадлежащія къ извѣстной системѣ, должны опредѣляться не значеніемъ ихъ корней, а мѣстомъ въ системѣ. При первоначальномъ изобрѣтеніи и установленіи ихъ нужно обращать вниманіе на то, чтобы они были безупречны этимологически: это способствуетъ введенію ихъ въ языкъ и полученію ими тамъ правъ гражданства. Но, разъ они приняты, возраженія, основанныя на ихъ этимологіи, не имѣютъ существеннаго значенія. Мы не находимъ неудобствъ въ томъ обстоятельствѣ, что *геометрія* означаетъ собственно лишь измѣреніе земли, землемѣріе, а слово *порфирій* прилагается ко многимъ породамъ, вовсе не имѣющимъ огненныхъ пятенъ, какъ подразумѣваетъ это греческое слово.—Конечно, „юриспруденція“ навсегда, вѣроятно, останется частью искусственнаго ученаго, а не народнаго, общаго языка. Такъ что это не идеальный терминъ.—Во всякомъ случаѣ онъ лучше, чѣмъ изобрѣтенное въ позднѣйшее время слово „правовѣдѣніе“ (есть мнѣніе, что слово „право“ чешко-польскаго, а не русскаго происхожденія,—см. Мартесонъ, ор. с.), такъ связь съ jus въ „юриспруденціи“ не такъ подчеркивается для человѣка, мало или совсѣмъ незнакомаго съ латинскимъ языкомъ; въ „правовѣдѣніи“ же эта связь очевидна и можетъ вести къ ложнымъ умозаключеніямъ. Нѣтъ „Права“, а есть „права“. Право есть абстракція, дѣйствительность знаетъ лишь конкретныя права. Поэтому Правовѣдѣніе, какъ наука о какомъ-то

Итакъ, „право“, при законномъ употребленіи этого термина, не есть (1) общественное или культурное явленіе (Kulturerscheinung), такъ какъ выражаетъ собою лишь коррелятъ обязанности; (2) оно не есть „особое“ явленіе въ смыслѣ самостоятельнаго существованія, такъ какъ является и исчезаетъ въ зависимости отъ нормы; *) (3) не есть „великое“ явленіе въ смыслѣ господствующаго его положенія среди другихъ понятій этико-юридическаго міра, такъ какъ является послѣдующимъ, производнымъ и въ этомъ смыслѣ второстепеннымъ по отношенію къ „нормѣ“.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ люди употребляютъ часто философскія выраженія, мало задумываясь надъ ихъ значеніемъ, (Ср. Sidgwick, Fallacies, 186) и мало подозрѣвая всѣ опасности такого безпечнаго пользованія языкомъ. Этимъ они создаютъ сами себѣ искусственныя затрудненія и тратятъ силы на споры по поводу вопросовъ, которые и не могли бы возникнуть при болѣе правильномъ отношеніи къ языку (Sidgwick., op. c , 132). „Если мы примемъ все это во вниманіе, то удивимся не тому, что люди создаютъ часто путаницу, а тому, что вообще оказывается возможнымъ сколько-нибудь послѣдовательное выраженіе нашихъ мыслей“ (Sidgwick, op. c., 137). Создаются выраженія и основываются на нихъ цѣлыя доктрины, ничего общаго не имѣющія съ логикой. Ихъ поддерживаетъ рутина и умственная лѣнь. Самостоятельное мышленіе требуетъ усилій. Несравненно легче повторять чужое. Большинство людей, полагающихъ, что они мыслятъ, никакихъ самостоятельныхъ идей не имѣютъ. Es denkt in ihnen. „Много идей (Egger, La parole intérieure, 315) входитъ въ нашъ умъ почти безъ нашего вѣдома, потому что онѣ часто произносились передъ нами, не возбуждая противорѣчія, какъ безспорныя аксіомы. Пассивно слѣдуя примѣру нашихъ воспитателей, мы привыкаемъ ассоціировать извѣстныя понятія, не сдѣлавъ никогда усилія, чтобы уловить природу и основаніе объединяющей ихъ связи. Привычки словъ создали въ насъ привычки мысли, при установленіи которыхъ наша личность не принимала никакого участія“ **).

особо существующемъ абстрактѣ—„Право“, есть не наука, а фетишизмъ (Ср. Mauthner, op. c., I, 150, 153). Какъ астрономія изгнала Зевса, отнявъ у него небо, такъ и научная юриспруденція, какъ она существовала у греческихъ философовъ, а потомъ у англійскихъ юристовъ и въ русскомъ народномъ языкѣ, отнимаетъ квартиру у фантастическаго Права, какъ Особаго Великаго Культурнаго (или Общественнаго) Явленія. Въ словообразованіи какъ и въ самыхъ нашихъ вопросахъ, торчитъ часто, невѣдомо для насъ, фетишъ неуловимаго, непостижимаго и несуществующаго кумира; и самые ярые атеисты являются самыми ярыми идолопоклонниками (Ср. Mauthner, ibid., 155).

*) Ср. Boirac, L'idée du phénomène, 241.

**) Мое *мнѣніе* о будущности русской германологіи основывается: (1) на томъ положеніи, что, какъ говорилъ еще Локкъ, неправда отвергается человѣ-

Потому-то самостоятельность мышленія („самобытность“) и народность не „ретроградныя“ начала, а краеугольные камни научнаго прогресса. Усвоеніе чужихъ культурно-духовныхъ сокровищъ требуетъ критическаго, самостоятельнаго отношенія нашего къ нимъ. Усвоено можетъ быть лишь то, что подверглось творческой переработкѣ на національныхъ началахъ, что пропитано національнымъ духомъ и приспособлено къ его особенностямъ. Усваивать чужія культурныя сокровища значитъ развивать то, чѣмъ надѣлила насъ наша природа, давъ намъ тѣ или иныя національныя особенности*) Перестать быть самимъ собою никто не можетъ. А потому рядомъ съ изученіемъ

ческимъ умомъ и (2) на историческомъ примѣрѣ Англіи.—Какъ извѣстно и въ Англіи одно время слово „right“ (право) играло совсѣмъ ему неподобающую роль. Доктрина о „Естественномъ Правѣ“ провозглашена была сначала въ Америкѣ. Провозглашена, какъ активная политическая сила, а не какъ теорія, извѣстная уже античному міру. Это было въ 1776 г. при объявленіи американской независимости (ср. Bonar, op. c., 187). Соображеніями же „Права“ (Right) защищали англичане свои несправедливыя мѣры по отношенію къ американскимъ колоніямъ (Austin, Lect. on Jurisprudence, I, 120—122 и 287 по изд. 1885 г.). Такимъ образомъ на „священное и неоцѣнимое Право“ можно ссылаться для подкрѣпленія противоположныхъ требованій. Уже Іер. Бентамъ подмѣтилъ ложь этой доктрины. Его послѣдователи въ лицѣ Austin'a и всей англійской школы уже успѣли вернуться къ старымъ правильнымъ воззрѣніямъ, и терминологія со словомъ „право“ исчезла изъ англійской литературы.—Пока же, конечно, loquendum cum vulgo.

*) Усваивать чужія сокровища духовной культуры не значитъ перекладывать ихъ изъ чужой головы въ свою подобно тому, какъ мы перекладываемъ вещь изъ чужого кармана или сундука въ свой. Мысль не можетъ быть перенесена въ нашу голову. Мысль есть нѣчто, совершающееся внутри мыслящаго человѣка. Какъ можно перенести то, что совершается въ чужой душѣ, въ нашу душу? Развѣ можно взять это, вынуть изъ чужой головы и переложить въ свою?... Люди производятъ другъ въ другѣ аналогичныя движенія, колебаніе, дрожаніе мысли такими средствами, какъ языкъ, музыкальный звукъ, графическій образъ и т. д. Въ усваивающемъ происходитъ нѣчто по процессу, т. е. по ходу, а не по результату сходное съ тѣмъ, что происходитъ въ томъ, отъ кого мы воспринимаемъ. Усваиваніе есть созданіе мысли новой въ смыслѣ преобразованія того, что дана намъ природа, въ смыслѣ новой группировки прежняго запаса мыслей подъ давленіемъ новаго впечатлѣнія или новаго вопроса. Задолбить кодексъ Наполеона или Corpus juris Юстиана не значитъ еще усвоить ихъ. Если слово служитъ средствомъ воспріятія чужой мысли, то только потому, что оно въ воспринимающемъ производитъ процессъ созданія мысли, аналогичный тому, который происходилъ прежде въ томъ, отъ кого воспринимаютъ. Другими словами, мы воспринимаемъ только потому, что сами изъ своего мыслительнаго матеріала, полученнаго нами отъ природы и народной жизни, способны продѣлать нѣчто подобное тому, что продѣлалъ тотъ, отъ котораго мы усваиваемъ. Усваивать значитъ будить собственныя наши мысли. Усваиваніе въ смыслѣ перенесенія чужого къ намъ невозможно (См. Потебня „Изъ лекцій по теоріи словесности“, 126, 128, 131).

чужого должно идти и изученіе своего родного. Самопознаніе, какъ главная цѣль, не должно теряться при изученіи жизни другихъ народовъ. А главнымъ орудіемъ самопознанія является языкъ. Аристократизма въ этомъ случаѣ быть не можетъ. „Народные языки (des patois), никогда не создавшіе литературнаго произведенія, жаргоны дикихъ племенъ, вокальныя модуляціи индо-китайцевъ и щелканье языкомъ готтентотовъ, столь же важны, а для нѣкоторыхъ цѣлей и еще важнѣе, чѣмъ поэмы Гомера или проза Цицерона“ (M. Müller, La science du langage, стр. 24).

„Жалкій дикарь, какъ справедливо выражается Гердеръ, видѣвшій мало вещей и имѣющій еще менѣе понятій, однако составляетъ ихъ не инымъ путемъ, чѣмъ и глубочайшій философъ. Дикарь, самостоятельно думающій, есть существо болѣе мыслящее, чѣмъ тѣ ученые, которые лишь повторяютъ за другими“ (Цит. изъ „Права и Государ.“ Хлѣбникова, 5.)

И нашъ живой русскій языкъ способенъ сослужить въ этомъ дѣлѣ несравненно большую службу, чѣмъ это думаютъ *).

„Наши культурные языки современности разъѣдены до костей. Только у необразованныхъ людей, у черни, есть еще здоровые мускулы и здоровый языкъ. Языкъ образованности развился метафорически и долженъ былъ сдѣлаться дѣтскимъ, когда люди забыли смыслъ метафоръ. Какъ римская принцесса имѣла въ своемъ будуарѣ фетишей или боговъ всѣхъ временъ и народовъ и, поэтому, въ минуту нужды не знала, кому изъ нихъ молиться; такъ и поэтъ и мыслитель нашего времени держитъ въ головѣ всѣ фетиши-слова двухъ тысячелѣтій, и не можетъ болѣе произнести какого-либо суж-

---

Задолбить не значитъ усвоить. Чисто внѣшнее отношеніе къ работамъ, напр., римскихъ юристовъ производитъ то, что воспитавшіеся на нихъ современные юристы не имѣютъ ничего общаго съ образцами своими.

Національная основа всегда сказывается въ работахъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ. Никто не умѣетъ съ такой ясностью и изяществомъ (argute loqui) выражать то, что онъ знаетъ, какъ французъ. Нигдѣ мы не найдемъ такого трудолюбія, свидѣтельствующаго о страшной силѣ воли, какъ у нѣмцевъ; нигдѣ поэтому вопросы, требующіе усидчивости и кропотливости, не разработаны такъ хорошо, какъ у нихъ; но нигдѣ также не найдемъ мы такого искусства вносить скуку въ самые интересные вопросы и пошехонской способности заблудить между тремя соснами. Нигдѣ мы не найдемъ такого сочетанія серьёзности, энергіи и прозорливости, какъ у англичанъ. Эти ихъ качества ставятъ ихъ литературу во многихъ отношеніяхъ выше французской и нѣмецкой. Нѣтъ тамъ французской артистической жилки, но и нѣтъ нѣмецкаго тумана и скуки.

*) „Въ дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ (Тургеневъ).

денія или выразить какого-либо чувства безъ того, чтобы слова, подобно танцующему на веревкѣ фантастическому фокуснику-оборотню, не стали срывать съ себя одного маскараднаго костюма за другимъ, высмѣивая его при этомъ и выдавая стукомъ своихъ костей подъ платьемъ, что они лишь полуизгнившіе скелеты."

„Пестрыми цвѣтами отсвѣчиваютъ наши языки и, повидимому, обогатились. Но, это лишь фальшивый металлическій блескъ гнили. Культурные языки пали, какъ кости мучениковъ, изъ которыхъ понадѣлали костяшекъ для игры. Дѣти и поэты, салонныя дамы и профессора философіи играютъ языками, отъ которыхъ нельзя ждать ни радости, ни сопротивленія, какъ отъ старой износившейся кокотки. Старыми и ребяческими сдѣлались культурные языки; ихъ слова—дѣтская игра въ камешки".

....."Чтобъ имѣть возможность понимать другъ друга, научились люди говорить. Культурные языки потеряли способность служить людямъ для взаимнаго пониманія въ вещахъ, сколько-нибудь возвышающихся надъ самымъ грубымъ. Пора, быть можетъ, снова научиться молчать (Mauthner, Krit. der Sprache, I, 215).... Языкъ годенъ для риторики, и не годенъ для пріобрѣтенія знаній о дѣйствительномъ".—Самыя высокія мысли найдемъ мы не въ языкѣ тѣхъ, кто считаетъ себя на верху человѣческой культурности, а въ молчаливомъ языкѣ массъ, несущихъ на себѣ бремя жизни.

.... Die höchsten Poesien
Schweigen wie der tiefste Schmerz;
Nur wie Geisterschatten ziehen
Stumm sie durchs gebrochne Herz.... (J. Kerner; цит. у Mauthner, ibid., 216).

Та же идея о „безмолвной мысли", которой такъ много какъ разъ не у тѣхъ, кто выросъ и живетъ въ комфортѣ, доходящемъ иногда до безсмыслія, скользитъ и у нашего Лермонтова, отказывавшагося „холодной буквой объяснять" „боренье думъ," „желаніе блаженства", „пылъ страстей возвышенныхъ" и другія явленія нашей психики. „И мы думаемъ, что Лермонтовъ былъ правъ по существу" (Батюшковъ, Въ борьбѣ со словомъ, 227).

Этой мало выраженной, „безмолвной" мысли несравнено больше въ народномъ языкѣ, чѣмъ объ этомъ думаетъ культурное общество; какъ въ языкахъ „дикихъ" народовъ больше матеріала для объясненія нашей психики, чѣмъ въ выработанномъ стилѣ современнаго европейскаго оратора. Слово культурнаго человѣка есть часто пустая формула, за которой скрывается жиденькое или пошлое содержаніе: это „слова, слова, слова!" какъ говорится у Шекспира („Гамлетъ").

Слово простого человѣка всегда чревато содержаніемъ, его „пословица“ „не даромъ молвится“.

Народы, по восточному выраженію, гибнутъ отъ избытка словъ. Вѣковое засореніе мысли низкоцѣнною литературой (Fl h und Schrecken, по выраженію Іеринга: проклятіе и ужасъ) представляетъ величайшее зло. Въ этомъ засореніи здравой мысли разгадка того страннаго на первый взглядъ факта, что у простого человѣка больше часто здраваго смысла, чѣмъ у духовно-измельчавшей интеллигенціи, и у русскаго мужика—больше, чѣмъ у нѣмецкаго профессора.